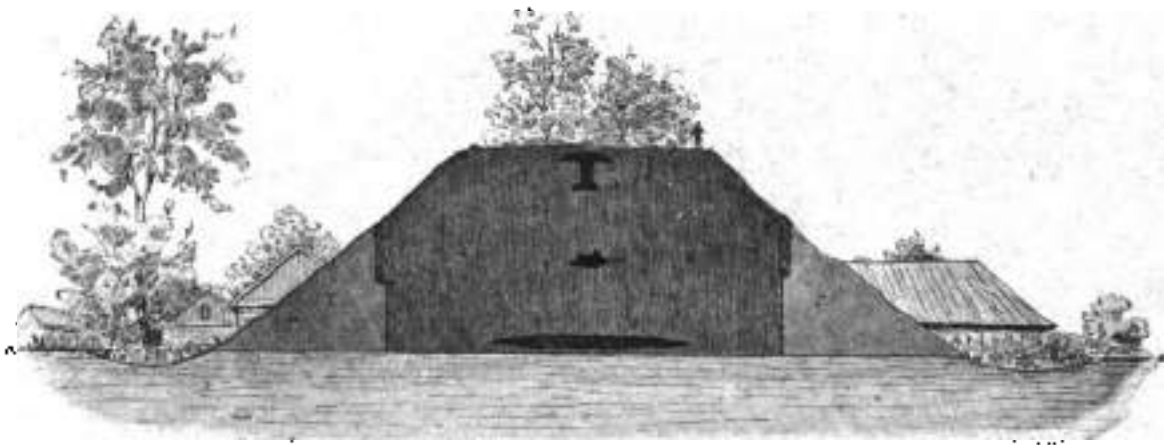

Грива

Арх 920.208 F

МОГИЛЫ РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Черная могила въ Черинговѣ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

ОПИСАНІЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ РАСКОПОКЪ

И

СОБРАНІЯ ДРЕВНОСТЕЙ

профессора Д. Я. Самокусова.

Труды Московскаго Комитета по устройству Черниговскаго
археологическаго съѣзда.

МОСКВА
Синодальная Типографія.
1908.

✓ Aug 9 20. 200 F

ADVANCED COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
LAWRENCE GARY COOKSON
JULY 1, 1992

C.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей, составляющее содержаніе настоящаго изданія, представляетъ собою систематическій сводъ дневниковъ раскопокъ, произведенныхъ мною съ 1871 по 1891 г.

Мои археологическія раскопки были начаты въ то время, когда въ исторической и археологической литературѣ господствовало ученіе о невозможности распредѣлить языческія могилы Русской земли по историческимъ эпохамъ и народностямъ, а въ частности распознать между ними могилы племень русскихъ Славянъ языческой эпохи.

Противъ этого ученія впервые высказался незабвенный основатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и періодическихъ археологическихъ съѣздовъ въ Россіи. Въ своемъ изслѣдованіи о признакахъ народности могильныхъ насыпей графъ А. С. Уваровъ сказалъ: «Мы положительно знаемъ, что доселѣ археологическими раскопками недостаточно обслѣдованы мѣстности, заселенныя славянскими и неславянскими народами, и даже большая часть мѣстностей такъ мало обслѣдованы, что мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о могилахъ, въ нихъ сохранившихся. Погребальныя обряды каждаго народа оставили въ могилахъ слѣды мѣстныхъ обычаевъ; когда эти обычаи будутъ разъяснены, тогда разъяснится намъ и народность могилъ» (Труды М. А. Общ.; т. III, вып. IV, с. 266—286).

Предсказаніе графа Уварова скоро оправдали мои раскопки 1872—1874 г.г. въ предѣлахъ земли Сѣверянъ, результаты которыхъ были доставлены мною на выставку III-го Кіевскаго археологическаго съѣзда и изложены въ рефератахъ: «Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи» и «Историческое значеніе городищъ» (Труды III съѣзда; т. I, стр. 185—235). Въ рефератахъ я высказалъ, что раскопанные мною курганы въ г. Черниговѣ и его окрестностяхъ, а также и въ другихъ мѣстностяхъ, лежащихъ въ областяхъ Десны и Сейма, несомнѣнно Сѣверянской народности, а бытовой матеріалъ, въ нихъ открытый, представляетъ культуру племень русскихъ Славянъ въ новомъ свѣтѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ тѣми

представленіями, якія господствовали въ нашей историко-юридической литературѣ со времени Шлецера и Карамзина по этому вопросу; языческія могилы Русской земли содержатъ въ себѣ бытовой матеріаль высокаго интереса нетолько для изучающихъ исторію культуры народовъ, населявшихъ южную Россію, но также и для историковъ и историковъ-юристовъ, изучающихъ начальныя періоды русской исторіи и исторіи русскаго права.

Этотъ выводъ, встрѣтившій одобреніе на Създѣ, имѣлъ своимъ слѣдствіемъ постановку вопроса о необходимости систематическаго изслѣдованія древнихъ земляныхъ насыпей, сохранившихся въ предѣлахъ бывшихъ владѣній племенъ русскихъ Славянъ языческой эпохи, и выражено было желаніе поручить такія раскопки въ предѣлахъ земель Славянъ новгородскихъ—Л. К. Ивановскому, Кривичей смоленскихъ—графу Уварову, Полянъ—В. Б. Антоновичу и Сѣверянъ—мнѣ.

Принявъ на себя систематическое поуѣздное изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей въ Сѣверянской землѣ, я встрѣтилъ въ 1876 году на южной окраинѣ этой земли указанія на историческую связь могилъ древнихъ Сѣверянъ съ могилами древнихъ Сарматовъ и Скитовъ, а потому передвинулъ раскопки въ области древнихъ Сарматіи и Скитіи, съ цѣлью выяснить генетическую связь Руссовъ съ древними Россами—Россаланами, Савроматами и Сколотами; а передвинувъ раскопки въ области Скитовъ и Сарматовъ, я встрѣтилъ въ нихъ, рядомъ съ савроматскими и сколотскими могильниками, могильники другихъ древнихъ народовъ: Киммеріянъ, Гетовъ, Козаръ, Печенѣговъ, Половцевъ и Татаръ. Раскапывая могилы разныхъ мѣстностей временъ и народностей по инструкціи, выработанной III Кіевскимъ Археологическимъ Създомъ, я составлялъ и рисунки типичныхъ могилъ, сопровождая ихъ подробнымъ описаніемъ; а результаты раскопокъ сообщалъ на періодическихъ археологическихъ създахъ, и эти сообщенія напечатаны въ «Трудахъ» създовъ.

Въ 1891 году, принявъ на себя управленіе Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи, не имѣя каникулъ по архивной службѣ, я лишень былъ возможности посвящать лѣто археологическимъ экскурсіямъ, и рѣшилъ передать свою коллекцію древностей на вѣчное храненіе въ Имп. Рос. Истор. Музей. Испросивъ на то Высочайшее соизволеніе, я посвятилъ 1891 годъ на распредѣленіе могильныхъ древностей моей коллекціи по историческимъ эпохамъ, на изготовленіе общаго каталога и его печатаніе. Въ 1892 году моя коллекція была водворена въ Имп. Рос. Ист. Музеѣ, а одновременно съ передачею собранія древностей, я передалъ въ Музей печатный каталогъ, сводъ дневниковъ раскопокъ и рисунки типичныхъ могилъ разныхъ мѣстностей, временъ и народовъ; въ Музеѣ этотъ сводъ и рисунки къ нему хранились неизданными до настоящаго времени.

Въ прошедшемъ году Московскій Комитетъ по устройству Черниговскаго археологическаго създа, по предложенію своего предсѣдателя графини П. С. Уваровой, постановилъ ассигновать до 1200 рублей на напечатаніе ко времени открытія занятій сказаннаго създа дневниковъ моихъ раскопокъ и приложенныхъ къ нимъ рисунковъ. Въ истекшіе зимніе мѣсяцы я не имѣлъ возможности удѣлить время

на это издание, а потому графиня П. С. Уварова приняла на себя тяжелый трудъ по исполненію сказаннаго постановленія Комитета. Но издание чужихъ раскопчныхъ дневниковъ оказалось настолькоъ труднымъ, что, не смотря на все желаніе графини исполнить это дѣло наилучшимъ образомъ, когда я ознакомился съ первыми отпечатанными листами, то нашелъ въ нихъ нѣкоторые пробѣлы; а потому въ апрѣлѣ текущаго года я принялъ издание въ свои руки, перенесъ его въ Синодальную типографію, образцово оборудованную, и вступилъ въ соглашеніе съ заведеніемъ г. Никольскаго, бывшимъ Ренара, по изготовленію атласа изъ пятидесяти таблицъ рисунковъ, долженствовавшихъ представить полностію бытовой матеріалъ, найденный въ могилахъ разныхъ мѣстностей, временъ и народностей, устройство которыхъ изображено на рисункахъ, вошедшихъ въ текстъ настоящаго изданія. Но изготовленіе атласа ко времени открытія работъ Черниговскаго археологическаго съѣзда встрѣтило неодолимые трудности въ современномъ порядкѣ храненія древностей моей коллекціи въ Музеѣ, не смотря на полную готовность его консерваторовъ оказать мнѣ возможное содѣйствіе.

Помѣщеніе въ издаваемыхъ дневникахъ раскопокъ древнихъ могилъ только образцовъ найденныхъ въ могилахъ предметовъ, по выбору издателя, по моему мнѣнію, бесполезно для историка. Выбирая такіе образцы, издатели обыкновенно руководствуются художественностью найденныхъ въ могилахъ издѣлій, а не историческимъ ихъ значеніемъ. При рѣшеніи научнаго вопроса о времени и народности данной земляной насыпи, нерѣдко фрагментъ простаго глинянаго сосуда, желѣзный кинжалъ, бронзовый наконечникъ стрѣлы, костяная псалія и другіе некрасивые предметы, неимѣющіе ни малѣйшей цѣны въ глазахъ художника, дороже золотого нашейника, браслета и перстня съ камеей. Очень часто не отдѣльные предметы художественныхъ и оригинальныхъ формъ опредѣляютъ время и народность древней могилы, а ея устройство и полный составъ бытовыхъ издѣлій, найденныхъ въ могилѣ, при сравненіи ихъ съ устройствомъ и содержаніемъ другихъ могилъ. Какъ нынѣ художественныя издѣлія Парижа, Лондона и Берлина расходятся по всему міру, по всѣмъ народамъ, такъ и въ древности образцы искусства ассирійскаго, греческаго, римскаго, византійскаго, арабскаго расходились на широкія пространства, по многимъ народамъ, и были погребены вмѣстѣ со своими владѣльцами; а потому находки какихъ бы то ни было образцовъ древняго искусства сами по себѣ не опредѣляютъ народности могилъ, не дѣлаютъ ихъ средствами познанія быта данныхъ народовъ. По этой причинѣ издание образцовъ древняго искусства, сопровождающее дневники раскопокъ, можетъ быть интереснымъ для художника, но бесполезно для историка, нуждающагося всего прежде въ опредѣленіи времени и народности данныхъ памятниковъ древности. Не имѣя возможности ко времени открытія работъ Черниговскаго археологическаго съѣзда изготовить предположенный мною атласъ таблицъ, который бы, рядомъ съ различіемъ устройства могилъ разныхъ временъ и народовъ, наглядно показалъ и различіе ихъ бытовой обстановки, я долженъ былъ ограничиться только описаніемъ раскопокъ, перечнемъ находокъ, изображеніемъ различій въ устройствѣ могилъ разныхъ

народовъ, населявшихъ области южной Россіи въ разные историческіе періоды, и краткими указаніями на древнія историко-географическія свидѣтельства, по которымъ данныя тѣны могилъ я называю могилами киммерійскими, сколотскими, савроматскими, тетскими, росскими, козарскими, русскими, печенѣжскими, половецкими и татарскими.

Въ заключеніе, выражаю глубокую признательность графинѣ П. С. Уваровой, вызвавшей появленіе настоящаго изданія и давшей ему первое движеніе своимъ личнымъ цѣннымъ трудомъ.

Д. Самокусовъ.

15 іюля 1908 г.

ОПИСАНИЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ РАСКОПОКЪ и СОБРАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ

профессора Д. Я. Самохвасова *).

Коллекція каменныхъ орудій изъ гробницъ и кургановъ Даниа.

Коллекція каменныхъ орудій изъ гробницъ (долменныя) и кургановъ (хумусовыя) Даниа была приобретена мною въ 1878 году отъ известнаго варшавскаго археолога графа Ивана Завиши. Коллекція, по словамъ графа, была составлена въ значеніи пособия для преподаванія археологій К. Шмидтомъ, бывшимъ консерваторомъ Копенгагенскаго музея, и приобретена графомъ отъ вассальничьихъ собирателей. Знакомство съ формами и матеріаломъ орудій этого превосходнаго собранія (таблицы I—XXXV, номера I—215) можетъ служить очень полезнымъ введеніемъ къ изученію бытовыхъ предметовъ эпохи каменной культуры въ предѣлахъ Россіи; типичныя формы каменныхъ орудій представлены въ этой коллекціи въ постепенномъ ихъ развитіи, заканчивающемся наилучшими формами (пальчатый молотъ, помѣщенный на тт. XIV, XVII, XVIII, XXVII, XXXI—XXXV); а одиозное формъ и матеріала датскихъ и русскія каменныхъ орудія наглядно доказываютъ невѣрность долго варшавскаго въ наукѣ мнѣнія, по которому Скандинавія снабжала восточную Европу своими каменными орудіями: при одинаковой формѣ орудій, послужившей основаніемъ этому мнѣнію, они рѣдко отличаются крѣпостью матеріала и его остаткомъ, ясно показывающимъ, что въ эпоху каменной культуры въ Европѣ обязательно каждой области готовили свои бытовые предметы изъ мѣстныхъ каменныхъ породъ. Коллекціи датскихъ бытовыхъ предметовъ эпохи каменной культуры въ моемъ собраніи древностей составляютъ:

Сорокъ кремневыхъ осколковъ, собранныхъ въ Бельгійи, въ мѣстности „Kotsbe Noer“ (табл. I—III; №№ 1—6. См. „Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme“, VI, Marc, p. 118, 140).

Восемнадцать кремневыхъ осколковъ и выклевусъ или ядринце (IV.—7—25).

Два выклевуса, два долотовидныя и два клиновобразныя кремневая орудія (V.—26—31).

Четыре клиновобразныя кремневая орудія (VI.—32—35).

Десять клиновобразныхъ кремневыхъ орудій (VII—X.—36—45).

Тринадцать пинформанныхъ, клиновобразныхъ кремневыхъ орудій (XI—XIII.—46—60).

*) Въ 1892 году Его Величество Государь Императоръ Александръ III соизволилъ принять мою коллекцію древностей на вѣчное храненіе въ Императорскій Историческомъ Музей въ той степени распредѣленій археологическаго матеріала, въ какой она была продемонстрирована Его Величеству. Эта система сохраняется въ надлежащемъ иванѣ „Описаній“ музея археологическаго раскопокъ и находокъ; а помѣщаемыя въ скобкахъ обозначенія соответствуютъ таблицамъ и номерамъ, изъ которыхъ древности моего имени хранятся въ Московскомъ Историческомъ Музее. См. Изв. В.И.И. за 1892 г., №24 22 и 26.

- Три шлифованная, клинообразная кремневая орудия, наилучшей обработки (XIV,—61-63).
 Три клинообразная и три топорковидные орудия из разных каменных породъ (гранитъ, диоритъ, песчаникъ; XV,—64-66).
 Три диоритовыя, шлифованная, клинообразная орудия и диоритовое, шлифованное орудие, съ округленною рукою (XVI,—70-72).
 Четыре каменныхъ топоровъ, со сверлилами, различной формы и величины (XVII,—74-77).
 Восемь каменныхъ топорковидныхъ—молотковъ различной формы и величины (XVIII,—78-85).
 Каменный, шлифованный топоръ, съ выемкой съ двухъ сторонъ сверлилку, два каменныхъ бруска и круглая каменная съ выемками въ среднѣ, служившіе для шлифовки каменныхъ орудій (XIX,—88-90).
 Шесть золотообразныхъ, грубо обработанныхъ каменныхъ орудій, съ расширенными концами (XX,—91-96).
 Двенадцать шесть кремневыхъ шлифованныхъ, золотообразныхъ орудій (XXI—XXIV,—97-122).
 Восемь кремневыхъ шлифованныхъ, клинообразныхъ орудій (XXV,—123-130).
 Два удлинённыхъ, четырёхгранныхъ, кремневыхъ бруска и шесть четырёхгранныхъ, шлифованныхъ кремневыхъ долотъ (XXVI,—131-138).
 Шесть кремневыхъ скребковъ (XXVII,—139-144).
 Семь кремневыхъ скребковъ и пять кремневыхъ накопечниковъ копій (XXVIII,—145-156).
 Три пилообразная кремневая орудия и три кремневые накопечники копій (XXIX,—160-162).
 Семь кремневыхъ накопечниковъ копій (XXX,—163-169).
 Семь кремневыхъ накопечниковъ копій (XXXI,—170-176).
 Два кремневыхъ копьяла и пять кремневыхъ накопечниковъ копій (XXXII,—179-183).
 Семь кремневыхъ накопечниковъ копій (XXXIII,—184-190).
 Пять кремневыхъ накопечниковъ копій и десять кремневыхъ накопечниковъ стрѣлъ разной формы (XXXIV,—191-204).
 Золото, талка, накопечники копій, прислалпы и овалыные предметы, съ желобками по окружности, изъ кремня и другихъ породъ камня (XXXV,—205-215).

Предметы изъ пещеры мамонта въ окрестностяхъ села Ойцова, Ольшутскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи (См. Wiadomości Archeologiczne. II. 1874. Warszawa).

Одновременно съ передачею графомъ Завишомъ коллекціи датскихъ древностей были переданы въ мою коллекцію образцы костяныхъ и каменныхъ предметовъ, найденныхъ графомъ въ пещерѣ мамонта; а именно: кости мамонта съ поверхностью, исцарапавшею кремневымъ пожомъ или скребкомъ (XXXVI,—216), нижніи части двухъ роговъ (217 и 218), два фрагмента кости ископаемаго животнаго, разбитой въ древности (219 и 220; на перечисленныхъ костяхъ надписи сдѣланы рукою гр. Завиши); а впоследствии къ перечисленнымъ предметамъ были прибавлены: три кости пещернаго медвѣдя (XXXVII,—221-223), плоская костяная пластинка (224), два роговыхъ обрубка, равно обрѣзанныхъ съ одной стороны (225 и 226), часть коренного зуба мамонта, равно обрѣзаннаго съ нижней стороны (молотокъ? 227), кремневый нуклеусъ (228) и четыре пожевидные кремневые осколки (229—232).

Находки на песчаныхъ россыпяхъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ некоего столѣтія археологи обратили вниманіе на песчаная побережья рѣкъ и озеръ, представлявшія собою пункты общественныхъ поселеній или стоянокъ человѣка каменной культуры. Побережья этого рода называются *песчаными россыпями*.

Россынь образуется, когда дерновой слой почвы в данной местности разрушается рубкою леса, выкалыванием пней, прогонномъ скота, и обнажается песчаный слой земли подъ дерновымъ слоемъ. После бурь и сильныхъ вѣтровъ, переувлажняющихъ мелкия пески, на поверхности россыней остаются кремневые осколки, глиняные черепки и другіе бытовые предметы, иногда въ такомъ количествѣ, что въ теченіе двухъ-трехъ часовъ можно собрать ихъ сотни и тысячы, при помощи деревенскихъ мальчиковъ и дѣвчонокъ. Последующій пересмотръ осколковъ и глиняныхъ фрагментовъ даетъ кремневые наконечники стрѣлъ и копій, проколки, ножи, пики, пилы, кувалесы и обломки глиняныхъ сосудовъ, сходныхъ по составу и орнаментамъ съ сосудами могилъ времени каменной культуры. На песчаныхъ же россыняхъ встрѣчаются и крупныя каменные икѣльи,—долота, топоры, кинжалы, молотки, а иногда и бронзовыя икѣльи,—наконечники стрѣлъ и копій, ножи, фибулы, обломки сосудовъ.

Находки на побережьяхъ р. Вислы и ея притоковъ.

На песчаныхъ россыняхъ побережій Вислы и ея притоковъ, въ предѣлахъ Варшавской губерніи, собраны мною нижеслѣдующіе предметы:

- Сто восемьдесятъ два кремневыхъ осколка разной формы и величины (т. 1—3; № 1—3).
- Пятьдесятъ восемь мелкихъ кремневыхъ орудій формы ножиковъ и проколокъ (4,—4-6).
- Восемьдесятъ три мелкихъ кремневыхъ ножиковъ и пожевидныхъ осколковъ (5,—7 и 8).
- Сорокъ три кремневыхъ ножиковъ и проколокъ (6,—8-15).
- Пятьдесятъ девять равноформенныхъ кремневыхъ осколковъ (7,—16-18).
- Двадцать девять кремневыхъ ножей, скребковъ, пилъ и кувалесъ (8,—19-24).
- Семьдесятъ четыре кремневые пожеки, скребки и проколки (9,—25-34).
- Шестьдесятъ три обломка кремневыхъ ножиковъ и проколокъ (10,—33-а—37-а).
- Сорокъ шесть кремневыхъ ножиковъ, ножей и проколовъ (11,—35-45).
- Сорокъ семь кремневыхъ ножиковъ, ножей, проколовъ и скребковъ (12,—46-56).
- Сто сорокъ семь равноформенныхъ кремневыхъ осколковъ (13 и 14,—58-59).
- Сто шестьдесятъ пять кремневыхъ осколковъ и обломковъ пожевидныхъ орудій, съ оббитыми продольными и поперечными краями (15 и 16,—60-66).
- Сто пять обломковъ кремневыхъ орудій, съ оббитыми продольными и поперечными краями, мелкихъ долотъ и скребковъ (17,—67-72).
- Сто двадцать мелкихъ кремневыхъ осколковъ формы проколовъ (18,—73 и 74).
- Сто два мелкихъ кремневыхъ орудія формы проколовъ и ножей (19 и 20,—75 и 80).
- Сорокъ девять кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ нижними стержнями (21,—81-88).
- Сто три мелкихъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ сердцевидной формы (22,—87 и 88).
- Сто сорокъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ разной величины, сердцевидной формы (23 и 24,—89-92).
- Семьдесятъ шесть кремневыхъ сердцевидныхъ наконечниковъ стрѣлъ (25,—93-94).
- Семьдесятъ кремневыхъ треугольныхъ наконечниковъ стрѣлъ (26,—95-96).
- Пятьдесятъ девять мелкихъ наконечниковъ стрѣлъ (27,—97, 98).
- Тридцать девять кремневыхъ сердцевидныхъ наконечниковъ стрѣлъ разной величины, наилучшей обработки (28,—99-104).
- Сорокъ четыре кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ различныхъ формъ, наилучшей обработки (29,—105-112).
- Сорокъ девять мелкихъ кремневыхъ орудій разнаго назначенія съ песчаныхъ побережій рѣки Пялицы, Гуракальварійскаго уѣзда (30,—113-116).
- Пятьдесятъ шесть мелкихъ кремневыхъ орудій, разнаго назначенія съ песчаныхъ побережій рѣки Пялицы, Гуракальварійскаго уѣзда (31,—117-118).

Пятьдесят семь мелких кремневых орудий разного назначения съ песчаных местностей окрестностей села Итогова, Нещавельского уезда (32.—119—120).
 Двадцать девять кремневых орудий разного назначения (33.—121—129), обломок круглого кремневого шлифованного долота (№ 124), обломок шлифованного топора (№ 125), наконечник копья из кремня (34.—126), верхняя половинка кремневого долота (127), кремневое долото (128), нижняя часть кремневого наконечника копья (129), обломок каменного молота (130), наконечник молотка (131), граблевый шестиугольный каменный молоток со сверлилом (132), три фрагмента каменных орудий (133), каменный топорик-молоток со сверлилом (134), доритовый топор-молоток со сверлилом (135).
 Четыре каменных топора-молотка со сверлилами (35.—136—139), каменный нож (140), верхняя часть кремневого канжала (141).
 Шестьдесят фрагментов узорчатых глиняных сосудов (36 и 37.—142—147).

Находки на берегах р. Десны и ее притоков.

На песчаных возвышенностях берегов р. Десны и ее притоков, преимущественно в пределах Новгородской губернии, собраны мною следующие предметы:
 Пятьдесят пять фрагментов узорчатой глиняной посуды (38 и 39.—148—153).
 Сорок три кремневых нежевательных осколка (40.—154 и 157).
 Сто тринадцать кремневых осколков формы прокола, скребков и ножей (41.—158—161).
 Сорок пять кремневых проколов и скребков (42.—162 и 163).
 Семьдесят три кремневых осколка формы прокола и ножи (43.—164—166).
 Пятьдесят кремневых ножей и проколов (44.—167—169).
 Двадцать шесть кремневых ножей и проколов (45.—170—172).
 Тридцать пять кремневых проколов, ножей, вилок и скребков (46.—173—176).
 Тридцать пять кремневых наконечников, стрелы одной формы и два кремневых наконечника копий (48.—187—202).
 Тридцать пять фрагментов кремневых ножей с оббитыми боками, проколов, наконечников копий, вилок и скребков (49.—203—209).
 Двадцать семь кремневых скребков разной величины и формы (50.—210—214).
 Четырнадцать кремневых наконечников копий и топориков (51.—215—220).
 Двадцать топориковидных орудий и скребков (52.—221—227).
 Кремневый наконечник стрелы и двадцать два кремневых осколка, найденные на песчаном берегу р. Свины, у станции Снежской Либаво-Роменской железной дороги, Городицкого уезда, Черниговской губернии (53.—228—235).
 Двадцать узорчатых фрагментов глиняных сосудов и часть донышка маленького глиняного сосуда, найденные там же (236—243).

Юхновское городище, Новгородского уезда, Черниговской губернии.

В Черниговской губернии, Новгородского уезда, в расстоянии одной версты от деревни Юхнова, на возвышенности берегов р. Десны сохранилось городище древней формы, с округленными очертаниями. Городище состоит из двух частей, называемых народами „городками“, разделенных глубоким оврагом, в пятьдесят аршин ширины. Городище с восточной и западной стороны примыкает к открытому полю, от которого отделены искусственными валами и рвами, ныне уже малозаметными, потому что площади городков и прилежащая к ним поля давно распаханы под посевы; с остальных сторон площади городков окружены глубокими оврагами и крутыми спусками к

рысь Девичъ, старое русло которой лежитъ у подошвы городища, а новое отходить выйдя въ расстоянии около версты отъ городища. Величина площадей городковъ, т. е. внутреннихъ частей ихъ, быть ровна и равна, почти одинакова.—каждаго около трехсотъ пятидесяти шаговъ въ окружности. Форма площадей овальная, поверхность ровная. На распаханной поверхности, особенно послѣ дождей, въ изобиліи встрѣчаются фрагменты грубой глиняной посуды, разбитыя кости различныхъ четвероногихъ, птицъ и рыбъ, уголь, зола, булыжники и битый дикій камень.

Раскопками 1873 и 1876 гг. на Юхловскомъ городищѣ обнаружены жилища слож. отъ одного до четырехъ аршинъ толщиною, состоящіе изъ чернозема, перегородки растительныхъ веществъ, фрагментовъ глиняной посуды, костей разныхъ животныхъ, угля, зола и разныхъ предметовъ культуры человека глубокой древности; не было найдено никакихъ вещей культуры человека житевной культуры.

Раскопка городковъ двумя траншеями въ 4½ сажени длины и до 3 сажени ширины и въскопанными пробными ямами въ разныхъ мѣстахъ площадей городковъ доставила нижеслѣдующія находки:

Восемь глиняныхъ керамическихкихъ шариковъ и столбиковъ, формы маленькихъ сосудовъ, изъ которыхъ два орнаментированы узорами, состоящими изъ черточекъ и точекъ (244,—244-246), половина глинянаго слѣпка яйцеобразной формы, съ 1-ю параллельными зарубками на одной изъ его сторонъ (247), овальный глиняной слѣпокъ, пропирывающій на утолщенныхъ концахъ (248), обломокъ глинянаго слѣпка конусообразной формы (249), обломокъ плоскаго глинянаго слѣпка, съ дугообразнымъ основаниемъ (250), обломокъ круглой пращи изъ шнурка камня (251), конусообразная обрубка рога (252), обломокъ продолговатой костяной пластинки, продырявленной на утолщенномъ концѣ (253), обломокъ ребра и 4 позвонка крупной рыбы, изъ которыхъ 2 гладко обрубаны съ боковъ (254, 255), шесть глиняныхъ яйцеобразныхъ слѣпковъ—пращей, различной величины (55,—256-258), глиняной яйцеобразный слѣпокъ—праща, съ дырочками на поверхности (259), глиняной слѣпокъ—праща круглой формы (260), гравитный яйцеобразный камень—праща (261); три глиняныхъ конусообразныхъ слѣпка, со скважины продолговатыми дырами (56,—262-264), круглый глиняной слѣпокъ, со скважиною продолговатою дырою (265), круглый глиняной слѣпокъ, съ 8-ю глухими дырами по бокамъ (266), глиняной слѣпокъ яйцеобразной формы, съ 6-ю глухими дырами по бокамъ (267), два глиняныхъ слѣпка конусообразной формы, съ 6-ю глухими дырами по бокамъ и одною на вершинѣ (268), конусообразный глиняной слѣпокъ, съ глухою дырочкою на вершинѣ (269), маленький грубой глиняной сосудъ изъ необожженной глины (270), шесть каменистыхъ пращей кубической и круглой формы (57,—271-273), половинка гравитной пращи (274), грубоватая камень отъ стѣны, съ желобкомъ по срединѣ (275), четыре роговыхъ обрубка и орудіе изъ рога кирки изъ волнистаго рога, съ заостреннымъ концомъ, обломаннымъ при раскопкѣ (58,—276-278), костяное жало (59,—279), два костяныя проволки (280, 281), костяная ручка (282), продолговатая изогнутая кисточка, углощипная и продырявленная въ срединѣ (283), обломокъ костяной иглы, съ продырявленнымъ тупымъ концомъ (284), продырявленная подѣбка изъ морской раковины (285), орнаментированныя фрагменты глиняныхъ сосудовъ (286), 16 пропирывающихъ глиняныхъ шариковъ и столбиковъ, въ родѣ бусъ и такъ называемыхъ пряслицъ, изъ которыхъ три орнаментированы (287—290), семь кремнистыхъ осколковъ разной величины и формы (291—293), бронзовая фибула съ загнутымъ въ кольцо углощипнымъ концомъ (294), четыре бронзовыхъ шкворечника стрѣлы треугольной формы (295), обломокъ узорчатого бронзоваго браслета (296), половинка, глиняной глазированной бусы (297), одна глиняная и одна бронзовая бусы (298), обломокъ бронзовой проволоки (299), бронзовая рѣванная бляшка (300).

МОГИЛЫ.

Отдѣлъ I. Могилы Климмерійской эпохи.

Каменная гробница Варшавской губернии.

Гробница подъ Варшавою, у деревни Чеховице.

Въ № 105 „Курьера Варшавскаго“ за 1887 г. было напечатано слѣдующее извѣщеніе: „Намъ сообщаютъ, что въ деревнѣ Чеховице, гмины Прушковъ, уѣзда Варшавскаго, на землѣ колониста Андерса открыты слѣды древней гробницы, которая гласительно сохраняется до лучшаго наследованія“. Въ то же время мною было получено отъ варшавскаго генералъ-губернатора отношеніе, извѣщающее о случайномъ открытіи каменной гробницы въ деревнѣ Чеховице, съ приложеніемъ плана участка гмины Прушковъ Феликса Арасковича начальнику Варшавскаго уѣзда. Въ рапортѣ было сказано слѣдующее:

„14 апрѣля сего 1887 г. колонистъ деревни Чеховице Иванъ Андерсъ, вспахивая свое поле, на возгѣ незамѣтномъ возвышеніи загнѣ плугомъ камень, и желая очистить отъ оного свое поле, приказавъ зыковой вырыть, прчемъ былъ открытъ рядъ симметрически уложенныхъ другихъ камней. По полученіи мною о томъ свѣдѣнія, я отправился на мѣсто находки, и осмотрѣвъ открытую постройку, нашелъ ее совершенно сходною съ открытыми въ Даніи дольменами; а именно: по направленію съ СВ. на КЗ. расположены вертикально два параллельныхъ ряда камней, значительныхъ размѣровъ, внутренняя сторона коихъ плоская, и эти камни были покрыты сверху каменными же глыбами. Желая убѣдиться, есть ли основаніе считать эту постройку гробницей каменной эпохи, я раскопалъ немного эту мѣстность, и нашелъ на глубинѣ 1½ аршина глиняный сосудъ, безъ сомнѣнія тѣхъ временъ, когда земля, не зная способа обжиганія горючатыми надѣлами, ограничивалась сушкою оныхъ на солнцѣ. Сосудъ этотъ, въ величайшему сожалѣнію, по чрезвычайной его хрупкости, не могъ быть вынутъ изъ нѣдръ; собраны лишь черепки, на коихъ видны слѣды украшеній, въ видѣ параллельныхъ рубцовъ. Дальнѣйшія изслѣдованія, за недостаткомъ средствъ и сознавая свое неумѣство въ археологіи, я не продолжалъ, ибо, разрывъ всю гробницу, я могъ затерять безвозвратно многорѣчивые для спеціалиста слѣды древности, сохранены которые проситъ колонистъ Андерсъ. О сказанномъ открытіи честь имѣю довести, съ приложеніемъ найденныхъ въ гробницѣ глиняныхъ черепковъ“.

По сказаннымъ сообщеніямъ, я отправился на мѣсто находки, и ознакомъ со всѣхъ сторонъ гробницу, нашелъ, что она была сложена изъ тринадцати расколотыхъ, плитообразныхъ гравитныхъ камней; десять изъ нихъ были уложены на ребрахъ вертикально и составляли бока гробницы, а три прикрывали ее сверху; изъ послѣднихъ одна была снята до моего пріѣзда. Длина внутренняго помещенія гробницы—четыре арш., а ширина и глубина по пяти четвертей. На днѣ гробницы были найдены мною плитованное лозито изъ темнаго кремня и четыре глиняныхъ сосуда, разннчнхъ формъ и величинъ, изъ которыхъ два были орнаментированы узорами изъ точекъ и параллельныхъ линий (60.—301—305); по чрезвычайной хрупкости, изъ одного сосуда не удалось вынуть изъ гробницы нѣднмъ; такая хрупкость сосуда была обусловлена сыростью для гробницы, лежащаго почти на уровнѣ небольшого озера, въ 20-ти шагахъ отъ мѣста помещенія гробницы; этою же причиною объясняется отсутствіе въ гробницѣ костей, по всей вѣроятности, совершенно разложившихся¹⁾.

¹⁾ Глиняная модель гробницы была изготовлена Варшавскимъ окультурителемъ Мирнымъ и доставлена мною въ Московскую Антропологическую выставку 1879 года; а по заключеніи выставки, передана въ антропологическій кабинетъ Московскаго Университета.

Каменная гробница под Новогеоргиевском, у деревни Косово.

Въ июль 1890 года Варшавскимъ Университетомъ было получено сообщеніе войта гмины Пожѣхово г. Веселовскаго, слѣдующаго содержания: „На поляхъ деревни Косово найдено доисторическое кладбище, на которомъ крестьяне находятъ глиняные горшки съ пензломъ и человѣческія кости, но таковыя, по незнанію, истребляютъ и уничтожаютъ“. Обсѣдованіе этой находки было поручено мѣхъ Университетомъ.

Гробница находилась на небольшомъ возвышеніи, подъ ровною поверхностью земли, на границѣ владѣній двухъ крестьянъ деревни Косово, Радницкаго и Пвонча; а была найдена первымъ изъ нихъ осенью 1890 года: при расчисткѣ поля, идущаго надѣль камень, откопанная которымъ, крестьяниномъ Радницкимъ вскрытыя три каменные плиты, лежащія горизонтально другъ возлѣ друга, а подъ ними, — наполненный землею ящикъ, сложенный изъ желтыхъ камней, поставленныхъ вертикально одинъ къ другому. Гробница имѣла форму прямоугольника около 2 1/2 арш. длиной, въ направленіи съ сѣвера на югъ, и 2 арш. ширины, въ направленіи съ востока на западъ. Выкопанная земля изъ гробницы, крестьяниномъ нашла на глубинѣ 2 арш. глиняные сосуды, а возлѣ нихъ кости; рыбки одна изъ сосудовъ, находившійся увидѣть въ немъ только землю; земля же наполнила и два другихъ сосуда, переданные г. Веселовскому.

Моя раскопка мѣста находки обнаружила стѣнки гробницы, сложенные изъ плитообразныхъ гранитныхъ камней, уставленныхъ ребромъ одно къ другому; а на днѣ гробницы, — восемь костяковъ въ сидячемъ положеніи: тазовыя кости помѣщались у стѣнокъ гробницы, черепъ, позвонки и ребра лежали кучами на тазовыхъ костяхъ, конечности согнуты. При костяхъ найдены слѣдующіе бытовые предметы:

Два шлифованныхъ долота изъ темнаго кремня (306, — 306 и 307), половина небольшого глинянаго сосуда, орнаментированнаго по вѣнцу узоромъ, состоящимъ изъ прямыхъ и ломаныхъ линий и точекъ (308), небольшой глиняный сосудъ съ круглымъ дномъ, украшенный по вѣнцу двумя ушками и узоромъ, состоящимъ изъ прямыхъ и кривыхъ линий и точекъ (309), большой глиняный сосудъ съ круглымъ дномъ и такимъ горлышкомъ, украшенный четырьмя ушками (310), большой сосудъ, украшенный по загнутому вѣнцу ушками (311), двадцать девять мелкихъ продырявленныхъ раковинъ (31, — 312), одиннадцать продолговатыхъ янтарныхъ бусъ разной величины (313, 314), девять овальныхъ янтарныхъ бусъ и подвѣсокъ разной величины (315—318), восемнадцать фрагментовъ овальныхъ янтарныхъ бусъ разной величины (319), три янтарныя бусы (въ земляномъ комкѣ, въ гнѣздѣ, — 320); четыре ажурныя костяныя блины формы прижекъ разной величины, украшенные антагообразными узорами (321—324), два зуба и часть челюсти вепря (326); изъ человѣческихъ костей явны: хорошо сохранившійся черепъ вѣрснаго человѣка, съ нижней челюстью (№ 325, 327 и 328), черепъ молодого человѣка (329), фрагменты нижней челюсти дѣтскаго остова (№ 330, 331), грудная кость (№ 332), шесть костей отъ нижнихъ конечностей и одна отъ верхней (№ 333—339), фрагменты таза (№ 340—341); изъ той-же гробницы гранитный камешекъ (праца? № 342), гранитный камень формы небольшого кирпича (№ 343).

Отысканная гробница у д. Косово, своимъ устройствомъ и положеніемъ поимѣнионъ въ могилѣ, исполѣ стѣна съ дельмеками Давія, сложенная изъ большихъ плитообразныхъ камней и содержащая остатки покойниковъ, потребованныхъ въ сидячемъ положеніи, и каковыя быковыя орудія.

Каменные гробницы Варшавской губерніи, Мазавскаго уѣзда, въ гминѣ Овекцины.

Въ 1876 году, по моему просьбѣ, варшавскій генералъ-губернаторъ послать во все гмины Привислннскаго края составленную мною программу вопросовъ о мѣстонахожденіи,

количествъ и формахъ древнихъ земляныхъ насыпей, городищъ, кургановъ и другихъ памятниковъ древности. Въ отвѣтъ на эти вопросы г-жины Осенцины, между прочимъ, было сказано слѣдующее: „На поляхъ поселеній Пловца, Лятково, Яранковиче, Самшице, Осенцины, Касцелья-Весь и Болвацувекъ имѣются на фискальску земляныхъ насыпей или копцевъ, называемыхъ могилами (kalamí), которыя по большей части покрыты камнями. При раскапываніи такихъ могилъ для добыванія камня на постройку, или для расчистки поля подъ пашню, были находимы въ нихъ горшки, кости, молотки, клины, урны съ землемъ, особенно на поляхъ деревни Самшице. Навѣя также предметы, крестьяне не охраняють ихъ, а разбиваютъ и бросаютъ“.

Поставивъ г-жину Осенцины, я раскопалъ въ ней не производилъ, а только осмотрѣлъ въ окрестностяхъ перечисленныхъ поселеній въ теченіе двухъ дней остатки восемнадцати разрушенныхъ древнихъ гробницъ, представлявшие собою едва замѣтныя возвышенія на поляхъ, убранныя осколками большихъ камней, разколотыхъ перекотомъ и каткомъ мѣстныхъ жителей на постройку; какъбыже сохранившимися были гробницы, помѣщаясь въ близости селенія Осенцины, въ небольшомъ лѣсу, принадлежавшемъ мѣстному землевладѣльцу графу Скарбекъ; но въ здѣсь сохранился въ землѣ только рядъ гранитныхъ камней, составлявшихъ стѣнки гробницы, имѣвшихъ форму разной величины прямоугольных кирпичей, а плиты, покрывавшія гробницу сверху, были уже сняты и перевезены жителями крестьянами въ ихъ селѣны. До моего пріѣзда въ двухъ гробницахъ этой мѣстности, разбитыхъ крестьянами, были найдены человѣческія кости, глиняные сосуды и шлифованныя каменные орудія; а въ третьей крестьяне нашли большой мѣднѣй сосудъ и какія-то мѣдныя вещи, назначенія ихъ неопредѣленныя, часть которыхъ была положена и разбросана, а часть передана управленію мѣстной экономіи. Изъ крестьянскихъ находокъ въ каменныхъ гробницахъ окрестностей селенія Осенцины для употребленія глиняныхъ сосудовъ и одна шлифованная темная-молотокъ были переданы г. Кроненбергу, владельцу соседняго имѣнія. Изъ тѣхъ же гробницъ въ мою коллекцію древностей поступили:

Экстремная съ обонхъ концовъ косточка, треть съ половинною длиной донны (35.—344), кремневый палеочечникъ конья (345), шлифованное долото изъ темнаго кремня (346), большой плоский сосудъ, орнаментированный въ верхней половинѣ узорами, состоящими изъ разныхъ геометрическихъ фигуръ, и подолна большаго же бронзоваго сосуда¹⁾.

Курганы Нѣвской губерніи, Черкаскаго уѣзда, у деревни Гамарки.

Въ 1872 году въ окрестностяхъ деревни Гамарки, Межирѣчской волости, Черкаскаго уѣзда, при впадении р. Россавы въ р. Роси, и насчиталъ двадцать четыре кургана большой величины, разбросанныхъ на распаханной возвышенности, тянущейся по лѣвому берегу р. Роси и склонахъ этой возвышенности, вдоль устья р. Россавы. По словамъ мѣстныхъ старожиловъ, между сохранившимися большими курганами въ прежнее время было замѣтно много мелкихъ кургановъ, уничтоженныхъ распашкою. Раскопаны мною тринадцать насыпей, изъ которыхъ восемь заключали въ себя могилы древнѣйшей эпохи, именуемой киммерійскою.

Курганъ № I, при впадении р. Россавы въ р. Роси; окружность основанія 60, отвѣсная высота 8 арш. Вся насыпь срѣзана до материка. Подъ центромъ насыпи, на главнѣйшемъ материкѣ, открытъ обуглаенный гробъ изъ толстыхъ бревенъ, въ размѣрѣ 2½ арш. длиной и 2 арш. шириной, а въ немъ,—обуглаенный человѣческій скелетъ, обращенный головою на В., на правую сторону, съ прилежанными къ туловищу конечностями,—въ скорченномъ, такъ называемомъ утробномъ положеніи. У главы остова стояли три глиняныхъ сосуда.

¹⁾ Эти два сосуда были выставлены мною на Московскому Антропологическому выставку 1879 г., а оттуда не возвращены.

изъ которыхъ два украшены узоромъ изъ прямыхъ линий, сведенныхъ въ треугольники, а третій—жестяною роговой ручкою и дирчатыхъ узоромъ (№ 347, пераже два сосуда этой гробницы были доставлены на Московскую Антропологическую выставку, а оттуда на конвэнции); около остова найдены три кремневыхъ орудія: наконечникъ копья около 3 верш. длины, ножикъ около 2 верш. длины и наконечникъ стрѣлы въ $1\frac{1}{2}$ вершка длины (62.—348—350). Въ слое насыпи, вѣль обугленной гробницею, и на материкѣ встрѣчались мѣстные рѣчные раковины (являдонты).

Курганъ № II, въ разстояніи 50 арш. отъ предыдущаго, ближе къ д. Гамарнѣ; распаханный; высота $1\frac{1}{2}$, окружность около 40 арш. Вся насыпь сформалась до глинистаго материка; на материкѣ,—два остова, въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, руки пригнуты къ груди, кисти къ боролѣ, бедра пригнуты къ животу, а голени къ бедрамъ; одинъ изъ остова на Я, а другой на СЗ; между костями,—куча снѣгу изъ рѣчныхъ раковинъ около аршина въ диаметрѣ и 3 вершка толщины, а въ ней,—четыре кремневыхъ осколка (351).

Курганъ № III, въ разстояніи $\frac{1}{4}$ версты отъ предыдущихъ кургановъ, у отгорода д. Гамарнѣ; высота 7, окружность 60 арш. Разрѣзаетъ траншеей въ 20 арш. ширины, уменьшенной къ подошвѣ насыпи до 12 арш. Въ насыпи, на высотѣ отъ 1 до 2 арш. отъ подошвы, открыты три очень разложившихся человѣческихъ скелета, въ скорченномъ положеніи, изъ которыхъ два были обращены головою на ЮЗ, а третій на Ю. Ниже материка, въ могильной ямѣ $2\frac{1}{2}$ арш. длины и 2 арш. ширины и глубины,—два скелета, въ скорченномъ положеніи,—взрослый головою на Ю, а дѣтскій на С.

Курганъ № IV, на равнинѣ между д. Гамарнею и с. Яблоновкою; распаханный; высота 6, окруж. 120 арш. Разрѣзаетъ траншеей въ 16 арш. ширины. Въ насыпи, на глубинѣ 3 арш. отъ поверхности,—человѣческій остокъ, головою на СЗ, на спинѣ, конечности вытянуты; а при немъ, у лѣваго бока,—два разломанныхъ землею глиняныхъ сосуда и рѣчная раковина; ниже материка, въ могильной ямѣ около 2-хъ арш. глубины,—слѣды окрашеннаго человѣческаго остова, въ скорченномъ положеніи, головою на В, а при немъ,—часть бычачьяго черепа; слѣды деревянной насестки.

Курганы №№ V и VI, на возвышенности за д. Гамарнею въ направленіи къ д. Живильной; оба распаханы. По словамъ мѣстныхъ крестьянъ, при раскопкѣ, въ одномъ изъ нихъ были найдены большой глиняный сосудъ, въ другомъ два маленькихъ глиняныхъ сосуда, вроде чашекъ съ ручками; при раскопкѣ въ первомъ изъ нихъ ничего не найдено, за исключеніемъ угля и фрагментовъ толстостѣннаго сосуда изъ необожженной глины, а въ другомъ,—фрагменты обугленного человѣческаго остова въ безпорядкѣ, крѣпко изъ могилы, уничтоженной плугомъ.

Курганъ № VII, на возвышенности, съ правой стороны дороги, ведущей изъ д. Гамарнѣ къ с. Яблоновку; распаханный; высота 6, окруж. остова около 130 арш. Разрѣзаетъ траншею двумя траншеями, по 8 арш. шир. каждая. Въ насыпи, на высотѣ 2-хъ и 3 арш. отъ подошвы открыты два очень разложившихся человѣческихъ остова, изъ которыхъ верхній въ скорченномъ положеніи, головою на С, а нижній съ конечностями вытянутыми, головою на В; при послѣднемъ,—каменный топчацъ или золотокъ (62.—352) и глиняный сосудъ, украшенный въ верхней половинѣ 6 бородавчатыми выпуклостями (№ 353); ниже материка, въ могильной ямѣ въ $2\frac{1}{2}$ арш. длины, около 2 арш. ширины и глубины,—человѣческій остокъ, головою на ЮЗ, въ скорченномъ положеніи, въ красномъ на черепѣ, лицевыхъ костяхъ и верхнихъ конечностяхъ; слѣды насестки.

Курганъ № VIII. „Ипова могила“ или „Острога“; на возвышенности, въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ версты отъ д. Гамарнѣ и $1\frac{1}{2}$ в. отъ с. Коловочы; распаханный; высота 12, окруж. около 200 арш. Иповою могилою называется по тому, что лежитъ на землѣ, принадлежащей священнику с. Коловочы, а Острога по тому, что до раскопки имѣла форму острого ко-

куса. Вся плоть была срѣзана на переваль отъ восточнаго къ краю къ западному; въ верхней части племени были открыты двѣ могилы, съ устройствомъ и содержаніемъ гробницъ половечно-татарской эпохи (см. ниже); а на материкѣ и въ могильныхъ ямахъ, вырытыхъ въ глинѣ на глубину отъ одного до $2\frac{1}{2}$ арш., открыты шесть очень разложившихся человѣческихъ костей, изъ которыхъ четыре въ скорченномъ положеніи, а два съ вытянутыми конечностями, головами обращены въ разные стороны; при остовахъ никакихъ предметовъ не найдено, за исключеніемъ при двухъ остовахъ мелкихъ кусочковъ краски и при одномъ фрагментовъ глинянаго сосуда, разламываемаго земляю; слѣды закладки.

Крестыяномъ д. Гамарин, при распахнѣ поля въ огородахъ деревни, близка кургана № III, въ началѣ 70-хъ годовъ была найдена большая глиняная миска, наполненная каменными орудіями: топориками, стрѣлами и проч.; изъ этой находки во времени моего пріѣзда въ д. Гамарин сохранилось только массивный каменный топчагъ или молотъ (№ 354), утилизируемый въ хозяйствѣ крестьянина въ качествѣ пестила для растиранія соли; а всѣ остальные предметы были переданы находчикомъ дѣтямъ для забавы, а ими растеряны.

Въ пяти верстахъ отъ д. Гамарин и въ двухъ верстахъ отъ с. Нолоновки, при распахнѣ древняго городища въ 1875 году, было найдено шлифованное долото изъ кварцита, по-ступившее въ мое собраніе древностей (№ 355).

Нурганы Киевской губерніи, Каневского уѣзда, у села Россавы.

Бурганъ № I. „Навская Могила“. Въ 1877 году, въ Каневскомъ уѣздѣ, при владеніи рѣки Кагаранка въ р. Россаву, въ окрестностяхъ села Россавы я посчиталъ до 40 кургановъ, частью разбросанныхъ, частью сгруппированныхъ, преимущественно въ двухъ нургахъ, — въ урочищѣхъ Лучинѣ и вост. сельскаго общественнаго кладбища. Единственно стоялъ курганъ Навская Могила, поверхность котораго недавно распахана, а вслѣдствіе распахки, первоначальные размѣры немыслимо было опредѣлить съ точностью; предъ раскопкою она имѣла до 150 арш. въ окружности и около 6 арш. высоты; въ трехъ мѣстахъ поверхности кургана были замѣтны ямы, вырытыя ижеателями кладовъ. Моею Навская Могила раскопана въ 1877 году траншею въ 30 арш. ширины въ направленіи съ юга на сѣверъ.

На распаханной поверхности, въ самомъ верхнемъ слое почвы найдены фрагменты разбросанныхъ въ безпорядкѣ лошадиного и человѣческаго скелетовъ и ожестившихъ жезлы-киевъ, предметовъ; это были остатки уничтоженной распахкою могилы съ человѣческими и лошадиными костями (см. ниже въ отдѣлѣ могилъ половечно-татарской эпохи). При дальнейшей раскопкѣ встрѣчены двѣ могилы, изъ которыхъ одна помещалась подъ центромъ племени, а другая подъ восточною ея половиною, въ разстояніи 6 арш. отъ первой.

Центральная могила была вырыта въ материкѣ на глубину около $2\frac{1}{2}$ арш., формы трапеціи, имѣвшей сверху $2\frac{1}{2}$ арш. длины, $1\frac{1}{2}$ арш. ширины, восточнее расширявшейся на двѣ мучки, на которомъ имѣла 3 арш. длины и 2 арш. ширины; по краямъ ямы, на ея стѣнкахъ и на днѣ сохранились слѣды разложившейся деревянной закладки, въ видѣ рыхлаго бѣловатаго и буряго порошка; на днѣ могильной ямы, — очень разложившаяся человѣческая основа, обращенная головою къ Ю., на правомъ боку, въ скорченномъ — „утробномъ“ положеніи; руки пригнуты къ груди, кистями къ беродѣ, бедра пригнуты къ туловищу, голени къ бедрамъ; съяди остова, у головы, — кусочки белой краски, замѣченной и на черепныхъ костяхъ.

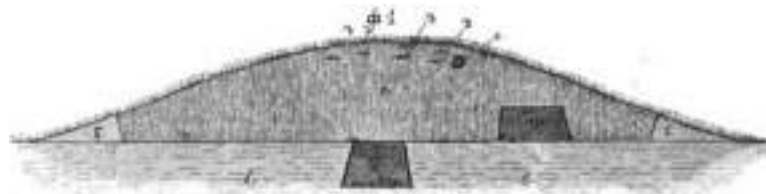
Вторая могила имѣла форму прямоугольника, въ 9 арш. длины и $2\frac{1}{2}$ арш. ширины; на днѣ ея, — слѣды разложившагося дерева, въ видѣ рыхлаго бѣловатаго порошка, и человѣческой основы, головою къ Ю., въ скорченномъ положеніи, совершенно сходномъ съ положеніемъ остова центральной могилы; съяди головы остова найдены: глиняный сосудъ (№ 356), овальная миска, съ лезвиемъ въ ней глиняныхъ молоткомъ (№ 357,

368). шлифованный каменный голыничек, формы усеченнаго конуса, подобный употребленнымъ нынѣ для растиранія красокъ (№ 359), и два роговыхъ обруба, изъ которыхъ одинъ съ разрѣзомъ на концѣ служилъ рукою орудія, не найденнаго въ могилѣ, а другой неопредѣленнаго назначенія (52.—360, 361).

Пасскую Могилу и признали типичною формою кургановъ киммерійской эпохи, на слѣдовавшихъ мною въ 1876 и 1877 гг. въ Черкасскомъ и Каневскомъ уѣздахъ. Курганы этого типа содержали могилы съ окрашенными костяками, въ скорченномъ и вытянутомъ положеніи, образцовыя головы въ равныя стороны, съ бытовыми предметами изъ глины, кости и камня, при полномъ отсутствіи налѣзій металлическихъ.

На нижеслѣдующихъ рисункахъ изображены: 1) вертикальный разрѣзъ насипи кургана Пасской Могила и 2) положеніе костяка на лѣвѣ могилы.

1. Вертикальный разрѣзъ.

Рисунокъ № 1.

а) трамплин; б) распахивая, но не раскопанная окружность насипи; в) материковый грунтъ; г—д) позднѣйшая могила; А) дренажъ могилы на материкѣ. Б) дренажъ могилы въ материкѣ.

Курганы № II. Насипь занимала уголъ окна, которымъ окружено кладбище села Россавы настоящаго времени; высота ея, окружность около 100 арш. Срѣзана въ 1877 году сверху на половину высоты, а вѣтвь прорыта до материка колодезь 20 арш. въ квадратѣ. Открыты девять очерт. разложившихся человѣческихъ скелетовъ, изъ которыхъ шесть были погребены въ насыпи и на материкѣ, а три въ могильныхъ ямахъ, вырытыхъ въ глинистомъ грунтѣ на глубину отъ 1½ до 2¼ арш.; кости были обращены головами въ равныя стороны: три на востокъ, два на западъ, одинъ на югъ, одинъ на сѣверо-востокъ; два скелета въ положеніи на спинѣ, конечности вытянуты; четыре въ скорченномъ положеніи, на боку, руки пригнуты къ груди, ноги пригнуты къ туловищу; три въ положеніи полусидячемъ: голова и позвоночникъ выше таза, подъ тупымъ угломъ, руки на бедрахъ, голени надъ бедрами; при двухъ костякахъ замѣчны слѣды алой краски и при одномъ фрагменты глинянаго сосуда, раздавленнаго землею; слѣды заскеленія.

Въ 1877 году въ окрестностяхъ селеній Россавы, Мироненки и Арбузина были раскопаны мною еще восемь одиночныхъ кургановъ разной величины, подъ которыми открыты могилы того-же древнѣйшаго типа, по устройству и содержанію, сходныя съ вышеописанными могилами окрестностей селеній Гамарян и Россавы, замѣчавшія въ себѣ человѣческіе костяки, преимущественно въ скорченномъ положеніи, при которыхъ дѣтскихъ предметовъ не было найдено, за исключеніемъ красокъ и грубыхъ глиняныхъ сосудовъ.

Курганы Киевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, у мѣстечка Рыжановки.

Въ 1890 году на поляхъ м. Рыжановки, Звенигородскаго уѣзда, Киевской губерніи, было насчитано мною двадцать семь кургановъ различной величины, изъ которыхъ че-

2. Дно могилы.

Рисунокъ № 2.

а) слѣды деревянной (берестовой) заскеленія могилы; б) глинистое дно со слѣдами сѣвшаей на него деревянной выкопки; в) положеніе костяка; г—д) бытовые предметы.

четыре особенно выдавались своими размерами сравнительно съ остальными,—могутъ быть названы большими курганами; изъ нихъ два помѣщаются обаян и Рыжановки, при дорогѣ, ведущей въ дер. Чижовку, а остальные два—изъ 6 верстахъ отъ м. Рыжановки, на поляхъ владѣльцевъ Тышковскихъ и Францевичъ.

Въ большомъ курганѣ, помѣщаемомъ на землѣ г. Гринцевича, въ 1887 году была открыта могильная казахомба, съ богатымъ содержаніемъ золотыхъ, серебряныхъ и terra-cottныхъ предметовъ, поступившихъ въ археологическій музей Краковской Академіи Наукъ. Исторія открытія скапанной казахомбы и ея устройство и содержаніе описаны въ сочиненіи Г. О. Оссовскаго: „Więzi kulturalne gdańskie według badań dokonywanych w latach 1884 i 1887. Opisał Godfrud Ossowski“. Kraków, 1888. На этому же сочиненію приложены рисунки найденныхъ предметовъ и карта расположенія кургановъ, сохранившихся въ окрестностяхъ Рыжановки. На планѣ особыми знаками изображены четыре большихъ кургана, болѣе трехъ метровъ отвѣсной высоты, пять распаханыхъ кургановъ средней величины, отъ 1 до 3 метровъ отвѣсной высоты, и распаханые курганы меньшей величины, до метра отвѣсной высоты.

Въ 1890 году, по порученію Императорской Археологической Комиссіи, явлю раскопки въ окрестностяхъ Рыжановки три большихъ кургана, два средней величины, шесть малой и сдѣлать поперечный продольный разрѣзъ насыпи великаго кургана и переосмотръ земли, выброшенной въ 1887 году изъ открытой въ немъ могильной казахомбы. Въ одномъ изъ большихъ кургановъ и въ четырехъ меньшихъ курганахъ встрѣчены могилы древнѣйшихъ типовъ, съ человѣческими костями въ вытянутой и скорченной положеніяхъ, съ каменными орудіями и глиняномъ посудомъ.

Курганъ № 1, у вѣсточка Рыжановки, съ правой стороны дороги, ведущей въ с. Чижовку, на землѣ г. Позняковой. Вершина насыпи дѣтъ 50 тому назадъ была срубана, а на южной сторонѣ сруба построена вѣтряная мельница, вскорѣ сожженная молніей.

Рельефы насыпи являта много съ зрѣлой боковой вырѣзки, углубленной до материковой гряды; вырѣзка обнаружена черноземную насыль кургана, подъ нею слой желтой глины, лежащій на грунтовомъ черноземѣ, а подъ нимъ материковую гряду, схожую по цвѣту и составу съ глинными слоями, лежащими на грунтовомъ черноземѣ. Тогда сверху насыпи были заложены колодезь въ размѣрѣ 30 аршинъ въ квадратъ, углубленный до материка. На глубинѣ пятиго аршина насыпи изъ чернозема, въ центральной части ея колодезь, обнаружены, кольцеобразный холмъ плотной глины, вышиной 15 арш. въ діаметрѣ и 5 четвертой высоты, оточившій яму, вырытую въ материкѣ въ размѣрѣ 4 аршина дѣлва, ширины и глубины; съ сѣверной стороны въ яму вола ступенька въ аршинъ ширины и 1½ арш. глубины; по краямъ ямы и на ея стѣнкахъ были замѣтны слѣды разложившагося дерева отъ заселенки могилы; а по очерткѣ ямы отъ обваловъ разложившейся деревянной крышки и стѣнокъ, на ея днѣ найдены: обгорѣлая срубъ, подобная срубѣ кургана № 1 у д. Гамарки, Черкасского уѣзда, обугленный человѣческій скелетъ, обращенный головою на С, фрагменты трехъ глиняныхъ сосудовъ, подобныхъ найденнымъ г. Оссовскимъ въ 1887 году въ Рыжановскомъ курганѣ № 5 („Materiały do paleontologii kulturalnej ukraińskiej“, Przez G. Ossowskiego, Kraków, 1888, г. Табл. VII и VIII), глиняный предметъ неопредѣленнаго назначенія формы катушка для нитокъ нашего времени, верхняя половина кремлеваго келькала, кремневый палеочечникъ срубъ и кремневый осколокъ формы жожла.

Курганъ № II, означенный на картѣ г. Оссовскаго № 11; на землѣ гг. Гринцевичъ; распаханый. Раскопанъ колодезь 12 арш. въ квадратъ.

Непосредственно подъ распаханымъ слоемъ насыпи, въ сѣверо-западной ея половинѣ найдены фрагменты человѣческаго черепа, разбитаго плугомъ; положеніе остальныхъ костей, ветропугныхъ плугомъ, показало, что остова принадлежатъ покойнику, погребен-

ному на черноземномъ материкѣ въ сдвѣченъ положеніи: пояски, лопатки и ребра найдены скученными на костяхъ таза, голени подогнуты подъ бедра; съ лѣвой стороны основа помѣщалась шесть глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ три формы мисокъ, одна форма большаго горшка, орнаментированнаго въ верхней части узоромъ, состоящимъ изъ точекъ и черточекъ, свиселками въ треугольнички, одна форма чашки, съ узоромъ изъ треугольничковъ и массивной ручкою, украшенною ромбовидными узорами и рогамиидными отростками, одна форма чашечки съ ушкомъ, безъ орнамента; съ правой стороны основа найдены бронзовая удила и два бронзовыхъ столбика, каждый съ четырьмя болвыми дырочками.

Въ западной половинѣ кургана, въ могилѣ около 1½ аршина длинны, аршина ширины и ½ арш. глубины, вырытой въ черноземномъ грунтѣ, найдены остатки дѣтскаго остова, погребеннаго головою на З., а во рту его черепа,—маленькій глиняный сосудъ.

Подъ центромъ насыпи того-же кургана, въ могильной ямѣ 3 арш. длины, 1½ арш. ширины и 2 арш. глубины, на глинистомъ днѣ,—человѣческій остовъ, въ положеніи головою на ЮЗ., на спинѣ, конечности вытянуты; у правого плеча,—дюргоидная, шифованная топоръ-молотокъ, со сверлящею я двумя вырѣзками на нижней сторонѣ тупого конца; у лѣвой голени,—глиняная мисочка; слѣды застывши.

Курганъ № III, означенный на картѣ г. Оссовскаго № 10; на землѣ гг. Гриндзичъ; распаханный. Раскопанъ колодезь 10 арш. въ квадратѣ. Подъ центромъ насыпи, на глубинѣ 2 арш. отъ ея вершины, въ черноземномъ грунтѣ найдены три остова: верхній, головою на ЮЗ., съ вытянутыми конечностями, а у его головы, въ разстояніи двухъ четвертей,—дѣтскій остовъ, головою на ЮЗ., руки вытянуты, а ноги согнуты, на правомъ боку; у ноги перваго остова, въ разстояніи двухъ четвертей,—взрослый остовъ (женскій), въ сдвѣченъ положеніи, съ голени подогнутыми подъ бедра, обращенный лицомъ стороной къ центральному остогу; между взрослыми костями,—глиняный горшочекъ и кремневый ножъ; въ верхнихъ слояхъ насыпи,— два кремневыхъ осколка.

Курганъ № IV, означенный на картѣ г. Оссовскаго № 13; на землѣ гг. Тышковскихъ; распаханный. Раскопанъ траншею 12-ти арш. въ квадратѣ. Подъ центромъ насыпи, на глубинѣ двухъ арш. отъ ея поверхности,—фрагменты глинянаго сосуда, безъ орнамента, а между ними уголь и переломанная кость; въ верхней половинѣ насыпи, въ разстояніи 1½ арш. отъ скаланнаго сосуда,—человѣческій остовъ въ сдвѣченъ положеніи; въ западной половинѣ кургана,—второй сдвѣчій остовъ; къ юго-западной части насыпи, въ разстояніи 4 арш. отъ ея центра,—человѣческій остовъ на правомъ боку, руки вытянуты, ноги согнуты; между сосудомъ, вмѣстившимъ въ себя уголь и жженныя кости, и двумя остовами въ сдвѣченъ положеніи,—маленькая глиняная чашечка, куски этой посуды и кремневый осколокъ; въ насыпи, на глубинѣ 6 четвертой отъ поверхности,—два кремневыхъ неясныхъ осколка.

Курганъ № V, означенный на картѣ г. Оссовскаго № 15; распаханный; на землѣ гг. Тышковскихъ. Раскопанъ колодезь 12 арш. въ квадратѣ. На материкѣ,—человѣческій остовъ, обращенный головою на З., на лѣвомъ боку, лѣвая рука согнута подъ примымъ угломъ, а правая вытянута, ноги согнуты; у головы,—два глиняныхъ сосуда формы чашекъ, орнаментированныхъ въ верхней половинѣ узорами съ массивными овальными ручками съ рогамиидными отростками; за спиною,—два кремневыхъ осколка, слѣды какого-то разложившагося бронзоваго предмета и фрагменты разложившагося желѣзнаго коня¹⁾; слѣды эвеклепки.

¹⁾ Находки эти изъ Рыжовскихъ кургановъ поступили въ распоряженіе Императорской Археологической Комиссіи, а оттуда переданы въ Московскій Историческій Музей.

Курганы Полтавской губернии, Переяславского уезда, у села Воймцы.

Въ 1877 году мною раскопаны два большія кургана въ Полтавской губернии, въ Переяславскомъ уездѣ, на распаханной возвышенности у с. Воймцы, въ разстояніи полуверсты одинъ отъ другого.

Курганъ № I. Окружность основанія 180, высота 12 арш.; у мѣстныхъ жителей была известна подъ именемъ „Острой Могилы“. Раскопанъ границею съ сѣвера на югъ, въ размѣрѣ 30 арш. ширины, постепенно уменьшающейся до 18 арш. При раскопкѣ въ восточной половинѣ насыпи, на глубинѣ 2 арш. отъ ея поверхности, были встрѣчены слѣды двухъ гробовъ, съ очень разложившимися человѣческими костями, при одномъ изъ которыхъ найдены мѣдныя мѣдныя кресты. Въ сѣвѣрной половинѣ насыпи, на глубинѣ 3-ть аршинъ отъ ея поверхности, встрѣчена гробница съ человѣческими и лошадиными костями, содержаніе которой будетъ описано ниже (эпиха коловецко-гагарская).

Подъ курганомъ открыта могила, вырытая въ глинѣстомъ материкѣ, въ размѣрѣ 2 $\frac{1}{2}$ арш. длины, 2 арш. ширины и 3 арш. глубины; на стѣнкахъ и на днѣ были замѣтны слѣды разложившагося дерева, въ видѣ бурого и бѣлагого черенка; на днѣ могилиной ямы, — едва замѣтныя слѣды разложившагося костяка и продолговатъ-сердцевидный наконечникъ стрѣлы изъ кремня (83.—149).

Курганъ № II. Окружность 180, высота 10 арш. Сѣвѣра перпендикулярна насыпи на пять аршинъ глубины и прорытъ колодезь до грунта, съ выемкой въ сѣвѣрной половинѣ насыпи, черезъ которую удалялась земля изъ центральной части кургана. Подъ центромъ насыпи открыта могильная яма, вырытая въ глинѣстомъ материкѣ, около 3 арш. глубины, формы трапеціи; яма въ верхней части равна шире, нежели внизу, — сверху 4, внизу 2 арш.; на днѣ ямы, — очень разложившійся человѣческій остовъ, обращенный головою на Ю., на правомъ боку, руки пригнуты кисти къ бородѣ, ноги пригнуты къ туловищу; на костяхъ сохранились слѣды алой краски. Въ насыпи, надъ могильной ямой, — глиняный сосудъ, украшенный по вѣнчику грубымъ узоромъ, состоящимъ изъ параллельныхъ и ломаныхъ линий.

Курганы Елизаветинской губернии, Александровскаго уезда, у села Ново-григорьевки.

Въ 1883 году я обратилъ вниманіе на курганныя насыпи возвышенной площади надъ правымъ берегомъ р. Конки, между урочищемъ Городиско и ставцею Краснокутвкою Леово-Севастопольской дороги. Здѣсь, на протяженіи около семи верстъ въ длину и двухъ въ ширину, были сочтены: „Безчастная Могилы“, лежащая въ разстояніи 2 версты отъ Ново-григорьевки, по дорогѣ къ г. Александровскъ, имѣвшая, около 350 арш. въ окружности основанія и 22 арш. стѣвеной высоты; двѣнадцать могилъ, имѣвшихъ отъ 6 до 18 арш. высоты и отъ 120 до 200 арш. въ окружности; до пятидесяти могилъ, расположенныхъ группами и одиночно, имѣвшихъ отъ 1 до 5 арш. высоты и отъ 40 до 120 арш. распаханной окружности; много могилъ менѣе 1 арш. высоты, распавшихся и представлявшихъ собою мало замѣтныя возвышенія.

Форма большинства сохранившихся насыпей, имѣющихъ отъ острого конуса до призматическаго цилиндра, при чемъ сѣвѣрная сторона выше и круче южной стороны; многія насыпи у основанія обложены камнемъ; первоначальная форма большинства среднихъ и малыхъ кургановъ имѣла распашкою, добывателями камня, кладочниками и проч.; многіе распавши по всей поверхности, а другіе только сѣваны съ боковъ. Еще на памяти старожилыхъ жителей многіе курганы большой и средней величины были замѣнены каменными кутульями, которые частью добыты мѣстными жителями, частью свезены въ усадьбы; шесть каменныхъ бабъ въ 1883 году я видѣлъ въ усадьбахъ Ново-григорьевки и Красно-

кутовки; по словам мѣстных жителей, много каменныхъ бабъ было свято съ кургановъ въ прошедшемъ столѣтїи по распоряженію Екатерины II, которая будто-бы приказала сносить бабы съ кургановъ и обставлять ими почтовые тракты.

Расширившая мѣстных жителей о случайныхъ находкахъ древностей, я получила слѣдующія свѣдѣнія:

Дочь мѣстнаго помещика Фѣра Александровна Лосевича подарила мнѣ каменный, шлифованный, со сверлящею топорь-молоткомъ, найденный ею на поверхности земли у с. Новогригорьевки (62,—362).

На лѣвомъ берегу Конки, въ усадьбѣ Веселой, принадлежавшей графу И. В. Канкриду, при раскопкѣ кургана для возведенія на его мѣстѣ постройки, была найдена два кѣлине бронзове топора и пеховина третьяго, имѣвше форма вытѣсненнаго желѣзныя малороссійскаго топора; находка утрачена.

Вблизи Новогригорьевки, въ Дѣлпронскыхъ планкахъ, въ полнучемъ берегу рѣки были найдены подаренныя мнѣ графомъ И. В. Канкриномъ небольшою, съ толстыми стѣнками бронзовыи сосудъ, украшенный глубокимъ рельефнымъ изображеніемъ человѣческаго лица (№ 368), и мѣдный топоръ, имѣющій форму вытѣсненнаго малороссійскаго топора (№ 369).

Въ шестидесятыхъ годахъ XIX в. вознѣ Бессчастной могилы была вышатага большой гранитный камень, подъ которымъ найдена бронзова пана, подаренная графомъ А. Е. Канкринымъ въ музей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Тогда же на правомъ берегу р. Конки, въ урочищѣ Городисво была раскопана небольшой курганъ, въ которомъ найдены: человѣческій остовъ, серебряный браслетъ и золотое кольцо; находка утрачена.

Мѣстные крестьяне, при распашкѣ полей въ окрестностяхъ Новогригорьевки, нередко находили различной формы бронзове и желѣзныя наконечники стрѣлъ.

Мѣстоположеніе, количество, величина, разнообразіе формъ кургановъ въ окрестностяхъ Новогригорьевки и случайныя находки въ нихъ приводили къ мысли, что изслѣдованіе древнихъ могилъ, сохранившихся на берегахъ р. Конки, могло дать наукѣ богатый и разнообразный археологическій матеріалъ. Это соображеніе было сообщено мною Предсѣдателю Императорской Археологической Комиссіи, при случайной встрѣчѣ съ нимъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ октябрѣ 1883 года. А. А. Васильчиковъ предложилъ мнѣ произвести раскопки въ описанной мѣстности для Императорскаго Эрмитажа на средства означенной Комиссіи. Это предложеніе было принято мною и раскопки въ окрестностяхъ Новогригорьевки произведены мною въ 1884 года. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ раскопаны мною „Бессчастная могила“, большой курганъ, лежащій въ разстояніи одной версты отъ Бессчастной могилы, въ направленіи на сѣверъ, 26 кургановъ средней и малой величины, сохранившихся въ окрестностяхъ помѣщичьихъ большихъ кургановъ, и девять могилъ подъ ровною поверхностью земли, не покрытыхъ курганами. Въ двухъ большихъ и въ восьми среднихъ и малыхъ курганахъ были открыты могилы киммерійскаго вѣка, содержащія человѣческіе кости съ бытовыми предметами изъ глины, кости, камня и мѣди.

Курганъ № I. „Бессчастная Могила“, на землѣ графа Д. А. Канкрима, въ разстояніи около 2 версты отъ праваго берега р. Конки, въ томъ пунктѣ, гдѣ дорога изъ с. Новогригорьевки раздѣляется на дорогу въ г. Александровскъ и дорогу на станцію Краснопутевку. По сказанію мѣстныхъ старожильцовъ, курганъ получилъ свое названіе въ прошломъ столѣтїи отъ разбойника-атыма Бессчастнаго, имѣвшаго свой притонъ въ балкѣ, прилегающей къ Бессчастной могилѣ съ юго-западной стороны и носившей то же названіе (Бессчастная балка). Этотъ разбойникъ, по преданію, былъ окруженъ царскимъ войскомъ при Екатеринѣ II, схваченъ и увезенъ въ Москву, оставивъ по себѣ память въ названіяхъ балки и могилы, съ которой производилъ свои набѣгоны надъ помѣщичьими.

До раскопки Бессчастная могила представляла собою конусъ съ закругленною вершиною. Мною срубана верхняя часть пещеры на 10 арш. глубины, а матеръ, въ направленіи

съ В на З. прорублена траншея до материка, въ размѣрѣ 75 арш. длины и 40 арш. ширины, а въ боковыхъ стѣнахъ траншеи сдѣланъ прорѣзъ, въ размѣрѣ 25 арш. длины и отъ 3 до 4 арш. ширины. Въ сѣверной половинѣ насыпи, на дѣлѣ заросшей ямы, вырытой кладочкампанъ, найдена грубая каменная баба, разбитая на двѣ части, представлявшая собой известковую плитку въ 10 четв. длины, 3 четв. ширины и 3 вершка толщины; верхняя часть сдѣлана въ форму чезоязъческой головы, а въ средней вырѣзаны руки, держащія сосудъ.

Погребены въ Безчастной могилѣ 14 могилы: 5 въ насыпи, на различной глубинѣ отъ поверхности, 2 на подожвѣ и 7 въ материкѣ. По устройству, между ними различаются 3 вида: деревянная гробница въ насыпи, деревянная гробница въ материкѣ и катакомба.

Пять могилъ въ насыпи и 2 могилы на подожвѣ ея, на материкѣ, имѣли слѣдующее устройство: четырехугольная площадка, отъ 2½ до 3 аршинъ длиной и отъ 1½ до 2 арш. ширины, замазанная глиною, составляла ложе или дно могилы; ложе со всѣхъ сторонъ обнесено досками или частоткампанъ, отъ 2-хъ до 3-хъ арш. высоты; а сверху могила покрыта также досками, или бруслами, составлявшими потолокъ гробницы; потолокъ и стѣнки во всѣхъ гробницахъ найдены сгнившими и обрушившимися, вслѣдствіе чего могилы были наполнены рыхлою землею и рыхватымъ порохомъ отъ сгнившаго дерева; остатки гнилого дерева на стѣнкахъ могилъ и рыхлая земля, ихъ наполнявшая, дали возможность точно опредѣлить размѣры могильныхъ комъщеній въ насыпи кургана, состоявшей изъ плотнаго чернозема.

Двѣ деревянные гробницы въ материкѣ отличались отъ деревянныхъ гробницъ въ насыпи только тѣмъ, что были вырыты въ глинистомъ грунтѣ на глубину отъ 2 до 3 арш.: продолговатыя четырехугольныя ямы, вырытыя въ материковомъ слой желтой глины, были обставлены съ боковъ и закрыты сверху деревомъ, сдѣланъ котораго, въ видѣ гнилыхъ кусковъ и рыхватаго порохка, сохранились на стѣнкахъ и двѣ могилы; подобно могиламъ въ насыпи, могилы въ грунтѣ были наполнены рыхлымъ черноземомъ, проникшимъ въ всѣхъ ихъ насыпи за обрушившимся потолокомъ; при очискѣ два кургана материковыя могилы рѣдко обозначались правильными продолговатыми четырехугольными чертой земли въ материковой желтой глинѣ; одна изъ глинъ могилъ открыта почти въ центрѣ подошвы кургана, въ пространствѣ, обставленномъ съ В. и З. сторонъ двумя изогнутыми рядами граничныхъ плитъ, поставленныхъ на ребра, вышамъ отъ 1 до 2 арш. длины и ширины и отъ 1 до 2 четвертей толщины; три могилы открыты въ З. половинѣ кургана, безъ каменной ограды.

Третьей видъ могилъ составляли 3 катакомбы, открытыя въ ЮЗ. половинѣ кургана, вырубленыя въ плотномъ слой материковой глины. Для погребенія покойника въ могилахъ этого вида приготовлялись могильныя помѣщенія слѣдующимъ образомъ: въ материковомъ слой глины копали продолговатую четырехугольную яму, въ размѣрѣ отъ 2 до 4 арш. глубины, а затѣмъ въ одной изъ поперечныхъ стѣнокъ ямы дѣлали шпелку, въ размѣрѣ отъ ¾ до 1 аршина въ квадратѣ, черезъ которую прорубали подвѣскае съ горизонтальнымъ дномъ и сводообразными боками и потолокомъ, въ размѣрѣ отъ 2½ до 4 арш. длины, отъ 1½ до 2½ арш. ширины и отъ 2 до 2½ арш. высоты. Покойника, съ наружной стороны закрывали отверстие, ведущее въ катакомбу изъ входной ямы, одною или двумя намокащими плитами, а входную яму плотно забивали глиною, вынутую изъ той же ямы. Этотъ способъ натрамбовки ямы, ведущей въ катакомбу, служитъ причиною, по которой открывать ихъ очень трудно: глина, закрывающая ямы, ведущія въ катакомбынныя отверстия, плотностью и избыткомъ не отличается отъ нерушимой материковой глины. Первая катакомба была открыта случайно: одна изъ лошадей, вошедшихъ землю по дну кургана, образовала поперекъ небольшой провалъ въ материковой глинѣ; впадъ въ этотъ провалъ руку со шпелкою, а могъ свободно вращать его во всѣ стороны; тогда

дыра, пробитая капытомъ лопати, была расширена и обнаружено подземелье, вырубленное въ материковой глине, имѣвшее 4 арш. длины, въ направленіи съ СВ. на ЮЗ., и 2½ арш. ширины, въ направленіи съ СЗ на ЮВ.; дно катакомбы было весьма обвалившимся въ верхнихъ частяхъ. По очисткѣ дна отъ обвалившейся земли, оно оказалось лежащимъ на глубинѣ 4 арш. отъ поверхности материка: въ ЮВ. стѣнѣ, на двѣ четверти выше дна, открыто отверстие около аршина въ квадратѣ, застланное снаружи каменною плитою. Дальнѣйшимъ исследованиемъ обнаружено, что въ означенному отверстию ведетъ продолговатая четырехъугольная яма, забитая глиною. Глина этой ямы отличалась отъ материковой глины только одна замѣтнымъ блонетнымъ оттенкомъ и меньшимъ количествомъ известковыхъ зеренъ, а плотности были подобна верховному матерію; при помощи таковыя признаки одинаковы на обнаруженной подошвѣ кургана была открыта еще двѣ ямы, ведущія въ катакомбы, по устройству, подобныя описанной.

По своему содержанию, двѣ могильныя помѣщали, открытыя въ Безчастной могилѣ, оказались сходными. На двѣ дѣлцаты могилѣ, открытыя въ васыли и въ материкѣ, включая сюда и катакомбы, встрѣчены остатки похороненныхъ, обращенныхъ головою въ разныя стороны, лежащихъ чаще на лѣвомъ боку (7 случаевъ), рѣже на правомъ (5 случаевъ), въ одинаковомъ скорченномъ положеніи, — въ томъ положеніи, какое имѣетъ младенецъ въ утробѣ матери: руки пригнуты къ груди, такъ что кисти кистей помѣщаются у правой чашести, бедра пригнуты къ животу, а голова къ бедрамъ такъ, что кости кистей носятся непосредственно за костями таза.

Въ двухъ могилахъ, одной въ васыли и одной въ материкѣ, встрѣчены только остатки человеческихъ костей, лежащихъ на спинѣ съ вытянутыми конечностями.

Въ четырехъ могилахъ, помѣщавшихся въ васыли, при очень разложившихся костяхъ, лежащихъ на спинѣ съ вытянутыми конечностями, найдены три сосуда изъ грубой зернистой глины, раздавленные землею, и двѣ керамичея вращки, одна изъ которыхъ вполне сохранилась, а другая распалась на малкіе куски.

Одна изъ могилъ, открытыя на подошвѣ кургана, заключала въ себѣ два дѣтскихъ остова въ скорченномъ положеніи, наъ которыхъ одинъ былъ обращенъ головою на Ю., а другой на ЮЗ. и слѣдующіе предметы: глиняный горшочекъ съ ушкомъ и острымъ дномъ; головная булавка изъ кости, украшенная рѣзнымъ узоромъ, около 5 вершковъ длины; ожерелье изъ продырявленныхъ зубовъ хищныхъ животныхъ; ожерелье изъ продолговатыхъ косточекъ, украшенныхъ винтообразною вырѣзкою; много мелкихъ продырявленныхъ растительныхъ зеренъ; круглая мѣдная бляха съ точечнымъ узоромъ; перышко и малкіе кусочки краски.

Другая могила, открыта на подошвѣ же васыли, содержала дѣтскій остова, деревянный сосудъ, въ рѣзѣ такия съ ушкомъ, и кусочки белой краски.

Въ материковой могилѣ, помѣщавшейся въ центральной части подошвы кургана, открытъ взрослый остова, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, — весь покрытый краскою.

Три материковыя могилы, открытыя въ западной половинѣ кургана, заключали карслыя человеческіе кости: въ одной, при скорченномъ остова, найдены накопидникъ коня изъ кремня, около 3 вер. длины, а въ другой, при остова съ вытянутыми конечностями, — овалный продолговатый камень, по всей вѣроятности, служившій молоткомъ, кремневый скребокъ и кусочки белой и красной краски.

Одна изъ катакомбъ заключала въ себѣ вытянутой карслый человеческій остова и длинную палку, слѣды которой тянулись по дну въ всего остова, съ лѣвой его стороны.

Въ другой катакомбѣ, при разложившемся дѣтскомъ остова, встрѣчены: круглая мѣдная бляха, головная булавка изъ четверть длины, ожерелье изъ гладкихъ овалныхъ косточекъ, ожерелье изъ продолговатыхъ косточекъ, украшенныхъ винтообразною вырѣзкою и продырявленные зубы хищнаго животного.

В третьей катаномбѣ, при взросломъ скорченномъ человѣческомъ остовѣ, встрѣчены: два шлифованныхъ камня (кварцитъ и диоритъ), бронзовый четырехугольный наконечникъ стрѣлы, мѣдный наконечникъ копья (или копья) и два ложкообразныхъ предмета изъ темной кости челоуѣческаго черепа.

Курганъ № II. Второй курганъ большой величины съ древнѣйшими могилками находится въ разстояніи одной версты отъ „Безсчастной могилы“, по направлению на северъ; имѣлъ 220 арш. въ окружности основанія и 15 арш. высоты. Раскопакъ траншеею въ 75 арш. длины и 25 арш. ширины, въ направленіи съ ЮЗ. на СВ. Открыты въ немъ восемь могилъ, четыре въ насыпи и четыре въ материкѣ, по устройству и содержанію, сходныя съ деревянными гробницами, открытыми въ Безсчастной могилѣ. Пять могилъ заключали въ себѣ остатки покойниковъ въ скорченномъ положеніи, а три съ конечностями вытянутыми. При остовахъ найдены только предметы изъ глины, камня, мѣди и кусочки краски, а именно: глиняный, орнаментированный сосудъ, имѣющій форму обыкновеннаго малороссійскаго горшка, два маленькаго глиняныхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ имѣетъ форму стакана, а другой—удлиненнаго горшочка, глиняная орнаментированная тарелка на трехъ ножкахъ, латунный шлифованный топоръ-молотокъ со сверлякою, наконечникъ копья изъ кремня, наконечникъ копья (или копья) изъ мѣди, кусочки краски.

Курганы №№ III—VIII. Въ восьми раскопанныхъ курганахъ встрѣчены могилы, по устройству и содержанію, подобныя могилкамъ, открытымъ въ предыдущихъ курганахъ; они содержали очень разложившіяся кости покойниковъ, въ большинствѣ случаевъ погребенныхъ въ скорченномъ положеніи, въ продолговатыхъ четырехугольныхъ гробницахъ, устроенныхъ въ насыпи, или вырытыхъ въ материкѣ на глубину отъ 1 до 2 арш. и закрытыхъ сверху тростникомъ, деревомъ и кучами камней. Въ трехъ могилкахъ, при остаткахъ скорченныхъ костяковъ, были найдены глиняные сосуды и кусочки краски. Курганы, лежащіе между „Безсчастною могилкою“ и большимъ безымяннымъ курганомъ № II, имѣли около 100 арш. въ окружности основанія и 8 арш. откоса высоты, прикрывали собою три могилы, изъ которыхъ двѣ находились въ насыпи и одна въ материкѣ. Материковая могила имѣла 3 арш. длины, 2 арш. ширины и 2 арш. глубины, была закрыта сверху деревомъ и кучей камня; на днѣ ее обнаружены скорченныя человѣческія остовы, обращенныя головою на западъ, на лѣвомъ боку, а при немъ найдены: глиняный горшочекъ, мѣдный наконечникъ копья и нѣсколько мелкихъ, продолговатыхъ и круглыхъ мѣднѣныхъ бусъ. Могилы въ насыпи заключали въ себѣ только остатки скорченныхъ костяковъ.

При раскопкѣ большихъ кургановъ въ окрестностяхъ Новогригорьевки было замѣчено, что нѣтъ насыпи на одновременно, а увеличивали по мѣрѣ погребенія новыхъ покойниковъ, подобно древнѣйшимъ курганамъ на Кавказѣ, являвавшимся мховъ въ 1881 и 1882 гг. въ окрестностяхъ Цятигорска и Кисловодска (см. ниже), гдѣ слѣды такого роста большихъ кургановъ выражаются явнѣе по мѣстнымъ почвеннымъ условіямъ.

Всѣ предметы изъ древнихъ могилъ окрестностей с. Новогригорьевки, открытыя на средства Императорской Археологической Комиссіи, переданы въ ея распоряженіе, за исключеніемъ нижеслѣдующихъ дублетовъ изъ „Безсчастной могилы“, оставленныхъ для образца въ моей коллекціи древностей: четырнадцать продырявленныхъ мелкихъ веретъ (83.—370), дванѣнадцать костяныхъ бусъ, разной величины и формы (371), пять продырявленныхъ зубовъ хищнаго животнаго, служившихъ подвѣсками ожерелья (372), глиняный сосудъ съ острымъ дномъ (373) и крупный кусокъ краски изъ центральной могилы съ окрещеннымъ костякомъ (374).

Курганъ Черниговскаго уѣзда, мѣстечка Сѣдлева.

При выѣздѣ изъ мѣстечка Сѣдлева на Горюлю, съ правой стороны большой дороги, за оградою христіанскаго кладбища настоящаго времени, въ 1886 году раскопаны мною

кургана, отличающийся от других курганов, сохранившихся в окрестностях Обанева, своими размерами, формой, составом насыпи и содержанием могилы. Курганъ этотъ имѣлъ около 150 арш. въ окружности основанія и 10 арш. отвѣсной высоты. Предполагалъ въ немъ кюстрицу, и хотѣлъ сдѣлать его на $\frac{1}{2}$ высоты и затѣмъ раскопать широкимъ колодеземъ; но при снятій верхней части насыпи оказалось, что она заключала въ себя много могилъ христіанскаго погребенія; съ другой стороны, раскопка показала, что этотъ курганъ цѣликомъ состоитъ изъ чернозема, въ противоположность остальнымъ сѣдцевскимъ курганамъ, насыпь которыхъ состоитъ изъ смѣси чернозема, песка и глины. Такое различіе въ составѣ насипи дало мнѣ поводъ предполагать, что въ этомъ курганѣ заключаются не сѣвернаго кюстрицы, а могилы болѣе поздней эпохи. Тогда, чтобы не тревожить, по возможности, христіанскія могилы, вмѣсто полойной съемки насыпи, я сдѣлала боковую выработку со стороны большой дороги, въ размѣрѣ 10 арш. ширины, углубленную въ средней части кургана до материка. Въ этой выемкѣ, у поверхности насыпи были встрѣчены восемь могилъ христіанскаго погребенія; мѣстные старожилы уже не помнятъ времени, когда были погребены покойники на этомъ курганѣ. На полешей насыпи, подъ ея центромъ, открыта могильная яма, вырытая въ глинистомъ материкѣ, въ размѣрѣ 4 арш. длиной и 3 арш. ширины и глубины. На днѣ могилы человѣческихъ костей не сохранилось, а найдены только въ ЮЗ. углу два могильной ямы мѣдный наконечникъ копья $4\frac{1}{2}$ вершковъ длиной, съ остатками деревяннаго чехла (63.—375, 376), а при немъ, — слой мѣдной окиси отъ ржавлы то разложившихся предметовъ, нѣсколько жидкихъ бусъ, изъ которыхъ можно было снять только одну (377), а остальные, при снятій, распались на малые куски, и осало въ чернаго камня, продырявленныя съ одной стороны (378). Въ насыпи того же кургана, на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности, найдены удлиненыя серпцевидныя наконечники стрѣлъ изъ кремня, подобныя найденному въ одномъ изъ кургановъ у с. Войницы, Переяславскаго уѣзда (379).

Курганы Курскаго уѣзда, у села Воробьевки.

Въ 1891 году мною раскопаны „Большой курганъ“ и два изъ четырехъ расположенныхъ кургановъ, лежащихъ на возвышенности при выѣздѣ изъ с. Воробьевки въ с. Черемшное, Курскаго уѣзда.

№ I „Большой курганъ“, расположенный во окружности основанія, имѣлъ до 12 арш. отв. высоты; раскопанъ гравшею.

Подъ центромъ насыпи открыта грунтовая могильная яма, со слѣдами забрусости, съ остатками костика въ скорченномъ положеніи, головою на ЮЗ., на лѣвомъ боку, руки и ноги согнуты въ сочлененія; на костяхъ черепа слѣды окраски; у голени, — черепки двухъ глиняныхъ сосудовъ и зубъ хищнаго животнаго со сверляною, а мѣдная черепица, у стѣнки могильной ямы, — мѣдный наконечникъ копья (для обоюдоострой козлы), совершенно сходный съ найденнымъ въ сѣдцевскомъ курганѣ. Въ полѣ того же кургана встрѣчена вставная могила около $1\frac{1}{2}$ арш. длиной и ширины, со слѣдами деревянной заслонки; а на днѣ, — слѣды разложившагося лѣскаго костика, шесть малыхъ бусъ изъ стекляннотинистой коммозиціи и скарабей съ іероглифомъ.

Курганы №№ II и III, расположенны; вкѣдѣ съ широкимъ основаніемъ; раскопаны колодезямъ въ центральныхъ частяхъ насыпей, подъ которыми встрѣчены могильныя ямы, вырытыя въ глинистомъ грунтѣ, со слѣдами деревянной заслонки, съ костиками въ скорченномъ положеніи, головами на В. и З.; при одномъ изъ нихъ, — глиняный горшокъ, а при другомъ, — горшокъ и мѣдное обоюдоострое орудіе, подобное найденному въ Большомъ курганѣ.

Курганъ въ окрестностяхъ Евпаторіи, у Майнаковаго озера.

Въ 1880 году мною раскопанъ срединъ кряк трехъ курганныхъ возвышенности, лежащей надъ Майнаковимъ озеромъ, между хуторами Майнакомъ и Огарь-Майнакомъ; насыпь имѣла 150 арш. въ окружности основанія и 10 арш. отвѣсной высоты. Срубана вершина кургана, а затѣмъ насыпь была разрубана двумя восьмикаршинными трапеціями, расширенными въ центральной части кургана въ колодезь 12 аршинъ въ діаметрѣ. Вся поверхность насыпи оказалась обложенною крупными булыжниками и колотымъ известковымъ камнемъ.

На глубинѣ двухъ арш. отъ вершины кургана встрѣчены 12 каменныхъ плитъ, плотно прилегающихъ другъ къ другу и покрывающихъ собою пространство формы квадрата трехъ арш. въ поперечникѣ; подъ этою заледною похѣщалась камелная круглая плита 2 $\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ, а подъ нею,—могильная яма въ насыпи 2 арш. длинны и аршинъ ширины и глубины, со слѣдами разложившагося дерева и окрашеннымъ человѣческимъ костякомъ въ утробномъ положеніи, головою на С. Въ ямѣ этой, въ южной ея половинѣ, встрѣчены два костяка въ положеніи головою на Ю. конечности вытянуты.

Въ центрѣ подошвы кургана, въ каменисто-глинястомъ материкѣ оказалась могильная яма въ $\frac{3}{4}$ аршина глубины, закрытая двумя известковыми плитами, на лѣвѣ которой, покрытомъ плотнымъ слоемъ черной озерной глины, похѣщался костякъ, со слѣдами окраски, въ утробномъ—скорченномъ положеніи, на правомъ боку, головою на В. воатъ головы,—зеленая окань отъ разложившейся круглой бляхи и осколки кремня.

Въ насыпи, на разной высотѣ, встрѣчались кости животныхъ и морской раковины.

Курганы Бессарабіи, Аккерманскаго уѣзда, окрестностей деревни Шабалата.

Для русской археологіи древнія могилы Бессарабіи имѣютъ особый интересъ въ двухъ отношеніяхъ:

Во первыхъ, по словамъ Геродота: „Всѣхъ царей, перебитыхъ другъ другомъ, Киммерійскій народъ похоронилъ у рѣки Тираса, — могила ихъ до сихъ поръ еще видна, — а послѣ погребенія удалился изъ страны, такъ что вторгнувшіеся Скиты заняли страну, уже лишившую населенія“ (IV, 11). Слѣдовательно область, простираемая рѣкою Тирасомъ—Днѣстромъ, къ VII вѣку до Р. X. составляла часть Киммерійской земли; въ этой области археологія должна найти могилы киммерійскихъ царей и подвластнаго имъ народа, опредѣлить особенности устройства и содержанія такихъ могилъ и воспользоваться ими для научнаго познанія бытовыхъ условій жизни народа, населившаго Киммерійскую землю до перехода ея во владѣніе Скитовъ—Скиитовъ.

Во вторыхъ, по свидѣтельству знаменитаго Нестора, область, орошаемая р. Днѣстромъ, составляла часть славянской прародины, изъ которой, вслѣдствіе завоевательнаго натиска Волоховъ, часть Славянъ выселилась на р. Вислу и образовала адѣсь славяно-польскій народъ; а другая часть Славянъ перемѣстилась въ области Днѣпра и его притоковъ и образовала адѣсь славяно-русскій народъ. Слѣдовательно въ настоящихъ древнихъ могилъ области р. Днѣпра археологія должна найти славянскія могилы времени завоевательнаго натиска Волоховъ, подъ которыми Несторъ разумѣлъ Римлянъ, сравнить ихъ устройство и содержаніе съ устройствомъ и содержаніемъ древнихъ могилъ областей Вислы и Днѣпра, опредѣлить, какія формы могилъ Польши и Россіи соответствуютъ могиламъ славянской прародины времени господства Римлянъ въ области Днѣпра и воспользоваться могильными матеріалами для познанія бытовыхъ условій жизни нашихъ предковъ въ эпоху первоначальной колонизаціи Славянами областей Вислы и Днѣпра.

Въ концѣ августа въ 1879 года, съ цѣлью отыскать могилу киммерійскихъ царей, упомянутую въ приведенномъ мѣстѣ Геродота, я осматрѣлъ сѣверное и южное побережья

Днѣстровскаго лимана на протяженіи отъ моря до Овидіополя и Аккермана, и нашелъ здѣсь пять большаго кургановъ, вѣднмыхъ при въпадѣ съ моря въ Днѣстровскій лиманъ: „Великій Курганъ“ вблизи д. Шабалата, у дороги, ведущей къ д. Катарджу, на землѣ М. В. Окуличъ; „Шабатая Могила“ вблизи колодезѣ Шабы, на землѣ колонистовъ, съ лѣвой стороны дороги, ведущей къ колодезю въ курортъ Вудакъ; два большаго кургана востѣ Овидіополя, съ лѣвой стороны дороги при выпадѣ на Одессу и съ лѣвой стороны дороги при выпадѣ въ поселокъ Роксоланы „Старыя Могила“ между Овидіополемъ и Роксоланами. Курганы имѣли отъ 150 до 260 арш. въ окружности основанія и отъ 15 до 20 арш. отъѣсной высоты; раскопки ихъ требовала время и средства, какими и не располагать, а только раскопками можно было подтвердить свидѣтельство Геродота о мотыль киммерійскихъ царей.

Исслѣдованію аккерманскихъ кургановъ было проведено мною только въ 1904 году, съ цѣлью изысканія глиняныхъ могилъ и ограниченно раскопкою двадцати насыпей средней и малой величины въ окрестностяхъ д. Шабалата и Катарджи, изъ которыхъ 18 прикрывали материковыя могилы сарматской эпохи, а два оказались могилами киммерійской эпохи.

Курганъ № I, востѣ сада усадьбы М. В. Окуличъ, на выгонѣ; до раскопки имѣлъ около 5 арш. отъѣсной высоты и до 100 арш. въ окружности основанія, съ небольшою воронкообразною впадиною на тупой вершинѣ; раскопанъ г. Сипняскимъ посредствомъ колодезѣ около 10 арш. въ диаметрѣ, а востѣ раскопана вырытая колодезѣ была засыпанъ землею. При углубленіи колодезѣ въ каменъ, по словамъ очевидцевъ раскопки, на глубинѣ приблизительно третьяго аршина отъ вершины кургана были встрѣчены остатки гнилого дерева, охватываго четырехугольникъ земли, въ размѣрѣ около четырехъ аршинъ длины и ширины, а подъ этою землею, приблизительно на третьемъ аршинѣ глубины, на глиняномъ материкѣ, найдены остатки гнилыхъ деревянныхъ брусьевъ, человѣческія кости и слѣдующіе бытовые предметы: небольшой красивый сосудъ съ блестящею черною поверхностью, красный кушачникъ съ ручкою, бронзовые бубенчики и много крупнѣхъ и мелкѣхъ бусъ изъ камня, бронзы и глиняно-стекляной композиціи¹⁾.

Желая провѣрить эти свидѣнія о могилѣ, очень меня заинтересовавшей сходствомъ своего устройства и содержанія съ устройствомъ и содержаніемъ многихъ кургановъ сарматской эпохи, открытыя въ разныхъ уѣздахъ Полтавской и Киевской губерній, я откопалъ званную могильную яму, имевша въ ней кучу человѣческихъ костей и обломки деревянной вырубочки, а очистилъ дно могилы, увидѣлъ въ материкѣ, а плотно утрамбованнымъ слоемъ глины, искусственно приготовленнымъ для вставной могилы, лежащимъ на плотво утрамбованномъ нижнемъ слой черноземной насыпи кургана. Углубивъ къ этому слою насыпи колодезѣ на три четверти, я встрѣтилъ два известковыхъ плитообразныхъ камня, прикрывавшихъ яму двухъ аршинъ длины и ширины и пяти четвертей глубины. вырубленную въ материкѣ; на днѣ ямы оказался овраженный, очень разложившійся человѣческій скелетъ, головою на сѣверо-западъ, на правомъ боку, конечности пригнуты къ туловищу, — въ утробномъ положеніи; у ногъ костяка стояли два горшочковидныхъ сосуда изъ красной глины, одинъ съ маленькими ушками у вѣстика и съ двумя слѣдами параллельныхъ полосокъ черной краски, его украшавшихъ, а другой безъ ушекъ, украшенъ съчатымъ узоромъ темно-бурыя краски, совершенно сходнымъ съ узоромъ сосуда изъ желтой глины, найденнаго I. Н. Стемпковскимъ въ курганѣ Тираспольскаго уѣзда, у с. Парвакъ²⁾; востѣ головы, кучка прожженныхъ раковинъ и горшечекъ изъ красной глины съ краснымъ порошкомъ на днѣ, со слѣдами черныхъ полосокъ у вѣстика.

¹⁾ Находки г. Сипнякова переданы въ храненіе въ археологическое собраніе Одесскаго Университета.

²⁾ Наображенъ въ изданіи Н. И. Глинкача: „Кладби и Древности“ Херсонской губерніи; кн. I; табл. XV, рис. 112. Изд. 1902 г.

Курганъ № II. Возвъ кургана „Великой Могилы“, на землѣ М. В. Окуличъ. Окружность 180, высота 7 аршинъ: распаханный. Слѣда вершья на 3 арш. и вложено колодезь 20 арш. въ діаметрѣ, углубленный по материка. Въ насыли вступлены двѣ погребныя могилы, со слѣдами деревянной засѣзки, со спорченными костями, изъ которыхъ одна была обращена головою на вѣтъ, а другой на востокъ; при погребкахъ по глиняному сосуду. На материкѣ, подъ западною половиною насыли открыта гробница двухъ арш. длины и ширины и пяти четвертей высоты, сложенная изъ известковыхъ плитъ поставленныхъ ребромъ одна врозь другой, закрытая сверху камешными же плитками и кучей крупнаго булыжника. На лѣвѣ гробницы два окрашенныхъ, очень разношерстныхъ слепка, головами на сѣверо-востокъ, съ согнутыми конечностями: одинъ скелетъ, — два глиняныхъ сосуда.

Могилы Терской области.

По историческимъ свидѣтельствамъ и по выводамъ сравнительной лингвистики сѣверо-европейская плѣть народовъ арийскаго происхожденія вышла въ Европу изъ Азіи, и въ своемъ движеніи съ востока на западъ заняла всю землю, лежащую между морями Каспійскимъ, Чернымъ, Балтійскимъ и Атлантическимъ океаномъ. По археологическимъ фактамъ, указаннымъ въ извѣстномъ календарномъ трудѣ графа А. С. Уварова, посвященномъ каменному вѣку въ Россіи, въ европейскихъ свайныхъ постройкахъ, дольменахъ и курганахъ встрѣчаются предметы неолитической эпохи несомненно азіатскаго происхожденія, принесенныя переселенцами изъ Азіи въ Европу, какъ напримѣръ шлифованныя орудія изъ твердыхъ породъ нефрита, изъ которыхъ не одного суждено было служить только азіатскій востокъ. Въ виду такихъ свидѣтельствъ исторіи, выводовъ лингвистики и фактовъ археологіи, естественно было желаніе путемъ раскопокъ сравнить устройство и содержаніе привислинскихъ и прибалтійскихъ могилъ съ каменными орудіями неолитической эпохи съ древнѣйшими могилами сѣвернаго Кавказа, а предположивъ Тифлисскій археологическій съездъ побудить приступить къ нимъ до открытія работъ съезда.

Июномъ 1881 года, объѣхавъ предварительно область Пятигорья, я собралъ свѣдѣнія о бывшихъ находкахъ древностей въ этой области, намѣтилъ разнородныя могильники для раскопокъ и приискалъ затѣмъ обширныя изысканія въ окрестностяхъ Пятигорска, Желъязновска и Кисловодска. Раскопки мои обнаружили въ области Пятигорья наслоеніе могилъ трехъ историческихъ эпохъ: киммерійской, скито-сарматской и монголо-татарской.

Каменные гробницы у горы Верблюда, въ окрестностяхъ хутора Дыданки.

Главная цѣль моихъ археологическихъ раскопокъ на Кавказѣ состояла въ изысканіи могилъ киммерійской эпохи, содержащихъ бытовыя орудія изъ камня и бронзы. Не господствующему въ археологической литературѣ возрѣнію, находки такихъ орудій всего прежде возможны при открытіи скелетовъ покойниковъ, потрепанныхъ въ гробницахъ, подобнахъ латскимъ и шведскимъ дольменамъ, сложеннымъ на земной поверхности изъ большихъ плитообразныхъ камней, поставленныхъ ребромъ плотно другъ къ другу и закрытыхъ сверху большими же камнями. По этой причинѣ я началъ свои изысканія на Кавказѣ съ дольменовъ, — большихъ каменныхъ ящиковъ, стоявшихъ на скалистой возвышенности подножія горы Верблюда, нѣкимъ рѣчки Терской.

Желъязновскій докторъ г. Ивановъ сообщалъ мнѣ, что въ 1878 году, проѣздомъ изъ Дзандукъ въ Желъязновскъ по проселочной дорогѣ между горами Верблюдою и Белтуу, онъ замѣтилъ на возвышенности, въ двухъ перстахъ отъ Терской рѣчки, у подножія горы Верблюда торчавшій изъ земли каменный ящикъ, сложенный изъ четырехъ большихъ

плиткообразных камней и закрыты сверху таким же камнем. Возвратившись сюда на другой день съ рабочими, г. Ивановъ сдвинулъ верхній камень гробницы и выпалъ ее наполненная землей я въ землѣ гробницы были встрѣчены пять человѣческихъ скелетовъ, изъ которыхъ четыре были въ сидячемъ положеніи, занимали углы гробницы и помещались выше вѣтвато, зажимавшаго среднюю два могилы, въ вытянутомъ положеніи; при скелетахъ костякахъ были найдены остатки какихъ-то разложившихся желѣзныхъ вещей, а при лежащемъ костякѣ найдены бронзовые трехгранные наконечники стрѣлъ, круглыя мезитины, глазокрепящая бусы и маленькая ланцетная предпродлевная прищипка, изображающая человека.

Исключивъ мѣсто находки г. Иванова съ рабочими, вѣтвями изъ Желѣзноводска, удаленнаго на 15 верстъ, такъ какъ отъ мѣста раскопки не было ближе общественныхъ поселеній, за исключеніемъ хутора Дяденки или Назаренкова, я узналъ, что владѣлецъ этого хутора свезъ въ свой дворъ съ окрестныхъ холмовъ до 20 большихъ плиткообразныхъ камней, составлявшихъ гробницу; онъ же указалъ мнѣ на кубетоскій дольмень, стоящій на правомъ скалистомъ берегу р. Горькой, сложенный изъ четырехъ плиткообразныхъ камней, покрытыхъ пятны, имѣвшихъ по 4 аршина въ квадратѣ, такихъ размѣровъ, что шесть рабочихъ не могли двинуть съ мѣста ни боковыхъ, ни верхняго камней; однако-же въ кругломъ отверстіи одного изъ боковыхъ камней, имѣвшемъ около семи вершковъ въ діаметрѣ, ясно было видно каменное дно гробницы и отсутствіе на немъ костей и какихъ бы то ни было бытовыхъ предметовъ. Вблизи этого дольменя, по указанію того же крестьянина, были найдены два полуразрушенныхъ дольменя, формы удивительныхъ четырехугольных ящичковъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ, имѣвшихъ отъ 2 до 3 аршинъ длины и ширины, часть которыхъ была унесена; въ днѣ гробницъ были найдены человѣческія кости, глиняные черепки, оловянія желѣзныя удила, маленькіе трехгранные желѣзные наконечники стрѣлъ и стеклянная подставка формы ячиа съ угномъ. Эти находки показывали, что каменная гробница окрестностей хутора Дяденки относится къ древнѣйшему периоду желѣзной культуры, къ эпохѣ скифской; съ другой стороны трудность найма и платаній рабочихъ заставляла оставить часть изслѣдованій кочевья на горѣ Верблюды и болышіе курганы, разсѣянные по красивымъ возвышенностямъ, склонамъ и долинамъ, заключеннымъ между горами Белтау, Шаудинова, Медового, Билыма и Верблюды; планованія были предприняты въ окрестности Кисловодска и Пятигорска, гдѣ можно было располагать рабочими силами, достаточно для раскопки большихъ кургановъ.

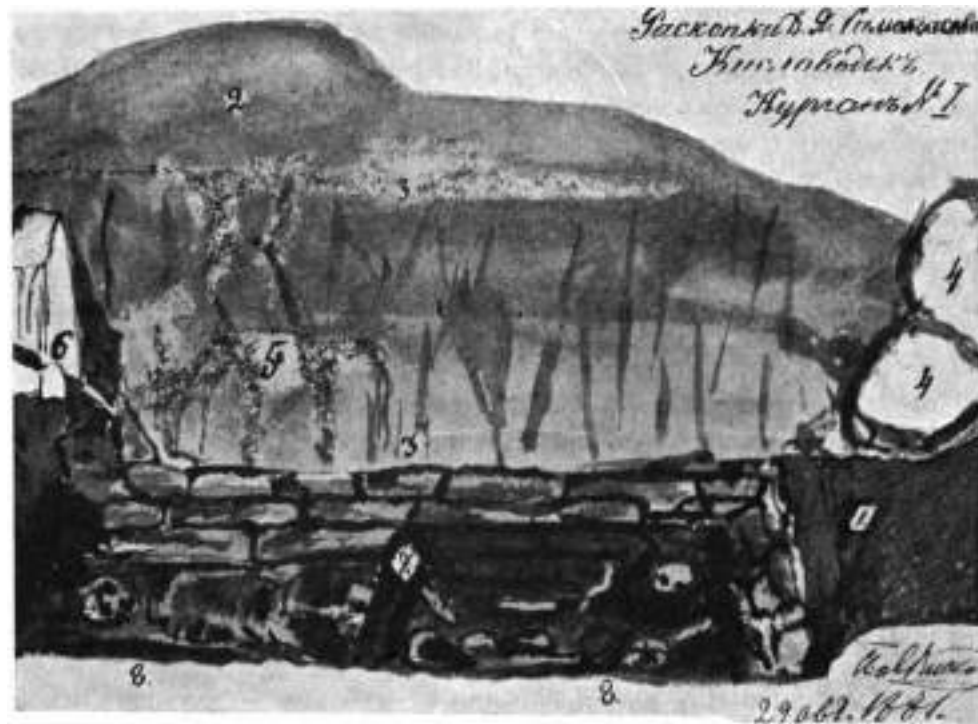
Курганы у Кисловодска, въ урочищѣ Три Камня.

Въ 1881 году мною были раскопаны пять изъ двадцати двухъ большихъ кургановъ подъ Кисловодскомъ, въ урочищѣ „Три Камня“, на возвышенности между рѣчками Нарзаномъ, Пеллунгомъ и Аликоновкою, имѣвшихъ отъ 50 до 200 аршинъ въ окружности основанія и отъ 3 до 15 аршинъ отвѣсной высоты.

Курганъ № 1. Окр. 50, выс. около 3 аршинъ; раскопанный. Черноземная насыпь кургана траншеей въ 13 аршинъ ширины послойно срубана до грунта, состоящаго въ этой мѣстности изъ каменнаго конгломерата, скрѣпленнаго глиною. Въ курганѣ открыты три каменные гробницы.—одна въ насыпи и двѣ на материкѣ. Гробницы формы гробовидныхъ ящичковъ, сложенныхъ изъ известковыхъ плитокъ, безъ цемента, покрыты сверху большими набежными плитами и курганобразными грудями булыжника и желтого камня. На днѣ гробницъ найдены только остатки человѣческихъ костяковъ, въ положеніи на спинѣ, конечности вытянуты; кости обращены головками въ разные стороны: верхній на В., нѣкоторые одинъ на С., другой на Ю. Въ высшей курганѣ встрѣчены фрагменты керамики

человѣческихъ конечностей, въ принадлежащихъ костякамъ покойниковъ, погребенныхъ въ гробницы этого кургана (72, 73.—381, 383).

Профессоръ П. Н. Висковатовъ, ежегодно посѣдившій мои раскопки кургановъ подъ Кисловодскомъ, изготовилъ для себя въ мѣстѣ раскопокъ акварельные рисунки курганныхъ могилъ, которые демонстрировалъ на Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ, а затѣмъ передалъ въ мое собраніе древностей. Нислѣдующій рисунокъ проф. Висковатова № 3 изображаетъ форму насыпи и ея внутренность въ моментъ, когда верхняя гробница и каменная крышка нижнихъ гробницъ были удалены изъ кургана и очищено дно одной изъ нижнихъ гробницъ, съ костякомъ, обращеннымъ головою на сѣверъ.

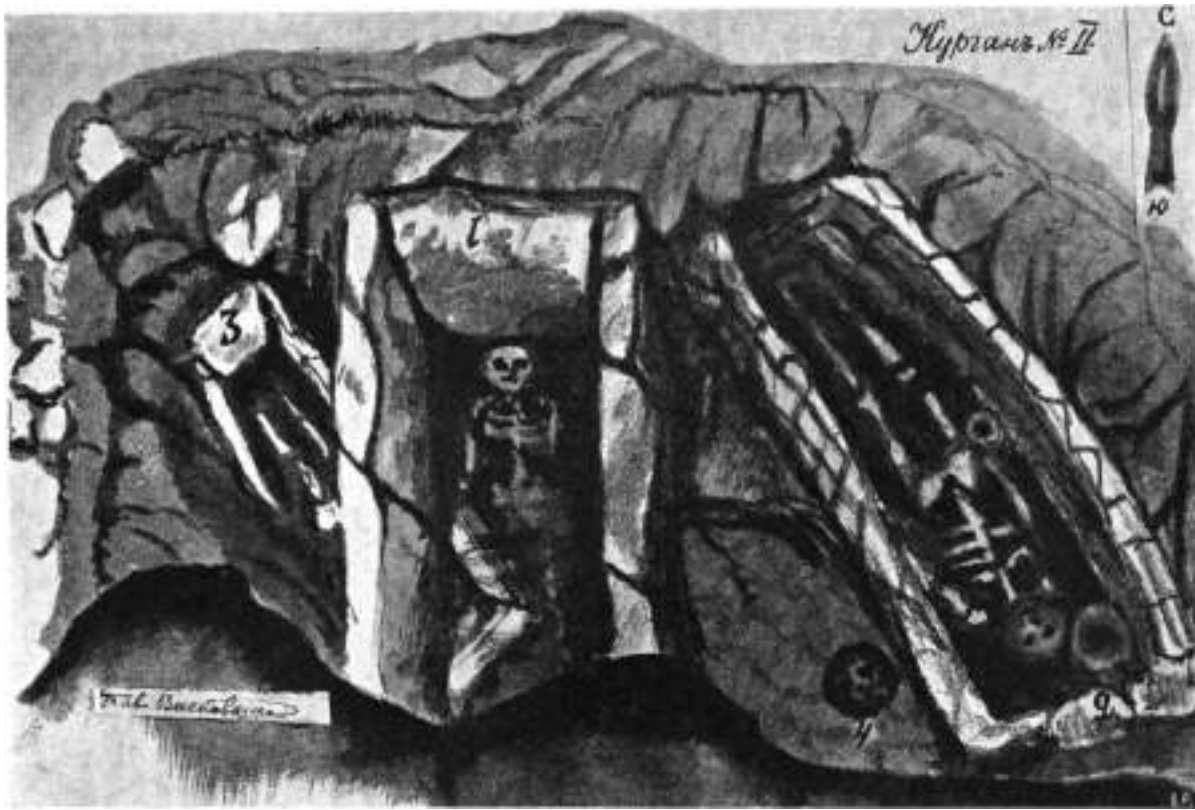
Рисунокъ № 3.

1) часть нераскопанной черноземной насыпи кургана; 2) присыпанная насыпь надъ вставкою могилкою; 3) раскопанная насыпь кургана; 4) два булыжника надъ курганобразныхъ каменныхъ кучъ надъ крышками гробницъ; 5) мѣсто дорылей гробницъ; 6) оловъ (поперечная) надъ осми каменныхъ плитъ, составлявшихъ гробовидную вставку гробницы; 7) нижняя гробница, часть которой первоначально была насыпана курганъ; 8) каменисто (щебень)—глинистый материкъ.

Курганъ № II; распаханный; окр. 50, выс. 3 арш.; насыпь продолговатая; срубана до каменятаго грунта. Въ насыпи, на глубинѣ 1½ арш. отъ вершины,—груда булыжника, прикрывавшая двѣ каменные плиты, рядомъ лежащія, а подъ ними,—каменный ящикъ, сложенный изъ восьми плитъ, поставленныхъ ребромъ, въ видѣ гроба,—шесть плитъ составляла продольные бока гробницы, а двѣ поперечные. На днѣ гробницы,—костякъ, головою на С., на спири. конечности вытянуты; у праваго бедра,—бронзовый четырехгранный законечный стѣпанъ, съ длиннымъ стержнемъ (85,—304); у лѣвой голени,—горшечка, съ ушкомъ. Въ насыпи же, рядомъ съ описанною гробницею, подъ кучей булыжника,—каменная плита, прикрывавшая гробницу, стѣпки которой были сложены изъ мелкихъ каменныхъ плитокъ, безъ цемента; на днѣ гробницы,—костякъ, головою на ЮВ.; у головы,—глиняная мисочка, украшенная двумя параллельными полосками въ видѣ желобковъ (№ 396). Между гробницами вставлены каменная плита, а на ней,—человѣчскій черепъ, со сѣдлами зазубринокъ слѣданныхъ острымъ орудіемъ (73,—397, 398). На подошвѣ насыпи открыта третья каменная гробница, бока которой были сложены изъ шести плитъ, поставленныхъ

ребромъ, къ востѣ гроба, въ направленіи съ СЗ. на ЮВ., закрыты сверху тремя каменными плитами и кучей булыжника на двѣ.—ноги въ головую на ЮВ., туловище на спинѣ, конечности вытянуты.

Рисунокъ № 4 изображаетъ взаимное положеніе трехъ гробницъ въ курганѣ № II. положеніе костей въ гробницахъ и каменную плитку между гробницами, съ лежащими на ней фрагментами человѣческаго черепа (4).

Рисунокъ № 4.

Курганъ № III. О. около 100. выс. 6 арш. Верхняя сфера на 3 арш. глубиной и прорытъ колодезь 20 арш. въ квадратѣ, углубленный до каменнаго грунта. Въ извѣстк. на глубинѣ отъ 2-хъ до 4-хъ арш.—четыре могилы, прикрыты кучами булыжника, битого камня и плитами, съ костями, два изъ которыхъ были обращены головами на В., а два на З., туловища на спинѣ, конечности вытянуты. Подъ центромъ кургана, на каменномъ материкѣ,—гробница, заваленная кучей крупнаго булыжника и колотатаго камня, съ каменной плитой, покрывавшею каменный гробовидный ящикъ, сложенный изъ шести плитъ, поставленныхъ ребромъ на каменномъ грунтѣ; на днѣ гробницы,—два человѣческихъ черепа, дѣтскій и взрослый, положенныхъ рядомъ, но дѣтскій на каменисто-глинистой материкѣ помѣщенъ выше взрослого, лежащего на материковой каменной сдѣлкѣ; головами на В., туловища на спинѣ, конечности вытянуты; отъ верхняго черепа сохранились одна камѣнная сдѣлка; при нижнемъ черепѣ, хорошо сохранившемся (№ 46), у правой кисти,—топоръ—мелкогого со сверлякомъ изъ рога оленя (64,—309), кусочекъ краски и толстостѣнный глиняный горшечекъ съ ушкомъ и дюрчатымъ украшеніемъ по всей его поверхности (№ 400). Въ насыпи, надъ гробницами,—отдѣльные кости животныхъ и чловѣка, расколотыя и пробитыя до погребенія (72—74,—401—405).

Рисунокъ № 5 изображаетъ нижнюю гробницу кургана № III въ тотъ моментъ, когда верхнее курганное покрытие изъ булыжника и колотатаго камня было снято, каменная плита, покрывавшая гробницу, удалена изъ могилы, дѣтскій черепъ снятъ, а взрослый очищенъ отъ покрывавшаго его слоя земли.

Д. Сажинъ.

1) Кувалочки и колотый камень, составлявшие курган; 2) край плиты, покрывавшей гробницу; 3) гробничная ладья из досок каменных; 4) адмичесто-глинистый материал; 5) ложе детского остова из материка; 6) ложе взрослого остова на каменной обложке; 7) положение костей скелета взрослого человека, над которыми первоначально была поставлена курган; 8) топорь-молоток из рогов и глиняный сосуд.

Рисунок № 5.

Курганъ № IV. О. 120, п. 8 арш.; насыпь продолговатая, въ измѣреніи съ (73, на ЮВ. Раскопанъ колодезь въ 20 арш. длины и 10 арш. ширины, съ боковыми профилями холма пазы въ 6 арш. ширины. Открыты въ курганѣ восемь гробницъ: четыре въ насыпи кургана и четыре въ материкѣ.

Форму кургана № IV, вертикальной разрѣзъ насыпи и положеніе въ ней восьми гробницъ показаны въ рисункѣ № 6.

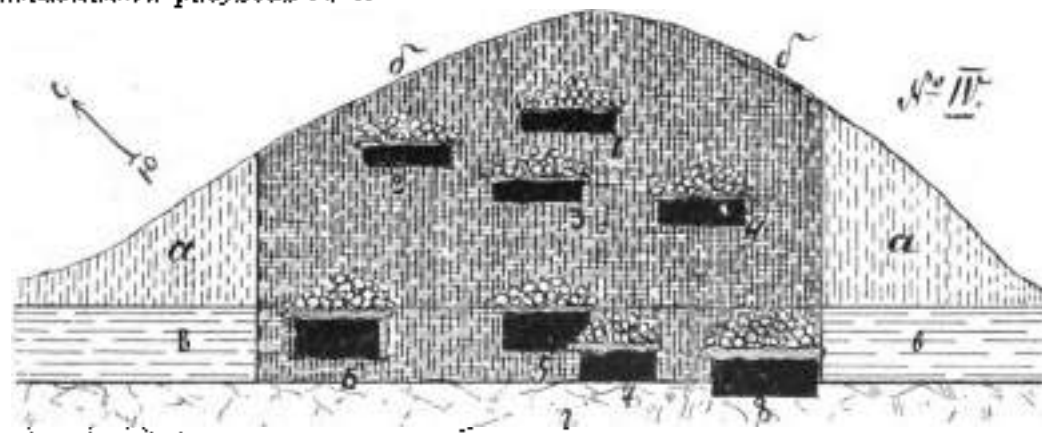
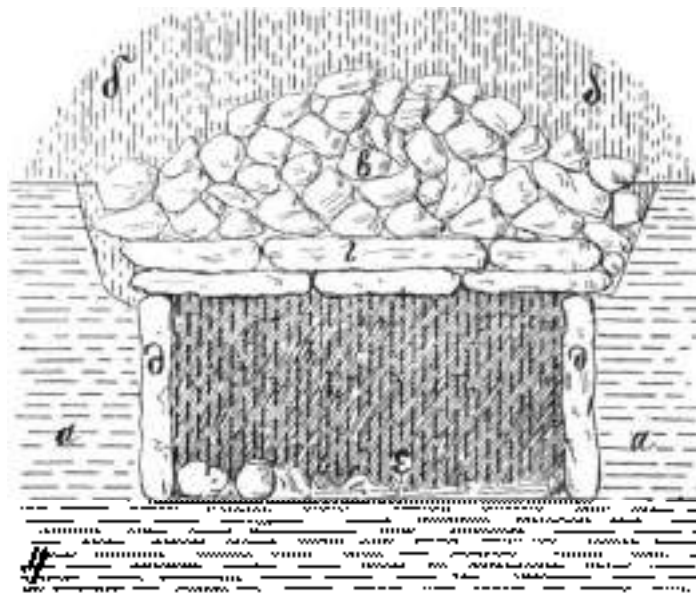

Рисунок № 6.

а) нераскопанная часть насыпи кургана; б) земля насыпи; в) каменсто-глинистый материал; г) каменный скелет; 1—4) гробницы въ насыпи кургана; 5—8) гробницы въ материкѣ.

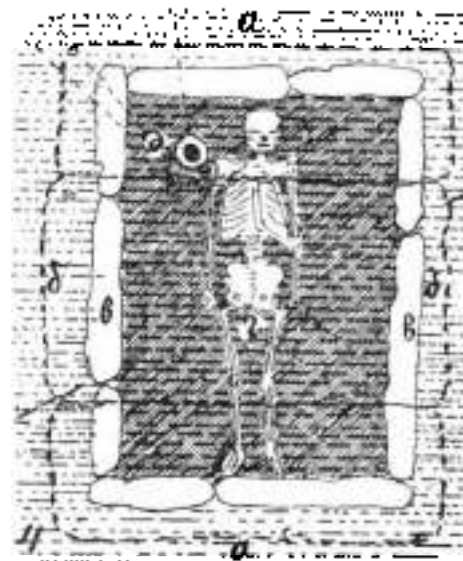
Гробницы, открытыя въ насыпи, представляли собою глубокие прямоугольники, сточенные каменными плитами, от $2\frac{1}{2}$ до 3 арш. длины, от $3\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ арш. ширины и от $\frac{1}{4}$ до аршина глубины, съ плотноустроеннымъ дномъ, закрытыя сверху каменными же плитами и курганкообразными горами булыжника и колохого камня; на днѣ могли лежать остатки разложившихся человѣческихъ костей, обращенныхъ головою въ правую сторону, на шкелѣ, конечности вытянуты; у головы одного изъ нихъ, со слѣдами окрестности костей, въ гробницѣ № 4, стоялъ глиняный горшочекъ и лежала часть бедра барана.

Рисунки изображаютъ вѣдную гробницу № IV въ вертикальномъ и горизонтальномъ разрѣзахъ.

Рисунки № 7.

Знаки на рисункѣ № 7: б) верхняя—восточная гробница № 4; в) насыпь кургана; г) выходы вентиляции; д) курганкообразная куча камня; е) шесть плитъ крышки гробницы; ж) боковые плиты гробницы; з) постель на днѣ могилы и горшочекъ при немъ.

Рисунки № 8.

Знаки на рисункѣ № 8: б) гробница въ крышкѣ № 4; в) насыпь кургана; г) чертённый выключокъ рѣдн плиты, покрывающаго гробницу; д) девять плитъ, составляющихъ стѣны гробницы; е) покровные плиты на днѣ могилы; ж) горшочекъ и бедро барана.

Гробница 5. Въ СЗ. части подошвы насыпи кургана, подъ курганкообразною кучей камня и двумя рядами плитъ помѣщалась гробница, подобная гробницѣ № 4, въ видѣ каменнаго ящика, сложеннаго изъ плитъ, приставленныхъ ребрами другъ къ другу и сточенныхъ погладкую яму, вырубленную въ материковомъ каменисто-глинистомъ грунтѣ, въ размѣрѣ $2\frac{1}{2}$ арш. длины и аршина ширины и глубины; на днѣ ямы, —остатки костей, обращеннаго головою на ЮВ., на спинѣ, конечности вытянуты; съ правой стороны головы, —горшочекъ, украшенный узоромъ въ верхней половинѣ (412), пожеванный осколокъ обсидіана (64—413) и лѣга барана (72, —114).

Гробница 6. Въ В. половинѣ подошвы кургана открыта круглая яма, вырубленная въ материкѣ, въ размѣрѣ 2 арш. въ діаметрѣ и аршина глубины, закрытая сверху каменною плитою $2\frac{1}{2}$ арш. въ квадратѣ; на днѣ ямы, —кости въ конусообразномъ положеніи, головою на Ю., нижнія конечности согнуты; у лѣваго бока, —осколокъ обсидіана (64, —415).

Гробница 7. Въ ЮЗ. части подошвы кургана куча камня и каменная плита прикрывали могильную яму, вырубленную въ материкѣ, въ размѣрѣ 2 арш. длины и около аршина ширины и глубины; на днѣ могилы, —кости, головою на ЮВ., на лѣвомъ боку; у его затылка, —глиняный горшочекъ, ориентированный въ верхней половинѣ (№ 416).

На рисунках изображены: 1) дно могильной ямы гробницы № 6, с остатком в виде ленточчатого покровения; 2) вертикальный разрез гробницы № 7, с остатком на дне в виде бочу.

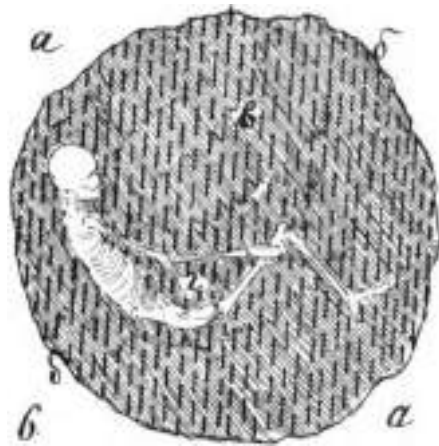

Рисунок № 9.

Знаки на рисунке № 9: а) гробница № 6; б) материал, в котором вырублена могильная яма; в) в) могильная яма и ее диаметр; г) положение костяка на дне могильной ямы.

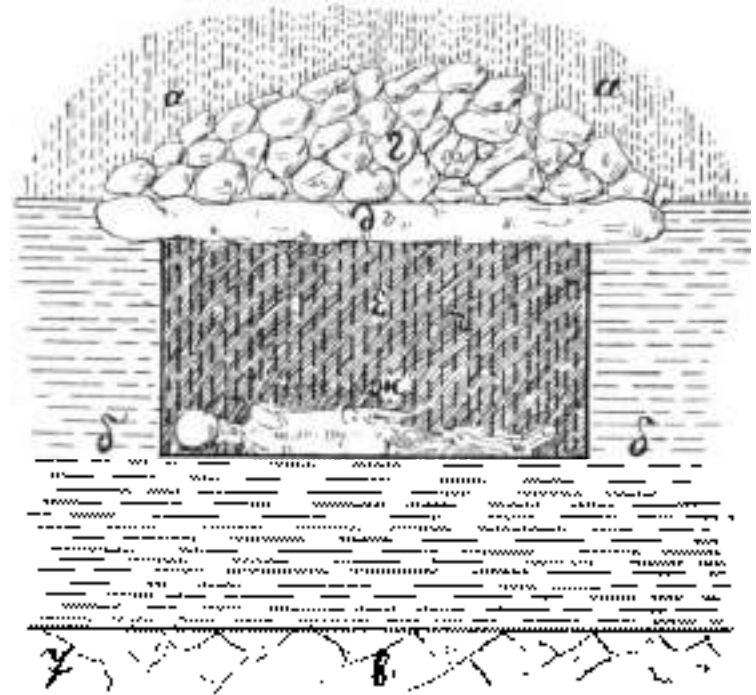

Рисунок № 10.

Знаки на рисунке № 10: а) насыпь кургана; б) мелкопоро-глинистый материал; в) глиняная сквага; г) кургановидная куча камней; д) плита валь могильной ямы; е) могильная яма; ж) положение костяка на дне могильной ямы.

Гробница 6. Подъ ЮВ. половиною восточн., на глубинѣ сѣвернаго арняна кургановидная куча камней покрывала каменную плиту 2½ арш. длины, 1½ арш. ширины и 2 четверти толщины, лежащую на материкѣ; а подъ плитою — могильная яма 2½ арш. длины, 1½ арш. ширины и 3 четверти глубины, стѣны которой составляли въ верхней половинѣ — желтая материковая желтая глина, а въ нижней — природная каменная скала, въ которой могила была вырублена на глубину 6 вершковъ. На каменномъ днѣ гробницы открытъ человѣческій остовъ, обращенный головою на С., конечности вытянуты, туловище на спинѣ; у лѣваго бока, — нефритовый палфосалый тапорицъ — молотокъ со смарагдовой (64.—400), два плоскихъ, круглыхъ, полированныхъ камня (407, 408), кусочекъ маляковой краски (409), тонкий сломъ которой былъ покрытъ и сохранившіеся кости остова (71, 72), зубъ какого-то животнаго (64.—410) и глиняный горшочекъ съ орнаментомъ въ верхней половинѣ (411).

Кость и въ предыдущихъ курганахъ, въ насипи кургана № IV встрѣчались отдѣльные цѣпцы и расколотыя кости животныхъ и черепка (73.—74.—412—423)¹⁾.

¹⁾ Курганы №№ I—IV в прилавѣ древнѣвосточн. въ раскопкахъ мною въ окрестностяхъ Бисловодска, по устройству могилъ и по содержанию нижеслѣдующій курганъ № V отличается отъ нихъ верхними скученными могилами, содержащими besides предметы бронзовой культуры.

На рисунках изображены продольный разрез и дно гробницы № 8.

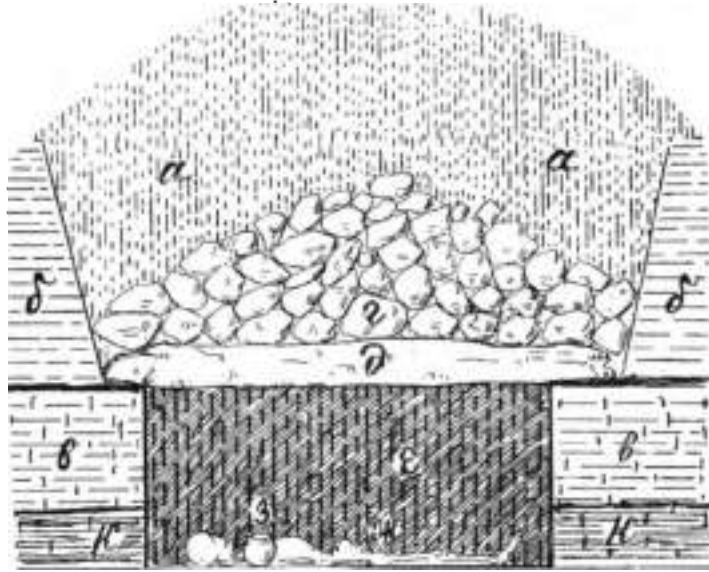

Рисунок № 11.

Фигуры на рисунке № 11: а) насыль кургана из червола; б) материкъ известково-глинистый; в) известная грунтовая известковая сыма; г) каменная закладка могилы; д) каменная плита, покрывавшая могилу; е) известная ама, ж) кость на известной скале; з) бытовые предметы.

Фигуры на рисунке № 12: а) известково-глинистый материкъ; б) вырубка въ материкъ, — уступомъ, на которомъ лежала плита, покрывавшая могилу; в) вырубленная въ скале; г) вырубка въ скале для ноглы формы гроба; д) положение костей; е) нефритовый танориль-молотокъ и другіе бытовые предметы.

Рисунок № 12.

Курганы № V. С. 134, я. 8 арш. Срубана треть высоты насыли и въ размахъ площади срубана прорыта колодезь до грунта. Открыты четвероугольная гробница, разлеченно устройства, — четыре на известномъ грунтѣ и десять въ насыли, на глубинѣ отъ 1 до 7 арш. отъ вершины. Могилы простѣйшаго устройства, въ количествѣ четырехъ, представляли собою четырехугольныя ямы, около 3 арш. длины, отъ 4 до 5 четвертей ширины и около 1 арш. глубины, вырытыя въ насыль, съ покрытjemъ глиною дномъ и со стѣнками изъ глины, закрытыя сверху каменными же плитами. Другой видъ гробницъ, въ количествѣ семи, отличался отъ перваго вида только тѣмъ, что стѣнки могильныхъ ямъ были обложены известковыми плитками, положенными плитами одна на другую и сама воколъ другой. Стѣнки гробницъ третьяго вида, въ количествѣ трехъ, были сложены изъ большихъ каменныхъ плитъ, поставленныхъ ребромъ другъ воколъ друга, вышиныхъ отъ 1 1/4 до 3 арш. длины и отъ 4 до 5 четвертей ширины, а вколъ ямы возмывались кули булыжника и колотого камня. Человѣческіе кости въ могилахъ воколъ выдолъ обращены головами въ равныя стороны, лицомъ вверху, на спинѣ, конечности вытянуты.

Девять гробницъ не заключали въ себя никакихъ бытовыхъ предметовъ. Въ гробницѣ, лежащей на глубинѣ аршина отъ вершины насыли, у ноги остова, обращеннаго головою на С., стоялъ глиняный горшокъ съ ушкомъ, украшенный въ верхней половинѣ (№ 424), а вколъ головы лежали двѣ бронзовыя булавы, вколъ сложеныя и похвтыя, съ большими фигурными бляхами, по четверти къ диаметру, съ узорнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ припыхъ точечныхъ линий, пересѣкающихся въ различныхъ направленияхъ (65.—425, 426). Въ гробницѣ, встрѣченной на глубинѣ 4-го аршина отъ вершины насыли, имѣвшей форму гроба, сложенаго изъ четырехъ плитъ, закрытого сверху двумя плитами и куломъ булыжника, при остаткахъ человѣческаго остова, обращеннаго головою на З., найдены: подъ правую челюсть бронзовыя бусы и бронзовая круглая привѣска съ ушкомъ и выемнымъ орнаментомъ (427, 428), съ боколъ головы, — по два кольца изъ бронзовой проволоки, безъ снайки концовъ (429, 430), у лѣваго бока, — ажурный колесовидный бронзовый предметъ неизвѣстнаго назначенія (431), въ ЮВ. углу гробницы, — фрагменты глинянаго сосуда, безъ орнамента, членъ барана, обрубленная остритъ орудиенъ,

и часть плечевой кости человека, не принадлежавшая скелету покойника, погребенного в этой гробнице, плечевая кость которого оставалась на своих местах, но бекам туловища (72 и 74.—432, 433). Из гробниц, открытой также на глубинѣ четвертаго аршина отъ вершины насыпи, по устройству подобной предыдущей, при остаткахъ человеческого остовѣ, обращеннаго головою къ Ю., найдены: съ боковъ голени,—два бронзовыхъ проволочныхъ кольца, безъ оплывки концовъ (435.—434), на правой кисти,—два плоскихъ бронзовыхъ колечка, концы одного изъ которыхъ согнуты спиралью (435, 436), у правой голени,—машиновая краска и толстостенный глиняный сосудъ безъ орнамента (№ 437). Въ гробницѣ, открытой на 6-мъ аршинѣ отъ вершины насыпи, закрытой сверху наменномъ платомъ и кучею булыжника и бѣлаго камня, въ ногахъ покойника, обращеннаго головою къ Ю. съ вытянутыми конечностями, найдены: слѣды машинной краски, горшечекъ и кости человеческого черепа и одной ноги съ частью таза (73 и 74.—438—440). Изъ гробницъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитокъ на материкѣ, у ногъ вытянутаго скелета, обращеннаго головою къ Ю., найдены: обломки человеческой голени и обломки человеческой челюсти (441, 442). Въ верхнемъ шлоѣ курганной насыпи найдены пять трехгранныхъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (65.—443, 444).

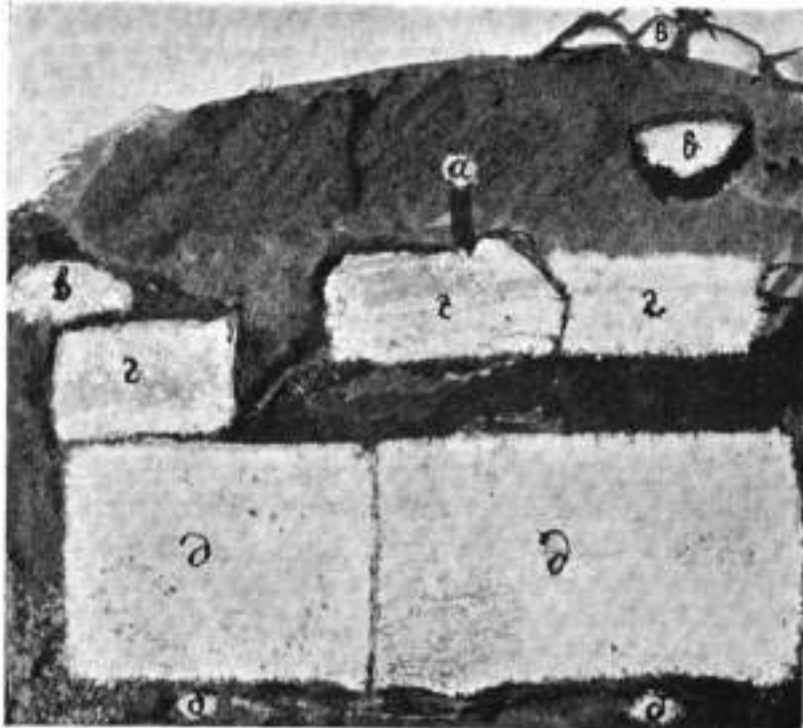
На рисункѣ изображены видъ гробницы кургана № V въ тотъ моментъ раскопки, когда три верхнія гробницы были уже разобраны, съ нѣтъ слѣдующихъ гробницъ, снѣтъ верхняго покрывала, а гробницы у подножья кургана остались еще въ насыпи неоткопанными.

в) часть выкутой насыпи кургана; б) слѣды насыпи съ насыпи кургана; в) кисти курганнообразной кучи лавной надъ гробницей № 1, въ которой были найдены машинные узорчатые бронзовые буланы 1, 2; г) мѣста осмотрѣнныхъ и разобранныхъ гробницъ до изготовления рисунка; 2) гробница, осмотрѣнная до рисунка, но не разобранная; 3) гробница съ костякомъ, у ногъ котораго найдены кости человеческого черепа, почти тазъ и одной ноги, принадлежавшія одной личности гробницы; 5—8, гробницы со стѣнками, сложенными изъ мелкихъ плитъ.

Рисунокъ № 16.

На прилагающемся рисунке изображены боковой вид гробницы кургана № V, открытой на материкъ, состоявшей изъ шести каменныхъ плитъ, соединенныхъ ребромъ другъ къ другу и закрытыхъ сверху тремя большими плитами.

а) набросъ разноцветной пясчаной кургана; б) материкъ; в) камни изъ желтоблещущаго покрывающаго крышу гробницы; г) три плиты, образующия стѣны гробницы, изъ которыхъ одна на своемъ мѣстѣ, а двѣ сняты на уступъ пясчанъ; д) двѣ боковыя плиты гробницы.

Рисунокъ № 14.

Курганы подь Пятигорскомъ, у колоніи Карраса.

Въ 1881 году подь Пятигорскомъ, въ окрестностяхъ колоніи Карраса раскопаны мною два большихъ кургана.—одинъ на сѣверной сторонѣ Назолаевскаго общественнаго пруда или озера, а второй—на южной.

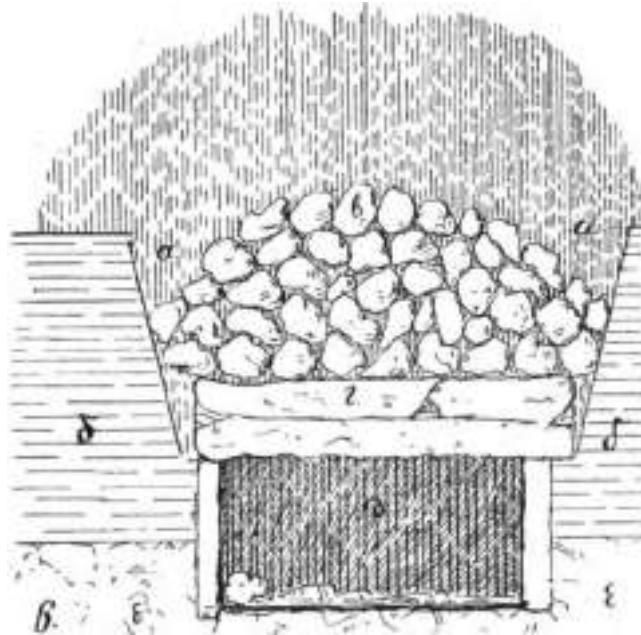
Курганъ № I. Ø. 150, в. 10 аршинъ. По снятій верхнимъ на 3 аршина глубины, была заложена колодезь 10 аршинъ въ квадратѣ.

Подъ слоемъ земли въ три аршина толщины обнаружены каменный курганъ, состоящій изъ крупнаго и мелакаго булыжника и кусковъ желтаго камня; подь центромъ кургана, въ могилѣ, вырубленной въ материкѣ,—закрытой каменными плитами гробовиднаго лица изъ каменныхъ плитъ, а на днѣ его,—остатки окрашеннаго человеческого остова, голени на Н, на спинѣ, конечности вытлуты.

Курганъ № II. Ø. около 100; в. 4 аршина. Подобно предыдущему кургану, также состояла изъ камня, закрытаго сверху землей. Подь центромъ кургана,—могильная яма 3-хъ аршинъ длины и 2-хъ аршинъ ширины и глубины, вырубленная въ материкѣ и залитая крупнымъ булыжникомъ и битымъ камнемъ; на днѣ могилы,—сбѣды толстыхъ перегибавшихъ деревянныхъ брусковъ, а подь ними остатки окрашеннаго человеческого остова, въ положеніи голени на Н, туловище на спинѣ, конечности вытлуты; являть основа, у лѣвой его конечн.—фрагменты грубаго глинянаго сосуда и осколки обсидіана.

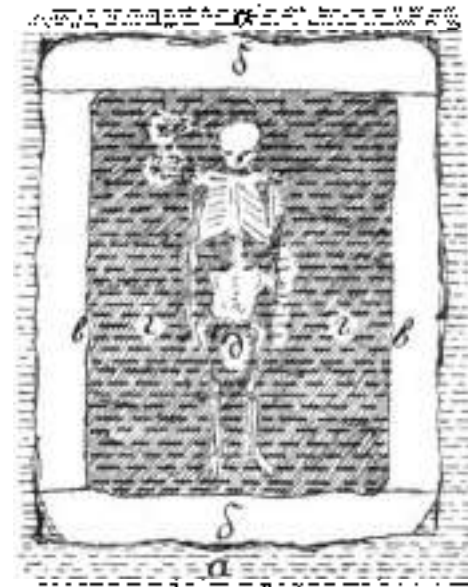
Особенность устройства могилы въ Пятигорскомъ курганѣ у колоніи Карраса № II состоитъ въ томъ, что каменныя плиты гробницы деревянными брусками, составляящею чело, по разложеніи деревянной крыши гробницы, груда булыжника и желтаго камня, ее покрывавшая, обрушилась на двѣ гробницы.

Нижеследующие рисунки кургана № 3 показывают, что устройство каменных гробницъ въ большихъ курганахъ подъ Пятигорскомъ однородно съ устройствомъ такихъ гробницъ въ большихъ курганахъ подъ Кисловодскомъ.

Рисунокъ № 15.

Знаки на рисункѣ № 15: а) червоземная насыпь; б) червоземно-глинистый материалъ; в) известково-глинистый материалъ; г) каменный холмъ надъ крышею гробницы; д) крыша гробницы изъ каменныхъ плитъ; е) могильная яма; ж) ее дно.

Рисунокъ № 16.

Знаки на рисункѣ № 16: а) материалъ; б) поперечная плита гробницы; в) продольная плита гробницы; г) могильная яма; д) положеніе костей на днѣ могильной ямы.

Курганы подъ Пятигорскомъ, у колоній Константиновки.

Къ числу мѣстностей, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи, замѣчательно много въ 1881 году при собираніи археологическихъ свѣдѣній въ окрестностяхъ Пятигорска, принадлежала новонастроенная площадь надъ нѣмецкою колоніей Константиновкою, между горами Машукомъ и Лысою, являющаяся курганами. Большіе курганы, имѣющіе отъ 30 до 300 арш. въ окружности основанія и отъ 5 до 18 арш. отвѣсной высоты, размѣщались преимущественно на окраинахъ площади, въ разстояніи отъ 20 до 200 саж. одинъ отъ другого; между большими—множество меньшихъ, расположенныхъ группами, отъ 5 до 80 вышиной; на той же площади были открыты древнія могилы подъ ровною поверхностью, безъ курганныхъ насипей.

По словамъ мѣстныхъ жителей, обитателей Константиновской колоніи, поселившихся на лѣвомъ берегу р. Подкумка, въ 5 верстахъ отъ Пятигорска, не умѣли добывать камень посредственнымъ порокомъ изъ естественныхъ его наслоевъ, а каменный матеріалъ для построекъ получали посредствомъ раскопки древнихъ могилъ. Первые курганы, каменными являлись много булыжника, битого или колотого камня и каменные плиты разной величины, а подъ камнемъ,—человѣчeskіи кости и разные древнія вещи, которые бросали, какъ имъ вѣрующая; впоследствии колонисты научились добывать камень изъ горы Машука, тѣ же каменоломни, посредственнымъ порокомъ, и тогда раскопки древнихъ могилъ прекратились, такъ какъ добываніе камня въ каменоломняхъ было сопряжено съ меньшимъ трудомъ, и потому камню можно было придать любую форму въ каменоломнѣ, но плѣтъ ? тому назанъ свободная ломка камня на горѣ Машукѣ была несправедлива.—за право ломки установленная плата, и съ

того времени и некоторые из беднѣйшихъ колонистовъ снова обратились къ раскопкѣ древнихъ могилъ, съ цѣлью добычкія изъ нихъ камня для хозяйственныхъ потребностей.

Изъ находокъ, сдѣланныхъ колонистами въ курганахъ и у нихъ сохраняются, приобрѣтены мною слѣдующіе предметы: пилеобразная кость, заостренная съ двухъ сторонъ (проходка), около четверти длины, найденная у подножія горы Манука, въ урочищѣ Берегъ, на древнейшій городищѣ (44.—454); топорикъ — молотокъ изъ нефрита, украшенный гравюрами, со сверликом, найденный въ гробницѣ изъ каменныхъ плитъ одного изъ большихъ кургановъ въ урочищѣ Гора при остаткахъ человѣческаго остова (445); круглая булава изъ кварцита со сверликомъ изъ гробницы „Древняго кургана“ въ урочищѣ Берегъ (46.—456); каменный пилеобразный оселокъ, около четверти длины, продырявленный съ одной стороны, изъ того же кургана (457); бронзовый ножъ или мечъ, безъ ручки, 10 вершковъ длины, найденный мѣстнымъ колонистомъ при раскопкѣ огорода (47.—458); бронзовая, желѣзчатое долото около 5 вершковъ длины изъ гробницы одного изъ кургановъ урочища Берегъ (57.—459).

Въ 1882 году мною раскопано у колоній Константиновки 85 могилъ, изъ которыхъ къ древнѣйшимъ, заключающимъ въ себѣ костицы, камни, и бронзова орудія, относятся нижеслѣдующія.

Курганъ № 1, въ урочищѣ Гора. Большая конусообразная насыпь, господствующая въ окрестности, лежащая съ правой стороны дороги изъ колоній Константиновки къ Лысой горѣ; у мѣстныхъ жителей известна подъ именами „Гора“, „Острая гора“, „Шлицъ-Кучень“, „Острый курганъ“ и „Большой курганъ“. На картѣ окрестностей Патк-горска, приложенной къ „Путеводителю по кавказскимъ минеральнымъ водамъ“ г. Миллтина, эта насыпь именуется „Большимъ курганомъ“. При конусообразной формѣ этотъ курганъ имѣлъ около 300 арш. въ окружности основанія и 18 арш. стѣнной высоты.

По словамъ мѣстныхъ жителей, въ началѣ семидесятихъ годовъ Владикавказскій землеѣрецъ, копая яму на вершинѣ Большаго кургана, встрѣтилъ камень, остатки сгнипшаго деревяннаго гроба, человѣческія кости, осережки, монисто и большія желѣзныя ножницы. По отъѣздѣ землеѣрца, поставившаго каменный столбъ на восточной половинѣ вершинки кургана, мѣстные жители выбрали изъ насыпи около сажени каменнаго булыжника, прекративъ дальнѣйшую раскопку на боязни обрушиться землеѣрческій столбъ. Выбравъ камень, колонисты нашли человѣческія кости, мѣльные трехгранные наконечники стрѣлъ, малкія бусы и золотое проволочное кольцо, безъ спайки концовъ.

Мною пересмотрѣна земля, выброшенная изъ могилы колонистами, срубавъ сверху треть насыпи, на полученномъ срывѣ прорытъ колодезь 20 аршинъ въ діаметрѣ, углубленный до каменистаго материка, и прорѣзана сѣверная половина кургана траншею въ 10 арш. ширины.

Изъ земли, выброшенной изъ могилы колонистами, найдены: фрагменты человѣческихъ костей и гнилыхъ сосудовъ, привѣска изъ морской раковины (46.—460), привѣска изъ темной каменицы (461), двадцать малкихъ стеклянныхъ бусъ желтаго цвѣта (462), фрагменты окислившей серебряной фибулы (463), фрагменты окислившихъ бронзовыхъ балхъ (464, 465), желѣзный ножикъ и два обломка треугольнаго желѣзнаго наконечника стрѣлы (466, 467).

При срывѣ вершины кургана встрѣчены четыре вставныя могилы, по устройству и содержанію, сходныя съ могилами кургановъ татарской эпохи, каждаго изъ нихъ мною въ 1881 году у колоній Карраса (см. ниже въ отдѣлѣ татарскихъ могилъ).

На 8 аршинѣ отъ вершины кургана на семь пространныхъ 20 аршиннаго колодезя обнаруженъ плотный слой желтой глинѣ, принятый мною и моими рабочими за материковый. Но въ этомъ слое оказались два четырехугольныхъ прорѣза, изъ которыхъ одинъ былъ совершенно рыхлымъ черноземомъ, а другой землею и камнемъ. Первый прорѣзъ оканчивался въ самомъ глиняномъ слое, на третьей его четверти, и представлялъ собой

две древней могилы, имевшей около 2½ арш. в квадратъ; гробница была разрушена колонистами, поджогавшими ее съ боку и выбравшими камень. Второй прообразъ былъ также древней могилою, имевшею около 2½ аршинъ въ квадратъ; часть камня изъ этой могилы также была вывута колонистами, поджогавшими ее съ западной стороны; на восточная половина могилы осталась въ треугольн. такъ какъ колонисты прекратили раскопку и засыпали вырытую яму, изъ боковой обручили каменный столбъ, поставленный въ вершинѣ кургана землемѣромъ; при очисткѣ поврежденной части могилы найдены: верхняя половина очень разложившагося человѣческаго скелета, глиняный сосудъ съ узкимъ горлышкомъ, орнаментированный поперечными и продольными полосками (468), смятая золотая бляха съ дырочками по бокамъ (468.—469), костяная бляшка (470), два костяныхъ, одинъ бронзовый и восемь мелкихъ трехгранныхъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ (471—473), пятьдесятъ семь стеклянныхъ желтыхъ и пяти стеклянныхъ зеленыхъ бусъ (474—476), два изогнутыхъ желѣзныхъ ножа (477, 478), фрагменты оконнаго желѣзнаго клянца или меча (479), два экземпляра окисшихъ желѣзныхъ удицъ, на одномъ изъ которыхъ одна половина значительно длиннѣе другой (480, 481), два желѣзныхъ предмета неизвѣстнаго назначенія (482, 483) и фрагменты двухъ желѣзныхъ окисшихъ дождкообразныхъ предметовъ (484)¹⁾.

Для послѣдней могилы, атрамбованнае глинно, оказалось лежащимъ въ слое чернозема 2-мъ четвертью ниже выкопаннаго глинянаго слоя, что указало на искусственное происхожденіе послѣдняго. Тогда изданный слой былъ прорубленъ на семь протяженій заасоеннаго въ курганѣ колодца, при чемъ на стѣнкахъ послѣднато ясло обозначилось желтый глиняный слой, отстоявшій верхнюю часть кургана отъ нижней и имѣвшій на верхъ стѣнкахъ толщину около 5-ти четвертой толщины. Для оприцѣленія границъ этого глинянаго слоя, лежащаго на черноземной насыпи, были выкопаны восемь пробныхъ ямъ съ разныхъ сторонъ и на различной высотѣ кургана, показавшихъ, что плотно утрамбованная глина, начинаясь въ концѣ 8-го аршина отъ вершины кургана, образуя форму полушара и постепенно утолщаясь, спускалась къ подошвѣ насыпи, на которой имѣла 2 аршина толщины. Это полушарная глиняная брѣвна дѣлила черноземную насыпь кургана на двѣ части, — верхнюю въ 8 и нижнюю въ 10 аршинъ высоты.

При дальнѣйшемъ углубленіи колодца въ насыпь, открыты двѣ двурядныя каменные гробницы на подошвѣ кургана, покрытыя курганнообразными кучами булыжника и колотатаго камня, въ разстояніи 19 арш. одна отъ другой.

Гробница I. Вершина первой кучи камней была обнаружена подъ нижней половиною ваямп кургана, на глубинѣ тринадцатого аршина отъ его вершины и на пятномъ аршинѣ отъ выкопаннаго глинянаго брѣвна. Подъ каменистымъ курганчикомъ помѣщались два яруса гробницы, сложенной изъ каменныхъ плитъ разной величины. Верхній ярусъ представлялъ собою гробовидный четырехугольный ящикъ 2½ арш. длины и аршинъ ширины и глубины, сложенный изъ плитокъ отъ 3 до 6 четв. длины и отъ 2 до 6 верш. толщиной, закрытый сверху двумя плитами во 2 арш. длины и 1½ арш. ширины; на двѣ, — очень разложившійся человѣческій скелетъ, головою на З., конечности вытнуты; а при немъ, — каменная плита формы трапеція (469.—485), два кремни и осколокъ обсидіана (486, 487). Дно скелета составлялъ слой плотно утрамбованной желтой глины, около 2 четвертей толщиной; а подъ этимъ ложемъ обнаружены три каменные плиты, прикрывавшія могилу, вырубленную въ материковомъ известномъ щебнѣ, въ размѣрѣ около 3 арш. длины, 1 арш. ширины и около 3 четв. глубины; въ верхнѣ, — хорошо сохранившійся человѣческій скелетъ.

¹⁾ Перечисленные бытовые предметы однородны съ такими же предметами богатаго содержания могильнаго ското-сарматской эпохи, исследованнаго мною въ 1881 году у колодеи Каррала на „Чесмыль-Горѣ“, подъ ровною поверхностью земли, безъ курганныхъ насыпей (см. ниже, въ отдѣлѣ мѣста ското-сарматской эпохи).

головой на восток, лицом вверх, туловище на спину, конечности вытянуты; несь состоит покрыть красной краской; из гонимых его, из черепомъ, найдены фрагменты глиняного сосуда, разбитый неосторожнымъ ударомъ костяной молотомъ со сверлиною (483), кремль (484), кость какого-то животного (495), кучка мелкихъ раковинъ (498), чехолъ для голень (74,—497), принадлежащая костьку могилы.

Гробница 2. Второй каменный кургачикъ размѣщался въ центральной части для насипи кургана, его вершина вострѣчена въ началѣ шестого аршина подъ глиняной бровкой насыпи, а подъ нѣмъ открыта также двуплечная каменная гробница; верхній ярусъ составлялъ каменный ящикъ изъ плитокъ, положенныхъ въ пять рядовъ планнымъ одна на другую, покрытый сверху двумя большими плитками, одна изъ которыхъ ложилась отъ палора верхней части каменной насыпи и обрушилась на две каменные плитки вмѣстѣ съ давившимъ на нее булыжникомъ. При отчислѣ гробницы отъ камня, на дѣлѣ она была видна гряда раздавленныхъ камней костей, между которыми можно было различить два лошадиныхъ черепа, лошадиныя конечности и человѣческія зубы. Подъ костями обнаружена углубленная слой желтой глыбы, какъ въ верхней гробницѣ каменной половинѣ кургана, а подъ нѣмъ,—дѣлѣ каменные плитки, плотно прилегающія другъ къ другу, служившія основаніемъ верхняго яруса гробницы, его дномъ, и въ то же время крышю нижняго яруса гробницы, состоявшей изъ четырехъ плитъ, изъ которыхъ дѣлѣ, каждая въ размѣрѣ 4 аршина длины, составляли продолжныя стѣнки каменнаго ящика, въ направленіи съ запада на востокъ, а дѣлѣ, каждая $1\frac{1}{2}$ аршина длины, замыкали его поперечныя стороны.

Предполагая въ нижнемъ ярусѣ описанной гробницы главную могилу, какъ которой первоначально была насыпанъ курганъ 16 аршинъ высоты, бровчатый гонимъ, не открывавъ этой могилы, я извѣтилъ объ ее открытіи графа Алексея Сергѣевича Уварова, производившаго въ то время археологическія раскопки въ окрестностяхъ Кололовова, и въ отвѣтъ получилъ просьбу не вскрывать гробницы до пріѣзда графа къ колоніи Константиновску. Въ послѣдующіе дни мною были откопаны шесть курганныхъ могилъ и дѣлѣ безъ курганныхъ насипей, разнаго устройства и принадлежавшихъ разнымъ историческимъ эпохамъ. Эти восемь могилъ, какъ и главная гробница „Большаго кургана“, были вскрыты въ присутствіи графа А. С. Уварова и графини П. С. Уваровой.

Когда съ выкопанной главнѣйшей гробницы Большаго кургана были сняты верхніе плитки, составлявшія дно гробницы верхняго яруса и крышу нижняго, то оказалось, что онѣ лежали на верхнихъ ребрахъ четырехъ каменныхъ плитъ, поставленныхъ каменными ребрами въ яму, вырубленную въ каменномъ грунтѣ на три четверти глубины; на столько же этотъ каменный ящикъ возвышался надъ уровнемъ грунта, и со всѣхъ сторонъ тщательно былъ обложенъ каменными плитками, кусками колотого камня и булыжникомъ. Каменные плитки гробницы были тщательно обиты, плотно примыкали другъ къ другу, плитки по 2 четверти толщины и вставали себѣю магильную яму въ размѣрѣ 3 аршина длины и 5 четвертей ширины. На дѣлѣ ямы размѣщался округленный человѣческій скелетъ, обращенный головою на западъ, лицомъ вверхъ, на спину, конечности вытянуты; а при немъ найдены слѣдующіе бытовые предметы: у головы,—нефритовый тоноръ-молотокъ со сверлиною, превосходно шлифованный и необыкновенно красивой формы (88,—498); у праваго бока,—бронзовый ножъ или наковечникъ конья (499), бронзовый четырехгранный стержень около четверти длиной, заостренный съ двухъ концовъ, (500) и слѣды разломанныхъ тонкихъ бронзовыхъ предметовъ; у лѣваго бока,—бронзовое долото (501); на туловищѣ,—12 круглыхъ, плоскихъ, предьразмѣненныхъ бусъ или пуговицъ изъ раковины (502), ожерелье изъ бронзовыхъ бусъ и пелѣсокъ различной величины и формы (503, 506) и серебряное амѣвильное колечко, безъ спайки концы (507); у ступней,—глиняный сосудъ, украшенный въ верхней половинѣ (508).

Курганъ № II. Въ томъ же урочищѣ „Гора“, вблизи „Большого кургана“, съ правой стороны дороги изъ Коммуналовки къ Лисой горѣ раскопанъ распаханный курганъ, сохранившаяся насыпь котораго имѣла въ окружности основанія около 50, высоту около 3 аршинъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, изъ этой насыпи, до ея распахивки, было выдута много булыжника, колотатаго камня и нѣсколько палтъ. Насыпь раскопана колдцемъ 12 арш. въ квадратѣ, уменьшившимъ у подошвы до 8 арш. Въ насыпи найзены: фрагменты человеческого черепа, разбросанные въ безпорядкѣ мѣстными жителями при добываніи камня, бронзовая конечка, подвѣсна формы перстня съ выдклымъ верхомъ, подвѣсна формы кольца съ ромбовиднымъ выдклымъ верхомъ, подвѣсна треугольной формы и четырнадцать бронзовыхъ бусъ (75.—509—513).

На подошвѣ насыпи открыты признаки могильной ямы, вырубленной въ материковомъ глинисто-песчаномъ щебнѣ и снова плотно затрамбованной тѣмъ же щебнемъ. При углубленіи колодца въ материкъ, на четвертомъ, пятомъ и шестомъ аршинахъ отъ подошвы кургана были встрѣчены три каменные плиты, въ размѣрѣ 3 аршина длины, $2\frac{1}{2}$ аршина ширины и 2 четвертей толщины, лежащая одна надъ другою; эти плиты невозможно было вынуть изъ ямы въ пѣлости силою рабочихъ, а потому онѣ были разбиты и навлечены надъ яму по частямъ. Подъ третьей плитой, на глубинѣ 7-го аршина отъ подошвы кургана открыта могила, выкопанная въ слоеъ желтой гиллы, лежащемъ подъ каменистымъ слоемъ; на днѣ могилы, имѣвшей въ длиннѣ слоеъ 2 аршина длиной и около аршина ширины и глубины, найдены остатки человеческого черепа, обращеннаго головою на СЗ., на спящѣ, конечности вытянуты; а при немъ,—костяное кольцо (75.—516) и глиняный горшечекъ, украшенный въ верхней половинѣ сложнымъ орнаментомъ (№ 517); изъ костей черепа хорошо сохранилась только лобная кость черепа (№ 518).

Курганъ № III. Между урочищами „Гора“ и „Демевня курганъ“, съ правой стороны „Имеотгорской“ дороги, распаханный. На подошвѣ, подъ слоемъ булыжника и бѣлаго камня, обнаружены двѣ могилы съ остатками человеческихъ костей, въ положеніи головою на востокъ, конечности вытянуты. При одломѣ костейъ найдены: ногнутая бронзовая булава (75.—519), тридцать бронзовыхъ бусъ (520), бронзовая подвѣсна (№ 521), и каменная подвѣсна формы запячки (522); при другомъ,—семнадцать мелкихъ бусъ желтого и зеленого цвѣта (523).

Курганъ № IV. Въ урочищѣ „Гора“, съ лѣвой стороны „Имеотгорской“ дороги, въ разстояніи около 200 сажелей отъ „Большого Кургана“; распаханный; окружность замѣтной части насыпи 150, высота около 6 аршинъ. Раскопанъ колдцемъ, въ размѣрѣ 20 аршинъ въ квадратѣ. Въ верхнихъ слояхъ насыпи, на глубинѣ трехъ аршинъ отъ вершины, найдены: двѣ бусы, изъ которыхъ одна глазурованная (75.—524, 525), половина бронзоваго зеркала съ ручкою (526), развиты кости человека, лошади, барана и какой то птицы. На четвертомъ аршинѣ отъ вершины насыпи обнаружена курганобразная груда булыжника и колотатаго камня, а подъ нею открыто пространство около четырехъ аршинъ длины и трехъ аршинъ ширины, обставленное съ боковъ двумя рядами крупныхъ каменныхъ плитъ, отъ низутора до двухъ аршинъ длиной и шириной, поставленныхъ ребромъ одна надъ другою, и заложенное десяткомъ рядами каменныхъ плитокъ, до аршина въ квадратѣ, положенныхъ плашмя другъ на друга, на глубину около трехъ аршинъ. Подъ десяткомъ рядами плитъ открытъ каменный ящикъ, заложенный каменномъ плетомъ около $2\frac{1}{2}$ аршинъ въ квадратѣ. Длина гробницы два, ширина одна и глубина полтора аршина; стѣнки сложены изъ каменныхъ плитокъ, положенныхъ одна на другую. На днѣ гробницы открыты остатки дѣтскаго черепа, въ положеніи головою на В., конечности вытянуты; у праваго бедра,—вилфованный каменный молотокъ; у головы,—бронзовая пряжка, подвѣсна, бусы и плоскія круглыя бляшки или пуговицы изъ кости (75.—527-533); у лѣваго бока,—двадцать хорошо сохранившихся бараньихъ косточекъ—бабокъ (534, 535) и глиняная монета формы кружки, орнаментированная въ верхней половинѣ (536).

Курганъ № V. Въ урочищѣ „Гора“, съ лѣвой стороны „Лисогорской дороги“; раз-
паханый. На подошвѣ насыпи,—слѣды каменной гробницы съ фрагментами окрашеннаго
человѣческаго остова, разрушенной добытателями камня.

Курганъ № VI; съ лѣвой стороны Лисогорской дороги, одна замѣтная. На глубинѣ
1 1/2 арш. отъ поверхности, къ южной имѣ двухъ аршинъ въ квадратъ и одного ар-
шина глубины, вырубленной въ каменномъ щебнѣ и заваленной такимъ же щебнемъ,—слѣ-
ды разложившагося дерева и остатки двухъ человѣческихъ костяковъ, обращенныхъ го-
ловами на В., въ полусидячемъ положеніи, руки на бедрахъ, ноги согнуты въ колѣнахъ;
череза сохранились (537, 538); вошлѣ костей,—осколки обидіана и темный кремнь (64,—
539, 540).

Курганъ № VII; у подошвы горы Машука, въ разстояніи двухъ съ половиною перестъ
отъ колоніи Константиновки, по дорогѣ въ колонію Николаевскую, съ лѣвой стороны доро-
ги, называемый мѣстными жителями „Денежный курганъ“. Раскопанъ въ 1881 году коло-
нистами для добычянн камня, отержившими въ насыпи три гробницы изъ каменныхъ плитъ,
прикрытыхъ булыжникомъ и колотымъ камнемъ. Въ одной изъ гробницъ были найдены
колонистами каменный шлифованный осколокъ, продырявленный съ одной стороны (46.—
457), а въ другой,—круглая булыга изъ кварцита, съ темными прослойками, со сверлиною
посрединѣ (458). По словамъ колонистовъ, изъ нижней могилы, открытой ими на подошвѣ
кургана, были взяты только верхняя плита, а каменная плита, составляющая стѣнки
гробницы, оставлены въ гнѣздахъ, по трудности выемки ихъ изъ глубины насыпи. Провѣ-
рочная раскопка обнаружила на подошвѣ кургана, подъ его центромъ, стѣнки каменной
гробницы, сложенной изъ четырехъ плитъ, а на днѣ ея,—глиняный сосудъ, орнаментиро-
ванный сложными узорами по всей поверхности (541), фрагменты окрашеннаго человѣчес-
каго остова, разбросанные въ безпорядкѣ, зубы лошади и кусочки малиновой краски, часто
встрѣчающейся въ могилкахъ съ каменными орудіями. Две могилы были вымазаны глиною.

Могилы подъ ровною поверхностью, противъ горы Машука, въ трехъ перстахъ отъ ко-
лоніи Константиновки, по дорогѣ въ колонію Николаевскую, съ правой стороны дороги, бы-
ли открыты въ 1879 году случайно однимъ изъ Константиновскихъ колонистовъ. Мѣсто
этой ямы въ 1882 году представляло собою небольшую яму, заросшую травой. Провѣ-
рочная раскопка обнаружила сложенный въ кучу человѣческія кости и фрагменты двухъ
глиняныхъ сосудовъ. Вблизи этой ямы идти указало присутствіе камня подъ распаханной
почвой, а потому выкопаны были шесть разрозненныхъ пробныхъ ямъ: въ трехъ изъ нихъ
встрѣченъ плотный материковый каменный щебень, съ однимъ природная каменная скала, а
въ двухъ могилкахъ. Первая могила помещалась подъ слоемъ булыжника, закрывавшимъ про-
странство около 3 аршинъ въ длину и ширину, а подъ нимъ, на глубинѣ 1 1/2 аршинъ отъ
поверхности,—три каменные плиты, рядомъ лежащія на могилѣ 2-хъ арш. длиной и 1 1/2 арш.
шириной, вырубленной въ каменномъ щебнѣ, съ остатками двухъ человѣческихъ костяковъ;
первый костякъ былъ обращенъ головою на В., руки пригнуты локтями къ бородѣ, бедра
пригнуты къ животу, голени къ бедрамъ, на лѣвомъ боку; у головы,—фрагменты глиня-
наго сосуда; второй остова лежалъ на четверть ниже первого, головою къ З., на спинѣ,
конечности вытянуты; кости очень хрупки, изъ нихъ была взята только лобная кость ниж-
няго остова (№ 542). Во второй могилѣ, подъ слоемъ булыжника около трехъ четвертей
толщиною,—днѣ каменныхъ плитъ, прикрывавшія лодкообразное углубленіе, вырубленное
въ каменномъ скалѣ, съ очель разложившихся остатками человѣческаго остова въ полуси-
дячемъ положеніи, обращеннаго головою къ З., на спинѣ, руки вытянуты, голова и грудь
приподняты, ноги согнуты.

Находка въ Осетии, у аула Чми, въ урочищѣ Царца.

Въ 1882 году, во время излѣдованія катакомбнаго могильника въ Тагурскомъ уездѣ, Владикавказскаго округа, близъ аула Чми, палъ источникъ Стургома, мѣстные жители сообщали мнѣ, что валь балкомъ, лежащемъ въ разстояніи полуверсты съ другой стороны аула Чми, весной того года слѣзавшея промоина, а въ ней были видны человѣческія кости, глиняные горшки и мѣдныя вещи. Десять рабочихъ были направлены мною въ слѣдующую мѣстность, и здѣсь, по указанію мѣстныхъ жителей, въ небольшой котловинѣ террасы, образуемой возвышенностью, лежащей подл ауломъ Чми, была произведена раскопка, обнаружившая массу человѣческихъ костей въ совершенномъ безпорядкѣ, множество фрагментовъ глиняной посуды и разные бытовые бронзовые предметы. Поименованному, это мѣсто называемое Осетинами Царца, что по русски значитъ гдѣбѣ, представляетъ собою оваловидную котловину, обрѣдывающуюся съ одной изъ горныхъ покатоствъ, лежащихъ надъ мѣстомъ Царца. Черепъ и другія части человѣческихъ скелетовъ встрѣчались здѣсь какъ бы брошенными въ общую сорную кучу; въ такомъ же безпорядкѣ были нахожены глиняные и бронзовые предметы, часто разбитыми, распутыми и поломанными. Небольшіе помѣщались въ слѣдъ жирнаго череповца, смѣшаннаго съ каменными, раковинами и гальвою.

Въ первой котловинѣ Царца выкопаны мною двѣ ямы, въ размѣрѣ около 10 арш. въ квадратѣ, на глубину до трехъ аршинъ, въ разстояніи 3 аршинъ одна отъ другой.

Въ раскопанномъ пространствѣ урочища Царца, въ первой изъ выкопанныхъ ямъ, были найдены слѣдующіе предметы: три бронзовыхъ канька или жала различной величины и поковки четвертого, украшеннаго по срединѣ тремя продольными бороздками (67, 638—641); четыре дроблѣвидной формы бронзовыя наконечники стрѣлы, плоскихъ съ длинными стержнями (642—645); два шкелки желобковатыхъ бронзовыхъ браслета (64—646, 647); плоскій желобковатый бронзовый браслетъ, съ утонченными концами, свернутыми спиралью (648); восемь браслетовъ изъ массивной бронзовой проволоки различной величины (650—657); три браслета изъ плоской граненой бронзовой проволоки (658—660); дугеобразная бронзовая фибула съ сохранившимся угломъ (65, 661); дугеобразная бронзовая фибула безъ угла (662); пятнадцать колецъ изъ бронзовой проволоки, безъ спайки концовъ, различной величины (663—674); наконечникъ изъ граненой бронзовой проволоки (675); двѣнадцать продолговатыхъ колецъ изъ бронзовой проволоки, съ загнутыми концами, въ родѣ подвѣсокъ (676—679); выпуклая, согнутая бронзовая бляха, орнаментированная у основанія двумя полосками (83, 680); бронзовая шпилька съ согнутыми спиралью верхними концами, въ четверть длины (681); сорокъ пять сердоликовухъ, бронзовыхъ, черепашьихъ, глиняныхъ и стекляныхъ бусъ (682, 683).

Въ другой урочищѣ, выкопанной на 3 аршина ниже первой, найдены слѣдующіе предметы: окислый плоскій бронзовый наконечникъ стрѣлы съ длиннымъ стержнемъ (80, 684); лезвие маленькаго бронзоваго кнжала (685); браслетъ изъ широкой граненой бронзовой бляхи (686); маленькій браслетъ изъ плоской бронзовой бляхи (687); браслетъ изъ круглой бронзовой проволоки (688); четыре бронзовыя проволоки формы продолговатыхъ колецъ, съ загнутыми внутрь концами (689); до пятнадцати кнжалъ и покованныхъ бронзовыхъ пластинокъ формы полуконца, съ загнутыми внутрь концами (690—693; 87, 694—696); двѣнадцать бронзовыхъ бляшекъ разной формы и величины (87, 697—701); восемь бронзовыхъ бляхъ, свернутыхъ въ трубочки (702—704); семь бронзовыхъ плоскихъ проволокъ, свернутыхъ въ спираль (705—707); три бронзовыхъ гвоздя (708); пять сердоликовухъ и три стекляныя бусы (86, 709, 710); множество фрагментовъ разныхъ окислыхъ бронзовыхъ предметовъ: колецъ, браслетовъ, бляхъ, подвѣсокъ и проч. (85, 87, 711, 712).

Рядомъ со множествомъ глиняныхъ черепковъ, разбросанныхъ въ совершенномъ безпорядкѣ, найдены девять сохранившихся сосудовъ: 1) красивой формы горшочекъ съ ушкомъ, украшенный по срединѣ дюрчатой каемкой и продольными параллельными полосками (№ 723); 2) подобный черепку по формѣ и орнаменту, но безъ ушка и безъ дюрчатой каемки, которую замѣняетъ простая полоска (№ 724); 3 и 4.—небольшие горшочки съ отбѣвшими ушками (№№ 725, 726); 5) отличается отъ предыдущихъ своею формою, а именно, несоразмѣрно съ высотой широкимъ дномъ и верхомъ (№ 727); 6—9) горшки разной формы и величины безъ ушекъ и орнаментовъ (№№ 728—731).

Найдены цѣлыми шесть человѣческихъ череповъ безъ нижнихъ челюстей, такъ какъ въ грудяхъ костей, вѣтвящихся въ совершенномъ безпорядкѣ, невозможно было опредѣлить, къ какимъ черепамъ принадлежали находимыя нижнія челюсти: всѣ уцѣлѣвшіе черепы отличаются длинноглавостью и очень выжиными и узкими лбами (№№ 732—735).

Конецъ дѣтскихъ лаякулъ 1882 года я предполагаю посвятить дослідованію урочища „Царя“ у аула Чми и близкому обследованію могильниковъ Владикавказскаго округа, въ которыхъ были находимы орудія изъ камня, кости и бронзы, съ цѣлю опредѣлить ихъ историческое отношеніе къ курганнымъ могильникамъ Пятигорскаго округа, содержащимъ орудія того-же состава; но тяжелая форма кавказской дилоралки, приобретенная мною во время дослідованія катакомбнаго кладбища у аула Чми, заставила ограничиться однодневною раскопкою въ урочищѣ Царя и выѣхать въ Варшаву, гдѣ докторъ воспрегнулъ мнѣ дальнѣйшія раскопки на Кавказѣ.

Случайныя пріобрѣтенія.

Бытовые предметы Кобанскаго могильника.

По извѣщеніямъ въ печати свидѣвшихъ кобанскій могильникъ помѣщается на уступѣхъ возвышенности, называемой Хардаатъ, лежащей между осетинскими аулами Верхней и Нижней Кобанью, отстоящими другъ отъ друга на полторы версты. Возвышенность эта начинается у сѣвернаго днухъ горныхъ рѣчекъ, называемыхъ Гизель-Доль и Шуара-Доль; первая изъ нихъ омываетъ возвышенность съ сѣверной стороны, а вторая съ южной. Начинаясь здѣсь узкимъ клиномъ, Хардаатъ постепенно расширяется и подымается къ Верхней Кобаню, образуя на протяженіи около полуверсты четыре террасы, подъ ровною поверхностью которыхъ помѣщаются могилы въ два и три яруса, безъ наружныхъ признаковъ.

Могильникъ открытъ случайно, благодаря тому, что возвышенность была подмыта водою, въ разныхъ мѣстахъ пропавшими обваламъ береговъ, обнаружившіе челоушескія кости и бронзовые предметы. На обрывахъ видно было, что возвышенность состояла изъ желтой глинъ и покрывавшаго ее слоя червезема, особенно утолщающагося на террасахъ, гдѣ помѣщались могилы, представлявшія собой прямоугольныя ямы, вырытыя въ червеземѣ и заделанныя булыжниками и землей въ уровень съ окружающею поверхностью, которая до открытія могильника и раскопокъ представляла собой поле, распаханное подъ посѣвъ. Сосуды въ могилахъ были находимы преимущественно въ положеніи головою на востокъ, а концы ихъ согнуты въ локтяхъ, въ тазовыя сочлененія и въ колѣняхъ подъ прямыми и острыми углами. Бытовые предметы были находимы на постыхъ погребенныхъ, въ значеніи украшеній и орудій, и въ большинствѣ или менѣе отъ костей животныхъ, иногда сложенными въ кучу въ одномъ изъ угловъ могилы, иногда сложенными въ сосудѣ. Кости въ могилахъ очень крупны и въ большинствѣ случаевъ раздвинуты камнями, которыми заделаны могилы.

Во время моих археологических исследований 1882 года в окрестностях осетинского села Чми, житель Кобани Хабозы Каукозов, известный торговец древностями Кавказа, и его соседи привезли из Кобани следующую коллекцию древностей, приобретаемую мною:

Бронзовые: топорикъ, украшенный съ обѣихъ сторонъ рѣзными изображениями четвероногихъ животныхъ (77.—543), три лезвiя кнжалоны различной величины (544—546), браслетъ—цифъ изъ граненой проволоки въ восемь оборотовъ, съ загнутыми спиралью концами (78.—547), браслетъ—цифъ изъ граненой проволоки, въ восемь оборотовъ, съ загнутыми спиралью концами (548, 549), напейники (550), ножное кольцо—браслетъ изъ массивной проволоки (551), два широкихъ граненыхъ браслета, съ загнутыми спиралью концами, изъ которыхъ одинъ дѣтскiй (552, 553), одиннадцать массивныхъ дугообразныхъ фибулъ съ узорами, состоящими изъ рѣзныхъ черточекъ (79.—554-564), четыре изображения барельефа головокъ, служившихъ привѣсками (80.—565-568), привѣска, изображающая голову козла (569), привѣска, изображающая голову свиньи (570), два привѣски птицеобразной формы (571, 572), два привѣски изъ плоской проволоки, загнутой зигзагами въ три оборота, со свернутыми спиралью концами (573, 574), два спиральныхъ колечка (575, 579), шесть массивныхъ шпильки различной формы и величины, отъ 2 вершковъ до 2 четвертей длины (81.—581-586), шесть круглыхъ выгнутыхъ бляхъ различной величины, съ двумя дырочками каждая (587—590), три двойныя выгнутыя бляшки различной величины (591, 590), два ромбовидныя массивныя бронзовыя бляшки (592), рѣзной стержень, въ родѣ застежки (593), привѣска формы маленькаго перстня (594), привѣска изъ крестообразной бляшки, съ загнутыми внутрь концами (595), проволочная фибула или шпилька (82.—596), шпилька съ широкою бляшкою вверху, загнутою спиралью (597), массивная игла (598), массивная бляха или металлическое зеркалаце, съ ушкомъ посрединѣ, и обломки такой же бляхи (82.—599, 600), массивная ромбовидная бляшка (601), два украшения изъ граненой проволоки, загнутой зигзагами и со свернутыми въ спираль концами (602, 603), подѣска, изображающая голову собаки (604), птицеобразная подѣска (605), желѣзное глухое кольцо (610), два браслета изъ граненыхъ бляхъ, съ проволочными концами, загнутыми спиралью (611, 612), браслетъ изъ массивной проволоки (613), ножное кольцо—браслетъ, съ расширенными и загнутыми спиралью концами (614), массивная застежка, украшенная семью желѣзными треугольными бляшками—пемладками (83.—615), массивная застежка, съ вырѣзанными изображениями оленя и еще четырехъ четвероногихъ животныхъ,—волка или собаки (616), два половинныя массивной застежки, украшенной рѣзнымъ узоромъ и изображениями пяти четвероногихъ животныхъ,—волка или собаки (617), половинныя массивной застежки, украшенной рѣзнымъ узоромъ (618), пять массивныхъ застежекъ различной величины (619—623), спираль изъ плоской бронзовой проволоки, свернутая въ двадцать оборотовъ (624), два толкля широкія проволоки, свернутыя спиралью (625, 626), девять трубочекъ различной величины (627—629), два цѣпочки (630, 631), массивный крестообразный предметъ со скважиною дыркой посрединѣ (632), циплочки въ родѣ пинцетовъ (633), фрагменты сосуда изъ тонкой бляхи, съ массивною бронзовою ручкою, украшенною въ верхней половинѣ изображенiемъ головы съ двумя ушами (634, 635), два чапеконидныхъ сосуда изъ бронзовыхъ бляхъ (636, 637)¹⁾.

Находки въ гробницѣ кургана у Кисловодской станицы.

На Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ Г. Д. Феллицинъ переслалъ въ мою коллекцію древностей находку въ каменной гробницѣ кургана, расположеннаго въ 1878 году вблизи Кисловодской станицы, которую составляютъ следующие бронзовые предметы:

¹⁾ Подробное описанiе Кобаяскихъ монетныхъ древностей см. въ капитальномъ изданiи: „Материалы по Археологiи Кавказа“, графиня Угарова; изд. ЦН, стр. 1—96. 1906 г.

Изображеніе четвероногого животнаго, съ орнаментомъ верхней половины (445); круглая выпуклая бляха, съ двумя пырочками наверху и съ орнаментомъ (446); массивная булавка, съ орнаментомъ поперечнѣй (447); половинна массивной узорчатой прикѣски (448); прикѣска съ ручкою и шипами, формы кастета (449); тринадцать бусъ разной формы и величины (452, 453).

Находки разныхъ мѣстъ.

Находки г. Карповой въ курганахъ Екатеринославской губерніи, Новомосковского уѣзда, въ окрестностяхъ селенія Вороной: кремневый ножъ 6-ти дюймовъ длины (66,--880), орудіе изъ рога, предназначеннаго на тушю коня и украшеннаго свастикою и узорами, состоящими изъ черточекъ и кружковъ съ точками въ среднѣй (381), четыре глиняныхъ сосуда съ узорчатыми украшениями (750—753).

Находки 1881 года въ могилѣ, открытой при расчисткѣ огорода въ селеніи Большая Знаменка, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губерніи: бронзовые: проволоочная спиральная подвѣска (63,--382), два проволоочныхъ браслета (383, 384), дуговое кольцо (385), два пуговицы (386), буса (387) и шесть наконечниковъ стрѣлъ (388—390).

Половина напейника изъ окрученной бронзовой проволоки и чаша съ положеномъ бронзовыхъ колецъ формы браслетъ,—изъ кладки, найденнаго въ 1869 году у с. Белбода, Мелитопольскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи (38,--739, 740).

Бронзовая ручка меча и два фрагмента бронзоваго напейника,—изъ гробницы у с. Осенщины, Мелитопольскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи (741, 742).

Два бронзовыхъ кельта-топора съ шипами, орнаментированные съ боковъ рельефными треугольниками въ три линіи,—изъ кладки у г. Нилова, Подольской губерніи (743, 744).

Массивный бронзовый, орнаментированный браслетъ-поножовникъ,—изъ коллекціи севастополя Карницкаго (746); круглое бронзовое зеркало, массивная бронзовая фибула съ расширенными ромбовидными концами, украшенными свастикообразнымъ узоромъ, и бронзовая фибула, состоящая изъ двухъ орнаментированныхъ по краямъ овальныхъ бляхъ и массивнаго дугообразнаго соединенія,—оттуда-же (747—749).

Общая характеристика устройства и содержанія могилъ киммерійской эпохи.

На III Киевскомъ археологическомъ съѣздѣ, въ рефератѣ о Сѣверянскихъ курганахъ и городищахъ, я впервые указалъ на признаки славянорусскихъ могилъ и общественныхъ жилищъ языческой эпохи и на возможность и необходимость пользоваться археологическими матеріалами, какъ источникомъ историческаго знанія („Труды“ съѣзда, т. I).

На Варшавскомъ съѣздѣ естественныхъ наукъ я сообщилъ свидѣнія объ устройствѣ и содержаніи особаго вида курганныхъ могилъ, открытыхъ раскопками Н. Е. Забѣлца и мной въ области Приднѣпровья, содержащихъ окрашенные и неокрашенные человѣческіе кости въ скорченномъ—угробномъ положеніи, обращенные головами въ разные стороны, съ бытовыми предметами изъ глины, кости, камня и жѣлѣза, при полномъ отсутствіи надѣлѣй женъныхъ („Протоколы“ съѣзда по сек. антр. и этногр.).

Съѣзду Московской антропологической выставки 1874 года я сообщилъ рефератъ, подъ заглавіемъ „Антропологическіе и археологическіе матеріалы въ предѣлахъ Привислинскаго края“, въ которомъ выдѣлилъ въ особый отдѣлъ древнѣйшихъ могилъ Царства Польскаго „наменные гробницы, имѣющія форму ящичковъ, сложенныхъ изъ крупныхъ гранитныхъ камней и закрытыхъ сверху однимъ, двумя и тремя плитообразными камнями, содержащихъ человѣческіе кости въ лежачемъ и сидячемъ положеніи, необожженные глиняные

сосуды, шафированные каменные орудія и украшения изъ кости и янтаря" (Антр. Вѣст. 1879 г.; III, с. 176).

На томъ же антропологическомъ съѣздѣ, въ рефератѣ „Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи" я сдѣлала первую попытку классификаціи могильныхъ древностей южной Россіи на основаніи различій въ устройствѣ и содержаніи могилъ каменной, бронзовой и желѣзной культуры, а въ послѣдней—древностей эпохъ скито-сарматской и славяно-русской (тамъ-же, с. 338—350).

Въ рефератѣ „Могильные древности Пятигорскаго округа" я сообщила Тифлисскому археологическому съѣзду о результатахъ моихъ археологическихъ раскопокъ въ области кавказскаго Пятигорья и обратила особое вниманіе членовъ съѣзда на каменные гробницы большихъ Кисловодскихъ и Пятигорскихъ кургановъ съ окрашенными и неокрашенными костяками, погребенными въ разныхъ положеніяхъ, съ бытовыми предметами изъ глины, кости, камня, мѣди и бронзы. Курганы съ такими гробницами я выдѣлила въ особую группу древнѣйшихъ могилъ на Кавказѣ, резко отличающуюся своимъ содержаніемъ отъ Пятигорскихъ и Кисловодскихъ могилъ, относящихся къ послѣдующимъ историческимъ эпохамъ и содержащихъ бытовые предметы изъ желѣза (Труды V-го Арх. съѣзда 1881 г., с. 39—50).

На Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ я сообщила результаты моихъ археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ по порученію Императорской Археологической Коммиссіи въ области Днѣпровскихъ пороговъ. Въ рефератѣ „Могильные древности Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи" я выдѣлила въ особую группу курганы Приднѣпровья, прикрывающіе деревянныя гробницы и катакомбныя могилы съ окрашенными и неокрашенными костяками въ разныхъ положеніяхъ, съ бытовыми орудіями и украшениями только изъ глины, кости, камня и мѣди. Подобно Клежскимъ и большимъ Пятигорскимъ и Кисловодскимъ курганамъ, эти курганы Екатеринославской губерніи своимъ содержаніемъ резко отличаются отъ языческихъ могилъ Приднѣпровья послѣдующихъ историческихъ эпохъ (Труды VI-го арх. съѣзда 1886 г.; с. 189—207).

Близжайшее знакомство нашихъ ученыхъ съ въѣдиненныхъ періодическими съѣздами, съ могильными древностями, убѣдило многихъ историковъ въ томъ, что бытовые предметы, извлекаемые роскошными изъ древнихъ могилъ и жилищъ, представляютъ собою не только памятники искусства, но и памятники исторіи народовъ, обитавшихъ Русскую землю съ глубочайшей давности до времени прекращенія языческихъ обрядовъ погребенія покойниковъ.

Профессоръ исторіи В. З. Завитиничъ слѣдующими словами выражаетъ современное возрѣніе на значеніе археологіи для исторіи, имѣя въ виду господствующее въ средѣ историковъ-профессоровъ:

„Успѣхи въ области археологіи не замедлили отразиться и на исторіи. Въ археологическихъ данныхъ исторія нашла не только фактическое подтвержденіе свидѣтельству древнихъ писателей, но и открыла длинный рядъ новыхъ свѣдѣній, которыя придаютъ свѣтъ на такія эпохи, о которыхъ или ничего не было известно, или существовали ложныя понятія изъясненіемъ источниковъ. Особенно драгоцѣнными для исторической науки оказались археологическія данныя, пролившія истинный свѣтъ на культуру славяно-русскихъ племенъ въ періодъ до образованія русскаго государства. Въ отношеніи къ этому періоду нашей исторіи археологія проливаетъ истинный переломъ" (Науч. зап. арх. раск.; с. 2. 1887 г.).

Но для обращенія археологическаго матеріала въ источникъ историческаго знанія необходимо предварительное опредѣленіе его времени и народности. Древности, каменныя или жилищъ и могилъ неопредѣленныхъ временъ и народовъ, безразличны для историка, хотя ихъ формы могутъ имѣть интересъ для археолога; наоборотъ, бытовые предметы, на-

влеченныя изъ могилъ и жилищъ извѣстныхъ мѣстъ, временъ и народовъ, могутъ и должны служить фактической основой историческаго знанія, предъ которою должны сдѣлаться свидѣльства летописныхъ памятниковъ, несогласныя съ фактическимъ вещественнымъ матеріаломъ.

Заключивъ въ 1866 году планъ изслѣдованія славянорусскихъ городищъ и могилъ, намѣченный въ 1870 году и рѣшивъ передать свою коллекцію древностей въ Московскій Историческій Музей, я предварительно изучилъ устройство и содержаніе всѣхъ могилъ, мною раскопанныхъ на Русской землѣ въ теченіе 20 лѣтъ, сравнилъ свое собраніе древностей съ другими собраніями, общественными и частными, русскими и западно-европейскими, и тогда далъ своей коллекціи могильныхъ древностей классификацію, основанную на разницѣ культуры въ разные періоды исторической жизни народовъ, населявшихъ Русскую землю. Эту классификацію могильныхъ древностей я желалъ дать своей коллекціи значеніе учебнаго пособия для преподавателя начальнымъ періодамъ русской археологіи и исторіи, каковымъ уже служатъ для венскихъ преподавателей исторіи собраніе древностей Киевскаго Городскаго Музея, классифицированное по моей системѣ. Съ цѣлью облегчить усвоеніе признаковъ, отличающихъ устройство и содержаніе могилъ разныхъ историческихъ періодовъ, я передалъ въ Историческій Музей, вмѣстѣ съ древностями, составленный мною подробный „Каталогъ коллекціи древностей проф. Д. И. Самокасова“, предпославъ ему введеніе, подъ заглавіемъ: „Основанія хронологической классификаціи могильныхъ древностей Европейской Россіи“ (Варшава. 1892 г.).

Въ классификаціи древностей своей коллекціи я выдѣлялъ въ древнѣйшій отдѣлъ содержаніе каменныхъ гробницъ Царства Польскаго, кургановъ Приднѣпровья и кургановъ Терской области съ глиняными, янтарными, костяными, каменными, мѣдными и бронзовыми бытовыми издѣліями, называлъ этотъ отдѣлъ древностями киммерійской эпохи и характеризовалъ могилы этой эпохи слѣдующими общими чертами:

„Могильники киммерійской эпохи отличаются отъ могильниковъ послѣдующихъ историческихъ эпохъ главнымъ образомъ тѣмъ, что не содержатъ въ себѣ оружія и орудій домашняго быта изъ желѣза, а содержатъ только предметы быта изъ глины, кости, камня и мѣли; могильники этой эпохи относятся къ тому времени, когда древнѣйшими обитателями Русской земли еще неизвѣстно было употребленіе желѣза на человѣческихъ нужды. Такіе могильники встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ Россіи цѣлыми кладбищами. Общимъ признакомъ въ эту эпоху было погребеніе покойниковъ: не встрѣчается и трупосожженіе въ двухъ формахъ: обгорѣлыхъ деревянныхъ срубовъ и погребальныхъ урнъ. Могилы съ остатками погребенныхъ покойниковъ, по своему устройству, очень разнообразны: помѣщаются подъ равной поверхностью, подъ курганами и въ курганахъ, въ пещерахъ; могильныя ямы, вырыты изъ материка, равной формы, всего чаще прямоугольныя, но встрѣчаются и круглыя, формы трапеціи, треугольныя; могильныя помѣщенія часто обложены или обставлены съ боковъ и покрыты сверху деревомъ, а въ каменныхъ мѣстностяхъ камнемъ, но часто встрѣчаются и безъ такой обкладки, вырыты въ землѣ и заваленныя землею. Находимыя въ могилахъ остатки погребенныхъ обращены головами въ разные стороны, не только въ кладбищахъ разныхъ мѣстностей, но и въ одномъ могильникѣ, даже въ одномъ многомогильномъ курганѣ, а положеніе костей въ могилахъ различно: на спинѣ, на боку, сидячее; въ положеніи коленчатости часто встрѣчается согнутость или скрещенность: руки согнуты подъ прямымъ, тупымъ и острымъ угломъ, кистями къ лицу; бедра часто пригнуты къ туловищу, а голени къ бедрамъ; но часто встрѣчаются и кости съ вытянутыми коленчатостями, а иногда руки вытянуты, а ноги согнуты, и наоборотъ. При костяхъ, рядомъ съ предметами быта изъ глины, кости, камня и бронзы, нередко встрѣчается темнокаштановая краска; такою краскою иногда окрашены и сохранившіяся кости погребенныхъ, преимущественно черепъ, а иногда и весь остовъ (таблицы 70, 71;

488-492); гдѣ такая керамика встрѣчается въ особомъ изобиліи, тамъ всегда кости лучшей сохранности, нежели въ соответствующихъ имъ по времени могилкахъ съ неокрашенными остатками погребенныхъ. Въ могильникахъ послѣдующихъ историческихъ эпохъ перечисленные признаки не встрѣчаются, или встрѣчаются какъ исключеніе, какъ архаическій остатокъ отъ предыдущихъ историческихъ эпохъ.

Для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ устройствомъ и содержаніемъ могилъ киммерійской эпохи, соответствующихъ приведенному общему описанію, я указалъ на дневники моихъ раскопокъ, переданныя Историческому Музею, и на напечатанныя свѣдѣнія о могилкахъ того же рода, открытыхъ другими исследователями въ разныхъ мѣстностяхъ древней Польши и Россіи.

Свою классификацію могильныхъ древностей я предлагалъ на обсужденіе восьмого Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, въ рефератѣ, напечатанномъ въ „Трудахъ“ этого съѣзда, подъ заглавіемъ „Основанія хронологическаго распредѣленія этнографическихъ матеріаловъ, открытыхъ въ южной и центральной Россіи“ (т. II, стр. 44—56. Изд. 1895 г.).

Въ этомъ рефератѣ, указавъ на ненаучность системъ храненія археологическихъ матеріаловъ въ большинствѣ нашихъ музеевъ, при которыхъ невозможно пользоваться могильными древностями съ историческими цѣлями, я указалъ, что распредѣлить могилы нашего отечества по историческимъ эпохамъ на основаніи различій въ ихъ содержаніи и устройствѣ необходимо, если мы желаемъ воспользоваться вещественными памятниками для изученія исторіи культуры народовъ, населявшихъ нашу землю. Только по распредѣленіи могильныхъ древностей въ системѣ исторической возможно будетъ приступить къ распредѣленію ихъ по народностямъ и воспользоваться археологическимъ матеріаломъ для познанія культуры даннаго народа въ данную историческую эпоху.

„Въ историческомъ наслоеніи кельтскихъ народовъ, населявшихъ южную половину Европейской Россіи, послѣдовательно сѣдрили другъ друга народы разныхъ именъ, называемые древними историками слѣдующими общими именами: Киммеріянами, Скитамъ, Сарматами, Славянами и Татарами. Именами этихъ народовъ, какъ господствовавшихъ въ данную историческую эпоху, могутъ быть названы тѣ пять историческихъ періодовъ, по которымъ уже теперь возможно распредѣлить кельтскіе могильники, населявавшие южную половину Европейской Россіи: могильники эпохъ киммерійской, скитской, сарматской, славяно-русской и татарской. Само собою разумѣется, что эти названія имѣютъ историческое, а не этнографическое значеніе, означаютъ только принадлежность даннаго кургана и цѣлаго могильника данному историческому періоду, а не данному этнографическому типу. За распредѣленіемъ могилъ по историческимъ періодамъ, дальнѣйшее отдѣленіе археологической науки будетъ распредѣленіе могилъ данныхъ историческихъ періодовъ по этнографическимъ типамъ, по народностямъ.“

Киммерійскою эпохою я вѣрною время до передвиженія изъ Азии въ приполярныя области племена Скитовъ-Скелотовъ, по свидѣтельствамъ Геродота, вытѣсненныхъ изъ областей, лежащихъ надъ Чернымъ моремъ, племя Киммеріянъ и образовавшихъ сильную державу между нижними теченіями Дона и Дуная. Геродотъ относитъ это событіе къ времени скитскаго царя Мадія, сына Прототія, царя Индійскаго Ардиса, сына Гигея, и царя Мидійскаго Наксара, сына Фраотры, т. е. къ третьей четверти VII в. до Р. X. Въ моментъ передвиженія въ Европу Скиты стояли на одной ступени культуры съ Массагетами, ихъ соплеменниками и соседями, не знали употребленія жала и серебра, а приготовляли оруженіе, оружіе и другіе предметы домашнего быта изъ мѣди, т. е. Скиты-Скелоты до VII в. предъ Р. X. вѣроятно стояли на ступени бронзовой культуры. Киммеріянѣ же того времени, по историческимъ даннымъ, не имѣли никакихъ сношеній съ иноземными народами, приносили въ жертву своимъ богамъ всѣхъ иностранцевъ, появившихся въ ихъ странѣ, почему и Черное море того времени называлось ассионскимъ—

легостеприкнзимъ; а по археологическимъ даннымъ Киммеріа до прихода Скитовъ, еще не были знакомы съ употребленіемъ металловъ на человѣческія потребности, всё имущество своего быта приготовляли только изъ камня, кости, глины и дерева, т. е. Киммеріа до прихода въ Европу Сколотовъ стояли на степеняхъ каменной культуры. Только въ концѣ VII в. до Р. X. на побережьяхъ Чернаго моря появились греческія колоніи, и это море получаетъ названіе евксинскаго--гостеприимнаго. Съ греческими колонистами проникаютъ въ иллирійскія области желѣзное оружіе и другіе желѣзные предметы домашнего быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣземные обитатели древней европейской Скитіи знакомятся съ изготовленіемъ и съ употребленіемъ желѣза на человѣческія потребности.

Всѣ могильники нашей земли, заключающіе въ себѣ ясные слѣды быта народовъ каменной культуры, я называю могилами эпохи киммерійской. Къ этому же ряду и отнюду и могиламъ переходнаго времени отъ культуры каменной эпохи въ наземь отнесены къ культурѣ желѣзной, или отъ эпохи киммерійской къ эпохѣ скитской. Невозможно назвать эти могильники южной Россіи другимъ именемъ, потому что европейскія исторія до послѣдней четверти VII в. до Р. X. въ приполютійскихъ и надпюльтійскихъ областяхъ знаетъ только одно варядное имя--Киммеріа.

Могины типичныя киммерійской эпохи были встрѣчены во всѣхъ областяхъ южной Европы, гдѣ были произведены сколько-нибудь обстоятельными археологическія раскопки, отъ Кавказа до Франціи включительно. Въ національномъ музее Буда-Пешта, въ Бюлонскомъ муниципальномъ музее и въ музее Киркнера въ Римѣ и видѣны модели древнѣйшихъ могилъ Австрѣ-Венгріи и Итали, съ каменными, а иногда и съ бронзовыми орудіями, совершенно сходныя съ такими же могилами, открытыми въ нашей землѣ, на Кавказѣ, въ Новороссіи, Малороссіи, на Волынѣ, Подоліи и въ Привислинскомъ краѣ. Типъ такой же могилы изображенъ въ сочиненіи г. Карпильяка, посвященномъ изученію первобытныхъ древностей Франціи. Въ областяхъ Европы, куда не проникали околю греческая и сармато-римская цивилизація, обстановка погребенія народовъ киммерійской эпохи сохранялась долго господствующею, какъ явля, у финскихъ племенъ сѣверныхъ окраинъ Россіи, оставаясь и въ условіяхъ быта народовъ киммерійской эпохи до времени знакомства съ условіями славяно-русской культуры V--IX столѣтія до Р. X.

Но изданіи этой характеристикѣ устройства и содержанія могилъ киммерійской эпохи въ археологической литературѣ является работа А. А. Спицына, члена Императорской Археологической Комиссіи, подъ заглавіемъ „Курганы съ окрашенными костяками“, напечатанная въ „Запискахъ Имп. Рус. Арх. Общества“, специально посвященнымъ обидей характеристикѣ могилъ, являющихся иномъ киммерійскими.

Работа А. А. Спицына начинается слѣдующимъ вступленіемъ:

„Курганы съ окрашенными костяками представляютъ крупный интересъ; ихъ глубокая древность, своеобразіе культуры, стройность погребальныхъ обрядовъ, иногда исполненныхъ прямого вѣнчанія, огромное количество и широкое распространеніе, замѣчательное единство антропологическаго чертъ оставившей ихъ народности, съ высочайше историческимъ--все это занимательно, все загадочно. Изученіе этихъ кургановъ есть одна изъ важнѣйшихъ темъ въ русской археологіи; если она до сихъ поръ не привлекала ничьимъ вниманіемъ, то лишь потому, что научное изученіе русскихъ древностей вообще есть дѣло огромной трудности и исключительныхъ условій. Оно еще въ будущемъ“.

Вначалу своей работы авторъ ограничиваетъ охватъ изложеніемъ имѣющихся объ этихъ курганахъ свѣдѣній и ихъ предварительною систематизаціею (с. 1).

Курганы съ окрашенными костяками, говоритъ далѣе авторъ, разсыпаны на всемъ пространствѣ южно-русскихъ степей, здѣсь они встрѣчены всюду...; „должны въ нѣхъ открыться хронологическія и этнологическія отличія; однако, по недостаточности матеріала, мы сейчасъ будемъ въ состояніи ихъ опредѣлить“; „удобнѣе начать характеристику

курганы этого вида описывают их особенности по отдельным районам, т. е. по известиям, где они встречаются в наибольшем количестве. Таких районов, по мнению автора, можно принять девять: терский, кубанский, таманский, крымский, скатерино-славский, фьлозерский, киевский, ниже-донской и средне-донской (с. 2).

Далее следует краткий очерк результатов раскопки разными лицами в указанных районах курганов, описанных автором в разряде окрашенных окрашенные костяки (с. 2—22), облада характерными могилы этого рода, „перечень особенностей курганов с окрашенными костяками“, отдельная характеристика курганов этого типа по каждому району в отдельности (с. 22—28) и следующее заключение:

„Поэтому, все перечисленные районы распространения курганов с окрашенными костяками могут быть разделены на 4 группы. Первую группу составляют кубанские районы (терский, кубанский и таманский), объединенные единством богатством и разнообразием находок и обрядами погребения; самые старые курганы, являются, кубанские, за ними идут терские и наконец, таманские. Во вторую группу, самую большую, входят районы крымский, скатеринославский и оба донские. Здесь приняты 2 категории погребений, более старое и более новое: к первому относятся курганы с каменными ящиками (такими особенно крымские), во второе курганы с катакомбами. Вообще распространение каменных ящиков и катакомб в данных курганах, обратно пропорциональны друг другу. Третью группу составляют курганы фьлозерские, быть может сравнительно поздние; в четвертую входят курганы киевские, резко отличающиеся своими особенностями от курганов всех остальных групп. Отсутствие в киевских курганах погребений на материках и в насны, разнообразие в устройстве грунтовых ям и обилие находок дают возможность отнести киевские курганы также к числу позднейших. Где искать самые старые погребения окрашенных костяков, мы пока не знаем; вероятно все, что они находятся в курганах кубанских, но ясно показать это могут только дальнейшие раскопки. Все свои суждения мы основываем на сравнительно малом материале, причем же только русского происхождения, между тем как очевидно, что наши окрашенные костяки представляют лишь отрывок огромного культурного течения, охватывающего в широкой глубине всеми народами средней полосы восточного материка. Да и на русской почве предстоит еще много работ над этими древностями: их необходимо сопоставить с погребениями в ящиках дольменных, в захоронениях каменных ящиков, в киевских полах урн с расписными сосудами и в волыньских курганах каменного века“.

„С целью облегчить дальнейший материал, мы приводим здесь список названий всего известного материала о курганах с окрашенными костяками. Для дальнейших работ необходимо обращаться к поданным ответам о раскопках, место издания которых нами всегда указывается“ (с. 30, 31).

Следующие „список названий всего известного материала о курганах с окрашенными костяками“ содержат выписки сданных под напечатанные отчеты о раскопках, характеризующие устройство и содержание 230 курганов южной России, описанных автором в разряде могил с окрашенными костяками (с. 29—31).

Этот свод археологического материала, добытого раскопками многих лет в курганах, содержащих окрашенные и неокрашенные костяки, обращенные головами в разные стороны, в скорченном и вытянутом положении, с бытовыми предметами из глины, кости, камня, меди и бронзы, составляет высоко ценную часть работы А. А. Сидкина.

Что же касается соображений наученного автора о географической общности изучаемого вида курганов, об их особенностях по районам, относительной древности гробниц разного устройства и значении отдельных человеческих костей, находящихся в ящиках курганов и гробницах, то здесь многое представляется спорным, и ясно требует

Спорным представляется самое название могилъ изучаемаго отдѣла: „Курганы съ окрашенными костяками“. Во первыхъ, часто встрѣчаются одностороння съ курганами этого отдѣла, по устройству гробницъ, положенію костяковъ и содержанію, могилы безъ кургановъ, подъ ровною поверхностью земли, какъ: дольмены Царства Польскаго; могилы съ раскрашенными сосудами Приднѣпровья, совершенно сходными съ такими же сосудами Приднѣпровья, открытыми въ глянубитныхъ постройкахъ; кисти Волынской губерніи; гробницы въ урочищѣ „Беречь“ у колоній Константиновки, подъ Пятагорскомъ; во вторыхъ, окрашенность костяковъ не можетъ служить существеннымъ признакомъ отличія изучаемой группы могилъ, а следовательно не можетъ служить и правильнымъ обнимъ ихъ названіемъ, потому что по словамъ самого автора: „Окрашены далеко не все костяки; въ екатеринославскихъ и тамбовскихъ курганахъ окрашенныхъ скелетовъ очень мало; въ близоречскихъ окрашены или имѣютъ при себѣ краску $\frac{1}{2}$ ведра костяковъ, въ Киевскихъ $\frac{1}{3}$, въ крымскихъ $\frac{1}{4}$; скелеты, окрашенные полностью, попадаются сравнительно рѣдко“ (с. 26).

Спорнымъ представляется географическая область, въ предѣлахъ которой А. А. Спицынъ рассматриваетъ могилы съ признаками „кургановъ съ окрашенными костяками“: „Курганы съ окрашенными костяками“, говоритъ онъ, „разсѣяны на всемъ пространствѣ южно-русскихъ степей“, а въ примѣчаніи къ этому положенію добавляетъ: „Наши степи въ отдаленную пору низлы, несомнѣнно, болѣе широкое распространеніе, чѣмъ нынѣ“ (с. 2). Даже допустить сомнительное, имѣть основаніи допустить существованіе въ отдаленную пору степей въ областяхъ р.р. Десны, Припяти, Западнаго Буга, Бислы, средняго и верхняго теченія Днѣстра, и самъ авторъ въ вышеприведенномъ выводѣ расширяетъ область распространенія „кургановъ съ окрашенными костяками“ далеко за предѣлы южно-русскихъ степей: „Наши окрашенные костяки“, говоритъ онъ, „представляютъ лишь отрывокъ огромнаго культурнаго теченія, охватываемаго въ вѣдрахъ глубокой древности всеми народами средней полосы восточнаго материка...; ихъ необходимо сопоставить съ погребеніями въ нащкѣ дольменнахъ, въ закавказскихъ каменныхъ ящикахъ, въ киевскихъ неолитъ урнѣ съ различными сосудами и въ волыцкихъ курганахъ каменнаго вѣка“ (с. 31).

Распределеніе „кургановъ съ окрашенными костяками“ на девять районовъ и „описаніе ихъ особенностей по отдѣльнымъ районамъ основаны на случайныхъ и частію неверныхъ признакахъ. Дѣленіе кургановъ на районы означаетъ дѣленіе „по мѣстностямъ, гдѣ они изслѣдованы въ наибольшемъ количествѣ“; а описаніе особенностей устройства и содержанія кургановъ каждаго района основано на такихъ признакахъ, какими авторъ характеризуетъ, напримѣръ, курганы терскаго района:

„Терскій районъ, по нашимъ наблюденіямъ, характеризуютъ слѣдующія особенности: 1) особенно частый обычай прикрывать грунтовыми ямы плитами и заваливать ихъ камнями, 2) обиліе каменныхъ ящиковъ въ насыпи, 3) особенныя сооруженія изъ камней на поверхности материка съ погребеніями, 4) исключительное положеніе скелетовъ на сплѣтѣ съ вытянутыми конечностями, 5) особенное обиліе слѣдовъ человѣческихъ жертвоприношеній; находки сравнительно разнообразны и богаты“ (с. 29).

Но обиліе камня въ терскихъ курганахъ объясняется не особенностями мѣстнаго погребальнаго обряда, а обиліемъ камня въ Терской области сравнительно съ екатеринославскими и киевскими районами; многомогильность кургановъ съ окрашенными и сверченными костяками свойственна и другимъ районамъ; положеніе костяковъ на сплѣтѣ, съ вытянутыми конечностями не исключительное въ терскихъ курганахъ, — встрѣчается костяки въ скорченномъ положеніи, на боку и въ полусидячемъ положеніи; фрагменты человѣческихъ костяковъ, лежащіе въ гробницахъ рядомъ съ горняками и бараньими костями, вѣдься признавать слѣдами человѣческихъ жертвоприношеній; а „сравнительно разнообразіе и богатство находокъ“ въ курганахъ терскаго района объясняется величавою кургановъ и количествомъ гробницъ, раскопанныхъ мною подъ Кисловодскомъ и Пятагор-

скомъ, потребовавшихъ для своего изслѣдованія двухъ лѣтъ и тысячныхъ средствъ, а не сравнительнымъ богатствомъ содержанія могилъ, большая половина которыхъ содержала только человѣческіе скелеты, а въ остальныхъ были найдены не многіе бытовые предметы изъ глинъ, кости, камня и мѣди, какъ и въ могилкахъ съ окрашенными костями большихъ кургановъ Приамурья, раскопанныхъ мною въ 1884 году.

Недостатки своей характеристики „курганы съ окрашенными костями“ А. А. Спичина объясняетъ недостатками отчетовъ о раскопкахъ:

„Отчеты о раскопкахъ этихъ кургановъ въ большинствѣ случаевъ, особенно въ прежнее время, страдаютъ неточностями и краткостью. Определенія найденныхъ костей животныхъ замѣщаются у рабочихъ, ведаи описываются поверхностно“ (с. 1).

Это справедливо. Но иногда и точныя описанія результатовъ раскопки кургана кажутся неточными только потому, что наблюдатель относится къ фактическому матеріалу съ субъективными, предвзятыми возрѣженіемъ. Напримеръ, въ отчетахъ многихъ лицъ говорится о находкахъ въ курганахъ киммерійской эпохи съ окрашенными костями лошадиныхъ скелетовъ, череповъ и другихъ костей: „эти скелѣты“, по мнѣнію г. Спичина, „можно принять въ соображеніе, но въ то же время ихъ слѣдуетъ держать подъ сомнѣніемъ, потому что малоопытному человѣку не легко отличить кости коня и лошади“ (с. 28); по этой причинѣ авторъ склѣбленъ о лошадиныхъ костяхъ, встрѣчаемыхъ въ отчетахъ о раскопкахъ бар. Гизенгаузена, Бранденбурга, графа Бобринскаго и др. лицъ, отмѣчаетъ аналогичн. вопросъ, иногда со словомъ „быкъ“, слѣдующимъ за словомъ лошади или коня; но кто-же изъ рассказывающихъ курганы настолько малоопытный человѣкъ, что не можетъ отличить черепъ коня отъ рогаго черепа быка? да и осмѣливъ вѣтъ сомнѣваться въ существованіи лошадей, въ значеніи домашнихъ животныхъ, у народовъ каменной Россіи глубокой давности, потому что уже Гомеръ называлъ эти народы „долготелами коней“, а Геродотъ именовалъ ихъ „гиппемолгами“ и „Скитами, долготелами коней“ (см. Страбона, Географія, кн. VII, гл. III). Встрѣчая въ отчетахъ о раскопкахъ склѣбленія о томъ, что „при копкѣ (особо отъ нихъ, иногда въ горшкѣ) и въ насыпи кургана встрѣчены отдѣльные человѣческія кости и части скелетовъ со слѣдами ударовъ острымъ орудіемъ“, г. Спичинъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Не рѣшався видѣть примѣны склѣбовъ антропифагіи, но несомнѣнно, что эти кости, по крайней мѣрѣ, представляютъ остатки человѣческихъ жертвоприношеній“ (с. 28). По моему мнѣнію, прямая доказательствъ своего извѣдательства окрашенные костями оставили въ нижеслѣдующихъ фактахъ.

Въ одной изъ гробницъ кургана, открытыя мною подъ Киселевскою въ началѣ прошлаго сезона, лежали кости человѣческой руки и кость барана; въ другой гробницѣ, у ногъ цѣлаго скелета, найдены въ общей кучѣ черепъ, тазъ и кости ноги другого скелета; на черепѣ видны слѣды удара острымъ орудіемъ; въ насыпи кургана встрѣчались гдѣ-гдѣ расколотыя человѣческія кости со слѣдами острого орудія; такіе же находки встрѣчены и въ другихъ терскихъ курганахъ (с. 31); въ гробницѣ кургана, раскопаннаго бар. Гизенгаузеномъ въ таманскомъ районѣ, у головы цѣлаго скелета оказался другой человѣческій черепъ, а при немъ горшокъ (с. 36); въ курганѣ крымскаго района, раскопанномъ Н. И. Веселовскимъ, на днѣ могилы съ полнымъ костякомъ, обнаружена яма съ ископанными, повидимому, человѣческими костями (с. 39); въ курганѣ довскаго района, на днѣ гробницы съ цѣлымъ человѣческимъ костякомъ, бар. Гизенгаузенъ нашелъ ямку съ лежащими въ ней кучей фрагментами нарушеннаго человѣческаго остона (с. 75); въ двухъ гробницахъ кургана того же района, открытыя Н. Е. Бранденбургомъ, при цѣлыхъ костяхъ, найдены отдѣльные человѣческія кости, конскіе зубы и горшечные черепки (с. 77); въ гробницѣ кургана плевскаго района, на днѣ могилы съ цѣлымъ костякомъ, графъ А. А. Бобринскій нашелъ ямку, а въ ней—кости лошади, зайца, птицы, ручная кость человека и горшокъ съ костями ребенка и взрослого (с. 80)...

Почему же въ приведенныхъ и изъ подобныхъ фактахъ должно видѣть остатки чело-
вѣческихъ жертвоприношеній, а не слѣды антропофагій? Г. Спичина не даетъ отиѣта на
этотъ вопросъ. Въ исторіи не имѣется свидѣтельствъ о погребальныхъ обрядахъ, требовав-
шихъ помѣщенія фрагментовъ принесенныхъ въ жертву людей въ могилы покойниковъ; о
людобѣствѣ же древнихъ приполярныхъ народовъ имѣются прямыя историческия свидѣ-
тельства: напримѣръ, Аполлодоръ, одинъ изъ древнѣйшихъ европейскихъ историковъ,
цитируемаго Страбеномъ, говоритъ, что въ эпоху Гомера Черное море было не доступно
для плаванія, „по причинѣ сильныхъ бурь и дикости прибрежныхъ народовъ, въ особен-
ности Сягоговъ, которые приносятъ въ жертву чужестранцевъ, вышюмоя изъ жасоме, упо-
требляютъ черепа вмѣсто чапъ“ (VII, III, 6); даже въ V в. по Р. X., по свидѣтельству
Геродота, одно изъ надпойтійскихъ племенъ называлось антропофагами, а Скиты всѣхъ
племенъ пили кровь убитыхъ неспрѣтителей (IV, 64).

Если при такихъ историческихъ свидѣтельствахъ, оправданныхъ вышеприведенными
вещественными фактами, возможно сомнѣніе въ существованіи донадеи и людобѣства у
древнихъ Киммерійцевъ, то оно будетъ сомнительнымъ и тогда, когда къ разсказанному уже
230 курганамъ киммерійской эпохи будутъ прибавлены еще 2300.

По моему мнѣнію, нельзя утверждать, что „по недостаточности изслѣдованій“, едва ли
возможно отрешиться „хронологическія и этнологическія отачія“ кургановъ съ окрашен-
ными костяками, а потому признавать въ настоящее время возможными только предваритель-
ную систематизацію или описаніе кургановъ этого вида по районамъ, сводъ отчетовъ о рас-
копкахъ и указанія, „куда должны быть направлени дальнѣйшія усилія въ изученіи
данной культуры“, которое еще въ будущемъ (с. 1 и 2). Нигдѣ въ мірѣ не было раскопано
такое количество однородныхъ могилъ, связанныхъ единствомъ погребальныхъ обрядовъ
и „замѣчательнымъ единствомъ антропологическихъ чертъ осваившей ихъ народности“,
и если количество добытаго уже археологическаго матеріала не достаточно для научнаго
изученія данной культуры и рѣшенія связанныхъ съ нею историческихъ вопросовъ, то
послѣдующія раскопки кургановъ этого вида едва ли умножатъ наличный матеріалъ до
возможности рѣшенія связанныхъ научныхъ вопросовъ; а вѣрнѣе будутъ только повторитель-
ный матеріалъ, подобно греческимъ могиламъ южной Россіи, давно уже дающимъ повто-
рительные бытовые предметы.

„Недостаточность изслѣдованій“ — понятіе относительное, а „неточности отчетовъ о рас-
копкахъ кургановъ съ окрашенными костяками иногда обусловлены оригинальностью и
сложностью устройства гробницъ въ многомогильныхъ курганахъ киммерійской эпохи, не
дающими возможности точно описать ихъ детали въ отчетѣ, безъ помощи рисунковъ.

Напримѣръ, мое словесное сообщеніе Тифлисскому археологическому съѣзду объ устрой-
ствѣ кургановъ и гробницъ, раскопанныхъ подъ Пятигорскомъ и Кисловодскомъ, сопро-
вождаемое рисунками проф. Висковатова, вызвало большіе дебаты по вопросу о людобѣствѣ
древнѣйшихъ обитателей области Пятигорья, но не вызвало какихъ бы то ни было вопросовъ
по поводу устройства могилъ и положенія покойниковъ. — всѣмъ было понятно; то же сооб-
щеніе, напечатанное въ „Трудахъ“ съѣзда безъ рисунковъ, оказалось некоемъ камнемъ даже
для специалиста дѣла г. Спичина. Въ своей характеристикѣ кургановъ съ окрашенными костя-
ками авторъ говоритъ: „Наименѣе понятно устройство погребеній на поверхности материка
подъ огромными кучами камней въ курганахъ терскихъ“ (с. 23); а въ послѣдующихъ вы-
пискахъ изъ моего реферата авторъ знакомъ вопроса въ скобкахъ выражаетъ свое непо-
нимаеіе моихъ выраженій: „подъ правильной (?) грудой камней“ „два скелета галеномъ
ва В. въ полусядячемъ (?) положеніи“ (с. 32).

Надѣюсь, что изданіе моего левинскаго раскопокъ въ области Пятигорья, сопровождаемое
рисунками кургановъ и гробницъ, слѣдуетъ считать яснымъ описаніе ихъ устройства.

Что же касается моихъ выраженій „правильная груды камня надъ гробницей“ и „полу-
сидячее положеніе скелета“, то я поясню ихъ слѣдующими опредѣленіями.

Если бы я сказал, что надъ гробницами кургановъ Терской области помѣщаются груды булыжника и колотого камня, безъ опредѣленія „правильныхъ“ гудокъ, то у читателя явится представлеиіе о беспорядочныхъ кучахъ камня, брошеннаго на гробницы, а это представлеиіе не будетъ соответствовать действительности, потому что кучи булыжника и колотого камня представляютъ собой правильныя курганообразныя сооруженія надъ гробницами, сложенными изъ каменныхъ плитъ. Чтобы обнаружить въ земляной насыпи большого кургана такіе каменные полушарныя курганчики, необходимо сдѣлать, чтобы рабочіе, встрѣчая булыжники и колотый камень въ раскапываемомъ курганѣ, не снимали его, а осторожно очищали отъ земли до тѣхъ поръ, пока будутъ обнаружены каменныя плиты, покрывающія гробницы; если же, при послѣднемъ срубиваніи насыпи большого кургана, рабочіе будутъ снимать и выносить встрѣчающіеся въ насыпи булыжники и мелкія колотый камни, то правильныя каменныя покрытія гробницъ будутъ казаться исследователю беспорядочными кучами разнотформеннаго булыжника и колотого камня.

Полусидячее положеніе скелета въ могилѣ отличается отъ положенія лежащаго и сидячаго: въ лежащемъ положеніи черепъ, позвоночникъ и вытянутыя какъ согнутыя нижнія конечности лежатъ на одномъ уровнѣ дна могилы; въ сидячемъ положеніи черепъ, плечевыя кости, локотки, ребра и позвоночникъ лежатъ кучей надъ костями таза; а въ полусидячемъ положеніи черепъ и кости верхней половины туловища удалены отъ костей тазу и нижнихъ конечностей, но лежатъ съ ними не на одномъ уровнѣ, какъ въ лежащемъ положеніи, а надъ туннелемъ углубленъ, постепенно возвышаясь отъ таза къ черепу. Въ Кисловодскихъ и Пятигорскихъ каменныхъ гробницахъ съ первичными стѣнками и ровнымъ дномъ я встрѣчалъ только костяки въ лежащемъ положеніи, какъ въ гробницахъ большаго кургановъ урочища Три Камня, или въ сидячемъ положеніи, какъ въ гробницахъ у горы Иверскаго и у колодезя Карраса на Чесменскъ горѣ, но въ материковыхъ гробницахъ, вырубленныхъ въ известко-глинистомъ материкѣ встрѣчалъ костяки въ томъ положеніи, въ какомъ изображенъ на рисункѣ № 9 (см. выше, с. 28) одинъ изъ костяковъ Кисловодскаго кургана № IV.

Устройство многотельныхъ кургановъ и каменныхъ гробницъ Терской области отличается разнообразіемъ и особой оригинальностью и сложностью, а изъ содержанія имѣетъ чрезвычайныя археологическія и историческія интересы. По этимъ причинамъ признаю нужнымъ дать курганамъ и гробницамъ этого рода болѣе подробную общую характеристику, нежели данная въ моемъ рефератѣ, замечательномъ въ „Трудахъ“ Тифлискаго археологическаго съѣзда.

А. Устройство большаго кургановъ и каменныхъ гробницъ области Пятигорья.

Могилы области Кавказскаго Пятигорья, содержащія бытовыя издѣлія изъ глины, кости, камня, мѣди и бронзы и не содержащія надѣлѣй изъ золота, удалены отъ водохранилищъ, — помѣщаются на возвышенностяхъ, представляющихъ долины рѣкъ Аликоновца, Нарына, Подкумья, Герькой и др. и покрытыхъ болѣе или менѣе черноземомъ, составляющимъ въ большинствѣ кургановъ, главную часть насыпи въ количественномъ отношеніи.

Немного кургановъ, покрывающихъ могилы со сканиными бытовыми предметами, сохранили свою первоначальную форму и величину: почти всѣ изъ XIX столѣтія представляли сѣкву изъ глыбы и разрыты сверху добывателями земли, а потому представляютъ собой лишь насыпи очень широкихъ оснований, часто отъ 50 до 100, иногда до 200 и даже до 300 аршинъ въ окружности, при малой сравнительно высотѣ, отъ 1 до 18, а обыкновенно отъ 3 до 10 аршинъ отвѣсной высоты. Гробницы формы продолговатыхъ ящиковъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ, иногда входившихъ въ ровныя раскопанными по-

верхностям, могли быть, были покрыты курганами из земли и камня, но земляные насыпи выжжены, а камень былъ избранъ мѣстами жителями на постройки.

Почти все большіе курганы области Пятигорья многомогильны, то есть прикрываютъ собою нѣсколько гробницъ,—иногда болѣе десяти подъ одною насыпью. Въ немногихъ исключеніяхъ, большіе курганы первоначально не представляли нати ярдины оубѣсной высоты, а возросли постепенно, по мѣрѣ погребеній въ нихъ новыхъ покойниковъ. Перваго покойника хоронили въ данномъ пунктѣ на каменномъ грунтѣ, или въ неглубокой могильной ямѣ, вырубленной въ такомъ грунтѣ; его могилу закрывали каменными плитами, булыжниками и колотыми камнями, образуя курганобразную или вѣдугу въ окрестности насыпи, со стороны всѣхъ сторонъ болѣе или менѣе толстымъ слоемъ утрамбованнаго чернозема, образуя земляной курганъ. Для втораго покойника дѣлали вымку въ насыпи кургана до материка, въ большой или меньшей близости отъ первой могилы сооружали вторую и обѣ могилы покрывали общей чертвомною насыпью, болѣею насыпи первой могилы; при третьемъ погребеніи возводили общую насыпь надъ тремя могилами; съ каждымъ новымъ погребеніемъ, погребеніемъ въ данномъ пунктѣ, курганная насыпь расширялась въ смыслѣ основаній и возростала въ высоту. Въ расширенномъ и возвышенномъ такимъ образомъ курганѣ для последующихъ покойниковъ сооружали надъ нижними верхніи гробницы.—вставили, въ прорѣзахъ насыпи, покрывав ихъ также каменными кучами и черноземомъ, и тѣмъ возвышали курганную насыпь, какъ въ Кисловодскомъ курганѣ № IV, который, имѣя 120 аршинъ въ окружности основаній и 8 аршинъ оубѣсной высоты, заключалъ въ себѣ 8 гробницъ, четыре нижнихъ, на подонкѣ насыпи, и четыре верхнихъ, въ ея прорѣзахъ,—вставили могилы. Иногда нижніи и верхніи могилы кургана принадлежали разнымъ историческимъ эпохамъ, какъ могилы „Большаго Кургана“ у колоній Константиновки, въ которомъ открыты дѣтъ двурусныи гробницы киммерійской эпохи на подонкѣ насыпи, дѣтъ вставныи гробницы скито-сарматской эпохи въ срединѣ слоеъ насыпи и четыре могилы татарской эпохи въ верхней части кургана. Восточнѣе такого происхожденія, курганы киммерійской эпохи часто уклоняются отъ обычной для могильныхъ насыпей формы Россіи конусообразной и полусферной формы,—имѣютъ продолговатую и лѣцеобразную форму, иногда съ присыпками по бокамъ и на верхнихъ, подъ которыми помѣщаются могилы недавнѣйшихъ покойниковъ, какъ въ Кисловодскомъ курганѣ № III.

Устройство гробницъ въ курганахъ различно; а различіе выражается въ слѣдующихъ формахъ: а) ложе могилы, помѣщающееся въ неглубокой ямѣ, вырубленной въ материковомъ грунтѣ, или въ подонкѣ кургана, на материковомъ грунтѣ, или въ курганной насыпи, покрыто слоемъ плотно утрамбованной глыбы и сточено большими каменными плитами, поставленными на ребро, плотно прижатыми другъ къ другу и покрытыми сверху каменными же плитами; все щели, даже малѣйшіи, между боковыми и верхними плитами, тщательно закрыты мелкими плитками, колотыми камнями и булыжниками; б) такое же могильное ложе сточено каменными стѣнами, сложенными изъ плитокъ, расположенныхъ рядами плитами другъ на другѣ, безъ цемента, съ зашпаклеваніемъ щелей между ними мелкимъ камнемъ, а сверху покрытыхъ большими плитками, какъ гробницы предыдущей формы; в) могильнымъ ложемъ служатъ каменные плиты кресту гробницы нижняго яруса, на которыхъ помѣщаются стѣлка верхней могилы, покрытой также каменными плитами; г) могильная яма, вырубленная въ материковомъ грунтѣ, покрыта каменными плитами,—безъ конусообразныхъ стѣнокъ. Частныи различія въ устройствѣ гробницъ указываютъ четырехъ видахъ, напимѣръ, присутствіе ларца, сточеніе гробницы кругомъ каменныхъ плитъ и закладка всего сточеннаго пространства рядами плитокъ, расположенныхъ другъ въ другѣ, и др. показаны выше, въ описаніи каждой могилы въ отдѣльности.

Б. Содержаніе могилъ большихъ кургановъ области Пятигорья.

Костики различной сохранности; наилучше сохранившимися являются костяки матрковскихъ могилъ. Въ гробницахъ насыпи костяки часто встрѣчаются очень рыхлыми, а иногда присутствіе въ могиллахъ костяковъ и ихъ положеніе можно было опредѣлить только посредствомъ тонкихъ слоевъ бѣлаго, фосфористаго порохика, представляющаго собой остатки разложившихся костей. Костяки обращены головами въ разные стороны, не только въ обособленныхъ курганахъ, но и въ одномъ многомогильномъ курганѣ; а въ положеніи туловища и конечностей различаются: лежащіе на спинѣ, лицомъ вверхъ, конечности вытянуты и лежащіе на боку, конечности согнуты; въ одной Кисловодской курганной могилѣ (курганъ № IV), въ двухъ могилахъ одного изъ Пятигорскихъ кургановъ и въ одной могилѣ подлѣ ровною поверхностью встрѣчено полудушевичье-полусидячее положеніе костяковъ: туловище на спинѣ, приподнято, конечности согнуты.

Окраска человеческихъ костей, впервые замѣченная мною въ 1877 году на костякахъ могилъ киммерійской эпохи Киевской губерніи, Каневского уѣзда, а затѣмъ подлежащая наблюденію во всѣхъ губерніяхъ южной Россіи, гдѣ были встрѣчены могилы съ костяками въ вытянутомъ и согнутомъ положеніи, сопровождаемые бытовыми изделиями изъ камня, кости и мѣди, встрѣчается часто въ курганахъ окрестностей Пятигорска и Кисловодска съ такими же бытовыми предметами. Въ землекопныхъ могилахъ всѣ кости погребенныхъ были окрашены, а вокругъ костяка наблюдался толкій слой того же краснаго порохика, какими были покрыты кости; а иногда при костяхъ встрѣчается и кусокъ такой краски, величиною отъ зѣснаго орѣха до куриного яйца; часто окрашены только черепъ и лицевая кость; а иногда слѣды краски встрѣчались по всему туловищу только разрозненными мелкими кусочками и глыбами порошка, какъ будто покойникъ, при погребеніи, былъ обсыпанъ краскою, подобно тому, какъ въ наше время обсыпавъ покойника землею въ гробъ предъ закрытіемъ его крышкой.

Изъ кургановъ и гробницъ часто встрѣчаются признаки людоедства. Въ насыпи кургановъ, надъ гробницами, рядомъ съ костями разныхъ животныхъ, были найдены разбитыя человеческія кости, на которыхъ, какъ и на расколотыхъ костяхъ животныхъ, ясно были замѣтны слѣды ударовъ и порѣзовъ, сдѣланныхъ острыми орудіями. Въ одной изъ каменныхъ гробницъ Кисловодскаго кургана № V, при цѣльномъ человеческомъ костякѣ, найдены глиняный горшочекъ, голень бараба и человеческая рука, принадлежавшая скаланному костяку гробницы; въ другой каменной гробницѣ того же кургана, также при цѣльномъ костякѣ, найдены глиняный сосудъ и при немъ сложенные въ кучу фрагменты другого человеческого костяка, — черепъ, ногу и таза; въ каменной гробницѣ Кисловодскаго кургана № I, раскопаннаго подлѣ наблюденіемъ профессора Висковатова, были встрѣчены въ насыпи, надъ гробницами, обломки костей человека и другихъ животныхъ, а сверхъ того, между двумя гробницами, найдена каменная плитка съ лежащимъ на ней человеческимъ черепомъ, не принадлежащимъ покойникамъ, погребеннымъ въ гробницѣ этого кургана. Факты этого рода оставили во мнѣ, профессоръ Висковатѣ и другихъ лицахъ, присутствовавшихъ при моихъ раскопкахъ, несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что народъ, населявшій сказанные курганы области Пятигорья, принадлежалъ къ антропофагамъ-людоедамъ.

На Тифлисскомъ съѣздѣ было заявлено желаніе дальнѣйшими раскопками провѣрить людоедство древнѣйшихъ обитателей области Пятигорья, а до того „останить ихъ въ сильномъ водорѣзѣ антропофагіи“, по выраженію профессора В. Ф. Миллера.

Въ 1882 году факты антропофагіи, аналогичные съ фактами Кисловодскихъ кургановъ, были встрѣчены мною и въ курганахъ Пятигорскихъ, у колодезя Константиновки; а послѣ моихъ раскопокъ въ этой мѣстности, археологическія изысканія въ области Пятигорья были

произведены только въ 1902 году членомъ Петербургскаго Археологическаго Института Н. Р. Апухтинимъ, описаніе которыхъ было напечатано въ статьѣ „Правительственнаго Вѣстника“ за 1903 годъ, № 242. Въ этой статьѣ о курганахъ „Пятигорскъ“, покрывавшихъ древнѣйшія могилы, съ окрашенными костями, говорится слѣдующее: „Очень много могильниковъ съ древними погребеніями въ живописныхъ окрестностяхъ кавказскихъ мѣнеральныхъ водъ. Въ 1881 и 1882 гг. здѣсь производилъ раскопки профессоръ Д. И. Самоковцовъ. Въ трудахъ V археологическаго съезда помѣщено подробное описаніе этихъ интересныхъ раскопокъ. Найдя въ насыпи кургановъ отдѣльныя человѣческія кости со слѣдами зубовъ и ударовъ острымъ орудіемъ, Д. И. Самоковцовъ высказалъ предположеніе, что древніе насельники Пятигорья были антропофагами. Много воображалъ... Съ тѣхъ поръ прошло около 20 лѣтъ... раскопокъ въ окрестностяхъ Пятигорска произведено не было... Лѣтомъ 1902 года, желая доставить матеріалъ для Харьковскаго археологическаго съезда, г. Апухтинъ раскопалъ подѣ Пятигорскомъ, у станицы Горячеводской... пять большихъ удлиненныхъ кургановъ, съ окрашенными костями. Высота ихъ отъ 4 до 10 аршинъ, насыпанъ на широкомъ основаніи и имѣютъ неправильную удлиненную форму. Находокъ при костяхъ было немного, но все это характерно для культуры эпохи окрашенныхъ скелетовъ: бронзовая булава, снабженная въ верхней части двумя выступами и орнаментированная спиралью, костяныя шпильки съ наръками, сосуды изъ глины съ круглымъ дномъ и проч... Въ насыпяхъ кургановъ попадались отдѣльныя человѣческія кости; многія изъ нихъ носили слѣды ударовъ острымъ орудіемъ. Кроме того, въ одномъ погребеніи найдены человѣческія кости, служившія футлярами для шпильки и булавки, для чего головка кости снѣжена. Эти послѣднія находки какъ бы подтверждаютъ мнѣніе проф. Д. И. Самоковцова.“

Каменные гробницы большихъ кургановъ окрестностей Пятигорска и Кисловодска не содержатъ бытовыхъ надѣлій изъ желѣза, золота и серебра, за исключеніемъ одного серебрянаго колечка, а содержатъ надѣлія изъ глины, кости, камня, мѣди и бронзы. Формы и орнаменты глиняныхъ сосудовъ сходны съ таковыми же глиняныхъ сосудовъ, найденныхъ въ курганахъ киммерійской эпохи области Приднѣпровья и въ другихъ мѣстностяхъ южной Россіи. Величина, форма и орнаментъ большихъ костяныхъ булавокъ, найденныхъ въ гробницахъ Пятигорья, также во многомъ сходны съ такими же булавами, найденными въ Безсмертной Могилѣ и другихъ древнѣйшихъ курганахъ области Приднѣпровья. Изъ костяныхъ и канешныхъ надѣлій только топоры-молотки, сдѣланные, по опредѣленію Вирхоля, изъ рога сѣвернаго оленя, и топоры-молотки изъ нефрита не были найдены до настоящаго времени въ другихъ областяхъ Россіи. Формы мѣдныхъ и бронзовыхъ надѣлій сходны съ такими же надѣліями кургановъ киммерійской эпохи, исследованныхъ въ другихъ мѣстностяхъ южной Россіи.

В. Древность большихъ кургановъ области Пятигорья.

Древность могилъ свидѣтельствуютъ бытовые надѣлія изъ глины, кости, камня, мѣди и бронзы и полное отсутствіе надѣлій изъ желѣза.

Въ „Большомъ“ курганѣ у и. Константиновки наблюдается ясное и простое наслоеніе могилъ, принадлежавшихъ разнымъ историческимъ эпохамъ и разнымъ народамъ, или ископаемымъ народамъ, отдѣленнымъ многими слѣдствіями другъ отъ друга. Древнѣйшій народъ сложилъ днухъ погребеній въ каменныхъ гробницахъ, устроенныхъ на материкѣ, подѣ курганомъ въ десять арш. отвѣсной высоты, закрытымъ сверху глиняною бревкою. Эти гробницы, по устройству и содержанію, подобны каменнымъ гробницамъ, открытымъ въ 1881 году въ большихъ курганахъ подѣ Кисловодскомъ, въ урочищѣ „Три Камня“. Со-

деревянные гробницы характеризуются присутствием орудий из глины, кости, камня, меди и бронзы. Эти бытовые предметы, по составу и формѣ, проще, древнѣе предметовъ Кобаньскаго могильника въ Дагории, относящихся къ эпохѣ конца бронзовой и начала желѣзной культуры. Въ Кобаньскомъ могильникѣ не встрѣчаются бытовые каменные орудія, а съ другой стороны, рядомъ съ бронзовыми кинжалами, топорами и проч., иногда встрѣчаются нащѣлки изъ желѣза, какъ въ видѣ орнамента на бронзовыхъ предметахъ, такъ и въ формѣ цѣльныхъ желѣзныхъ орудій. Въ моей коллекціи древностей изъ Кобаньскаго могильника имѣются массивное бронзовое глухое кольцо, украшенное десятью желѣзными накладками (№ 809), массивная бронзовая застежка, украшенная семью желѣзными треугольными накладками—близками (№ 813) и желѣзное кольцо (№ 810). Профессоръ Антоновичъ въ одной гробницѣ Кобаньскаго могильника, рядомъ съ бронзовымъ топорикомъ и кинжаломъ, напалъ „поперѣчными по назначенію желѣзные фрагменты“, а въ другой „бронзовый кинжалъ съ узорчатой рукояткою, а по нѣмъ желѣзный топорикъ“ (См. Итънъ Археол. Уфацъ, протоколъ подготов. комитета, изд. 1882 г. стр. 244). Въ гробницахъ же большаго курганова области Пятигорья, содержащихся орудія изъ камня и бронзы, не было найдено никакихъ признаковъ желѣза.

Но въ главной могилѣ „Большаго кургана“ у колоній Константиновки найдено серебряное колечко, подобное серебрянымъ колечкамъ греческихъ могилъ древней Пантикалеи; владѣльцы этого колечка владѣли и орудіями изъ камня, меди и бронзы. Откуда-же, отъ какой страны и когда обитатели области Пятигорья могли получить военнымъ или торговымъ путемъ предметъ роскоши чужака желѣзной культуры, — амвевидное серебряное колечко? Это вопросъ первостепенной важности для археологій Кавказа. Обитатели сѣвернаго Кавказа не имѣли возможности получить серебро отъ сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей, стоявшихъ на степеняхъ каменной культуры до времени передвиженія изъ Азии въ киммерійскую землю племена Скитовъ-Сколотовъ, то есть до послѣдней четверти VII вѣка до Р. X.; они не могли получить серебряное кольцо и отъ своихъ восточно-европейскихъ и азиатскихъ сосѣдей, стоявшихъ еще въ V вѣкѣ до Р. X., въ эпоху Геродота, на степеняхъ бронзовой культуры: „Съ запада, говоритъ Геродотъ, Каспійское море ограничено Кавказомъ съ востока къ нему примыкаетъ равнина на необоримомъ пространствѣ. Значительную часть этой обширной равнины занимаютъ Массагеты. По одеждѣ и образу жизни Массагеты похожи на Сколотовъ... иныя называютъ этотъ народъ скитскими... Все предметы у нихъ изъ золота и меди: все, что требуется для копій, стрѣлъ и сѣкиръ, готовится изъ меди; головные уборы и пояса украшаются золотомъ. Желѣза и серебра они вовсе не употребляютъ, итѣмъ металломъ и нѣтъ въ ихъ странѣ“ (Ист.; т. 261, 215). Следовательно, обитатели области Пятигорья эпохи бронзовой культуры имѣли возможность получить серебряное кольцо только отъ южныхъ народовъ, уже за тысячу лѣтъ до Р. X. стоявшихъ на степеняхъ желѣзной культуры, владѣвшихъ нащѣлками изъ желѣза, серебра и стекла, ценнѣйшими пародами культуръ каменной и бронзовой.

Нижеслѣдующему описанію устройства и содержанія могилъ южной Россіи скито-сарматской эпохи я предпосылаю историческіе и археологическіе факты, доказывающіе, что племена бывшей Киммерійской земли, по бѣжанію изъ своей родины въ западную Европу отъ Скитовъ-Сколотовъ, а призанависъ власть завоевателя, вышли изъ каменной культуры въ культуру бронзовую въ началѣ третьяго десятилѣтія VII в. до Р. X., а по истеченіи 28 лѣтъ перешли вмѣстѣ со Скитами-Сколотами изъ бронзовой культуры въ культуру желѣзную.

Могилы большаго курганова съ каменными гробницами въ окрестностяхъ Пятигорска и Кисловодска не древнѣе послѣдней четверти VII в. до Р. X.; а такъ какъ эти могилы древнѣе могилъ Кобани и нѣкихъ другихъ могильниковъ, открытыхъ по настоящее время на Сѣверномъ Кавказѣ и обстоятельно описанныхъ въ извѣстномъ трудѣ графини Уваро-

вой, а также древние не только другие земли могилы из области Пятигорья, очень обстоятельно мною исследованной, но я должен признать, что из горных Кавказа до настоящего времени не было открыто могил древней последней четверти VII в. до Р. X.

Как объяснить этот факт? Ответ на этот вопрос могут дать только археологические исследования и исторические свидетельства.

Вопрос можно объяснить неизвестностью могильных памятников эпохи в горах Кавказа недостатком археологических раскопок: со времени Кавказского археологического съезда, назначившего отечественный съезд в Тифлисе, на Кавказ преимущественно было сосредоточено внимание русских и иностранных археологов; раскопки были проведены многими людьми, во многих известностях, но нигде не было встречено могильных памятников каменной культуры, так часто встречающихся на равнинах Русской земли.

Обратившись к древним историкам, я встретил только несколько следующих свидетельств, могущих дать объяснение факта отсутствия на северном Кавказе могильных памятников каменной культуры.

По свидетельству Николая Дамаского народ Колхи, именем которого Греки именуют Кавказ, хоронил своих покойников таким способом, после которого археологи не могут найти в землях остатков древнейших обитателей Кавказа: «Колхи покойников не погребают, а вешают на деревьях» („Изв. древ. пис. о Скифии и Кавказе“, Е. В. Латышева; стр. 456). По свидетельству древнейшего европейского историка Евстафия Милитского, предшественника Геродота, современника Дария, царя Персидского: «Колхи, народ у Кавказа... подгорья Кавказа называются Колхскими горами... Моски племя Колхов, соседство Митрилами» (там-же, с. 2, 3).

По Геродоту до времени завоевания Сиксами-Солодатами Киммерийской земли все области, лежащая между Азовским морем и владениями восточной Мидии—Колхиды и Сасиррии, на протяжении тридцатипятилетнего пути, были необитаемы: „От озера Мэотиды до р. Фасида и восточной Колхиды тридцать дней пути для корабля при попутном ветре, а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живет только один народ Сасиры; мифованье его будуще в Мидии“ (там-же, с. 5).

Это свидетельство Геродота, оправдываемое раскопками нашего времени, получает особый интерес при сопоставлении с фактами первобытной сравнительной социологии, по которым все народы каменной культуры Старого и Нового Света, подобно Камчидалам, много открыли Кавказа, не только в гористых известностях, пытались преимущественно подлыми животными и теснились почти исключительно на речных и морских побережьях, изоблаживались моллюсками, рыбой и другими подлыми животными, но и пытались жить и питаться в гористых известностях при средствах вооружения человека каменной культуры.

По наложившимся фактам я признаю большие курганы с каменными гробницами окрестностей Пятигорья, Желтиноводска и Киселоводска относящимися ко времени до древней последней четверти VII в. до Р. X. Из это время Сиксы-Солодаты привнесли в Киммерийскую землю бронзовую культуру, а погромив Ассирийское царство, привнесли в Азию Россию железные изделия и предметы роскоши из золота, серебра, бронзы, стекла, (бусы) и терракоты, как показывают несомненные находки в могилах южной России, составляющих переходную группу от могил каменной культуры киммерийской эпохи к могилам железной культуры скифо-сарматской эпохи. Хотя серебра и бронзы были найдены только в двух из раскопанных мною больших курганов области Пятигорья, но сходство устройства гробниц и положений покойников в гробницах позволяют ясно, что все могилы курганов области Пятигорья описанного типа относятся к одному времени и принадлежат одному народу, жившему в исторический момент перехода древних обитателей южной России от культуры каменной к культуре железной.

Отдѣлъ II. Могилы скито-сарматской эпохи.

Главнымъ ередетвомъ отличія могилъ скито-сарматской эпохи отъ могилъ эпохи киммерійской и славяно-русской служатъ находки въ курганахъ южной Россіи бытовыхъ издѣлій древнегреческаго и римскаго искусства изъ золота, серебра, бронзы, желѣза, терракоты и стекла; а потому, приступая къ издѣлію въ своемъ собраніи древностей въ особый отдѣлъ содержанія могилъ скито-сарматской эпохи, я совершила поездки въ Керчь, на Тамань, въ Феодосію, Херсонесъ и Италію, спеціально для ближайшаго ознакомленія на мѣстѣ съ устройствомъ и содержаніемъ греческихъ и римскихъ могилъ съ VI в. до Р. X. по V в. послѣ Р. X. Подъ Керчью я ознакомилась съ устройствомъ кургановъ съ каменными гробницами, содержавшими издѣлія греческаго искусства, катакомбъ я нигдѣ подъ ровной поверхностью Митридатовой горы съ издѣліями римской эпохи и греческихъ могилъ издѣліями у Карагинной бухты. На Таманскомъ и Киммерійскомъ полуостровахъ я ознакомилась съ формами мѣстныхъ кургановъ, съ катакомбами у станицъ Свѣной и утробетскомъ материковой и вставныхъ гробницъ съ богатымъ содержаніемъ издѣлій греческаго искусства въ большомъ курганѣ, раскопанномъ В. Г. Тизенгаузеномъ широкими траншеями со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ сѣверной стѣны, которую обыкновенно оставляли безъ раскопки, на томъ основаніи, что въ керченскихъ и таманскихъ курганахъ подъ сѣвѣрною частью вѣсны гробницъ не встрѣчается. Но послѣ отъѣзда бар. Тизенгауза директоръ Керченскаго музея С. И. Верещинскій, при моемъ участіи, въ сѣвѣрной полѣ скавпанаго кургана открылъ вставную двухкамерную каменную гробницу съ богатымъ содержаніемъ золотыхъ, серебряныхъ и терракотовыхъ издѣлій древнегреческаго искусства.

Показывая мнѣ содержаніе небольшого помѣщенія Керченскаго музея, переполненнаго терракотовыми, алебастровыми, стеклянными и глиняными сосудами, издѣліями изъ бронзы и желѣза и частію изъ серебра и золота простѣйшихъ формъ, которыми не интересовались Императорскій Эрмитажъ и Археологическая Коммисія того времени, г. Верещинскій показалъ мнѣ и содержаніе сарая во дворѣ музея, гдѣ въ общей безпорядочной кучѣ помѣщалось множество разнородныхъ бусъ и фибулъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, обломковъ мечей, ланцетей, удилъ, пряжекъ, улокъ и частію ибѣльхъ, а большае же количество простыхъ глиняныхъ и алебастровыхъ, стеклянныхъ и терракотовыхъ сосудовъ, — такихъ древностей изъ керченскихъ и таманскихъ могилъ, для которыхъ не было мѣста въ Керченскомъ музеѣ, а въ Петербургѣ такая древности „не вѣлѣно прислать“, во извѣжаніе расхоловъ. Тогда же я узнала, что прежніе директора Керченскаго музея, особенно г. Липинскій, раскопки кургановъ поручали должностнымъ рабочимъ, а получая отъ нихъ найденные предметы, составляли отчеты объ устройствѣ гробницъ, положеніи покойниковъ и бытовыхъ предметовъ въ могилахъ по словеснымъ сообщеніямъ рабочихъ. Содержаніе гробницъ дробилось и терялось для науки: изъ гробницъ, даже датированныхъ монетами, высылались въ Петербургъ только терракотовые, стеклянные, каменные и металлическіе предметы, въ которыхъ можно было подмѣчать „образцы классическаго искусства“, а обыденные бытовые предметы были оставляемы на мѣстѣ.

Неудивительно, что при такой постановкѣ археологическаго дѣла образовались въ Керчи частныя собранія могильныхъ древностей, представляющія собою груды бытовыхъ предметовъ разныхъ историческихъ эпохъ и народностей въ полномъ хаотическомъ смѣшеніи, мало интересныя для историка. Въ складѣ одного изъ такихъ собраній, г. Бухалея, главнаго мѣстнаго торговца древностями, я видѣла распятыя терракотовыя вазы, за которыя русскіе и иностранцы платятъ сотни рублей, золотыя вѣзки, ожерелья, браслеты, монеты Левкоя и Эпимаха, цѣнности по 500 рублей и болѣе, дублетъ граненой каменъ, цѣнностію въ тысячу рублей, подаренной г. Бухалею Императрицѣ

Марин Александровичъ, и пр. Если правда, что эти древности были найдены въ гробницахъ таманскихъ кургановъ, что утверждалъ владѣлецъ, то онѣ имѣли громадную цѣну для археолога и историка, какъ опредѣлители времени богатого и разнороднаго содержания гробницъ скитской эпохи, какъ средства научнаго познанія исторіи быта народовъ, населявшихъ южную Россію; въ своей же оторванности, изолированности отъ бытовой могильной обстановки скиванскихъ вазъ, монеты, камни и пр. представляли собою позитивный археологическій матеріалъ, не генералій ничего новаго историкъ и цѣлѣный только для коллекціонеровъ „образцовъ классическаго искусства“, не интересующихся исторіей быта древнихъ „варварскихъ“ скито-сарматскихъ народовъ.

Изъ собранія г. Бухаря приобрѣтены слѣдующіе номера бытовыхъ предметовъ моей коллекціи: 986—995, 1014, 1015, 1028, 1028а, 1038, 1131—1133, 1140—1176, 1199—1199. Всѣ остальные предметы нижеслѣдующихъ „древностей окрестностей Керчи и Таманя“, за исключеніемъ номеровъ 94, — 1045—1071; 96, — 1110; 07, — 1110—1118, найденныхъ лично мною въ одной изъ древнихъ кургановъ кучъ у подножія горы Митрилата, съ разрѣшенія директора Керченскаго музея, были выбраны мною изъ кучи древностей, съезженныхъ въ сараѣ музея, какъ донуженія Керченскому музею и Петербургу; для меня же желѣзныя, бронзовыя, стекляныя и глиняныя надѣлія обывающей обстановки быта древнихъ грековъ и римлянъ, — чашушки, пачиры, неконечники, стрѣлы и копій, топоры, ножи, пряжки, фибулы, кольца, браслеты, бѣзны, бусы, зеркала, сосуды, хотя бы въ фрагментахъ, какъ средства опредѣленія скитскихъ и сарматскихъ могилъ въ областяхъ Дола, Дѣлѣра и Дибетра, дороже „образцовъ классическаго искусства“ съ художественными изображеніями, потому что такіе образцы были дороги и рѣдко попадали въ могилы Скитовъ и Сарматовъ, встрѣчаются почти исключительно въ царскихъ могилахъ, а дѣловые надѣлія обывающей обстановки домашней жизни классическихъ народовъ шли въ области Скитовъ и Сарматовъ широкою возною. Приобрѣтенія обычныхъ образцовъ греческихъ и римскихъ монетъ и бытовыхъ предметовъ изъ малопѣчныхъ матеріаловъ имѣло для меня и другой интересъ. На своей коллекціи древностей, расположенныхъ по историческимъ эпохамъ, и наглядно показывавъ своимъ слушателямъ различіе въ содержаніи могилъ разныхъ историческихъ періодовъ и исторію культуры скито-сарматскихъ народовъ южной Россіи подъ послѣдствительнымъ вліяніемъ культуръ ассирійской, древнегреческой, римской, вивантійской и арабской, отражающимся не только въ нахедкахъ предметовъ искусства древнихъ Ассириянъ, Грековъ, Римлянъ, Вивантійцевъ и Арабовъ въ скито-сарматскихъ могилахъ разныхъ историческихъ періодовъ, но и въ постепенномъ измѣненіи формъ и состава бытовыхъ надѣліи киммерійской эпохи и мѣстномъ изготовленіи новыхъ формъ оружія, украшеній и орудій домашняго быта по образцамъ надѣліи чужеродныхъ культуръ. Мнѣ необходимо было имѣть подъ руками образцы обывающихъ бытовыхъ предметовъ изъ древнихъ керченскихъ и таманскихъ могилъ для нагляднаго сравненія съ такими же предметами скито-сарматскихъ могилъ, — необходимо тѣмъ болѣе, что художественнымъ образцамъ классическаго искусства, открытымъ въ древнихъ могилахъ южной Россіи, было посвящено множество исследованийъ и наладій, а предметамъ культуры обывающей, повседневной жизни восточныхъ греческихъ колоній не было посвящено въ археологической литературѣ ни одного спеціальнаго обзора, ни одного атласа.

Въ 1889 году я посѣтилъ Италію съ цѣлью непосредственнаго ознакомленія съ устройствомъ этрусскихъ и римскихъ могилъ и обзорѣн итальянскихъ музеевъ. Я осматривалъ музеи въ Болоннѣ, Венеціи, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ; осматривалъ некрополь и откопанную часть города Помпей, присутствовалъ при откапываніи двухъ домовъ, засыпанныхъ пепломъ Везувія, осматривалъ Теркуланумъ и некрополи въ окрестностяхъ Рима, Кіузи, Орнети и Чланта-Кастеллана. Въ окрестностяхъ послѣдняго города я присутствовалъ при раскопкѣ катакомбнаго могильника въ землянкахъ до потолка, въ два и три этажа, вырублен-

взвешены под ровной поверхностью земли из плотномъ замазкѣ-ломъ слоеъ глина. Подобно катаномбамъ римской эпохи на склонахъ горы Матридата подъ Керчью, римскія катаномбы, стертія въ моемъ присутствіи въ количествѣ двадцати двухъ, оказались ограбленными въ древности; при разбросанныхъ человѣческихъ костяхъ были найдены только простые глиняные сосуды, часто крашевые, терракотовые сосуды разной формы, обыкновенно въ фрагментахъ, бусы разного состава и разной величины, желѣзные и бронзовые предметы разного рода, иногда неважные деревянные грабителями серебряныя и золотыя бляшки, кольца и фибулы, какъ въ вышнихъ ограбленныхъ сарматскихъ могилахъ. Мнѣ давно было известно изъ Италии въ Россію обыкновенные бытовые предметы изъ римскихъ могилъ, приобретенные въ Орвието и Чивита-Кастеллана у частныхъ лицъ, и часть дублетовъ изъ катаномбы, открытыя въ моемъ присутствіи, какъ древности, мало интересныя для обществанныхъ музеевъ, Италіи, переполняемыхъ археологическимъ матеріаломъ, но очень интересныя для моего собранія русскихъ древностей по вышеуказаннымъ причинамъ, какъ средства опредѣленія времени сарматскихъ могильниковъ въ Россіи и связи на сарматскую культуру римской культуры императорской эпохи.—времена господства Римлянъ въ Даки.

Греческія и римскія древности.

Одна серебряная и девятнадцать три медныя пятиклавейскія монеты, найденныя въ окрестностяхъ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ (80.—754—793); семидесять медныхъ греческихъ и римскихъ монетъ, найденныхъ на городищахъ древнихъ греческихъ колоній, преимущественно Пантикапей, Фазагорія, Херсонеса и Ольвіи (81.—704—848); двѣ римскія медныя монеты, найденныя въ Чернитоуѣ (849, 854); коллекція серебряныхъ римскихъ монетъ, собранная Курисомъ (сто двадцать эвекспанровъ), приобретенная отъ Н. И. Ханенко, и девятнадцать серебряныхъ римскихъ монетъ изъ кладовъ разныхъ мѣстностей Россіи (88а—91с.—851—884); варварское подражаніе автонокиной монетѣ острова Фавоса, найденное въ изюмныхъ Дибетра, приобретенное отъ Н. И. Костемарова (885).

Древности окрестностей Керчи и Тамани.

Обломки ручки глиняной амфоры съ греческимъ штемпелемъ и надписью ΘΑΣΙΩΝ (№ 980), маленькая остродонная и узкогорлая глиняная амфора съ двумя ручками (№ 981), пять глиняныхъ флаконовъ (988—992), маленький глиняный сосудъ съ ручкою (993), маленький глиняный сосудъ-вазочка съ двумя ручками и боковою сосулькою для корытца дѣтей молокомъ (994), маленький сосудъ изъ красной глины, украшенный изображеніемъ человеческого лица, съ ручкою (995), маленький глиняный горшочекъ съ узкимъ горлышкомъ, украшенный въ верхней половинѣ узоромъ, состоящимъ изъ крестиковъ и параллельныхъ линій (996), глиняный шестигранный столбикъ, продырявленный въ верхней угловатой половинѣ (997), круглый плоскій продырявленный стѣпокъ со знакомъ посреди, состоящимъ изъ креста въ кружкѣ (998), терракотовая тарелочка краснаго цвѣта (999), терракотовая вазочка (1000), донышко терракотоваго сосуда, покрытаго чернымъ лакомъ (1001), орнаментированное донышко терракотоваго сосуда, покрытаго чернымъ лакомъ (1002), три половинки маленькихъ терракотовыхъ блюдечекъ, покрытыхъ чернымъ лакомъ (1003—1005), терракотовое блюдечко, покрытое чернымъ лакомъ (1006), два маленькихъ терракотовыхъ сосуда, вроде солонки, покрытые чернымъ лакомъ (1007, 1008), дно терракотовой вазочки, покрытое чернымъ лакомъ, съ вытиснутымъ на немъ орнаментомъ (1009), дно терракотовой вазы, покрытой чернымъ лакомъ, съ вытиснутымъ на немъ орнаментомъ (1010), фрагментъ дна большой терракотовой вазы, покрытой чернымъ лакомъ (1011), терракотовая вазочка, покрытая чернымъ лакомъ, съ двумя ручками (1012), терракотовая вазочка, покрытая чер-

нымъ лакомъ (1013), терракотовая ваза съ двумя ушками, покрытая чернымъ лакомъ и украшенная бѣлымъ изображеніемъ явской головки, красными изображениями воздушной лошадиной морды, фантастическаго животного, двухъ человѣкообразныхъ фигуръ и овалобразными узорами (1014), терракотовый сосудъ съ одною ручкою, росписанный узорами и каймою, состоящею изъ пятнадцати повторяющихся изображеній птицы (1015), фрагментъ мраморной статуэтки, представляющей голову въ шлемѣ (1016), маленький терракотовый сосудъ, покрытый лакомъ, съ ручкою (1017), шесть терракотовыхъ флаконовъ (мюрчиновъ) съ ушками (1018—1023), терракотовый орнаментированный сосудъ безъ дна и горлышка (1024), два горлышка терракотовыхъ орнаментированныхъ сосудовъ (1025—1026), обломокъ терракотоваго орнаментированнаго бакида (1027), маленький терракотовый орнаментированный сосудъ-мазка, для кормления дѣтой молокомъ, съ ручкою и боковою сосулькою (1028), маленький терракотовый сосудъ, покрытый чернымъ лакомъ (1028a), четыре глиняныя лампочки простѣйшей формы, вродѣ малороскопныхъ мурчиновъ (93.—1029-1032), глиняная лампочка формы телячьей головки съ разинутыми ртомъ (1033), восемь терракотовыхъ, орнаментированныхъ лампочекъ (1034—1041), перстень съ глиняною прищипкою (1042), глиняная прищипка (1043), стеклянная прищипка (1044), двадцать семь фрагментовъ росписныхъ терракотовыхъ сосудовъ, украшенныхъ орнаментами съ человѣческими изображеніями (94.—1045-1071), двадцать четыре фрагмента росписныхъ терракотовыхъ сосудовъ, украшенныхъ различными узорами и изображеніями человека, лошади, быка, свиньи, зайца, льва, лебедя и грифа (95.—1072-1096), глиняный орнаментъ, изображающій лебедя съ амуромъ (96.—1097), три гипсовые маски (1098—1100), два гипсовыхъ печатковидныхъ орнамента (1101, 1102), гипсовый дельфиновидный орнаментъ со слѣдами голубой окраски (1103), гипсовая голова (1104), терракотовый обломокъ, изображающій носъ и часть верхней челюсти съ зубами (1105), орнаментъ изъ красной глины, изображающій человѣческую головку въ шлѣтахъ (1106), рѣзной фрагментъ деревяннаго саркофага съ остатками позолоты и краски (1107), обломокъ кипариснаго саркофага (1108), каменный продырявленный сослукъ (1109), костяная четырехугольная пластинка съ рѣзнымъ изображеніемъ птицы, найденная въ мусорѣ горы Митридата, но вѣроятно новѣйшаго происхожденія (1110); цѣлая и восемь фрагментовъ глиняныхъ статуэтокъ, найденныхъ въ мусорѣ горы Митридата (97.—1111-1118), двѣнадцать стеклянныхъ сосудиковъ различной величины и формы (98.—1119-1130), стеклянный сосудъ формы стакана съ выгнутыми боками (1131), росписной терракотовый сосудъ формы флакона (1132), флаконъ изъ алебастра (1133), алебастровая прищипка (99.—1134), пять алебастровыхъ бусъ (1135), восемь глиняныхъ и стеклянныхъ подвѣсокъ различной формы и величины (1136—1139), пятьдесятъ бусъ различнаго состава и различной формы (1140), пятьдесятъ черныхъ бусъ различной величины и формы (1141), десять крупныхъ мозаичныхъ бусъ различной формы (1142), двадцать восемь глиняныхъ бусъ различной величины и формы (1143), двадцать мозаичныхъ бусъ различной величины и формы (1144), крупная мозаичная буса или прищипка (1145), двѣ глиняныя ягдовидныя подвѣски (1146, 1147), глиняная прищипка (1148), двѣ подвѣски или бусы формы окарбеелъ съ іероглифами (1149, 1150), глиняная подвѣска формы пластинки съ лежанцемъ на ней изображеніемъ льва (1151), бронзовая подвѣска, изображающая грубое подобіе человека (1152), стеклянная мозаичная подвѣска, изображающая голову птицы (1153), подвѣска изъ стеклянной композиціи, изображающая подобіе человека, подобная находимымъ при египетскихъ муміяхъ (1154), двѣ подвѣски изъ композиціи съ изображеніемъ человѣческихъ бюстовъ съ ожерельями (1155, 1156), плоская круглая подвѣска или буса, съ вытиснутымъ на ней изображеніемъ человеческого лица (1157), подвѣска изъ темнаго стекла, изображающая голову негра (100.—1158), пятьдесятъ шесть мозаичныхъ бусъ изъ зеленого стекла (1159), тринадцать граненыхъ бусъ изъ сердолика (1160), восемьдесятъ пять глиняныхъ, стеклянныхъ и яштарныхъ бусъ различной формы и величины (1161), сережъ четыре глиняныя и стекляныя мозаичныя бусы различной формы и

волычины (1162, 1163), тринадцать крупных бусь из сердолика и горного хрусталя (1164—1166), сто шестидесять девь сердоликовых бусь разной формы и величины (1167—1168), восемьдесят стекляннх бусь различной формы и величины (1170—1174), униформанный сердолик (1175), жеманная буса с мелкими изображениями человеческого лица (1176), семь булавочных головок из сердолика с обломками металлических стержней (1177—1183), мозаичная стеклянная головка с обломком металлического стержня (1184), тринадцать равноформенных привесок различной величины (1185—1188), девь сердоликовые бусы, покрыты бѣлым шпатель (1189, 1190), маленькая янтарная подвеска формы браньей косточка-бабка (1191), одиннадцать стекляннх подвесок или бусь, заостренных кверху (1192), круглый униформанный сердолик (1193), овалный сердолик с вырезанным на нем изображением человеческого бюста в нагнѣ (1194), два овальных стекла с рельефными изображениями женских бюстов (1195, 1196), овальное стекло с вытиснутым на нем изображением человеческой головки (1197), золотая круглая бляшка с рельефным изображением человеческого лица, окруженного точками (1198), девь золотыя сережки с овальными камнями (1199), три серебряныя кольца разной формы (1200—1202), обломок серебрянаго кольца (1203), бронзовая перстень (1204), верхняя часть бронзоваго перстня с рельефным изображением человеческого бюста (1205), верхняя часть бронзоваго перстня с вытиснутым изображением женскаго бюста (1206), верхняя половина желѣзнаго перстня (1207), два дѣтских браслета из бронзовых проволоок, обвитых тонкими бронзовыми же проволоками (1208, 1209), три бронзовыя фибулы различной формы и величины (1210—1212), бронзовая позолоченная фибула (1213), бронзовая рѣзая пластинка, кончающаяся сверху корнзупкой, а снизу позвонками для чистки ногтей (1214), бронзовая застежка (1215), четыре треугольные бронзовыя наконечники стрѣлы разной величины (1216, 1217), четыре склѣпаные выѣты бронзовыя наконечники стрѣлы (1218), бронзовый наконечник стрѣлы с закругленными краями (1219), бронзовая воронка, — основание кисти (1220), бронзовая удочка (1221), десять бронзовых пластинок отъ чешуйчатого панциря разной величины (1222, 1223), десять желѣзных пластинок отъ чешуйчатого панциря разной величины и формы (1224—1226).

Древности Италіи.

Помпейская терракотовая вазочка, с двумя ушками, покрытая черным лаком и украшенная бѣлым гранчатым узором (№ 1227), оттуда же терракотовый сосуд с ручкою, покрытый черным лаком и украшенный сатирическим рисунком, состоящим из трех фигур, росписанных красками (1228), оттуда же три фрагмента мозаики (1266, 1267).

Могилы окрестностей Чивитта-Настеллана и Фрагата.

Росписанная терракотовая ваза, с двумя ушками, украшенная тремя изображенными фантастическими четвероногими крылатыми животными с человеческими головами (№ 1229), росписанная ваза-блюдо с двумя ручками, украшенная снаружи гранчатыми разводами, а внутри изображением крылатой сидящей женской фигуры, обнятой альфо (1230), ваза-блюдо, подобная предыдущей, с изображением крылатой женской фигуры, обнятой вправо (1231), терракотовый сосуд формы горшочка, покрытый красным лаком и украшенный пятью темными изображениями птиц (1232), три терракотовыя бляшечки на подложках, изъ которыхъ два украшены изображением женской головки, а третье выѣдобразным узором (1233—1235), терракотовая мясочка, покрытая черным лаком (1236), два маленькых терракотовых сосуда, покрытых черным лаком, вродѣ

салепокъ (1237, 1238), терракотовая вазочка, покрытая чернымъ лакомъ, со слѣдами бѣлаго трапчатого узора и двумя ручками (1239), терракотовый узорчатый сосудъ съ ручкою наверху и боковымъ горлышкомъ (1240), терракотовый сосудъ-мамя, покрытый чернымъ лакомъ (1241), терракотовый узорчатый сосудъ съ верхнею ручкою и боковымъ отверстиемъ (1242), терракотовый сосудъ, покрытый чернымъ лакомъ, со слѣдами четырехъ рыбообразныхъ украшеній (1243), терракотовая мисочка, покрытая краснымъ лакомъ (1244), терракотовая мисочка, покрытая чернымъ лакомъ, заключающая въ себѣ краску малиноваго цвѣта, подобную находимой въ древнихъ могилкахъ Россіи (1245), малая глина сосудъ, видъ солонки, изъ темной глины (1246), малый горшочекъ изъ темной глины съ одною боковою ручкою (1247), вазочка изъ темной глины на подножьи (1248), половина терракотовой тарелочки, украшенной по обѣимъ краямъ трапчатымъ узоромъ (1249), глиняный слѣпокъ, представляющій и съ шести знаками въ видѣ кружковъ съ крестиками въ серединѣ (1250), птицеобразный орнаментъ этрусской вазы изъ темной глины (1251), четыре фрагмента орнаментовъ этрусскихъ вазъ изъ темной глины съ изображеніемъ человеческого лица (1252—1255), фрагментъ этрусского сосуда изъ темной глины, архаичнаго рельефнымъ трапчатымъ узоромъ (1256), фрагментъ терракотового сосуда, покрытаго краснымъ лакомъ, съ рельефнымъ изображеніемъ крилатаго амура (1257), шесть глиняныхъ пластинокъ (1258), двѣ круглыя медальонныя бусы (1259, 1260), сорочка пяти бусъ различнаго состава и различнаго формы и величины (1261—1264), стеклянная мозаичная головка отъ медальонной бусы (1265), фрагментъ розоваго терракотоваго сосуда (1266), круглая пластинка изъ кости, видъ пуговицы, и обломокъ продолговатой костяной пластинки формы лядьки (1269, 1270), два стеклянные сосуда (1271, 1272), бронзовая патера изъ могилы окрестностей Чиватта-Кастелляна (1273), круглая бляха съ рельефнымъ человеческимъ лицомъ въ этрусскомъ головномъ уборѣ (1274), бронзовая бляшка, изображающая крылатую человеческую фигуру (1275), бронзовая массивная бляшка, изображающая человеческое лицо съ крыльями (1276), бронзовая подставка, изображающая четвероного животное (1277), бронзовая массивная подставка, представляющая справа кувшинъ, слѣва фляжку въ напряженномъ состояніи и снизу фляжку въ спокойномъ состояніи (1278), бронзовая статуетка, изображающая голаго жюшу (1279), бронзовая подставка, изображающая босую маляжку (1280), бронзовая бляшка формы одетки (1281), бронзовая бляшка на полукольцѣ (1282), два ажурныхъ колесовидныхъ бронзовыхъ предмета (1283), фигурная бронзовая бляха, подобная наколочкѣ пояса (1284), обломокъ бронзовой ручки съ желтымъ изображеніемъ (1285), массивная бронзовая бляха (1286), массивная бронзовая подставка формы медальона (1287), бронзовая подставка формы маленькаго подожьника (1288), узорчатая бронзовая бляшка (1289), фрагменты ажурнаго бронзоваго крамля (1290), три массивныя бронзовыя крылатыя ножки, изъ которыхъ двѣ кончатся четырехпальными лапками, а третья копытномъ (1291—1293); пять бронзовыхъ браслетовъ различнаго формы (1294—1298), половина бронзоваго браслета (1299), восемь бронзовыхъ колецъ различнаго формы и величины (1300—1307), обломокъ бронзовой ручки (1308), бронзовая пластинка съ кольцомъ и тремя цѣпочками (1309), бронзовый предметъ формы пряжки съ тремя колечками (1310), цѣпочка изъ бронзовыхъ колецъ (1311—1314), семнадцать бронзовыхъ фибулъ различнаго формы и величины, украшенныхъ различными орнаментами (1315—1330), бронзовое орудіе для натирки тѣла мазью въ банѣ со знакомъ владыки на внутренней сторонѣ (1331—1333), три бронзовыя шпательныя различнаго формы и величины (1334—1336), бронзовая игла для чистки ногтей съ корпачишкою видѣта ручки (1337), бронзовый стержень съ остриемъ на одной сторонѣ и лопаткою на другой.—орудіе древнихъ скульпторовъ (1338), бронзовый кондъ съ плоскою рукояткою, подобный найденнымъ въ Помпеи (1339), бронзовыя шпательныя или шпатель, подобныя находимымъ въ развалинахъ Помпеи (1340), круглая бронзовая бляха (1341), бронзовая головка фибулы или подожьки

(1340), бронзовый слиток, состоящий из мелких колец (1341), железная полукруглая дужка (1342), бронзовая проволока, согнутая витками в три оборота (1343), подвеска из бронзовой проволоки с загнутыми спиралью концами в пять оборотов и украшенная круглым стеклышком (1344), восемь равноформенных и разной величины бронзовых слитков, замбийских деньги (1345—1346), массивное бронзовое зеркало с ручкою (1350), фрагменты бронзовых зеркал (107, —1351—1354), две бронзовые римские монеты из окрестностей Чивитта-Кастелляна (1355, 1356), массивная бронзовая пластинка, найденная в челюстях остова, открытого в одной из гробниц в окрестностях Чивитта-Кастелляна (1357), бронзовое зеркало с металлическою ручкою, украшенное рельефными изображениями двух женских фигур, найденное в гробницѣ окрестностей Орбетто (1358), квадратное бронзовое зеркало с короткою ручкою, найденное там же (1359).

Эпоха появления надъ Чернымъ моремъ скитскихъ могилъ.

Появление могилъ скито-сарматской эпохи въ областяхъ современной намъ южной европейской Россіи относится ко времени передвиженія изъ Азии въ Европу племенъ Скитовъ-Сколотовъ и образованія въ предѣлахъ бывшей Киммерійской земли двухъ государствъ,—сколотскаго и сарматскаго, разграниченныхъ теченіемъ р. Дона. Объ этомъ событіи Геродотъ оставилъ слѣдующія свидѣтельства первостепенной важности для русскаго археолога и историка.

Начатая легенда о происхожденіи Скитовъ (Ист.; К. IV, 5—10), Геродотъ говоритъ:

«Есть еще одинъ рассказъ, которому я вѣрю какъ болѣе, состоящій въ слѣдующемъ. Кочевые Скиты жили сначала въ Азии, откуда были вытѣснены войскою царя Массабетозъ, перешли р. Араксъ и вступили въ Киммерійскую землю; дѣйствительно, страна, занимаемая нынѣ Скитами, принадлежала прежде Киммерійцамъ. Но настоящее время есть въ Скитіи Киммерійскія укрѣпленія, Киммерійскія переправы, Киммерійская область и такъ называемый Киммерійскій боспоръ... Въ виду явствующей многочисленности скитской рати, Киммерійскій народъ... вынужденъ изъ своей страны, а Скиты заняли ее, уже лишившую населенія» (т. II, 12).

Другими своими свидѣтельствами Геродотъ оправдываетъ точно время передвиженія Скитовъ въ Киммерійскую землю:

«Въ походѣ на Киммерійцевъ Скиты вторглись въ среднюю Азію, сокративши тамъ господство Мидіевъ и господствовали въ Азіи двѣнадцать восемь лѣтъ...» «Когда послѣ побѣды надъ Ассирійцами Кингсаръ (сынъ мидійскаго царя Фраорта) осаждалъ Нинъ (523 г. до Р. X.), появилось большое скитское войско подъ предводительствомъ царя Мадія, сына Прототія. Скиты вторглись въ Азію вслѣдъ за изгнанными ими изъ Европы Киммерійцами; преслѣдуя бѣгущихъ Киммерійцевъ, они вошли въ Мидійскую землю. Расстояніе между озеромъ Меотидомъ и р. Фаспадомъ и Колхидою тридцать дней пути для здороваго человека; путь изъ Колхиды въ Мидію не возникъ; между этими странами живетъ только одинъ народъ,—Сиссары; мнѣ кажется, вступивши въ Мидію, Скиты изли одважно по этому пути; отъ прямого пути они уклонились, а пошли по верхней, гораздо болѣе длинной дорогѣ, изъ горы Кавказа съ правой стороны. Въ этомъ мѣстѣ Мидіеве сражались со Скитами, но были разбиты, потеряли господство надъ Азіей, а Скиты завладѣли ею. Отсюда Скиты направились на Египетъ. Когда они стали въ Палестинской Сиріи, египетскій царь Коамметикъ выискалъ настрѣчу имъ и прощеньемъ и подарками удержалъ ихъ отъ дальнѣйшаго движенія... Скиты владычествовали надъ Азіей въ теченіе двѣнадцати восьми лѣтъ (523—505 гг.), своими изысканіями и грабежами разорили и опустошили всю Азію; кромѣ того, что съ каждаго подвластнаго народа вѣдали установившую дань. Скиты совершали

забывши и грабили все, что тотъ или другой народъ имѣлъ у себя... Кроме того, они покорили Нинъ, — какъ они покорили его, разскажу въ другой исторіи (этой исторіи Геродота не сохранилось), — и волочили съ собою Ассирійцевъ, изъ исключительнѣе Вавилонской области" (гл. 103—104).

Диодоръ Сицилійскій слѣдующими словами опредѣляетъ владѣнія Ассирій VII в. до Р. X.:

„Нинъ покорилъ изъ приморскихъ и сосѣднихъ съ ними областей Египеть и Финикію, подчинилъ своей власти Троаду, Гелеспонтскую Фрагію, Пропонтиду, Везеній, Калпадокию и припонтійскія варварскія племена, занимавшія области до Таванды... прошесть также Персію, Сузіану и такъ называемую Каспіану... онъ подчинилъ себя и многіе другіе, малѣе значительные народы, о которыхъ долго было бы говорить" (кн. II, с. 2).

Очевидно этотъ патисъ Ассирійскаго царства на Каспіану и Таванду, а не баснословное сказаніе о погонѣ за Киммерійцами, была причиною военнаго похода египетскаго царя Мидія въ предѣлы ассирійскихъ владѣній и разгрома царства, созданнаго Нинемъ, Сиктами-Сиклотами.

„Скиты", говоритъ Диодоръ Сицилійскій, „сначала жили въ незначительномъ количествѣ у р. Арха... съ теченіемъ времени ихъ цари, отличившись воинственностью и стратегическими талантами, подчинили себѣ обширную страну за р. Тавандомъ до Фрагіи, и направляютъ военныя дѣйствія въ другую сторону, распространяли свое владычество до сѣверной р. Инла... Этотъ народъ широко разросся и имѣлъ замѣчательныхъ царей, изъ коихъ нѣкоторые были племенемъ Сиктами, другіе Мессагетами, нѣкоторые Аримеоними и другіи многими именами. Этими царями были переселены и многіе другіе, покоряемая племена; а изъ таинхъ переселеній наиболѣе важными были два: одно изъ Ассирій въ землю между Пафлагоніей и Понтомъ, а другое изъ Мидіи, основанное у р. Таванда, — эти переселенцы владѣли Сироматями, много лѣтъ спустя, они сдѣлались скитскими, опустошили значительную часть Скитіи, и поголовно истребили побѣжденныхъ, большую часть изъ страны обратили въ пустыню" (кн. II, г. 43).

Свидѣтельство Геродота о господствѣ изъ послѣдней четверти VII в. до Р. X. Скитомъ надъ государствами юго-западной Азіи, отъ греческаго города Милета до царства ассирійскаго, подтвердила археологія нашего времени вещественными памятниками, на основаніи которыхъ и свидѣтельство Геродота профессоръ Іегеръ даетъ слѣдующую характеристику завоеванія Скитами Ассирійскаго царства:

„Скитскія наступательныя воинственныя племена, неяснаго происхожденія, жившіи по берегамъ рѣкъ, текущихъ съ С. въ Черное море, побуждаемые голодомъ или жаждою добычи, вдругъ устремились на области, входившія въ составъ Ассирійскаго царства. Не довольствуясь тѣмъ, что могла дать имъ ачхалскія Мидіи и бѣдныя горныя страны, Скиты огненнымъ потокомъ устремились отсюда въ плодородную долину рѣкъ Тигра и Евфрата, все предавая огню и мечу. Геродотъ, близку знакомый съ обычаями и нравами Скитовъ, даетъ намъ превосходный очеркъ ихъ... Этотъ народъ навелъ ужасъ на всѣ ассирійскіе народы. Города сдавались Скитамъ безъ боя или откупались богатыми дарами; войска не выдерживали ихъ натиска, поражались суевѣрными страхомъ. Предѣломъ ихъ нашествія была граница Вегита, на которой царь Немметиль I выставилъ сильное войско, но въ такое время благоразумно предложилъ скитскимъ князьямъ богатые дары. Отъ границъ Вегита они возвращались черезъ земли Финистимлянъ; злѣмъ еще дѣлать некоторое время продолжали быть грозой и ужасомъ странъ, расположенныхъ между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ, и наконецъ, преисполненные хищничествомъ, отгоняемые богатой добычей, вновь удалились въ свои сѣверныя степи. Это нашествіе Скитовъ имѣло одно несомнѣнно важное послѣдствіе: могущество Ассирій было подорвано" (Исторія Древняя, т. I, с. 48, 49).

„Богатую добычу" Скитовъ составляли: во первыхъ, бытовые предметы народовъ, владѣвшихъ даже завоевателя, принадлежавшіе къ Малой Азіи въ теченіе 28 лѣтъ, а

во вторыхъ, плѣнные ремесленники и ювелиры, которыхъ Сикты, по обычаю всѣхъ другихъ завоевателей своего времени, вывели въ новое свое государство, для поселенія въ вѣдѣніи своихъ подданныхъ и сожизнителей.

Средства опредѣленія древнѣйшихъ монетъ скитской эпохи.

Для русскаго археолога и историка важно знать, какія бытовныя надѣлы составляли богатство цивилизованныхъ народовъ юго-западной Азіи VII в. до Р. X., принесенное Сиктами въ бывшую Киммерійскую землю.

„Въ половинѣ VII в. до Р. X. Ассирійское царство стояло въ полномъ блескѣ своего могущества: то была первое великое царство, основанное на завоеваніяхъ,—ирише известное намъ такъ влиятельное мірное государство... Надписи постоянно даютъ намъ въ совершенно опредѣленныхъ числахъ цифру убитыхъ въ сраженіяхъ и вѣстухъ изъ плѣнъ или выдѣленныхъ изъ отечества на поселеніе въ Ассирію; на вѣчныхъ въ камни изображеніяхъ видимъ, какъ царскіе писцы записываютъ необходимыя имъ свѣдѣнія на кожаныхъ колодахъ... Плѣхота была хорошо вооружена: юнкскія одежды ея были покрыты напиктими на нее стальными пластинками, либо кольчужными рубашками и чешуйчатыми панцирями; конусообразныя шлемы или желѣзные колпаки прикрывали ихъ голову, защищая черепъ отъ боковыхъ ударовъ большими желѣзными лопастями; ноги были прикрыты панцирями или же защищены чешуйчатыми шлемами; наступательнымъ орудіемъ ихъ были: копье и короткий мечъ на деревян. Рядомъ съ пѣхотою выламъ легко вооруженныя стрѣлковы и пращниковы; вилы и копья, вооруженную дубами и кольями“ (Легеръ; с. 46, 47)...

Къ этому тексту проф. Легеръ приложилъ 10 рисунковъ, снятыхъ изъ ассирійскихъ памятниковъ, хранящихся болѣею частью въ Британскомъ и Берлинскомъ музеяхъ: формы украшеній, вооруженія, оружія и сосудовъ, изображенныя на этихъ рисункахъ, хорошо знакомы знакомому южно-русскія могильныя скитскія древности: у мужчинъ.—островерткіе колпаки, чешуйчатые панцири и набедрники, короткіе мечи, копья, дужи, сабляки, колчаны, стрѣлы, ожерелья, браслеты, наконечники, пояса; у женщинъ.—налобники, серьги, ожерелья, нашивники, браслеты, кольца; множество бляшекъ разной формы на одеждѣ царей и царицъ и на лошадиной сбруѣ; на утвари знакомыя намъ кружки съ точками въ срединѣ; знакомыя блядечки съ закругленными донышками въ рукахъ Ассурнацирала (Сардалипаала) съ его супругою, сидящихъ за трапезою; и пр. (с. 39—47)¹⁾.

Бытовныя надѣлы того же состава и тѣхъ же формъ обладали народы Малой Азіи, Фригіи, Лидіи, Мидіи и Персіи, ограбленные Сиктами въ послѣдней четверти VII в. до Р. X.²⁾

Слѣдовательно, по историческимъ свидѣтельствамъ и по археологическимъ фактамъ, выполдняющимъ никакому сомнѣнію, въ послѣдней четверти VII в. до Р. X. въ бывшей Киммерійской землѣ столкнулось три народа, стоявшіе на различныхъ ступеняхъ культуры: *народъ киммерійскій*, до того времени жившій изолированно, приносившій въ жертву своимъ богамъ всѣхъ иностранцевъ на своей землѣ, употреблявшій въ пищу человѣческое мясо и стоявшій на ступени каменной культуры (см. выше, с. 48); *народъ скитскій*, въ моментъ движенія изъ Азіи въ Европу стоявшій на ступени бронзовой культуры, изготовлявшій оружіе и орудія домашняго быта изъ мѣди и золота, но не имѣвшій бытовныхъ надѣловъ изъ серебра и желѣза (см. выше, с. 54); *народы мидійскіе, малолійскіе*, а въ частности и Греки, принадлежавше Сиктами и позже оселившіеся на гостепріимномъ побережьи Понта Евксинскаго въ предѣлахъ скитскихъ владѣній, стоявшіе на высшей ступени желѣзной культуры того времени.

¹⁾ См. О. Мизраевъ: „La Hanaissance assyrienne et la lutte pour la Syrie“. Paris. 1899.

²⁾ См. „Histoire de L'Asie dans L'Antiquité“, par O. Perrot et Chézy. Paris. 1890. См. ниже въ общей характеристикѣ монетъ скито-сарматской эпохи.

Легендарный рассказ, записанный Геродотом, по которому киммерийские царя при вторжении въ них имѣю многочисленнаго скитскаго войска взаимно перебили другъ друга, а народъ киммерійскій удалился изъ своей земли и Скиты заняли страну пустынную, якоимѣнно басмыловскую, если понимать его въ буквальномъ значеніи (кн. I, гл. 104; кн. IV, гл. 11). По этому рассказу, Скиты вторглись въ Киммерійскую землю съ востока, отъ р. Аракса³⁾; Киммерійцы собрались при устьѣ Днѣпра, а отсюда, поворачивъ свойѣ царей, двинулись на востокъ и перешли въ Азію побережью Червлаго моря, оставя горы Кавказа съ лѣвой стороны; а Скиты потянулись за Киммерійцами и вторглись въ Мидію, оставя горы Кавказа съ правой стороны. Все это нефриводно и невозможно: „Если Киммерійцы действительно бѣжали на В., то для нихъ было физическою невозможною свѣстись бѣгствомъ вдоль побережья Червлаго моря (какъ думать это Геродотъ).—пусть этотъ трудень въ восемь пролжженій до Колхиды; а между теперешнимъ Галипдажикомъ и Гагроз горы такъ круто подходятъ къ морю, что обрываются отвѣсными скалами, чрезвычайно затрудняють сообщеніе между долинами бароаныхъ рѣкъ и дѣлають этотъ путь совершенно невозможнымъ для передвиженія войска или народа“ (Нейманъ).

Нефриводно также извѣстіе Геродота, по которому „въ царствованіи Ардиса (сына Гигеса) Киммерійцы, тѣснимые изъ своей родины кочевыми Скитами, пришли въ Азію и овладѣли Сардами, за исключеніемъ акрополя“, а внуки Ардиса Аліатта „прогнали Киммерійцевъ изъ Азіи“ (кн. I, гл. 16, 16), и извѣстіе Страбона, по которому „Киммерійцы тотъ народъ, который дѣлалъ набѣги на жителей материка въ правой части Понта до Іонія; изъ своихъ мѣстъ жительстванія Киммерійцы были вытѣснены Скитами, а Скиты потѣснили Колхиды, основавшіе Пантикапей и прочіе города на Веспорѣ“ (кн. XI; гл. II, п. 5). Не могли Киммерійцы, стоявшіе на степеніи кавказской культуры, покорить цивилизованнѣйшій малоазійскій народъ и сожительствовать съ нимъ въ теченіе 58 лѣтъ, а затѣмъ подвергнуться изгнанію и скряться въ неизвестности; по той же причинѣ Киммерійцы не могли дѣлать набѣговъ съ правой части Понта до Іонія; а Колхиды не могли самовольно строить города въ чужой странѣ и тѣснить ея гостеприимныхъ обладателей, собиравшихъ дани съ политическыхъ греческихъ колоній.

Племена проросъ многочисленнѣе и занимающія обширныя земли, подобныя племенамъ южной Россіи киммерійской эпохи, оставившия безчисленное количество могил⁴⁾, связанныя единствомъ погребальнаго обряда, не исчезаютъ въ исторіи отъ того бы то ни было эволюціоннаго наступленія кочевой орды и ея обладателя. Въ древности по поводу завоеванія влекло за собой три слѣдствія для побѣжденныхъ племенъ данной территоріи: 1) часть населенія подвергалась набѣгу, а его земли обращались въ вепорядственной владѣніи завоевателей; 2) часть населенія бѣжала изъ своей родины и искала новаго отечества въ землѣ, удаленной отъ завоевателя, и тамъ въ географической и политической разобщенности отъ своей прародины, продолжала самостоятельное развитіе своей культуры, нравовъ, права, языка, образуя съ теченіемъ времени новыя этнографическія единицы, новыя народы; 3) часть населенія обезоруживается и остается въ своей родинѣ, признавъ надъ собой главенство народа—побѣдителя, или вступающъ съ нимъ въ неравныя политическія отношенія, скрѣпленныя религіозными штырями и заклятиями.

На основаніи историческаго, прикинувъ во вниманіе слова Страбона: „Изъ разсказа о Кимбрахъ, одни совершенно не вѣрны, другіе же имѣютъ нѣкоторую долю правды“.

³⁾ „Геродотомъ Ардисъ есть Вилъ“.—Барманъ, I, стр. 7.

⁴⁾ По исчисленію А. А. Сидорова, курганы съ окрестными костями развѣены на восемь пролжженій южно-русскихъ степей; здысь они встрѣчаются вездѣ, гдѣ проходимы были русскіе баты мохоты; изъзя треть всѣхъ кургановъ приходится на изъ земъ“ (Кур съ окр. мост., с. 24). Сверхъ того, должно признать по всему, что курганы киммерійской эпохи многочисленны.

и свидѣтельство Поссидея, по которому „отъ Кимбровъ Боскоръ былъ названъ Киммерій-опамъ, т. е. Кимбрскимъ, такъ какъ Еллины называли Кимбровъ Киммерійнами“ (сл. VII ч. II, к. I, 2), уже Карамзинъ и его современники были убѣждены въ тожъ, что „Киммеріяне, называемые Скивами, удалились отчасти въ Малую Азію, отчасти въ Германію, откуда они чрезъ нѣсколько вѣковъ, подъ именемъ Цимбровъ, ворвались въ римскія владѣнія. Сие мнѣніе есть общее“ (И. П. Р.: т. I, пр. 6; ср. И. Толстого и Н. Кондакова „Рус. Древности“; I, с. 3).

Русская археологія каждаго времени имѣетъ возможность фактически доказать, что не всё киммерійскія племена бѣжали отъ Скитовъ въ западную Европу; большинство Киммеріянъ было только отозвано отъ степныхъ побережій Чернаго моря, занятыя побѣдителями, въ области средняго и верхняго теченія Кубани, Подлукма, Череса и современныхъ намъ губерній Харьковской, Воронежской, Курской и др., гдѣ видѣли своихъ царей и продолжали хоронить своихъ покойниковъ по своему старому обряду, но полагая въ могилы съ окрашенными и согнутыми костями не только домашнія издѣлія своего быта въ глину, кости, камни и мѣди, но также иногда и въ бронзы, принесенныя въ Киммерійскую землю Скитами-Скилдами изъ прежней ихъ азіатской родины, и металлы изъ золота, серебра, желѣза, стекла и терракоты, составляющія военную добычу Скитовъ, разгромившихъ Ассирійское царство.

Могилы южной Россіи, содержащія въ себѣ не только издѣлія домашняго искусства Киммеріянъ и Скитовъ изъ глины, кости, камня и мѣди, но также металлы изъ золота, серебра, желѣза, стекла и терракоты, составляющія военную и домашнюю обстановку жизни народовъ, жившихъ въ предѣлахъ Ассирійскаго царства второй половины VII в. до Р. X., являютъ въ особую группу, подъ названіемъ древнѣйшихъ могилъ скитской эпохи.

Древнѣйшія могилы скитской эпохи.

Въ наслоеніи языческихъ могилъ южной Россіи содержащіе древнѣйшія могилы скитской эпохи занимаетъ переходную ступень отъ каменной—киммерійской и бронзовой—скитской культуры къ желѣзной культурѣ народовъ юго-западной Азіи, входящихъ въ составъ племенъ Ассирійскаго царства второй половины VII в. до Р. X.; это могилы VI в. до Р. X., содержащія въ себѣ одновременно бытовныя издѣлія трехъ культуръ, стоявшихъ въ южноазиатскихъ областяхъ коинъ VII в. до Р. X.: каменной—киммерійской, бронзовой—скитской и желѣзной—ассирійской.

Эту группу характеризуютъ слѣдующіе могильники южной Россіи.

Въ 1827 году Н. И. Веселовскій раскопалъ большой курганъ въ Кубанской области, у г. Майкопа, имѣвшій до 15 арш. вышины. Подъ курганомъ открыта могильная яма д. 7½ ш. 2¼, гл. 2 арш., съ деревяннымъ покрытием въ столбахъ; лко вымощено камнями, покрытыми краскою крышкы. На днѣ могилы.—три костыля въ сверченномъ положеніи; на скелетѣ главнаго покойника,—множество золотыхъ бляшекъ, съ изображеніями львицы, быка, розетки, кружковъ, крупы и малыя золотыя бусы, а также бусы сардавикопылы и бирюзовыя конической формы и правильной работы; вышѣ косяка лежали 2 массивныя золотыя и 2 серебряныя изображенія бычковъ, вырезанныхъ на длинныя серебряныя стержни; въ той же гробницѣ помѣщалось много орудій изъ мѣди,—молоты, клинья, долота, ножи и орудія изъ камня,—кремневые наконечники стрѣлъ, каменное долото, каменный изогнутый кель и много глиняныхъ, мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, изъ которыхъ два небольшихъ серебряныхъ сосуда съ изображеніями животныхъ *это ассирійское сыма*. Не менѣе цѣны для археолога и историка находки г. Веселовскаго въ двухъ курганахъ, раскопанныхъ въ 1818 году у ст. Царской, въ которыхъ были открыты два дольмена, сложеныя изъ огромныхъ плитообразныхъ камней, съ окрашенными костями въ свер-

чешинскъ положеніи; при костякахъ найдены: кремневые наконечники стрѣлъ и копій, глиняные сосуды, костяная бусы и подвески, мѣдные топоры, долота, ножи, наконечники коній, а также булавки, сердцевидныя бусы и золотыя бусы и булавки „красочнаго стекла“. Въ томъ же 1888 году, въ курганѣ у ставицы Чамзинской, раскопанномъ г. Веселовскимъ, въ основной грунтовой могилѣ, надъ которою былъ первоначально насыпанъ курганъ, при окрашенномъ въ бурую краску костякѣ, были найдены только глиняный черепокъ и прилепный обломокъ; а въ подлѣйникѣ—оставшихъ или выскоблтыхъ въ дашень кургана деревянныхъ гробницъ, при окрашенныхъ костякахъ въ согнутомъ положеніи, найдены мѣдный широкій вкладышъ, мѣдная подвеска къ ожерелью и два серебряныя колечка (См. Сивинна: „Кург. съ окр. крст.“, с. 33—35; подр. въ Отч. Им. Арх. Комиссія за 1887 и 1888 гг.).

Въ главной гробницѣ „Большаго кургана“ надъ Натигорскомъ, у колоній Константиновки, при костяхъ славянаго покойника, рядомъ съ орудіями изъ кости и мѣди, были найдены много украшенія изъ бронзы и серебряное амфивидное колечко, подобное тапкамъ же кольцамъ, часто встрѣвавшимся въ греческихъ могиллахъ окрестностей Пантиманси и Салагорія (см. выше, с. 35).

Въ одномъ изъ Киселевскихъ многомогильныхъ кургановъ, по устройству гробницъ и положенію костяковъ относящемуся къ киммерійской эпокѣ, найдены много разныхъ украшенія изъ бронзы (см. выше, с. 29 и 30).

Въ курганѣ, раскопанномъ Ю. А. Кулаковскимъ въ имениннхъ р. Алымъ въ 1893 году, центральная плитчатая гробница заключала въ себя „скелетъ съ поджатыми ногами, три обломка мѣдной пластины, куски мѣди и желтой краски“ (Отч. Им. А. К. за 1896 г.).

Въ Черяпковской губ., востѣ Натурна были найдены три египетскія муміи съ іероглифами (см. „Вѣстникъ изъ дѣлъ Им. Арх. Ком. графини Уларовой и Симоновскаго въ XIV арх. свѣдѣ); а въ боковой гробницѣ большаго кургана киммерійской эпохи Курскаго у., при дѣтскомъ остовѣ, и находка ожерелье изъ глинисто-стекляной композиціи и въ видѣ кристали продырявленныя египетскія ожерелья съ іероглифомъ (выше, с. 19).

Въ курганѣ Киевской г., Васильковского у., близъ д. Красной, г. Ревякинъ, при окрашенномъ и скорченномъ скелетѣ, найдены кремневое ядряце, глиняный сосудъ и серебряное спиральное кольцо (Смидный, с. 63).

Въ курганномъ могильникѣ Киевскаго у., у с. Гатаяго, открытою профес. В. Е. Антоновичемъ и доизданною третьимъ Археологическимъ свѣдомъ, были найдены грубые глиняные сосуды, костяныя бусы, кремневое остріе, кремневое долото, каменные топоры-молотки со сверлявками, бронзовый массивный кружокъ формы металлическаго зеркала и жемчужныя гвозди, наконечникъ колья и ножикъ (Труды III Арх. свѣда; т. I, стр. LXXX—LXXXV).

Въ курганѣ Сироткины Могилы у г. Александровска, Екатеринославской г., раскопанномъ Н. Е. Забѣлянымъ, при остаткахъ человѣческаго остова были найдены костяные наконечники стрѣлъ, каменный топоръ-молотокъ со сверлявкою, мѣдная пуговка или бляшка и жемчужныя удила (Исторія русской жизни; т. I, стр. 618).

Въ курганѣ, раскопанномъ въ 1868 году бар. Тизенгаузеномъ близъ ст. Алексѣйской, найдены восемь грунтовыхъ могилъ киммерійскаго типа, заключающихъ по одному костяку со слѣдами красной краски; въ нихъ находились другіе скелеты оказались горилки, при одной—мужскомъ—мѣдный наконечникъ колья, а при другой—женскомъ—два серебряныя спиральныя кольца (Отч. Им. А. К. за 1866 г., XIV).

Въ курганѣ у ст. Царезарской, раскопанномъ въ 1891 году Н. Е. Бранденбургомъ, была открыта катакомба, подобная катакомбамъ киммерійской эпохи, открытымъ много въ большихъ курганахъ у с. Новогригорьевки, Екатеринославской г.; а въ катакомбѣ, въ дѣтскомъ остовѣ оказалось серебряное амфивидное колечко, подобное найденному много съ кефритовымъ топоромъ-молоткомъ и бронзовыми орудіями въ Большомъ курганѣ у Натигорска (Труды Р. От. Им. Р. Археол. Общ.; кн. I, с. 24—26).

В курганах Саратовской г., Камышинского у., близ колонии Норка, раскопанномъ А. А. Сивцовымъ въ 1898 году, открыта грунтовая яма длиною 2 арш. (0 жерн., шир. 2 арш., глуб. 3 арш.; на высотѣ одного арш. отъ дна кругомъ ямы или заплаченный (?), вѣроятно, для деревяннаго потолка; сверху яма прикрыта слоемъ глины до 1/4 арш. толщины, изъ чего слѣдуетъ, что она была засыпанная землей (?) вполнѣ до потолка погребальной камеры; угли ямы заруцленные. Костякъ лежалъ головою на В., на правомъ боку, въ скорченномъ положеніи, окрашенный; въ головной части цѣлой барашьей ноги, подъ черепомъ 3 серебряныя спиральныя колечка, предъ лицомъ части ожерелья, состоящаго изъ 14 длинныхъ парныхъ костяныхъ проколекъ, 7 костяныхъ бусъ изъ зѣфирнаго моты, мѣдная ножъ и мѣдное остріе. По всему дну ямы, особенно подъ верхней частью скелета, красная краска; сверху костякъ слегка присыпанъ пескомъ* (Сивцовъ, с. 80).

На Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ 1902 года К. Н. Мельникъ сообщил докладъ о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ и другими лицами по порученію Предварительнаго Комитета по устройству сказаннаго съѣзда. Сущность этого доклада, по отношенію къ курганамъ съ окрашенными и скорченными костяками, выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Всего было насчитываемо въ уѣздѣ Курчавскомъ и на границахъ Ахтырского и Богодуховскаго 8 могильниковъ, а въ нихъ 88 кургановъ. Эти могильники можно отнести: 1) къ погребеніямъ каменнаго вѣка съ трупосохраненіемъ, 2) къ погребеніямъ съ окрашенными костяки въ скорченномъ положеніи и 3) къ погребеніямъ славянскаго типа.

Ко второму типу относятся могильники у с. Киряковки (18 кург.) на р. Ворсклѣ и у с. Кулявска и с. Воронцовки по Осолу (16 кург.).

Курганы перваго района широкиа, пологія, округленныя насыпи; въ нихъ было найдено единичныхъ погребеній 7, а коллективныхъ 11. Погребенія устраивались въ четырехугольныхъ ямахъ. Могилы съ присутствіемъ деревянной кадки бѣже до 30, съ слабыми признаками дерева 15. Почти вездѣ найдена была березовая кора, въ видѣ подстилки или обкладки скелета и т. п. Окраска скелетовъ явленіе обычное. Каменные орудія встрѣчены въ 10 случаяхъ, на ряду съ большимъ количествомъ бронзы и медными изъ золота, яшма, стекла и гонракоты. Тотъ же характеръ погребеній въ скорченномъ положеніи и съ окраскою трупъ представляютъ могильники Курчавскаго района по Осолу. Предметы, найденныя въ Киряковскихъ могильникахъ, распределяются по материалу такимъ образомъ: медь 9, полированнаго камня 4, глины и терракоты 43, кости и рога 3, золота 5, бронзы 42, яшма 3, стекла и смальты 12, горнаго хрустала 1.

„Хотя курганы съ окрашенными костяки въ скорченномъ положеніи обыкновенно относятся къ концу каменнаго вѣка, но здѣсь можно констатировать значительное количество неолитической культуры“ (Труды съѣзда 1902 г.; т. I, с. 673—692; 703—727).

По этому докладу членами съѣзда были высказаны слѣдующія мнѣнія и сообщенія, впечатанная въ „Трудахъ“ съѣзда 1902 года (т. III, с. 361—364).

К. А. Пухляковскій сообщаетъ, что „въ своихъ раскопкахъ въ Крыму онъ находилъ скорченное положеніе и окрашенные костяки и относитъ свои находки къ каменному вѣку; въ раскопкахъ К. Н. Мельникъ извѣстны типичныя черты погребеній каменнаго вѣка, но въ тѣхъ же самыхъ погребеніяхъ находятъ и скелетный черепъ и греческія медальоны,—это обстоятельство указываетъ на большое недоразумѣніе“.

А. И. Моравчикъ сообщаетъ, что и въ Харьковской губерніи типъ курганныхъ могилъ съ окрашенными и скорченными костяками слѣдуетъ считать типомъ*.

Е. Н. Мельникъ отвѣчаетъ, что она сообщила съѣзду результаты своихъ раскопокъ; „также было и въ раскопкахъ В. А. Городцова; раскопки должны сами на себя говорить; возможно, что крымскія погребенія болѣе чистыя, болѣе древнія, а наши—болѣе позднія, а потому и смѣшанныя“.

В. Е. Астаховичъ признаетъ основательность непоумѣнія проф. Кулаковскаго; но фактъ, его вызвавшій, возможно объяснить, „если признать, что каменный вѣкъ не могъ сразу смѣниться бронзовымъ. Прозаичные предметы стали появляться только постепенно. Реперентивныя раскопки насъ поражаютъ и доказываютъ, что прежняя классификація, основанная спортивнымъ положеніемъ и окраску исключительно къ періоду каменному, теперь должна пошатнуться. Мы адѣсь имѣемъ погребеніе въ спортивномъ положеніи, но культура уже сдвинулась. Интересный вопросъ о томъ, когда одна культура смѣнилась другою, поднимается этими находками, такъ какъ адѣсь культура окрашенныхъ костяковъ видимо уже сдвинулась“.

Д. Н. Самойловичъ объясняетъ, что находки въ могилкахъ съ окрашенными и спортивными костяками „свибсканаго“ типа и греческихъ медальонъ не могутъ пошатнуть его классификацію могильныхъ древностей южной Россіи, а напротивъ, подтверждаютъ ее и объясняются ею. Въ „Основаніяхъ“ моей классификаціи, изданныхъ въ 1892 году, говорится, что въ концѣ VII в. до Р. X. Скифы принесли въ Киммерійскую землю бронзовую культуру, а Киммерійцы того времени стояли на ступени каменной культуры; тѣ в другіе въ VI вѣкѣ до Р. X. переходятъ на ступени желѣзной культуры при посредствѣ греческихъ колоній. Геродотъ ошибочно думалъ, что все население Киммерійской земли вышло изъ своей родины въ Малую Азію, а Скифы завлали страну пустою. Раскопки отрицаютъ это свидѣтельство; мы находимъ вѣдены впадины скифской эпохи съ киммерійскими обрядомъ погребенія, съ бытовыми предметами при костякахъ трехъ культуръ, — каменной, бронзовой и желѣзной. Раскопки Кіевского сѣзда 1874 г. курганныхъ могильнякъ у с. Гатнаго дали такое смѣшеніе трехъ культуръ; второй примѣръ представляють раскопки курганнаго могильника у м. Рыжанаовки, Киевской г., Звенигородскаго у. въ одной изъ кургановъ этой группы, содержавшей каменныя, бронзовыя и желѣзныя орудія, найдены Пантуклиевскія золотыя монеты V в. до Р. X. — это ахеменидскія монеты. Курганныя могильники, съ которыми мытъ ознакомилъ насъ почтенный референтъ, относятся къ тому же разряду могилъ южной Россіи, стоящихъ на рубежѣ эпохъ киммерійской-каменной и скифской-желѣзной.

Ю. А. Кулаковскій замечаетъ, что онъ „въ данномъ случаѣ совершенно несогласенъ съ Д. Н. Самойловичемъ, который съ такою опредѣленностью упоминаетъ предметы тѣхъ и другихъ историческихъ эпохъ; ахеменидскія Пантуклиевскія монеты V в. до Р. X. совершенно нѣтъ(?!); было бы желательнѣе установить точную классификацію могилъ по эпохамъ, но это еще невозможно, по недостатку фактовъ“.

Д. Н. Самойловичъ поясняетъ, что уже въ настоящее время классификація могильной Россіи по времени вполне возможна, но для того нужно изучать могильныя древности не одной мѣстности, напримѣръ Крыма, а всѣхъ областей южной Россіи, и сравнивать ихъ съ древностями другихъ народовъ. Каждая эпоха начинается классификаціей своего матеріала; должна претупить къ этому и русская археологія; если для научной классификаціи могильныхъ древностей „недостаточно фактовъ“ имѣть, когда имѣли музеи уже перелопоченны фактическимъ матеріаломъ, то мы никогда не будемъ имѣть ихъ въ достаточномъ количествѣ, не будемъ имѣть и науки археологіи. Для меня вполнѣ ясно разграниченныя известными историческими событіями, а именно: могиль *киммерійской эпохи* съ монетами ментольскихъ царей; могиль *эллинистической эпохи*, напр. Черняховскитъ, съ византийскими и арабскими монетами; могиль *сарматской эпохи*, напр. Рыжанаовскаго кургана съ кострищемъ, съ сосудами и другими предметами римскаго искусства; могиль *скифской эпохи*, напр. кургановъ Кудъ-Обскаго, Александровскаго и Чертомлыцкаго, съ предметами греческаго искусства эпохи Перикла V—IV в.в. до Р. X.; могиль *скифской эпохи большаго древней*, напр. Рыжанаовской каткомбы съ греческими монетами VI—V в. до Р. X.; могиль

и кувшины эпохи съ бытовыми предметами только изъ глины, кости, камня и мѣди. „Изъ данныхъ случаевъ, по отношенію къ Кузнецкимъ курганнымъ могильникамъ, важно установленіе типа могилъ, определяемого фактомъ одновременнаго присутствія въ курганахъ надѣлий трехъ культуръ, — каменной, бронзовой и желѣзной. Если этотъ фактъ установленъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то интересующіе нынѣ нынѣ Кузнецкіе могильники находятъ свое мѣсто въ моей классификаціи могильныхъ древностей южной Россіи, — должны быть помещены въ одну группу съ Гатчинскими курганами Киевскаго у., подъ именемъ древнѣйшихъ могилъ скифской эпохи“.

Н. А. Кулаковскій замѣтилъ, „что и онъ находилъ погребенія различнаго эпохи, но расположенныя по наслоеніямъ, а не одновременно.“

Г-жа Скриалево указала, что и въ коллекціи Зноско-Боровскаго, хранящейся въ Киевскомъ Городскомъ Музѣ, имѣется содержаніе могилъ, въ которыхъ встрѣчено смѣшеніе культуръ каменной, бронзовой и желѣзной.

Предсѣдатель засѣданія Н. З. Завитневичъ, заключая пренія по этому вопросу, высказалъ: „Много кургановъ и городищъ уже изслѣдовано, накопилась масса матеріала и близки уже попытки классифицировать этотъ матеріалъ, но при этихъ попыткахъ пришлось натолкнуться на непреодолимые затрудненія, которыя вполне понятны, если обратить вниманіе на то, что въ Россіи были съ давнихъ поръ переходными трактами“ (с. 361—364).

Приступая къ описанію устройства и содержанія могилы скифо-сарматской эпохи, мною изслѣдованной, я обращаю особое вниманіе читателя на содержаніе катакомбной могилы, открытой въ большомъ курганѣ у м. Рыжановки, Звенигородскаго у., Киевской г. Описаніе этой катакомбы было напечатано на польскомъ языкѣ въ Краковѣ, а потому долго оставалось малоизвѣстно въ Россіи. На предварительномъ съѣздѣ въ Москвѣ депутатовъ по устройству Черниговскаго археологическаго съѣзда, налагая свой вкладъ предстванія работы къ съѣзду подготовительнаго Комитета, составленнаго по порученію Имп. Мос. Арх. Общества, я указала между прочимъ на необходимость русской археологіи обратить особенное вниманіе на могилы южной Россіи, относящіяся къ VI в. до Р. X., содержащія кафель изъ золота, серебра и терракоты, подобныя найденнымъ въ Рыжановской катакомбѣ, демонстрируя эти кафель въ рисункахъ. Тогда почтенный археологъ, специально изучившій классическія древности, находимыя въ области греческихъ колоній на югѣ Россіи, категорически заявилъ, что бытовые предметы Рыжановской катакомбы представляютъ собою римскія древности императорской эпохи; а когда я сообщила ему, что катакомба датирована двумя золотыми автономными монетами Пантинкиевъ, то ваши классикъ не могъ объяснить этого факта, но настаивать на своемъ мѣнѣи, утверждалъ, что рыльце бронзоваго сосуда, изображающее голову льва съ раскрытой пастью и серебряный сосудъ съ изображеніемъ бѣгущихъ четвероногихъ животныхъ несомнѣнно предметы римскаго искусства. Было ясно видно, что этому археологу и всѣмъ другимъ кажимъ археологамъ, присутствовавшимъ въ засѣданіи въ числѣ до 50 лицъ, устройству и содержанію Рыжановскихъ кургановъ были мало извѣсны и никто изъ нихъ даже не пытался объяснить находки въ катакомбѣ, датированной монетами VI в. до Р. X., древностями Ассиріи, а не Греціи и Рима. На ассирійскихъ памятникахъ VII в. до Р. X. часто встрѣчаются изображенія бѣгущихъ четвероногихъ животныхъ и головы львовъ съ раскрытыми пастью, сложеныя съ изображеніями на сосудахъ, открытыя въ Рыжановской катакомбѣ¹⁾.

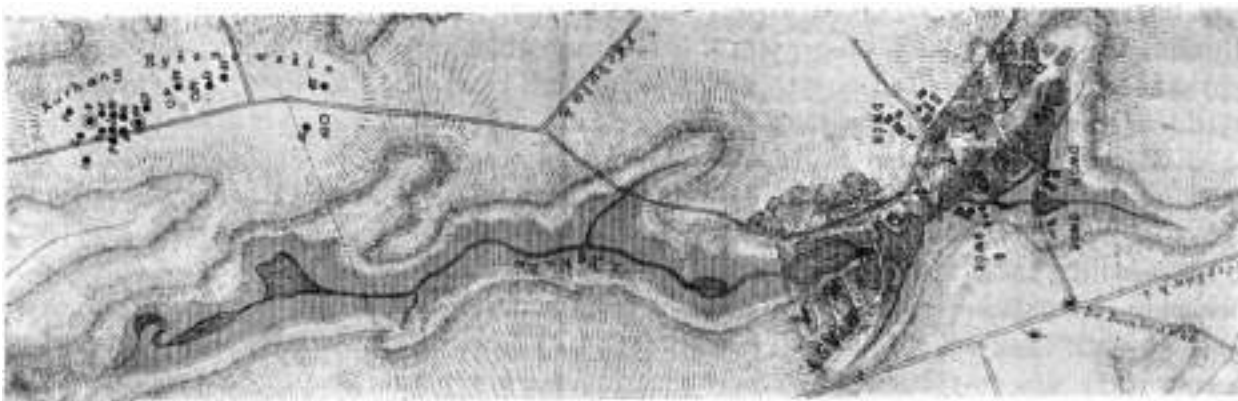
¹⁾ См. L. Harlay: „Les Origines Orientales de l'Art.“ I. pl. IK; p. 370. Paris. 1891. 1892. O. Maxraro: „Nid. Aus. des Peuples de l'Orient Classique. Les Empires.“ p. 49, 93, 268. Paris. 1899. F. Kaufen: „Assyrien und Babylonien.“ s. 33, 191, 219, 270. „Assyrian Sculptures. Cont. in the Brit. Museum London.“ IV, LVII. Частію же изображенія бѣгущихъ четвероногихъ животныхъ и львиныхъ головъ съ

Курганы Киевской губернии, Звенигородского уезда, из окрестъ мѣстечка Рыжановки.

Курганъ № 1, на землѣ г. Григнцевича и Рыжановскихъ крестьянъ; в. 12, о. 120 аршинъ.

Въ 1868 году въ XII-мъ томѣ „Zbiory wiadomości Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności“ (Kraków) было напечатано сообщеніе Г. Оссовскаго, подъ заглавіемъ „Materiały do Paleontologii Kuzhanów Ukraińskich“, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ.

На поляхъ и. Рыжановки, Звенигородскаго у., Киевской г., сохранилось 23 кургана, показанныхъ на рис. № 17.

Рисунокъ № 17.

Два большихъ кургана помѣщаются въблизи и. Рыжановки, съ 3-ей стороны, в 21 удалены отъ него на 6—7 верстъ къ западу и на Ю., и составляютъ группу кургановъ, изъ которыхъ два выдѣлены по своимъ размѣрамъ, какъ показываютъ рис. № 18.

Рисунокъ № 18.

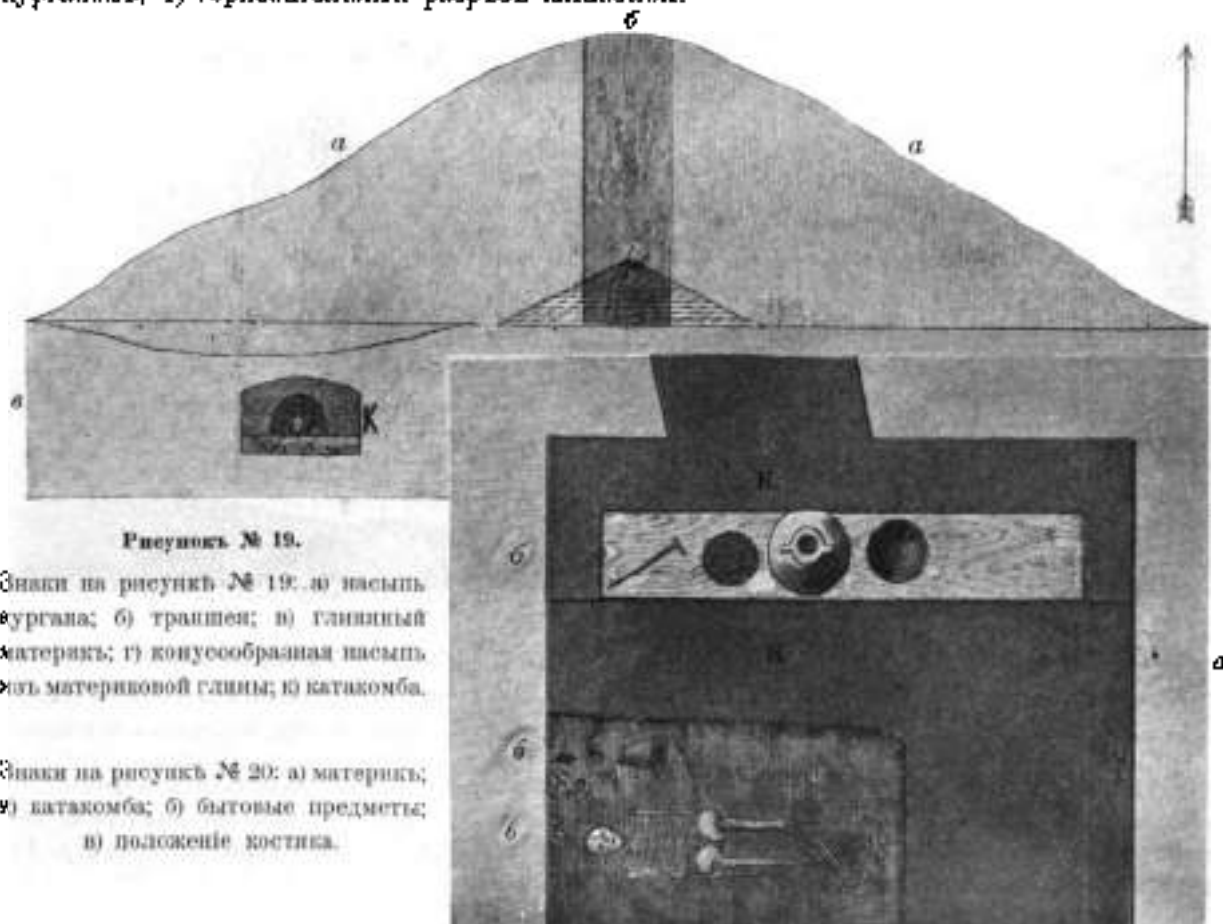
Въ 1864 году, по словамъ г. Оссовскаго, докторъ І. Григнцевичъ разрылъ пещеру большаго кургана, означеннаго на картѣ № 4, двумя двухметровыми траншеями, углубленными до глинистаго материка, причѣмъ въ западной половинѣ, почти у рва, оточавшаго насилью, разбитыми рѣзми члени встрѣчаются и въ памятникахъ искусства другихъ азіатскихъ народовъ, состоявшихъ подъ властью Ассирійскаго царства въ VII в. до Р. X., когда это широтю было разрушено Скитами—Скелотами. См. G. Perrot A. Ch. Chipiez: „Hist. de L'Art dans L'Antiquité“ t. V, p. p. 111. 120, 290, 560, 544, 818, 837, 802 и др.

были найдены концы кости, фрагменты амфоры и продырявленный глиняный кружок, а потому траншея западной половины кургана была углублена въ глинистый материкъ на одинъ метръ, но ничего не было найдено, и гѣмъ раскопка была окончена (с. 11).

Весною 1887 года въ углубленной части траншеи г. Гринцевича образовался провалъ, на днѣ котораго торчало горло большого глинянаго сосуда. Крестьяне ближайшаго поселенія, Рыжановки и Валѣевского, стали искать въ томъ мѣстѣ кладовъ, и одинъ изъ нихъ, Андрей Маслюкъ, раскпывая яму по почвѣ, вынулъ изъ ямы греческую амфору, бронзовую миску, зеркало, шпильку, украшеніе изъ золотой бляхи и человѣчскій черепъ, распавшійся въ его рукахъ. Эта послѣдняя находка такъ устранила Маслюка, что онъ прекратилъ свои дальнѣйшія раскопки, а все свои находки передалъ въ Рыжановскую усадьбу, откуда забралъ ихъ г. Гринцевичъ и передалъ въ собраніе древностей Краковской Академіи Наукъ. Повѣрье, что кладъ охраняется духъ (díd), трудность очистки отъ земли ямы, имѣющей нѣсколько метровъ глубины, и особенно гніеніе копа въ теченіе жаркаго лѣта, случайно улавнаго ночью въ яму, хранили цѣлостъ содержанія могилы до времени прибытія въ Рыжановку г. Оссовскаго (с. 12).

По прибытія на мѣсто находки, г. Оссовскій, въ сообщеніе съ г. Гринцевичемъ, приступилъ къ раскопкѣ Ю-ой части большого кургана. Въ ямкѣ были найдены желѣзные обломки и часть небольшого стекляннаго сосуда, а въ материкѣ, на глубинѣ трехъ метровъ, была открыта подземный ходъ по направленію къ ямѣ, которая оказалась катакомбою, состоящею изъ передней части и погребальной камеры (kurgan).

На нижеслѣдующихъ четырехъ рисункахъ г. Оссовскаго изображены: 1) вертикальный разрѣзъ кургана, съ указаніемъ положенія катакомбы; 2) горизонтальный разрѣзъ катакомбы, съ указаніемъ положенія костяка и размѣщенія бытовыхъ предметовъ; 3) горизонтальный разрѣзъ кургана, съ указаніемъ траншеи, подземнаго хода и положенія катакомбы подъ курганомъ; 4) горизонтальный разрѣзъ катакомбы.

Рисунокъ № 19.

Знаки на рисунокъ № 19: а) насыпь кургана; б) траншея; в) глинистый материкъ; г) конусообразная насыпь изъ материковой глины; д) катакомба.

Знаки на рисунокъ № 20: а) материкъ; б) катакомба; в) бытовые предметы; г) положеніе костяка.

Рисунокъ № 20.

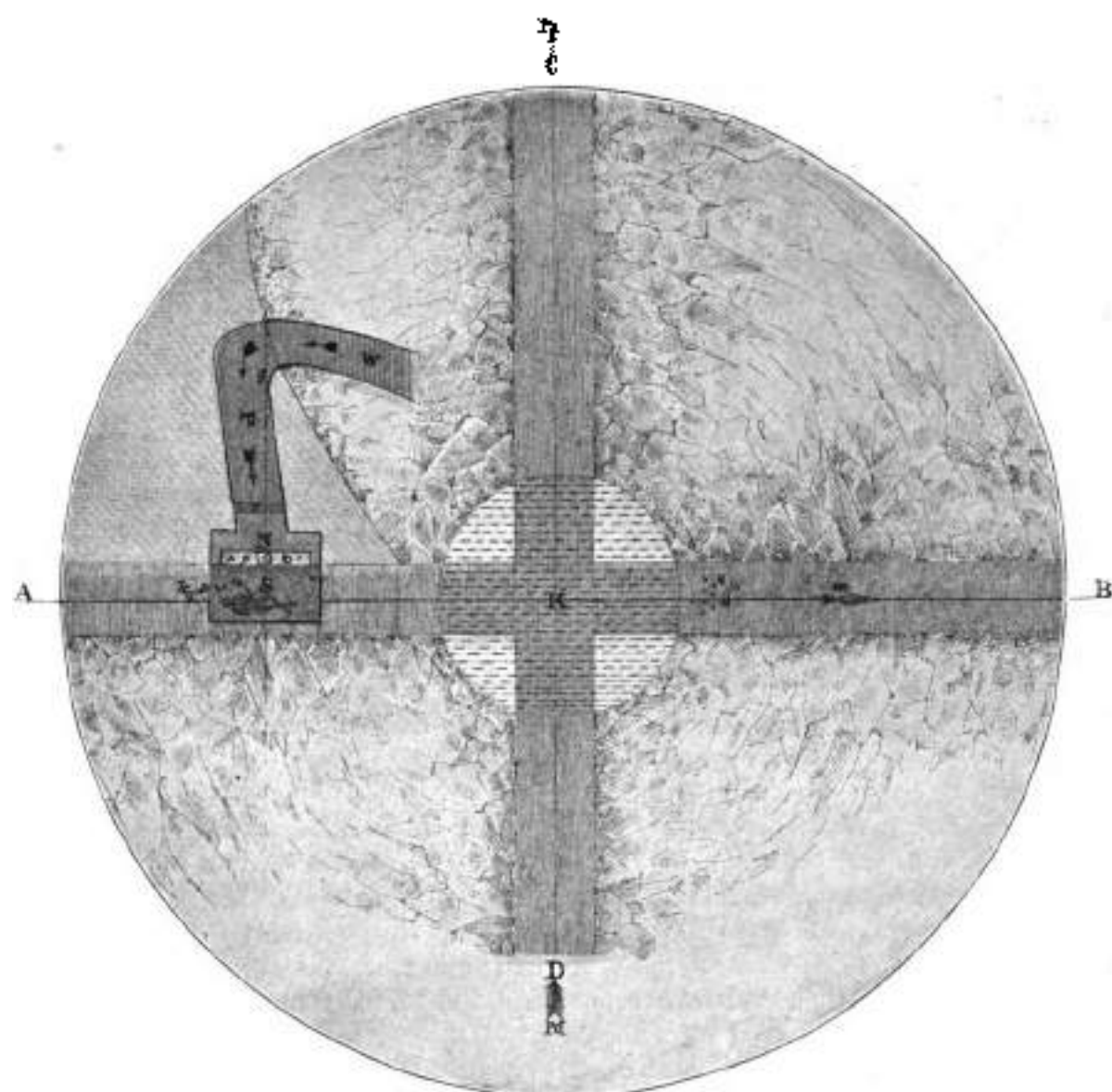

Рисунок № 21.

AB—CD граница; K) насыпь глины въ центрѣ освоеннаго черноземной массой кургана; W) подземный ходъ въ катакомбу; B) передняя часть пещеры съ матерьякомъ въступомъ и помѣщеніемъ на немъ бытовыхъ предметовъ; B) изгребальная камера и положеніе кости; K—D) пазухи въ насыпи кургана.

Въ раскопанной CD-ой части кургана открытъ подземный ходъ въ изгребальную катакомбу, вырубленную въ матерьякъ, въ размѣрѣ 3. 10 м. д., въ направленіи съ K. къ A., 2. 76 м. дл., въ направленіи съ C. на Ю., а высотой въ средній ростъ человѣка. Въ отъертой половинѣ катакомбы, у входа, найдены слѣды доски полуметровой длины, на которой помѣщались сосуды, вѣдуче Масловокъ. „Въ Ю-ой половинѣ катакомбы, нѣсколько углубленной, въ ЮЗ-мъ углѣ помѣщался скелетъ въ положеніи полусидячемъ. Кромѣ черепа скелета, прееще Масловокъ издѣлано и уячтоженнаго... остальные части скелета были не тронуты и совершенно цѣлы... За исключеніемъ украшеній глины, вѣдуче Масловокъ... „дошъ остальные украшения лежали въ скелетѣ, на своихъ мѣстахъ, и покрывали его по всей длине“ (с. 15).

Въ дальнѣйшей части своего сообщенія г. Оссовскій описываетъ расположеніе украшеній на скелетѣ и разныя бытовыхъ предметовъ, найденныхъ вождѣ скелета и при вхождѣ въ катакомбу.

Д. Сажинъ.

10

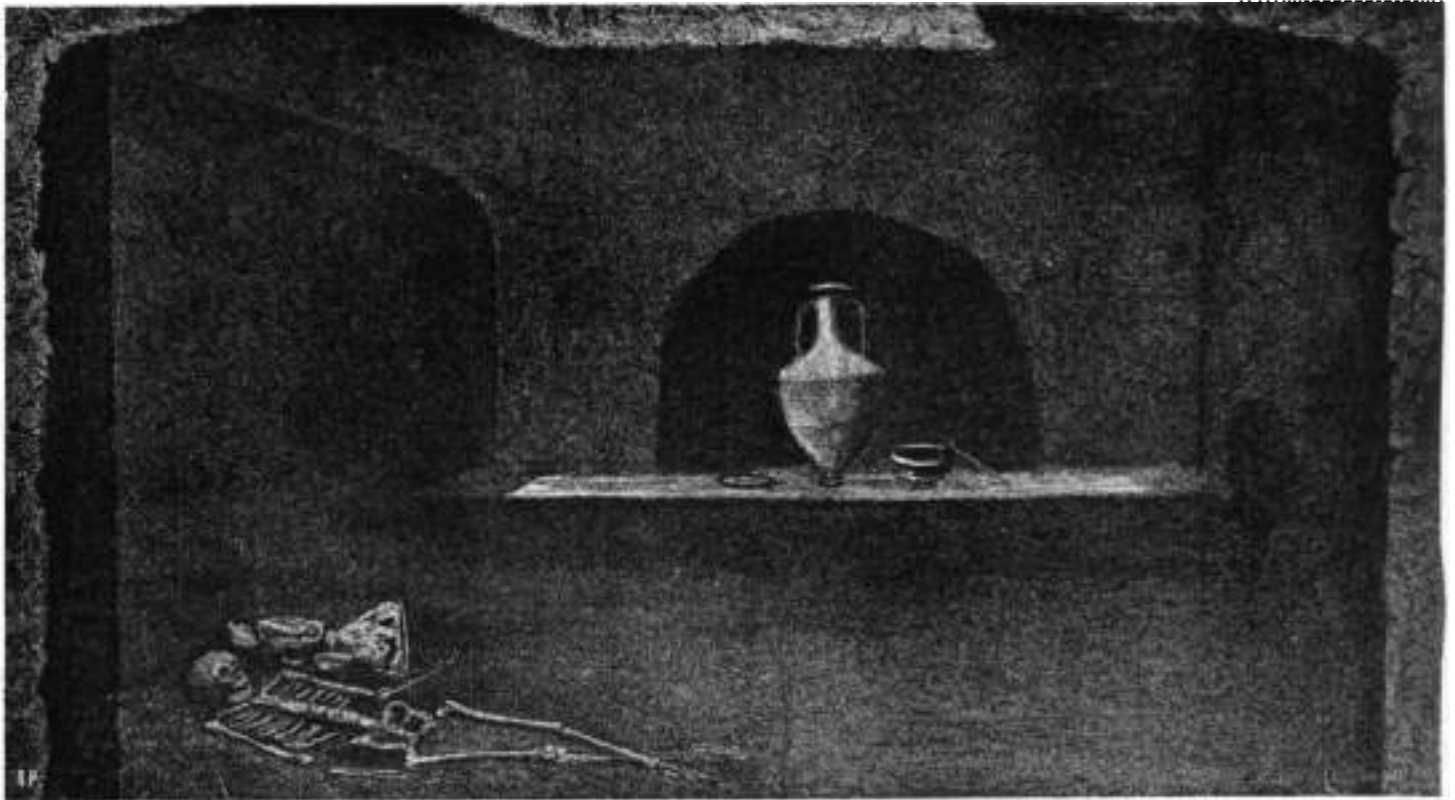

Рисунок № 22. Два катакомбы.

Украшения, найденные на скелетах:

Украшения у головы: золотая диадема, украшение съ подвесками, длинная пластина, четырехугольная бляшка съ цветочнымъ рисункомъ, треугольная бляшка съ цветочнымъ рисункомъ, четырехугольная бляшка съ грифомъ, 2 серьги, четыре меньія бусы и одна буса изъ камня; на шеѣ, груди и рукахъ: нашивникъ изъ 5 окруженныхъ и 7 удлиненныхъ частей, 3 подвески, 21 розетка отъ украшения на груди, 2 перстня съ монетами, 2 перстня гладкихъ, перстень амулетный, 2 сингеты, браслетъ и браслетъ серебряный; украшения платья: 42 треугольныя бляшки, 3 большія шпильки розетки одного рисунка, но разной величины, 44 большія выпуклыя розетки, 21 розетка съ шпильками, 47 малыхъ розетокъ выпуклыхъ, 2 плоскія малыя розетки, 230 большихъ и 3 меньшихъ подвесокъ, 28 серебряныхъ бусъ и 2 бронзовыхъ кольца неизвестнаго назначенія.

Предметы, найденные вблизи скелета: серебряныя кубокъ, мисочка и разбитое надѣлие неизвестнаго назначенія; бронзовая ведерко и тарелочка; глиняныя флаконъ, ваза и буса—пряслицы; два костяныя шила.

Предметы, найденные при вхождѣ въ катакомбу: бронзовая миска, зеркало и шпилька, глиняная амфора.

Общій вѣсъ золотыхъ надѣлій 406, 15 гр., а серебряныхъ около 395 гр.

Последняя часть сообщенія г. Оссовскаго посвящена описанію и изображенію въ рисункахъ древностей, найденныхъ въ Рыжковской катакомбѣ, датированныхъ монетами, а потому имѣющихъ неразрѣшенную научную цѣнность въ отношеніи средства опредѣленія времени могильника въ скифской эпохи, сходныхъ съ Рыжковскою катакомбою по своему содержанію. къ древностямъ этого рода относятся нижеслѣдующія надѣлія.

1. Надобникъ шапки изъ золотой бляхи, имеющей г. Оссовскимъ „ліадемонъ“, съ ясною изображеніемъ пяти танцующихъ женскихъ фигуръ въ длинныхъ платьяхъ; изобра. на рис. № 23¹⁾ въ половину действительной величины.

¹⁾ Неясность рисунка г. Оссовскій объясняетъ тѣмъ, что „ліадемонъ долго служилъ при жизни усопшей, и когда была вынута изъ могилы, то въ которое время оставалась въ рукахъ крестьянъ“.

Рисунок № 23.

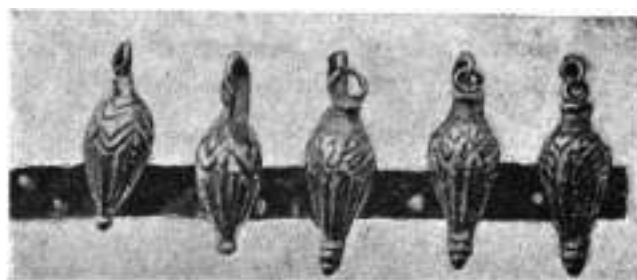

Рисунок № 24.

2. Толстая золотая лента съ дырочками и 15 золотыми узорчатыми подвѣсками, висѣющими на золотыхъ стержняхъ, прикрѣпленныхъ къ лентѣ; часть ея изображаетъ рис. № 24.

3. Золотая серьга въ пелопоннскомъ стилѣ, изображающая грифель, лежачихъ на полставахъ, филитриной работы, къ которымъ прикрѣплены цѣпочки съ круглыми подвѣсками; круглая же подвѣска въ зубахъ и на хвостѣхъ, а на ихъ крыльяхъ помещаются крючки; рис. № 24 изображаетъ серьгу въ натуральную величину.

Рисунок № 25.

Рисунок № 26.

4. Золотое ожерелье изъ блякъ съ двумя узорчатыми подвѣсками и висючими бѣнами, въ которыхъ прикрѣплены розетковидныя круглыя бляхи съ одвою подвѣскою; рисунокъ № 26 изображаетъ часть ожерелья въ натуральную величину.

5. Два золотыхъ переня съ золотыми автономными монетами Пелопонна. „Въ тѣхъ двухъ изретенныхъ монетахъ однаковы; на внутренней сторонѣ ясно видѣны грифель, идущій влево съ конемъ во рту, подъ ногами его колесо, а вокругъ три буквы: Π Δ Ν; монеты пелопоннскія; биты оны въ время существованія Пелопонна, какъ колонія, т. е. между 450 и 480 г. до Р. X., когда на монетахъ и мелягахъ она помѣшала первоначальные символы своей власти. На главныхъ сторонахъ монетъ изображеніе головы Πανα, патрона Пелопонна, а три буквы на оборотной сторонѣ означаютъ въ сокращеніи Παντικαρjвод“⁴⁾.

6. Золотой сигнетъ съ изображеніемъ трехъ символовъ: лукъ, надувья и колчанъ; „это также символы Пелопонна, напечатане встрѣчающіеся, когда она стала столицей Бисфор-

⁴⁾ Описание и рисунокъ монетъ см. у Т. Е. Mionnet: „Essai des médailles ant. grec. et rom.“ t. I, p. 317, № 7. Paris 1822. Спасскига: „Бисфоръ Риммеръ съ его древностями“, тѣш. I, рис. 14, Москва 1840.

сказу государства" (с. 25). На рис. № 27 изображены в натуральную величину: 1) пантикапейская монета; 2) пантикапейский сигнет; 3) перстень; 4) сигнет мѣстной работы; 5) серебряная буса-трубочка.

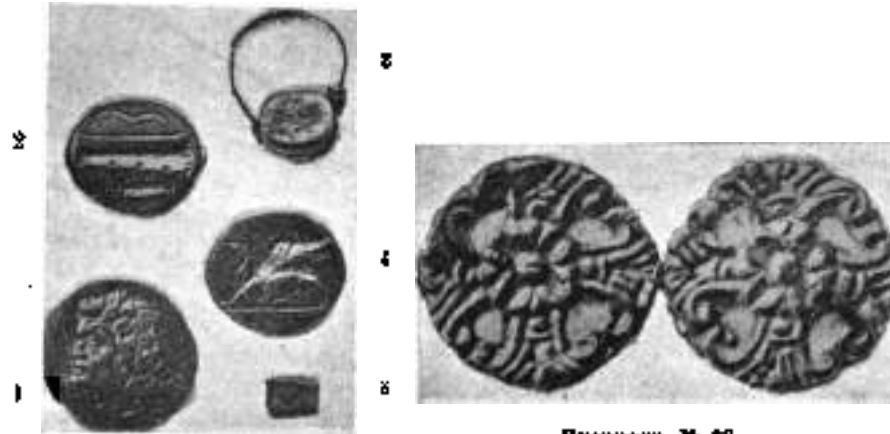

Рисунок № 27.

Рисунок № 28.

7. Золотое украшение пояса: „это большія круглыя розетки, украшенныя крестобразными рисунками; между сторонами креста отверстия для показанія цвета тѣла пояса, на которыхъ розетки пришивались посредствомъ четырехъ маленькихъ дырочекъ“; для такия бланки изображены в натуральную величину на рис. № 28.

„Всѣ вышеназванныя предметы несомнѣнно представляютъ собой греческое ювелирное искусство...; къ этой же категоріи принадлежатъ и всѣ болѣе мелкія золотыя украшения этой находки, также греческаго искусства, происшедшія пантикапейскаго, времени вышенаго развитія ювелирнаго искусства; смерть того, вышеназваннаго сержантъ... указываетъ на влияние искусства ассирийскаго и дальняго арабскаго, вообще искусства далекаго Востока“ (с. 26).

„Вторую категорію золотыхъ надѣлій составляютъ только три гладкихъ перстня и одинъ сигнетъ... Эти грубыя надѣлія должно признать произведеніями мѣстнаго ювелирнаго искусства, подражающаго надѣліямъ греческимъ“.

„Надѣлія изъ серебра въ содержаніи Рыжковской катакомбы составляютъ кубокъ, мишочка, проводочный браслетъ и болѣе двадцати трубочекъ; изъ нихъ въ художественномъ отколѣніи выдается превосходный кубокъ, выкованный изъ одного куска металла, съ закругленнымъ розеткообразнымъ дномъ, широкой шеей съ загибомъ и поволоочевнымъ изображеніемъ, обтуплыхъ четырехугольныхъ мисетныхъ“, представленный на рис. № 29 в натуральную величину.

„Всѣ бронзовыя надѣлія Рыжковской катакомбы выражаютъ технику греческаго искусства: ведряшко, зеркало, два поминныхъ браслета, шпилька, тарелка и миска. Отличается необыкновенною крестотю и техникой работы вездю, выкованное изъ одной толстой, но чрезвычайно прочной бланки, съ прикованнымъ сбоку изображеніемъ львиной головы съ разинутой пастью, прикрывающимъ ситко, помѣщенное у верхняго края ведерка“; рис. № 30 представляетъ форму ведеряшка, уменьшеннаго на половину.

„За исключеніемъ предъразвѣннаго глинянаго кружка, всѣ глиняныя надѣлія Рыжковской катакомбы.—червошакъ въазочка съ двумя ушками, остродонная амфора съ узкимъ горлышкомъ и двумя ручками, флаконъ и мисочка,—могутъ представлять собой древности греческаго керамическаго искусства; вазы тѣлой формы встрѣчаются повсюду, куда проникла древняя греческая колонизація; амфора отличается малой величиною и необыкновенною пропорціональностью своихъ частей“ (с. 28); на рис. №№ 31 и 32 изображены вазочка въ $\frac{1}{2}$ и амфора въ $\frac{1}{4}$ величинѣ.

Рисунки № 26.

Рисунки № 20.

Рисунки № 21.

Рисунки № 22.

«Надѣній изъ кости и камня найдено въ катакомбѣ только три: обломки двухъ шпатель, вѣроятному товарской работы, и небольшая гладко шлифованная буска; можетъ быть та-кихъ бусъ въ катакомбѣ было больше, но въ средѣ сырой глины, вваливавшей скелеты, не-возможно было найти такихъ мелкихъ надѣлій» (с. 29).

Въ концѣ своей работы, приступая къ общей характеристикѣ находки въ большомъ Рыжановскомъ курганѣ, г. Оссовскій говоритъ: «Поддержимся пока отъ широкихъ и окон-чательныхъ объ немъ выводовъ. Важнымъ побужденіемъ къ тому служитъ то обстоятель-ство, что этотъ курганъ еще не вполне исследованъ. Всѣ работы, произведенныя до насто-ящаго времени, едва ли составляютъ половину тѣхъ, какія слѣдовало бы произвести для полнаго представленія; позднее осеннее время и другія препятствія останавливали мои даль-нѣйшія изысканія; неразслѣдованныя еще части можетъ скрывать въ себѣ такія вещи, которыя бросятъ еще болѣе яркій и вѣрный свѣтъ на то, что добыто изысканіями до насто-ящаго времени» (с. 29).

Научное значеніе древностей, открытыя въ Рыжановской катакомбѣ, г. Оссовскій выражаетъ въ слѣдующемъ заключеніи: «Цѣлость этого открытія, какъ по устройству ма-гильной катакомбы, такъ и значенію найденныхъ въ ней разнообразныхъ, рѣдкихъ и цѣн-ныхъ предметовъ, представляеть неизмѣримый научный интересъ, выходящій далеко за предѣлы обычныхъ находокъ исследователей» (с. 16).

Учитывая совершенно основательно въ содержаніи Рыжановской катакомбы громад-ную научную цѣнность и посвятивъ большой трудъ на превосходную научную обработку древностей, въ ней открытыя, могущуя служить образцомъ для работъ этого рода, г. Ос-совскій, въ сожалѣніи, предпослать своей научной работѣ вытеприведенную, неполнѣе иѣрную исторію открытія и исследования Рыжановской катакомбы, которую въ интересахъ науки невозможно оставить безъ разъясненія.

Въ 1868 году Имп. Арх. Комиссія обратилась ко мнѣ съ слѣдующимъ предложеніемъ.

«Въ виду важности Вашихъ замѣчательныхъ археологическихъ открытій, слѣдующихъ г. Оссовскимъ въ 1888 году при раскопкѣ большого кургана въ Звенигородскомъ у. Киев-ской г., въ м. Рыжановкѣ, весьма желательно разслѣдовать остальные, еще неразрѣшенные Рыжановскіе курганы. Не согласитесь ли Вы принять на себя въ вышесказанномъ году раскопку пѣкоторыхъ Рыжановскихъ кургановъ и пойти по этому предмету въ личное сознаніе съ тѣми лицами, на землѣ которыхъ они окажутся. На производство этихъ раскопокъ Археологическою Комиссіею можетъ быть отпущено до 800 рублей»¹⁾.

Принявъ это предложеніе и посѣтивъ Рыжановку, я встрѣтилъ радужное гостеприми-ство въ усадьбѣ г-жи Грѣхъской, гдѣ первоначально были собраны древности, найденныя въ 1847 году крестьянами въ катакомбѣ большого кургана; а затѣмъ отъ нея, доктора Францелича и крестьянъ, открывшихъ катакомбу и поступившихъ ко мнѣ на работу, за исключеніемъ Масляна, котораго не было въ Рыжановкѣ во время моихъ раскопокъ, я получилъ слѣдующія свѣдѣнія, помятому вѣрныя.

До 1887 года раскопки въ Рыжановскихъ курганахъ никто не производилъ, а въ слѣдующемъ году въ западной половинѣ насыпи большого кургана крестьяне заштыли впадину, и предположили подъ нею «лежать скарбонъ». Начали раскопку впадины, резуль-татомъ которой было открытіе глубокой могильной ямы съ человѣческими и лошадиными костями и разными бытовыми предметами. Откапывая эту яму колодезь, съ западной стороны оставляли уступы, посредствомъ которыхъ вырысывали землю изъ глубины на поверхность насыпи кургана; когда докопались для катакомбы, то раскопку вели тѣмъ же способомъ, выбрасывая вышестъ земли и щеши, а на свѣтъ выброшенную рыхлую землю разгребали руками, входили въ ней разными вещами и каждый бралъ себѣ то, что ему

¹⁾ Дѣло Имп. Арх. Ком. № 65/1800 г. Отв. отъ 30 марта, № 330.

находить; копали въ ямѣ только два человѣка, а на курганѣ въ это время было народу человѣкъ десять; копаніе въ ямѣ, что находили покрупаѣе, то отбрасывали въ углубъ. Лошадиныя кости и черепки, попадавшіеся при раскопкѣ, были выбрасываемы изъ могилы вмѣстѣ съ другими вещами. Такъ было очищено отъ обваливавшейся земли дно большей части катакомбы, — оставалось раскопать „бутору“ земли только въ южной части для катакомбы, но подѣ этимъ буторѣмъ были встрѣчаны черепки человѣка; тогда крестьянинъ Маслюкъ, копаніемъ могилы, приостановилъ раскопку, вынулъ изъ ямы найденныя сосуды и „кучу“ бляхъ, не подозревая, что онѣ были золотыя, не зная, что дѣлать со своимъ находкою и порѣшилъ отнести ее въ Рыжановскую усадьбу и тамъ спросить совета. Въ усадьбѣ ему дали на чай, забрали находку, сказали, что раскапывать курганы, какъ могилы, воспрещено подѣ строгимъ отвѣтственности и дали знать о находкѣ доктору Гринцевичу, какъ владѣльцу большей части кургана съ катакомбой.

Г. Гринцевичъ со своими рабочими раскопалъ холмъ земли, выброшенной изъ катакомбы крестьянами, нашелъ въ этой землѣ много неопредѣленныхъ желѣзныхъ обломковъ, фрагменты греческой амфоры, лошадиныя кости и много мелкихъ золотыхъ бляшекъ разной формы, на которыя крестьяне мало обращали вниманія; а переплывая землю на днѣ катакомбы, г. Гринцевичъ нашелъ въ ней золотыя серьги, ожерелье, браслеты, перстни съ монетами и много золотыхъ бляхъ разной формы и величины.

Въ свое пребываніе въ Рыжановкѣ г. Оссовскій, приглашенный г. Гринцевичемъ для передачи въ Музей Краковской Академіи древностей, найденныхъ въ катакомбѣ, только осмотрѣлъ катакомбу и раскопалъ небольшую распаханную ямынь воелѣ большого кургана, означенную на вышепомѣщенной картѣ № 5, полъ которою были найдены два скелета съ бытовыми предметами изъ глины и камня, погребенныхъ по обряду киммерійской эпохи, — одинъ на спинѣ, съ вытянутыми конечностями, а другой на боку, съ согнутыми ногами.

Опубликованная г. Оссовскимъ исторія открытія и послѣдованія Рыжановской катакомбы имѣла своею цѣлью предупредженіе возможности прельщенія русскимъ правительствомъ права собственности на древности, найденныя крестьянами въ катакомбѣ подѣ частью насыпи кургана, лежащей на крестьянской землѣ, и переданныхъ въ собственность Краковской Академіи, не затратившей ни личнаго труда, ни средствъ на открытіе богатой могилы въ Русской землѣ.

Для проверки приведенныхъ свѣдѣній я подробно осмотрѣлъ большой курганъ съ катакомбою, выкопалъ пробныя ямы въ СЗ-ой части насыпи и со всѣхъ сторонъ, гдѣ удавали травшеи на рисункахъ г. Оссовскаго, откопалъ дно катакомбы, завышкой кованныя оковами стѣнокъ насыпи, оставленныхъ съ С. В. и Ю. сторонъ раскопкою 1887 года почти въ отвѣсномъ положеніи, осмотрѣлъ ходъ въ катакомбу, оставленный раскопкою 1887 года крестьянскими, и вновь перекопалъ часть глины, выброшенной изъ катакомбы крестьянами и уже перемотрѣнной г. Гринцевичомъ и крестьянами.

Результатомъ собранныхъ мною свѣдѣній по исторіи послѣдованія большого Рыжановскаго кургана и открытія въ немъ петербальской катакомбы богатаго содержанія являются слѣдующіе выводы:

1. Вышеприведенные рисунки подѣ №№ 10 и 21, на которыхъ изображены разрывы большого Рыжановскаго кургана траншеями съ С. на Ю. и съ Н. на В., конусообразная насыпь изъ глины въ центрѣ холмистаго кургана, находки въ насыпи кургана и на материкѣ желѣзнаго коня, угла, костей животныхъ, желѣзныя обломки и фрагменты греческой амфоры представляютъ собою домыслия г. Оссовскаго. Въ действительности курганъ не былъ раскопанъ въ 1884 году, и въ 1880 году оставался въ цѣлости, да вѣроятно и нынѣ остается таковымъ, за исключеніемъ небольшой части въ В-ой половинѣ, прилежащей къ случайно открытой въ 1887 году крестьянами могильной катакомбѣ.

2. Таким же домыслом г. Оссовского является изображение на рисунке № 21 подземного хода, ведущего из катакомбы на С., а затем поворачивающего дугобразно на ЮВ, по направлению къ центру кургана; направление подземного хода въ катакомбу неизвестно, потому что СЗ-ая часть кургана, означавшая раскопанною на рисунке г. Оссовского, не была раскопана. Помѣщеніе катакомбы подъ краемъ насыпи кургана и положеніе хода изъ катакомбы на С., а не на Ю, къ центру кургана, можетъ быть указывать на побочное значеніе открытой могилы, а главная желтая, центральная, яма которой была насыпана первоначально курганъ, охватывающая центромъ керамическаго кургана. Но для проверки этого предположенія требуется съестъ всю насыпь кургана и углубиться въ материкъ на три метра по крайкей жѣру, а это громадная работа, требующая большихъ средствъ.

3. На такихъ же домыслахъ г. Оссовского основаны форма два катакомбы и расположеніе на ямъ бытовыхъ предметовъ, изображенныхъ на рисункахъ подъ №№ 20 и 22. Предъ входомъ въ катакомбу значится доска, а на ней амфора, вазочка, зеркало и шпилька, причемъ послѣдняя на рисунке № 20 значится лежащею волье зеркала, съ лѣвой стороны доски, а на рисунке № 22 направлена толстымъ концомъ на вазочку съ правой стороны доски. Шпилька не могла сохранить это положеніе послѣ обвала громадной тяжести, — если материковой глины двухметровой толщины, — какъ не могла послѣ такого обвала уцѣлѣть и сохранить на „гнилой доскѣ“ стоящее положеніе остродонная греческая амфора, торчащее рыльце которой будто бы послужило для крестыль побужденіемъ къ началу раскопокъ. По словамъ крестыль, ни доски, ни сосудовъ предъ входомъ въ катакомбу не было, а найдены были тамъ кости лошади и черепки большого глинянаго кувшина (амфоры) вцѣплены съ двумя ручками, вазочка, червыи горшечекъ и стаканы (кубки) стояли въ углу, надъ головою покойника, на небольшомъ „привескѣ“, — материковомъ уступѣ; мѣдная кружочка (зеркало), мѣдная шпилька, монисто и куски краски (утраченные) лежали въ другомъ углу, противъ ногъ покойника. Г. Оссовскій, осмотрѣвъ катакомбу и забравъ найденныя въ ней древности, торопился выѣхать изъ Рычановки, не спросивъ крестыль о расположеніи бытовыхъ предметовъ на двѣ могилы и забывшии дѣйствительность своихъ домыслами. А между тѣмъ, знаніе дѣйствительнаго устройства два могилы, расположенныя на ямъ бытовыхъ предметовъ и положенія скелета служить однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ опредѣленія вѣка и народности языческихъ могилъ. Рычановская катакомба, какъ двукоридная найденныя въ ней монеты, имѣетъ въ этомъ отношеніи громадное значеніе для русской археологии.

4. Положеніе скелета въ катакомбѣ на рисункахъ г. Оссовского показано различно: на первомъ рисункѣ (выше, № 20) скелетъ удаленъ отъ Ю-ой стѣнки катакомбы, обращенъ головою на Ю, на спинѣ, правая рука вытянута, лѣвая рука согнута въ локоть подъ острымъ угломъ, бедра вытянуты, а обѣ голени согнуты въ колѣнныя и лѣвая голень положена на правую; на второмъ рисункѣ (выше, № 22) костякъ помѣщенъ такъ близко у Ю. стѣнки катакомбы, что лѣвая нога почти соприкасается съ нею, головою обращенъ на СЗ, туловище согнуто влѣво, лѣвая рука согнута въ локоть подъ тупымъ угломъ, ноги согнуты въ бедренныхъ сочлененіяхъ, голени не согнуты въ колѣнныяхъ; а въ описаніи положенія скелета сказано: „W rozustę pościszczanej“ (въ положеніи полусидячемъ), обращенный головою на Ю, ноги скелетъ имѣлъ правую ногу и правую руку вытянутыми въ прямую линію; лѣвая же нога, согнутая въ колѣнѣ, была положена на правую между колѣнкою и ступнею, а лѣвая рука согнута отъ локтя въ сторону, достигала мѣста, гдѣ стояли и лежали разныя сосуды, скученныя у головы. По словамъ крестыль, часть два катакомбы, на которой лежалъ скелетъ, была ровная, не было на немъ никакихъ предметовъ, опираясь на которые скелетъ могъ сохранить подусидячее положеніе; найдены были только очень крупныя кости черепа, два зуба и обломки костей ногъ, остальные же кости совершенно отсутствовали. На костяхъ, подъ костями и вонизъ костей была видна своя „труха“ бурого цвѣта,

занимавший место формы большого гроба и весь покрытый длинными, квадратными, треугольными и круглыми бляхами, лежащими и торчавшими ребромъ, а надъ этими бляхами лежалъ нижній рядъ бляхъ, серьги, ожерелья, монисто, браслеты, перстни и два большихъ кольца; видно было, что покойникъ лежалъ въ смиршемъ гробѣ, обитомъ бляхами; при собираніи вещей не обращали вниманія къ ихъ положенію; а положенія рукъ крестника не было опредѣлено, потому что онъ совершенно сгнилъ и слѣда ихъ не было видно.

5. Цѣлостъ содержанія катакомбы несомнѣнно пострадала; не все золотыя бляхи крестьяне доставили въ Рыжановскую усадьбу и л. Гринцевичу, а похлѣдникъ переданъ г. Осоловскому; когда узнали, что бляхи золотыя, то часть бляхъ, особенно длинныхъ, по вершику ширинѣ и по четверти и болѣе длины, украсившихъ гробницу¹⁾, была продана армякѣ и не поступила къ г. Осоловскому, никому и ничего не уплатившему за покупки; тогда крестьяне вновь перебрали всю землю, выброшенную изъ катакомбы, отыскивая въ ней „разныя бляшки“, и сколько нашла ихъ остается неизвестнымъ; а что крестьяне нашли ихъ не мало, доказываетъ мой просмотръ той-же земли, при которомъ были найдены изображенные на рис. № 33 слѣдующіе предметы:

Рисунокъ № 33.

часть оклепаного желѣзнаго предмета формы нижней части кельи, два облатки бляхи, подобной бляхѣ, изъ которой вырезано выгнано, изображенное выше, на рис. № 30, облатокъ длинной золотой бляхи съ издѣлочнымъ орнаментомъ, круглая ажурная золотая бляха съ крестовиднымъ украшеніемъ, пять золотыхъ розетковидныхъ бляшекъ, маленькая узорчатая золотая бляшка и два полныхъ круглой узорчатой золотой бляхи.

¹⁾ Въ 1894 году надана превосходнаго рисунка древностей Рыжановской катакомбы въ кн. графа А. А. Бобринскаго: „журналъ и случ. арх. кн. бляхъ и. Сибирякъ“, томъ второй; таб. XVI—XXX. Рисункамъ, наданнымъ графомъ, предшествуетъ нѣкій переводъ съблизилъ г. Осоловскаго, относящійся до открытій Рыжановской катакомбы (стр. 138—140), занесеннаго въ сокращеніи въ мен. дворянскіе раскопки, оставшіеся негладкимъ, а почку неизвестнаго графу А. А. Бобринскому. Въ этомъ надани рисунокъ длинныхъ золотыхъ бляхъ, украсившихъ гробницу Рыжановской катакомбы помѣн, на табл. XVIII, колъ № 14. Изображенія бляшекъ видѣны на серебряномъ кубкѣ этого надани въ томъ-же изданіи.

Все формы найденных мною близъ тождественны съ Бялами, изображенными на рисункахъ г. Осоловаго и на рисункахъ казанія графа А. А. Бобринскаго¹⁾.

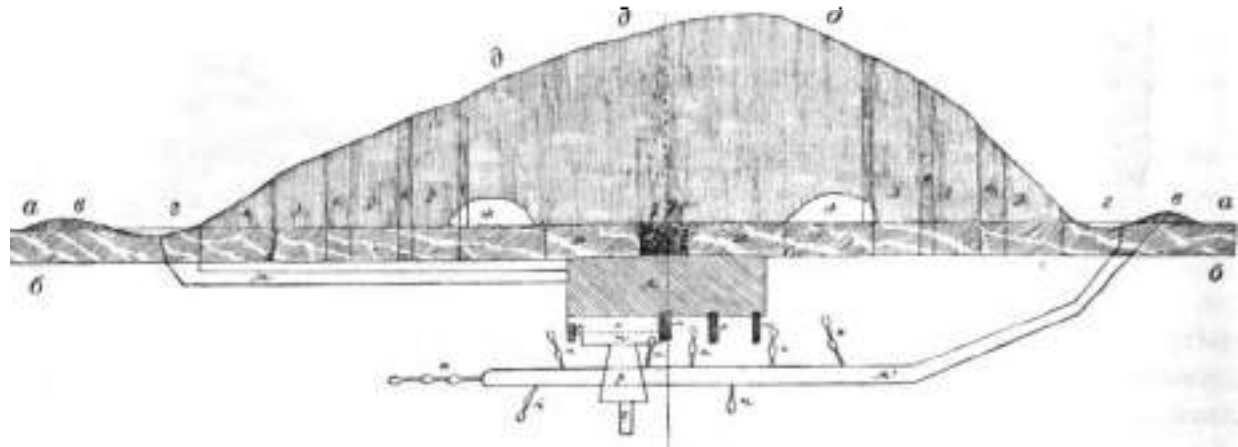
На основаніи вышеизложенныхъ свѣдѣній, въ своемъ отчетѣ Имп. Арх. Коммиссія о результатахъ раскопки Рыжановскихъ кургановъ въ 1890 году, въ перечнѣ предметовъ, найденныхъ мною въ землѣ, вырытой крестьянами какъ большого кургана № 4, я сообщилъ нижеслѣдующее:

„Въ этомъ курганѣ раскопана только незначительная часть съ 3-ей стороны, гдѣ случайно была открыта катакомба въ 1887 году, а потому очень можетъ быть, что подлѣ этого кургана находятся еще гробницы, кромя уже открытой катакомбы. Но для познанія этого предположенія мнѣ нужно было бы съестъ всю насыпь кургана до материковой гряды и затратить только на эту работу почти всю сумму, ассигнованную Коммиссіей на исследование остальныхъ, еще невырытыхъ Рыжановскихъ кургановъ“. (Отчетъ 15-го Января 1891 г.; въ дѣлѣ № 2/исх г. актъ № 7, стр. 11). Исследование большого Рыжановскаго кургана требовало средствъ, не состоявшихъ въ моемъ распоряженіи.

Дѣлая это сообщеніе, я придавалъ ему большую важность и ожидалъ, что Коммиссія въ ближайшемъ будущемъ приступитъ къ раскопкѣ большого Рыжановскаго кургана, наибольшаго исключительно важнаго положенія въ русской археологіи; но годы шли, прошло 17 лѣтъ, а курганъ остался недоисследованнымъ.

Для меня устройство и содержаніе Рыжановской катакомбы, датированной монетами и наиболее архаичными формами бытовыхъ предметовъ эпохи желѣзной культуры въ южной Россіи, а также устройство и содержаніе нижеслѣдующихъ срубныхъ гробницъ Рыжановскихъ кургановъ, послужили однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ опредѣленія могилъ скито-сарматской эпохи, а въ этомъ отношеніи могилъ скитскихъ—древнѣйшихъ и могилъ сарматскихъ—позднѣйшихъ.

Курганъ № II, означенный на вышеприведенной картѣ (с. 71) № 12; на землѣ г.г. Тышковскихъ; высота 10, но распавшейся окружности основанія 160 аршинъ; послѣдующимъ раскопкамъ обнаружилъ со всѣхъ сторонъ насыпи слѣды показанныхъ на рисункахъ №№ 34 и 35 вала и рва²⁾, по которымъ видно было, что нерасплавленная окру-

Рисунокъ № 34.

а) червонецкая матерія; б) глиняная матерія; в) валя; г) рова; д) выемка насыпи; е) слѣдки гробницы; ж) траншея; з) глиняные бугры; и) мѣсто заложки бронзоваго инвентаря; я) яма въ черноземномъ матеріи; к) яма въ глиняномъ матеріи; л) яма съ доревомъ отъ дубровени гробницы; м, н) гребенчатые подковы; о) гребенчатые пробки матеріи какъ подкова; о—с) яма, углубленная въ глиняной матеріи со двѣ могилы въ яме.

¹⁾ Въ названіи графа Бобринскаго рисунки, изображающіе найденныя мною золотыя бляхи, помѣны на табл. XVII подъ номерами 1, 6, 8, 10 и на табл. XVII, подъ № 14.

²⁾ Рисунокъ съ уменьшеніемъ на половину, вѣзъмъ изъ моего отчета о раскопкахъ Рыжановскихъ кургановъ, представленнаго въ И. А. Коммиссію въ Январѣ 1891 года.

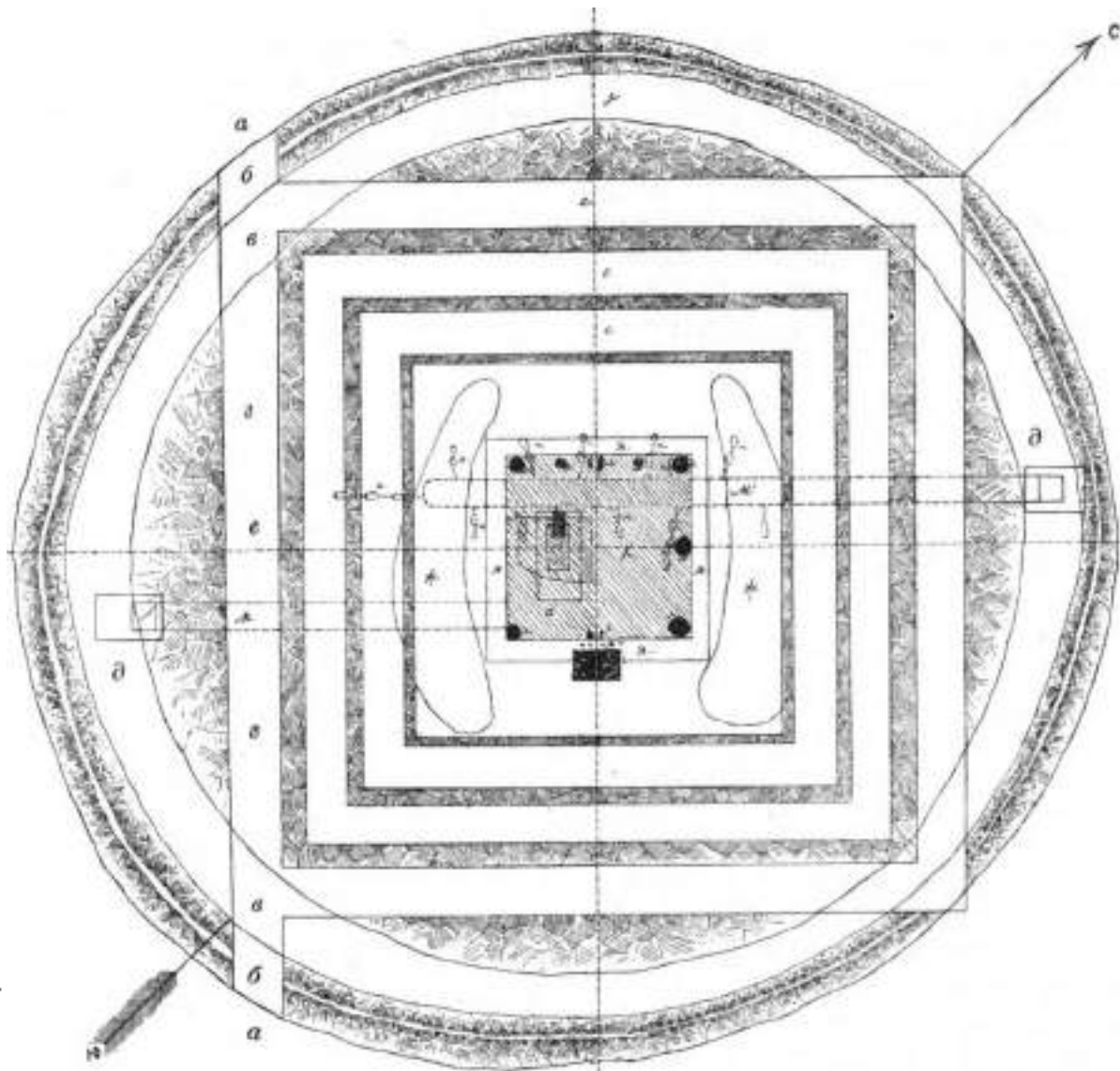

Рисунок № 85.

а) поверхность черноземного материка; б) валь; в) ров; г) глиняный материал; д) входы в гробительские подполья; е, е) траншея до материка, разделенная ствнами насыпи; ж) бугры материковой глины; з) яма с углем; и) бронзовые украшения; к) железных вещей; л) возможная яма; м, м) столбы забрусовки гробницы; н, н) гробительские подполья; о) проемы материка из гробительского подполья; о—с) ямы, углубленные со для возможной ямы.

вость насыпи имела до 120 арш., то есть объем кургана № II был равен объему кургана № I, хотя с раскопанными боками, особенно издали, он казался меньше его, какъ показывается, рис. № 18 (выше, с. 71).

Получивъ отъ владѣльцевъ право на раскопку большого кургана № II, но съ условіемъ, чтобы окружающая его лопня не была засыпана, и нуждаясь въ изслѣдованіи всего дна кургана, такъ какъ въ соседнемъ большомъ курганѣ была открыта катакомба подъ боковой частью насыпи, то я раскопалъ курганъ и осмотрѣлъ все его дно слобомъ, изображеннымъ на вышеназванныхъ рисункахъ вертикальнаго и горизонтальнаго разрѣзовъ кургана.

Такъ какъ съ СВ-ой стороны къ насыпи прилежала дорога, разрѣвъ и насыпка которой могли возбудить протестъ мѣстныхъ жителей, то раскопка была начата съ ЮЗ-ой стороны; здѣсь была проведена траншея 50 арш. дл. и 4 арш. шир., углубленная до глинянаго материка, причемъ выяснилось: черноземная насыпь кургана, сфаанная съ бокомъ

и развешивая шугами, лежащая на черноземном же слое, эксплуатируемом под пашню (а), развешивая шугу из чернозема, смешанного с глиною (б), лежащая усть, (в), углубленная до аршина в материковую глину (г); а на откосах траншей обнаружены три слоя земли: черноземная насыпь кургана, черноземный материк и глиняный материк.

Дальнейшая задача раскопки состояла в открытии катакомбы, если она имелась под курганом; а следами катакомбы должны быть бугры материковой глины на поверхности черноземного материка, уровень которого был обнаружен вышеуказанным боковым разрезом, насквозь с ЮЗ-ой стороны. Для открытия бугров глины, выкутой из катакомбы и подземного хода в нее, требовалось осмотреть дно насыпи, имевшей 40 аршин в диаметре. Не имея возможности срезать насыпь и удалить ее на окружающее курганное поле, я поставил на кургане 40 рабочих, обрешал его по окружности равным уступом, на котором обозначил квадрат в размаху диаметра основания насыпи и трех арш. ш.; в этом размахе со всех сторон насыпи были прорыты траншеи, углубленные до глиняного материка (д), а так же как на откосах траншей, представлявших собой материкового чернозема, приналово глиняных бугров не оказалось, то насыпь кургана была обрешана новым уступом, причем были завалены землей выкопанные траншеи, уже не нужные; на этом уступе были отфрезь и прорыты до материка второй квадрат траншей, отходящий от первого откосом нарушенной насыпи (е), также недалеко указаний на присутствие под курганом могильной ямы, вырытой в материке; тогда на новом обреше насыпи кургана были заложены и углублены до глиняного материка третий квадрат траншей, на откосе одной из которых, прорытой с ЮЗ-ой стороны, явственно обнаружился глиняный бугор, лежащий тонким слоем на материковом черноземе, постепенно углублявшийся в направлении к центру кургана (ж).

Убедившись посредством скважинных траншей, что под боковыми частями насыпи нет материковых мочков, а такая мочка имеется только под центральной частью кургана, я срезал оставившуюся еще нераскопанною центральную часть насыпи на половину высоты, причем засыпаны были все боковые каналы, так же уже ненужные, а на образовавшемся срезе заложены скважинной машиной в размаху 2½ арш. в квадрат, углубленный до материка, с уступом на третьем арш. (г.).

В центре основания кургана, между двумя глиняными буграми (ж), лежащими на черноземном материке, открыта могильная яма с деревянною срубною гробницею, у которой с ЮЗ-ой стороны помещалась яма, вырытая в черноземном материке около 2 арш. д., одного арш. ш. и 3 четвертей гл., засыпанная углем и закрытая деревом, следы которого сохранились по бокам ямы и на углу в виде бугорка (и). В массе угля найдены остатки бронзового оружия: наконечники стрел, ядлом и ножнами, до такой степени окисшие и склизшиеся с углем, что снять их в целости не было возможности, — при снятии масса угля вместе с бронзовыми предметами разсыпалась на куски. С ЮЗ-ой стороны этой ямы, в расстоянии одной четверти от края, по направлению к центру кургана, найдены три массивных желтых кольца, воткнутых в землю и погнутых давлением земли (к); одно из них имеет двоякую форму, со згубовым оттертием на угловатом конце, а два формы протикона¹⁾; признаков сожжения угля предметов на месте находки не было замечено.

Могильная яма квадратной формы, открытая под центром насыпи кургана, имела в черноземном грунте 12 арш. д. и ш. (л), а в глиняном — 8 арш. д., 6 арш. ш. и 3 арш. гл. (м). На дне ямы, по углам и посреди откосов, открыты круглая яма (н), выходящая с 5 вершками до аршина в диаметре и от аршина до 1½ арш. гл., с остатками

¹⁾ Нысланы при отчете от Н. А. К...-наком. копий под №№ 811-812, а бронз. оружие в коробке под буквою Б.

сгнивших деревянных столбов, между которыми помещался сруб гробницы, следы которого сохранились на стѣнках ямы и на ее днѣ. Крыша гробницы была укреплена на верхних уступах ямы, рѣд сохранились ее стѣны; но форму крыши, обрешившейся на дно, невозможно было опредѣлить по разложившимся и сѣшавшимся остаткам гробницы на днѣ могилы. На днѣ ямы ни костей, ни бытовых надѣлов не найдено, за исключеніемъ двухъ красныхъ терракотовыхъ черепковъ; а у Ю-го угла ямы открытъ подземный подкопъ, проведенный отъ основанія кургана въ направленіи съ ЮВ. на СВ, имѣющей два арш. ш. и 1½ арш. гл. (м), плотно закрытый обвалившимися его сводами. Подкопъ былъ веденъ изъ материковомъ глинистомъ слоеѣ почти непосредственно подъ слоемъ материкового чернозема; при его откапываніи было найдено нѣсколько человеческихъ костей, слѣды ожженнаго желѣза и фрагменты терракотовыхъ сосудовъ изъ красной глины. Черезъ этотъ подкопъ была ограблена гробница, помѣщавшаяся въ вышеописанной могильной ямѣ. Изъ ЮВ-ой половинѣ глинянаго дна могильной ямы, очищенной отъ завала черной земли и остатковъ деревяннаго сруба гробницы обнаружена яма, заваленная черною землей ½ арш. д., 3 арш. ш., а гл. въ ЮВ-ой половинѣ 1 арш. и въ СВ-ой 1½ арш. (он); на глинистомъ днѣ этой ямы, у ее СВ-ой стѣнки, обнаружена еще яма, заваленная червоземомъ, 2½ арш. д. и 1½ арш. ш., углубленная до 2½ арш., и по ширѣ углубленія расширявшаяся ко дну въ формѣ трапеціи до 1½ арш. д. и 2½ арш. ш. (р); наконецъ, въ центрѣ глинянаго дна и этой ямы открыта засыпанная червоземомъ яма въ размѣрѣ 1½ арш. д., 1 арш. ш. и 2 арш. гл. (с).

При откапываніи ямы, имѣвшей форму трапеціи, въ СВ-ой ее стѣнкѣ, обнаружена щель въ материковомъ глиняномъ слоеѣ, расчищена которой пришла къ открытію подземнаго подвоя, имѣвшего, подобно подвою вышеописанному, 2 арш. д. и 1½ арш. выс., но проведенному отъ окружности кургана въ направленіи съ СВ. на ЮВ, и залегавшему въ материковой глини на глубинѣ 7 аршинъ отъ поверхности материкового чернозема (м). Подкопъ, наполненный очень рыхлою глиною, былъ очищенъ посредствомъ ворота: черезъ пробитую стѣнку подвоя рабочіе выгребали глину въ яму, имѣвшую форму трапеціи, а изъ этой ямы глину вытаскивали посредствомъ бочки, прикрѣпленной къ вороту. Въ подкопѣ найдены только разбитый человеческій черепъ; а въ его стѣнкахъ открыто до 20 пробоннъ, проведенныхъ въ разныхъ направленіяхъ и имѣющихъ отъ 1 до 5 арш. длины (н). Пробонны имѣли форму дыръ отъ 2 перстковъ до четверти ширины, часто расширявшихся до двухъ четвертей въ діаметрѣ.

Грабители могилъ несли какъ-нибудь и шарубили подъ центральною частью насыпи кургана глубокой, широкой и длинной подземный ходъ, но не истрѣтивъ катакомбы, стали искать ее посредствомъ пробоннъ стѣнокъ и свода подвоя, начавъ съ пробонны, помѣщающейся на юго-западномъ концѣ подвоя и проведенной въ его направленіи; а глина, вынутая изъ пробоннъ, была оставляема въ подкопѣ, составлявъ рыхлое его засореніе. Одной изъ такихъ пробоннъ, проведенной снизу вверхъ, въ сводѣ подвоя, было открыто дно могильной ямы, лежавшее на 2½ арш. выше подвоя. Образовавъ окважину въ гробницѣ, грабитель вытащилъ черепъ, но не могъ проникнуть въ гробницу снизу вверхъ, безъ риска завалить подкопъ, а потому этотъ подкопъ былъ оставленъ и проведенъ другой, съ противоположной стороны кургана (м), вышеописанный, черезъ который и было произведено ограбленіе, по всей ибратности, очень богатой гробницы.

Устройство открытыхъ въ курганѣ № II грабительскихъ подкоповъ или жечь показываетъ, что въ древности ограбленіе могилъ производилось специалистами: подкопы вырубали въ твердыхъ слояхъ глины желѣзными орудіями, имѣющими форму плоскаго долота, найденнаго мною въ грабительскомъ подкопѣ Старшей Могилы у села Ахвитинца, Романскаго уѣзда, раскопанной въ 1889 году; орудіе такой формы оставило слѣды на стѣнкахъ подвоя Старшей Могилы и на всѣхъ стѣнкахъ двухъ грабительскихъ подкоповъ.

в ямы (ж, м, о, п, р, с) Рыжовского кургана № II. Трудно сказать, какими орудиями древние носители могильных катакомб просверливали из стѣнокъ и свода полковныя пробкины, въ первый разъ замѣченныя мною при раскопкѣ второго большаго Рыжовскаго кургана. Вероятно это орудіе specialнаго назначенія имѣло форму шилокъ, найденныхъ мною у подножія Яблонскаго кургана, Кіевской губ., имѣло ручку, которую грабители могли могли удлинять и укорачивать по своему произволу, посредствомъ привинчиванія къ ручкѣ и отвинчиванія удлиняющихъ и укорачивающихъ частей. Только такъ же предположеніемъ возможно объяснить, какимъ образомъ грабители могли из стѣнокъ подкова, имѣвшаго 2 арш. ширины, могли пробивать пробкины лавочки трехъ, четырехъ и до пяти аршинъ длины.

Отрабаивъ могилу (к) посредствомъ выкопан (л), грабители предназначили возможность существованія подъ тѣмъ же курганомъ другой могилы, являе первой, и для проверки этого предположенія, выкопаны вышеописанныя ямы (о, п, р и с), материковая земля изъ которыхъ частью была выброшена грабителями из курганъ, черезъ верхній поддонъ, частью оставлена на днѣ могильной ямы и грабительскихъ ямъ. Вслѣдствіе, когда крыша гробницы обрушилась, могильная яма и грабительскія ямы были засыпаны черноземомъ, выставившимъ насыпь кургана³⁾.

Курганъ № III, на землѣ г.п. Тышковскихъ, означенный на картѣ № 4; расположенъ: о. 80, и около 3 арш. Раскопаны колодезь въ 15 арш. въ квадратѣ. Подъ центромъ насыпи, между двумя полуциркульными насыпной глины обнуружена могильная яма, вырытая изъ материкъ, имѣвшая 6 арш. д. въ направленіи съ В. на З. 4 арш. ш. въ направленіи съ С. на Ю. и 3 арш. гл. Рисунки №№ 36 и 37 изображаютъ вертикальный и горизонтальный разрѣзы могилы.

Рисунокъ № 36.

А, В) насыпь; а) насыпанныя части насыпи; б) выемка насыпи; в) материкъ; г) могильная яма; д) грабительскій поддонъ; е) срубная гробница; ж) входной уступъ.

Въ уступахъ черноземнаго материка по краямъ могильной ямы, на ея стѣнкахъ и на днѣ сохранились слѣды срубной деревянной гробницы; по угламъ и по бокамъ дна, — восемь ямокъ съ остатками деревянныхъ столбовъ, изъ которыхъ условно имѣли круглую форму, а боковыя прямоугольную; круглая ямка съ остатками разломившагося дерева, подобная угловымъ, помещалась и въ самомъ центрѣ для могильной ямы (е). Съ В-ой стороны могильной ямы, — входной материковый уступъ около аршина ш. и в. (з). Въ Ю-ой стѣнкѣ, — засыпанный обваломъ грабительскій полковъ, проведенный отъ окружности кургана къ могильной ямѣ въ направленіи съ Ю. на С. (д). У З-ой стѣнки для могилы, — человѣческій остовъ, обращенный головою на С., на спинѣ, руки и ноги выт-

³⁾ На полное исследование второго большаго Рыжовскаго кургана описаннымъ способомъ потребовалось 26 дней работы и около 500 рублей расхода, при платѣ 907 работникамъ по 30 к. въ день, а 100 работникамъ, отработавшимъ зовѣла, по 30 к. въ день. Этотъ способъ раскопки большаго кургана, подъ боковыми частями насыпи которыхъ можно ожидать материковыя могилы, по всѣмъ отношеніямъ оказался наиболее выгоднымъ.

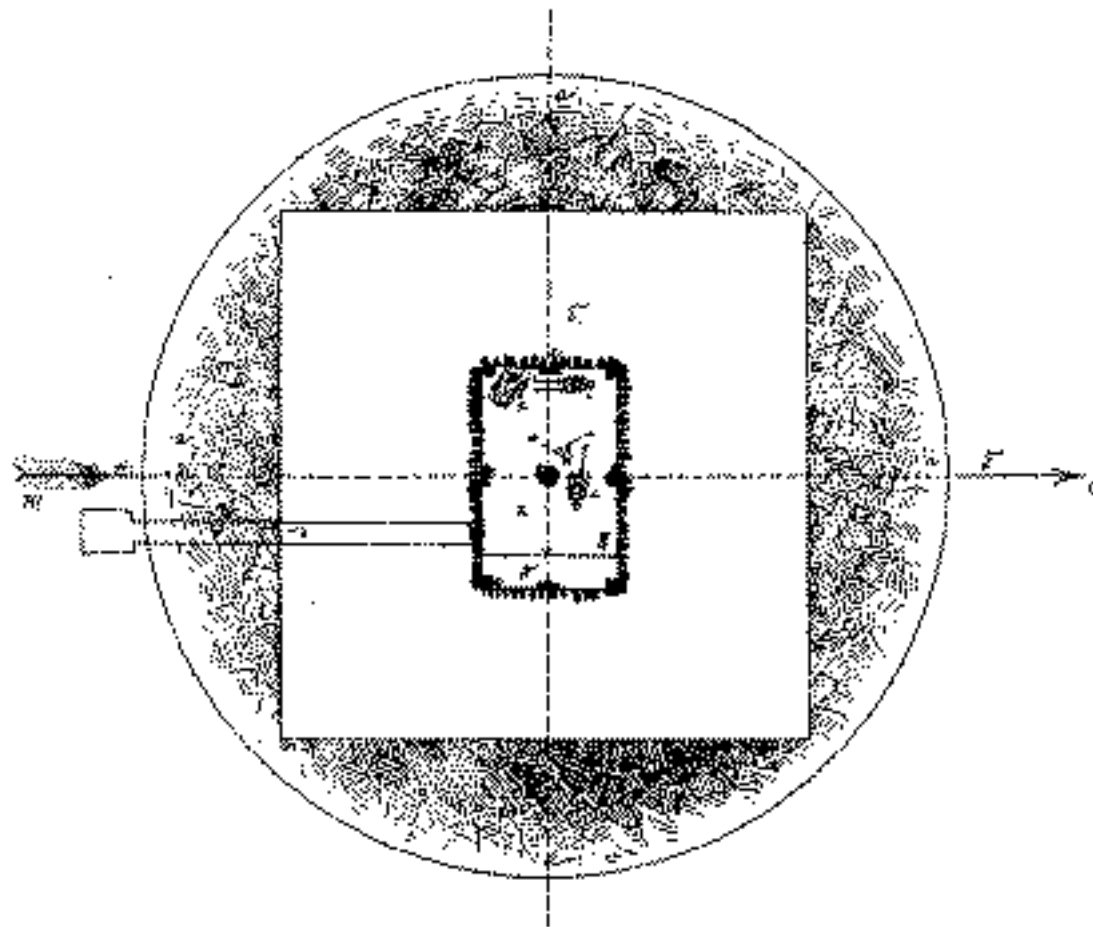

Рисунок № 97.

А, В) пазы; а) перфорированная иглы; б) выемка ячеек; в) время гробницы и столбы избушков; г) могильная яма; д) трапециевидный подполь; е) впадины уступы; ж) кости; з) кости; и) полая кость; л) кости со стрелами; м) ножны.

куты вдоль туловища (и). В С-ой половине два могилы — второй человеческий остов, обращенный головою на В, туловище на спину, правая рука и правая нога вытянуты вдоль туловища (ш), а левая рука и левая нога найдены в ЮЗ-ом углу могилы, на костях фрагментов лончатого остова, состоящих из ребер, лончатых, грудных позвонков, грудной кости и передних конечностей (к); у ног остов с левой стороны — желтый изогнутый кончик с костяной ручкой, обломки бронзовой булавы, ствол разложившегося деревянного колчана и 88 бронзовых наконечников стрел (л—н). В СВ-углу — два желтых наконечника копий, подобные найденным в большом кургане № II (о).

Курган № IV, на землях гг. Тышковских, означенный на карте № 16; распахивая. Раскопан в диаметре в 15 арш. в квадрат. На материк, между глинистыми подугристыми буграми, под центром насыпи, открыта яма 6 1/4 арш. д. в направлении с С. на Ю., 4 арш. ш. в направлении с В. на З. и 3 1/4 арш. гл., со следами деревянного сруба по краям ее, на стенах и на дне. С С-ой стороны ямы, — материковый уступ 2 арш. ш. и около аршина высоты. Южная стена углублена в материк подпольем со сводообразным верхом; стены подбоя и своды покрыты тонким слоем белой краски или цемента. На дне ямы, — разбросанные в беспорядке кости человека, быка и барана, фрагменты покрытой черным лаком терракотовой вазочки с цветочным рисунком на донышке, два желтых ножны с костяными ручками, фрагменты желтого копья, два бронзовых наконечника стрел и фрагменты ссуда из простой глины. На рис. № 98

изображены обломки греческой терракотовой вазочки, покрытой черным лаком, с цифричным оттиском на доннышке, современной греческим терракотовым сосудам впакомы Рыжовского кургана № I.

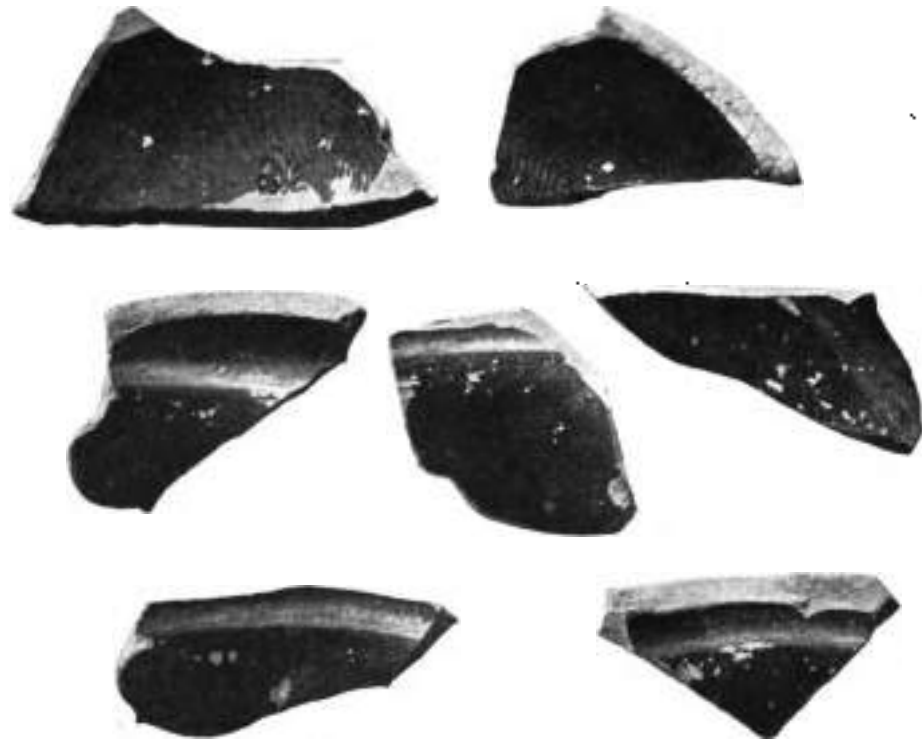

Рисунок № 24.

Курганы № V, на землѣ гг. Гринцевичъ, означенныя на картѣ № 8; распаханныя. Раскопанъ колодезь 12 арш. въ квадратѣ. Подъ центромъ васыма.—могильная яма, вырытая въ черноземномъ слое материка до уровня желтой глины, въ размѣрѣ $2\frac{1}{2}$ арш. длинны въ направленіи съ Ю. на С., 2 арш. ширины въ направленіи съ В. на З. и 5 четвертей глубины, со слѣдами разложившейся деревянной закладки. На днѣ могилы.—разбросанный человѣческій остовъ, фрагменты жезулинаго наконечника ножа, желѣзный пистолетъ со слѣдами разложившихся деревянныхъ частей, украшенныхъ бронзовымъ наконечникомъ, бронзовые наконечники стрѣлъ разной формы, фрагменты большого глинянаго сосуда, три глиняныя чашечки съ массивными эвальнойми ручками, несколько глиняныхъ и стянанныхъ бусъ и два кусочка алой праски. Могила была ограблена передъ стѣною раскопомъ сверху.

Курганы № VI, на землѣ гг. Гринцевичъ, означенныя на картѣ № 8; распаханныя, одинъ замѣтный. Раскопанъ колодезь 12-ти арш. въ квадратѣ. Могила яма 8 арш. д. въ направленіи съ С. на Ю., 2 арш. ш. въ направленіи съ В. на З. и $2\frac{1}{2}$ арш. гл., со слѣдами разложившейся деревянной закладки. На днѣ могилы.—черепки глинянаго сосуда и фрагменты человѣческаго остова, сложенные въ безпорядкѣ въ ЮЗ-нѣ углу, безъ челюстей челюсти, которая найдена отдѣльно въ центрѣ могильной ямы. Въ В-ой стѣнкѣ.—слѣды поддона, скрытаго обваломъ наемни.

Возлеиной курганъ № VII, при выѣздѣ изъ к. Рыжовки по дорогѣ въ село Чижовку и дер. Дюбровку, у перекрестка дорогъ, означенныя на картѣ четвертымъ большимъ Рыжовскимъ курганомъ на землѣ крестьянъ Демиды Мещеряка и Павла Трясибороды; окр. 180, в. 12 арш. Рис. №№ 39 и 40 изображаютъ вертикальный и горизонтальный разрѣзы кургана № VII.

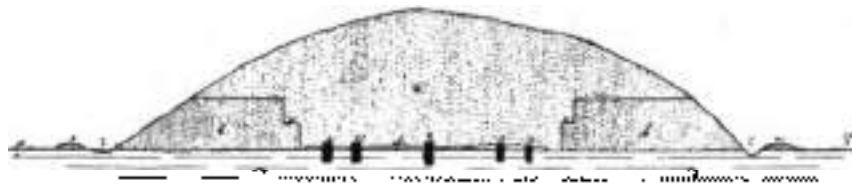

Рис. № 39.

А—Б) поверхность материка; а) валъ; б) ровъ; в) нераскопанная часть насыпи; г) выемка насыпи; х) материкъ; з) основы столбовъ костра; ж) кострище; э) уступъ въ выемкѣ насыпи.

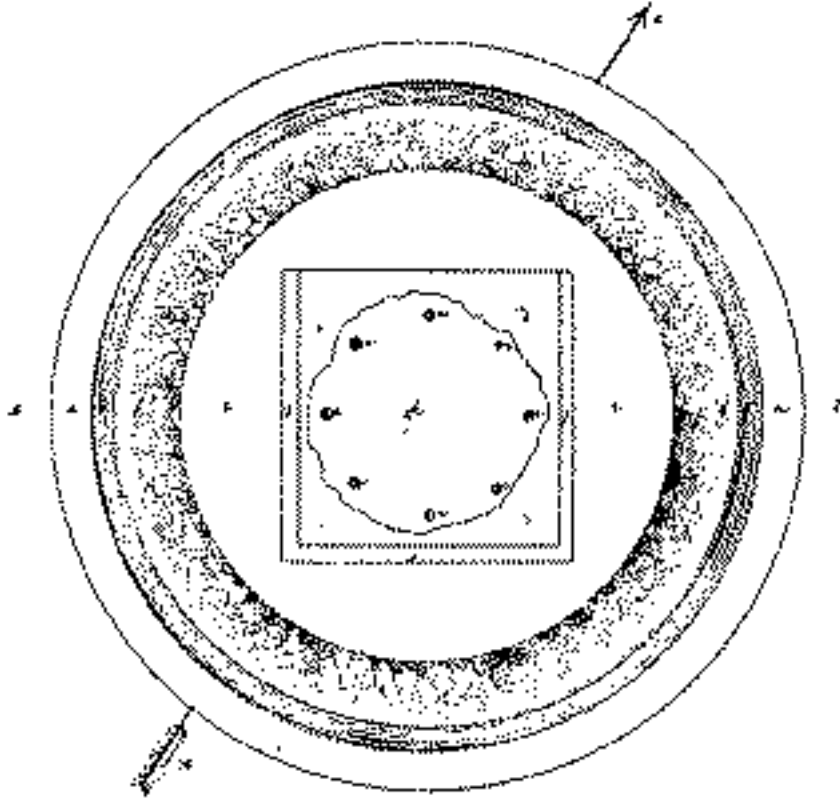

Рис. № 40.

А—Б) насыпь; а) валъ; б) ровъ; в) нераскопанная часть насыпи; г) срубъ насыпи; д) выемка насыпи; з) основы столбовъ костра; ж) кострище; э) уступъ холма.

У подошвы насыпи сохранились слѣды обводнаго вала и рва (а и б). Вершина насыпи срубана на 7 арш. гл., а на срубѣ былъ заложенъ колодезь въ размѣрѣ 30 арш. кв. квадратъ, углубленный до материка (г), съ уступомъ съ трехъ сторонъ шириною 1 1/4 арш. (э). На половинѣ кургана открыто кострище (ж), оточенное вокругъ восемью деревянными столбами, вкопанными въ материкъ (з); каждая яма, при круглой фермѣ, имѣла 5 верст. пл. аршинъ гл. и заключала въ себѣ остатки снѣгу обугленныхъ деревянныхъ столбовъ. Они расположены были правильнымъ кругомъ 15 аршинъ въ диаметрѣ и помѣщались въ разстояніи шести аршинъ одна отъ другой. Материкъ подъ кострищемъ былъ прокопанъ до краснаго цвѣта на глубину отъ двухъ до пяти вершковъ, а лежащій на немъ слой угля и пепла (кострище) въ центральной части былъ утолщенъ до трехъ вершковъ, и постепенно понижаясь къ краямъ, тераясь по окружности едва замѣтнымъ слоемъ угля и пепла на обожженномъ слое материка.

Исходомаде содержимія кострища показало, что оно представляло собой остатки трудно-сожженія.—костра, на которомъ были сожжены trunk ребенка, каменная трубка и множество глиняныхъ, стеклянныхъ и металлическихъ предметовъ. Вытонные предметы, брошенные на костеръ, найдены побитыми ха мелкие куски и поджаренными настолько сильному огню,

что немногие предметы сохранились въ цѣлости, а почти все стемляные и металлическіе обратились въ безформенные слитки, покрывшіе собой кюстрища почти сизошкою массой.

Въ составѣ кюстрища найдены: 1) около 600 фрагментовъ глиняной посуды, изъ которыхъ оказалось возможнымъ составить только одинъ почти полный сосудъ, имѣющій форму небольшой мисочки, покрытой краснымъ лакомъ, а по остальнымъ фрагментамъ видно только, что брошенные на кюстеръ сосуды имѣли различную величину, форму и толщину; многіе черепки найдены съ расплавленными на кюстрѣ и прикипѣвшими къ ямѣ стеклянными и металлическими слитками; 2) до 2000 стекляныхъ слитковъ разной формы, разной величины и разнога цвѣта, представлявшихъ собой украшения и сосуды: двѣ вѣлки и два обломка овальныхъ пластинокъ, фермы малахитовъ бѣлаго цвѣта, одиннадцать круглыхъ медальоновъ, изъ которыхъ семь зеленого цвѣта, три желтого и одинъ фиолетоваго, множество круглыхъ слитковъ разной величины и разнога цвѣта, по всей вѣроятности, еще бусъ разной величины; по сохранившимся фрагментамъ стекляныхъ сосудовъ видно, что на кюстеръ были брошены: сосудъ изъ зеленого стекла, нѣсколько сосудовъ разной формы и толщины изъ бѣлаго стекла, глазированный сосудъ изъ зелено-желтого стекла и глазированный сосудъ изъ фиолетоваго стекла съ бѣлыми прослойками; 3) до 400 металлическихъ слитковъ, между которыми различаются: два золотыхъ слитка и золотая пластинка, три массивныя серебряныя пластинки, изъ которыхъ на одной замѣтны слѣды кружка съ точкой въ средѣ, серебряныя слитки разной формы и величины, бронзовыя пластинки или бляхи съ загнутыми краями, бронзовые: обломки цѣпочки, гвоздикъ и слитки; 4) обугленные кости ребенка и какой то птицы, многія изъ которыхъ, подобно многимъ глинянымъ черепкамъ, найдены въ соединеніи съ прикипѣвшими къ нимъ стеклянными и металлическими слитками.

Все предметы этого кургана носятъ на себѣ ясныя слѣды римскаго искусства императорскаго эпохи; на ту же эпоху указываетъ и римская серебряная монета Марка Аврелія, — второго сына цесаря Р. Х., найденная мѣстнымъ крестьяниномъ — рабочимъ у подошвы кургана, въ началѣ выкопки, прикрывавшей описанное кюстрище¹⁾.

Древность Рыжовскихъ кургановъ.

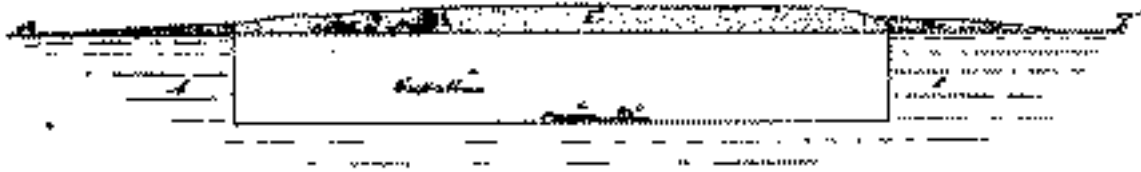
Раскопками 1880 года было выяснено происхожденіе въ курганахъ окрестностей м. Рыжовки языческихъ могилъ трехъ историческихъ эпохъ: киммерійской, скифской и сарматской.

1. Изъ киммерійской эпохи относятся могилы пяти кургановъ, описанныя выше, на стр. 12 и 13, и двѣ могилы кургана № 5, расположеннаго г. Оссовскимъ; въ этомъ курганѣ, въ большомъ курганѣ на землѣ г. Новидкой и въ треть курганахъ, означенныхъ на картѣ №№ 10, 13 и 14, не было найдено никакихъ признаковъ металлическихъ бытовыхъ предметовъ, какъ и въ курганахъ Капелскаго, Черваскаго и Чутиринскаго уѣздовъ киммерійской эпохи, раскопанныхъ графомъ А. А. Бобринскимъ и мною, — въ тѣхъ и другихъ была найдены только бытовые предметы изъ глины, камня и кости. Рыжовскія могилы этого содержанія сходны также съ многочисленными могилами такого же содержанія друтичъ уѣздовъ Киевской губерніи своимъ устройствомъ и постройками стенковъ. Курганы этого устройства и содержанія представляютъ собой могилы, друтиче которыхъ мы не знаемъ въ губерніяхъ южной Россіи.

Что же касается кургана киммерійской эпохи, означеннаго мною № II, а на картѣ означеннаго подъ № 11, то на него должно обратить особое вниманіе, какъ на большую

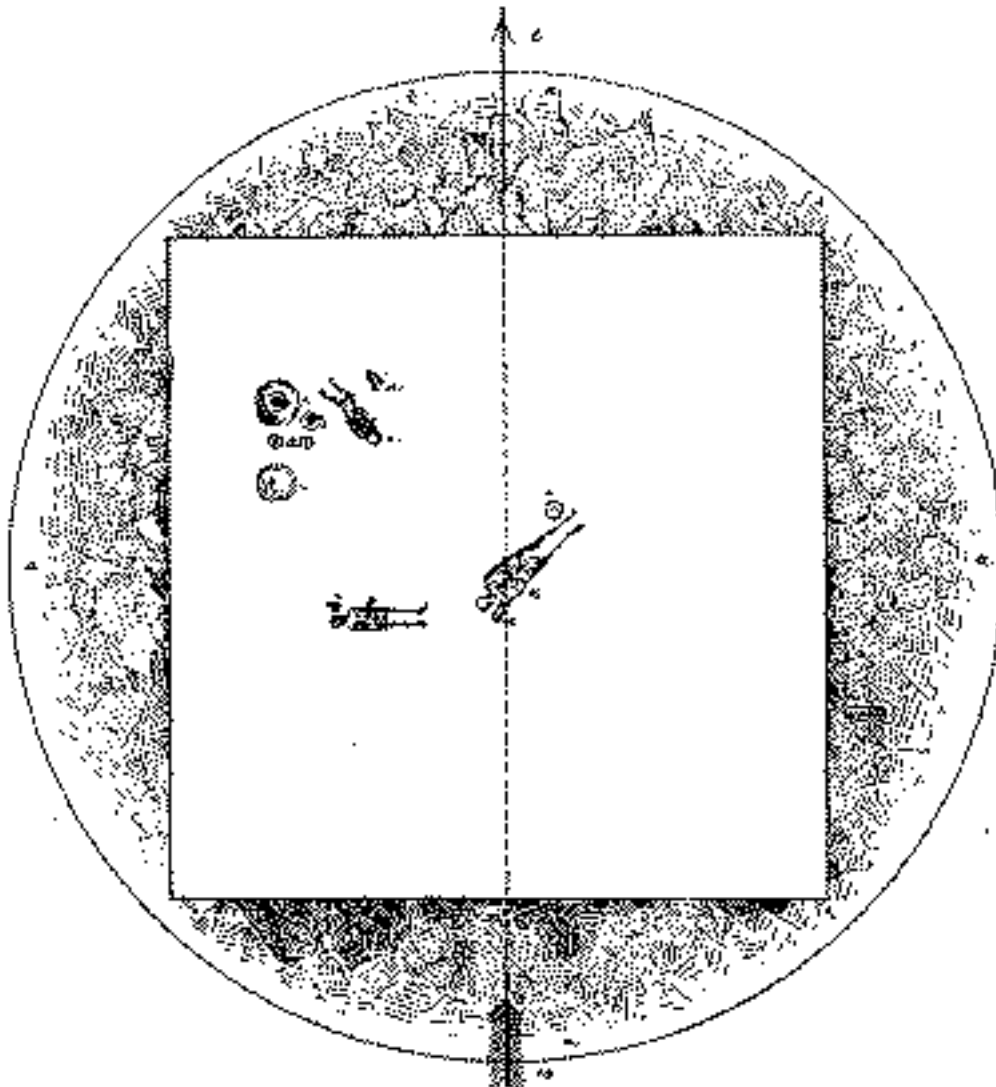
¹⁾ Римскій императоръ Маркъ Аврелій царствовалъ отъ 161 до 180 г. послѣ Рождества Христова.

редкости въ населенія древнѣйшихъ временъ России, стоящую на рубежѣ эпохъ каменной и металлической. Въ этомъ курганѣ были открыты три могилы на равной глубинѣ, какъ показываютъ рис. № 41 и 42, обращенныя головами въ разные стороны, верхній въ сидячемъ положеніи, а нижніе въ вытянутомъ, на спячѣ.

Рисунокъ № 41.

А, Б) поверхность материка; а) части инвентаря разведочныхъ шуртовъ; б) выемка насыпи и материка; в) материкъ; г) сидячій костякъ со вставкой копья въ материкъ; д--ж) шесть глиняныхъ сосудовъ; з, и) дѣтскій костякъ и сосудъ при немъ; і, к, л) нижній костякъ, надъ которымъ были весьма много первоначальнаго кургана и при немъ сосудъ, шифоновый топоръ--молотокъ и бронзовые принадлежности уздечки.

Рисунокъ № 42.

а) разнородныя части инвентаря; б) сидячій костякъ; в--ж) шесть сосудовъ, изъ которыхъ два другъ на другѣ; з, и) дѣтскій костякъ и сосудъ при немъ; і, к, л) нижній костякъ и при немъ сосудъ, каменный топоръ--молотокъ, бронзовая уздечка и 2 бронзовые столбика съ 6 дырочками отъ уздечки.

При костяках найдены восемь глиняных сосудов, по формам, составу и орнаментам, представляющих собою обычные находки из могилы киммерийской эпохи со скорчанными и выжнутыми костями и съ бытовыми орудиями из камня и кости, а сверх того, бронзовые удила и два бронзовых украшенія формы продырявленных столбиковъ, встречающихся при раскопкахъ въ древнѣйшихъ могилахъ скитской эпохи. Это соединеніе въ одной могилѣ кургана № II бытовыхъ предметовъ культуръ каменной и бронзовой, при полномъ отсутствіи въ трехъ могилахъ того же кургана какихъ бы то ни было признаковъ желѣзной культуры, даетъ ему право на мѣсто въ отдѣлѣ многомогильныхъ кургановъ, подобныхъ Безсчастной могилѣ, второму большому кургану и др. на берегу р. Конки, многомогильному кургану № V подъ Канюкоденомъ и всѣмъ курганамъ южной Россіи, содержащимъ могилы съ надѣлами каменной культуры киммерийской эпохи и бронзовой культуры древнѣйшихъ могилъ скитской эпохи, но не содержащимъ надѣловъ желѣзной культуры. Оставаясь въ предѣлахъ вышеупомянутыхъ историческихъ фактовъ, должно признать, что курганы этого отдѣла древнѣе кургановъ окрестностей с. Гатнаго Киевскаго у., Купянскихъ могилышюмъ Харьковской г. и кургановъ Каневского уѣзда, содержащихъ смѣшеніе киммерийскаго обряда погребенія съ бытовыми надѣлами культуръ каменной, бронзовой и желѣзной (выше, с. 62 и слѣд.). Могилишки киммерийскаго погребальнаго обряда съ надѣлами только каменно-бронзовой культуры имѣютъ право на тотъ 30 лѣтній историческій моментъ, въ который Скиты—Сколоты привнесли въ Киммерійскую землю изъ азіатской Массагетіи бронзовую культуру, но еще не громизли Ассирійскаго царства, не брали дань съ народовъ, состоявшихъ подъ его властью и не возвращались изъ юго-западной Азіи въ свою каллидонійскую Сколотію съ богатствомъ народовъ, стоявшихъ на высокой степеніи желѣзной культуры: Египтянъ, Финикянъ, Ассирійянъ, Мидянъ, Персовъ, Лядянъ, Фригійцевъ, Малойазійскихъ грековъ и всѣхъ народовъ, платившихъ дань Ассирійскому царству до времени его погрома Скитами—Сколотами, основанными въ концѣ VII в. до Р. X. свое собственное царство между Дюномъ и Дунаемъ, изобиловавшее ассирійскими, египетскими, персидскими и греческими богатствомъ.

2. Последующій историческій моментъ, когда Сколоты господствовали въ предѣлахъ бывшей Киммерійской земли, сожительствоваши въ своемъ царствѣ съ Греками, основанными въ немъ Ольвій и Пантикапей, и хоронили своихъ покойниковъ по скитскому обряду, снабжая ихъ могилами гробницами съ богатымъ содержаніемъ золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, терракотовыхъ и желѣзныхъ надѣловъ, принесенныхъ изъ Ассирійскаго царства, оснѣщаютъ Рыжановскіе курганы скитской эпохи. Къ этой эпохѣ относятся курганы съ катакомбою и всѣ курганы съ ограбленными срубными гробницами, по своему устройству и содержанію, не имѣющимъ ничего общаго съ мѣстными могилами киммерийской эпохи; по всей внѣшности, въ древности они отличались и явными формами, по которымъ распознавали ихъ грабители могилъ: открывъ грабительскіе подкопы во всѣхъ курганахъ со срубными могилами, я не нашелъ ни одного подкопа въ курганахъ киммерийской эпохи, за исключеніемъ большого кургана на землѣ г. Новицкой; грабители знали, какіе курганы принадлежали Киммерійцамъ, какіе Скитамъ, и употребляя громадный трудъ на вырубку подземныхъ подкоповъ къ гробницамъ, носили въ нихъ не надѣловъ изъ простой глинны, камня и кости киммерийской эпохи, а надѣловъ изъ золота, серебра, бронзы и желѣза, подобныхъ бытовому богатству, составлявшему содержаніе удѣлаемой отъ древняго ограбленія Рыжановской катакомбы.

По словамъ г. Оссоленскаго, открытіе Рыжановской катакомбы представляетъ собою „неизмѣримый научный интересъ, далеко выходящій за предѣлы обычныхъ находокъ этого рода“. Дѣйствительно, открытіе археологическаго богатства въ Рыжановской катакомбѣ, датированнаго монетами, если оно подлинно, представляетъ собою важный шагъ къ фактическому познанію русскихъ древностей эпохи основанія Сколотскаго царства между Дюномъ и Дунаемъ.

Придавая такое значение открытию Рыжановской катакомбы, заподозрив исторію этого открытия, опубликованную г. Оссовским и имѣя въ виду фальсификаціи могильныхъ древностей, разпннуясь на згѣ Россіи до такой степени, что весь ученый міръ Влада былъ обманутъ поддѣльною короною царя Сайтафарна¹⁾, я отвесилъ съ недоумѣніемъ къ археологическому богатству, открытому въ этой катакомбѣ, и провѣрялъ находку всеми средствами, состоявшими въ моемъ распоряженіи, прежде чѣмъ основать на этой находкѣ свои выводы о времени Рыжановскихъ кургановъ съ катакомбою и деревянными срубными гробницами и однорядныхъ съ ними по устройству и содержанію другихъ могильниковъ южной Россіи.

Я осматривалъ поданныя находки въ Краковѣ и убѣдился совершенно въ древности всѣхъ надѣлий, ее составлявшихъ: формы предметовъ, способъ выдѣлки, патина на поверхности и разные малые признаки, перечислить которые невозможно, приобретаемые продолжительною практикою раскопокъ, но оставилъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ бытовые предметы,—костяные, terra-cottные, бронзовые, серебряные и золотые, отъ монетъ до мелкихъ бляшекъ, составлявшіе содержаніе Рыжановской катакомбы по описанію г. Оссовскаго, составляли дѣйствительно содержаніе этой гробницы. По прибытіи въ Рыжановку, выяснилъ опросомъ крестьянъ исторію открытія катакомбы, и въ то-же время заставлялъ ихъ перечислять найденные предметы, описывать ихъ формы, указывать мѣста, гдѣ были найдены тотъ или другой предметъ, и крестьяне дали яснымъ указаніямъ почти на всѣ предметы, осматривавые мною въ Краковѣ и изображенныя на рисункахъ, наданныхъ г. Оссовскимъ; только въ случаяхъ, когда крестьяне помнили предметъ, но не могли описать его, вырѣзывалъ серьги, перстни съ монетами,

*) Не древнему русскому праву фальсификаціи металлическихъ предметовъ всякого рода была названа особымъ видомъ спиртной лжи: „залить горло расплавленнымъ металломъ“; а зная фальсификаціи металлическихъ древностей не воспринимается закономъ, даже аккурается популкою у разныхъ торговцевъ, правительственными и общественными учрежденіями неограниченнаго дѣла науки археологическаго хлама, неизвестно въѣтъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ найденаго, въ которомъ часто встречаются и поддѣльные предметы. Такими древностями уже переполнены помѣщенія нашихъ правительственныхъ и общественныхъ собраній древностей, даже такихъ, какъ Императорскія Эрмитажъ и Императорскія Россійскія Историческія Музеи, а потому началось ужасное ученье людей пѣдѣлать хранительски мучены „интересныхъ“ древностей отъ „неинтересныхъ“, сбрасывая вонючыхъ въ безпорядочныя кучи, удаляя ихъ на чердаки и въ подвалы, рассыла по музеямъ, еще имѣющими свободныя помѣщенія, причемъ разрушается полнота содержанія могильныхъ разныкъ историческихъ эпохъ, драгоценная для исторіи, а слѣдствіемъ является утрата приманкова времени и вредилили древнихъ могиль, уничтоженіе реального историческаго матеріала, невозможность пользоваться имъ для научныхъ изысканій.

Настало время серьезно подумать не только о средствахъ охраны древнихъ могиль отъ нечестивыхъ раскопокъ, но также и о средствахъ спасенія для науки могильныхъ древностей, уже разбросаныхъ въ разныхъ музеяхъ, но конвентныхъ историкамъ, новозависимыхъ, неизученныхъ, непринадлежащихъ къ научной системѣ.

Кто рѣшается отдѣлать интересныя древности отъ неинтересныхъ, ибныя отъ нецѣнныхъ, кто обладаетъ у себя археологическими и историческими знаніями, необходимы для такого разбора? Кто рѣшается на преступное противъ науки дѣло раздробленія цѣлости могильнаго содержанія,—на дѣленье могильныхъ предметовъ времени и вредности, на уничтоженіе реального историческаго матеріала? Кто покупаетъ на правительственные и общественныя средства отъ помѣстныхъ и конвентныхъ торговцевъ фальшивыя и поданыя древности, неизвестно въѣтъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ выкопанныя, ипотряса събы торговцы древностями,—уничтоженіе памятниковъ исторіи, и заорала мучи археологическаго хлама, непригодныхъ для научныхъ выводовъ, конвентныхъ обое матеріалъ, ибныя для науки?

Лучшимъ средствомъ охраны древностей отъ фальсификаціи, а мучены отъ перемолотія и заоранія было бы сосредоточеніе покупки предметовъ бы то ни было учрежденіемъ, какихъ бы то ни было древностей и у кого бы то ни было. Случайнымъ находкамъ позволено открыты свободный ходъ за границу, нежелая покупать ихъ и хранить въ своихъ музеяхъ.

зерстанъ съ сиглетами, кубокъ, а полагавыиъ рисунки, и пресланные узнавали ихъ: докторъ Гринцевичъ и другіе мѣстные помещики, видѣвшіе находки до отъезда въ Краковъ, приваляли рисунки г. Оссовскаго несомнѣнными изображеніями подлинныхъ древностей Рыжиковской катакомбы.

Убѣжденный такимъ образомъ въ несомнѣнную подлинность древностей Рыжиковской катакомбы, изданныхъ г. Оссовскимъ, я обратилъ ихъ въ средство познанія мѣстной южной Россіи слитской эпохи. Классифицируя свою коллекцію древностей и составляя нѣзъ „Каталогу“, я отнесъ къ древнѣйшимъ курганамъ слитской эпохи большіе Ромеискіе курганы Полтавской губерніи, какъ ближайшіе къ Рыжиковскимъ курганамъ по устройству и содержанию; я въ предварительномъ Москвитинѣ съѣздѣ депутатовъ для выработки программы работъ къ XIV археологическому съѣзду, я заявилъ о необходимости обратить на этомъ съѣздѣ особенное вниманіе на древности Рыжиковскихъ кургановъ, датированныхъ автономными пастышевскими монетами, наближенію ихъ съ древностями большаго кургана Посульскаго могильника Ромеискаго у., Полтавской г. и на необходимость опредѣленія восточной и южной границъ распространенія кургановъ Азовскаго типа, сѣверная и западная границы которыхъ уже выяснены нижеслѣдующими раскопками.

Ромеискіе курганы Полтавской губерніи.

По количеству, величинѣ, устройству и содержанию кургановъ Ромеискій уѣздъ Полтавской губерніи принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ мѣстностей въ Россіи. Количество кургановъ мѣстности профессора Н. В. Завитневичъ и И. А. Ливенченко характеризуютъ слѣдующими словами.

Н. В. Завитневичъ: „Рѣка Сула, протекая чрезъ Ромеискій уѣздъ въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, въ предѣлахъ этого уѣзда принимаетъ въ себя съ правой стороны слѣдующихъ шесть притоковъ: Волховцы, Васовку, Ромень, Рапанку, Омаву и Лохню... Вся правый берега рѣки Сулы, начиная отъ ея истока, буквально усеяна могильными курганами, которые въ предѣлахъ Ромеискаго уѣзда перекрываютъ почти въ непрерывную цѣпь, группировавъ главными образомъ къ угламъ, образуемымъ впаденіемъ въ Сулу вышеуказанныхъ притоковъ. Важнѣйшія группы, если называть ихъ по именамъ селеній, въ которыхъ они находятся, будутъ слѣдующія: Константиново, Королинцы, Графскія Будки, Волховцы, Будки, Акеютинцы, Ромны, Поповка, Ярмолинцы, Глисковъ, Чебаряки, Сребное. Всѣ эти группы расположены по берегу самой Сулы“¹⁾.

И. А. Ливенченко: „Профессору Д. Я. Самойлову уже второй годъ производится въ обширныхъ размѣрахъ археологическія раскопки въ Ромеискомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Насейтъ Сулы, омывающей Ромеискій уѣздъ, представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ мѣстностей въ археологическомъ отношеніи... Можно считать курганы правого берега Сулы довольно основательно обследованными. Раскопки были ведены здѣсь на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, отъ сѣверной границы Ромеискаго уѣзда (крайній пунктъ в. Константиново) почти до границы Лохидскаго уѣзда (крайній южный пунктъ с. Чебаряка). По всему этому пространству является обильная масса курганов“²⁾.

Въ 1876 году къ зѣсахъ и на поляхъ, эксплуатируемыхъ съ недавняго времени, курганы были расположены группами, заключавшими въ себя отъ тридцати до шестидесяти могилъ (Великія и Малыя Будки, Волховцы, Акеютинцы, Ярмолинцы, Сурмаченка, Волошиновка); въ мѣстностяхъ же, давно распашанныхъ, сохранились только цѣпныя, гонимыя

¹⁾ „Науч. зап. арх. росс. въ Ром. уѣд. Полт. губ.“, с. 7, 8.

²⁾ „Арх. раск. въ Полт. губ. Д. Я. Самойлова“, с. 1—23.

вашия прежде въ группахъ, а курганы меньшей величины были распашаны и стали уже неамбигными (урочище Ружное у Великихъ Будокъ, окрестности Балабичей могилы юльзъ Аксютинцами, окрестности Поповки и проч.); въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ самая запаханная слой чернозема, легко можно встрѣтить могильную яму, надъ которой былъ курганъ, уничтоженный распашкою.

Археологическія раскопки въ Раменскомъ уѣздѣ были произведены мною въ 1876, 1888 и 1889 гг. Въ той же мѣстности раскопки производили Т. В. Кибальчичъ, мѣстнымъ землевладѣльцемъ С. А. Маараки, профессоръ К. К. Автожовичъ и проф. И. А. Линиченко.

Курганы у села Аксютинцы, въ урочищѣ Стайкины Верхъ.

Въ 1876 году незначкою и количествомъ кургановъ обращалъ на себя особое вниманіе могильникъ у селенія Аксютинцы, на возвышенности правого берега рѣки Сулы, въ урочищѣ Стайкины Верхъ. До 1878 г. эта возвышенность принадлежала мѣстнымъ дворянамъ Ошцеу и Емцову, была покрыта строевымъ дубовымъ лѣсомъ и курганами, между которыми различались: огромный курганъ конусообразной формы, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Старшей Могилы (подъ этимъ именемъ онъ значится и на географической двухверстовой картѣ Военно-Топографическаго Дѣла), съ окружностью основанія около трехсотъ аршинъ и отвѣсной высотой въ двадцать пять аршинъ, окруженный широкимъ охраннымъ рвомъ и валомъ; тринадцать кургановъ, обведенныхъ также широкими охранными рвами, съ окружностью основанія отъ семидесяти пяти до ста пятидесяти аршинъ и отвѣсною высотой отъ шести до пятнадцати аршинъ; болѣе трехсотъ кургановъ меньшихъ размѣровъ, до едва замѣтныхъ насыпей; часть кладбища, около пятидесяти насыпей, въ началѣ семидесятыхъ годовъ была уже очищена отъ покрывавшаго ее лѣса и распашана.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, при новомъ размежеваніи дачи села Аксютинцы, площадь урочища Стайкины Верхъ поступила въ владѣніе крестьянамъ хутора Сидоревкины и др., вырубившимъ лѣсъ и обратившимъ курганный могильникъ въ поле. Въ теченіе десяти лѣтъ распашки курганы этой группы такъ понижались и обмалкились своимъ основаніемъ, что въ 1888 году многіе изъ нихъ были уже едва замѣтны, а нѣкѣ шматинками этого курганнаго кладбища служатъ не болѣе пятнадцати насыпей, господствовавшихъ въ группѣ.

Подъ моимъ наблюденіемъ были раскопаны въ этой группѣ Старшая Могила и тридцать два кургана разной величины; каждая насыпь срубывалась на треть высоты, а затѣмъ широкій колодезь былъ углубляемъ до материка; въ курганахъ большой величины колодезь, заложившій на срубѣхъ кургановъ, уменьшался уступами по мѣрѣ углубленія и прорѣзывалась одна изъ сторонъ насыпи для удаленія земли изъ углубленнаго въ насыпь колодезя.

Результаты раскопки.

Курганъ № 1. Старшая Могила. Т. В. Кибальчичъ въ 1876 году срубилъ верхнюю насыпь на глубину сажени, а затѣмъ въ южной концѣ кургана прорѣзалъ яму около 5 арш. ширины, углубленную уступами въ центральную часть насыпи до материка; на материкѣ онъ встрѣтилъ верхнюю часть юго-западнаго угла деревянной гробницы, величину, форму и содержаніе которой невозможно было опредѣлить безъ расширенія колодезя и траншеи, требовавшаго иного способа раскопки, на который г. Кибальчичъ не рѣшился и Старшая Могила оставалась неислѣдованною до 1889 года.

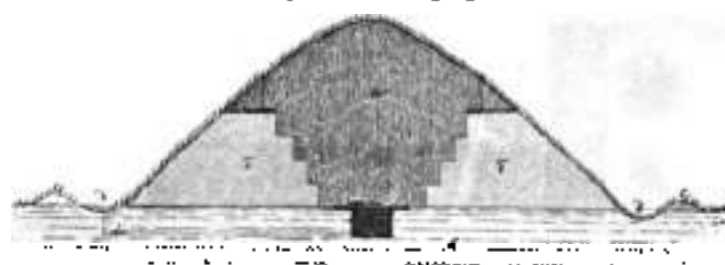
Последующія мои раскопки кургановъ въблизи Старшей Могилы показали ихъ чрезвычайный интересъ въ археологическомъ отношеніи, а раскопка Старшей Могилы казалась мнѣ необходимою для полнаго представленія о древности и содержаніи всего могильника. Въ виду этого соображенія, невѣрности опубликованныхъ сообщеній объ устройствѣ и содержаніи могилъ въ курганахъ Аксютинскаго типа и свидѣній сообщенныхъ мнѣ С. А. Мазааракъ о томъ, что Аксютинскій могильникъ вступилъ въ надѣлы крестьянамъ, вырубившимъ на немъ лѣсъ и распавшимся курганы, которымъ потому грозитъ скорое уничтоженіе, я рѣшился посвятить лѣто 1888 г. раскопкѣ Старшей Могилы и окружающихъ ее кургановъ, оставшихся еще не распавшимися. Въ присутствіи С. А. Мазааракъ, В. З. Завитвенца и Н. А. Дьявиченко, въ іюль 1888 г. была начата раскопка Старшей Могилы, въ самый разгаръ полевыхъ работъ; но къ счастью, кавалерійскій полкъ, квартировавшій въблизи мѣста раскопокъ, далъ мнѣ возможность распозагать достаточною рабочею силою,—ставить на Старшую Могилу ежедневно отъ 40 до 70 хорошихъ рабочихъ.

Изъ половины августа была снята послѣдною вершина Старшей Могилы на глубину 10 арш., а на полученной площади сѣча, въ центральной части насыпи, прорытъ колодезь 40 арш. въ квадратъ, постепенно уменьшенный до 20 арш. съ прорѣзомъ южной стороны кургана шириной въ 10 арш. ширины. На глубинѣ 20-го арш. раскопка была приостановлена, потому что продолжать ее было невозможно: скважина, прорытая г. Кибальчицемъ въ 1874 году, обратила гробницу Старшей Могилы въ колодезь грязи и воды. Рѣшено было изслѣдованіе гробницы отложить до сажающаго лѣта и принять мѣры къ ея осушкѣ. Съ этою цѣлью на днѣ прорытаго мною колодезя, надъ гробницею, былъ насыпанъ холмикъ, имя г. Кибальчица очищенъ отъ грязи и засыпанъ сухой землею; а съ южной стороны насыпи прорѣзана рывина для стока дождевой и весенней воды за курганъ, въ естественную покатость.

Въ 1888 г. изслѣдованіе Старшей Могилы было начато 25 іюля, въ присутствіи Н. А. Дьявиченко и С. А. Мазааракъ. Заложены въ предыдущемъ году колодези въ центральной части насыпи и траншея въ южной ея сторонѣ были углублены до материка, на которомъ, подлѣ центромъ насыпи, обнаружена могильная яма, со всѣхъ сторонъ окруженная остатками толстыхъ дубовыхъ брусевъ, лежащихъ въ два ряда другъ на другѣ.—верхній рядъ въ продольномъ направленіи могильной ямы съ С. на Ю., а нижній въ поперечномъ съ В. на З. Эти брусья составляли часть покатою крыши или потолка гробницы, лежали на материкѣ, по краямъ могильной ямы: С-ый край потолка гробницы лежалъ на вѣднѣ въ видѣ вѣснаго, такъ что крыша спускалась постепенною покатостью въ направленіи съ С. на Ю.; подгнившія части брусевъ обвалились на дно могильной ямы, а вѣднѣ за крышею обрушилась давящая на нее черная земля курганной насыпи. Когда края могильной ямы были очищены отъ остатковъ гнилаго дерева, то оказалось, что концы брусевой крыши гробницы помещались въ выемкѣ желтаго глинистаго материка, имѣвшей 18 арш. длины съ С. на Ю., 14 арш. ширины съ В. на З. и 5 четвертой гд.; а внутри этой выемки, въ желтой глинѣ, обнаружена четырехугольникъ черной земли, имѣвшій 12 арш. длины съ С. на Ю. и 8 арш. ширины съ В. на З. Это были длина и ширина могильной ямы, заключенной обрушившимся червоточимъ насыпи кургана, подлѣ которой на глубинѣ 6 арш. обнаруженъ слой гнилаго дерева отъ обрушившейся крыши и стѣны гробницы, а подлѣ нѣмъ,—глинистое дно; по угламъ могильной ямы сохранились куски дубовыхъ свай, вкопанныхъ въ ямки десяти верш. ш. и въ арш. гл., а между угловыми сваями обнаружены остатки толстыхъ дубовыхъ брусевъ, сложенныхъ срубомъ по стѣнкамъ могильной ямы. Входъ въ гробницу помещался съ Ю-ой стороны, какъ показывала материковая ступенька на днѣ могилы, въ размѣрѣ 4 арш. д. и арш. ш. и в. По своему устройству гробница Старшей Могилы представляла срубное жижорусское жилище съ односкатною крышею.

На рисунках №№ 43—45 изображены: вертикальный разрез, горизонтальный разрез и устройство и дно гробницы Старшей Могилы.

1. Вертикальный разрез.

а) срезъ меридианъ кургана в колодезь, углубленный въ насыпь, съ 4 уступами; б) вертикальная ясынь кургана; в) глиняная матерка; г) массивная яма въ матерка; д) ровъ вокругъ кургана; е) насыпь вокругъ кургана.

Рисунок № 43

2. Горизонтальный разрез.

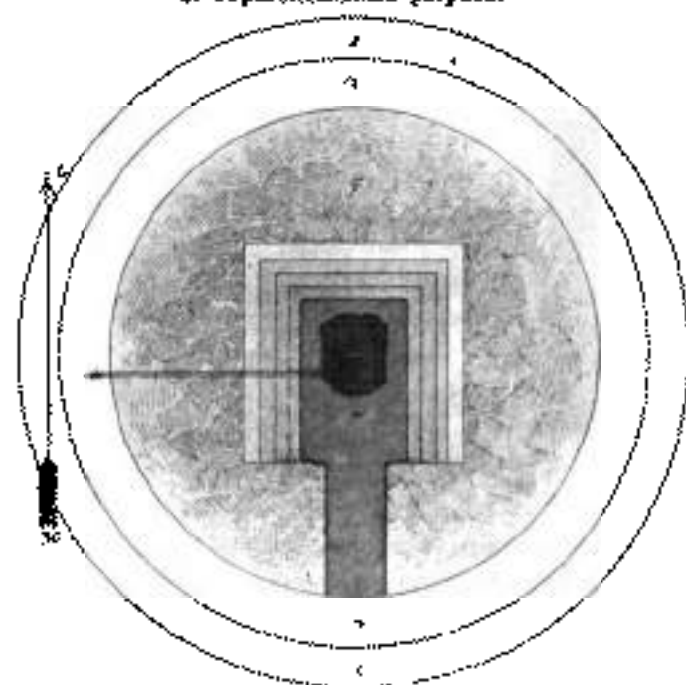

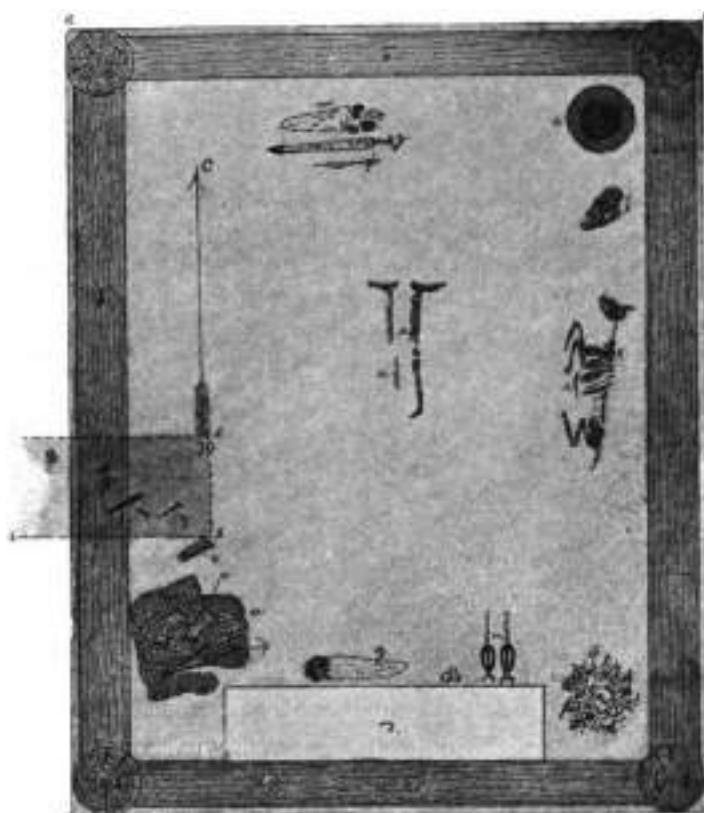
Рисунок № 44.

а) видъ на ст. 4 уступами и факелной прорѣзъ насыпи кургана; б) вертикальная часть насыпи кургана въ диаметре гробницы и массивная яма, засыпанная обломками черепков; в) гробничная подкова въ кольцевую яму; д) обводный ровъ вокругъ кургана; е) обводный шельфъ вокругъ кургана.

При раскопках впадины Старшей Могилы были найдены только следующие черепки: фрагменты бычьих и бараньих костей, бронзовый трехгранный наконечник стрелы и два бронзовых ножа, каждый около семи вершковъ длины, лежащих другъ на другъ надъ севернымъ краемъ гробницы, на глубинѣ 22 аршинъ отъ вершины кургана, обращенные остриями на С. (108.—1360, 1361).

Въ среднѣ дна могильной ямы найдены: нижняя часть человеческого остова (кости плеча, голени, правое бедро и часть таза), лежащая въ направлении ногами къ С., медвежий коготь, по формѣ и величинѣ, золотой бронзовый ножъ, найденный въ лавкахъ (109.—1302), и половинный железный клинокъ, безъ ручки, около семи вершковъ длины, съ остатками ноженъ, украшенныхъ рѣзными бронзовыми наконечниками двухъ съ половиною вершковъ длины (109.—1363, 1364). У С-ой стѣнки могилы находилось оружье:—железный мечъ семнадцати вершковъ длины, въ трехъ кускахъ, съ остатками ноженъ, украшенныхъ бронзовыми наконечниками около двухъ вершковъ длины (110.—1365—1368), кусокъ чернаго смолистаго вещества (111.—1360) и остатокъ деревяннаго колчана (1370.—1376), обтянутого кожей и орнаментированнаго красками, вычеканенными на медяхъ, съ остаткомъ звездчатого (112.—1377), заключеннаго въ себѣ рывныхъ формъ и разной величины наконечники стрѣлъ: двадцать костяныхъ, изъ которыхъ десять круглыхъ и десять четырехуголь-

В. Устройство и дно гробницы.

а) угольные столбы гробницы; б) набросок
стены гробницы; в) дно могилы; г) гра-
бительской подкопы; д) вход в могилу;
е—iii бытовые предметы.

Рисунок № 45.

ных (112,—1378, 1379), сто сорок шесть бронзовых, разной формы и величины (112,—1380—1381; 113,—1382—1389; 114,—1390—1392), сорок железных одной формы, подобные бронзовым той же формы (114,—1393, 1394), железная проколка или наконечник дротика (1395).

Въ СВ-мъ углу могилы помещался большой глиняный сосуд, разламывавший обрушившимся потолком гробницы, подобный двум амфоровидным большим сосудам, найденным С. А. Мазаракя въ курганахъ окрестностей Пенюки, бывшихъ на выставкѣ Ярославскаго археологическаго съезда; воатѣ сосуда,—четыре скинны (№ 1397), а у В-ой стѣнки могилы,—цѣлый оловянный телевикъ (№ 1398) и въ немъ, между ребрами, кривой железный козликъ (109,—1399).

Въ ЮВ-ъ углу могилы помещалась куча приваляжностей сбруи,—три пары бронзовыхъ удилъ (108,—1400—1402), пара бронзовыхъ псалій, кончающихся съ одной стороны копытами, а съ другой бараньими головками (1403, 1404), пара железныхъ псалій (1405,—1406), одиннадцать паръ костяныхъ псалій кончающихся съ одной стороны копытами, а съ другой изображеніями головокъ разныхъ животныхъ (115—117,—1407—1418), до тридцати костяныхъ столбиковъ цилиндрической и круглой формы съ четырьмя сквозными дырочками по бокамъ (117,—1419—1423), круглая продырявленная косточка (1424), массивная бронзовая бляха, изображающая голову осла (118,—1425), четыре бронзовые бляшки, изображающія головки баряговъ (1426), восемь продырявленныхъ бронзовыхъ столбиковъ съ бронзовыми бляшками вверху, изображающими лежащую лошадь съ подогнутыми конечностями—на четырехъ бляшкахъ голова лошади обращена направо, на четырехъ кѣво, (1427—1429),—въ двухъ столбикахъ сохранилась кожа (1428), маленькая двойная бронзовая бляшка съ ушкомъ (1430), пять воронкообразныхъ бронзовыхъ оснований отъ кистей (1431, 1432), три бронзовыхъ и три железныхъ кольца (1433, 1434), кусочки кожи (1435), тринадцать паръ железныхъ удилъ (1436—1438; 110,—1439—1442).

У Ю-ой стѣны могилы, надъ ея дномъ, возвышался материковый уступъ, на протяженіи четырехъ аршинъ, имѣвшій аршинъ высоты и ширины; а воалѣ этого уступа, у ЮВ-ой его стороны, найдены три глиняныхъ свѣчка (права? №№ 1443—1445) и два бронзовыя изображенія бычьей головы (124.—1446, 1447) съ 4 треугольными прорѣзами по бокамъ, насаженные на желѣзные стержни съ отпечатками глянн на ихъ осяхъ, отъ которыхъ на протяженіи двухъ аршинъ два могилы тянулись остатки разложившихся древокъ. У В-ой половины материкового уступа земляки остатки лука и колчанъ, съ рѣзкомъ бронзовою амтежкою (118.—1448), а въ пещь 83 бронзовыя наконечники стрѣлъ треугольной формы (120.—1449, 1450).

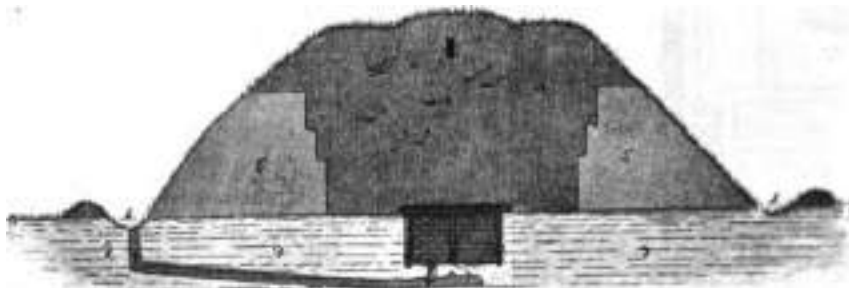
Въ ЮВ-омъ углу могилы помѣщалось желѣзное вооруженіе, въ общей кучѣ,—четыре желѣзные наконечника копій (121.—1451—1454), два желѣзныхъ гонора (122.—1455, 1456), чешуйчатый панцирь изъ желѣзныхъ пластинокъ и до тридцати бронзовыхъ пластинокъ, подобныхъ желѣзнымъ (123.—1457—1460).

Въ В-ой половинѣ могилы открыты грабительскій подзолъ, въ полтора аршина ширины и два аршина высоты, вырытый въ материковомъ грунтѣ въ направленіи съ Н. на В.; при открытій подзоль отъ земли, взошедшій въ него изъ могильной ямы, найдены фрагменты панциря изъ желѣзныхъ пластинокъ, три ребра и плечевая кость, повидимому, женскаго человѣческаго остова, желѣзный гоноръ (119.—1461) и желѣзный плоскій золотообразный предметъ, служившій орудіемъ подзоль (122.—1462).

По всей явственности, въ В-ой половинѣ два могильной ямы, гдѣ никакихъ бытовыхъ предметовъ не было найдено, помѣщался женскій остова, цѣлкомъ унесенный изъ могилы древнимъ грабительскъ гробница, вынесенный изъ нея верхнюю половину мужскаго остова. Случай выноса изъ могилы черезъ грабительскіе подзолы цѣлыхъ человѣческихъ остова, со всѣми украшеніями, на выхъ бывшихъ, были наблюдаемы въ большомъ Рязанскомъ курганѣ, въ Аксютинскомъ курганѣ № II, въ курганѣ подъ г. Ромнами, у деревни Лесовой и др.

Курганъ № II. Высота 16, окружность основанія 160 аршинъ; ровъ и вѣкъ, окружающіе основаніе насыпи, разсѣлены; на вершинѣ площадъ 20 аршинъ въ діаметрѣ, а въ центрѣ площадки колмикъ въ одинъ аршинъ высоты и тридцать аршинъ въ окружности основанія.

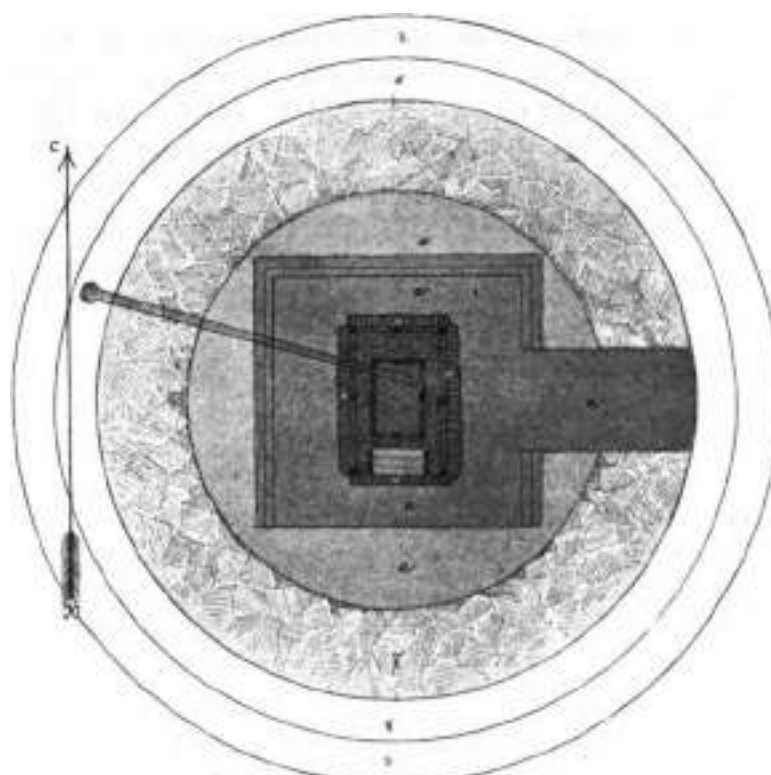
Вершина насыпи срубана послобно на пять аршинъ глубины, а затѣмъ, въ центральной части насыпи былъ выкопанъ колодезь 20 аршинъ въ квадратѣ, углубленный съ тремя уступами до материка, и прорѣзана восточная сторона насыпи траншеей въ 8 аршинъ ширины. На рѣс. подъ №№ 46, 47 и 48 показаны вертикальный и горизонтальный разрѣзы, дво и устройство кургана № II.

Разрѣзы № 46.

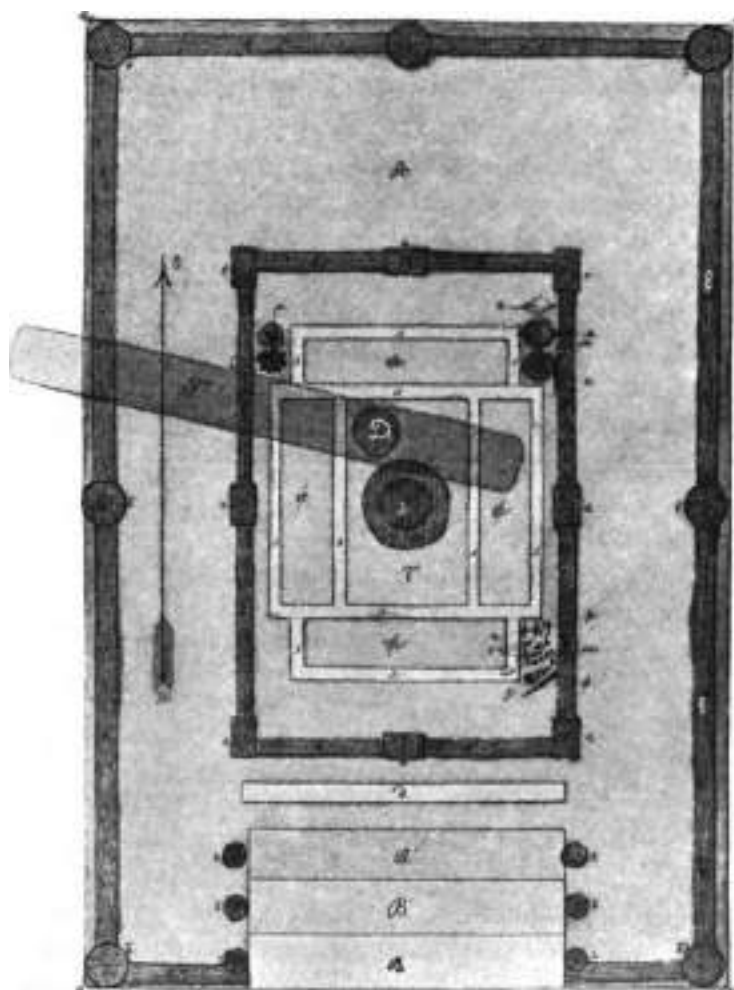
а) выемка изъ насыпи съ 3 уступами; б) нежелезные ямы кургана; в, г) обводный ровъ и вѣкъ вокругъ кургана; д) глиняныя материкъ; е) срубная гробница; ж) грабительскій подзолъ.

Подъ вынесеннымъ колмикомъ вершины кургана, на глубинѣ одного аршина изъ центромъ могилы, встрѣчены остатки дубоваго столба, сохранившаяся часть котораго имѣла двѣ четверти ширины и полтора аршина высоты. Въ насыпи кургана были найдены: три

в) выемка с тремя уступами и прорезом пола на насыпи кургана; б) керамзитовая насыпь кургана; в) обшивочный ролик; г) обшивочный вагон; ж) деревянная гробница со входом в нее; з) грабительский подпол.

Рисунок № 47.

а) угловые столбы внешней ограды гробницы; б) боковые столбы той же ограды; в) брусья стоек внешней и внутренней ограды гробницы; г) столбы крышки входа в гробницу; д) порог между входом и внутренним срубом гробницы; е) угловые и боковые столбы внутреннего сруба гробницы; ж) 4 куска для перекрытия; з) круглая стопа на вентре гробницы; л) пространство, в. родъ дора, между внешней и внутренней срубам; й) пространство между столом и локми покойника; в—н) ступени входа; Г) грабительский подпол; Д) привоква в гробницу из грабительского подвала; е—ф) разные бытовые предметы; к) металлический вкладыш, отсылающий столбец для покойника.

Рисунок № 48.

бронзовых наконечников стрел, окислившей железной обломки, черепки глиняных сосудов и несколько костей разных животных. На подолке кургана обнаружена могильная яма, вырытая в материк, имевшая двенадцать аршин длину в направлении с Ю. на С. и восемь аршин ширины в направлении с В. на З., оточенная по краям остатками толстых дубовых брусьев, лежащих в два ряда, друг на друг, — один ряд в продольном направлении с С. на Ю., а другой в поперечном с В. на З. Могильная яма была завалена обломком крыши гробницы и черепками изнутри кургана.

На дне могильной ямы, лежащей на глубине четырех аршин материкового глинистого грунта, обнаружены остатки деревянной гробницы следующего устройства. Останки могильной ямы обложена срубом из толстых дубовых бревен, помещенных между семью столбами, вкопанными на глубину аршина в круглые ямы по восемь вершков в диаметре. — четыре столба помещались по углам могильной ямы, а три в средине ее С-ой, В-ой и З-ой стѣн. СЪ Ю-ой стороны по дну могильной ямы шли три материковые ступени четырех аршин ширины и одного аршина ширины и высоты, по сторонам которых в деревянных столбиках, вкопанных в ямы 2 четвертой глубины и около четверти в диаметре. Въ уровень съ подошвой нижней ступени входа, отдѣляясь от нея небольшою материковою стѣнкою, имѣющею четыре аршина длины, одну четверть ширины и одну четверть высоты, помещалось дно внутреннего сруба гробницы, имѣвшее шесть аршин длины в направлении с Ю. на С. и четыре аршина ширины в направлении с В. на З. Срубъ состоялъ изъ дубовыхъ брусьевъ, помещенныхъ между восемью дубовыми столбами. — четыре столба были вкопаны в четырехугольные ямы по угламъ 10 верш. длины и 5 верш. ширины, а четыре в такіе же ямы по срединѣ стѣнокъ на глубину 2 четвертей. Въ центрѣ внутреннего сруба гробницы сохранились остатки стола, состоявшаго изъ дубовыхъ досокъ съ обрѣзанными вокругъ концами, на толстомъ дубовомъ столбѣ, вкопанномъ въ яму 2 четверти ширины и 3 четверти глубины. Вокругъ стола, подъ грудами гнилого дерева, открыты четыре углубленія, обаявленные материковыми стѣнками, имѣвшими около трехъ вершковъ ширины и высоты; каждое углубленіе или ложе имѣло два съ половиною аршина длины и одинъ аршинъ ширины.

ВЪ СЗ-омъ углу гробницы найдены шестъ барана (143.—146) и фрагменты большого глинянаго горшка и маленькаго горшочка (1464, 1465); въ СВ-ой, — большая амфора и маленькая терракотовая вазочка, покрытая чернымъ лакомъ, съ двумя ушками (1466); въ В-ой половине гробницы, — фрагменты массивной бронзовой скифской вазы, на одной ножкѣ съ ушками (125.—1467-1468), желѣзное кольцо (126.—1470) и ступокъ такого же кольца (126.—1471); въ ЮВ-омъ углу, — желѣзное кольцо (1472), фрагменты окислившихъ желѣзныхъ удилъ (1473), пара массивныхъ бронзовыхъ псалій (127.—1474, 1475), массивная бронзовая бляха, изображающая тѣлую кисть человеческой руки (1476), переднюю часть лошадиной морды (1477), голову пѣтуха (1478), голову оленя съ отверстиемъ, въ которомъ сохранился кусокъ ремня (1479), шесть массивныхъ круглыхъ бронзовыхъ бляхъ съ ушками, въ которыхъ сохранились фрагменты ремней отъ уздечки (1480, 1481), бронзовая воронка (1482), массивное бронзовое кольцо (1483), два массивныхъ бронзовыхъ колѣсика (1484), остатки деревяннаго колчана, расписаннаго красками, подобнаго найденному въ Старшей могилѣ (111—1485, 1486), сто бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (128.—1487, 1488) и два желѣзныхъ наконечника копій (126.—1489, 1490).

ВЪ СЗ-ой половинѣ могилы открыты грабительскій подкопъ въ два аршина глубины и одинъ аршинъ ширины. Подкопъ былъ веденъ отъ окружности основанія кургана съ СЗ-ой стороны на ЮВ., въ материкъ, но направлеиъ къ гробницѣ; сначала проведенъ былъ по тѣнѣ гробницы почти до восточной ее стѣнки, но когда грабитель возвратился, и прѣдразивъ въ трехъ мѣстахъ потолокъ своей мины, одною изъ нихъ пробить дно могилы, а другою, расширивъ яму, прорѣзать въ гробницу чрезъ пробѣжку (ii).

Полость была очищена от залежавшейся в ней земли на протяжении шести аршин; в ней были найдены фрагменты железного панциря (1491, 1492), подобного панцирю гробницы Старшей могилы, и несколько человеческих костей, а в гробнице костей не было найдено.

Устройство гробницы кургана № II имело форму двора, огороженного срубной оградой, внутри которого помещалась срубная изба, со стеной в среднике и ложами покойников вокруг стола; по углам избы были расположены бытовые предметы: в СВ-омъ углу, — събитые припасы в сосуды, в СЗ-омъ, — принадлежности оброча, в ЮЗ-омъ, — принадлежности вооружения, а в ЮВ-омъ, по всей вероятности, помещались принадлежности одежды с украшениями, частью унесенными грабителями, вместе с погребенными, остатками которых в гробнице не найдено; по сукости гробничного помещения, кости не могли безусловно разлагаться; все бытовые предметы, оставленные в могиле грабителями, лучшей сохранности.

Курганы № III, между Старшей могилы и курганом № II, в лесу; в 8, с. 75 арш.; сохранился обводный ров, поросший кустарником; на земле казака Скрипцова.

Средина вершина на глубину трех аршин и прорыта до материка глухая траншея в 10 арш. ш. в направлении от Ю. на С.; зап., сев. и вост. стороны насыпи поросшие срубными лесомъ, оставлены не раскопанными.

Рисунки №№ 49 и 50 показывают положение и устройство двух гробниц, открытых в кургане № III.

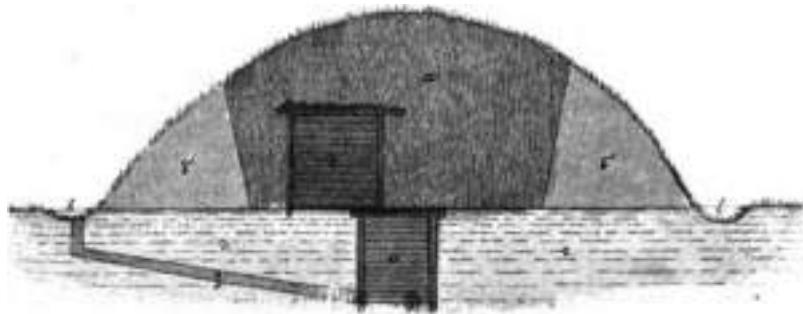

Рисунок № 49.

а) насыпь насыпи; б) нераскопанные части насыпи; в) обводный ров по окружности основания кургана; г) могилка; д) верхняя гробница в насыпи; е) нижняя гробница в материке; ж) грабительские подвалы.

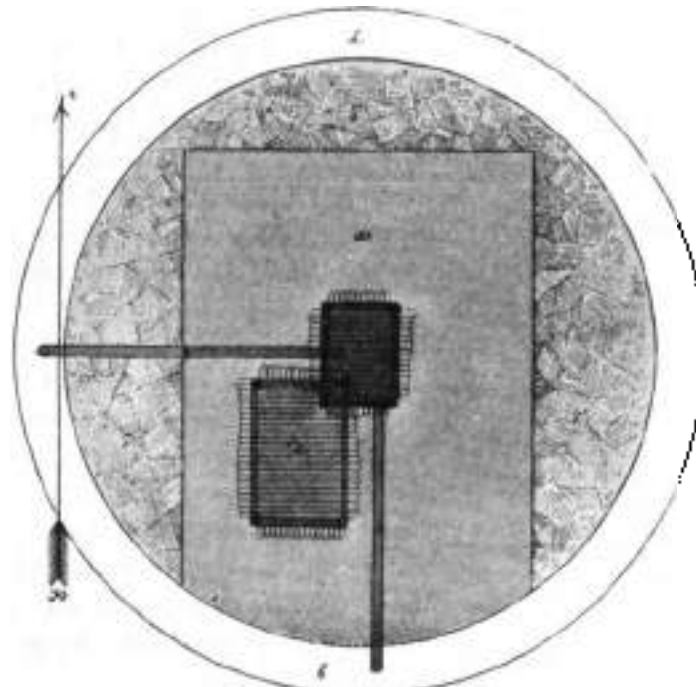

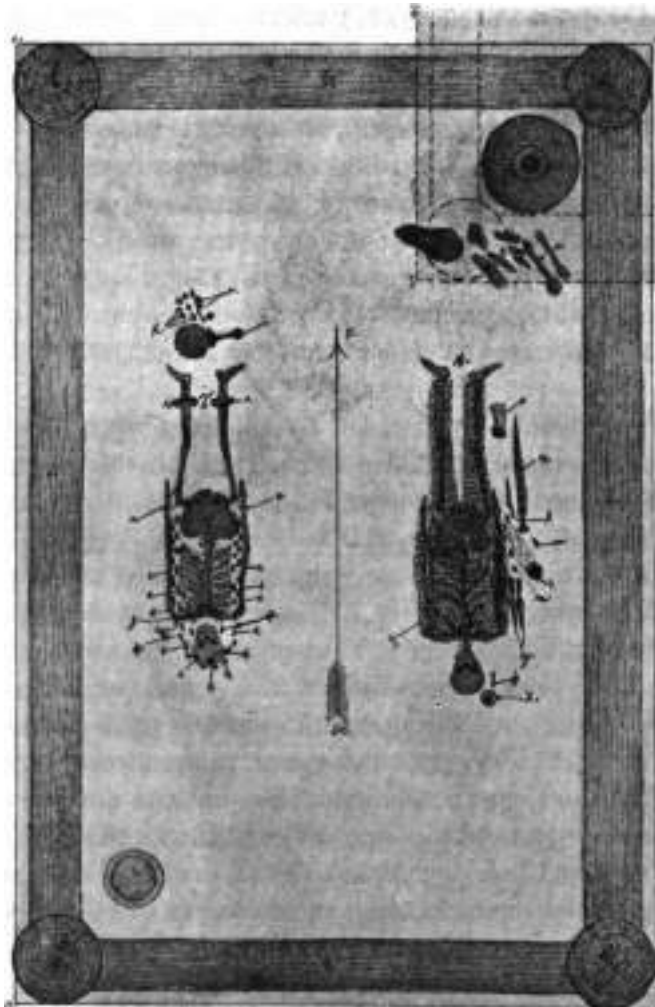
Рисунок № 50.

а) насыпь насыпи; б) нераскопанные части насыпи; в) обводный ров; г) гробница в насыпи; д) гробница в материке; е) траншея из верхней в нижнюю гробницу; ж) грабительские подвалы.

На глубинѣ 3 арш. отъ вершины насыпи въ Ю-ой половинѣ кургана стали попадать-ся фрагменты гнилого дерева, постепенно увеличивавшіеся по мѣрѣ дальнѣйшаго углуб-ленія въ насыпь. Дно траншеи на 7-мъ арш. насыпи, очищенное желѣзными лопатами, ясно обнаружало присутствіе въ курганѣ вставкой деревянной гробницы, сложенной срубомъ между четырьмя угловыми столбами въ размѣрѣ 6 арш. длины и 4 арш. ширины. Тогда углубленіе траншеи было приостановлено, а гробница, очерченная сохранившимися слѣдами сруба, очищена отъ земли, проникшей въ нее за обваломъ разложившейся древеси-ной крыши сруба.

На днѣ гробницы, лежащая на материкѣ, на водонѣ кургана, открыты остатки двухъ человѣческихъ костякожъ, лежащихъ въ направлеши головами на Ю, лицами вверхъ, туловища на спинѣ, руки вытянуты по бокамъ туловища, ноги вытянуты; въ Ю-ой половинѣ два могилы помѣщались мужской остова, а въ Ю-ой—женской.

На рисункѣ № 51 показаны устройство гробницы, положеніе костякожъ и бытовые предметы на днѣ могилы.

Рисунокъ № 51.

з—гз абрусовая иголка; А) мужской остова;
Б) женской остова; д—л) бытовые предметы
при женскомъ остова; н—п) бытовые пред-
меты при мужскомъ остова; ч) половинка
амфора; м, в) амфора и кости лошади.

При мужскомъ остова найдены слѣдующіе предметы: у головы,—маленькій глиняный сосудъ съ ушкомъ (а) формы горшечка (№ 1493) и узорчатая массивная золотая трубочка (ф) 3-хъ верш. длины (136,—1494); на туловищѣ,—чешуйчатые панцырь, набедренники, наголенники и ларучники (п) изъ желѣзныхъ пластинокъ (136,—1495-1500 и коробка № 151), пластины набедренниковъ и наголенниковъ значительно больше пластинокъ панцыря; у пра-ваго бока,—нѣсколько паръ оклепанныхъ желѣзными удилью съ желѣзными псалками (т), кончаю-

цими бронзовыми шариками и бронзовыми бляшками-головами (132.—1501—1507), десять массивных круглых бронзовых блях с рубчатymi краями, подобныe найденным в кургане № II, но большой величины (133.—1508—1510), семь поронкообразных бронзовых оснований от разнородных кистей (1511—1514), два массивных бронзовых колечка с гранеными краями и железное колечко (1515, 1516), желтый меч (п) с фигурной ажурной ручкой (134.—1517, 1518), два (у) желтых наконечника копий (1519—1523); желтый ножик (р) с остатками костяного черенка (1524), остатки деревянного колча, обтиснутого кожей, около ста бронзовых наконечников стрел (с, о) и железный топор (1525; 135.—1526, 1527). При женском остоe найдены: в черепе,—массивная желтая гвоздь (д) около четверти длины, проникший череп в направлении от лба к затылку (133.—1528); у правой щеки,—узкая массивная золотая (г) серьга (1531); вокруг головы и предплечий,—37 золотых бляшек (е) с вычеканенным на них изображением сфинкса (129.—1530); на груди,—тридцать пять золотых бус, круглой формы и 33 золотых бус (ж) формы полумесяца с ушками (120.—1534, 1535), две массивные бронзовые булавки (з), одна около шестнадцати дюймов длины (133.—1532, 1533); на левой руке, у кисти,—тридцать золотых бус, составлявших браслет; на правой руке, у кисти,—браслет (и) из двенадцати золотых бус (1536, 1537); на ногах, у плечей,—два (й) массивных бронзовых кольца (138.—1538—1540); ниже ног,—бронзовое зеркало около девяти дюймов в диаметре, с ручкой в кисти, верхом длины, на верхнем круглом конце которого видно рельефное изображение головы барана, куски белой и красной красок, кусочки ошры (129.—1542—1545) и двадцать две бусы разного состава и разной формы и величины (к, л): три из египетской композиции (1546—1548), шесть из разведвального стекла (1549, 1550), шесть из сердолика (1553), по одной из янтаря (1551), красного (1552) камня, темного камня (1554), граненая из горного хрусталя (1555), из аметиста (1556), из жемчуга (1557) и глянцевая из янтаря (1558).

В ЮЗ-ом углу гробницы,—массивная терракотовая большая анфора (1559), а в СВ-ом—передняя половинка лемальского остоа, желтый нож (135.—1560), желтый наконечник копья—дротика (1561) и терракотовая анфора с двумя ручками, удлинёнными узкими горлышком и острым илистым концом (1562).

Анфора найдена ниже дна гробницы, в провале СВ-го угла, расширение которого привело к открытию второй гробницы (см. рис. №№ 49 и 51), представлявшей собой могильную яму, четырех арш. д. в направлении с Ю. на С. и трех арш. м. в направлении с В. на З., обсаженную деревянными рубями, положенными между четырьмя угловыми столбами, с деревянной крышей, остатки которой найдены на дне могилы, под землей, пролившее в могилу за обвалом потолка гробницы. Дно гробницы погребалось пять центром насыпи кургана, в матерке, на глубине трех арш. Исследование дна и стенок гробницы привело к открытию двух грабительских подкопов, из которых один был из З-ой стенки могильной ямы, а другой в Ю-ой (см. рис. № 50). Из предметов могильной обстановки в этой гробнице были найдены окисшие желтые кольца (136.—1563), гвоздь (1564), наконечник копья (1565), черенки глиняного сосуда, голень барана и два бронзовых наконечника стрел, подобныe найденным в верхней могиле (1566). Человеческих костей в могиле не было,—они были унесены грабителями из могилы вместе с украшениями.

Содержание верхней могилы сохранилось в целости только потому, что древние грабители могилы не знали о существовании в некоторых больших курганах верхних могил. Неграбленные гробницы в южной кургана, совершенно сходная по устройству с вышеописанною верхней могиле кургана № III, были открыты еще в двух больших курганах той же группы, раскопанных С. А. Мазарани. По своему устройству и содержанию верхняя гробница Ахотшеских курганов современна нижним гробницам.

Курганъ № IV, въ расстоянии пяти сажней от кургана № III въ направлении на ЮВ., поросший кустарникомъ; на землѣ князя Сзряпалева; в. 3, с. 50 арш. Раскопанъ колодезь 6 арш. въ квадратѣ, съ профемъ 3-ной доли насыпи вышиною въ четыре арш. ширины.

На глубинѣ двухъ арш. отъ вершинъ,—пощадимый костякъ. Подъ центромъ насыпи,—вырытая въ материкѣ забрусманная могильная яма съ 4 угольными столбами, засыпанная обваломъ кривизны гробницы, въ размѣрѣ четырехъ аршинъ д. и трехъ ш. и гл. На днѣ ямы, въ ЮВ.-мъ углу найдены четыре костяные псалы, украшенные резьбою и выгравированными сверху изображениями головы зайца (134.—1567, 1568), и желѣзные удила, одна половина которыхъ пяти дюймовъ длиннѣе, а другая только трехъ съ половиною (1569). Исследование стѣнокъ могильной ямы привело къ открытію грабительскаго подкова, шедшаго отъ СЗ-го угла насыпи въ направленіи на В. Подковъ былъ найденъ посредствомъ удавленія лѣсной кургана надъ подковою до материка; оказалось, что мина была заложена грабителемъ на днѣ рва, окружающаго курганъ, и была водена постепенно углубляясь, въ материкѣ по направленію къ гробницѣ на расстояние около десяти аршинъ, въ размѣрѣ одного аршина ширины и двухъ аршинъ высоты. Въ подковѣ были найдены человѣческій черепъ, желѣзное копье (138.—1579) и черепки глинянаго сосуда.

Курганъ № V, въ лѣсу, востѣ кургана № IV; в. 2, с. 34 арш. Раскопанъ колодезь 10 арш. въ квадратѣ. Въ материкѣ,—могильная яма трехъ арш. д. въ направленіи съ Ю. на С., полтора арш. ш. и одна арш. глубины; на днѣ ямы,—фрагменты разбросаннаго человѣческаго остова и корнцо сохранившагося желѣзныя топоръ—молотокъ (122,—1528). Въ восточной стѣнкѣ могилы,—подковъ, плотно наволакиваемый асфальтомъ, проникшемъ въ него изъ могилы послѣ обвала могильной заслонки.

Курганъ № VI, въ лѣсу, вблизи кургана № II; в. 2, с. 45 арш. Раскопанъ колодезь 10 арш. въ квадратѣ. Подъ центромъ насыпи, въ материкѣ,—могильная яма 3 арш. д., въ направленіи съ Ю. на С., 2½ арш. ш. и гл. Сверху могильной ямы, по краямъ ея, сохранились едва замѣтно слѣды разломившагося дерова, составляющаго заслонку или кривизну могильной ямы. На днѣ ямы найдены нѣсколько человѣческихъ костей, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, восемь бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (140,—1571-1573), бронзовое кольцо съ загнутой спиралью концами (1574), согнутая бронзовая проволока съ плоскими проделанными концами (1575), два кусочка краски (1576), тридцать глиняныхъ и до четырехъ тысячъ мелкихъ стекляныхъ бусъ разнога цвѣта (1577, 1578) и маленькій глиняный сосудъ (1579).

Курганъ № VII, въ лѣсу, съ СЗ-ой стороны большаго кургана, раскопаннаго С. А. Мазарина, въ которомъ была открыта ограбленная гробница, заключающая въ себѣ массивное бронзовое, лирообразное зеркало, съ рельефнымъ изображеніемъ четвероного животнаго на концѣ ручки, и массивная золотая серьга, потерянная или неважѣщавая грабителями; в. 3, с. 40 арш. Раскопанъ колодезь 10 арш. въ квадратѣ. Въ материкѣ,—могильная яма съ остатками деревянной заслонки 3 арш. д., 2½ арш. ш. и гл. На днѣ ямы найдены маленькій глиняный горшокъ (1580), фрагменты двухъ костяныхъ псаловъ (139.—1581), остатки разломившихся желѣзныхъ удила, кости барана и окисливъ желѣзныя ножки. Человѣческихъ костей въ могилѣ не найдено. Могила была ограблена посредствомъ подкова, обнаруженнаго въ ЮВ.-й стѣнкѣ. Въ подковѣ, на расстоянии аршина отъ стѣнки могилы, найдены желѣзныя наконечники копья около двухъ четвертей длины (138.—1582).

Курганъ № VIII, вблизи кургана № VII, на краю поля; распаханный, мало замѣтный. На материкѣ обнаружена могильная яма въ размѣрѣ 4 арш. д. и 3 арш. ш. и гл.; на днѣ ямы, въ Ю-ой ея половинѣ,—только нижнія конечности человѣческаго остова, лежащаго головою на З.; у восточной стѣнки ямы,—глиняный сосудъ (№ 1583), кости барана и окисливъ желѣзныя ножки; у южной стѣнки могилы,—бронзовое зеркало съ ручкою, обдер-

куток кожаной лентой (141.—1584), согнутая бронзовая проволока съ продрывленными колцами (1585), кусочек сѣры (1586), крупная полосатая бусь изъ стекляно-глиняной композиции (1587), одна глиняная бусь (1588), девять стекляныхъ глазированныхъ (1589) и до четырехъ сотъ мелкихъ стекляныхъ бусь разнаго цвѣта (1590). Въ СЗ-омъ углу могильной ямы открыты зарытый землей грабительскій подкопъ, а въ немъ,—обломки чело-вѣческаго черепа и челоуѣческая плечевая кость.

Курганъ № IX, съ СЗ-ой стороны большого кургана, лежащаго въ направленіи на СВ. отъ Старшей могилы, раскопаннаго С. А. Маурраки и заключающаго въ себѣ разграбленную гробницу, но устроителю, скодаму съ гробницей Старшей могилы: в. 2, с. 30 арш. Раскопанъ колодезь 10 арш. въ диаметръ. На глубинѣ двухъ арш. отъ верхняго пасыни, на ея подошвѣ, открыты остатки обугленнаго сруба съ обугленными челоуѣческими остовомъ въ скорченномъ положеніи, обращенными головою на Ю.

Курганъ № X, третій изъ большихъ кургановъ, лежащихъ на З. отъ Старшей могилы: в. 12, с. 120 арш.; ровъ и валъ, окружающіе курганъ, распаханъ. Раскопанъ колодезь въ размѣрѣ пятнадцати аршинъ въ квадратъ, съ проуѣзомъ 3-ей подл пасыни трапцеею въ 6 арш. ш. Въ пасыни, на пятномъ аршинѣ отъ ея верхняго, встрѣченъ хорошо сохранившійся черепъ клинаго животнаго (собаки? 1591), другихъ костей котораго при черепѣ не было. На подошвѣ кургана, подл центромъ его, обнаружены четыре ямы съ остатками деревянныхъ столбовъ, ограничивавшихъ пространство въ 10 арш. д. въ направленіи съ ЮЗ. на СВ. и 8 арш. ш. въ направленіи съ ЮВ. на СЗ. Между столбами, на уступахъ ямы въ материкѣ, сохранились остатки толстыхъ дубовыхъ брусель съ обугленномъ коромъ. Съ внутренней стороны этого сруба, на глубинѣ одного аршина отъ подошвы кургана, подл гудами сохранившихся остатковъ дубовыхъ брусель, лежащихъ въ провольномъ и поперечномъ направленіи, открыты материковый уступъ 2 арш. ш., окружающій могильную яму восьмью арш. д., 6 арш. ш. и 4 арш. г. Съ СЗ-ой стороны по дву ямы вели два материковыхъ уступа: а на днѣ ямы, подл гудами глиныхъ деревянныхъ брусель, обнаружены остатки четырехъ деревянныхъ столбовъ, вкопанныхъ по угламъ могильной ямы, и остатки сруба, сложеннаго изъ толстыхъ деревянныхъ брусель. По очерткѣ два могилы отъ земли и глиного дерева, составляющаго крышу и сѣян гробницы, были найдены: кварцовый камень двухъ четвертей локтя и одной четверти пиряны, позированный съ верхней стороны, три обломка позированнаго олоудъ изъ черной глины (143.—1592, 1593), глиняная прилища (1594), два куска бѣлой краски (1595), половина браслета изъ бронзовой проволоки (1596), шесть крупныхъ глиняныхъ и до пяти сотъ мелкихъ бусь разнаго цвѣта (1597, 1598), разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ дна могилы. Челоуѣческихъ костей въ могилѣ не было. Дно могилы и ея сѣяки, облицованы желѣзными лопатами, вездѣ имѣли одинаковую плотность и одинаковій цвѣтъ материковой бѣловатожелтой глины, такъ что очиненная могила, на первый взглядъ, не представляла никакихъ признаковъ грабительскаго подлопа. Однако же могила несомнѣнно была ограблена посредствомъ подлопа, такъ какъ насыпь была найдена при раскопѣ совершенно цѣлою. Это убѣжденіе заставило меня прорыть пробныя разрѣзы въ разныхъ мѣстахъ сѣянокъ могилы, казавшихся рабочимъ и всѣмъ присутствовавшимъ при раскопѣ нерушаннымъ материковымъ грунтомъ. Въ одномъ изъ разрѣзовъ, вырытомъ въ ЮВ-ой стѣнкѣ, на третьей четверти отъ гробницы, обнаружены подкопъ, заваленный материковою глиной, проникшемъ въ него за обваломъ потолка гробницы изъ бугра материковой глины, выкутой изъ могильной ямы при первоначальномъ ея устройствѣ, прикрывавшей вагѣмъ деревянную крышу гробницы и облицованной въ могильную яму вагѣтѣ съ ея крышами.

Курганъ № XI, послѣдній изъ большихъ кургановъ въ СЗ-омъ углу могильнаго: в. 14, с. 80 арш.; обводные валъ и ровъ распаханъ. Раскопанъ трапцеей 20 арш. ш., уменьшавшей къ подошвѣ пасыни до 14 арш. Подл центромъ пасыни,—могильная яма, вырытая

въ материкѣ 6 арш. д. въ направленіи съ ЮЗ. на СВ, 4 арш. ш. въ направленіи съ ЮВ. на СХ. и 4 арш. гл., съ остатками деревянной гробницы, сложенной срубомъ между четырьмя столбами, вставленными по угламъ могильной ямы. На днѣ ямы, у ЮЗ-ой стѣны мотылъ, — два бронзовыхъ наконечника стрѣлы и два желѣзныхъ наконечника копья, дублеты найденныхъ въ Старшей могилѣ (перезаны Н. З. Завитвенату для музея Киевской Духовной Академіи). Въ ЮЗ-омъ углу могильной ямы обнаружены грабительскій подкопъ, заваленный землей.

Курганы № XII, рядомъ съ курганомъ № XI, съ В-ой стороны; раскопаный. Раскопанъ колодезь 15 арш. въ диаметръ. Подъ центромъ насыпи, — могильная яма, вырытая въ материкѣ, 3 арш. д., 2 арш. ш. и гл.; по краямъ могильной ямы, — слѣды разложившагося дерева отъ засыпки. На днѣ могильной ямы, — два человѣческихъ скелета: въ В-ой половинѣ могилы, — мужской скелетъ съ хорошо сохранившимся черепомъ (№ 1758), въ половинѣ галолою на Ю., туловище на спинѣ, руки вытянуты по бокамъ туловища, ноги вытянуты; въ В-ой половинѣ могилы, рядомъ съ мужскимъ черепомъ, — фрагменты женскаго черепка (№ 1759), а рядомъ съ нижними конечностями мужскаго скелета, — нижнія конечности женскаго; остальные части женскаго скелета, кости тазу, ребра, лопатки, верхнія конечности, нижняя челюсть найдены сброшенными въ кучу у С-ой стѣнки могилы. При мужскомъ скелетѣ, у ногъ, — желѣзные удила съ желѣзными цесальми (142, — 1599, 1600) и остатки кожаной уадечки, украшенной множествомъ (до ста) бронзовыхъ колецъ и тремя бронзовыми бляшками съ ушками (1601, — 1604), изъ которыхъ одна изображаетъ голову собаки (1605), другая — голову пѣтуха (1606), а третья — голову какого-то фантастическаго животнаго (1607); у правой лопатки, — окислѣннй желѣзный браслетъ (1608); вдоль правой плечевой кости, — желѣзный наконечникъ копья (1609); въ СЗ-омъ углу могильной ямы, — кости барана, желѣзный ножець, два круглыхъ желѣзныхъ бляки двухъ дюймовъ въ поперечникѣ съ гвоздеобразными стержнями по серединѣ (1610, 1611), пять бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлы (1612, 1613) и два глиняныхъ сосуда (№№ 1616, 1617). Въ В-ой стѣнкѣ могильной ямы замѣчена дыра, въ ролѣ лѣвеей поры, означавшаяся при дальнѣйшемъ исследованіи грабительскимъ подкопомъ, плотно заваленнымъ частью обвалами стѣнокъ подкопа, частью землей, проникшею въ подкопъ изъ могильной ямы послѣ обвала ея засыпки. Въ началѣ подкопа найденъ окислѣе массивное желѣзное кольцо (142, — 1618) и желѣзный гвоздеобразный предметъ (1614).

Курганъ № XIII, рядомъ съ курганомъ № XII; раскопаный. Раскопанъ колодезь 12 арш. въ диаметръ. Подъ центромъ насыпи, — яма въ материкѣ, подобная могильной ямѣ предыдущаго кургана, съ остатками по краямъ ея деревяннкой засыпки. На днѣ могильной ямы, — разбросанный человѣческій скелетъ, а въ СЗ-омъ углу, — фрагменты двухъ глиняныхъ горшечковъ, кости барана, 36 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлы (143, — 1618—1620), браслетъ и кольцо изъ бронзовой проволоки (1621, 1622), свернутая спиралью бронзовая проволока (1623, 1624), два бронзовыхъ бляшки (1625), четыре глухихъ бронзовыхъ кольца съ шипообразными боковыми украшениями (1626—1628) и окислѣе желѣзные обломки. Въ В-ой стѣнкѣ, — грабительскій подкопъ, плотно закрытый обвалами.

Курганъ № XIV, въ центральной части могильника, между Старшей могилкой и курганомъ № XI; в. 10, о. до 100 арш., по окружности основанія ровъ около 6 арш. ш. и 2 арш. гл. Слѣда вершина на глубину 4 арш., углы и кромки профирана траншеей въ 12 арш. ш. въ направленіи съ юга на сѣверъ, уменьшенной по дну насыпи посредствомъ двухъ уступовъ до 6 арш. ш. На подошвѣ насыпи, подъ ея центромъ, обнаружена четырехугольная яма 4 арш. д. въ направленіи съ Ю. на С. и 3 арш. ш. в гл. На материкѣ, по краямъ ямы, сохранились остатки сгнившихъ дубовыхъ брусьевъ, кусочки угля, черепки глиняныхъ сосудовъ, голова лошади, обломокъ челюсти барана и мелкія кости разныхъ животныхъ. По угламъ могильной ямы и по стѣнкамъ ея, — остатки деревяннаго сруба съ четырьмя стол-

бани, выкопанными по угламъ. На днѣ,—слѣды обрушившагося потолка гробницы, глиняные черепки отъ сосудовъ, фрагменты которыхъ были найдены выше по краямъ могильной ямы, кусочки угля, дощечки барана, мелкие кости животныхъ, очевидно, остатки трианы, совершенной на крышѣ гробницы и вмѣстѣ съ крышей обвалившіеся на ея дно. По очисткѣ дна отъ обвала, найдены разбросанными фрагменты человеческого черепа, бедро и голень барана, раздавленный глиняный сосудъ (№ 1629), желѣзный наконечникъ копья, одиннадцать бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ разной формы (144.—1436—1632) и бронзовый столбикъ съ четырьмя дырочками по бокамъ (1633). Въ ЮЗ-мъ углу обнаружена грабительская яма, совершенно сохранившаяся на протяжении пяти аршинъ, гдѣ уже начинался обвалъ, имѣвшая два аршина высоты и ширину четверть ширины, проведенная въ материкѣ отъ основанія рва по дну гробницы.

Курганъ № XV, рядомъ съ курганомъ № XIV; в. 7, с. 7 1/2 арш.; ровъ по окружности основанія 6 арш. ш. и 1 1/2 арш. в. Раскопанъ траншеей въ 1 1/2 арш. ш. На подошвѣ насыпи,—яма съ остатками деревянной гробницы и слѣдами погребальной трианы, по устройству, совершенно сходная съ могильною предыдущаго кургана. Въ ЮЗ-й сторонѣ,—грабительская лавейка; а на днѣ, подъ остатками обрушившагося потолка гробницы найдены въ безпорядкѣ: человеческія кости, глиняный сосудъ формы малороссійской миски (№ 1634), семнадцать бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ разной формы (1635—1637), массивное бронзовое украшеніе съ верхнимъ концевъ, имѣющимъ форму орлиного клюва (№ 1638), обломокъ бронзовой проволоки (1639), обломокъ оклепаннаго желѣзнаго ножа (1641) и желѣзный гвоздь (1646).

Курганъ № XVI, въ той же части могильника. По внѣшней формѣ, величинѣ и внутреннему устройству могилы совершенно сходная съ предыдущимъ курганомъ. Раскопанъ траншеей въ 1 1/2 арш. ш. На днѣ могильной ямы,—разбросанные въ безпорядкѣ фрагменты двухъ человеческихъ костяковъ; въ СВ-омъ углу,—большой глиняный сосудъ, являющій челюсть свиньи, кости барана и желѣзный ножъ (1642); въ ЮВ-омъ углу,—желѣзные удила съ такими же поводьями и четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ (1643); у З-ей стѣнки могилы,—семнадцать бусъ разной величины и состава (1644), пригвозъ изъ морской раковины (1645) и два колечка изъ бронзовой проволоки, безъ свайки концевъ (1646); у ЮЗ-го угла,—грабительскій подкопъ, засыпанный обваломъ, при очисткѣ котораго найдены обломки бронзовой проволоки (1647).

Курганъ № XVII, въ той же центральной части могильника; в. 2 1/2, с. 30 арш. Раскопанъ колодезь-16 арш. въ діаметрѣ. На днѣ насыпи,—яма 3 арш. д. и 2 арш. ш. и гл., по краямъ которой,—слѣды сгнившаго дерева и нѣсколько глиняныхъ черепковъ; а на днѣ ямы, въ СВ-мъ углу,—глиняный сосудъ (1648), у В-ой стѣнки,—остатки деревяннаго колчана съ пятнадцатью бронзовыми наконечниками стрѣлъ и однимъ изъ желѣза (144.—1149—1154), совершенно сходнымъ съ трехгранными бронзовыми наконечниками, въ ЮЗ-мъ углу, подлѣ грабительскаго подкопа,—желѣзный наконечникъ копья (145.—1655).

Курганъ № XVIII, въ СВ-ой части могильника; в. 4, с. до 50 арш. Раскопанъ колодезь 12 арш. въ діаметрѣ. На днѣ могильной ямы,—нижняя половина человеческого черепа въ направлеши съ рта на сѣверъ и бронзовая воронка (144, 1636); въ С-ой стѣнкѣ ямы,—грабительскій подкопъ.

Курганъ № XIX, рядомъ съ предыдущимъ и сходный съ нимъ по величинѣ и внутреннему устройству; раскопанъ такимъ же колодеземъ. Въ могильной ямѣ не было найдено никакихъ предметовъ; а въ подкопѣ, въ самомъ началѣ его, съ наружной стороны, найдены фрагменты двухъ желѣзныхъ наконечниковъ копій, три обломка отъ двухъ бронзовыхъ булавокъ, фрагменты бронзоваго проволочатаго браслета (№ 1658) и бронзовое ценообразное украшеніе съ закрученными концами (1659).

Курганъ № XX, въ той же части могильника; в. одинъ, с. 2 1/2 арш. Въ могильной ямѣ 2 1/2 арш. д. пяти четверт. ш. и 2 арш. гл., со слѣдами деревянной заслонки; найдены слѣды

разбросанного человеческого остова, раздавленной глиняной сосуды, две глиняные пряслицы (1860), бронзовая бляшка съ ушкомъ формы двойной изогнутой (1861) и бронзовая воронка (1862).

Въ остальныхъ 12-ти курганахъ, раскопанныхъ мною въ могильникѣ урочища Стайки, были открыты могильная яма со слѣдами деревянной засыленки, ограбленная посредствомъ подкоповъ снизу или раскопана насипи, въ которыхъ были находимы только фрагменты человеческихъ костей, глиняныхъ сосудовъ, кости животныхъ, окисленныя желѣзные ножки, бусы разного состава и бронзовые наконечники стрѣлъ (перед. въ Киев. Музей).

Курганы урочища Солодкое, у села Аксютинцы.

Въ трехъ верстахъ отъ урочища Стайки на Верхъ въ направленіи на З., въ урочищѣ, известномъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Солодкое, сохранились остатки группы кургановъ различной величины, подобной по количеству насипей Стайкиной группы. Часть могильника давно распадала и курганы этой части сохранились только въ памяти Аксютинскихъ старожиловъ; часть могильника стали распахивать въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XIX в., и алѣсь еще хорошо замѣтны слѣды болѣе двадцати кургановъ; до ста насипей въ 1876 году еще сохранялись въ цѣлости, вокругъ господствовавшего въ этой группѣ кургана, известнаго у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Балабинной Могилы. Раскопки въ этой группѣ кургановъ, помѣщенныя также на высокомъ берегу р. Сулы, были произведены мною въ 1876 году.

Курганъ № I, — Балабинна могила; называется такъ потому, что насипь помѣщена на участкѣ земли, принадлежавшемъ казаку Балабину; в. около 18, с. 125 арш.; ровъ и валъ разрушены. Насипь срезана сверху на половину высоты, а затѣмъ прорыта колодезь до грунта. Подъ центромъ насипи, на ее подошвѣ, обнаружена могильная яма 5 арш. д. въ направленіи съ ЮЗ. на СВ. и 4 арш. ш. и гл., по краямъ которой на уступѣ материка сохранились куски гнилыхъ брусковъ, положенныхъ въ два ряда, другъ на другѣ, одинъ въ продольномъ направленіи, а другой въ поперечномъ. Въ могильной ямѣ, засыпанной обваломъ потолка и черной землей, составлявшей насипь кургана, выше для могилы найдено нѣсколько глиняныхъ черепковъ, ушей и костей домашнихъ животныхъ, по всей вѣроятности, отъ погребальной трапезы, совершонной на крышѣ гробницы. На днѣ ямы, вырытой въ материковомъ глиняномъ грунтѣ, какъ въ большихъ курганахъ Стайкиной группы, открытъ деревянный срубъ, помѣщенный между толстыми дубовыми столбами, вкопанными по угламъ ямы. У южной стѣнки могильной ямы обнаружены два владныхъ материковыхъ уступа, каждый двухъ четвертой ширины и одного аршина глубины. Въ могильной ямѣ, — остатки очень разложившихся человеческихъ костей, разбросанныхъ въ совершенномъ безпорядкѣ по всему дну могильной ямы. Въ Ю-омъ углу могильной ямы, — фрагменты окисленныя желѣзныхъ удила съ такими же послѣдами (146, — 1663, 1664), четыре рога вые неалин (1665—1668), предыравленные съ боловъ косяной столбикъ (1669) и предыравленные зубы волка и кабана (1670—1673); въ 3-ей половинѣ могилы, — шесть бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (1674, 1675) и желѣзный наконечникъ копья (1676); въ С-омъ углу, — фрагменты большого глинянаго сосуда и кости барана, а въ вост. кривой желѣзная ножъ. Могила была ограблена въ древности боковымъ подкопомъ со стороны входа.

Курганъ № II, возлѣ Балабинной могилы; ровъ и валъ разрушены; в. н. о. 80 арш. Раскопанъ трапезей въ 15 арш. ш. Подъ центромъ насипи, — вырытая въ материкѣ могильная яма, 4 арш. д. въ направленіи съ Ю. на С., 3 арш. ш. и гл., съ признаками деревянной обрешетки, подобной срубамъ гробницы, открытому въ Балабинной могилѣ. Въ СВ-омъ углу могилы, — раздавленная обваломъ потолка гробница глиняной сосуды; у В-ой стѣнки, — кости

барана, свинок и железный ножъ (147, —1678); въ ЮЗ-омъ углу.—железные удила съ железными поводьями (1679, 1680), обломки роговыхъ псалій, одна изъ которыхъ украшена розанъ рѣзнымъ изображеніемъ головы барана и закреплена на его шею (1681—1684), две костяныя бляшки (1685, 1686) и нѣсколько продырявленныхъ косточекъ отъ пальцевъ жидьды (1687—1689); у З-ой стѣнки могилы,—пять бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (1690—1692) и железный наконечникъ копья (1693); въ центральной части два ножила,—шестнадцать каменныхъ, янтарныхъ, глиняныхъ и стеклянныхъ бусъ разной формы и величины (1694—1697), два глиняныя пряслицы (1698, 1699), продырявленная костяная столбикъ (1700), трехлопастный бронзовый браслетъ (1701) и обломокъ тонкой бронзовой проволоки (1702). Могила ограблена въ древности посредствомъ материковаго подюпа съ З-ой стороны.

Курганы №№ III—XXVII. Въ меньшихъ курганахъ той же группы были открыты могильныя ямы, вырытыя въ материкѣ, закрытыя сверху деревянными заслонками, обрушившимися на дно могилы, ограбленныя въ древности посредствомъ материковыхъ или боковыхъ подкоповъ въ насыпи, подобныя подкопамъ гробницы Ставкиной группы кургановъ. Въ трехъ могилахъ не было найдено ни человеческихъ костей, ни какихъ бы то ни было бытовыхъ предметовъ, за исключеніемъ глиняныхъ черепковъ. Въ двадцати двухъ могилахъ были найдены: остатки разбросанныхъ человеческихъ костей, половина каменной тарелки (№ 1757), два железныхъ наконечника копій, нѣсколько десятковъ бусъ различнаго состава, шесть окисныхъ железныхъ ножиловъ, шестнадцать бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (переданы въ музей Киевскаго Университета).

Курганы урочища Полова Лука, у села Велика Будня.

Въ разстояніи одной версты отъ Ставкиной группы кургановъ въ направленіи на востокъ, на возвышенномъ правомъ берегу р. Хмільевки, надъ урочищемъ Полова Лука, сохранились остатки курганнаго могильника, въ количествѣ болѣе двадцати насыпей, расположенныхъ въ рядѣ, гдѣ нѣмѣдленно и наиболѣе христианское кладбище. Прилежащее къ рядѣ поле несомнѣнно востратило прежде часть того-же курганнаго могильника,—и теперь еще замѣтны на немъ четыре разрозненныхъ кургана. Въ этой группѣ расположено было мною три кургана, заключающихъ въ себѣ ограбленныя въ древности могильныя ямы, вырытыя въ материкѣ, по устройству и содержанію, совершенно сходныя съ могилами Аксютинскихъ кургановъ. Одна изъ нихъ заключала въ себѣ гробницу, сложившую срубкомъ между четырьмя угловыми столбами, закрытую сверху рядомъ брусьевъ, съ разбросанными человеческими костями, костями барана, двумя бронзовыми наконечниками стрѣлъ и железными наконечниками копья, ножомъ и удилами (переданы И. А. Живниченко). Две могильныя ямы были закрыты только верхнею заслонкою и включали въ себѣ фрагменты человеческихъ костей, кости барана и глиняные черепки.

Курганы урочища Провалье, у села Велика Будня.

На возвышенности, лежащей на правомъ берегу р. Сулы, при впаденіи въ нее р. Хмільевки, въ 1880 году сохранилось тридцать два небольшихъ кургана, расположенныхъ однакъ однакъ другого. Раскопанъ три насыпи, а надъ ними открыты ограбленныя въ древности могильныя ямы, по устройству и содержанію сходныя съ могилами Аксютинскихъ кургановъ. Господствовавшій въ группѣ курганъ имѣлъ 5 арш. в. и 50 арш. въ окружности основанія. Гробница, сложившая срубкомъ между четырьмя столбами, вкопанными по угламъ могильной ямы, имѣвшая 4 арш. д. въ направленіи съ юга на сѣверъ, и 3 арш. в. и гл. была ограблена посредствомъ грабительской ямы, проведенной въ материкѣ съ

3-ей стороны къ ЮЗ-му углу гробницы. По краямъ могильной ямы найдены остатки гнилого дерева отъ склепа и маленький глиняный сосудъ (1704), а на днѣ гробницы, подъ обваломъ кренин, — остатки человеческого остова; въ ЮВ-омъ углу, — желѣзные удила, пара костяныхъ псалій, доска дубовая каждая, орнаментированная рѣзбою и кончавшаяся сверху изображеніемъ рыбныхъ головъ (1704—1706), роговая пластинка пяти дюймовъ длины, орнаментированная рѣзбою (1707), и бронзовый наконечникъ стрѣлы (1708). Въ двухъ курганахъ, имѣвшихъ по 2 арш. в. и до 35 арш. въ окружности, открыты могильные ямы со слѣдами деревянной заслепки по краямъ, заключающей въ себя только фрагменты разбросанныхъ человеческихъ костяковъ.

На возвышенности, примыкающей къ урочищу Провалье и селенію Великимъ Будямъ, тянущейся отсюда по направленію на В. къ с. Волховцы, сохранились остатки большой группы кургановъ, подобной Станьковской группѣ по количеству и величинѣ насыпей. Въ этой группѣ было раскопано нѣсколько кургановъ С. А. Мазаракъ; по устройству могилъ и ихъ содержанію Волховская группа оказалась сходною съ курганами Абсентискихъ группъ.

Курганы у села Герасимовки.

На лѣвомъ, знаменномъ берегу р. Сулы, при выпадѣ изъ селенія Герасимовки въ селеніе Абсентисцы, на выгонѣ, состоящемъ прежде изъ кашнекъ, сохранилось десять кургановъ, расположенныхъ другъ возлѣ друга, и слѣды многихъ насыпей, давно распаханныхъ, занимающихъ мѣстности, лежащую съ правой стороны дороги, ведущей изъ Герасимовки въ Засульа, на протяженіи около версты, начиная отъ Герасимовской церкви. Здѣсь раскопано много два кургана.

Курганъ № 1, господствовавшій въ группѣ; в. 6, о. 140 арш. Насыпь срѣзана сверху на глубину 2 арш., а затѣмъ прорыта колодеземъ въ 25 арш. въ діаметрѣ. Въ верхнихъ частяхъ насыпи были встрѣчены шесть могилъ христіанскаго погребенія, съ остатками гробовъ и очень разложившимися человеческими костяками; мѣстные жители не помнятъ времени погребенія покойниковъ въ насыпи этого кургана. Подъ центромъ насыпи обнаружена могильная яма, закрытая въ глинисто-песчаномъ материкѣ, 6 арш. д. въ направленіи съ Ю. на С. и 4 арш. ш. и гл. На материкѣ, у В-го края могильной ямы, въ разстояніи аршина отъ него, найдены очень разложившіяся человеческій остова, обращенный головою на западъ, на лѣвомъ боку, руки подогнуты къ груди, а ноги къ животу (искорченное—утробное положеніе). По краямъ могильной ямы сохранились остатки деревянной крышки, провалившейся на дно гробницы, и слѣды погребальной гривы: глиняные черенки, уголь, кости. На днѣ могильной ямы и по стѣнкамъ ея, — остатки деревянной гробницы, сложенной срубомъ между семью столбами, вкопанными по угламъ и по среднѣмъ стѣнкамъ могильной ямы. Въ 3-ей стѣнкѣ ямы обнаруженъ плотно закрытый обваломъ черной земли грабительскій подконъ, проведенный въ материкѣ отъ основанія рва, окружавшаго насыпь кургана. На днѣ гробницы, — очень разложившіяся человеческія кости, разбросанныя въ безпорядкѣ, фрагменты браслетовъ изъ бронзовой проволоки (148.—1737), обломки золотой бляшки (149.—1738); въ В-ой половинѣ могилы, — глиняный сосудъ формы стакана (№ 1709); у ЮВ-го угла, — глиняный горшечекъ съ фигурнымъ ушкомъ (№ 1710), кости барана и свиньи, желѣзные поясокъ и наконечникъ копья (148.—1711, 1712); у южной стѣнки могилы, — желѣзные удила съ желѣзными и костяными псаліями (1713—1716), четыре бронзовые узорчатые бляхи (149.—1717, 1718), серебряныя узорчатыя бляхи, каждая съ восьмью дырочками вокругъ центра (1719, 1720), бронзовая бляха съ изображеніемъ наверху двухъ орлиныхъ головокъ, обращенныхъ въ противоположныя стороны (1721); въ СВ-мъ углу, — массивное бронзовое зеркало, около четырехъ съ половиною вершковъ въ діаметрѣ, съ центральною

ручкой, кончающейся массивною бронзовою бляхой съ изображеніемъ лежащей лошади, подобными изображеніямъ лошади на бронзовыхъ бляхахъ, найденныхъ въ Старшей могилѣ (1722), три серебряныя и одна бронзовая гвадубравныя пилышки (1723, 1724), кусокъ сѣры и кусокъ крашки (1725, 1726), тарелка изъ неочагана, наполненная крупными и мелкими, глиняными и стеклянными бусами разной формы и разнаго цвѣта (1727; 150, — 1728—1736): до шестидесяти крупныхъ бусъ, болѣе восьми тысячъ мелкихъ и десять изъ тонкой бронзовой проволоки, свернутой спирально въ трубочку.

Курганы № XII; в. 2, с. 45 арш.; раскопанъ колодезь 12 арш. въ діаметрѣ. Подъ центромъ насыпи, — ограбленная могильная яма 3 арш. гл. у 3-ей стѣнки. — Бронзовое зеркало семи съ половиною дюймовъ въ діаметрѣ съ вытиснутыми на немъ изображеніемъ охотки. — Человѣческой головы на антропоморфномъ туловищѣ (141. — 1739), бронзовое кольцо съ четырьмя шипами по бокамъ (1740), дѣя крупныя бусы (1741), кусокъ сѣры (1742), три глиняныя пряслины, изъ которыхъ двѣ ornamentированы впадинами узоромъ, а третья покрыта чернымъ лакомъ (1743—1745), желѣзныя гвады (1746); у 5-ой стѣнки, — два глиняныя сосуда съ боковыми ручками (1747, 1748). Человѣческихъ костей въ могилѣ не найдено.

Курганы въ городѣ Ромнѣхъ.

Въ самомъ городѣ Ромнѣхъ, на возвышенномъ берегу р. Сулы, у кладбищенской церкви, съ правой стороны дороги, ведущей изъ города въ владѣнныя Дзусулы, сохранилось въ 1874 году семь кургановъ, имѣвшихъ отъ 1 до 3 арш. в. и отъ 25 до 35 арш. въ окружности основанія. Изъ нихъ раскопаны мною широкими колодезями три насыпи; а подлѣ нихъ встрѣчены ограбленные могильныя ямы, вырытыя въ материкъ до 3 арш. д., 2 арш. в. и гл. Въ одной могилѣ, при разбросанномъ человѣческомъ тѣлѣ, найдены два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, обломки колесца изъ бронзовой проволоки, желѣзныя удила и желѣзныя пожитки (148, — 1749—1753); въ другой могилѣ найдены только глиняныя сосуды, раздавленные землею; а въ третьей никакихъ предметовъ не было найдено, за исключеніемъ голени барана и двухъ человѣческихъ зубовъ. Курганы были ограблены въ древности посредствомъ боковыхъ выемокъ въ насыпи, засыпанныхъ по разграбленіи могилъ.

Курганы деревни Лозовой, — имѣнія Н. А. Марковича.

Въ имѣніи Лозовой Н. А. Марковича, съ лѣвой стороны дороги, ведущей изъ с. Ромнѣхъ въ имѣніе Поповку С. А. Маарака, въ заросляхъ, представляющихъ собой остатки педанго срубленнаго лѣса, на возвышенности правого берега р. Сулы, въ 1876 сохранилось до 20 небольшихъ кургановъ, подобныхъ курганамъ города Ромнѣхъ, лежащихъ другъ подле друга; здѣсь же, на прилежащемъ къ лѣсу полѣ, замѣтны были слѣды раскопанныхъ кургановъ; во всей вѣроятности, эта группа составляла въ древности часть большого расплавленнаго курганнаго могильника, занимавшаго возвышенность правого берега р. Сулы, заключенную между Лозовой, Поповкою и Коржками. На поляхъ окрестностей Поповки отъ этого могильника сохранились только курганы большой величины, господствовавшіе въ грунтѣ и представлявшіе собой въ 1876 году возвышенія на расплавленныхъ поляхъ, имѣвшія при незначительной, часто едва замѣтной высотѣ, очень широкія основанія. После того всѣ курганы окрестностей Поповки были раскопаны частію В. Б. Алтоновичемъ, а частью образцомъ С. А. Маарака, такъ что въ 1889 году я уже не нашелъ въ этой мѣстности никакихъ кургановъ. По устройству и содержанію могилъ, курганы окрестностей Поповки сходны съ курганами Александровскаго типа. Въ току же году отвѣсится курганы имѣнія Лозовой, изъ которыхъ раскопаны мною три, — два въ лѣсу и одинъ на пашнѣ.

Подъ развалившимся курганомъ обнаружена могильная яма, вырытая въ материкѣ, 4 арш. д. въ направленіи съ Ю. на С., 3 арш. ш. въ направленіи съ В. на З. и 2½ арш. гл. По краямъ могильной ямы и на днѣ ея открыты слѣды деревяннаго сруба; въ СВ-омъ углу могилы,—безпорядочно оброшенные кости человѣческаго остова, безъ черепа, обломки желѣзныхъ ножей, копій и колець, два бронзовыхъ наконечника стрѣль (148,—1754), нѣсколько бусъ (1755), кости барана и черепъ свиньи (1756); у Ю-ой стѣнки могилы,—человѣчeskій черепъ, а воалѣ него.—Панцирь изъ костяныхъ пластинокъ (161,—1760), совершенно подобный костяному панцирю, найденному г. Мазаарки въ одномъ изъ кургановъ окрестностей Поповки; въ ЮЗ-омъ углу,—грабительскій подкопъ, плотно засыпанный обломомъ могильнаго кирпича.

Курганы, раскопанные въ лѣсу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ предыдущаго, имѣвшіе около 2 арш. н. и 3½ арш. въ окружности основанія, прикрывали собою ограбленные могильныя ямы, со слѣдами деревянной заклепки, въ размѣрѣ 2½ и 3 арш. д. и 3 арш. ш. и гл. Въ одной изъ нихъ найдены остатки разбросаннаго человѣческаго остова, шутокъ желѣзнаго кольца (145,—1761), желѣзныя ножи, бронзовыя наконечники стрѣлъ (1762) и фрагменты глинянаго сосуда. Въ другой могилѣ были найдены только желѣзныя ножи и кости барана. Боковые грабительскіе подкопы у основанія кургановъ были плотно забиты черною землею, а потому почти не отличались отъ черноземной насыпи кургановъ; въ началѣ подкоповъ, у окружности основанія кургановъ, раскопанныхъ въ лѣсу, были замѣчены небольшія кучки земли, исследование которыхъ показало, что это была земля, выброшенная древними грабителями изъ могилъ изъ подкоповъ; такая земляныя кучки или „присыпки“ въ началѣ грабительскихъ подкоповъ были замѣчены многъ и во многихъ курганахъ другихъ мѣстностей; иногда въ нихъ встрѣчаются кости, черепки, обломки желѣзныхъ и бронзовыхъ вещей и др. бытовые предметы, брошенные грабителями по разборѣ при дневномъ свѣтѣ содержанія могилъ.

Курганы урочища Камашня вблизи села Ярмалицы.

У дороги, ведущей изъ селенія Боржей въ селеніе Ярмалицы, на землѣ послѣднато, въ урочищѣ Камашня, частью въ лѣсу, частью на полѣ, недавно освобожденномъ отъ лѣса, сохранился курганный могильникъ въ количествѣ до ста насыпей, лежащихъ одна воалѣ другой, имѣющихъ отъ 1-го до 4-хъ арш. а. и отъ 23 до 65 арш. въ окружности основанія. Такая же группа кургановъ сохранилась въ разстояніи полуверсты отъ урочища Камашня по направленію къ р. Оулѣ, а еще ближе къ ней, въ урочищахъ Кривичное и Катъкинъ Логъ, сохранилось множество кургановъ небольшой величины, лежащихъ одинъ воалѣ другого, поросшихъ густымъ лѣсомъ и разбитыхъ оврагами на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ десятки и сотни насыпей.

Въ урочищѣ Камашня раскопаны мною пять кургановъ, имѣвшихъ отъ 1-го до 4-хъ арш. в.; въ нихъ открыты ограбленные могильныя ямы, съ засыпанными обвалами грабительскими подкопами, по устройству, сходнымъ съ могилами Лозовскихъ кургановъ; въ могилахъ были найдены остатки разбросанныхъ человѣческихъ костей, кости барана и свиньи, фрагменты глиняныхъ сосудовъ (1763, 1764), два глиняныя пряслицы (140,—1765), желѣзные удила, ножики и наконечникъ копья (145,—1760), массивная круглая бронзовая бляха съ ушкомъ (140,—1767) и пять бронзовыхъ наконечниковъ стрѣль (1768, 1769). Курганы ограблены въ древности посредствомъ боковой выемки насыпи.

Курганы урочища Крутикъ у села Сурмачевки.

Воалѣ селенія Сурмачевки, въ трехъ верстахъ отъ заштатнаго города Глинска, сохранились двѣ группы кургановъ, раздѣленные широкимъ оврагомъ, известнымъ у мѣстныхъ

житой под именем Кругляк. Группа, лежащая с левой стороны сглаженного оврага, прежде была распахиваемая под полевую, а в настоящее время состоит под сенокосом; а группа, лежащая с правой стороны оврага, волею христианского кладбища настоящего времени, недавно освобождена от покрывавшего ее леса и ныне распахивается под полевую. В той и другой группе насчитывается около ста пятидесяти насыпей, от едва заметных возвышений на поле и сенокосе до насыпей, вышиной 8—10 арш. высоты, с окружностью оснований до 120 арш. Здесь раскопаны мною шесть кургановъ, а въ нихъ открыты могилы, по устройству и содержанию, сходныя съ могилами кургановъ Аксютинскаго типа. Образцомъ можетъ служить курганъ, вышиной 4 арш. и в 60 арш. въ окружности основания; подъ центромъ насыпи,—могильная яма 4 арш. д. въ направлении съ Ю. на С., 3 арш. ш. и гл.; по краямъ ямы,—слѣды заселенія или толстыхъ брусковъ, обвязанныхъ на дно могилы; на днѣ ямы,—остатки деревянной гробницы, сложенной срубомъ между четырьмя столбами, вкопанными въ землю; въ СВ-омъ углу гробницы,—глиняный сосудъ формы малороссійской маски съ костями барана и какой то птицы (№ 1770), глиняный горшочекъ (1771), глиняный сосудъ формы стакана съ отвернутыми краями (№ 1772); въ центральной части гробницы,—всколочено человеческихъ костей и три бронзовыхъ наконечника стрѣлъ (140,—1773); у Ю-ой стѣнки,—остатки окислившихъ желѣзныхъ удиль; въ ЮЗ-омъ углу,—желѣзный наконечникъ копья (145,—1774) и французской каменъ (№ 1775); у З-ой стѣнки,—человѣческой остова, безъ головы, на спинѣ, коленности вытянута въ направлении съ Ю. на С.; на груди его,—крупная стеклянная буса (140,—1776); на правой рукѣ волею кости.—бронзовый (1777) и желѣзный (1778) браслеты; у левой кисти,—пять крупныхъ майолязовыхъ глазурованныхъ бусъ (1779, 1780); въ СВ-мъ углу,—маленькіе круочки сѣры и бѣлой краски (1781). По бокамъ гробницы, съ З-ой, Ю-ой и В-ой сторонъ были обнаружены материковый уступъ въ днѣ четверти пирамиды и одна аршина высоты. Въ С-ой стѣнкѣ могильной ямы,—гробничной подковъ, замыкающей обваломъ, около двухъ аршинъ высоты и пяти четвертей ширины, проведенный въ материковомъ грунтѣ отъ окружности основанія насыпи.

Въ остальныхъ пяти отработанныхъ могилахъ были найдены только фрагменты человеческихъ костей, баранья кость, фрагменты глиняной посуды, три бронзовыхъ наконечника стрѣлъ (1782, 1783) и окислившіе желѣзные кольца, пояса и удила.

Курганъ Веселая могила.

Въ 1876 году раскопанъ мною курганъ, известный у жителей подъ именемъ Веселой могилы, стоящей на распахиваемомъ полѣ въ четырехъ верстахъ отъ с. Мельничнаго, по дорогѣ въ село Яниное, съ правой стороны дороги. Высота вышды около 120 арш. въ окружности и 10 арш. стѣнной высоты. Ниже подошвы насыпи встрѣчена срубная гробница 4 арш. д. ш. и гл., по ея устройству, подобная гробницамъ среднихъ кургановъ Аксютинскихъ группъ. На днѣ могилы, кромѣ рогового дерева, разбросанныхъ человеческихъ костей и глиняныхъ черепковъ, найдены желѣзный наконечникъ копья и два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ (перезала въ музей Кіевского Университета). Въ одной изъ стѣнокъ могилы обнаруженъ подковъ, подобный подковамъ Аксютинскихъ кургановъ.

Курганы Киевской губерніи, Каневского уѣзда, у села Яблоновки.

Ознакомившись релюзионами 1872—1876 г.г. съ содержаніемъ Сѣверянскихъ курганныхъ могильниковъ въ Черниговской, Курской и Полтавской губерніяхъ, въ концѣ лѣта 1876 года, я передвинулъ свои археологическія наслѣдованія въ Кіевскую губернію, въ области у.р. Росля и Росола, согласно съ планамъ, заключеннымъ мною на III-емъ Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ.

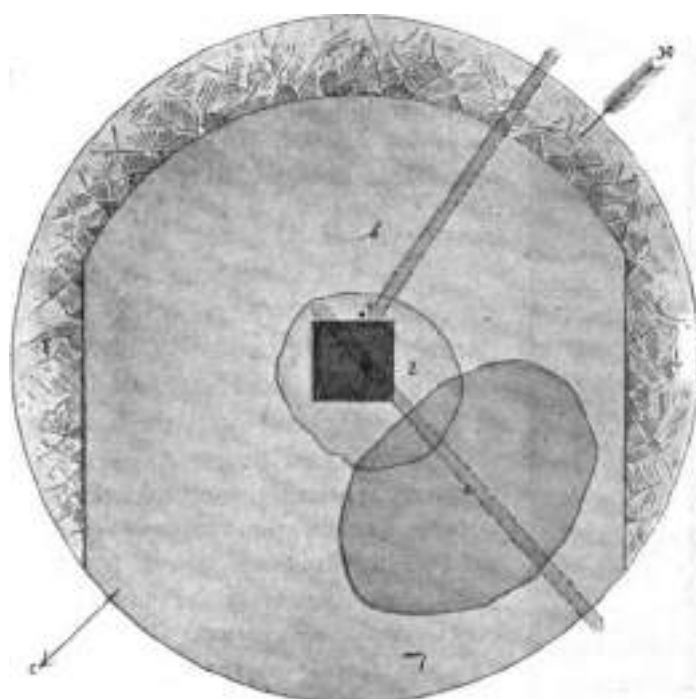
Въ Киевской губерніи, Каневскомъ уѣздѣ, Степанской волости, въ разстояніи версты отъ с. Яблонецка по дорогѣ въ с. Малый Ржавецъ, на возвышенности, известной у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Берестепуха, я нашелъ остатки большого распахнутаго курганнаго могильника. По словамъ мѣстныхъ крестьянъ сказаннымъ возвышенность эта 60 тому назадъ была покрыта большими збожъ и курганами разной величины, въ числѣ которыхъ по крайней мѣрѣ ста насчитано; съ того времени дѣл. вырублено, выкорчевано и почти все курганы замочены до такой степени, что въ 1878 году были замѣнены только одиннадцать распаханныхъ насиней.

Курганъ № 1. Острая Могила. Курганъ, названный мѣстными жителями Острая Могила имѣетъ в. 12, с. до 166 арш.; поверхность распахана. Верхняя половина кургана срубана на половину высоты, а остальная часть раскопана шлодцемъ въ 30 арш. въ квадратѣ, съ прорѣзавъ СЗ-ой стороны. Рисунки подъ №№ 52 и 53 представляютъ вертикальный и горизонтальный разрѣзы кургана Острой Могилы.

Рисунокъ № 52.

а) материкъ; б) нераскопанная часть насыпи; в) земля внутри кургана; г) куча угля; д) глиняная колодезная гробница; е) мѣсто костра; ж) частоконная гробница съ кострищемъ; з) гравительскій колодезь.

Рисунокъ № 53.

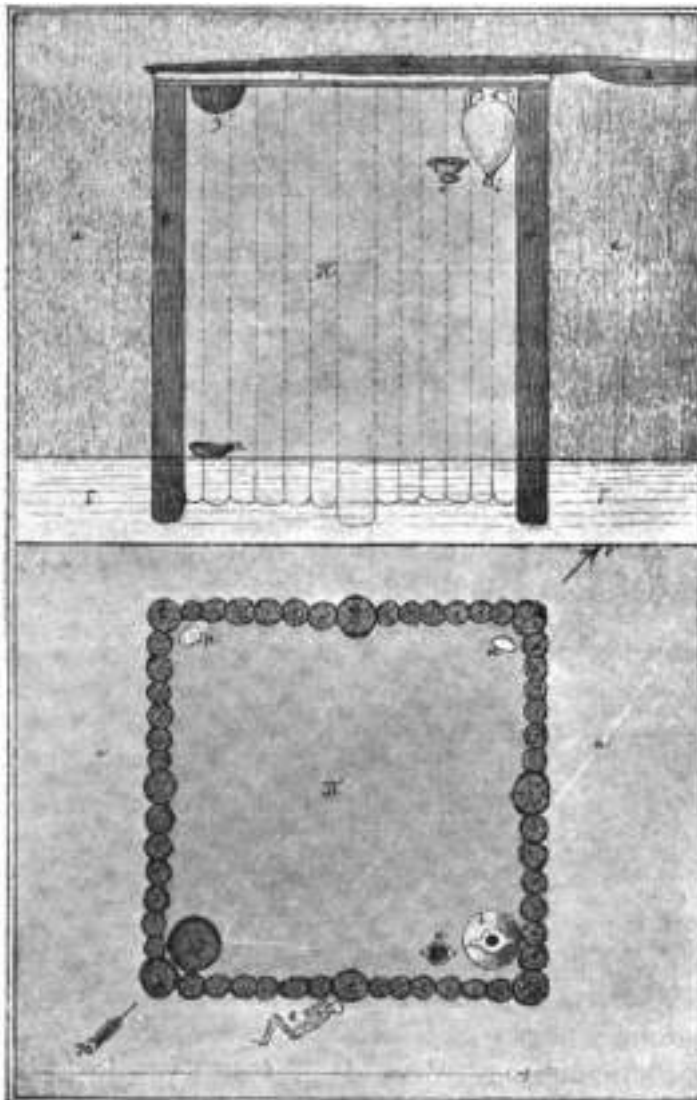
б) нераскопанная часть насыпи кургана; в) земля внутри; г) куча угля; е) мѣсто костра; ж) частоконная гробница съ кострищемъ.

На седемьотъ аршинъ отъ вершины насыпи, въ ея центрѣ, открытъ слой угля (г), имѣвшій въ средней своей части до двухъ четвертей толщины; къ краю съ З. стороны примыкалъ слой прожженной до кирпичнаго цвѣта земли (е), съ котораго уголь былъ сгребенъ въ центральную часть кургана. При исследованіи угельнаго слоя были найдены слѣдующіе предметы: кости лошадиныя, бычачья, баранья и птичья, фрагменты терракотовыхъ и простыя глиняныхъ сосудовъ, а въ числѣ ихъ, большого терракотоваго блюда изъ красной

глины, сосуды из такой же глины с двумя ушками и вазочки, покрытой черным лаком с росписаннымъ тундрнымъ узоромъ (155,—1794—1797), два железныхъ кремневыхъ осколка (154,—1798), две стекляныя присапки (1799, 1800), половина бронзоваго колокольчика съ вырѣзами по бокамъ (1801), фрагменты тонкаго бронзоваго сосуда (1802), желѣзная пластина (1803), комки прожженной стекловидной массы (1804, 1805), три бронзовыхъ наконечника стрѣлы (156,—1806), дуга узорчатая золотая буса (1807), желѣза обугленные кости, между которыми сохранилась коренка дѣтскаго человѣческаго зуба (1808).

По удаленіи изслѣдованнаго угольнаго слоя, обнаружены подъ нимъ квадратный слѣд глиняной замки или заслонки, имѣвшій около перима толщину в пять арш. д. и ш., а подъ нимъ слѣды помоста изъ берестовыхъ досокъ (1809, 1810, 1811), окруженнаго со всѣхъ сторонъ деревянными столбами различной толщины, — угольные столбы и столбы, помѣщавшіеся по срединѣ стѣнокъ, по сохранившимся отверстиямъ, имѣли около 2 четвертей, а промежуточные около четверти толщины; глиняная заслонка и помостъ прикрывали собою частокольную гробницу, заваленную углемъ — кострищемъ. Рисунки подъ №№ 54 и 55 изображаютъ устройство частокольной гробницы съ кострищемъ и находки въ Ныболовской Острей Могилѣ.

Рисунокъ № 54.

а) насыпь кургана; б) материалы; в) куча угля; г) часть яфета сожженнаго костра; д) глиняная заслонка гробницы; е) деревянный помостъ подъ глиняной заслонкой; ж) частокольная гробница; з) медный казалоокъ съ перекрещенными костями; и) амфора; к) терракотовая вазочка; л) глиняная миска съ красными камнями; П) уголь кострища.

а) насыпь кургана; б) частокольная гробница; в) медный казалоокъ съ прахомъ сожженнаго на кострѣ половецкаго (урна); г) амфора; д) терракотовая вазочка; е) куча угля; з) золотая гравителля монета; П) уголь отъ костра въ гробницѣ.

Рисунокъ № 55.

Содержание гробницы было исследовано посредством послепыльного разбора угля, при чемъ были найдены нижеслѣдующіе предметы.

Непосредственно подъ глиняномъ заслепкомъ и остатками деревяннаго помоста, покрывавшихъ сверху содержаніе гробницы, въ Ю-мъ углу, — бронзовый сосудъ формы малороссійскихъ казаянокъ, наполненный пережженными человѣческими костями, углемъ и пепломъ (а); какъ видно было по остаткамъ колотыни на внутреннѣхъ стѣнкахъ сосуда, кости были положены въ него завернутыми въ полотно или платокъ ¹⁾.

Въ В-мъ углу, также непосредственно подъ заслепкомъ, — большая терракотовая амфора (і) съ двумя массивными ручками, узкимъ горломъ и острымъ дномъ (155, — 1812), и терракотовая вазочка съ двумя ушками, покрытая чернымъ лакомъ и украшенная траурными узорами (156, — 1813—1817).

Въ С-мъ и З-мъ углахъ, — двѣ кучи куряныхъ яицъ, въ каждой не менѣе 36, распавшихся въ воронку при прикосновеніи къ нимъ (в).

Въ дальнѣйшемъ содержаніи гробницы, на разной высотѣ сл. были найдены обломки терракотовой вазы, покрытой чернымъ лакомъ, два трехгранныхъ и одинъ четырехгранный костяные наконечники стрѣлъ (1818, 1819), двадцать восемь бронзовыхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ въ разбросъ, по одному и по два экземпляра въ верхнихъ, среднихъ и нижнихъ частяхъ гробницы (1820, 1821), двѣ глиняныя глазурованныя бусы (1822), окарabei изъ египетской композиціи (1823), продолговатая сердоликовая подвѣска около вершка лланы, украшенная на концахъ массивными золотыми накладками съ треугольнымъ точечнымъ орнаментомъ (1824), три овальныя золотыя бусы (1807, 1826), три круглыя, круглыя, превозмоде индифованныя гранатовыя бусы (1826), четыре золотыя бусы различной величины (1827, 1828), бронзовая воронка (1829), бронзовая стрѣлочная трубочка (1831), глиняная конусообразная привѣска (1832), бронзовый колокольчикъ съ тремя треугольными вырѣзками по бокамъ (1833), глиняный сосудъ формы малороссійской миски (1834) съ восемью прищепленными камнями разной величины (1835—1837), черепки глинянаго сосуда съ узкимъ горломъ и двумя боковыми массивными ручками (1838) и сосуда формы большой малороссійской миски (1839, 1740).

Дно гробницы оказалось на материкѣ и представляло собой углубленный четырехугольникъ 5 арш. д. и ш., покрытый слоемъ глины съ известью въ вершокъ толщиною и обнесенный частушкой.

У ЮВ-ой стѣнки гробницы, въ разстояніи двухъ четвертей отъ нея, найдены очень разложившіеся человѣческіе кости (к), стоявшія на колѣняхъ, съ вытянутыми впередъ руками, лицомъ вверхъ, спиной вверхъ; по всей вѣроятности, это были останки древняго грабителя могилы, заспаннаго обваломъ подкopa, проведеннаго въ насыпи по материку, прослѣдить который въ точности было невозможно, такъ какъ подкopa былъ плотно занесенъ черноземомъ насыпи и отъ нея сошла не отличался. Подъ дномъ описанной гробницы съ З-ой стороны, между столбами, выкопанными въ материкъ, открыты второй грабительскій подкopa, проведенный въ материкѣ, въ размѣрѣ одного арш. в. и 1 1/2 арш. ширины.

Исследование Острой Могили обнаружило слѣдующій, очень интересный способъ погребенія, впервые въстановленный по исѣдъ подробностямъ, такъ какъ гробница найдена вполнѣ удѣльною, неограбленною, съ труднодоступнѣмъ, недоступнымъ ограбленію посредствомъ подкopa. Сначала была приготовлена насыпь пяти арш. высоты и около 150 арш. въ окружности, съ площадью на верху около 40 арш. въ діаметрѣ. На этой площади были воздвигнуты и сожжены костеръ съ тѣломъ покойника; а послѣ сожженія кости покойника были собраны въ платокъ и вложены въ бронзовую урну, остатки отъ костра сжаты въ

¹⁾ Этотъ сосудъ былъ доставленъ на московскую антропологическую выставку 1879 г. и отсюда онъ возвращенъ.

гробницу, устроенную в центр насыпи, и прах покойника поставлен в Ю-мъ углу гробницы, заваленной углемъ; въ другихъ углахъ гробницы были поставлены и положены събитные припасы; входъ гробница заложена сверху досками, поверхъ досокъ замазана слоемъ глины около вершка толщиной; на этой выкладкѣ совершена погребальная трапеза, при которой былъ разбитъ домашний животный и по обочкамъ или по всесторонности были terra-cotta и простую посуду, бросая тутъ же обглоданными кости и фрагменты разбитыхъ сосудовъ; остатки костра, не соответствующаго гробницѣ, съ остатками трапезы свалили на гробницу, въ видѣ небольшого холма, и насыпили верхнюю часть кургана.

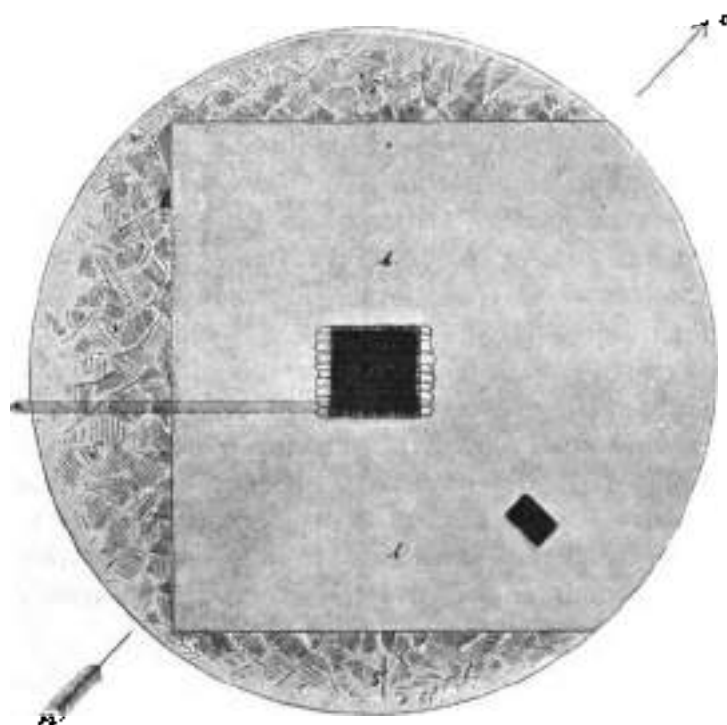
Гробница устраивалась слѣдующимъ образомъ. На материкѣ, въ центрѣ будущаго кургана, отсырjali пространство въ пять арш. длины и ширины, и утрамбовали его и покрыли тонкимъ слоемъ глины, смѣшанной съ навозомъ, обносили со всѣхъ сторонъ толстымъ частокоромъ, состоявшимъ изъ кружковъ колецъ, около шести арш. длины; нижние концы колецъ или края отъ одной до двухъ четв. ш. вставляли въ материкъ на глубину одного аршина; входъ гробницу окружали вѣнцомъ изъ чернозема, равной высоте гробницы; на насыпи сжигали костеръ, засыпали кострищею гробницу, ставили наверху прахъ покойника и закрывали могилу, какъ выше указано.

Курганы № II, рядомъ съ предыдущимъ, въ разстояніи отъ него около 30 саженой; в. ш. в. 150 арш.; поверхность распахана и недавно засѣвается лѣвкою. Насыпь срезана сверху на глубину 3 арш., а входъ прорытъ колодезь 30 арш. въ діаметрѣ, углубленнымъ до материка, съ прорѣзомъ СВ-ой полн. На рисункахъ подъ №№ 56 и 57 представлены вертикальный и горизонтальный разрѣзы Нехоновскаго кургана № II.

а) материкъ; б) часть нераскопанной насыпи; в) раскопанная насыпь; г) вставная могила; д) крышка гробницы; е) частокорынная гробница; ж) грабительскій ходъ.

Рисунокъ № 56.

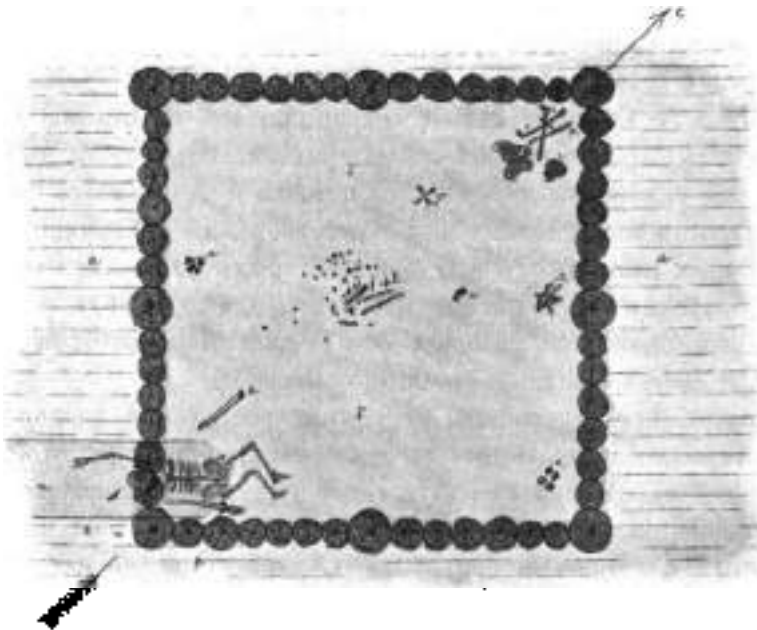

б) нераскопанная часть насыпи; в) вставная насыпь; г) вставная могила; д) крышка гробницы; е) частокорынная гробница; ж) грабительскій ходъ.

Рисунокъ № 57.

Въ верхней части насыпи, въ В-ой ее половине, на глубинѣ 3 четвертей отъ распавшейся поверхности открыто дно гробницы послѣднихъ стоятій княжества въ южной Россіи (см. ея описаніе ниже, въ отдѣлѣ могилъ киевско-татарской эпохи).

На шестомъ аршинѣ отъ вершины кургана обнаружена могильная яма, вырытая въ глиняномъ матерякѣ, шести арш. д. ш. и гл.; по краямъ ямы, на матерякѣ, сохранились остатки брусевъ, закрывавшихъ могилу сверху; слѣды деревянной забрусочки сохранились на днѣ могильной ямы, покрытомъ тонкимъ слоемъ глины и оточенномъ со всѣхъ сторонъ частоколомъ, совершенно сходно съ дномъ гробницы Острой Могилы. На рис. № 58 изображено дно гробницы Яблоновскаго кургана № II.

Рисунокъ № 58.

а) матерякъ; б) дно гробницы; в) частоколь гробницы; г—ж) черепъ, тазъ, бедра и голень человѣческаго скелета; з) четыре продолговато-треугольные золотыя бляхи; и) золотыя сережки, бляшки и золотыя и градиновые бусы; к) золотая бляха; л) человѣческія кости безъ черепа, таза, бедра и голени; м) косточки бляхи; н) фрагменты терракотовыхъ сосудовъ; о) большая желѣзная шпиль; п) косточки грабителя; р) грабительскій подкостъ; с) бронзовый браслетъ на лѣвой рукѣ грабителя; т) золотыя предметы на правой рукѣ грабителя и т. д.

На днѣ могильной ямы, въ разныхъ мѣстахъ его, найдены разбросанный человѣческій скелетъ: въ С-мъ углу гробницы,—черепъ, тазъ, бедренныя кости и голень, а въ центрѣ ямы остальные его части; тамъ-же найдены: три зуба какого то хищнаго животнаго (157,—1841, 1842), продырявленный костяной цилиндръ, четыре золотыя треугольныя бляхи съ точечнымъ украшеніемъ, по всей изогнутой, составляющей звѣзочки пластинки и между ними тонкія золотыя пластинки, анзагообразно свернутыя (1843), двѣ золотыя сережки съ продолговатыми подвесками, украшенныя золотомъ розеткою (1846), стеклянная, глиняная и шесть серволиковыхъ бусъ (1847), пятьдесятъ двѣ бусы изъ рубчатыхъ золотыхъ бляшекъ, свернутыхъ въ трубочки (1848), четыре мелкія золотыя бусы круглой формы (1849), тридцать опаловыхъ бусъ изъ рубчатыхъ золотыхъ бляшекъ, подобныя найденнымъ въ Острой могилѣ (1850), четыре продолговатыя бусы изъ рубчатыхъ золотыхъ бляхъ съ нижнимъ концомъ въ видѣ розетки (1851, 1852), голубая полевѣска, обтянутая золотомъ бляхою, украшенною филигранью (1853), три полевѣски изъ загнутыхъ золотыхъ бляшекъ съ продѣтыми въ нихъ какими то розетками корешками (1854), двѣ круглыя золотыя бляшки съ вытиснутымъ рельефомъ изображеніемъ лежащей, свернувшейся, собаки (1855, 1856), три треугольныя золотыя бляшки съ вытиснутымъ рельефомъ изображеніемъ трехъ розетокъ (1857), золотая бляха съ золотыми гвоздиками, ornamentированная вытиснутымъ рельефомъ узоромъ (1858), бронзовый трехгранный наконечникъ стрѣлы (1859), желѣзный ножикъ и воалъ него маленький бронзовый гвоздикъ (1860); въ В-мъ углу и у КЗ-ой стѣнки,—черепки терракотовой росписной напольки (1861) и большого глинянаго сосуда съ загнутымъ верхомъ (1862).

Из Ю-го угла.—гробительской подкопъ въ 5 четв. ш. и гл., проведенный отъ основанія кургана съ ЮВ-ой стороны, а въ немъ,—остатокъ молодого человека, убитого обваломъ гробницы, лежащаго лицомъ внизъ, спиною вверхъ, съ ногами подогнутыми; обвалъ крыши гробницы послышался въ тотъ моментъ, когда гробитель намѣренъ былъ выйти изъ гробницы, захватить въкоторыя вещи: ноги, тазъ и лѣвая рука его оставались еще на днѣ могилы, а голова, правая рука и верхняя половина туловища были въ подкопѣ; у правой кисти остова найдено три сердоликовыхъ и девять золотыхъ бусъ и подвѣсокъ; на лѣвой рукѣ его были найдены браслетъ изъ бронзовой проволоки, безъ спайки концовъ, а на шеѣ.—ожерелье изъ глиняныхъ и стеклянныхъ бусъ (1842,—1847, 1850, 1851, 1864). Въ подкопѣ же найдены обломки желѣзнаго ножа, а возлѣ подкова, на днѣ могильной ямы,—большія желѣзные пикины, сложены со пикинами, употребляемыми въ наше время для выниманія изъ печей горючихъ углей (1863).

Курганъ № III, полатъ кургана № II; распаханный; сохранившаяся высота до двухъ аршинъ. На днѣ насыпи обнаружена вырытая въ глиняномъ материкѣ могильная яма, въ размѣрѣ 3 арш. д., ш. и гл., со слѣдами стѣнчатого карелинаго потолка и деревяннаго сруба; по стѣнамъ ямы, на днѣ,—разбросанныя кости человѣческаго остова, слѣды разложившихся бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ и глиняные черепки, изъ которыхъ осталась терракотовая сосуда кувшиной формы съ узкимъ горлышкомъ и боковою ручкою (1865).

Курганъ № IV, въ разстояніи около 200 сажень отъ Острой могилы, ближе къ селенію Молодонкъ, по величинѣ и формѣ, сходный съ Острою могилею.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ былъ раскопанъ мѣстными крестьянами кладовиками, Сергѣево и Коваченко, открывшими въ Ю-ой половинѣ насыпи могилу съ остатками человѣческаго и лошадинаго костяковъ, при которыхъ были найдены: длинная желѣзная сабля, пучокъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, желѣзные удила и стремя, четыре серебряныя кисти и желкія золотыя бляшки. Въ центрѣ того же кургана, на материкѣ, тѣми же крестьянами была открыта гробница по ея устройству, совершенно сходная съ гробницею Острой могилы, обнесенная частоколомъ и наполненная углемъ, въ которомъ были найдены слѣдующіе предметы: росписаной терракотовой сосудѣ съ пережженными костями (урна), бронзовая статуэтка, нить круглыхъ камней величиною съ лебальшой кулакъ и большая золотая узорчатая бляха (нагрудникъ), пропавшая находкою мѣстному еврею за „око водки“ и обращенная послѣднимъ въ саитокъ. Тому же еврею, также за волку, были проданы серебряныя кисти и золотыя бляшки изъ верхней—вставной могилы; а оставшія находки были поломаны и брошены на мѣстѣ, а часть взяты на домъ находчиками и тамъ растеряны.

Провѣрочная раскопка этого кургана, слѣланная мною посредствомъ травицы 25 арш. д. и 10 арш. ш., обнаружилъ въ Ю-ой половинѣ кургана, на высотѣ 5 арш. отъ материка, продолженіе до кирпичнаго плиты слой насыпи, на которомъ остатокъ кюстра ле близокъ къ Ю-го углу гробницы, возмѣщаясь въ центральной части кургана, заваленной углемъ и оставшейся вбропнутой вкательми кладомъ, найдены: фрагменты двухъ глиняныхъ сосудовъ формы възросѣйскихъ ясокъ (№№ 1866, 1867), большой сосудъ изъ красной глины съ загнутымъ верхомъ, подобный сосуду кюстрица Острой могилы (№ 1868), пережженные кости человека и разныхъ животныхъ (1869), глиняная креслица (186,—1870), обломки желѣзнаго меча (1871—1873), пятьдесятъ четыре трехгранныхъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (1874—1877), массивная бронзовая подвѣска (1878), бронзовая веревка (1879), круглая бронзовая бляха, продырявленная въ среднѣ (1880).

Дно, какъ и въ Острой могилѣ, было покрыто тонкимъ слоемъ глины, а по краямъ дна обнаружены ямки отъ частоколовъ, сточаваго гробницы, въ ямѣ круглыхъ столбовъ, имѣвшихъ по угламъ и въ среднѣ стѣнакъ днѣ четверти толщины, а въ промежуткахъ между ямми по одной четверти.

Курганъ № V, въ разстояніи полумверсты отъ Острой могилы по направленію къ д. Гамарнѣ, вблизи дороги въ эту деревню изъ села Яблоновки, на землѣ дачи послѣдняго распатаннѣй. По словамъ мѣстныхъ старожиловъ, аѣтъ сорокъ тому назадъ близкій владѣтель с. Яблоновки раскопалъ большой курганъ, остатки котораго въ 1878 г. представляли собой издавна распатываемое возвышеніе, въ размѣрѣ около 4 арш. в. и около 200 арш. въ окружности. Преданіе не помнитъ, что было найдено въ этомъ курганѣ; а прѣдѣлочная раскопка, произведенная мною, обнаружила только слѣды трупосожженія, въ видѣ прожженной до кирпичнаго цвѣта земли, перемешанныхъ косточекъ и угля въ центральной части насыпи. По всей вѣроятности, раскопкою бывшего владѣльца с. Яблоновки аѣтъ была разрушена могила, по ея устройству и содержанію, подобная гробницамъ Острой Могилы и кургана № III у с. Яблоновки.

Курганы №№ VI—VIII, едва замѣтныя, на рвскахавонѣ пащѣ. Въ нихъ открыты вырытыя въ глинѣявомъ материкѣ могильныя ямы съ остатками деревянной забрусочки и фрагментами человѣческихъ костяковъ, ограбленныя въ древности; изъ бытовыхъ предметовъ сохранились только кости барана, фрагменты окислившихъ желѣзныхъ ножей и наконечниковъ копій, черепки глиняныхъ сосудовъ и два цѣлыхъ сосуда,—большой кувшинъ съ боювою ручкою и узкимъ горлышкомъ, орнаментированнымъ параллельными полосками (№ 1881), а другой формы вебольшаго горшка изъ черной глины съ фигурами боювою ручкою, орнаментированнымъ продольными и поперечными полосками (№ 1882).

Курганы Еватаринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, у села Новогригорьевки.

Въ Клятеринославской губерніи курганы скито-сарматской эпохи были исследованы мною въ 1883 и 1884 гг.: въ 1883 году, при первоначальномъ осмотрѣ кургановъ на берегу р. Ковки (см. выше, с. 14), я раскопалъ у с. Новогригорьевки одну насыпь, а въ 1884 г. четыре насыпи, прикрывавшія могилы скифской эпохи.

Курганъ № I, въ разстояніи 2¼ версты отъ с. Новогригорьевки, съ правой стороны дороги въ г. Александровскъ; рвскахавоннѣ; выс. до 2, окр. до 50 арш. Поводомъ къ раскопкѣ послужило сообщеніе владѣльца графа Д. А. Квинкина о грудѣ камня, открытой влугомъ въ этой насыпи. Раскопанъ колодеземъ 10 арш. въ квадратѣ.

Груда булыжника и колотатаго камня покрывала центральную часть дна кургана слоемъ около 1½ арш. толщиною; а подъ нимъ, въ материковой глинѣ, оказалась могильная яма въ размѣрѣ 4 арш. въ квадратѣ, 5 арш. глубины, заваленная камнемъ, привалившимъ къ могилу за обрушившеюся деревянною забрусочкою, слѣды которой были обнаружены на стѣнкахъ и на днѣ ямы. По очерткѣ могилы отъ камня, земли и гнилаго дерева, найдены: разбросанныя въ безпорядкѣ кости человѣческаго скелета, обломокъ тонкой золотой проволоки, веретенообразный бронзовый предметъ, два треугольныхъ бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, фрагменты двухъ желѣзныхъ наконечниковъ копій и фрагменты чешуйчататаго желѣзнаго панциря (152.—1755—1787). Подкова въ стѣнкахъ могильной ямы не оказалась; могила была ограблена въ древности верхнимъ подкопомъ по материкъ, когда крипа гробницы и ея каменное покрытие еще сохранялись.

Курганъ № II, въ той же мѣстности, ближе къ Безчастной могилѣ; распатаннѣй; в. до 3, о. до 100 арш. Раскопанъ колодеземъ 16 арш. въ квадратѣ. Подъ центромъ черноземной насыпи,—могильная яма, д. 3 въ 3, в. 3, гл. до 2¼ арш.; слѣды деревянной забрусочки, а на днѣ.—остатки досчататаго помоста и слѣдующіе предметы: разбросанные въ безпорядкѣ части человѣческаго и лошадиного костяковъ, три бронзовые треугольные наконечники стрѣлъ и разбросанные въ разныхъ мѣстахъ дна могилы части панциря изъ желѣзныхъ пластинокъ, совершенно сходнаго съ панциремъ кургана № I. Мо-

гила была ограблена посредством подкопа, проведеннаго въ насыпи по черноземному материалу, покрывающему материковую глинѣ.

Курганъ № III, въ той-же группѣ: распахать; в. 3, с. 60 арш. Раскопанъ колодезь 12 арш. въ діаметрѣ.

Подъ черноземнымъ курганомъ открыта забрусованная и покрытая кучей камня могильная яма въ материковой глинѣ: д. 3 арш. съ В. на З., ш. 2½ и гл. 4 арш.; завалена камнями, землей и глыбами державомъ. Въ 3-ой стѣнкѣ ямы обнаружены входной уступъ 2 арш. д. и 1½ арш. ш. и гл., на которомъ помещалась беспорядочная куча человѣческихъ и конскихъ костей, а въ ней найдены 4 бронзовые треугольные наконечники стрѣлъ и наземный желѣзный мечъ. На днѣ могильной ямы, у В-ой ея стѣнки, найдена вторая куча человѣческихъ и конскихъ костей, обретенныхъ въ беспорядкѣ, а у Ю-ой стѣнки, — 66 бронзовыхъ треугольныхъ наконечниковъ стрѣлъ и обломки узорчатыхъ золотыхъ бляшекъ, вѣроятно, отъ украшеній колчана, винтыкъ древкии грабителемъ мечны. Могила ограблена посредствомъ подкопа, проведеннаго ко входу въ нее съ западной стороны въ материкѣ, частью черноземномъ, частью глининомъ, при очисткѣ котораго отъ обваловъ были найдены отдѣльныя кости человѣческаго и лошадиного скелетовъ, бронзовые наконечники стрѣлъ и обломки желѣзныхъ удилъ, колець и копья или меча.

Курганъ № IV, въ той-же группѣ, подобный предыдущему по размѣрамъ насыпи и устройству гробницы, но безъ каменнаго покрытия; тѣмъ-же способомъ ограбленъ; на днѣ могильной ямы со слѣдами забрусовки найдены только разбросанный человѣческій скелетъ и треугольный бронзовый наконечникъ стрѣлы.

Курганъ № V, господствующій въ группѣ; распахать, только по окружности основанія; в. 10, с. 150 арш. По свѣтлѣ вершинѣ на 4 арш., насыпь раскопана колодеземъ 20 арш. въ квадратѣ, уменьшеннымъ на 7-мъ арш. отъ вершинѣ до 15 арш. съ профѣзомъ западной половины до материка.

Вся насыпь состояла изъ плотно утрамбованной смѣси чернозема, земли и камня. Подъ центромъ насыпи, въ материковой глинѣ, обнаружена четырехугольная яма, въ размѣрѣ 4 арш. д. въ направленіи съ В. на З., 3 арш. ш. и 4 арш. гл., со входнымъ уступомъ съ 3-ой стороны въ размѣрѣ 3 арш. д., 1½ арш. ш. и 2 арш. гл. На днѣ могилы найдены разбросанные въ беспорядкѣ человѣческія, лошадиныя и бараньи кости, два бронзовыхъ треугольныхъ наконечника стрѣлъ и голостѣнная, на массивной ножкѣ, съ двумя боковыми ушками бронзовая наза, заключающая въ себя кости барана. Могила была ограблена посредствомъ подкопа съ С-ой стороны, проведеннаго въ материковой глинѣ отъ окружности основанія кургана).

Курганъ Таврической губерніи, Мелитопольскаго уѣзда, у села Большой Зяменки.

Въ 1884 году, по порученію Имп. Арх. Комиссіи, дослідованъ мною курганъ въ 2 верстахъ отъ с. Большой Зяменки, въ направленіи на Ю., на общественномъ выгонѣ. До раскопки мѣстными крестьянами насыпь имѣла около 10 арш. выс. и до 150 арш. въ окр. основанія.

По собраніи мною свѣдѣній, мѣстные крестьяне, предполагая въ курганѣ кладъ, раскопали его и нашли двѣ могилы: верхнюю въ насыпи и нижнюю въ глиняномъ материкѣ.

Верхняя могила открытая на четвертомъ аршинѣ отъ вершины насыпи, заключала въ себѣ человѣческій остовъ, лежащій на спинѣ, головою на ЮЗ., и слѣдующіе пред-

*) Находки въ курганахъ №№ II—V поступили въ распоряженіе Имп. Арх. Комиссіи, а отсюда переданы въ Моск. Ист. Музей.

меты: бусы различного состава и различной величины, бронзовые бубенчики, браслеты, зеркала и железные ножницы. Пересмотрев землю, выброшенную крестьянами из этой могилы, я нашел в ней бронзовый бубенчик, два глиняных глазированных буса и три стеклянных буса; очевидно, это была настоящая женская могила позднейшего времени язычества в южной России.

Подъ центромъ насыпи встрѣчена древняя могила скитской эпохи, вырытая въ глиняномъ материкѣ на глубину около трехъ аршинъ. На днѣ ея найдены копейка и человѣческія кости, четыре металлическихъ предмета, въ рядѣ кожанъ отъ гроба, продолговатый металлическій предметъ, въ рядѣ ручки отъ ложки, олягъ концы котораго имѣли форму гусиной головки, нѣсколько заорчатыхъ золотыхъ пластинокъ и два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ. Очистивъ дно могилы отъ обваловъ, послѣдовавшихъ за прекращеніемъ раскопки крестьянами, и пересмотрѣвъ выброшенную со дна могилы землю, я нашелъ въ ней только кусочки яркой краски и гладкія тонкія золотыя пластинки. По краямъ дна могилы обнаружены обглоданными слѣды деревянной забрусочки, въ видѣ ложбинки вдоль стѣнокъ и ямокъ по угламъ могильной ямы, въ которыхъ сохранился бурый порошокъ отъ разложившихся брусочевъ и столбовъ. Несомнѣнно это была могила скитской эпохи⁹).

Могильникъ подъ Пятигорскомъ, у колоній Карраса, на Чеснокъ горѣ или Чеснокъ курганѣ.

Чеснокъ курганъ или Чеснокъ гора представляеть собою плоскій, продолговатый склонъ горы Бенгату, клинообразной формы, около 100 саж. длины и отъ 15 до 20 арш. ширины. Съ Ю-ой стороны эта возвышенность прорѣзана глубокою канавою, ограждающею прилежаніе къ ней сады и огороды Каррасскихъ колонистовъ: съ З., со стороны шоссе, раскопана на протяженіи около двѣнадцати саженей каменщиками, добывавшими изъ нея матеріалъ для Пятигорскаго шоссе. На упомянутомъ протяженіи возвышенности замѣтны слѣды небольшихъ ямъ, расположенныхъ въ равномъ разстояніи одна отъ другой. Эти ямы выкопаны колонистами, желавшими устроить на Чеснокъ горѣ бульваръ, но деревья не привились. Вообще же на поверхности Чеснокъ горы не было замѣтно никакихъ признаковъ кладбища; возвышеніе представляло ровную поверхность, поросшую травою. Между тѣмъ, изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей оказалось, что при добываніи камня для шоссе и при проведеніи канавы, ограждающей сады и огороды колонистовъ, въ Чеснокъ горѣ находили много камня, а между камнями человѣческія кости, мѣдныя наконечники стрѣлъ, мѣдныя кольца и окисное желѣзо; проверка этихъ слѣдствій въ 1881 году, послѣ пятидневныхъ поисковъ, привела къ открытію упомянутой части древняго кладбища съ оригинальнымъ, очень интереснымъ содержаніемъ скито-сарматской эпохи.

Мною раскопана Чеснокъ гора на протяженіи 50 арш. д. и проведена пробная траншея въ ближайшемъ къ Чеснокъ горѣ саду колониста Швагеруса, въ размѣрѣ 8 арш. д. и 4 арш. ш. Чеснокъ гора раскапывалась „на перевалѣ“, т. е. сдѣлывалась часть поверхности горы до каменистаго грунта участками въ 2 саж. ш. и 20 арш. д., причемъ земля послѣдующаго участка обрабатывалась въ предыдущей. Начата раскопка съ того мѣста, на которомъ остановились каменщики, добывавшіе въ Чеснокъ горѣ камень для устройства шоссе.

Открыто здѣсь 11 гробницъ слѣдующаго устройства. Подъ слоемъ дерна, на глубинѣ отъ одной до трехъ четвертей, встрѣчается куча булыжника, занимающая площадку отъ

⁹ Предметы изъ этого кургана поступили въ распоряженіе Императорской Археологической Комиссіи.

2 до 4 арш. въ д. и ш., полъ средней частью которой помѣщается могильная квадратная яма, выходящая отъ 1 до 2 арш. д. и ш., вырытая въ каменистомъ грунтѣ и заваленная камнями въ глубину отъ одного до двухъ арш. со слѣдами разложившагося дерева, составляющая крышу гробницы. Дно могилы выложено, а стѣнки обложены плитками и булыжникомъ. Оду изъ мужскихъ могилъ вмѣсто дерева прикрывала большая каменная плита, вышиная $2\frac{1}{2}$ арш. д. и 2 арш. ш. Въ двухъ ямахъ, вмѣсто камня, дно могилъ составляло слой плотно утрамбованной глины.

Гробница № I. Подъ дерновымъ слоемъ въ 5 четвертой толщинею обнаружено выложенное булыжникомъ пространство около сажени въ диаметрѣ, а полъ каменныя открыта вырубленная въ каменистомъ грунтѣ могила въ $1\frac{1}{2}$ арш. д. и ш. и 1 арш. гл., заваленная землею, булыжникомъ и битымъ камнемъ. На днѣ могилы открыты очень разложившіеся дѣтскій остовъ, первоначальное положеніе костей котораго невозможно было опредѣлить съ точностью (159,—1885-1886); при остовѣ найдены два глиняныхъ сосуда съ ручками (№№ 1883, 1884), нашивникъ изъ скрученной бронзовой проволоки съ расплюснутыми и заглупыми спиральною канавкою (159,—1889), ожерелье изъ бронзовыхъ бляшекъ съ дырочками и изъ глиняныхъ, янтарныхъ и сердоликовыхъ бусъ (1890—1892), три подвески изъ продырявленныхъ каннковъ хищнаго животнаго (1893, 1894), двѣ бронзовые лунообразныя подвески съ ушками (1895), дугообразная бронзовая фибула (1896), двѣ бронзовыя браслета изъ плоскихъ бронзовыхъ проволокъ (1897, 1898), бронзовый браслетъ изъ круглой проволоки съ расплюснутыми концами (1899), колечко изъ бронзовой пластинки (1900), колечко изъ бронзовой проволоки (1901), двѣ бронзовыя пластинки, свернутыя въ трубочки (1902, 1903), обломокъ желѣзнаго кольца (1904), трехгранный костяной наконечникъ стрѣлы (1905) и двѣ трехгранныхъ бронзовыхъ наконечника стрѣлъ (1906, 1907).

Гробница № II. Подъ дерновымъ слоемъ заваленный слой булыжника и битого камня около $3\frac{1}{2}$ арш. въ диаметрѣ, съ едва замѣтною впадиною по срединѣ, прикрывалъ могильную яму, вырубленную въ каменистомъ грунтѣ, въ размѣрѣ 2 арш. д. и ш. и $1\frac{1}{2}$ арш. гл., заваленную булыжникомъ и битымъ камнемъ, смѣшаннымъ съ землею; дно могилы покрывали двѣ каменные плитки въ 2 вершка толщиною; въ СЗ-мъ углу, — три глиняныхъ сосуда: одинъ большой формы горшка безъ ушекъ съ рубчатимъ украшеніемъ верхней половины, а въ немъ другой формы горшочка съ одною боковою ручкою, покрытый сосуломъ формы небольшой мисочки, обращенной дномъ вверхъ (№№ 1908, 1909, 1910); въ остальныхъ углахъ подавленные камнями остатки трехъ человѣческихъ костяковъ, погребенныхъ въ сидячемъ положеніи: руки сложены на бедрахъ крестообразно, такъ что пальцы правой руки помѣщаются у лѣваго колѣна, а пальцы лѣвой руки у праваго колѣна, правая рука на лѣвой, голени подогнуты подъ бедра такъ, что кости пальцевъ правой и лѣвой ноги помѣщаются рядомъ волею тамъ, колѣна раздвинуты, позвоночникъ и черепъ въ одной кучѣ съ костями тѣла.

При колодезь остовѣ, занимающемъ СЗ-ый уголъ могилы, найдены слѣдующіе предметы: ожерелье изъ гешпировыхъ пластинчекъ, съ тремя дырочками каждая, разделенныхъ тремя рядами гешпировыхъ же бусъ продолговато-круглой формы (1911), двѣ сережки изъ спирально свернутой бронзовой проволоки (1912), двѣ массивныхъ бронзовыхъ браслета съ концами въ видѣ загнутыхъ головокъ (1913, 1914), бронзовая цѣпочка около сажени длиной, помѣщавшаяся на груди остова (1915), два бронзовыхъ двугранныхъ и шесть бронзовыхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, совершенно сходныхъ съ такими же стрѣлами Асситискаго сина кургановъ Рюменскаго у., Полтавской губ. (1916, 1917), два трехгранныхъ желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, сходныхъ по формѣ съ трехгранными бронзовыми наконечниками (1918); бронзовая круглая массивная привѣска съ боковымъ ушкомъ, орнаментованная концентрическими линиями (1919), обломокъ массивной ажурной бронзовой

блины (1920), массивная круглая бронзовая блинка с ушком в средине (1921), бронзовое основание кисти формы воронки (1921a), желтый комочек (1922), два желтых предмета в виде гводей (1923, 1924), обломок костяной рукоятки (1925).

При зарослом остоге, занимавшем ЮВ-ый угол могилы, обнаружено железом, — следы мелких глиняных бус, два браслета из бронзовой проволоки и костяной четырехгранной наконечник стрелы (161, 1937, 1938, 1939).

При мужском зарослом остоге, занимавшем ЮВ-ый угол могилы, у правого бока, — желтые меч с массивной ручкой и изогнутым лезвием (161, — 1926, 1927), мякатель, конь, кожаный и проделанный каменный оселок (161, — 1928—1931); у левого бока, — проделанный каменный клинок, маленький костяной столбик неизвестного назначения, кучонь костяных четырехгранных охвоенных наконечников стрелы, в количестве до двадцати экземпляров, из которых можно было снять и сохранить только четыре экземпляра, и два трехгранных бронзовых наконечника стрелы, сходных с такими же стрелами Асканинских курганов (1932—1936).

Гробница № III. Под церковным слоем и обыкновенном для этого могильника каменной выкладкой в размер около 3 арш. в диаметре открыта могила, вырубленная в известном щебле, в размер двух арш. л, ш. и гл., засыпанная каменным щебнем, смывавшимся с землей. На дне могилы, покрытом слоем желтой глины, смешанной с известью в верном соотношении, сохранились остатки очень разложившегося чешуйчатого остога, в положении полуспящего, спиной на юг. При остоге найдены: на груди, — ожерелье из множества бус различного состава и различной формы и величины, из которых вынуты следующие: шесть из морской раковины (*moneta sursea*; 162, — 1940), двадцать семь мелких глиняных, стеклянных и геммовых, восемнадцать крупных глиняных, стеклянных глазированных и бордоватых (1941, 1942), тридцать три янтарных, из которых некоторые обрваны в овально-круглую форму, а большинство представляют собой безформенные проделанные куски и пластинки (1943, 1944), крупная граневая из зеленого стекла (1945), крупная стеклянная, покрытая глиняной композицией (1946), крупная граневая мозаичная из темного стекла (1947), крупная желтая (1948), две крупные костяные, покрытые черным лаком (1949), полония круглой граневой из композиции (1950), две крупные круглые мозаичные из композиции (1951, 1952), три круглые крупные рубчатые из темного горного хрусталя (топазом; 1953—1955), две рубчатые и одна гладкая крупные из белого горного хрусталя (1956—1958); у головы, — фрагменты большого кольца (в виде браслета) из серебряной проволоки (1959), две массивные булавки с загнутыми спиралью утолщенными концами (1960, 1961); у рук, — бронзовое, шестивидное колечко (1962), проволочное бронзовое колечко без славки концов (1963), три массивных бронзовых браслета с шестивидными концами, два на правой руке (1965, 1966), бронзовое плоское колечко (1964), массивный бронзовый браслет с шестивидными концами и браслет из бронзовой проволоки (1967, 1968); у левого бока, — бронзовый трехгранный, для бронзовых круглых и несколько желтых круглых наконечников стрелы, (1969—1971), желтый ножик (164, — 1972), бронзовое зеркало, подобное найденному в Асканинском кургане, ленточной формы с массивной ручкой, оканчивающейся рельефным изображением четвероногого животного, а на нем помех яркой краски (1973, 1974).

В СВ-ый угол могильной ямы, — беранья косточка, три глиняные пряслица, орнаментированная глиняная крышечка, глиняная жемка и глиняный горшок с боковым ушком, орнаментированный в верхней половине узором, состоящим из повторяющихся треугольников между параллельными линиями, окаймленными рубцами (1976—1980); на той же таблице под № 1977 находится коробочка с обломками бус разного состава.

Гробница № IV. Под обыкновенным каменным помостом из булыжника и

битого камня, въ размѣрѣ около трехъ аршинъ въ діаметрѣ, открыта могильная яма въ 1 1/2 арш. д., ш. и гл., засыпанная каменными щебнемъ, смѣшаннымъ съ землею. На днѣ ямы слѣды разложившагося дерева. У 3-ей стѣнки, — сидячій остовъ, лежащій на В., предплечья и лучевыя кости сложены крестообразно на бедрахъ, съ раздвинутыми колѣнями, голени подъ бедрами, плечи у таза, черепъ, лопатки, ребра и грудная кость у стѣнки могильной ямы на одной линіи, въ одной кучѣ, непосредственно у таза и верхнихъ концовъ бедеръ. При остовѣ, — восемь бусъ: четыре янтарныя, три крупныя стеклянныя и одна крупная бронзовая (185, — 198) — 1983), двѣ глиняныя прищипы (1984), ожерелье изъ трехъ бронзовыхъ цѣпочекъ, соединенныхъ бронзовымъ звѣздчатымъ кольцомъ (1985—1987), звѣздчатое бронзовое колечко (1988), браслетъ изъ бронзовой проволоки (1989), массивный бронзовый браслетъ съ звѣздчатыми концами, рѣзнымъ знакомъ на серединѣ, состоящимъ изъ черточекъ и кружковъ съ точками, покрытый превосходною зеленою патиной (1990), подобное Аксютинскимъ, массивное круглое бронзовое зеркало съ центральною ручкою, украшенное звѣздчатымъ рельефнымъ орнаментомъ, а на немъ комокъ яркой краски (румяня; 1991, 1992), желѣзный ножикъ (1993), два бронзовыхъ трехгранныхъ и нѣсколько такихъ же желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ (1994).

У 3-ей стѣнки гробницы, — мисочка изъ красной верхней глины, а въ ней фигурный сосудъ, съ боковою ручкою и орнаментомъ, состоящимъ изъ параллельныхъ линій и черточекъ разной длины, сведенныхъ въ два ряда треугольничковъ (1995, 1996).

Гробница № V. Подъ камнемъ, въ могильной ямѣ двухъ арш. дл. и ш. и 1 1/2 арш. гл., засыпанной битымъ камнемъ, крупнымъ булыжникомъ и землею, — слѣды разложившагося дерева и два молодыхъ остова, въ ЮЗ-мъ и ЮВ-мъ углахъ гробницы, въ сидячемъ положеніи: предплечья и лучевыя кости сложены на бедрахъ крестообразно, голени подогнуты подъ бедра, колѣни раздвинуты.

При первомъ остовѣ, — взяты три сохранившихся коренныхъ зуба (1997, — 1997), до 400 мелкихъ бусъ, совершенно сходныхъ съ такими же бусами Аксютинскихъ, Герасимовскихъ и Поповскихъ кургановъ Ромашенскаго уѣзда, Полтавской губерніи (1998), колечко изъ бронзовой проволоки, согнутой спирально въ четыре раза (2003), — браслетъ изъ плоской бронзовой проволоки съ концами въ видѣ звѣздчатыхъ головокъ (2004) и нѣсколько маленькихъ трехгранныхъ окислившихъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, изъ которыхъ можно было вынуть цѣлымъ только одинъ экземпляръ (2007).

При второмъ остовѣ найдены: болѣе 60 янтарныхъ, глиняныхъ, стеклянныхъ, германовыхъ и терепинныхъ бусъ разной формы и величины (1999 — 2001), колечко изъ бронзовой проволоки, свернутой спирально въ четыре оборота (2005), два плоскихъ бронзовыхъ браслета (2006), три бронзовыхъ трехгранныхъ и нѣсколько мелкихъ окислившихъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ (2008).

Въ СЗ-мъ и СВ-мъ углахъ гробницы, — очень разложившіяся бараньи кости и черепки глиняныхъ сосудовъ, между которыми можно было различить мяску, орнаментированную по вѣличку, и фигурный горшочекъ съ боковымъ ушкомъ (2009, 2010), окислившіе и разбитые комокъ желѣзные: мечъ, колѣе и два кинжала (172, — 2080 — 2084).

Гробница № VI. Подъ камнемъ, въ могильной ямѣ 3 четв. дл., ш. и гл., засыпанной камнемъ и землею, — остовъ въ сидячемъ положеніи, а при немъ, — два браслета изъ бронзовыхъ проволокъ (186, — 2011, 2012), два костяныхъ столбика неизвѣстнаго назначенія (2013, 2014), два костяныхъ четырехгранныхъ наконечника стрѣлъ (2015), четыре бронзовыхъ трехгранныхъ наконечника стрѣлъ и два желѣзныхъ такой же формы (2016, 2017), черепки глиняныхъ сосудовъ, разбитыхъ камней, безъ орнаментовъ, бараньи кости, желѣзные кинжалъ и колѣе съ изогнутымъ лезвіемъ (172, — 2077).

Гробница № VII. Разрушена при прорытіи канавы, отдѣляющей Часнокъ гору отъ прилежащихъ къ ней садовъ каррасскихъ каменщиковъ. На мѣстѣ этой гробницы найдены

мной только фрагменты человеческого остова, браслет из бронзовой проволоки (166,—2019) и железный наконечник копьа (172,—2079).

Гробница № VIII. Из могильной ямы в $1\frac{1}{4}$ арш. дл., ш. и гл., закрытой каменной плитой $2\frac{1}{2}$ арш. дл. и 2 арш. ш., съ выложенными камнем стѣнками и дномъ, открытъ полулежащій человеческій остовъ, обращенный спиной на ЮЗ; коды спиной 2 камня и слѣды дерева; при остоѣ, у ногъ,—черепки орнаментированныхъ глиняныхъ сосудовъ, раздавленныхъ камнемъ; у лѣваго бедра,—железное киркообразное орудіе (167,—2020) и железный ножикъ (2021); у лѣваго бедра,—железные кинжалъ (2022) и наконечникъ копьа (2023), шесть двугранныхъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ съ боковыми шипами, совершенно сходныхъ съ такими же стрѣлами курганныхъ могильниковъ въ окрестностяхъ с. Аксютинцы, Ромеискаго уѣзда (2024, 2025), бронзовое основание кисти формы юрники (2026); на правой рукѣ,—браслетъ изъ бронзовой проволоки съ орнаментированными концами (2027). Дно гробницы не камне выложено глиною.

Гробница № IX. На днѣ могильной ямы двухъ арш. дл., ш. и гл., заваленной камнемъ и землею со слѣдами дерева,—два остова въ сидячемъ положеніи.

При остоѣ, занимавшемъ СЗ-ый уголъ гробницы,—фигурный глиняный горшочекъ съ боковымъ ушкомъ (№ 2028), семь яитарныхъ бусъ (168,—2029), два проволочныхъ бронзовыхъ колецъ (2030, 2031) и два браслета изъ бронзовой проволоки (2032, 2033).

При остоѣ, занимавшемъ ЮЗ-ый уголъ гробницы,—нѣсколько железныхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, одинъ такой же бронзовый и два браслета изъ бронзовой проволоки съ расплюснутыми амѣвными концами (2034—2036, 2045).

У В-ой стѣнки гробницы,—черепки раздавленныхъ камнемъ глиняныхъ мисокъ и горшковъ, железные мелкіе наконечники стрѣлъ (2037—2039), наконечникъ копьа (2040), два кинжала, ножикъ и продырявленный камешный оселокъ (2041—2044).

Гробница № X. Изъ могильной ямы $1\frac{1}{2}$ арш. д., ш. и гл., съ вымазанымъ глиною дномъ, заваленной камнемъ и землею,—сидящій остовъ у З-ой стѣнки гробницы, а при немъ,—пучекъ мелкихъ трехгранныхъ железныхъ наконечниковъ стрѣлъ (2046), бронзовый браслетъ на правой рукѣ (169,—2047), четыре бронзовыхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ (2048, 2049), клинообразное железное орудіе (2050), железное копье (2052), железные мечъ съ ручкою и кинжалъ, железный ножикъ (2051, 2053—2055) и фрагменты раздавленныхъ глиняныхъ сосудовъ безъ орнаментовъ.

Гробница № XI. Въ могильной ямѣ, заваленной камнемъ и землею, со слѣдами дерева, на глубинѣ 5 четвертей,—полулежащій остовъ, съ голеними, положутыми подъ бедра, а при немъ,—фрагменты раздавленного камнемъ глинянаго сосуда и железное копье, обтянутое въ толстомъ концѣ железнымъ же кольцомъ (172,—2079).

Пробная траншея, прорытая мною въ саду колониста Пшагеруса, прилежащемъ къ Чеснокъ горѣ, обнаружила двѣ могилы, разрушенныя при устройствѣ сада; въ нихъ найдены только обломки человеческихъ костяковъ, черепки глиняной посуды, железный кинжалъ и двѣ крупныя сердоликовая бусы (159,—1892).

Могильникъ подъ Пятигорскомъ, у колоніи Карраса, въ урочищѣ Длинный Курганъ.

На возвышенности, именуемой мѣстными жителями Длинный Курганъ, лежащей въ разстояніи одной версты отъ Карраса, колонистами было открыто могильникъ гробницъ, подобный гробницамъ, открытымъ въ могильникѣ на Чеснокъ Курганѣ. Проверочная раскопка показала, что этотъ могильникъ до такой степени переконанъ добытателями камня, что въ настоящее время войти въ немъ волею уцѣлѣвшихъ гробницъ очень трудно: въ теченіе семидневной работы мною открыты здѣсь только три уцѣлѣвшія гробницы, по ихъ устройству и содержанію, совершенно сходныя съ гробницами могильника на Чеснокъ

Курганъ. Первая могила скрывалась подъ кучей булыжника, имѣвшей около трехъ арш. дл. и ш. и полтора арш. гл.; на двѣ могилы, заваленной наемъ, найденъ человѣческій остовъ, посаженный на сѣкъ камня, которымъ выложено дно могилы; остовъ былъ обращенъ спивою къ западу, руки сложены на бедрахъ, голова подогнута подъ бедра; въ ногахъ остова стояли два большихъ глиняныхъ сосуда, а съ боковъ его лежали: желѣзный мечъ, два копья, ножикъ, два кремня, сто бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и одинъ желѣзный, бронзовый браслетъ, два бронзовыхъ воронкообразныхъ предмета и каменный продырявленный осколокъ. Въ двухъ могилахъ, по устройству и положенію костей, сходныхъ съ предыдущемъ, найдены два глиняные сосуда, три бронзовыхъ браслета, двѣ косточки неопредѣленнаго назначенія, два костяныхъ и два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ и остатки двухъ окисшихъ кинжаловъ или копій. Въ томъ же могильникѣ, въ могилахъ, разновременныхъ добывателями камня, при проверочной ихъ раскопкѣ, найдены: два обломка бронзового зеркала, два цѣлыхъ и два поломанныхъ браслета, бронзовое кольцо, разнообразныя бусы, четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, обломки позеж, копій и кинжаловъ и черепки битыхъ глиняныхъ сосудовъ (172, 173, — 2078-2090).

Могильники разныхъ урочищъ окрестностей Пятигорска.

Третій могильникъ типа гробницъ Чеснокъ Курганъ открытъ былъ впадѣ большого кургана, лежащаго за кладбищемъ к. Карраса, между дорогами, ведущими изъ колоніи на Желѣзноводскъ съ одной стороны, а къ Лысой горѣ съ другой, въ разстояніи приблизительно ста сажень отъ той и другой дороги; здѣсь, по словамъ мѣстныхъ каменщиковъ, при проведеніи Желѣзноводскаго шоссе, подъ ровною поверхностью возвышенности, открыто было много могилъ съ человѣческими костями, при которыхъ находились глиняные сосуды, мѣдныя браслеты и мѣдныя наконечники стрѣлъ, совершенно похожіе на такіе же предметы, найденныя въ гробницахъ Чеснокъ горы. Сдѣланная мною проверочная раскопка обнаружила въ этой мѣстности только одну разрушенную могилу, въ которой, при остаткахъ человѣческаго остова, найдены три бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, обломокъ бронзового кольца и черепки разбитаго глинянаго сосуда (2091, 2092).

Четвертый могильникъ того-же типа былъ открытъ на склонѣ Бенштау, въ разстояніи около трехъ четвертей версты отъ колоніи Карраса, въ ста сажень отъ Пятигорскаго шоссе; здѣсь, по словамъ мѣстныхъ жителей, выбрано было много камня, прикрывавшаго могилы съ различными бронзовыми, желѣзными и глиняными вещами. Осмотрѣвъ эту мѣстность, я убѣдился въ существованіи здѣсь могильника, подобнаго предыдущимъ, но такъ переконаннаго, что было мало вѣроятности встрѣтить въ немъ востроуныя гробницы, а потому я предпочелъ перейти къ изслѣдованію могильниковъ, менѣе разрушенныхъ.

Пятый могильникъ, подобный Каррасскому могильнику на Чеснокъ курганѣ, былъ открытъ колонистами Николаевской колоніи на мѣстѣ, гдѣ разведенъ ими виноградникъ. По словамъ колонистовъ, при разработкѣ земли подъ виноградникъ были обнаружены каменные плиты, прикрывавшія собою заваленныя камнемъ могилы съ человѣческими костями, при которыхъ иногда встрѣчались бронзовые браслеты, равныя бусы, мѣдныя стрѣлки и глиняные горшки; изъ этихъ находокъ у колониста Ивана Байера сохранились приобретенныя мною голый бронзовый браслетъ съ концами въ видѣ шпильныхъ головокъ, поломанный тонкій браслетъ изъ бронзовой проволоки, огибавшій руку три раза, одинъ концевъ котораго имѣетъ видъ шпильной головки, и половинка бронзоваго проволочнаго колечка (2095—2097). Производить раскопки въ этой мѣстности было невозможно, такъ какъ она засажена виноградникомъ.

Наконецъ, шестой могильникъ этого вида былъ открытъ лѣтъ двадцать тому назадъ на В-мъ склонѣ горы Манука, въ урочищѣ Березъ, съ лѣвой стороны дороги, ведущей

изъ Николаевской колоніи въ колонію Константиновку. Изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей, между прочими, оказалось, что лѣтъ двадцать тому назадъ, когда они еще не умѣли добывать камень при посредствѣ пороха изъ естественныхъ его наслоеній, а весь каменный матеріалъ для построекъ собирали на поверхности земли, преимущественно изъ древнихъ могилъ, то особенно старались отыскать могилы, сложенные изъ каменныхъ плитъ и прикрытыя такими же плитами. Такое кладбище, между прочими, было найдено ими въ сѣверо-западномъ урочищѣ Берегъ, лежащемъ въ разстояніи двухъ верстъ отъ Николаевской колоніи. Весь камень изъ этого кладбища давно уже выбранъ, перевезенъ въ Николаевскую колонію и употребленъ на постройки. Выпавшая связившаяся глина, колонисты находили въ могилахъ человѣческія кости, много жѣлезныхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовыя бляшки, оловянное ящичко и проч.

Осмотрѣвъ урочище Берегъ, я нашелъ здѣсь ровную возвышенную площадь, около полуверсты въ длину и ширину. Съ запада надъ нею возвышается гора Манукъ, съ сѣвера протекаетъ дорога, ведущая изъ Николаевской колоніи въ колонію Константиновку, съ остальныхъ сторонъ ее ограничиваютъ крутые каменные спуски и обрывы, подъ однимъ изъ которыхъ вытекаетъ обильный источникъ прекрасной прѣсной воды. Съ этой площади открывается превосходный видъ на окрестныя горы и на долину по направленію къ станціи Минеральныя воды. Часть площади, помѣщенная надъ названнымъ источникомъ, составляла въ древности мѣсто общественной селѣтвы, защищеная съ одной стороны глубокою и широкимъ рвомъ, сѣдлы котораго еще явственно видны въ настоящее время, а съ другой стороны крутыми обрывами и спусками; другая часть той же площади была занята древнимъ общественнымъ кладбищемъ, на столько уничтоженнымъ колонистами, ради каменя, что въ настоящее время отыскать нетронутую могилу оказалось невозможнымъ. Въ различныхъ пунктахъ описанной площади мною вырыты пять пробныхъ ямъ, имѣвшихъ отъ одной до трехъ сажней въ ширину и длину, а въ глубину отъ двухъ до четырехъ арш. Въ одной изъ ямъ встрѣчена была одна изъ плитъ, составлявшихъ древнюю гробницу, разрушенную колонистами, а во остальныя ямы нѣсколько разрозненныхъ человѣческихъ костей и бронзовая воронкообразная вещь неизвѣстнаго назначенія. Три ямы доказывали существованіе на этомъ мѣстѣ связанной древней общественной селѣтвы, обнаруживъ толстый, до четырехъ арш. глубины, слой перегной растительныхъ веществъ, въ которомъ въ изобиліи попадались черепки древней глиняной посуды, часто украшенныя различными узорами, развитыя кости различныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ, уголь, зола, а въ одной ямѣ, сверхъ того, прекрасно сохранившаяся костяная проколка и два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, подобныя найденнымъ въ мыше оловянныхъ гробницахъ (№ 84).

Михетскій могильникъ у Военно-Грузинской дороги.

При разрѣзѣ возвышенности подъ г. Михетомъ для Военно-Грузинской дороги была открыта древній могильникъ, залегающій подъ ровною поверхностью земли, безъ наружныхъ признаковъ могилъ, получившій известность по раскопкамъ г. Байера 1871 и 1872 г.г. Въ сентябрѣ 1881 года Тифлисскій археологическій съездъ занялся съ этимъ могильникомъ посредствомъ раскопокъ, руководстве которыми было поручено графу Уварову, проф. Вирхову и мнѣ съ тѣмъ, что найденные предметы въ той или другой могилѣ будутъ принадлежать заведывающему ея раскопкою. Могила, раскопанная подъ номеръ наблюденія, помѣщалась съ лѣвой стороны дороги изъ Михета во Владикавказъ. На третьемъ аршинѣ отъ поверхности земли встрѣчена заваленная булыжникомъ каменная плита, въ моментъ свѣтля которой, когда уже замѣчель была въ могилѣ остатки двухъ человѣческихъ остолковъ, пошелъ сильный дождь, заставившій съездъ прекратить раскопку и кончить убѣ-

жища въ нагопахъ, скорѣ згѣвъ, соизвесо росписанію часовъ эвкурси. джикундига въ Кутакъ. Докопчить раскопку начатыхъ могилъ было поручено съѣздомъ мѣстнымъ археологамъ. По возвращеніи съѣзда изъ Кутанеа въ Тифлисъ, въ первомъ засѣданіи 16-го сентября было заявлено, что въ могилѣ, раскопанной подъ могилою наблюдениемъ оказались два человѣческихъ костяка, въ положеніи головами на Ю., туловища на снѣгъ, конечности вытянуты; а при костякахъ были найдены слѣдующіе предметы, переданные въ томъ же засѣданіи въ мое собраніе древностей: осколки обидіана (2111), колечко съ пальца руки изъ сердолика (2112), дѣтская игрушка изъ терракоты, въ видѣ голубя, въ полости котораго помѣщается какой то твердый предметъ, произвольный звукъ при сотрясеніи игрушки (2113), двѣ сережки изъ тонкихъ бронзовыхъ проволокъ съ подвѣсками—бусами въ бронзовой обдѣлкѣ (2114), обломки широкаго желѣзнаго кольца, обтянутаго бронзовою пластиною (2115) и фрагменты двухъ желѣзныхъ фибулъ (2116).

Курганы Бессарабін, Аккерманскаго уѣзда, у деревень Шабалата и Катаржи.

Въ 1904 году (см. выше стр. 20, 21) исследованы мною двѣ группы кургановъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ, у д. Шабалата и Катаржи или Каторги. Шабалатская группа была расположена, лежала въ растояніи около двухъ верстъ по дорогѣ изъ д. Шабалата въ д. Катаржу, востѣ Великаго кургана; состояла изъ 18 насыпей, 14 были расположены съ лѣвой стороны сказанной дороги, а 4 съ правой. Всѣ насыпи распаханы такъ, что болышинство изъ нихъ представляли собой едва замѣтныя возвышенія на пахати, а 7 мѣли, при широкіхъ основаціяхъ, отъ 40 до 80 арш. въ окр., только отъ одного до 3-хъ арш. выс. Четыре кургана были раскопаны г. Сивяевскимъ до материка, а конечно, въ нихъ ничего не было найдено, такъ какъ могилы залегали глубже, въ материкѣ. Я началъ исследование Шабалатской курганной группы съ насыпей, раскопанныхъ г. Сивяевскимъ, углубивъ его широкіе колодези до глинянаго материка, при чемъ оказалось, что онъ принялъ за верхушечный материкъ глину, выброшенную въ древности изъ могильныхъ ямъ, вырытыхъ въ глинистомъ материкѣ.

Во всѣхъ исследованныхъ курганахъ, подъ насыпями изъ чернозема, на черноземномъ материкѣ оказались небольшіе бугры глинъ, лежащіе на слоѣ черноземнаго материка и оточающіе четырехугольными черной землей, проникающей въ глубь глинянаго материка до дна могильныхъ ямъ. Вверху могильныхъ ямъ мѣли уступы въ размѣрѣ отъ 1-ой до 2-хъ четвертей, на которыхъ сохранялись слѣды разложившагося дерева отъ засаженки, найденные также и на двѣ могилы, подъ черною землей, лежащихъ ямъ вмѣстѣ съ обвалами могильныхъ крышъ или свѣшенокъ. Въ шести ямахъ две могилы были ровные, а на земѣ въ безпорядкѣ помѣщались остатки человѣческихъ костяковъ и разные бытовые предметы изъ глины, кости, желѣза, бронзы и стекла. Въ четырехъ могилахъ, на двѣ ямъ были вырублены гробовидныя помѣщенія, по бокамъ которыхъ, на уступахъ, сохранились слѣды деревянной внутренней засаженки, подъ остатками деревянной же обвалившейся верхней засаженки; по угламъ тѣхъ же уступовъ помѣщались глиняная посуда разной формы и величины, часто окрашенная, римскаго стила императорской эпохи; въ трехъ могилахъ такая посуда помѣщалась въ угловыхъ выемкахъ могильныхъ ямъ. Несомнѣнно всѣ могилы были ограблены въ древности посредствомъ раскопки сверху, потому что ни въ одной могилѣ не было найдено какихъ бы то ни было признаковъ материковыхъ подкопковъ; но невозможно было опредѣлить точно способъ ограбленія, потому что насыпи надвѣна разлаживаемыя и пропитыя множествомъ норъ сусликовъ и хомяковъ, представляли во всѣхъ частяхъ свои однородность состава.

Группа кургановъ, исследованная мною у д. Катаржи или Каторги, помѣщалась на землѣ Н. И. Мазиронца, на равнине между сказанною деревней и дорогою изъ

д. Шабалата из курортъ Будаки, и заключала въ себя до 40 нераспаханных насыпей, имѣвшихъ отъ 30 до 50 арш. въ окружности оснований и отъ 1 до 5 арш. остаточной высоты, изъ которыхъ мною раскопаны носемы кургановъ, посредствомъ широкихъ колодезей, въ размѣрѣ сѣзавъ, получившихся по удаленіи верхней части насыпи на третью высоту, углубляемыхъ до глинянаго материка. Какъ и въ курганахъ предыдущей группы, на черноземномъ материкѣ была обнаруживаема глина, выброшенная въ древности изъ могильныхъ ямъ, а на глиняномъ материкѣ продолговатыя черныя пятна указывали на положеніе и размѣры могильныхъ ямъ, совершенно однородныхъ по устройству и содержанію съ могильными ямами Шабалатской курганной группы, исследованной на землѣ М. В. Окулича. Но нераспаханная курганная группа у д. Катаржи дала возможность точно выяснитъ способъ ограбленія могилъ той и другой группы, такъ какъ въ нераспаханных насыпяхъ сохранились явные слѣды боковыхъ подковокъ, проведенныхъ отъ окружности оснований кургановъ по черноземному матерку до верхнихъ засылокъ могилъ, съ прорѣзами полъ внизъ, служившими для грабителей ходами въ могильныя помѣщенія; послѣ ограбленія подковки были засыпаны грабителями и курганы получали первоначальную форму, такъ что въ настоящее время насыпи не имѣютъ наружныхъ признаковъ ограбленія.

Курганы у деревни Шабалата.

Курганъ № I; в. 3. ок. 75 арш.; раскопанъ колодеземъ 15 арш. въ диаметрѣ. На черноземномъ материкѣ небольшие бугры глины, расположенные кругообразно, а внутри такихъ бугровъ черное пятно въ размѣрѣ $3\frac{1}{4}$ арш. дл. и 2 арш. ш., въ направленіи съ В. на З., означившее размѣры могильной ямы въ черноземномъ грунтѣ. Яма на глиняномъ материкѣ образуетъ уступы въ 2 четверти ш., со слѣдами разложившагося дерева; на материкѣ яма уменьшается до 3-хъ арш. дл., $1\frac{1}{4}$ арш. ш. и углубляется въ материкъ до 2 арш. гл.; на днѣ могилы вырублено помѣщеніе для покойника въ размѣрѣ $2\frac{1}{4}$ арш. дл., 1 арш. шир. и $\frac{3}{4}$ арш. гл.; на уступахъ вокругъ ямы и въ ямѣ слѣды разложившагося дерева. На днѣ могильной ямы, въ В-ой ея половинѣ,—голеви человѣческаго костяка въ первоначальномъ положеніи, показавшія, что покойникъ былъ погребенъ въ положеніи головою на З.; остальные части костяка были разбросаны частью на днѣ ямы, частью на ея уступахъ; у С-ой стѣнкѣ,—желѣзный, поломанный мечъ, съ отломанною рукояткою, лежалъ вполнѣ въ могилѣ, и слѣды разложившагося колчана съ 10 мелкими, треугольными бронзовыми наконечниками стрѣлъ; въ ЮЗ-омъ углу,—желѣзный ножикъ, съ отломанною костяною рукояткою, и кости барана: надъ нижней засылкою, въ выемкѣ ЮВ-го угла,—глиняная миска съ глиняной же конусообразной крышкой и два кубичныя изъ красной глины извѣстной формы.

Курганъ № II; в. 4. ок. 70 арш.; раскопанъ колодеземъ, подобнымъ колодезу предыдущаго кургана. На днѣ могильной ямы въ направленіи съ С. на Ю., имѣвшей въ черноземномъ материкѣ $3\frac{1}{4}$ арш. дл. и 2 арш. ш., а въ глиняномъ материкѣ около 3-хъ арш. дл. и $1\frac{1}{4}$ арш. ш., углубленной въ глиняный материкъ до 3-хъ арш., найдены остатки двухъ человѣческихъ костяковъ, разбросанныхъ по всему дну ямы; въ подбоѣ Ю-ой стѣнки могильной ямы помѣщались пять глиняныхъ сосудовъ,—горшокъ, горшечекъ, миска съ конусообразной крышкой, красный кубичекъ съ двумя ручками; у В-ой стѣнки,—кижаль съ бронзовымъ основаніемъ ручки, втулокъ конья, двѣ бронзовыя пряжки и наконечникъ пояса.

Курганъ № III; выс. 2. ок. 70 арш.; могильная яма 3-хъ арш. гл.; на днѣ человѣческихъ костей не найдено, а найдены только голеви барана, фрагменты стеклянаго сосуда формы бокала, украшеннаго рѣзными параллельными полосками по вѣнчику и по срединѣ сосуда и вертикальными парѣками сверху и снизу средней полосы, разбитое блюдо и

кувшинообразный сосудъ изъ красной глины, мелкие бронзовые бляшки и гвоздики, вързанные отъ козчана, и бронзовая пряжка.

Курганъ № IV; выс. $2\frac{1}{2}$, ок. 75 арш.; могильная яма 3-хъ арш. гл. въ направленіи съ С. на Ю.; на днѣ,—кости двухъ человѣческихъ костяковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, и слѣдующіе предметы: бусы сердоликовые, коралловые, стекляныя, глиняныя и желѣзныя, бронзовая фибула, желѣзный ножикъ, горшокъ съ конусообразной крышечкой, сосудъ формы вазы, красный сосудъ съ ручкою и желѣзная лампочка.

Курганъ № V; выс. 1, ок. 50 арш.; могильная яма $2\frac{1}{2}$ арш. гл. въ направленіи съ СВ. на ЮЗ.; на днѣ костей не найдено, а по всему дну были разбросаны желкія бусы разного состава и обломки бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ неизвестнаго значенія.

Курганъ № VI; выс. 2, ок. 60 арш.; могильная яма въ направленіи съ СВ. на ЮЗ. 3 арш. д., $1\frac{1}{2}$ арш. ш. и 3 арш. гл.; на днѣ,—остатки человѣческаго костяка, обрзцелнаго головою на СВ.; у ЮВ-ой стѣнки,—фрагменты желѣзнаго меча безъ ручки и бронзовая фибула; въ ЮВ-омъ углу,—два глиняныхъ сосуда.

Курганъ № VII; выс. 1, ок. 60 арш.; могильная яма въ направленіи съ СВ. на ЮЗ. 3-хъ арш. д., $1\frac{1}{2}$ арш. ш., съ двойнымъ лвомъ формы уступовъ, изъ которыхъ одинъ выше другого на $1\frac{1}{2}$ арш., а на нихъ,—фрагменты разбросанныхъ человѣческихъ костяковъ; на верхнемъ уступѣ нижнихъ бытовыхъ предметовъ не найдено, а на нижнемъ найдены только черепка миска изъ красной глины, пряслица и нѣсколько глиняныхъ и стекляныхъ бусъ.

Курганы №№ VIII и IX. Прикрывали собою также огражденные могилы, въ которыхъ никакихъ бытовыхъ издѣлій не сохранилось.

Курганы у деревни Катари.

Курганъ № I; выс. $3\frac{1}{2}$, ок. 60 арш.; могильная яма въ направленіи съ СВ. на ЮЗ. 3 арш. д., $1\frac{1}{2}$ арш. ш. и 2 арш. гл.; на днѣ,—только нижняя челюсть, голени и плечевая кость въ одной кучѣ, а остальныхъ частей костяка въ могилѣ не было; въ ЮВ-ой половинѣ насыпи обнаружены верхній подпоясъ въ могилѣ съ углубленіемъ въ черноземномъ материкѣ подъ верхнюю часть могильной ямы; въ подконтѣ найдены три человѣческихъ позвонка и ключица, а на днѣ могильной ямы, кромѣ скелетныхъ костей, найдены обломки браннаго черепа, до 20 мелкихъ бусъ, бронзовая бляшка и желѣзный ножикъ.

Курганъ № II; выс. 5, ок. 70 арш.; могильная яма въ направленіи съ С. на Ю. 3-хъ арш. д., $1\frac{1}{2}$ арш. ш. и $2\frac{1}{2}$ арш. гл.; на днѣ,—разбросанныя человѣческія кости, черепки красного сосуда, горшечекъ съ покрывкомъ, двѣ пряслицы и обломки окисляхъ желѣзныхъ предметовъ.

Курганъ № III; выс. 5, ок. 45 арш. Подконтъ въ насыпи, подобный подконтѣ кургана № I, но проведенный съ СВ-ой стороны насыпи въ верхней части могильной ямы, имѣвшей направленіе съ СВ. на ЮЗ.; на днѣ могильной ямы, лежащемъ въ материкѣ на глубинѣ 3-хъ арш.,—фрагменты двухъ человѣческихъ костяковъ, два глиняныхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ кувшинообразной формы изъ красной глины, и обломки бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ.

Курганы №№ IV—VIII; покрывали названнымъ способомъ огражденные могилы съ разбросанными человѣческими костяками и отсутствіемъ бытовыхъ издѣлій, за исключеніемъ мелкихъ бусъ, желѣзныхъ и бронзовыхъ обломковъ и черепковъ глиняныхъ сосудовъ.

Могилы Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, у с. Новогригорьевки.

Девять могилъ, открытыхъ мною въ 1884 году въ окрестностяхъ с. Новогригорьевки, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, отличались своимъ устройствомъ и содержаніемъ отъ всѣхъ остальныхъ могилъ, открытыхъ мною въ той-же мѣстности. Эти

девять могил не были покрыты курганами. По наружному виду, могилы представляли собою круглые, ровные пространства земли, от 16 до 40 аршинъ въ діаметръ, помѣщавшіяся на распаханных поляхъ, во обходимыя плугами пахарей, а потому поросшія дикими растеніями. Исследование показало, что плугъ обходилъ означенныя пространства по той причинѣ, что въ нихъ залегаетъ слой камня на глубинѣ отъ одной до двухъ четвертей отъ поверхности, покрывавшій собою могилы съ остатками групопожженія.

Могилка № I. Первое пятно было замѣчено мною въ разстояніи около 200 саж. отъ безостатной могилы по направлению на С. Незапаханное круглое пространство около 30 аршинъ въ діаметръ, поросшее травою, помѣщалось на нивѣ, засѣянной просомъ. На всемъ пространствѣ этого пятна, за исключеніемъ центральной его части, при посредствѣ стального плуга, обнаружены слой камня на глубинѣ двухъ четвертей отъ поверхности. Желая узнать причину присутствія камня подъ означеннымъ пятномъ, я очистилъ каменный слой отъ покрывавшей его земли, вынуть камень на всемъ пространствѣ пятна и всю землю подъ нимъ до глинянаго материка, лежащаго на глубинѣ пяти четвертей отъ поверхности пятна. При раскопкѣ, въ центральной части пятна, въ которой камня не оказалось, найдены: желѣзное кольцо, глиняный продырявленный шарикъ и нѣсколько тонкихъ золотыхъ бляшекъ; въ другихъ мѣстахъ, подъ каменнымъ слоемъ, являлись около двухъ четвертей толщины, состоявшими изъ булыжника и колотого камня, попадались уголь, обугленные кости человека и лошади, а сверхъ того, въ Ю-ой сторонѣ пятна найдены хорошо сохранившіеся наколочникъ кольца и двѣ бронзовыя квадратныя узорчатныя бляшки. Ясно было, что въ исследованномъ пунктѣ помѣщалась могила съ остатками групопожженія, главное содержаніе которой было вынута въ давнее время посредствомъ раскопки центральной части могилы.

По исследованіи описанной могилы, были осмотрѣны мною окрестныя поля, найдены и раскопаны еще 8 могилъ, подобныхъ только что описанной. Шесть изъ нихъ были также ограблены въ давности, а двѣ сохранились нетроутыми давними поселателями могильнаго содержанія. При раскопкѣ шести нивацъ, боковыя части ихъ оказались тщательно выделанными булыжникомъ, битымъ камнемъ и плитками, а въ среднихъ частяхъ котъ и встрѣчался камень, во перекопанный и сброшенный въ безпорядкѣ. Эти шесть ограбленныхъ могилъ имѣли слѣдующіе размѣры и содержанія.

Могилка № II. Подъ каменнымъ слоемъ 45 арш. въ окружности не было найдено никакихъ предметовъ, за исключеніемъ угля и жженыхъ костей. Съ Ю-ой стороны его на глубинѣ двухъ четвертей отъ поверхности земли обнаружена каменная полукруглая стѣнка въ 2 арш. ширины и 2 четверти толщины, сложенная изъ булыжника и битого камня, значеніе которой опредѣлить трудно, такъ какъ при откапываніи ее до материка никакихъ предметовъ не найдено.

Могилка № III. Подъ слоемъ камня около 30 арш. въ окружности, въ центральной, въ давности раскопанной части, найдены только черепки разбитого глинянаго сосуда.

Могилка № IV. Подъ слоемъ камня около 100 арш. въ окружности, въ Ю-ой половинѣ, подъ верхнею частью каменнаго слоя, между углемъ и жжеными костями найдены: желѣзныя ножъ, желѣзная псалія, два бронзовыя треугольныя наколочника ступля, бронзовая квадратная бляха съ профуажомъ на срединѣ и бронзовая продолговатая пластинка.

Могилка № V. Подъ каменномъ закладкомъ 45 арш. въ окружности найдена только разбитая глиняная мисочка.

Могилка № VI. Подъ каменномъ закладкомъ 60 арш. въ окружности, кромѣ угля и жженыхъ костей, найдены: терракотовая амфора, разбитая на множество кусковъ, обломки сосуда изъ простой глины и половина крупной стеклянной глазированной бусы.

Могилка № VII. Подъ каменномъ закладкомъ 120 арш. въ окружности, въ Ю-ой ее половинѣ, подъ частью каменнаго слоя, нерушеннаго давними поселателями могила, кромѣ

угля и женских костей, найдены: разбитый сосуд из красной глины, согнутый стрел, но не сложенный желтый меч, три бронзовые пластинки с проделками в ямки бронзовыми гвоздиками и в одной куче желтые наконечники стрелы и удила, бронзовая пряжка, три круглые золотые бляхи с выдавленными на ямки изображениями медведя, две узорчатые продолговатые золотые бляхи с заостренными концами и двадцать продолговатых четырехугольных золотых бляшек.

Нижеописанные две могилы не были ограждены. — и их содержание сохранилось полностью.

Могилка № VIII. Под слоем чернозема в две четверти толщиной обнаружен слой обильных камней, от одной до двух четвертей в поперечнике. В слое были найдены в центральной части каменной закладки попадались отдельные кости четвероногих животных и птиц и черепки разбитых глиняных сосудов, впрочем, остатки погребальной урны. Под слоем камня, также в центральной части, на глубине аршина от поверхности, на пространстве шести аршин в квадрате были найдены следующие предметы: уголь, женские лопатки и человеческие кости и черепки глиняного сосуда; желтый меч и нож с покрывавшими их золотыми бляхами; двадцать крупных желтых треугольных наконечников стрелы с приклепанными к ним обломками золотой бляхи, впрочем, покрывавшей колчан; пряжка на ради фибулы; бронзовая позолоченная пластинка около пяти четвертей длины, свернутая в четыре раза (возле); позолоченная бронзовая четырехугольная бляха с тремя сердцевидными гребнями для камней или стекол; удила, одна половина которых бронзовая, а другая желтая; золотые: две полукруглые бляхи, украшенные чешуйчатым узором, покрывавшие колчан; две продолговатые бляхи, повидимому, украшавшие сабля; две пятиугольные бляхи с круглыми стеклами по средине; две крестообразные бляхи с круглыми стеклами по средине; две крестообразные бляхи с круглыми стеклами по средине и четыре квадратные стеклышки по бокам; две узорчатые бляшки формы полумесяца; три продолговатые узорчатые бляхи с красными квадратными камнями у основания; обломок овальной бляхи, украшенной восьмью красными камнями; позолоченная бляха, украшенная четырнадцатью камнями; часть такой-же бляхи с одиннадцатью камнями; пластинка с пятью красными камнями; продолговатая бляха с пятью сердцевидными гребнями для камней или стекол; пять продолговатых четырехугольных блях с четырьмя камнями каждая; три бляхи той-же формы без камней; восьмиугольная бляха с тремя камнями и такая-же бляха без камней; две маленькие круглые узорчатые бляшки; шапочка гвоздя с камнем; пряжка с серебряным кольцом, украшенная десятью камнями; две серебряные пряжки, обтянутые золотыми бляхами, с квадратными гребнями для стекол; золотые пряжки с четырьмя треугольными гребнями для камней и кольцо от такой-же пряжки; две бронзовые пряжки; золотой слиток, с сохранившимися частями золотой бляхи и половиною серебряного кольца; серебряный слиток, повидимому, от раскопанной фибулы; слитки от предметов неизвестного назначения и обломки золотых, серебряных и бронзовых блях различной формы и величины.

Перечисленные предметы были разбросаны на выщелканном пространстве в совершенном беспорядке. Признаков сожжения трупов на этих могилах не было: уголь, женские кости и все перечисленные предметы попадались в слое черной земли, не имевшей никаких признаков обжигания. — Две эти могилы, под тем же слоем чернозема слышались нерушимый материковый слой желтой глины, на котором тоже не было замечено никаких признаков дымового огня. По видимому, труп покойника, его лошадь, оружие и украшения были сожжены вне могилы, а после сожжения остатки костра собраны, разлиты в глубокую могилу и прикрыты слоем чернозема и камнями.

Могилка № IX. Вторая сохранившаяся могила отличалась от предыдущей только тем, что имела значительно большую каменную закладку. На третьей четверти от поверхности

земли обнаружены слой камня на пространстве около 30 аршинъ въ диаметръ, въ дѣлѣ четверти толщиной, подъ центральною частью котораго, на прострѣяствѣ около 10 аршинъ въ диаметръ, въ слой черной земли, выжиномъ три четверти толщины и лежащемъ на материковомъ слой желтой глины, найдены разбросанными въ безпорядкѣ слѣдующіе предметы: уголь, жженныя человѣческія, лошадиныя и барыныя кости, обломки раздавленныхъ землемъ глинянаго и стеклянаго сосудовъ; хорошо сохранившійся желѣзный мечъ пяти четвертой длины съ надѣгомъ на его рукоятку шестигранною желѣзною продолговатою пластинкою; лежащая у рукоятки меча предметъ желѣзнаго калачовѣл, состоящій изъ серебрянаго тѣла, обтянутаго круглою золотомъ пластинкою, инкрустированная десятью красивыми камнями и продолжнаго выжиномъ стержнемъ въ кружную, круглую янтарную бусу; двѣнадцать крупныхъ треугольныхъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ; золотыя: двѣ полу-круглыя бляхи, украшенныя чешуйчатымъ узоромъ, покрывавшія колчанъ; двѣ бляхи, украшенныя оваломъ съ прикипѣвшими къ одной изъ нихъ частью серебрянаго кольца и продолговатою четырехугольною бляшкою, съ гребнями для камней; продолговатая бляха, украшавшая поясъ кожан; бляха, сложенная влво, украшавшая рукоятку пояса; четыре четырехугольныя бляхи; четыре ромбовидныя бляхи; двѣ пятиугольныя бляхи съ круглыми стеклами посрединѣ; обломки крестообразной бляхи, украшенной стеклами или камнями; четырехугольная продолговатая бляха, украшенная шестнадцатью сердоликами; продолговатая четырехугольная бляха съ восемью квадратными гребнями для стеклъ или камней; двѣ продолговатыя четырехугольныя бляхи, каждая съ тремя сердцевидными гребнями; узорчатая бляха формы лоджиса; три продолговатыя узорчатая бляхи формы выкопчиковъ пояса; продолговатая четырехугольная бляха съ шестью треугольными камнями; два обложка бляхи, подобныя предъидущей; пять продолговатыхъ, четырехугольныхъ бляхъ съ четырьмя камнями каждая; бляха, подобная предъидущимъ, но безъ камней; бронзовый гвоидикъ съ золотомъ шапочкою и сердоликомъ къ ней; золотая четырехугольная пластинка украшенная тремя сердоликами, повидному, украшавшая элетровою пряжку, при которой вышивка; серебряная пряжка, обтянутая золотомъ бляшкою, съ квадратнымъ стекломъ; золотая пряжка съ двумя овальными стеклами или камнями, обтянутая золотомъ бляшкою; бронзовая согнутая наставка около аршинъ длины; слитокъ, состоящій изъ желѣзной пластинки, угла, обломковъ газавой золотой бляхи и продолговатой четырехугольной золотой бляхи съ четырьмя камнями; слитокъ, состоящій также изъ желѣзной пластинки съ прикипѣвшими къ ней обломками гладкой золотой бляхи, золотой крестообразной бляхи, украшенной стеклами или камнями, двухъ продолговатыхъ золотыхъ бляхъ, каждая съ шестью красивыми камнями, и массивнаго серебрянаго кольца; обломки золотыхъ бляхъ равной формы и величины.

Признаковъ труносожженія на мѣстѣ этой могилы, какъ и предъидущихъ, не было; уголь, жженныя кости, оружіе и украшения во всѣхъ описанныхъ могилахъ были найдены подъ слоемъ камня, въ слой непорочивской черной земли, лежащемъ на материковомъ слой желтой глины, также не прожженомъ.

Всѣ перечисленные предметы, найденныя въ описанныхъ могилахъ съ остатками труносожженія, поступили въ распоряженіе Императорской Археологической Комисіи и помѣщены въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ первомъ шкафу на право при входѣ въ первую залу свитскаго отдѣленія Эрмитажа. Съ разрѣшенія Императорской Археологической Комисіи слѣдующіе дублеты были оставлены для обрѣна въ музей собранія древностей и нынѣ хранятся въ И. Рос. Истор. музеѣ: круглая, смитая камень, металлическая бляха, покрытая золотомъ пластинкою, съ вытиснутымъ рельефомъ изображеніемъ человѣческаго лица (212, — 2930); золотая поясная бляха, украшенная четырьмя камнями—сердоликами, помѣнявшими свой цвѣтъ отъ огня (2931); золотая поясная бляха, крашевая тремя продолговатыми камнями (2932); серебряная пряжка, украшенная золотомъ пластинкою съ

круглымъ стекломъ въ среднѣхъ (3033); массивная узорчатая золотая пряжка съ двумя овальными гнѣздами отъ несохранившихся камней (3034); фрагментъ крестообразной бляхи, украшавшей ручку меча, съ частью покрывавшей ее золотой пластинки и однимъ квадратнымъ стеклышкомъ (3035); обломокъ поясной металлической бляхи, украшенной пазлалкою золотой пластинкою (3036); круглая золотая бляшка съ камнемъ въ среднѣхъ (3037); фрагменты золотыхъ бляшекъ (3038, 3039); круглая узорчатая золотая бляшечка (3040); два крупные трехгранные желѣзные наконечники стрѣлъ съ приквившимъ обломкомъ золотой бляхи, украшавшей колчаль (3041); шесть фрагментовъ гладкихъ золотыхъ бляхъ, украшавшихъ колчаль и футляры ножей (3042—3047); обломокъ гладкой золотой бляхи съ приквившимъ къ ней серебрянымъ салтыкомъ (3048).

Всѣ золотые, серебряные и бронзовые предметы, украшенные камнями и стеклами, по ихъ формамъ, составу и орнаментикѣ, совершенно сходны съ такими-же предметами, открытыми въ Трансильваніи съ монетами V вѣка по Р. Х., хранящимися въ національномъ Буда-Пештскомъ музее (шкафъ № 24), называемыхъ древностями времени Аттилы. Несомнѣнно описанныя древности окрестностей Новоградъ-Сыровецкаго, — дуплеты описаннымъ древностямъ Буда-Пештскаго музея, — относятся къ тому-же времени.

Общая характеристика могилъ скифо-сарматской эпохи.

Скифо-сарматская эпоха является историческій періодъ южной Россіи со времени передвиженія Скулотовъ въ Каммерійскую землю и образованія между Дономъ и Дунаемъ Скулотскаго царства до времени образованія въ южной Россіи Коларскаго царства.

Могильники сказаннаго періода, изслѣдованные мною в другіи лицами въ предѣлахъ между сѣвернымъ Кавказомъ и областями рр. Днѣстра и Вислы и между Чернымъ моремъ и областями рр. Припяти, Десны, Сѣвня, Сулы, Псла и Ворсклы, по различію устройства и содержанія, я раздѣляю на 4 группы, соответствующія четыремъ періодамъ исторіи скифо-сарматскаго народа въ южной Россіи.

1. Могильники каменной и бронзовой культуры, лежащіе въ предѣлахъ Скулотскаго царства, основаннаго между Дономъ и Дунаемъ въ VII-мъ и до Р. Х.; отличаются скорченными и окрашенными костиками и бытовыми издѣліями только изъ дерева, глины, кости, камня, мѣди и бронзы; это могильники племенъ, вшедшихъ въ составъ народонаселенія Скулотскаго царства и сохранявшихъ культуру и обрядъ погребенія покойниковъ, господствовавшія въ Каммерійской землѣ до передвиженія въ нее Скифовъ—Скулотовъ.

2. Могильники желѣзной культуры времени существованія между Дономъ и Дунаемъ Скулотскаго царства, описаннаго Геродотомъ, до разгрома этого царства Филиппомъ Македонскимъ (399 г. до Р. Х.), передвиженія въ его предѣлы Сарматовъ и образованія между Дономъ и Дунаемъ двухъ царствъ, — царства Босфорскаго съ восточной стороны Днѣпра и царства Гетовъ или Даковъ съ западной его стороны.

3. Могильники времени обособленнаго въ политическомъ отношеніи существованія царствъ Савроматовъ и Гетовъ до разгрома Гетскаго царства римскимъ императоромъ Траяномъ и движенія народонаселенія этого царства въ области, лежащая надъ Днѣпровскими порогами.

4. Могильники со времени завоеванія царства Гетовъ Римлянами и образованія надъ Днѣпровскими порогами царства Россовъ до времени разгрома этого царства Козарями и образованія въ южной Россіи Коларскаго царства, движущаго народонаселеніе царства Россовъ изъ степныхъ въ лѣсистыя области центральныхъ и сѣверныхъ губерній Россіи, гдѣ они въ IX столѣтіи явились политически и географически разрозненными племенами, говорящими русскимъ языкомъ.

Общую характеристику могильников южной России первой группы я представил уже выше в общемъ обзорѣ устройства и содержания могилъ южной России киммерійской эпохи; следовательно предстоитъ общая характеристика только могильниковъ трехъ послѣднихъ группъ, относящихся къ періодамъ господства Скулотовъ, Сарматовъ и Россомъ или Россомъ въ народонаселеніи областей южной России, лежащихъ впадь Повтомъ между Дономъ и Дунаемъ.

Въ отличіе отъ могилъ киммерійской эпохи и языческихъ могилъ новѣйшихъ историческихъ періодовъ (могилъ русскихъ, немецкихъ и татарскихъ) могилы періодовъ господства между Дономъ и Дунаемъ Скулотовъ, Сарматовъ и Россомъ должны называться могилами періодовъ скелотскаго, сарматскаго и русскаго.

Могилы скелотскаго періода.

Скулоты принадлежали въ Наддонскія области изъ древняго Ассирійскаго царства не только матеріальное богатство народовъ высокой степени развитія желязной культуры, но также и новыя государственныя и религіозныя повлія, на которыхъ построили свое царство между Дономъ и Дунаемъ, описанное Геродотомъ въ полемѣ V-го в. до Р. X.

Организація Скулотскаго царства.

По свидѣтельству Геродота, Скулоты вели свое происхожденіе отъ Таргетая, перваго Скулота, имѣвшаго трехъ сыновей: Липоксея, Ариоксея и Колоксея; отъ перваго произошли Ахаты, отъ втораго—Катиары и Трапины, отъ третьяго—Паралаты; „общее названіе всѣхъ Скитовъ, по названію царя ихъ,—Скулоты; Скитыя называютъ ихъ *Болыны*“ (г. 1—7).

Объемъ территоріи владѣній, составлявшихъ Скулотское царство, опредѣляется такъ: „Отъ *Истра* до *Бористена* двести дней пути и столько же отъ *Бористена* до *Местиды*; такъ же и по направленію отъ моря внутрь страны до *Меланхленовъ*, что живутъ надъ *Скитыями*, двести дней пути; а дневной путь я опредѣляю въ двѣсти стадій; такимъ образомъ поперечныя стороны Скитіи имѣютъ по 4000 стадій; такой же длины и продолжныя стороны, идущія отъ моря внутрь материка. Таковъ объемъ этой страны“ (г. 117).

Территорія Скулотскаго царства дѣлилась на области, а въ народонаселеніи—на племена; съ западной стороны Бористена, вдоль рѣки Гипаниса (Буга), первую область отъ моря занимали *Калитиды*, выше ихъ жили *Алазоны*, надъ Алазонами *Скиты-оританы*, а надъ ними—*Невры*; къ сѣверу отъ Невровъ—пустыня. Съ восточной стороны Дѣйлра первая отъ моря земля была *Галія (Польскя)*, надъ нею жили „*Скиты-георцы*“—земледѣльцы, прозванные *Бористеницами*, занимавшие область, простиравшуюся къ востоку на три дня пути, до рѣки *Пантиспаны*, а къ сѣверу, по теченію Бористена, на сдвигавшатай день пути; надъ ними простиралась пустыня, за которой обитали *Андрофаги*, „*племени особаго, не скитскаго*“. Къ востоку отъ Скитовъ-георцовъ, за рѣкою *Пантиспаною* обитали „*Скиты-наклады*“, область которыхъ простиралась на 14 дней пути, до рѣки *Герра*; а по ту сторону рѣки *Герра* находились „*царскія владѣнія*“, простиравшіяся на югъ до *Тавриды*, торжиска *Крима* на *Местидскомъ* озерѣ и р. *Тиданса*. Земли, лежащія къ сѣверу отъ *Царскихъ Скитовъ*, были владѣнія *Меланхленами*, „*народомъ особымъ, не скитскимъ*“ (г. 17—21).

За исключеніемъ *Грековъ*, жившихъ въ торжискахъ сѣвернаго побережья *Чердаго* моря, всѣ племена Скулотскаго царства имѣли общаго верховнаго царя, почитавшихъ общими богами, имѣли общія государственныя и религіозныя учрежденія, говорили однимъ языкомъ (г. 17, 20, 22, 23, 106, 108, 117) и составляли *одно государство, изъ котораго происходилъ племя Царскихъ Скитовъ*, подобно тому, какъ въ X-мъ столѣтіи племя *Руссовъ* господствовало надъ другими славяно-русскими племенами; „*Царскія владѣнія* находятся

по ту сторону Гетта, гдѣ живутъ лучшіе и многочислѣннѣйшіе Скиты, почитающіе прочихъ Скитовъ своими подданными... Гдѣ умершаго скитскаго царя везутъ по землямъ подвластныхъ народовъ, и гдѣ, къ которымъ привозятъ покойника, дѣлаютъ то же самое, что и Царскіе Скиты...» (г. 20, 71).

Каждое племя Скитскаго государства имѣло своего местного племеннаго царя, состоявшаго подъ властью царя Царскихъ Скитовъ, подобно тому какъ въ X-мъ столѣтіи въ городахъ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полонскѣ, Ростовѣ, Любечѣ и другихъ городахъ русскихъ сѣдѣли мѣстные князья, состоявшіе подъ властью Кіевского князя Свята. Мѣстными племенными царями Скитовъ были, напримѣръ, знаменитый въ древности скитскій мудрецъ *Амазарисос*, убитый царемъ *Савсіемъ* за нарушение скитскихъ обычаевъ (г. 76), и царь *Сюносисъ*, командовавшій однимъ изъ отрядовъ скитскаго войска въ войнѣ съ Царями, состоявшаго подъ общими начальствомъ царя *Идемитирса* (г. 128).

Племенные области дѣлились на „околотки“—волости, въ каждой изъ которыхъ была своя жертвенная бога войны, а во главѣ ближайшаго управленія волостей стояли „архонты“, подобныя „старшійшинамъ“ волостей Русской земли X-го столѣтія (г. 52, 66, 79).

Существованіе описанной Геродотомъ Скитской державы длится около 250 лѣтъ со второй половины VII-го до начала IV-го вѣка до Р. Х. (399 г.), когда по снѣдѣтельству Троя Помпея, *Филиппа Македонскій* разрушилъ это царствіе: воспользовавшись междоусобіемъ мѣстныхъ царей, онъ „разбилъ войска скитскаго царя *Аноя*“ и вывелъ изъ Царской Скитіи въ Македонію 20 тысячъ плѣнныхъ женщинъ и дѣтей. Этимъ событіемъ кончается скитскій и начинается сарматскій періодъ исторіи южной Россіи.

Обряды погребенія Скитскаго царства.

Описывая „государственными учрежденіями“ Скитовъ, Геродотъ относитъ къ нимъ и обряды погребенія царя Царскихъ Скитовъ, характеризуя его чертами, имѣющими первостепенный интересъ для русскаго историка и археолога: „Царскія гробницы находятся въ Гетрахъ, до которыхъ *Ворисскіе судоловцы*. Когда у нихъ умретъ царь, адъи выкапываютъ большую четырехугольную яму; наготовивъ ее, покрываютъ трунъ царя носкомъ; разрезаютъ и вычищаютъ живото, являютъ его рубленымъ куверомъ, лаланомъ, сѣменами сельдерея, анисомъ; яктѣи заливаютъ и везутъ къ другому племени, гдѣ, къ которымъ прикутѣ покойника, дѣлаютъ то, что и Царскіе Скиты: отрубываютъ себѣ часть уха, обстригаютъ кругомъ волосы, надрубываютъ руки, разцарапываютъ зобъ и носъ и пропикаютъ сурьлой лѣвою рукою. Оттуда трунъ царя везутъ на носокѣ къ другому племени, имъ подвластному; а гдѣ, къ которымъ привезли раньше, слѣдуютъ за ними. Объявляя такимъ образомъ вѣсть, они приѣзжаютъ къ Гетрамъ, которые изъ всего подвластныхъ народовъ имѣютъ на самой отдаленной окраинѣ, въ землѣ которыхъ находится кладбище. Здѣсь кладутъ трунъ въ могилу на козелкахъ, но обѣимъ сторонамъ его вбиваютъ колья, на нѣтъ кладутъ брусъ и все покрываютъ ромею; а въ оставшемъ пространствѣ могилы хоронятъ одну изъ яловяницъ царя, предварительно умертвивъ ее, а также вичачеріи, похара, коидѣха, слугу, вѣсника, ладидей, не отборнаго штукъ всякаго другого скота и золотыя чаша (серебро и мѣль не уногребляютъ скитскіе цари); послѣ всего этого они все выветѣ насыпаютъ большой курганъ, вслѣдствіе старанья насыпать его возможно больше... Такъ хоронятъ Скиты своихъ царей; въ случаѣ же смерти прочихъ Скитовъ, ближайшіе родственники обвоаютъ покойника на носокѣ на вѣсть его друзей; каждый изъ яктѣ устриваетъ угощеніе провожатнымъ, при чемъ и покойнику бросаютъ часть вѣщей явствъ, предлагаемыхъ другамъ. Частыя яктѣ везутъ такимъ образомъ 40 дней, а потомъ хоронятъ. Послѣ похоронъ Скиты означаютъ себѣ“... (г. 71—73).

Следовательно, въ эпоху Геродота Скороты не сожигали, а хоронили своих покойниковъ въ могильныхъ ямахъ, приготовляя для своихъ царей такая ямы вдали отъ Червлаго моря, въ области Герросъ, лежащей на сѣверной окраинѣ Скоротской территоріи, съ восточной стороны Дѣвпра. Проф. Ф. Г. Мищенко на своей „картѣ Геродотовой Скиѣи“ основательно помѣстилъ Геродотовъ Герросъ въ предѣлахъ области р. Сулы (Геродотъ; пер. Мищенко, между стр. 302 и 303; изд. П., 1888 г.). На эту удаленность отъ Червлаго моря кладбища скоротскихъ царей указываютъ также приводимыя Геродотомъ слова царя Иданапрса царю Дарію: „Вѣсть у насъ могилы предшлю, попребуйте розыскать ихъ и рысать, — тогда узнаете, будемъ мы сражаться съ вами, защищая гробницы, или не будемъ“ (с. 127), и свидѣтельства Геродота о владѣніяхъ скоротскихъ племенъ съ восточной стороны Дѣвпра: „Со стороны моря первымъ будетъ Паллосъ; а отъ него вверхъ живутъ Скиты — земледѣльцы... эти Скиты — земледѣльцы занимаютъ къ сѣверу пространство на 11 дней навзничъ вверхъ по Бористону; надъ ними уже на обширное пространство раскинулась пустыня, въ которой живутъ Андрофаты, особое племя, вовсе не скитское!... По ту сторону Герра находится такъ называемая царскія владѣнія и живутъ самые лучшіе и многочисленныя Скиты, считающіе прочихъ Скитовъ своими рабами. Занимаемая ими мѣстность простирается къ югу до Таврики... Мѣстности, лежащія къ сѣверу отъ Царскихъ Скитовъ, занимаютъ Мелавляны, особое, не скитское племя“ (с. 18, 20).

Следовательно, по свидѣтельствамъ Геродота въ V-мъ в. до Р. Х. племена Царскихъ Скитовъ — Скоротовъ были подвластны владѣнію всѣхъ скитскихъ племенъ сѣвернаго и восточнаго состоянія, лежащихъ между Дунаемъ и Дономъ и простиравшихся на сѣверъ съ восточной стороны Дѣвпра на 20 дней пути, то есть на 700 верстъ, до южныхъ уѣздовъ Черниговской и Курской губерній; а въ непосредственномъ владѣніи племенъ Царскихъ Скоротовъ состояла область отъ верхняго и средняго теченія р. Сулы, до Азовскаго моря и р. Дона; на сѣверной окраинѣ этого владѣнія, въ самой отдаленной его части, вблизи Дѣвпра, въ области р. Герры — Сулы, помѣщалось кладбище древнѣйшихъ гробницъ Скоротскихъ царей.

Археологическія раскопки оправдали свидѣтельства Геродота о географическомъ положеніи, устройствѣ и содержаніи гробницъ скоротскихъ царей; гробницы большихъ кургановъ Палтавской губерніи, подобныя открытымъ мною въ Старшей Могилѣ и курганѣ № II у с. Аксютинцы, соответствуютъ Геродотову описанію царскихъ гробницъ, лежащихъ на сѣверной окраинѣ владѣній Царскихъ Скитовъ, представлявшихъ собою четырехугольныя ямы, сточенныя и покрытыя деревянными сваями, снабженныя богатымъ содержаніемъ, скрытымъ подъ громадными земляными курганами.

Подобно Царскимъ Скоротамъ, каждое племя, входившее въ составъ Скоротскаго царства, имѣло свою географическую область, соответствовавшую данной рѣкѣ; были Истрияны (Дунайцы), Тирагеты (Дѣвстрияне), Анзаты и Скиты-ораты (Буяны), Бористениты (Дѣвпраны). Владѣнія союзныхъ племенъ отдѣлялись другъ отъ друга пустынями междурѣчьями, возвышенными водораздѣлами, на которыхъ мѣстныя скоротскія племена хоронили своихъ мѣстныхъ племенныхъ царей, насыпая надъ ихъ гробницами курганы, подобныя курганамъ Посульскаго царскаго могильника.

Устройство могилъ Скоротскаго царства.

Обыкновенную форму скоротскихъ могилъ представляють курганы, покрывающій яму, вырытую въ глиняномъ материкѣ, развой величиной, съ однимъ, двумя и болѣе костями. Въ

⁴ Дѣйствиательно, всѣ этия уѣзды, лежащіе съ восточной стороны Дѣвпра сѣвернѣе устья р. Сулы, въ предѣлахъ Палтавской и Черниговской губерній, не были заселены въ скито-сарматскую эпоху, — не имѣютъ могильниковъ этой эпохи.

многокурганыхъ кладбищхъ всего чаще встрѣчается вертикальная прямоугольная могильная яма отъ 2½ до 4 арш. длины, отъ ½ четвертой до 3 арш. ширины и отъ 1 до 4 арш. глубины, оточенная съ боковъ деревяннымъ срубомъ и покрытая сверху деревяннымъ помостомъ и землянымъ курганомъ отъ 1 до 5 арш. отвѣсной высоты и отъ 20 до 30 арш. въ окружности основания. Въ мѣстностяхъ, изобилующихъ камнемъ, в мѣстностяхъ степныхъ деревянная заскелка часто замѣняется камелными плитами, а въ южнхъ курганахъ срубллется слоемъ круплага и мелкаго булыжника. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ встрѣчаются курганы большихъ размѣровъ, отъ пяти до двадцати пяти аршинъ отвѣсной высоты и отъ пятидесяти до трехъ сотъ аршинъ въ окружности основания, съ деревянными, а иногда камелными гробницами формы жнлыхъ помѣщеній, до двѣнадцати аршинъ длины, восьми аршинъ ширины и шести аршинъ глубины. Въ степныхъ мѣстностяхъ иногда вертикальные ямы, получаемыя на входнхъ кургановъ, ведутъ въ катакомбныя помѣщенія разной формы, вырубленныя въ влостныхъ слояхъ глинъ, на различной глубинѣ отъ поверхности, отдѣланныя отъ входовъ деревянными или каменными заслонками. Ноцъ большими курганами встрѣчается и нѣсколько могильныхъ помѣщеній, изъ которыхъ, одно главное, центральное, заключающее въ себѣ прахъ покойника, надъ которымъ сооруженъ курганъ, а въ остальныхъ помѣщаются его приближенныя, слуги, лошади и домашняя утварь. Иногда къ курганамъ, басканнымъ надъ могилами, вырытыми въ материкѣ, встрѣчаются земляныя, деревянные и каменныя могилы, помѣщаемыя въ насыпи.

При сравненіи устройства могилъ Киммерійской эпохи съ устройствомъ могилъ Скулетскаго царства замѣчается повсемѣстно слѣдующее различіе. Въ многомогильныхъ курганахъ киммерійской эпохи часто встрѣчается погребеніе покойника въ насыпи кургановъ, на материкѣ и въ материковыхъ могильныхъ ямахъ безъ признаковъ вполнѣ погребеннаго тѣла отъ чернозема, въ которомъ помѣщается могила. Въ курганахъ же скитской эпохи наблюдается такое устройство гробницъ, въ которомъ ясно проявляется желаніе изолировать трупъ отъ чернозема и воды, могущей проникнуть въ могильную яму черезъ черноземъ; даже въ небольшихъ курганахъ скитскаго періода, имѣющихъ одинъ, два арш. выс., могильная яма углублена въ глиняный материкъ и тщательно прикрыта сверху деревянною заскелкою, опирающеюся своими концами на уступы, вырѣзанныя вокругъ могильной ямы въ черноземномъ материкѣ. Повсемѣстность этого наблюденія не отношенію къ курганамъ скитскаго періода, содержащимъ надѣяіа изъ желѣза, серебра и золота, привезеннаго сюда въ заключеніи, что изолированіе трупа покойника отъ чернозема и воды не случайное явленіе, а вытекающее изъ религіи Скифовъ, принесенной въ Скулетское царство изъ Малой Азіи и обусловившее собой новый обрядъ скитскаго погребенія.

Скулоты привнесли изъ Ассирійскаго царства въ Иадпонтійскія области не только новую жгѣтвеную культуру и матеріальное богатство, но также новыя государственныя понятія, религіозныя учрежденія и погребельные обряды. Въ своей исторіи, изъ р. Аракса, Скулоты выли религіозныя понятія и погребельные обряды, выраженные Геродотомъ слѣдующими словами: „Предѣла жизни у нихъ не палгаются вовсе, но кто очень состарится, къ тому сходятся всѣ родственники, убиваютъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и разныхъ скотъ, жарятъ это вмѣстѣ и поѣдаютъ. Такой конецъ жизни считаютъ они счастливѣйшимъ. Умершаго отъ болѣзни она не съѣдаютъ, но жарятъ, горя о томъ, что ему не пришлось быть убитымъ. Они ничего не съѣтъ, пытаясь домашними животными и рыбой, которую въ необиліи доставляетъ имъ рѣка Араксъ. Они пьютъ молоко. Изъ боговъ чтутъ только солнце, которому приносятъ въ жертву лошадей“ (I, гл. 216).

Религіи и погребельные обряды иранскихъ народовъ, въ средѣ которыхъ жили и надъ которыми господствовали Скулоты (см. выше, стр. 62, 63) Геродотъ характеризуетъ слѣдующими словами: „О нравахъ и обычаяхъ Персовъ я знаю слѣдующее: *отавить женщинъ, сооружая гробы; и алтари у нихъ не возмощаютъ...*; у нихъ въ обычаѣ приносить жертвы

Зевсу на высочайшихъ горахъ, при чемъ Зевсомъ они питаются весь небесный слодъ; они приносятъ жертвы также солнцу, луна, земля, огонь, вода и вѣтрыныя (I, 131). Все это я знаю достоверно. Намекающая подробность сообщается какъ тайна, являя о ней не говорить, именно, что трупъ умершаго Перса погребаютъ не раньше, какъ его разорветъ птица или собака. Что такъ поступаютъ маги, это я знаю достоверно, потому что они дѣлають это открыто... *Персы похороняють трупъ воеводы, а затѣмъ хороняють въ землю*" (I, 140).

Характеризуя государственныя учрежденія Скелотовъ, Геродотъ говоритъ: „Учрежденія ихъ вообще таковы: изъ божествъ Скелоты чтутъ только слѣдующихъ: *Гястисъ* (огонь) выше всѣхъ прочихъ божествъ, потому *Зевса* (небо) и *землю*, при чемъ землю представляють собою супругою Зевса, далѣе *Аполлона* (солнце), *Афродиты* *Уранисъ* (луну), *Герacles* и *Арея*... Скелоты не имѣють обычаевъ ставить божолетамъ статуи и сооружать храмы (IV, 39). После смерти царя... *похороняють тѣло покойника воеводамъ*" (71).

Приведенныя цитаты ясно выражаютъ связь раянтин и погребальныхъ обрядовъ древнихъ Персовъ и Скелотовъ.

Кромѣ похороненія вышеупомянутымъ богамъ, явленнымъ Геродотомъ, въ области Ирана VII в. до Р. X. господствовало ученіе Зороастра или Заратустры, по которому все земное подчиняется дуализму, борьбѣ двухъ началъ, добраго и чистаго, именуемаго Ормуздомъ или Ахура-Мазда, окруженнаго арміей чистыхъ духовъ, и злаго и нечистаго, именуемаго Ариманомъ или Ангра-Майнйусъ, окруженнаго арміей духовъ нечистыхъ. Ученіе Зороастра требовало отъ человѣка всего прежде чистоты и помощи Ормузду въ борьбѣ со всякою нечистью, и чѣмъ интенсивнѣе будетъ эта помощь, тѣмъ скорѣе добро восторжествуетъ на землѣ надъ зломъ, и тогда начнется блаженная жизнь на землѣ, полное господство добра и чистоты тѣлесной и духовной. По понятіямъ послѣдователей Зороастра, самымъ нечистымъ изъ всего существующаго на землѣ является человѣческій трупъ, а потому человѣкъ долженъ быть принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы съ разлагающимся трупомъ человѣка не приходили въ соприкосновеніе ни черная земля, питающая живаго человѣка, ни воздухъ, которымъ онъ дышетъ, ни вода, необходимая для человѣка и всего живущаго на землѣ; отсюда требованіе полнѣйшей очистки, хотя бы посредствомъ птицъ и собакъ, костей мертваго человѣка отъ мускуловъ, способныхъ разлагаться, по крайней мѣрѣ очистки его отъ внутренностей балъзамированіемъ и покрываніемъ воскомъ до времени погребенія въ необитаемыя гористыя мѣстности, удаленныя отъ человѣческихъ жилищъ.

Вліяніемъ этого ученія, по моему мнѣнію, объясняется балъзамированіе труповъ скелотскихъ царей, покрываніе ихъ воскомъ и погребеніе въ отдаленной сѣверной окраинѣ территоріи скелотскаго царства, въ глубокихъ могилкахъ, вырубленныхъ въ материковой глинѣ и тщательно изолированныхъ деревянными забрусками и заклепками отъ соприкосновенія съ погребенными трупами воды, воздуха и червома.

Содержаніе могилъ Скелотскаго царства.

Большинство могильныхъ помѣщеній Скелотскаго царства найдены ограбленными посредствомъ подземныхъ подкоповъ въ то время, когда гробницы еще сохранялись въ цѣлости и могильныя помѣщенія не были завалены обвалами. Въ ограбленныхъ могилкахъ скелоты разбросали въ беспорядкѣ, иногда къ возсе кѣтъ, а изъ предметовъ быты встрѣчаются только предметы бронзовые дренными гробителями, какъ изъ нужды, и предметы потерянные или оставленные. Въ углубленіяхъ отъ разграбленія могильныхъ костяковъ встрѣчаются преимущественно въ положеніи головою на югъ, на спинѣ, руки и ноги вытянуты.

Въ содержаніи могилъ Скифскаго царства въ вышеуказанныхъ географическихъ границахъ различаются бытовья надѣлія трехъ стилей: скифскаго, греческаго и ассирійскаго.

Надѣлія скифскаго стиля составляютъ нестрѣченія въ могилахъ киммерійской эпохи и въ могилахъ греческихъ и ассирійскихъ народовъ VI в. до Р. X., но часто встрѣчаемы въ курганахъ южной Россіи разныя надѣлія изъ простой глины, кости, бронзы, серебра и золота, въ такомъ родѣ, какъ простые глиняные сосуды, напщари изъ костяныхъ пластинокъ, кастюны и бронзовые псаліи, бронзовые кнжальы, ножи, удила, серебряныя и золотыя украшения, характеризуемая техникою работы подобною техникѣ серебряныхъ бусъ и золотыхъ пластихъ колонъ и сигнатовъ, бронзовой мискѣ и бронзовымъ удиломъ Рыжанинскихъ кургановъ. Надѣлія этого рода были частію привезены Скитами изъ Азіи въ Киммерійскую землю, частію сдѣлавы ими уже въ Скифскомъ царствѣ, иногда по ассирійскимъ и греческимъ образцамъ.

Надѣлія греческаго стиля составляютъ частію привозныя изъ Флаиды, частію изготовленныя изъ греческихъ поитійскихъ колонъ греческими техниками разнообразныя и равносоставныя бытовые предметы, легко отличимыя по сравнению ихъ съ надѣліями греческихъ гробницъ, часто датированныхъ монетами, которыя греки клали въ ротъ своимъ покойникамъ для платы за перевозъ въ царство дуиы; многія надѣлія древнихъ греческихъ художниковъ специально приспособлены къ потребностямъ скифскаго быта и скифскаго вкуса; сюда принадлежатъ, напримеръ, сосуды и блюда съ изображеніями Скитовъ со всѣми принадлежностями ихъ вооруженія и костюма и разныя сценъ изъ домашняго и военнаго быта.

Разнородныя и равносоставныя надѣлія ассирійскаго стиля, включая въ него и бытовья надѣлія всѣхъ народовъ, входившихъ въ VII в. до Р. X. въ составъ народонаселенія Ассирійскаго царства, очень многочисленны въ скифскихъ могилахъ VI и V вв. до Р. X., составляютъ главное ихъ богатство, внесенное изъ Ассирійскаго царства и положенное въ могилы Скифскаго царства, — то богатство, ради котораго древніе грабители могилъ употребляли громадный трудъ, связаный съ рискомъ потери жизни, на розысканіе и ограбленіе скифскихъ катакомбъ и срубныхъ гробницъ.

Въ наслоеніи могилъ южной Россіи непосредственно надъ бѣлыми могилами киммерійской эпохи лежатъ свѣтлыя могилы, чрезвычайно богатыя бытовыми надѣліями изъ золота, серебра и желѣза, формы и узорчатыя украшения которыхъ тождественны съ формами и узорчатыми украшениями бытовыхъ надѣлій Ассирійскаго царства времени господства Скитовъ—Скифовъ въ его предѣлахъ.

О богатствѣ могилъ скифскихъ царей VI в. до Р. X. мы не можемъ составить полного представленія, потому что до настоящаго времени въ области впадинъ скифскихъ царей были раскопаны только двѣ несомнѣнно царскія могилы.—Старшая могила и курганъ № II у с. Аксютинцы, потому что раскопка царскихъ могилъ требуетъ много времени и тысячныхъ расходовъ, которыми не располагала дѣла, производившія археологическія раскопки въ предѣлахъ Полтавской губерніи. На раскопку Старшей Могилы было затрачено болѣе 1600 рублей, но бока гробницы остались нераскопанными (см. выше, с. 87), и я не могу ручаться, что въ нихъ и подъ ними не имѣется удѣльныхъ отъ разграбленія гробницъ, какъ не могу ручаться, что таковыя не имѣются и въ царскомъ курганѣ № II. На раскопку же царскихъ могилъ, имѣющихъ по 20 и болѣе аршинъ отвѣсной высоты и 300 и болѣе аршинъ въ окружности основанія, хотя бы тѣмъ способомъ, каковыя изслѣдовать мою болышій Рыжанинскій курганъ № II (см. выше, с. 83), я не имѣю средствъ.

Центральныя гробницы Старшей могилы и кургана № II подъ Алектипиками найдены ограбленными въ древности, а потому въ нихъ не было найдено надѣлій изъ золота и серебра, увесенныхъ древними грабителями могилъ. Но въ Аксютинскихъ и Исаковскихъ курганахъ встрѣчаемъ верхнія могилы съ удѣльными содержаніемъ, и эти второстепенныя

могли дать нам ясное понятие о громадном богатстве, принесенном в нашу Россию Сколотами из Ассирийского царства.

Въ археологическихъ извѣстияхъ, перечисляющихъ находки въ могилахъ южной России, иногда встрѣчаются указания на бытовые предметы „явно ассирийскаго стиля“. Напримеръ въ перечнѣ находокъ Н. И. Веселовскаго въ курганѣ Кубанской об., у г. Майкопа, говорится: „Въсѣхъ костяхъ лежали два массивныхъ золотыхъ и два серебряныхъ изображенія быковъ, насаженныхъ на длинные серебряные стержни... и два небольшихъ серебряныхъ орудя съ изображеніями животныхъ *явно ассирийскаго стиля*“ (см. выше стр. 66); въ Рымановской катакомбѣ, говоритъ г. Осовский „несомнѣнно была погребена скифская царица или царица“, а у ея головы были найдены „мелкія серьги *из ассирийскаго стиля*“ (см. выше стр. 75); въ описаніи кургана № XIX описанностей Сибирь гр. А. А. Бобринскаго сказано, что при костяхъ могилы этого кургана найденъ „замѣчательный пиландръ изъ халцедона съ гравированнымъ на немъ кошемъ *подъ эмблемой ассирийскаго божества*“ (т. I, с. 77). Сообщенія этого рода не объясняютъ, когда и какимъ способомъ бытовые предметы ассирийскаго стиля появились въ царствѣ Сколотскомъ.

Обращаясь къ ериванскія содержація сколотскихъ могилъ съ предметами культуры народовъ, составлявшихъ Ассирийское царство VII в. до Р. X., я нахожу, что не единичныя предметы, а вся масса предметовъ скифскихъ могилъ изъ желѣза, серебра и золота представляютъ собой культуру народовъ Ассирийскаго царства VII в. до Р. X.

Въ богатѣйшей находкѣ золотыхъ предметовъ въ курганахъ Кубанской области, у станции Келермесской, демонстрированной по порученію Имп. Арх. Комисіи г. Раевскимъ на Визитинскомъ археологическомъ съѣздѣ, между прочимъ, былъ показанъ золотой предметъ формы мисочки съ двойнымъ круглымъ дномъ, въ которомъ предвѣдѣли донышко царской шапки или шлема. Сосуды такой формы изъ серебра, бронзы и глины были найдены во многихъ скифскихъ и сарматскихъ курганахъ: въ Рымановской катакомбѣ, въ Волковскомъ курганѣ, въ Чертоманиномъ, въ Луговой могилѣ и др. На барельефѣ нижне-вѣнскаго дворца, изображающаго царя Ассурбанапала (Сарданпала.—483—626 г. до Р. X.) и его супругу въ трапезной, въ рукахъ царя и царицы изображены полукруглыя мисочки или блюдечки съ круглымъ дномъ, совершенно сходныя съ золотыми, серебряными и глиняными сосудами скифскихъ могилъ; эти сосуды, служившіе восточнымъ народамъ, весьма важнымъ предметомъ, необходимою принадлежностью домашняго обихода, очень часто встрѣчаются на памятникахъ народовъ, составлявшихъ Ассирийское царство; сосудами этого рода восточные народы пользовались такъ, какъ пользовались ими Ассурбанапалъ и его супруга на вышесказанномъ барельефѣ, и какъ пользовался ими многие Москвиты блюдечками при употребленіи чая, поставивъ ихъ „на пересты“. Необъяснимое на первый взглядъ двойное дно Келермесскаго сосуда имѣло практическую цѣль,—предохраненіе содержимого отъ обжиганія дномъ сосуда, наполненнаго горячей жидкостью. На томъ же барельефѣ одежда царицы покрыта круглыми розетковидными бляхами, а царя—бляхами квадратными, въ нагруднѣ, царь и царица прислужны серьги, ожерелья, браслеты и шапки, аналогичныя бляхамъ, соответствующія формамъ золотыхъ бляхъ валоуниковъ (дѣдаль), серьги, ожерелья, браслеты, часто находимыя въ скифскихъ могилахъ, но иногда во встрѣчающихся въ могилахъ кimmerійской эпохи¹⁾.

На барельефахъ, изображающихъ ассирийскихъ царей, часто встрѣчается эмблема ассирийскаго божества, гравированная на халцедонѣ, найденномъ гр. А. А. Бобринскимъ

¹⁾ Ср. G. Maspero, — Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, p. 47, 86, Paris, 1899. Prof. Dr. C. Bezold, — Nineve and Babylon, p. 63, 126, Leipzig, 1903. Dr. Franz Kaulen, — Assyrien und Babylonien, p. 50, Freiburg, 1899. British Museum, — Assyrian antiquities, IV, LXI, London, 1897. — Исследования Историк. с. 44, т. I, Петербургъ, 1904 г. Э. А. Рагвинъ, — История Ассирій, с. 169, 328, 449, Сиб. 1902 г.

въ скитскомъ курганѣ Киевской г.¹⁾. По рисунку Лейарда, изображающему сидящаго на тронѣ ассирійскаго царя Салхериба, вся царская одежда, подобно одеждѣ скитской царицы или царицы Рыжапонской катаномбы, одеждѣ Сита Волховскаго кургана и одеждѣ сарматскихъ царей и царицъ, кургановъ Куль-Обскаго, Александропольскаго и Чертомлыцкаго, покрыта множествомъ ромбовидныхъ бляшекъ, шьяма его украшена налѣбниками, въ ушахъ серьги, на шеѣ ожерелье, на рукахъ браслеты, а тронъ опирается на ножки, формы и узора, часто повторяющагося, какъ и формы украинскій одежды Салхериба, въ золотыхъ украшеніяхъ скитскихъ могилъ южной Россіи²⁾. Тѣхъ же украшеній на одеждѣ царя Саргона и на ассирійскій, изображенномъ на столбѣ съ эмблемою ассирійскаго божества³⁾.

На шапкахъ Саргона и его визиря налѣбники украшены кружевами съ точками въ срединѣ; поясъ визиря украшенъ бляшками или рѣзьбою, изображающими тотъ же рисунокъ, состоящій изъ кружева съ точкою въ срединѣ, встрѣчающійся на множествѣ ассирійскихъ намятниковъ и могильныхъ древностей южной Россіи скитской эпохи; этотъ рисунокъ, часто занимающій средину эмблемы ассириана божества, означалъ обожженное солнце. На рельефномъ изображеніи осады неприятельскаго города царемъ Тиглатъ-Филасаромъ II (745—727 до Р. Х.), боевая царская колесница покрыта пеленой со сказаннымъ рисункомъ и кожанымъ украшеніемъ съ бахромомъ, состоящимъ изъ стрѣловиднаго рисунка, часто встрѣчающагося и на скитскихъ древностяхъ. Царь Тиглатъ-Филасаръ, валягивающій дугъ, и его оруженосецъ въ остроугольныхъ шлемахъ, встрѣчающихся въ могилахъ южной Россіи со времени основанія Сколотскаго царства до Русской волжскокиевской эпохи; два шлема, одинъ желѣзный, а другой бронзовый, изображенные на обломкѣ этого надгробія, найденныя въ Черниговской Черной могилѣ, и третій шлемъ, найденный въ Черниговскомъ курганѣ Гулябняѣ, совершенно сходны со шлемами ассирійскаго царя и его оруженосца эпохи, предшествовавшей завоеванію Ассирійскаго царства Сколотами⁴⁾. Тѣмъ же остроугольные шлемы встрѣчаются и на другихъ изображеніяхъ, представляющихъ ассирійскихъ воиновъ, и тѣмъ же ассирійскій шлемъ былъ найденъ въ ассирійскихъ раскопкахъ; встрѣчаются и другія формы шлемовъ, находимыхъ въ скитскихъ курганахъ, — бахлыковидные, подобныя изображенному на вѣстникѣ известной скитской вазы Куль-Обскаго кургана, подобныя „валяскому“ шлему скитской могилы, найденному въ Киевской г., изображенному въ „Обзорнѣи могилъ, вазовъ и городищъ Киевской г.“, изд. Фундукоземъ, и подобныя шлему скитскаго кургана, изображенному на IX таб. изд. „Приднѣпровскихъ Древностей“ К. И. Ханенко⁵⁾.

Вооруженіе и оружіе Ассирійцевъ времени сколотскаго нашествія характеризуется подобно тѣмъ чертами, какими можно характеризовать вооруженіе и оружіе воиновъ Сколотскаго царства, открываемыхъ въ скитскихъ могилахъ: „Надгробъ была хорошо вооружена; воинскія одежды ея были покрыты наплитями на нее стальными пластинками, либо кольчужными рубашками и чешуйчатыми панцирями; колесообразные шлемы или желѣзные колпаки прикрывали ихъ голову, выходящая черепъ отъ боковыхъ ударовъ, большими желѣзными лопастями; ноги были прикрыты наковальниками, плъ же защищены чешуйчатыми штанами; наступательнымъ оружіемъ ихъ были копье и короткій мечъ на веревкѣ“ (Лейаръ, с. 47). Къ этому тексту прилагаемъ рисунки, изображающіе ассирійскихъ воиновъ, вооруженныхъ соответственно приведенному описанію, именно сходному съ вооруженіемъ и оружіемъ сколотскаго воина, открытаго мною въ верхней гробницѣ Александровскаго кур-

¹⁾ Маззери, стр. 208. Лейаръ, стр. 41 и др.

²⁾ Ханенко, с. 242. Лейаръ, с. 43. Ср. узоры: Базальдъ, с. 105; Рагозина, с. 222; Брнт, Мга. LIX; и др.

³⁾ Маззери, с. 208, 217. Кулевиъ, с. 249.

⁴⁾ Маззери, с. 203, 208, 217. Кулевиъ, с. 249, 264. Лейаръ, с. 42, 43. Рагозина, с. 183.

⁵⁾ Маззери, с. 7, 10, 65, 248, 400. Базальдъ, с. 18—21, 67. Лейаръ, с. 46, 47. Рагозина, с. 250, 260. Koh. Forters Keallaxikon. с. 50, 720.

така № III изображенному выше, на с. 108, за исключением металлического шлема. Это описание соответствует такому оружию и вооружению скифского погребения, открытого С. А. Мазаками в парке и могилы большого Волховского кургана, при котором было найдено следующее оружие и вооружение: колчанъ съ 260 стрѣлами, украшенный пятью золотыми пластинками, изображавшими льва, борьбу животныхъ и цвѣточный орнаментъ, боевой топоръ, 11 желѣзныхъ наконечниковъ копій, бронзовый „греческій“ шлемъ, нагрудникъ и щитъ съ бронзовымъ наборомъ. Въ ограбленной гробницѣ другаго Волховскаго кургана было найдено следующее вооружение и оружие: желѣзная копья, мечъ, три круглыхъ пращевыхъ камня, желѣзная броня, бронзовый чешуйчатый нагрудникъ и бронзовый наборный ножъ⁴. Это скифское оружие и вооружение издано въ рисункахъ вышеуказаннаго изданія Б. Н. Ханенко, и его формы совершенно сходны съ формами вооруженія и оружія воиновъ, изображенныхъ на ассирийскихъ памятникахъ времени образованія Скифскаго царства надъ Погтомъ.

На сохранившихся персидскихъ памятникахъ того же времени повторяются тѣ же формы украшеній вооруженія и оружія; напримеръ, въ изображеніи двухъ персидскихъ воиновъ показаны шапки съ золотыми налѣчками или поляками, золотыя серьги, ожерелья, украшенные множествомъ розетковидныхъ и квадратныхъ бляхъ, раскрашенные вальцы съ узорами, состоящими изъ кружковъ, луки и двуплечныя копья, подобныя пикамъ нашихъ казаковъ, но съ длинными наконечниками и листовидными остриями, совершенно сходными съ наконечниками копій, найденными мною въ Старшей Могилѣ и курганѣ № II у с. Азовицки, а С. А. Мазаками въ Волховскихъ курганахъ, изображенныхъ на первой таб. изданія святицкыхъ древностей Б. Н. Ханенко⁵. На II и III таблицахъ того же изданія помѣщаются рисунки скифскихъ княжковъ и мечей, совершенно сходныхъ съ вальцами и формами княжковъ и короткихъ мечей ассирийскихъ народовъ. Точно также изображены на послѣдующихъ таблицахъ рисунки остатковъ скифскихъ пиллерей, однокожвыхъ сосудовъ, значительнаго количества бронзовыхъ орнаментовъ и принадлежностей оружія съ украшениями, — удила, псалмы, иглы, пряжки, колокольчики, разнообразныя золотыя и бронзовыя бляхи, изображенія львовъ, грифоновъ, оленей, терзаемыхъ львами, борьбу животныхъ, удлиненныя листья съ загнутой концами и пр., — столько же сходны съ однородными принадлежностями оружія ассирийскихъ народовъ, какъ и другія вышеуказанныя бытовыя надѣлы.

Сравненіе нашихъ скифскихъ древностей съ Троянскими древностями, открытыми Шлиманомъ, также указываетъ на родство культуры Скифскаго царства съ культурою народовъ юго-западной Азіи, входившихъ въ составъ народонаселенія Ассирийскаго царства. На таблицахъ Шлимановаго атласа⁶, подь №№ 192—204 изображены бытовыя надѣлы троянскаго князя, именуемаго Шлиманомъ современникомъ Пріама, состоящаго изъ множества медныхъ, серебряныхъ и золотыхъ надѣлій, послужившихъ прототипами послѣдующихъ формъ бытовыхъ предметовъ культуры народовъ Ассирийскаго царства. Эти надѣлы отличаются грубостью техники и отсутствіемъ украшеній, за исключеніемъ соня, обожаской покровительницы древней Трои. Сличны формы меднаго оружія, серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ и золотыхъ украшеній, составлявшихъ налѣчки, серьги, браслеты, кольца съ медными оружіемъ, съ серебряными и золотыми сосудами и золотыми украшениями, найденными Н. Н. Веселовскимъ въ курганахъ Кубанской области, а съ другой стороны съ бытовыми предметами Ассирийскаго царства VII в. до Р. X., являя не видѣть единства основныхъ формъ. Но я не могу остановиться здѣсь на причинѣ и времени передвиженія медныхъ формъ и состава троянскихъ древностей въ Кубанскую область и на подробномъ сравненіи скифскихъ формъ, потому что изслѣдованіе этого рода не вхо-

⁴ Ср. Georges Perrot et Charles Chipiez.—Histoire de l'art dans l'antiquité; t. V; Paris, p. 816—819.

⁵ Heinrich Schliemann.—Atlas Trojanischer Alterthümer. Leipzig 1874.

дать въ задачу вѣстѣющаго издателя, имѣющаго своей цѣлью не изученіе исторіи культуры древнихъ народовъ южной Россіи, а изученіе могилными фактами степени родства Скелотовъ съ иранскими народами, выдѣлившимися въ VII в. до Р. X. изъ своей среды племя, именуемое Скелотами, прозванное греками Скинтами и являющееся въ послѣдующей европейской исторіи подъ именами Сарматовъ, Росомановъ, Россоловъ, Славянъ и Руссовъ.

Вышеприведенные факты исторіи и археологіи, я думаю, докажутъ вполнѣ ясно средство политическаго устройства, религіи, погребальныхъ обрядовъ и бытовыхъ условій культуры Скелотовъ и народовъ Ассирійскаго царства VII в. до Р. X. Это средство применяется и въ языкѣ иранскихъ и скелотскихъ племенъ, на которое уже давно обратила вниманіе лингвистика, и въ наше время возникла даже цѣлая школа ученыхъ лингвистовъ, прилагавшая иранскій языкъ языкомъ европейскихъ Скинтовъ—Скелотовъ эпохи Геродота.

3. Могилы сарматскаго періода.

Могилы сарматскаго періода не отличаются своимъ устройствомъ отъ срубныхъ могилъ и катакомбъ скито-скимптскаго періода, а потому ихъ выдѣленіе изъ общаго наслѣдія языческихъ могильниковъ южной Россіи можетъ быть основано только на изученіи историко-географическихъ и этнографическихъ свидѣтельствъ древнихъ писателей о народахъ, занимавшихъ области южной Россіи въ разные историческіе періоды и на сравненіи бытового матеріала, открываемаго раскопками, особенно содержанія могилъ, датированныхъ находками монетъ и другихъ бытовыхъ предметовъ съ несомнѣнными признаками времени. Эта работа совершенно необходима въ русской археологіи, потому что пока только тогда возможна возможность пользоваться могильными матеріалами для историческихъ выводовъ, когда южно-русскія могилы будутъ распределены по историческимъ періодамъ и по народностямъ, когда по несомнѣннымъ признакамъ времени и народности современное археологическое богатство, накопляющееся южныи музеи, будетъ систематизировано согласно требованіямъ исторической науки.

Происхожденіе надпонтійскихъ сарматскихъ государствъ.

Обращаясь къ исторіи народовъ, населявшихъ южную Россію со времени Геродота, мы находимъ, что держава Царскихъ Скинтовъ или Парматовъ, оставившихъ царское владѣніе въ области Герры или Сулы нашего времени, существовала только до времени Филиппа Македонскаго, который въ 399 году до Р. Xр. воспользовавшись междоусобіемъ въ царствѣ Парматовъ, нанесъ смертельный ударъ Скиптскому царству, поработивъ военную силу царя Парматовъ Атея, и по свидѣтельству Трога Помпел, вывелъ изъ его страны въ Македонію 20,000 пѣхотныхъ воиновъ и дѣтей. Въ этотъ моментъ царь Атей, по свидѣтельству Страбона, непосредственно управлялъ варварскими народами, населявшими области, лежащими между Беркетономъ и Мезитломъ (кн. VII, гл. III, в. 18). Этими событіемъ начинается новый періодъ въ исторіи народовъ южной Россіи скито-сарматскаго происхожденія, главнѣйшими моментами котораго были слѣдующіе.

Ослабленіемъ военной силы Царскихъ Скинтовъ воспользовались Сарматы, занимавшие области между Дономъ, Волгой и сѣверными Кавказами: „Племя Сарматовъ... опустошило значительную часть Скитіи, и похотице истребавъ побѣжденныхъ, переняло большую часть изъ страны въ пустыню“ (Діод. Сицил. II, 43).

Результатомъ перемѣщенія Сарматовъ въ область Царскихъ Скинтовъ было основаніе новаго Сарматскаго государства между Днѣпромъ и Дономъ. Въ то же время въ области бывшаго царя Истрийскаго,—союзника Филиппа Македонскаго въ войнѣ съ царемъ Атеемъ, возникло новое царство, подъ главенствомъ племени Гетовъ.

Александръ Македонскій, желая завладѣть областью Гетонъ, лежащею на сѣверномъ берегу Дуная, предпринялъ походъ въ это царство, и его дружина, „пользуясь ночью темнотою, переправляясь черезъ рѣку въ количествѣ 1500 всадниковъ и 4000 пѣхоты, неожиданно явился передъ городомъ Гетонъ въ стройномъ порядкѣ, подъ личиной начальства царя: а Гетъ, пораженный смѣлостью Александра, бросился въ городъ, но явля, что неприятель какъ преслѣдуетъ, бѣжали далѣе внутрь страны, взявъ съ собою столько жёнъ и дѣтей, сколько могли взять вещи... Съ того времени широкая рѣка составляла границу между Македоніей и Гетикой“ (Аррианъ, I, 2—4). По смерти Александра Македонскаго фракіискій царь Лианмахъ предпринималъ походы за Дунай въ 292 г. съ дѣлью покорять Гетонъ; но со смертью войскою своимъ былъ взятъ въ плѣнъ гетонскимъ царемъ Дромикетомъ: „Цари Гетонъ Дромикетъ, показавши Лианмаху обидность свою и вмѣстѣ съ тѣмъ довольство, посоветовалъ Лианмаху съ тайнми не воевать, но искать себѣ въ нихъ друзей. Сказавши это, онъ гостеприимно обставилъ съ глѣнливомъ, заключилъ съ нимъ дружбу и освободилъ“ (Страбонъ, VII, г. в. 9—14). Съ того времени военное могущество Гетонскаго царства расширяется и достигаетъ высшей степени въ царствованіи царя Бурбиста или Бурмиста, который пользуется пророчаніями гетонскаго пророка Демелея, какъ повелѣніями боговъ, „принудилъ подвластныхъ ему племена къ постоянному труду, воздержанію отъ пьянства и безусловному повиновенію законамъ. Пользуясь абсолютною властью, Бурбиста въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ образовалъ обширное государство, покоряетъ много соседнихъ племенъ; перешелъ Дунай, онъ опустошилъ Францію до границъ Македоніи и Иллиріи... Даже для Римлянъ онъ дѣлался страшнымъ“ (тамъ же, VII, 3, 11). Съ этого времени начинается столѣтняя борьба царства Гетонъ съ Римлянами, кончившаяся обращеніемъ Гетники въ римскую провинцію Дакію при императорѣ Траянѣ; а этимъ историческимъ моментомъ кончается сарматскій и начинается новый славяно-русскій періодъ въ исторіи древнихъ народовъ южной Россіи.

Исторія восточнаго царства сарматскаго періода, лежащаго между Днѣпромъ, Волгою, Каспійскимъ моремъ и сѣвернымъ Кавказомъ тѣсно связана съ Боефоромъ Каммерійскимъ и его политическимъ центромъ—Наутикалеей, основанной въ 511 году, а съ 480 г. служившемъ резиденціей Боефорскихъ царей, въ союзъ съ которыми состояли скифо-сарматскія племена, жившія въ вышеуказанныхъ географическихъ предѣлахъ. Въ средѣ этихъ племенъ наиболее сильными и многочисленными было племя Роксоланъ или Роксоланъ.

По свидѣтельству Страбона, наиболее сѣвернаго историка-географа древности, пользовавшагося всеми источниками своего времени: „Было *Бористона* (т. е. восточнѣе по представленіямъ древнихъ историковъ и географовъ) обитаютъ крайніе изъ известныхъ намъ народовъ... *Роксоланы* (II, г. 5, п. 7)... *Исторіи-Роксоланы* самыя смелыя и малочисленныя равнины между *Тамандой* и *Бористона*... Роксоланы подъ предводительствомъ *Таса* восстали противъ полководцевъ *Ммеридата* *Винатора*... выказали себя народамъ воинственными; но противъ стройной и хорошо вооруженной фаланги воиновъ варварское войско оказывалось слабымъ, слишкомъ легко вооруженнымъ, и Роксоланы, которыхъ было около 50 тысячъ, не могли устоять противъ 6-ти тысячъ, выстроившихъ подъ предводительствомъ *Дюфакта*, полководца *Митридатова*, и большая часть войска или погибла. Легкая пѣхота у Роксоланъ обладала въ племени нѣкой сырой бычьей кожей и въ панциряхъ; для наступленія они пользуются копьемъ, мечомъ и лукомъ“ (тамъ же п. 17)¹⁾.

¹⁾ По свидѣтельству Плинія старшаго скифо-сарматскія обиталища начинались выше устья Дуная у г. Истрополя, и были связаны нѣрзкими озерами происхожденія, а назывались у грековъ и римлянъ разными именами: „Скифы, обитавшіе къ сѣверу отъ города Истрополя, въ прибрежныхъ областяхъ, называются *Гитами*, а у Римлянъ *Дакіями*; кругомъ называются у Римлянъ *Сарматами*, а у Греческихъ *Сироматіями*; къ нимъ же принадлежатъ *Алаи* и *Роксоланы*“ (Б. И.; к. IV, г. 3, 11, 12).

„Черезъ область Гетовъ“ говорятъ Страбонъ, „протекаетъ рѣка Марисъ и впадаетъ въ Дуубію (Дунай), по которому Римляне отправляли необходимые для войны предметы. Верхняя часть рѣки Истра и тѣ, что у истоковъ, до пероговъ, назывались Дуубіемъ; въ этой части рѣки течетъ преимущественно черезъ область Даковъ; нижняя часть рѣки до Невтъ, впадѣ которыхъ обитаютъ Геты, называется Истромъ. *Дакы и Геты* встарину однимъ и темъ же именемъ, Дальнейшія области, занималъ Тиритегн. Сарматы-Янгн, Сарматы-Бастарн, Сарматы-Бавандн, Сарматы-Ургн и Сарматы-Роксоланн“ (кн. VII, г. III, п. 2, §—17).

Многолюдство народонаселенія Сарматн, лежащей на восточной сторонѣ Дѣвпра, выражаютъ свидѣтельство Діодора Сицилійскаго о чрезмѣрномъ умноженіи сарматскаго народа, опустошившаго Царскую Скитію, свидѣтельство Страбона о 20,000 роксоланскаго войска, разбитыя полководцемъ Митридатомъ Діофаномъ, и слѣдующее его же свидѣтельство о женитвѣ отрядахъ Аорсовъ и Сираковъ, явившихся на помощь Фарнаку противъ Митридата: „Царь Сираковъ Авмакъ, когда Фарнакъ владѣлъ Воспорою, выставилъ 20000 всадниковъ, царь Аорсовъ Спадикъ—даже 20000, а верные Аорсовъ еще больше, такъ кнзь они шадѣли болѣе обширною страной... *Аорсы живутъ по Таманду, а Сираки по Агардою, который вытекаетъ съ Кавказа и впадаетъ въ Местиду*“ (кн. XI, гл. V, п. 8).

Генеалогію Босфорскихъ царей, стоявшихъ во главѣ союза сарматскихъ племенъ, жившихъ между Дѣвпромъ, Волгою, Каспійскимъ моремъ и Сѣвернымъ Кавказомъ, сообщаетъ Діодоръ Сицилійскій: „При архонтѣ Теодорѣ въ Аоніяхъ... исполнилось сорокъ два года царствованія на Киммерійскомъ Воспорѣ царей, называемыхъ Арханактидами; царскую власть получилъ Спартакъ, и царствовалъ 7 лѣтъ...; умеръ царь Воспорскій Спартакъ воемѣ 7-лѣтняго царствованія, ему наследовалъ Селевкъ и царствовалъ 40 лѣтъ...; умеръ Воспорскій царь Сатиръ, сынъ Спартака, владѣвавшій 40 лѣтъ, власть его наследовалъ сынъ его Левкоя на 40 лѣтъ...; умеръ въ Невтѣ Воспорскій царь Левкоя послѣ 40 лѣтняго царствованія, влѣдовавшій ему сынъ его Спартакъ царствовалъ 5 лѣтъ...; умеръ Невтскій царь Спартакъ, царствовавшій 5 лѣтъ, наследовавшій ему братъ его Парисадъ царствовалъ 38 лѣтъ...; въ Невтѣ по смерти Парисада цари Киммерійскаго Воспора сыновья его Вемилъ, Сатиръ и Притакъ подвѣли между собою войну изъ за власти“... (XVII, 77).

Свѣдѣнія древнихъ историковъ о жизни народовъ, занимавшихъ Скитію, описанную Геродотомъ, Страбонъ характеризуетъ слѣдующими чертами: „Древніе Вліянскіе писатели называли всѣ вообще сѣверные народы Сянтами и Кельто-Сянтами; а еще болѣе древніе, различая ихъ по частямъ, называли живущихъ выше Ваконна, Истра и Алрїя Гинерборейми, Санроматами и Аримаспями, а живущихъ по ту сторону Каспійскаго моря называли однихъ Саками, другихъ Массагетами, на нѣтъ возможности сказать о нихъ ничего достовернаго, хотя и рассказывали о войнѣ Кира съ Массагетами“ (кн. XI, гл. VI п. 2). Дѣйстви-тельно, свѣдѣнія древнихъ греческихъ и римскихъ историковъ о бытѣ надкювѣнскихъ народовъ, начиная съ Аристотеля, воемомъ VI в. до Р. X., сообщеннаго свѣдѣнія о Гинерборейхъ, одноглазыхъ Аримаспахъ, птвичеподобныхъ Гряфакъ, стерегущихъ золото, Иселдывахъ, поклѣющихъ своихъ родителей, до времени Юлія Цезаря и Тацита, сказавшихъ прямо, что они совершили въ невѣдѣтныя области и народы Европы на востокъ отъ рѣки Дѣлбн и Гурцидскаго лѣса, за исключеніемъ Геродота, Страбона и Діодора Сицилійскаго, неполнены такими сказками и противорѣчїями, что невозможно добраться въ нихъ до исторической дѣйствительности; внутренней бытъ сарматскихъ народовъ, устройство ихъ жилищъ, образъ жизни, одежда, вооруженіе, оружіе, сбруя, украшенія и вообще домашній бытъ оставались древнимъ писателямъ совершенно невѣстными.

Средства опредѣленія нѣтъ сарматскаго періода.

Не нѣтъ возможности распознать сянто-сарматскія могилы первыхъ столѣтій до и послѣ Р. X. при помощи историко-географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, дошедшихъ

до насъ отъ древнихъ греческихъ и римскихъ писателей, археологія и исторія должны искать такихъ средствъ въ содержаніи скито-сарматскихъ жилищъ и могилъ, какъ несомнѣнныхъ фактахъ исторической дѣйствительности, какъ всцѣловенныхъ памятниковъ быта народовъ, населявшихъ южную Россію въ издавннй историческій періодъ. Въ содержаніе скито-сарматскихъ могилъ времени отъ Филиппа Македонскаго до римскаго императора Траяна несомнѣнно вошли бытовые предметы новыхъ формъ и новаго состава, которыхъ не было и не могло быть въ околотекихъ могилкахъ времени существованія державы Царскихъ Скитовъ. Сарматы, переселившіеся изъ За Дюла привести съ собою новыя формы варварскаго искусства въ издѣлія изъ бронзы, кости и глины, отсутствовавшія въ бытовой обстановкѣ народовъ царства Парсатозъ; а съ эти издѣлія новыхъ формъ и новаго состава переняваются въ близкое царство Парсатозъ изъ Эллады и аривоитійскихъ греческихъ колоній, стоявшихъ на степеня культуры грековъ эпохи Перикла, когда греческое искусство достигло высшей степеня и появились въ немъ новыя формы бытовыхъ предметовъ, какихъ не было въ VI и V ст. до Р. X., а потому не было и не могло быть въ содержаніи скитскихъ могилъ времени существованія державы Парсатозъ.

Слѣдовательно, для выдѣленія могильниковъ южной Россіи сарматскаго періода необходимо ознакомиться съ содержаніемъ могильниковъ сарматскихъ, лежащихъ между Дономъ, Волгою, Каспійскимъ моремъ и севернымъ Кавказомъ, откуда переместились Сарматы въ области, лежащія между Дономъ и Дунаемъ, и сравнить ихъ содержаніе съ содержаніемъ скалеческихъ могильниковъ; а съ другой стороны, необходимо ознакомиться съ содержаніемъ греческихъ могилъ эпохи процвѣтанія греческаго искусства и сравнить ихъ содержаніе съ содержаніемъ могильниковъ скито-сарматскихъ народовъ.

Для сравненія первого рода археологія нашего времени располагаетъ очень ограниченными матеріалами. Я могу указать только могильникъ открытый мною въ окрестностяхъ Пятигорска, на Чеснокъ горѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, съ богатымъ содержаніемъ предметовъ изъ бронзы, желѣза, глины, стекла, янтра и пр., сходныхъ съ такими же бытовыми издѣліями, лежащими въ Посульскомъ могильникѣ и во многихъ другихъ могильникахъ области Приднѣпровья сарматскаго періода, не встрѣченныхъ въ царскихъ могилкахъ державы Парсатозъ.

Для сравненія содержанія скито-сарматскихъ могилъ съ содержаніемъ могилъ греческихъ эпохи высшаго процвѣтанія греческаго искусства южная Россія располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, имѣющимъ чрезвычайно важное значеніе для фактическаго познанія исторіи культуры народовъ южной Россіи, и въ частности для выдѣленія могильниковъ сарматскаго историческаго періода изъ общаго наслоенія могилъ скито-сарматской эпохи, для опредѣленія признаковъ, которыми отличаются могилы сарматскаго періода отъ могилъ періодовъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ.

Чтобы показать это значеніе греческихъ древностей въ исторіи культуры скито-сарматскихъ народовъ, населявшихъ южную Россію въ первые столѣтія до и послѣ Р. X., я указу примеръ содержанія греческихъ могилъ, открытыхъ въ окрестностяхъ древнихъ городовъ Пантикапей и Фагаторія, которымъ явѣю воспользуюсь для изученія могильниковъ сарматскаго періода.

Содержаніе греческихъ могилъ въ южной Россіи.

Въ Январской книжкѣ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ за 1838 г. (ч. XXXI) было напечатано „Донесеніе директора Керченскаго Музея отъ 29 Октября 1838 года, представляющее собою образцы превосходныхъ докладовъ этого высокопочтеннаго археолога, производившаго археологическія раскопки въ окрестностяхъ Керчи со времени учрежденія Керченскаго Музея, послѣдовавшаго за знаменитымъ въ исторіи русской археологіи случайнымъ

открытjemъ въ 1830 году богатѣйшей изъгробленной въ црквиности верхней гробницы въ курганѣ Куль-Оба.

Въ свѣдѣннхъ отчетѣ автора, „Босфорскаго Царства“, должествующаго бытъ пастольноу князю князю русскаго археолога, научающаго греческия и сикто-сарматскія древности, образцово описано устройство и содержаніе новооткрытыхъ греческихъ могилъ въ окрестностяхъ Керчи.—такъ обстоятельно, съ такою любовью къ дѣлу археологн и такою пониманіемъ научной важности археологическихъ находокъ, какими не отличается послѣдующія роскошная „Отчеты Имп. Арх. Коммисіи“, учрежденной въ 1858 году, по своему уставу, доннытъ дѣйствующему, не для изысканія памятниковъ быта народовъ, населяющихъ живую Россію, а специально для изысканія „образцовъ классическаго искусства въ курганахъ жвной Россіи“, а потому учредившей уже три центра для изысканія такихъ образцовъ (въ Керчи, Херсонесѣ и Ольвнн) и ни одного въ центральныахъ губерніахъ Россіи для спонциальнаго изысканія и изученія сикто-сарматскихъ и русскихъ могильныхъ древностей.

Директоръ Музея Ашиксъ понималъ, что наука нужна не золотые напейники, браслеты, кольца и бляхи, какъ золото, обще всемъ эпохамъ, а предметы, выражающіе обычную жизнь народовъ, ихъ политическій строй, вѣровавія, исторію культуры; по этой причинѣ для Ашика находка въ гробницѣ двухъ золотыхъ колецъ съ гладкими камнями посредныхъ, ничего не говорящихъ археологу, „не представляетъ ничего любопытнаго“ (с. 80); а скорѣе же двухъ янцъ, найденныхъ въ пазѣ гробницы, „расквашенныхъ въ мелкія части“, были Ашикомъ „тщательно собраны, какъ предметъ любопытный, относящійся къ служебію ливчанъ“, и для объясненія значенія этой находки онъ спрашивается въ сочиненіахъ Беттнгера и Гамильтона, въ повѣсткахъ Муциана, Овидія и Ювенала о значеніи янцъ въ вѣровавіяхъ древнихъ народовъ. (с. 83).

Объясненія значенія рисунковъ въ греческихъ вазахъ академика Стефани, роскошно издавныя И. А. Коммисіей на языкахъ русскомъ и французскомъ, известны всему міру, в „доисенія“ Ашика, напечатанныя въ Ж. М. В. Дѣль, которыми часто пользовался Стефани, мало кому известны; но эти доисенія имѣютъ болѣе общее и важное значеніе для русской археологн, нежели спонциальныя объясненія академика Стефани, хотя и очень почтенныя и интересныя. Работы Ашика по исторіи Босфорскаго царства, основанныя на широкомъ знакомствѣ съ источниками и непосредственномъ изученіи богатаго археологическаго матеріала, добытаго его раскопками, были опубликованы на частныахъ средства Общ. Ист. и Др. при Новороссійскомъ университетѣ. На И. А. Коммисію лежить долгъ: собрать жѣ „доисенія“ Ашика о раскопкахъ въ окрестностяхъ Керчи, напечатанныхъ въ мало кому доступномъ Жур. Мнв. На Дѣль, и надать ихъ особю книгою въ интересахъ археологической науки; это изданіе могло бы послужить хорошимъ руководствомъ для археологовъ нашего времени, занимающихся раскопками кургановъ въ жвной Россіи, какъ показываетъ вышеслѣдующій образецъ.

Устройство и содержаніе греческихъ могилъ въ окрестностяхъ древней Пантикапей по отчету Ашика о раскопкахъ 1836 г.

Въ доисеніи моемъ, отъ 25 Апрѣля¹⁾, я излагалъ причины, по которымъ открытія наши становятся бѣднѣе. Хотѣлъ я тѣмъ, и зловѣ обозрѣлъ все курганы, лежащія въ Керчь-Еникампскомъ гробначальствѣ, и нашелъ, что рѣшительно нѣтъ уже ни одного изъ нихъ, который бы считался нетронутымъ. Не менѣе того, я всегда думаю, что наружный видъ кургана не можетъ служить вѣрнымъ доказательствомъ, что въ немъ нѣтъ цѣлыхъ гробницъ; въ теченіе шестилѣтнихъ занятій моихъ по этой части, мнѣ случалось

¹⁾ Это доисеніе Ашика было напечатано въ Ж. М. В. Д. въ 1838 г.; № 8. Слѣд. стр. 44 и слѣд.

поль однимъ и тѣмъ же курганомъ выкопаны не дѣй, но три и болѣе гробницы, устроенныя въ разныхъ направленіяхъ и въ равномъ одиъ отъ другой разстояніи. Сей опытъ убѣдилъ меня, что теорія разрытія кургановъ, вычертанная покойнымъ археологомъ графомъ Потоцкимъ и другими, болѣею частію неверна, по крайней мѣрѣ—въ отношеніи къ Нахтинанейскимъ курганамъ. Чтобы съ увѣренностію сказать, что въ курганѣ нѣтъ ничего, необходимо нужно срыть его до основанія; вотъ, по моему мнѣнію, самое кѣрвое правило. Но разработка кургана, особенно большого, сопряжена съ значительными издержками; потому на предлагаемое мною средство не легко было рѣшиться. Въ занимавшіеся разрытіемъ кургановъ, въ томъ числѣ и я, всегда искали для раскопки такихъ кургановъ, которые предетавляли бы, по своей наружности, какую-нибудь нѣроятность на открытіе.

Въ началѣ числахъ Мая, съ разрѣшенія начальства, перевелъ я работы мои къ равнинѣ за городскими вратами, по дорогѣ къ карантану, усадебной древними вазонами, къ которымъ постоянно обращены были поиски археолога и искателя золота, и гдѣ большая часть кургановъ разрушена до такой степени, что невозможно опредѣлять ихъ прежней формы. Сіи курганы принадлежатъ, безспорно, къ лучшимъ вѣкамъ владычества Грековъ въ этой странѣ, и вновь найденныя мною археологическія драгоценности подтверждаютъ это мнѣніе. Дляго работы мои казались тщетными: я разрѣзалъ вѣскольکو кургановъ до—ваша, и хотя находилъ въ нихъ цѣлыя гробницы, однако—столь бѣдныя, что изъ трехъ такихъ гробницъ я не приобрѣлъ, исключая простыхъ глиняныхъ сосудовъ самой обыкновенной формы, ни одной вещицы, достойной вниманія. Вооружась терпѣливостію, какъ первымъ и самымъ необходимымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ, я продолжалъ нетонимо рыться. Наконецъ въ послѣдніе числахъ Іюня и въ теченіе Августа мѣсяца работы мои увѣдчались блестящими успѣхами; я нашелъ четыре гробницы, и приобрѣтенныя въ нихъ драгоценныя и любопытныя предметы древности щедро вознаградили расколы наши, и вполне удовлетворяли желанію моему предоставить въ иныишнемъ году, что-нибудь важное въ археологическомъ и въ художественномъ отношеніи. Присоединяемая здѣсь рисунки заключаютъ изображенія всѣхъ вообще вещей, найденныхъ въ теченіе Майской трети¹⁾. Подробности этихъ открытій и самое описаніе вещей изложено въ четырехъ слѣдующихъ отдѣльныхъ статьяхъ.

I. Въ одной части кургана, оставшейся въ цѣлости, найдена мною, на глубинѣ четырехъ аршинъ, при самомъ материкѣ, четвероугольная кирпичная гробница, совершенно почти развалившаяся тѣлестію земли. Очистивъ сію гробницу отъ земли и снявъ обломки черепицы съ величайшею бережливостію, я увидѣлъ въ ней также раздавленную со жемчужными востями урну. Собрать тщательно куски найденнаго сосуда, обмыть ихъ отъ известковой коры, которою онъ былъ покрытъ, и склеивши вмѣстѣ, я съ восхищеніемъ увидѣлъ, что эта обломковъ составила прелестнѣйшей формы урну, о двухъ ручкахъ, съ крышечкою, украшенная рисунками, какъ обыкновенно, краснаго цвѣта по черному полю. Посредствѣ урны представлено сѣдальце, на которомъ сидитъ женщина, съ браслетами на рукахъ и ожерельемъ на шеѣ, опирающаяся лѣвою рукою о сѣдальце, а правую держащая птвичку. Голова ея убрана *обидомоки*, на ней два—*титона*, украшенные волнообразными обшивками: одна длиннѣй, а другой короткѣй; прорѣзаные рукава верхняго хитона застегнуты пуговицами. За этою сѣдлацею фигура изображена въ самомъ приятномъ положеніи парадій, крылатый гедій, прикасающийся пальцами рукъ къ челоу сѣдлацею женщины. Далѣе, съ правой стороны, стоитъ женщина, держащая вышитую юбку, *амазотуртисы*, и ладитъ съ дарами и жарадами. На колѣнахъ сѣдлацею женщины стоитъ крылатая фигура, лѣвая

¹⁾ Рисунки найдены въ приложеніи къ донесенію Ашани, въ той же Пискарьской ул. Ж. М. В. Д. за 1839 г.

рука которой лежатъ на ея плечѣ. Передъ нею видны еще двѣ женщины съ повязками, съ ящикомъ и съ ребристою вазою (вѣроятно съ владями); на сѣдѣ жемчужная—по два лята съ каймами, какъ и на сидищей фигурѣ; одна ланная, а другой короткій, безрукавный. Изображеніе это обведено сверху и снизу небольшою рамкою, украшенною оваломъ. Если позвонить, себя судить объ этомъ памятникѣ по какому-нибудь сходству его съ другими подобными, то нельзя не заключить, что прекрасная картина, украшающая сію урну, есть одно изъ изображеній, относящихся къ частной жизни той особы, прахъ которой былъ здѣсь заключенъ, и представляетъ свадебное приготовленіе, вмѣстѣ съ приготовительнымъ обрядомъ посвященія къ таинству. Рѣзкія черты фигуръ и мастерская ихъ отлѣвка напоминаютъ лучшія вазы древняго греческаго стиля.

На одномъ изъ кусковъ черепицъ, составлявшихъ гробницу, въ которой найдена сія ваза, выбита надпись Елѣо. Черепицы, употреблявшіяся для частныхъ, или публичныхъ надгробій, часто носили на себѣ имя фабриканта, или владѣтеля; въ коллекціи черепицъ *Грутера* и *Муратора* собрано множество подобныхъ надписей.

Между жмевыми костями въ урнѣ найдены:

1. Золотая цѣпь хорошей работы, служившая ожерельемъ, украшенная по концамъ львиными головками съ рогами; подобныя животнымъ часто встрѣчаются на Пантиккаевскихъ памятникахъ; они имѣютъ гулевице и лапы львиныя, птичія крылья и концы голову.

2. Золотой перстень съ выпуклымъ египетскимъ гранатомъ, на которомъ, какъ кажется, вырѣзана въ глубь гребенчатая саранча.

3. Золотая сережка съ львиными головками.

4. Золотой кружокъ, на которомъ выбита арабеска, окруженная точками. Всѣ сіи вещи заключаютъ въ себѣ вѣса 8½ золотниковъ.

II. Въ другомъ раскопанномъ курганѣ, близъ того, гдѣ найдена описанная предъ нами урна, представилась на глубинѣ пяти аршинъ вырытая въ материкѣ яма, длиною въ 2½, глубиною и шириною въ аршинъ, наполненная углемъ и золою. Надъ самымъ угольнымъ слоемъ разбросаны были куски золотого вѣнца; а подъ угольнымъ слоемъ, между золою и костями, найдены мною: золотой перстень съ вырѣзанною на немъ птицею; пять золотыхъ застежекъ, въ которыхъ выбиты львиныя головы; золотыя бусы, составившія ожерелье, и нѣсколько кусковъ ожерелья, составленнаго изъ вѣнчикъ и прелестной тесьмы изъ золотыхъ нитокъ, съ розетками и подишешными стрѣлочками. Всѣ сіи вещи составляютъ вѣса 28 золотниковъ чистаго золота.

Перстень, найденный въ этой гробницѣ, принадлежитъ къ роду перстней, которые назывались у Римлянъ *anuli signatorii*, т. е. перстни, служившіе для запечатыванія писемъ, документовъ и проч.; на немъ вырѣзывалось изображеніе какаго-нибудь божества, портретъ предковъ, царя, или изображеніе какаго-нибудь событія изъ частной жизни и проч.; представленная же на перстнѣ птица, по формѣ своей, въ особенности по загнутому носу, принадлежитъ къ роду хищныхъ, и изображаетъ, вѣроятно, кончика (*accipiter*); птица эта у древнихъ Персовъ и Египтянъ была въ большомъ уваженіи; можетъ быть, и Воспорскіе жители ей поклонялись.

Застежки съ львиными головками служили, безъ сомнѣнія, для пристегиванія, по обычаю Грековъ, части туника отъ плеча до руки. Вѣроятно ихъ было гораздо больше, чѣмъ въ гробницѣ найдено, но они не сохранились дѣйствиельно. Въ этой же гробницѣ собрано множество обломковъ расплывшихся яазъ, но такъ сильно поврежденных огнемъ, что намъ не удалось соединить вмѣстѣ даже двухъ кусковъ. Сѣй родъ погребенія часто встрѣчается на классической почвѣ Воспорскаго царства, и какъ кажется,—происходилъ слѣдующимъ образомъ: въ вырытой ямѣ клалъ покойника во всемъ облаченіи, съ принадлежащими ему сосудами; устраивали надъ нимъ костеръ, и потомъ зажигали огонь; когда же дрова обращались въ уголь, то зарывали ихъ плотно въ ямѣ, и воздвигали надъ

вещь насыпь. Многие ученые относили вообще обрядъ сожжения тѣла къ одной кельтской эпохѣ; но что касается до древнихъ жителяхъ Пантикапей, то у нихъ, въ отношеніи къ похоронамъ, существовали въ одно и тоже время разные обряды, т. е. сожиганіе тѣла на кострѣ, подобно описанной выше гробницѣ, сохраненіе жженныхъ костей въ урнѣ и погребеніе обыкновенное въ каменныхъ склепахъ. Мы даже случалось находить въ каменныхъ гробницахъ остовы мужчины, или женщины, совершенно цѣлый, а подлѣ него—урну со жжеными человѣческими костями. Въ подтвержденіе всего можетъ служить и слѣдующая каменная гробница, найденная въ той самой оаисѣ курганной, глѣ и предшествующая.

III. На глубинѣ 3¹/₂ аршинъ отъ поверхности кургана и на полъ-аршина выше материка находилъ и каменную гробницу, длиною въ 1¹/₂, шириною въ ¹/₂ и глубиною въ ²/₄ аршина, покрытую двумя каменными плитами. Судя по величинѣ скелета, можно полагать, что въ немъ погребено было тѣло женщины среднихъ лѣтъ; остовъ лежалъ ногами къ западу. Голова ея, выше чела, украшена была золотой повязкою, на подобіе *кредаммома*; края повязки украшены каймой, составленною изъ квадратиковъ, къ видѣ шахматной доски. Украшенія сего рода встрѣчаются часто и на пазлахъ и на одеждѣ древнихъ. На самой повязкѣ выбиты треножки, дельфины и четыре фигуры въ разныхъ положеніяхъ, но такъ неясно, что трудно выразить какое-нибудь мнѣніе на счетъ значенія оныхъ. Можно только сказать, что сѣи изображенія, иррочно, относятся къ дѣяніямъ Аполлона, который, какъ извѣстно, имѣлъ въ Дидимѣ, близъ Милета, знаменитый храмъ, остатки котораго и теперь еще видны; колонны же Понта, вышедшія изъ Милета, старались изображать служебнѣ божеству, которое считали оны верховнымъ покровителемъ отечественнаго ихъ города; вотъ почему на памятникахъ здѣшнихъ, равно и другихъ поселеній, бывшихъ на берегахъ Чернаго моря, находятя изображенія грифоновъ, треножниковъ, лиры, или самаго Аполлона.

На рукахъ покойницы, около кисти, были браслеты амфинообразной формы, въ самомъ древнемъ Греческомъ вкусѣ; по формѣ назывались оны *обиль* и *жермолон*, потому что носили или вокругъ кисти ручной.

Въ этой же гробницѣ найдены: золотыя серьги, съ височными амурами; двѣ золотыя застежки: одна круглая съ бирюзою по срединѣ и съ узорами на ней филигранной работы, а другая—двойная, изображающая рыбы головы. Круглая застежка служила для застегиванія *малодамостума*, принявшаго въ новѣйшія времена названіе пламиды. Застежки обыкновенно находятя въ гробницахъ Римлянъ и другихъ народовъ, принявшихъ ихъ обычай. Монфоконъ описалъ множество найденныхъ доселѣ застежекъ разныхъ родовъ. Застежки вообще, какъ и прочія золотыя вещи, принадлежали къ параду Царей и Князей; во вслѣдствіи, именно въ царствованіе Императора Неона, это право дозволено было даже безъ развѣчія. Другая двойная застежка служила, безъ сомнѣнія, для соединенія какого-нибудь ожерелья, котораго, впрочемъ, въ гробницѣ не найдено.

Три маленькія глянценыя вазы, стоявшія у ногъ покойницы,—одна круглая, другая также круглая съ крышечкою, и третья о двухъ ручкахъ сажой наизящной формы,—всѣ сѣи вазы украшены гирляндами краснаго цвѣта съ бѣлыми.

Медаль, найденная во рту покойницы, съ изображеніемъ головы мужчины въ каскѣ; на оборотѣ—изреченіе и надпись: *Альхев*, то есть: монета *Алькома*, царя или архонта Восторнаго.

Но изъ вещей, приобретенныхъ въ этой гробницѣ, наобно отличить двѣ глиненыя статуи, стоявшія на круглыхъ пьедесталахъ съ карнизомъ, у ногъ остова, по угламъ гробницы... Сѣи статуи могутъ почтаться лучшими художественными, въ этомъ родѣ, произведеніемъ древности, произведеніемъ, которому художникъ старался придать полный идеалъ красоты. Статуи эти—вышшею почти 6 вершковъ; на нихъ—длинная *туника* и большой *пеллумъ*, закрывающій руки совершенно. Характеръ самаго древняго Греческаго стиля сохраняется въ легкости ихъ позы и въ выраженіи. Одежда ихъ сдѣлана

сь чрезвычайнымъ изяществомъ. Верхняя мантия, наклонная въ расплохъ и нагибать, весьма замѣчательна по своей тщательной отделкѣ, искусной драпировкѣ и полнотѣ рисунка. Вообще статуя сія носитъ печать самого изящнаго вкуса; онѣ заслуживаютъ глубокаго наученія тѣмъ, какъ слѣдуетъ за развитіемъ этого рода искусства. Маленькія, круглыя пьедесталь, на которомъ находится статуя, заставляетъ думать, что онѣ сдѣланы изъ подражанія какому-нибудь образцовому древнему изваянію. Обѣ статуи представляютъ женскія фигуры, но не имѣютъ никакихъ знаковъ, по которымъ было бы можно опредѣлить, какія божества ими изображаются. Впрочемъ, по случасію съ памятниками гречески, вѣдая, что мантия въ такомъ положеніи, какъ на нашихъ статуяхъ, замѣчается на всѣхъ почти изображеніяхъ музъ памяти—Полимыи и Мнемозины, я бы рѣшительно остановился на томъ мнѣніи, что онѣ представляютъ одно изъ этихъ божествъ, если бы греческа фигура, ни мало не схожая съ греческою музою, не запрешала прибѣгать къ этой гипотезѣ. Греческа сѣсть статуя есть та, которую Гомеръ называетъ *Амимакъ* она образуетъ свадл рѣшетку, составленную изъ плетеныхъ и окончивающуюся уломъ, наивысшимъ антикваріями *коринѣомъ*; сверхъ того голова статуи украшена *лѣвкомъ*...

Монета, найденная въ гробницѣ, служитъ вѣрнымъ хронологическимъ признакомъ, по которому можно отнести сію гробницу къ эпохѣ владычества царя или архонта Носпорскаго, царствовавшего съ 383 по 354 годъ до Р. X.

Изъ золотыхъ вещей заключается вѣсъ 18 золотниковъ.

IV. На глубинѣ $2\frac{1}{4}$ аршинъ открыта была гробница, сложившая изъ большихъ, розовыхъ параллелограммовъ, имѣющая въ длину $2\frac{1}{2}$ аршина, въ ширину 5 четвертей и въ глубину столько же. По снѣгѣ верхнихъ трехъ плитовыхъ камней, лучъ надежды на открытіе драгоценностей, всегда при этомъ случаѣ замѣтный въ дуплѣ антикварія, совершенно исчезалъ при видѣ гробницы, засыпанной плотно землею; но по снѣгѣ первыхъ слоевъ, надежда моя оправдалась, когда я увидѣлъ золотыя блески, во множествѣ по землѣ разбланыя. Безорѣ приступилъ къ очисткѣ гробницы отъ земли, начиная съ той стороны, гдѣ покоилась голова остова, я нашелъ густой, лавровый вѣлокъ изъ золота, блиставшій на чернѣ, и восхищеніе мое не имѣло границъ. Имѣя тайное убѣжденіе, что въ этомъ вѣлокѣмъ памятникѣ, не смотря на наружную скромность его, скрыты вещи, весьма драгоценныя, я не обманулся въ ожиданіи: памятникъ заключалъ въ себѣ множество прекрасныхъ вещей.

Въ ушахъ покойницы красовались серьги, съ височными кристаллами *Иакхалитескими* гайдами, опаловыми побрякушками и державцами въ рукахъ *кромалы*. Вокругъ шеи обвивались два золотыя ожерелья: первое—длиною въ 14 вершковъ, въ видѣ продолговатаго боченка, изящной филигранной работы, съ подвѣшенными эмблематическими фигурами, к. у. птицъ, собачки, льва, раковины, топора и проч., второе—длиною 8 вершковъ, изъ тончайшихъ нитей, съ розетками и подвѣшенными стрѣлочками, подобно найденному во второй гробницѣ; омерзелье это прилегалось замочкомъ. Золотыя вещи, которыми украшены остова женщины въ гробницѣ Руно, красотой и тщаніемъ въ отлѣскѣ превосходятъ тѣ, которыя находятся въ Помпѣи и Сикилиѣ. Сравнивъ ихъ съ нашими, я невольно, безъ всякаго патріотическаго пристрастія, что нынѣмъ перваго признали у Пантихейскихъ мастеровъ. Пальцы обѣихъ рукъ погребенной въ этой гробницѣ женщины украшены были семью золотыми кольцами, между которыми три весьма замѣчательны, какъ необыкновенною формою и величиною, такъ и исполненіемъ; онѣ заслуживаютъ подробное описаніе.

Первое—овальной формы, длиною въ $1\frac{1}{4}$ верш.; на верхней его частѣ представляна женщина въ вѣсѣ. Это предельное изображение имѣетъ столь драгоценные знаки, что при первомъ взглядѣ нельзя не уплатъ въ немъ Минерны—внѣшности. Голова богини, оправленная золотомъ, представляетъ совершенно новый элементъ греческой археологіи; она

сдѣлана въ позѣ-профиля, изъ камня, похожаго на самый темный гранатъ. Прекрасныя черты лица богини, чрезвычайно выразительны; художникъ старался прилати въ видѣ гордыи, свойственный Минернѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить въ нихъ ясность и спокойствіе, какъ вѣрный атрибутъ богини, чуждой всѣхъ страстей; на головѣ у нея—алѣмь, съ тройнымъ на верху украшеніемъ; изъ подъ шивана выходятъ волосы богини и падаютъ по плечамъ въ роскошныхъ кудряхъ; грудь ея покрыта обыкновеннымъ ея вооруженіемъ—згидомъ, посреди которой голова Медузы.

Второе—такой же формы, какъ и предыдущее, съ тѣмъ только различіемъ, что лице Минерны сдѣлано спереди, и что згидъ, покрывавшій грудь богини, облегаютъ амфи.

Третье—такой же формы, со вставленнымъ плоскимъ сирійскимъ гранатомъ ланкою болѣе верхка; на этомъ прекрасномъ, внутри рѣзаномъ камнѣ, изображена фигура въ мантии, брошенной на нижнюю половину ея тѣла; въ лѣвой рукѣ—заста; передъ нею—обрубленое дерево съ трофеями, къ которымъ фигура принаслается правой рукою...

Остальная нить колець обыкновенной величины; въ одну изъ нить вставляеть кусокъ индѣйскаго мрамора, золотая же обѣлка показываетъ большую тщательность, будучи украшена филигранною работою; въ другомъ вставленъ бѣзцвѣтный выгнутый прекрасный гранатъ; въ третьемъ—также выгнутый гранатъ, на которомъ вытѣвана Ювона, бросающая перуны; послѣднія два кольца, также съ камнями посрединѣ, не представляютъ ничего любопытнаго.

Кромѣ сихъ вещей, одежда покойницы была украшена множествомъ вещей изъ листоватаго золота, какъ-то: шариковъ въ видѣ бусъ, продолговатыхъ трубочекъ и треугольничковъ, найденныхъ у антикваріежъ подъ названіемъ *золотыхъ зубокъ*.

Гробовая земля была простѣлая и промыта; потому ничто не могло ускользнуть отъ копья поисковъ. Мелочей собрано 36 золотыхъ; въ числѣ ихъ отысканы: нѣсколько четырехугольныхъ и треугольныхъ заполокъ, служившихъ для убранства нити, съ равными украшеніями, на подобіе фестонокъ, и съ сохранившимся отчасти эмалью; булавка для уборки волосъ, съ индѣйскими шариками, и зубочистка съ рукояткою, представляющею крылататаго гевія, держащаго на головѣ ухвертку; *монета царя Лизимаха*, съ изображеніемъ: на одной сторонѣ—его лица, съ діадемой и съ бараньими рогами; на оборотѣ—вооруженной сидящей Минервы, у которой—въ правой рукѣ образъ побѣды; на этой же сторонѣ монеты—надпись: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΛΕΙΣΙΜΑΧΟΣ. Бараньи рога на головѣ *Лизимаха* подали было поводъ къ жаркому спору между пумпакатами; казалось, страннымъ, что онъ позволялъ себѣ украсить символъ, присвоенный Александръ Великому, какъ сыну Юпитера. Но ученый *Локс* разъяснилъ это недоразумѣніе. *Лизимахъ* считалъ себя происходящимъ отъ *Вакха*, котораго Греки изображали иногда съ бараньими рогами; потому и *Лизимахъ* присвоилъ себѣ этотъ атрибутъ, который сверхъ того уподоблялъ его Александру.

Работа описанныхъ золотыхъ вещей представляетъ разительную противоположность двухъ стилей: лучшаго и дурнаго; это не должно казаться однакожъ удивительнымъ; во всѣ эпохи искусства были артисты и посредственные. Въса въ золотыхъ вещахъ всего 160 золотыхъ.

Но богатство находки не ограничивается одними золотыми вещами. У ногъ покойницы, по угламъ гробницы, найдены еще слѣдующія серебряныя и другія вещи, весьма замѣчательныя въ художественномъ отношеніи.

1. Серебряная ваза, въ родѣ ванникъ тайлниковъ, с двумя ручками, съ крышечкою и пьедесталомъ, украшенная рельефными фестоками, изображающими виноградныя лозы съ кистями. Два братцы Фава, или Силена, чрезъ коихъ опоясаны инкурой, и которые играютъ на семейственной скрипкѣ, составляютъ ручки вазы; къ ручкѣ одного изъ Фаиновъ прикрѣпленъ цѣпочкою врышка вазы. Между виноградною лозою, съ задней стороны вазы, видно крылатое дитя—Акрытъ, или другою гевіи *Вакха*—Амвель, сынъ Силена. На

и вѣтъ, чрезъ которое должна быть выливана изъ вазы жидкость, сдѣланы двѣ личины: верхняя—Сатира съ *креденитомъ*, а нижняя—какойнибудь нимфы. Не только нимфы, но и прочія лица изъ свиты Вакха служили древнѣйш. для украшенія фонтановъ. Предметъ изображенія сдѣлать на фонтанѣхъ они жажали воспламенить въ проходящихъ воображеніе и возбудить вмѣстѣ съ тѣмъ жажду. Личины, фигуры и всё украшеніе вазы вызолочены. Изнутри ея сохранились въ совершенной цѣлости два курчавыхъ яйца; но при одномъ прикосновеніи къ вазѣ, сія яйца разсыпались въ мелкія части, которыя однакожь были тщательно вновь собраны, какъ предметъ любопытный, относящійся къ служанію ланчниковъ.

2. Двѣ одинаковыя вазы о двухъ ручкахъ, съ пьедесталомъ, такой красивой формы, которая причислить можно къ жертвеннымъ сосудамъ. Въ срединѣ сосуда на двѣ стороны особый серебряный кружокъ, на которомъ вытиснутъ лучезарный Вахтъ, сидящій въ четырехъколенной колесницѣ; онъ держитъ въ правой рукѣ бичъ; подъ колесницей изображены разныя растенія, означающія вино, по которому славетъ Вахтъ; кругомъ изображенія сдѣлана прекрасная вызолоченная майма; обрѣзъ лошадей и олеяда Вакса также вызолочены.

3. Двѣ одинаковыя вазы съ пьедесталомъ, о двухъ ручкахъ, истинно вощаной формы, по которой можно причислить ихъ къ разряду сосудовъ, называемыхъ *satchosini*; маймы эти по наружному краю горла украшены вызолоченными маймами.

4. Маленькій сосудъ объ одной ручкѣ, также съ вызолоченнымъ украшеніемъ.

5. Двѣ одинаковыя вазы объ одной ручкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя у Римлянъ назывались *proboscini*, и служили для сохраненія воды во время жертвоприношеній; поле вазъ украшено вызолоченными виноградными лозами и маймами; ручка закручена въ видѣ веревки; внизу ручки—голова Фауна.

6. Маленькая ваза съ крышечкою, поддерживаемая колонкою съ ножками; форма этой вазы часто встрѣчается между древними памятниками.

7. *Каледонская*, —утварь, принадлежащая къ обрѣдамъ жертвоприношеній.

Всѣ описанныя серебряныя вещи, по формѣ своей, должны быть отнесены къ лучшимъ временамъ Греческой образованности; вызолоченныя украшенія вазъ сдѣланы съ большимъ вкусомъ и изящностью; подобныя имъ украшенія не найдемъ мы древними, но употребленіе мажора изъ днѣхъ было вообще обожано на камнѣ—иногда приписывать, и получило свое начало отъ господствовавшего у днѣхъ духа аллегорій.

Въ числѣ найденныхъ вещей замѣчаются также слѣдующія:

1. Глиняная ваза, принадлежащая къ роду тѣхъ, которыя служили при воляничѣхъ; по наружному краю горла украшена она багровою красною цвѣта, а пониже ея—гирляндой изъ листьевъ плюща.

2. Мѣдное, совершенно оцинкованное, серпообразное орудіе, которое употреблялось древними для очищенія тѣлъ при омовеніи, предшествовавшемъ обряду принятія въ таинства язычества.

3. Ложка изъ слоновой кости.

4. Двѣ маленькія вазы изъ гипсоватаго алебаstra, въ которыхъ хранились душистые мази; сія ваза называлась у Грековъ *ἀλβαστρα*, отъ чего и камень, изъ котораго онѣ дѣлались, названъ *алебастромъ*. Камню этому Греки приписывали особенное свойство сохранять запахъ¹⁾, и потому онъ былъ у нихъ въ большой цѣнѣ. Камнямъ, по словамъ Геродота (ж. III с. 20), въ числѣ даровъ, посланныхъ Царю Египта, включилъ и пудиръ *алебастръ*. Въ послѣдствіи, съ распространеніемъ роскоши, вазы сія дѣлались и изъ драгоценнѣйшихъ металловъ. Въ прошедшемъ году и въ нашихъ Пантеонныхъ гробни-

¹⁾ Плинію, Нист. нар. III, *Unguentis optime servantur in alabastris.*

цагъ найдена была подобная золотая ваза, украшенная драгоценными камнями. Вазу эту Государь Императоръ, въ бытность въ Керчи, повoliлъ вручить Его высочеству Великому Князю Цесаревичу, для доставленія Государынѣ Императрицѣ.

Б. Маленькая, деревянная, токарной работы ваза, въ которой хранился румяна; остатки оныхъ не только уцѣлели въ вазѣ, но ваярал на столько столбѣтъ, претендирать съ тѣхъ поръ, какъ они положены были въ гробницу, но еще такъ хорошо сохранились, что и теперь могли бы занять первое мѣсто на шегольскомъ туалетѣ.

Мало открыто до сего поръ такихъ гробницъ, въ которыхъ бы найдено было столько разнообразныхъ вещей, сколько въ этой гробницѣ. Все сн вещи вѣроятно принадлежали къ убранству усопшей; известно по многимъ примѣрамъ, что образованность Грековъ требовала, чтобы вещи въ гробницѣ были и вещи, которыя должны были служить покойнику; обычай ставить въ гробницы вещи, которыя употреблялись покойникомъ при жизни. Греки почитали средствомъ утѣшенія и наслажденія...

Монета Лизимаха доказываетъ, что гробница, въ которой она была найдена, не можетъ относиться къ эпохѣ отдаленнѣе той, въ которой царствовалъ этотъ знаменитый владетель. Лизимахъ умеръ въ 281 году до Р. X., и жилъ болѣе 70 лѣтъ; следовательно можно съ правдоподобіемъ заключить, что вѣкъ преданъ была землѣ по крайней мѣрѣ за три вѣка до Р. X., если не далье, ибо Лизимахъ въ ранней молодости представлялъ въ молодыхъ лѣтахъ. Въ Весперскихъ гробницахъ уже нѣсколько разъ были найдены монеты царей Македонскихъ. Что касается до монеты Лизимаха, то она совершенно сходна, во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ надписи, съ монетою Перизада, котораго автентичны считали I-мъ; но открытая доска мраморъ съ надписью: въ царствованіе Перизада сына Спартакъ, убѣдили насъ, что монеты Перизада I-го должны принадлежать Перизаду II, какъ современнику и сосѣду Лизимаха...

Греческія гробницы окрестностей древней Фанагоріи.

Въ 1870 году газетная публикація извѣстила, что членъ Имп. Арх. Комиссіи баронъ Тиссенгаузенъ раскопалъ на Тамани, у ст. Сѣвнкой, близъ фанаторійскаго городища курганъ съ разграбленными каменными греческими гробницами богатаго содержанія. Желая лично ознакомиться съ устройствомъ и содержаніемъ греческихъ гробницъ, для сравненія съ ними скифо-сарматскихъ гробницъ, я поѣхалъ въ Керчь; но здѣсь уже не засталъ бар. Тиссенгаузена, — онъ выѣхалъ въ Петербургъ и увезъ съ собою находки. Директоръ Керченскаго Музея С. И. Вирсбрюсовъ сообщилъ мнѣ, что гробницы, открытыя бар. Тиссенгаузеномъ, остаются еще неразобранными каменнымъ курганомъ, а близъ нихъ раскопанъ другой большой курганъ. Я изъявилъ желаніе осмотрѣть открытыя гробницы и производимыя раскопки. Прибывъ на археологическую станцію, я оставался въ ней четыре дня, изъ которыхъ одинъ былъ посвященъ на поѣздку для осмотра кургановъ Киммерійскаго полуострова, гдѣ до настоящаго времени раскопки производены не были, а въ остальные три дня осмотрѣлъ фанаторійское городище и курганы въ его окрестностяхъ, раскопанные директорами Керченскаго Музея и членами Импер. Арх. Комиссіи. Многие большіе курганы оказались раскопанными тремя способами: 1) посредствомъ колодезь, олушенныхъ съ вершинъ кургановъ до гнилинаго материка, а пазы нашинъ оставлены нераскопанными, — и такихъ кургановъ большинство; 2) посредствомъ разрѣзовъ насыпи перекрестными траншеями, настолько узкими, что два трети являлись остаются нераскопанными; 3) посредствомъ своеобразныхъ миль, проведенныхъ по дну насыпи на прелетъ, при чемъ вся насыпь выше человѣческаго роста я бока оставлены нераскопанными. Эти способы далеко отъ идеала курганныхъ раскопокъ, высказаннаго Ашикомъ въ 1838 г.

Кургана на землѣ ситника Артюхова, въ которомъ открыты бар. Тимонгаузенемъ греческія гробницы, я нашелъ раскопаннымъ параллельно сквозною траншею, проведенною по срединѣ кургана въ направленіи съ В. на З. и тремя глубокими боковыми траншеями, проведенными въ Ю-ой половинѣ насыпи. При этой раскопкѣ были открыты три гробницы, сложенные изъ кусковъ тесавато камня: одна подлѣ центрою насыпи, въ неглубокой ямѣ, вырытой въ глиняномъ материкѣ, огражденная въ древности; вторая въ З-ой половинѣ насыпи, открыта при разрѣзѣ кургана равною сквозною траншею; третья.—въ ближайшемъ боковомъ прорѣзѣ Ю-ой половины насыпи. Предполагая курганъ являть дослѣдованіемъ проведеніемъ еще двухъ разрѣзовъ Ю-ой части насыпи, бар. Тимонгаузенъ прекратилъ раскопку и выѣхалъ въ Петербургъ. По отъѣздѣ б. Тимонгаузена, директоръ Керченскаго Музея раскопалъ одну небольшую курганъ въ той же мѣстности и приступилъ къ раскопкѣ другого большого кургана, заложивъ въ немъ траншею съ В. на З. На мой вопросъ почему оставлены неизслѣдованными сѣверная половина Артюховскаго кургана и большіе промежутки между боковыми траншеями, С. И. Веребрюсовъ отвѣчалъ, что сѣверная половина кургана всегда составляется нераскопаннымъ директорами и членами Имп. Арх. Коммиссін, по той причинѣ, что въ этой половинѣ гробницъ не встрѣчается, какъ показала предыдущая практика раскопокъ, а промежутки между боковыми траншеями оставлены нераскопанными по тому, что въ траншеяхъ не встрѣтились „отески“ камня, служащіе указателями присутствія гробницъ. Это объясненіе показалось мнѣ достаточно убѣдительнымъ, особенно по отношенію къ части насыпи, въблизи которой была найдена первая верхняя неограбленная гробница, и я высказалъ это сомнѣніе С. И. Веребрюсову; тогда онъ предложилъ мнѣ дослѣдовать курганъ по своему усмотрѣнію, выразивъ готовность отдѣлить половину своихъ рабочихъ въ мое распоряженіе; но я не нашелъ удобнымъ воспользоваться любезнымъ предложеніемъ, не желая путаться въ дослѣдованіе кургана, раскопаннаго бар. Тимонгаузенемъ и побуждаемый къ возвращенію въ Варшаву къ началу университетскихъ занятій. Убѣждая, я настоятельно советовалъ С. И. Веребрюсову раскопать единичный небольшой курганчикъ въблизи Артюховскаго большого кургана, съ цѣлью опредѣлить, не относится ли онъ къ погребеніямъ въ послѣднемъ, а въ Артюховскомъ курганѣ дослѣдовать по крайней мѣрѣ СЗ. и ЮЗ. части насыпи.

Въ Варшавѣ было получено мною отъ С. И. Веребрюсова письмо, содержащее подробное описаніе очевидна неограбленной греческой могилы окрестностей древней Фанагоріи, представляющей собою одну изъ важнѣйшихъ археологическихъ открытій за послѣднее полутолстіе, вообщее открытіемъ 1888 года, описаннымъ въ вышенаведенномъ доносеніи Ашика¹⁾.

За вступительными любезностями, въ письмѣ С. И. Веребрюсова говорится слѣдующее:

Письмо директора Керченскаго музея С. И. Веребрюсова 1879 г.

Теперь раскопки ваши окончены (14 Сент.) въ текущій годъ и, мнѣ кажется, не лишнимъ будетъ сообщить Вамъ о результатѣ нашихъ работъ, усилій и ожиданій. Возвратясь въ Керчь, я все собирался писать къ Вамъ, но въ хлопотахъ не успѣвалъ. Какъ помните, работы близъ станицы Сивной были уже въ ходу, когда мы вмѣстѣ прибыли (15 Авг.) въ Казанскій домъ. После отъѣзда Вашего, мы продолжали раскопки до 13 Сентября, вскрыли трѣхъ малыхъ и три большихъ кургана.—все оказались опустошенными, досталась намъ

¹⁾ Подлинникъ письма С. И. Веребрюсова, вмѣстѣ съ письмами Кривяковскаго академика Киргера, бар. Тимонгаузена и другихъ лицъ, относящихся къ археологическому дѣлу, я передаю къ Имп. Рос. Ист. Музею, для храненія при моемъ собраніи древностей вмѣстѣ съ подлинниками результатовъ изслѣдованныхъ мною могилъ.

добыча самая скудная. Облебованный Вами курганчик оказался также пустым: на глубинѣ до 1½ саж. встрѣтили мы въ центрѣ пережженные кости, золу, уголь, а въ вещей ничего и ничего. Одновременно я продолжая разслѣдованія въ курганѣ Тизенгаузена, сдѣлать въ немъ нѣсколько раскопокъ, нѣсколько мѣстныхъ галлерей, простѣдая отески строгильнаго камня; нацѣлѣ двѣ земляныя гробницы на восточной сторонѣ съ незначительнымъ содержаниемъ: два—три азиатскихъ листочка, двѣ монеты мѣдная, впрочемъ монета *Летона*; наконецъ, принялся испытывать свободные промежутки между раскопками въ холмѣ посредствомъ буровыхъ скважинъ и воображаете..., но позволяете пока оставить полетъ Вашего воображенія... Припомните ту замѣчательную каменную гробницу съ преддверіемъ, которую Вы срисовали въ свою книжечку и камѣрили: представьте, что всего въ одной сажени влѣво отъ входа въ этотъ склепъ выг удалось 6 Сентября сверить нащупать буромъ, а потомъ отыскать каменную гробницу, сдѣланную не сводомъ, а сложенную изъ известковыхъ плитъ (4 верш. толщиной), въ видѣ ящика, 11 четв. длиной внутри и до 5 четв. ширинкой, прикрытую сверху двумя нижними плитами; она оказалась уцѣлѣвшею, и въ ней явилась замѣчательная въ археологическомъ отношеніи и драгоцѣнная украшенія похороненной адѣль древней азиатской барыни, и, кромя того, разные вещи, т. е. домашняго обихода. Внутренность отъ длиннаго ряда вѣнцовъ наполнилась землею, проникавшею съ влагою въ щели. Порядкомъ, въ которомъ происходило разслѣдованіе всего содержимаго внутри гробницы, завлекъ бы меня въ длинное разглагольствіе. Я ограничусь краткимъ изчисленіемъ найденныхъ вещей въ концѣ письма...

Вещи на дняхъ будутъ отправлены въ Петербургъ. Въ № 214 Одес. Ист. вѣстн. Корчяка тысячу нѣфрное и безцвѣтное описаніе ящичка,—надо будетъ исправить. Легко можете представить, какъ находка эти меня обрадовали: такая добыча одна ли въ десять лѣтъ олимпъ развѣ не падаетъ въ руки. По этому поводу я и пишу къ Вамъ, при искренней желаніи всегъ поддерживать тотъ перепискомъ наше знакомство, а можетъ быть и свидѣмся когда въ Крыму...

Вещи найденныя въ гробницѣ, при костяхъ, 6 Сент. 1879 г.:

Золотыя: головной уборъ (диадема), въ видѣ обруча изъ трехъ частей, соединенныхъ шпильками; средняя часть представляетъ символическій узелъ въ видѣ сходящихся двухъ дугъ, выложенный темными гранатами въ золотой филигранной оправѣ; въ центрѣ уха, ep face орнаментъ съ распростертыми крыльями держать въ лапахъ Амура; въ низу обруча свѣтлѣеются 6 кисточекъ изъ круглыхъ гранатовъ на золотыхъ привѣскахъ. Всего всего 66 вещей.

Пара серегъ: кружки, выложенныя цѣпочками (столбикомъ), съ зеленой и голубой филигранью.

Незавѣски.—Амурчикъ, держащій въ одной рукѣ флаконъ, въ другой чашечку.

Другое шейное кольцо съ львиными головками.

Медальонъ, съ вытиснутымъ пояснымъ изображеніемъ Афродиты съ Эротомъ съ рабелкомъ на лѣвомъ плечѣ, окруженъ амальемъ бордюромъ.

Булавка, въ видѣ заостренной иголки колонны Ion. Ордена съ приѣской,—зол. кружокъ, выложенный мозаикой, и кисточка съ наглазанными бусами изъ граната и изумруда на тонкой золотой проволоцѣ.

Цѣпочка съ бараньими головками на концахъ.

Ожерелье изъ гранатныхъ и зеленыхъ бусъ въ филигранной золотой оправѣ, съ двумя головками дикихъ козъ.

Ожерелье изъ плетеньихъ цѣпочекъ, прикинутыхъ къ фермоару изъ изумруда, граната и львиныхъ головокъ по бокамъ.

Монета изъ сардолийской и золотыя бусы.

Бусы изъ халцедона и горнаго хрустала.

Крупный бисеръ изъ массы, съ разными амулетами: рува, сложенная въ видѣ фиги, гадубокъ, головки ветра etc.

Золотые: два тонкихъ браслета, въ видѣ свивающейся амфи, три перстня, — одинъ имѣеть щитокъ, выложенный мозаикой, другой съ небольшоимъ гранатомъ, оправленнымъ золотыми арабесками.

Четыре бляхи отъ кумсакъ.

Серебряные: сосудъ въ видѣ чаши съ сферическимъ дномъ, крышкой и ручкой, пошепчавикъ, круглая коробочка съ выпукловъ крышкой, тоже съ остроуголочною крышкой, соловка, веретено, жертвенная ложка, бронзовое зеркало.

Галлиевыя: ваза изъ сѣрой глины съ арабесками на нижней половинѣ, простое круглое блюдо, блюдо пошепчавикъ, подъ черными лакомъ, разбитая простая свинцовая чашка, свинцовая свинцомъ (оловожъ), и три глиняныхъ флаконовъ.

Въ одной изъ гробницъ того же кургана, при двухъ человѣческихъ костякахъ, были найдены бар. Тизенгузевомъ, на мужскомъ костякѣ, — золотые вѣнокъ, медальонъ, перстень, четыре серебряныхъ кольца и золотая монета *Перисада II*; на женскомъ костякѣ, — золотые вѣнокъ, повязка, нагойничокъ, цѣпочка, ожерелье, множество бляшекъ, медальонъ, серьги, булавка, четыре браслета, семь перстней и монета фракийскаго царя *Лиммаха*; вокругъ костяковъ, — серебряные десять сосудовъ, веретено, ситечко, бронзовыя, — пряжка, зеркало, лампа, узонертка и обломки желѣзнаго стригила.

Во второй гробницѣ разкопки бар. Тизенгузевъ, при костякѣ, найдены: золотые вѣнокъ и перстень, желѣзные стригиль, клинокъ складного ножа и глиняные сосуды, на ручкѣ одного изъ которыхъ изображеніе бога Пріана.

Время гробницъ, открытыхъ въ Артемоновскихъ курганахъ, какъ и гробницъ, описанныхъ въ вышеприведенномъ доисесеніи Ашика, опредѣляется монетами Левкова, Перисада и Лизинаха, въ нихъ найденными. — III в. до Р. X. 9.

Значеніе греческихъ могилъ въ опредѣленіи могилъ сарматскихъ.

Греческія могилы сарматскаго періода отличаются слѣдующими признаками:

1. Часто встрѣчающимися въ гробницахъ монетами, опредѣляющими время могилъ.

2. Разнообразіемъ устройствъ гробницъ и способовъ погребенія, между которыми различаются: погребеніе въ могилкахъ различнаго устройства, сожженіе тѣла на мѣстѣ погребенія и сожженіе въ мѣстѣ, содержащей только погребальную урну.

3. Часто встрѣчающимися надѣлами изъ золота, серебра, бронзы и терракоты, представляющими собою образцы высшей степени развитія греческаго ювелирнаго, гончарнаго, живописнаго и скульптурнаго искусства.

4. Отсутствіемъ въ могильномъ содержаніи бытовыхъ надѣловъ римскаго искусства.

5. Отсутствіемъ въ содержаніи могилъ костей животныхъ, бытовыхъ надѣловъ, составляющихъ обрую, и бытовыхъ надѣловъ, составляющихъ вооруженіе и оружіе.

Сличеніе устройствъ и содержанія греческихъ и варварскихъ могилъ южной Россіи, содержащихъ бытовые надѣлы греческаго искусства IV—I ст. до Р. X., показываетъ ясно, что въ сарматскій періодъ уже не было обычая обязательнаго погребенія покойниковъ вдаль отъ человѣческихъ жилищъ, на окраинахъ государственной территоріи; трупы царей сарматскихъ племенъ хоронились вблизи или развѣнчивъ, снабжая пархія гробницы такимъ же богатствомъ бытовыхъ надѣловъ, какимъ были снабжены гробницы царей ежо-

9) См. гр. Н. Толстого и Н. Кошкалова: Русскія древности, т. III, стр. 58.

лотскихъ племенъ; во въ царскихъ сарматскихъ могилахъ встрѣчаются предметы греческаго искусства, каковыхъ не было и не могло быть въ могилахъ скилотскихъ царей, потому что греческое искусство въ скилотскій періодъ еще не стояло на той ступени развитія, на какой оно стояло въ сарматскій періодъ.

Могины босфорскихъ царей были сгруппированы въ окрестностяхъ Пантикапея, нынѣшней Керчи, въ разстояніи отъ двухъ до шести верстъ отъ Митридатовой горы, на которой помещалась крѣпость Пантикапей; въ царскихъ могилахъ окрестностей Керчи отъ косятъ курганы Царскій, Золотой, Куль-Обскій и имъ подобныя. Раскопки показывали, что главныя гробницы босфорскихъ царей, какъ и главныя царскія гробницы скилотскихъ царей въ Посульскомъ могильникѣ, были ограждены въ древности; но въ насени нѣкоторыхъ царскихъ кургановъ окрестностей Керчи, какъ и въ насени царскихъ кургановъ Посульскаго могильника, было найдено нѣсколько могилъ, уцѣлѣвшихъ отъ древняго огражденія, и эти уцѣлѣвшія могилы даютъ понятіе о богатствѣ босфорскихъ царей сарматскаго періода и формахъ бытовыхъ надѣлій, отличающихъ могилы сарматскія отъ могилъ греческихъ и скилотскихъ.

Напримѣръ, въ 1821 году въ шести верстахъ отъ города Керчи, при раскопкѣ насыпи большого кургана для извлеченія камня, которымъ она была скрѣплена, была открыта сарматская гробница, а въ ней, на человѣческомъ скелетѣ и воокъ него были найдены слѣдующіе бытовые предметы: нашивникъ изъ электрона, украшенный львиными головами на концахъ, золотыя браслеты, множество золотыхъ бляхъ съ фигурными изображеніями, украшавшихъ одежду погребеннаго, множество бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, оклепанное желѣзное оружіе, амфора съ греческою надписью, двѣ вазы изъ коринфской брѣшвы, статуэтка изъ электрона, представляющая скитскаго геркулеса съ рогомъ въ рукѣ, много разныхъ другихъ бытовыхъ предметовъ и три монеты, изъ которыхъ одна царя Левкона. „Всѣ древности этой могилы, какъ будто сдѣланы однимъ мастеромъ съ тѣми древностями, какія привлечены позже изъ гробницы сарматскаго Куль-Обскаго кургана“¹⁾.

Гробница Куль-Обскаго кургана была открыта также случайно въ 1830 году, въ большой насыпи, при добываніи камня для починки керченской крѣпости, въ шести верстахъ отъ Керчи. Отыскивая камень, рабочіе открыли могильный склепъ, входъ въ который былъ тщательно заложень камнемъ и залитъ свинцомъ. Сдѣлавъ отверстие сверху входа въ гробницу, увидѣли среди склепа, подъ балдахномъ, на каменномъ возвышеніи, въ деревянныхъ саркофагахъ два скелета, — царя и царицы, — въ золотыхъ митрахъ; митра царя была украшена двумя повязками, на его шеѣ находилось кольцо изъ массивнаго золота, много золотыхъ колецъ украшали его руки, а воокъ него лежало царское оружіе и знаки власти: мечъ съ золотомъ рукояткою, золотое ядучье, щитъ изъ массивнаго золота, золотой скипетръ и серебряныя посохи или державы; голова царицы была украшена митрою, также съ превосходными золотыми повязками, а на шеѣ лежало золотое массивное кольцо съ пятью такими же медальонами; на костяхъ царя и царицы лежало множество золотыхъ бляхъ, украшавшихъ одежду, а вокругъ костяковъ были расположены электровыя статуэтки и много сосудовъ изъ терракоты, золота и серебра, въ числѣ которыхъ находился сосудъ греческой работы съ изображеніями сценъ изъ жизни Сократа; въ одномъ изъ угловъ гробницы помѣщались лозьяныя кости и множество золотыхъ украшеній обручъ; по стѣнамъ гробницы торчали желѣзные кручья, подъ которыми на днѣ гробницы помѣщались кучи золотыхъ бляхъ, украшавшихъ одежду царя и царицы. Подъ верхнею гробницею была открыта огражденная каменная же гробница, устроенная въ материкѣ, подъ курганомъ²⁾.

¹⁾ См. Воспоминаніе царствъ А. Ашица, т. II, с. 29. Одесса. 1848 г.

²⁾ См. Азіяца и Этнограф. статей о Россіи, изд. В. П. Дьяковымъ; кн. I, 1868 г. Статя К. Н. Герца: Погребальныя обряды грековъ и Скифовъ Босфора Киммерійскаго; стр. 150, 151. Ср. отъ Л. Самойлова.

Могилы царей сарматского племени, занимающих в первые столетия до Р. X. западную половину бывшего Скилотского царства, по происхождению до настоящего времени археологических раскопках, являются сосредоточенными в области, лежащей ниже днѣпровских пороговъ, въ предѣлахъ губерній Екатеринославской и части Херсонской. Образцы содержания царскихъ сарматскихъ могилъ этой мѣстности представляютъ наряду курганы Александропольскій, Чертомлыцкій и Краснокутскій, главные гробницы которыхъ найдены ограбленными въ древности, а уцѣлѣвшія боковыя могилы содержатъ множество бытовыхъ надѣлій изъ золота, серебра, бронзы, терракоты и жемчуга, оджорданныхъ по формамъ и техники съ бытовыми надѣлиями сарматскихъ кургановъ окрестностей Керчи.

Въ той же мѣстности находятся еще десятки неизслѣдованныхъ кургановъ, сходныхъ по величинѣ и формѣ съ курганами Александропольскими, Чертомлыцкими и Краснокутскими; находя въ послѣднихъ изданы Имп. Ар. Комиссией въ особомъ атласѣ, составляющемъ приложение къ ее же изданію, подъ заглавіемъ „Древности Геродотовой Скии“ (1866 г.). Достаточно взглянуть на рисунки этого атласа и сравнить ихъ съ рисунками бытовыхъ надѣлій, найденныхъ въ царскихъ курганахъ окрестностей Керчи, датированныхъ именами сарматскихъ царей Боефара, чтобы убѣдиться, что тѣ и другія принадлежать одному сарматскому періоду. Включая въ себя множество бытовыхъ надѣлій формъ и состава, наследованныхъ отъ Скилотского царства, эти могилы содержатъ и вещи формы греческаго искусства, подобныя золотой вазѣ Куль-Обскаго кургана, серебряной вазѣ и золотымъ палучьямъ Чертомлыцкаго кургана, представляющимъ высоко-художественное и обработаніе вещей скито-сарматскаго и греческаго быта съ тѣмъ реальнѣе, съ какою не передавало дѣйствительности искусство грековъ эпохи существованія Скилотскаго царства.

Обращаясь къ области Царскихъ Скитовъ или Парататовъ, какъ выше указано (с. 146), занятой въ сарматскій періодъ племенемъ Россоланами, и сравнивая содержаніе могилъ этой области съ содержаніемъ могилъ сарматскаго періода, открытых въ окрестностяхъ Боефара на восточной сторонѣ Днѣпра и ниже порога съ западной его стороны, я нахожу, что въ изслѣдованной сѣверной части бывшихъ владѣній Парататовъ въ сарматскій періодъ произвела важная перемена. Необитаемая въ скилтскій періодъ сѣверная окраина Скилотскаго царства, заключавшая въ себя только гробницы царей, въ сарматскій періодъ является расширенною приращеніемъ къ ней области, лежащей съ западной стороны Днѣпра, орошенной р. Росью и ее притоками, и населенною сѣдлыми народами, жившимъ въ городахъ и хоронившимъ своихъ покойниковъ вблизи городовъ.

Но свидѣтельствомъ Геродота въ предѣлахъ государства Парататовъ не было городовъ, это скитское племя представляло собою кочевой народъ, не имѣвшій сѣдлости и не знавшій земледѣлія: „Скиты не имѣютъ городовъ, ни укрѣпленій, но передвигаютъ свои жилища съ собою...; пропитаніе себя добываютъ изъ земледѣлія, а скотоводствомъ“ (гл. IV, г. 40); царь Скилотовъ Иданфирсъ на вопросъ царя Дарія, почему онъ уклоняется отъ битвы, между прочимъ, отвѣчалъ: „У насъ нѣтъ ни городовъ, ни сѣдланной земли, изъ которыхъ мы поспѣшили бы драться съ вами, изъ боязни, чтобы они не были взяты и опустошены“ (гл. 127).

Археологическія раскопки послѣднихъ десятилѣтій, произведенныя въ предѣлахъ губерній Черниговской, Курской, Харьковской, Полтавской и Киевской, показали, что на пространствѣ, лежащемъ между Днѣпровскими порогами и южными уѣздами губерній Черниговской и Курской, орошенномъ р.р. Росью, Сулою, Писемъ и Ворсклою съ ихъ притоками,

рыскъ отчета Де-Бразаса (открывателя), помѣщенные въ *Antiquités du Vostrophon Constantinien, conservées au Musée Impérial de l'Estimlage. Ouverture faite par ordre de S. M. l'Empereur (par H. Gille)* vol. 1—2. St. Petersburg, 1854.

сохранялись тысячные группы кургановъ, однородныхъ по устройству и содержанию, а вблизи ихъ помещаются городища, отличающіяся отъ позднѣйшихъ городищъ славянорусской эпохи своими размѣрами и содержаниемъ. Вблизи такихъ городищъ встрѣчается наибольшее скопленіе кургановъ сарматскаго періода, содержащихъ бытовое надѣлія, однородныя съ надѣліями царскихъ гробницъ сарматскаго періода, открытыя въ окрестностяхъ Керчи и ниже дѣяровскихъ пороговъ, въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ.

Связь между городищами большихъ размѣровъ и курганами сарматскаго періода, лежащими въ предѣлахъ Киевской и Полтавской губерній, ясно выражается въ нижеслѣдующемъ примѣрѣ.

Въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Киевской г., въ разстояніи 3-хъ верстъ отъ с. Пастырського, въ урочищѣ Галуцино, сохранилась земляная насыпь, именуемая мѣстными жителями городкомъ. Она вѣсьма занимаетъ около 18 десятинъ земли, имѣетъ въ длину 580, а въ ширину 520 метровъ, форма округленная. Вокругъ городка сохранилась валъ, высота котораго доходитъ до 20 метровъ; валъ съ четырехъ сторонъ прерывается, образуя въпады на площади городка. Раскопка показала, что городокъ служилъ въ древности общественнымъ жилищемъ; въ немъ найдено множество черепковъ глинной посуды мѣстнаго и греческаго производства, а также бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, желѣзныхъ кожъ съ костяными ручьями и другихъ орудій изъ желѣза. За валами городка, съ Ю-В стороны сохранилась группа кургановъ различной величины, часть которыхъ была раскопана въ 1898 г. В. В. Хвостко. Въ курганахъ оказались срубныя гробницы, по устройству и содержанию совершенно сходныя съ гробницами кургановъ другихъ уѣздовъ Киевской г. и кургановъ средней и малой величины Подольскихъ могильниковъ Роменскаго у. Полтавской г. Въ Галуцинскомъ курганномъ могильникѣ, между прочимъ, найдены: фрагменты большой расписной греческой вазы (кратера), съ рисункомъ, изображающимъ колесницу Европы, и фрагменты небольшихъ терракотовыхъ сосудовъ, покрытыхъ черною блестящею поливою, остродонныя амфоры съ греческими клеймами, серебряная чаша, золотыя и серебряныя бляхи разной формы и величины и съ разными изображеніями, золотыя серьги, золотыя, медныя и стекляныя бусы, много бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовыя шпильки, коловольчички и бляхи отъ обручъ, зеркало съ желѣзною ручкою, плетень греческой работы, желѣзныя пластинки палицърей, копья, ножи, узда и пр. Все надѣлія этого могильника, изображенныя на второмъ выпускѣ Дранковской Придѣлѣровыя Б. И. Хвостко, совершенно сходны съ бытовыми надѣліями могильниковъ Полтавской г. сарматскаго періода, помещающихся также вблизи городищъ большихъ размѣровъ и содержащихъ въ себѣ бронзовые наконечники стрѣлъ, желѣзные орудія и фрагменты посуды, находимые въ курганахъ сарматскаго періода. Городища этого рода въ предѣлахъ Полтавской г. еще не были найдены посредствомъ раскопокъ. Но и безъ раскопки на распаханной площади сарматскихъ городищъ я находилъ связанные предметы, напримѣръ, на Васильевскомъ городищѣ вблизи Ахметовскихъ курганныхъ могильниковъ, и на городищѣ, лежащемъ въ двухъ верстахъ отъ г. Галиска, имѣющемъ болѣе версты въ окружности. Такие же предметы на городищахъ сарматскаго періода Полтавской г. были найдены проф. Дяконовскимъ и г. Манаренко¹⁾.

Слѣдовательно, по археологическимъ фактамъ, сѣверная окраина бывшаго Скифскаго царства, область Герровъ, служившая въ скифскій періодъ кладбищемъ царей племени Парралатовъ, въ сарматскій періодъ была обитаема скифо-сарматскими племенами. Рассказы, приобщившія къ ней область р. Роси съ западной стороны Дѣяпра и оставившія намъ нѣкими своей жизни въ областяхъ надъ дѣяровскими порогами, орошаемыхъ р.р. Росью, Сулою, Пеломъ и Ворсклою, городища большихъ размѣровъ и множество курганныхъ могильниковъ. Въ могилѣхъ Рассалинъ, рядомъ съ новыми формами бытовыхъ надѣлій варварскаго

¹⁾ См. „Труды“ XI-го арх. съѣзда; т. 1, с. 424 и слѣд. Отчетъ за 1906 г. Н. Манаренко, с. 42 и слѣд.

стиля, однородныхъ съ бытовыми предметами Каррасаго могильника на Чеснокъ горѣ и ему подобныхъ въ области Пятигорья, и бытовыми надѣлками новаго греческаго искусства, часто встрѣчаются и формы бытовыхъ издѣлій стараго ассирійскаго и греческаго стиля скилетскаго періода, что и естественно, потому что Сарматы не только опустошили владѣнія Скилетскаго царства, но овладѣли и богатствомъ Скилетовъ, да, вѣроятно, они же ограбили и могилы скилетскихъ царей.

Могилы россаганскаго или росскаго періода.

Россы, Геты—Дани первыхъ столѣтій до Р. X.

По историческимъ свидѣтельствамъ, въ I вѣкъ до Рождества Христова многолюдныя россаганскія дружины явились на В. и З., для помощи своимъ соотечественникамъ въ борьбѣ противъ римскаго завоевательнаго натиска. По свидѣтельству Страбона, Россаганы надѣ предводительствомъ Тасія явились на помощь къ Палаку, сыну Скизура, въ числѣ 60000, для борьбы съ Цофаномъ, полководцемъ Минтрилата (кн. VII, гл. III, п. 17; гл. IV, п. 3). По свидѣтельству Тацита, по присоединеніи Мизіи къ римскому государству, россаганскія дружины появляются въ римской провинціи и истребляютъ римскія когорты: „Россаганы, племена сарматскаго, въ предшествовавшую зиму истребили двѣ римскія когорты, сдѣлали новое вторженіе къ Мезію въ числѣ 9000 всадниковъ“. Эта россаганская дружина была уничтожена Римлянами, потому что „у нихъ начальниковъ и вообще лицъ познатию происхожденіемъ были извѣстны изъ желѣзныхъ пластинокъ, или изъ самой толстой кожи; а это вооруженіе, непроницаемое для ударовъ, дѣлало возможности стать на землю въ случаѣ нападенія подъ натискомъ неприятеля; завязнувшихъ въ глубокомъ и мягкомъ сѣнѣ и лишавшихъ возможности защищаться, такъ какъ они не имѣютъ обычая прикрываться щитами, римскіе воины въ легкіе кирасахъ свободно и легко колотятъ конями и дротиками и рубятъ мечами; немногіе скрылись въ болотахъ, но тамъ погибли отъ зимняго холода и полученныхъ ранъ“ (Ист. Записк.; кн. I, гл. 79).

Въ это же время впервые появляется имяна Россаганъ именемъ Аорсовъ или Россовъ для обозначенія сарматскихъ дружинъ, являющихся въ средѣ военной силы босфорскаго царя. По свидѣтельству Страбона: „Когда Фарнакъ владѣлъ Босфоромъ, царь Аорсовъ Спалнвъ выставилъ 200000 всадниковъ, а верхніе Аорсы еще больше, такъ какъ они владѣли болѣе обширною страной... Аорсы живутъ по Таванду“ (кн. XI; гл. V, п. 8).

Съ цѣлью расширенія своей военной силы для борьбы съ Римлянами, цари царства Гетовъ стали приглашать и селить въ своихъ владѣніяхъ племена Сарматовъ, жившихъ до того времени въ областяхъ владѣній Босфорскаго царства; эти новые поселенцы царства Гетовъ именуется новыми именами по реалицію новыхъ мѣстъ своего жительства: Бастарнами, Яалгами, Бурами, Метеваснами и др.

При Юліи Цезарѣ и гетскомъ царѣ Бурвисѣ началась столѣтняя борьба Римской имперіи съ царствомъ Гетовъ, кончившаяся при императорѣ Траянѣ обращеніемъ царства Гетовъ въ римскую провинцію Дацію.

Юліи Цезарь для похода противъ Гетовъ заточилъ 100000-ую армію, но походъ не состоялся, вслѣдствіе смерти Цезаря. Предположеніе Юлія Цезаря было применено къ исполненію Августомъ. Римскій полководецъ Зей Катъ, побѣдивъ Гетовъ, принудилъ 50000 всадниковъ переселиться съ сѣвернаго на южный берегъ Дуная; а другой побѣдитель Дакійскіхъ царей, Тиб. Сильванъ, заставилъ 100000 всадниковъ Гетовъ переселиться съ лѣваго берега Дуная на правый, въ римскую провинцію Мизію. При Домиціанѣ счастье войны складывается на сторону Гетовъ, и царь ихъ Децебалъ принуждаетъ императора заключить съ нимъ постыдный для имперіи миръ; но затѣмъ императоръ Траянъ, послѣ долгихъ и

огромные приготовления, направляют против Гетовъ три армии римскаго воиска, изъ которыхъ одна состояла подъ личнымъ начальствомъ императора. Армія, состоявшая подъ предводительствомъ К. Лузія, окладыва столицей гетскаго царя, и Децебалъ, послѣ многихъ поражений, долженъ былъ принять надъ собою власть римскаго императора. Въ столицѣ царя Гетовъ былъ оставленъ римскій гарнизонъ, а императоръ съ триумфомъ возвратился въ Римъ. По удаленіи Траяна, Децебалъ дѣлаетъ попытку возвращенія независимости царству Гетовъ, а римскій императоръ сдвигаетъ образъ къ Дунаю; здѣсь, при помощи полкунта Навголь, Буравъ и въ которыхъ друины сарматскихъ племенъ, именованныхъ Децебаду, императоръ Траянъ окончательно покоряетъ царство Гетовъ и обращаетъ его въ римскую провинцію, подъ именемъ Дакія, а по возвращеніи въ Римъ, увековѣчилъ это событіе знаменитой колонною Траяна¹⁾.

Границы римской провинціи Дакія соответствовали границамъ завоеваннаго царства Гетовъ, простиралась на В. до р. Дибра, а на С. до границъ государства Россовъ, лежащими вѣдь дафирскими порогами и до предѣловъ лежащихъ надъ Карпатами въ областяхъ рѣкъ Одера и Вислы съ ихъ притоками, упомянутыхъ свидѣтельствомъ Юлія Цезаря, по которому на В. отъ р. Эльбы лежала необитаемая пустыня въ протяженіи на 600 миль, такъ какъ сильные народы, жившіе вблизи этой пустыни, не позволяли другимъ народамъ жить вблизи границъ своихъ владѣній²⁾.

По свидѣтельствамъ Діона Кассія, Етропія и Флоріана, римская система насильственнаго перевода жителей вновь завоеванныхъ областей въ страны римскія провинціи, и наоборотъ, передвиганіе народонаселенія старыхъ римскихъ провинцій во вновь завоеванныя области, при чемъ не только вводили въ плѣтъ, но и истребляли мужественную лучшую часть побѣжденнаго населения, имѣли своимъ слѣдствиемъ бытіе многихъ гето-данійскихъ племенъ въ сѣверные предѣлы Дакіи³⁾.

Этому свидѣтельству древнихъ писателей соответствуетъ свидѣтельство древнѣйшаго славяно-русскаго лѣтописца, по которому завоеваніе дунѣйской славянской прародины Волохами было причиною выселенія предковъ Польскою и Русскою въ области Вислы и Дибра съ его притоками. Подъ Волохами Несторъ разумѣлъ несомнѣнно Римлянъ, такъ какъ въ перечлѣ западно-европейскихъ государствъ онъ называетъ Италію землею Волохскою; а въ рассказѣ о движеніи Угровъ въ прадунѣйскія страны говоритъ: „Сдѣду бо ту преже Словѣнкъ и Волхоу прѣша землю славѣнскую“⁴⁾. Болгаринъ Св. Климентъ въ „Житіи Меѳодія“, по хараѣтерному списку, говоритъ: „Суть въ ны вышли учителя мнози крестьяни изъ *Влаза*, или Грекъ и изъ Нѣмецъ“⁵⁾. Въ Полноцкіи Э. Конюшенскаго Италия называется *славянскою* землею, и въ то же время *Рима* и *Влаза* являются такими же синонимическими географическими единицами, какъ и у Нестора⁶⁾. Слѣдовательно, древніе Славяне и Руссы называли Италянцевъ *Влохами* и *Влазами*; они и теперь ихъ такъ называютъ; жители славянскихъ селеній въ южной Италіи, на вопросъ, какъ обращаются съ ними Италянецы, отвѣчаютъ: „*Влози су добра челядь*“⁷⁾; и теперь еще продукты Италіи у русскихъ и польскихъ славянъ называются *волохскими*: *волохские* орѣхи, капуста, яблоки и пр. Историческое столкновеніе славянъ съ римлянами доказываютъ также многія латинскія слова въ польскомъ и русскомъ языкахъ, римскій нравскій каляда, соблюдаемый и по нынѣ и др. факты.

¹⁾ См. Pellerin: *Romän. Stud.*, 30 и у С. Ф. Брука: *Черноморье*, стр. 245 и слѣд.

²⁾ См. „Труды“ VIII-го археол. съѣзда; т. III, стр. 31—42.

³⁾ Ср. Т. Liv. р. XLV, 34, *Phitax*, in *Acta. Paol.*, 270. Страбонъ; кн. IV, р. VI, ч. 7; VII, V, 7. *Maximé Germania*, в. 501—505. *Dio Cass.*, 1, 72 и 73, I, 22, LXIII, 13, 14 и 20, *Еуѣр.* VIII, 3, 0. *Plin.* III, 4.

⁴⁾ Н. С. Р. Л.: I, стр. 2, 3 и 10.

⁵⁾ Чтен. Имп. Общ. Нав. в Др. Рос. 1865 г., кн. I, отд. 3, стр. 3.

⁶⁾ Труды Киевской Духовной Академіи за 1885 г., февраль, № 2; ст. В. Завитневскаго, стр. 281—283.

⁷⁾ Мажушевъ—о Славянахъ Мелитскаго графства, стр. 7 и 8.

Имя царя Траяна играет важную роль въ преданияхъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ Славянъ. „Откровеніе св. апостола“, изданное по рукописи XIV вѣка, называетъ Траяна въ числѣ древне-славянскихъ божествъ: „Имяше боги мнози: Перуна и Хорса, Дъво и Трояна, и мнози мязи“, а дѣлѣ поясняетъ, что „Трояна бже царь въ Римѣ“¹⁾. Въ колдовскій Богородицы по мукамъ*, най. по рукописи XII вѣка, точно также, рядомъ съ Хорсомъ, Волосомъ и Перуномъ, именуется древне-славянскій богъ Трояна²⁾. Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ упоминаются: трона Трояна, земля Трояна, садъмой вѣкъ Трояна и „вѣчи Трояна“, относимыя сказаніемъ къ древнѣйшему періоду исторіи Славянъ, отъ которыхъ оно ведетъ свое происхожденіе³⁾. Древне-болгарская пѣсня посылаетъ царя Трояна, назъ владычеля несмѣтныхъ сокровищъ; древне-сербская сказка смѣется надъ длинными ушами царя Трояна, и т. д.⁴⁾. Какой же это царь Траянь или Троянь, извѣстный сказаніемъ славянскихъ народностей, восточныхъ, западныхъ и южныхъ? Славянская исторія не знаетъ другаго царя Траяна, кромѣ римскаго царя, воздвигшаго царство Гетовъ или Даковъ въ вѣдѣннѣшнѣмъ, по свидѣтельству Цюна Кассія, Битронія и Флоріана, многія прадунавскія племена въ акарпатскія страны.

Археологическими фактами, свидѣтельствующими именованіе предковъ русскихъ и польскихъ славянъ въ области среднего теченія Днѣпра и Вислы съ ихъ притоками, служатъ клады римскихъ монетъ, часто встрѣчающіяся въ предѣлахъ владѣній Россонъ и Полянковъ, и могилы, содержащія въ себѣ бытовья издѣлія римскаго искусства императорской эпохи, занимающія въ наслоеніи языческихъ могилъ древнѣе дакѣнскіе народы мѣсто между могилами сарматскаго періода и могилами періода славяно-русскаго. Этотъ періодъ и называлъ рессалинскимъ или росскимъ, потому что со времени завоеванія Гетика Римлянами и подчиненія Босфора римскому вѣзвѣю только одно само-сарматское государство Россонъ сохранило полную политическую самостоятельность, сосредоточило военную силу восточной Европы, направилло эту силу въ западную Европу и тамъ, въ союзѣ съ германскими племенами частию добровольномъ, частию вынужденномъ, разрушило западную Римскую имперію и положило основаніе новымъ самостоятельнымъ государствамъ западной и восточной Европы, германскимъ и славянскимъ.

Нижеслѣдующіе археологическіе и топографическіе факты, во всемъ илѣннѣ, доказываютъ несомнѣнно, что государство Россонъ, лежащее въ эпоху завоеванія царства Гетовъ Римлянами надъ днѣпровскими порогами, приняло въ среду своего народонаселенія племена, бывшія отъ римскаго владычества надъ дунайской славянской природины, и тѣмъ образомъ великое государство Россонъ со смѣшаннымъ народонаселеніемъ, состоявшимъ изъ древнихъ Россонъ и пришедшихъ гото-дакѣнскихъ племенъ, родственныхъ по происхожденію и языку, но отличавшихся особымъ нарѣчіемъ и некоторыми обычаями, отличавшимися Гетика отъ Гетовъ и Римлянъ; а къ числу такихъ обычаевъ принадлежалъ и погребальный обрядъ. Обрядъ погребенія этого рода встрѣчается особенно часто въ областяхъ, отмѣченныхъ находками римскихъ монетъ императорской эпохи и топографическими именами, въ которыхъ звучатъ имена Рима, Волоковъ и Траяна.

Географическая область, принявшая въ составъ народонаселенія государства Россонъ племена дакѣнскія, обозначена топографическими именами, кладами римскихъ монетъ, курганными кладбищами, содержащими предметы римскаго искусства, и могилами съ обрядомъ трупосожженія, принесеннымъ гото-дакѣнскими племенами въ предѣлы государства Россонъ. Но такими признакамъ, въ составъ естественной территоріи государства Россонъ входили обла-

¹⁾ Лит. рус. зпт. в древ.; кн. V, стр. матер., с. 5. Востокаль, — Слов. п. с. яз. 2. II, с. 262.

²⁾ Тиходровъ, — Памят. Отроч. Лит.; II, с. 23. Срезневскій, — Пром. Пан. Рус. Яз. и писемъ, с. 205.

³⁾ Пушкинъ, — Слов. о Полку Игоревѣ, с. 6, 14, 19, 35. Тиходровъ, с. 2, 4, 5, 10.

⁴⁾ Сбор. Болг. Нар. Пѣс. брат. Милодиновича, с. 34—41. Чолаковъ, — Болг. Народ. Сбор., с. 115. Караджичъ, — Слав. Серб. Яз., надъ словомъ Троянь.

сти рѣкъ Росы съ ея притоками на западной сторонѣ Днѣпра и рѣкъ Сулы, Пела и Ворсклы съ ихъ притоками на восточной сторонѣ Днѣпра. Археологическими раскопками и находками, сдѣланными до настоящаго времени, недостаточно выяснена только юго-восточная граница государства Гето-Россовъ, лежавшая за р. Ворсклою, на что я обратилъ вниманіе предварительнаго съѣзда въ Москвѣ депутатовъ по устройству Черниговскаго археологическаго съѣзда, и предложилъ въ своемъ „Извѣстѣ“ подготовительныхъ работъ для означеннаго съѣзда всего прежде произвести раскопки въ области р. Ворсклы, и прослѣдить отсюда область распространенія на юго-востокъ могилъ, по устройству и содержанію, сходныхъ съ Посульскими могильниками Роменскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, исполненіе этого предложенія ограничилось исследованиемъ только одного пункта въ Зеньковскомъ уѣздѣ, у гренадскаго Бѣльскаго городища. Раскопки въ этой мѣстности части городища и болѣе 20 кургановъ показали, что городища большаго размѣровъ и сопровождающіе ихъ могильники въ области р. Ворсклы однородны съ большими городищами и сопровождающими ихъ могильниками областей рѣкъ Пела, Сулы и Ворсклы.

Генеалогическія связи народонаселенія приднѣпровскаго государства Россовъ съ народонаселеніемъ приднѣпровскаго государства Гетовъ, завоеваннаго императоромъ Траяномъ, выражаютъ имена Рима и Римлянъ, а въ славянской формѣ Влаховъ-Волоховъ, повторяющіяся въ названіяхъ многихъ мѣстностей, которыя, по находкамъ владѣвъ римскихъ монетъ и другихъ предметовъ римскаго искусства, должны признать древнѣйшими поселеніями гето-дакійскихъ колонистовъ въ новой ихъ приднѣпровской родинѣ. Къ такимъ топографическимъ именамъ относятся, напримѣръ, лѣтискиенныя имена городокъ *Римовъ* и *Ромны* въ области верхняго теченія рѣки Сулы, городъ *Ромны* нашего времени, рѣка *Роменъ*, впадающая въ Сулу, мѣстность *Рима* у большой дороги вблизи города Ромны, селеніе *Рима* на границѣ Лохвицкаго и Придубовскаго уѣздовъ, селеніе *Ромейка* въ Каневскомъ у. у рѣки Россавы, селеніе Ромейковка въ Звенигородскомъ у., и др. На Сулѣ же, въ Ромненскомъ уѣздѣ имѣются село и рѣчка *Волоховы*, селеніе *Волоховинка*, а въ Зеньковскомъ уѣздѣ вблизи Бѣльскаго городища на р. Ворсклѣ помѣщается село *Большое Волохово*, тамъ же имѣются двѣ мѣстности, именуемыя *Трояны*, и др.

Но свидѣтельствамъ Страбона, Юлія Цезаря и Тацита области, лежащія на востокъ отъ р. Эльбы и Герцианскаго лѣса, населенныя Сарматами, были Римлянамъ совершенно неизвѣстны, потому что никто изъ Римлянъ не ходилъ туда сухимъ путемъ и не плавалъ водомъ¹⁾; а между тѣмъ, въ областяхъ рѣкъ Одера, Вислы и средняго теченія Днѣпра съ ихъ притоками встрѣчается много римскихъ монетъ и другихъ бытовыхъ надѣлій римскаго искусства.

По сообщенію И. Фундуклея „монетами римскихъ Цезарей особенно изобилуютъ окрестности с. Бирки въ Чигиринскомъ у., расположеннаго на большихъ пескахъ; проливныя дожди очень часто вымываютъ ихъ, а въ нѣдрахъ ихъ песчаныхъ прибрежій; часто находятъ монеты римскихъ Цезарей и въ другихъ мѣстностяхъ Чигиринскаго у.“ („Обозрѣніе“, с. 7). Въ 1841 г. въ этомъ же у. открытъ кладъ серебряныхъ римскихъ монетъ императоровъ Траяна, Адриана, Луція Вера, Марка Аврелія и Коммода (Дѣло И. А. Ком. за 1871 г.). По сообщенію В. Б. Антоновича въ томъ же у. были найдены римскія монеты у с. Косары, изъ которыхъ поступившія въ его распоряженіе времени Адриана и Фаустины. Въ томъ же у., у с. Головкина въ 1871 г. были найдены кладъ римскихъ серебряныхъ монетъ, сохранившіеся экземпляры котораго Траяна и Антонина (Нивалявикъ за 1871 г., № 77 стр. 141).

Не менѣе часты находки римскихъ монетъ въ предѣлахъ Черкаскаго и Каневскаго уѣздовъ. Графъ А. А. Бобринскій, въ первомъ томѣ своего изслѣдованія, подъ заглавіемъ „Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Саслы“, говоритъ: „Въ

¹⁾ См. реф. Д. Самойлова въ „Трудахъ“ VIII-го арх. съѣзда, т. III, с. 36.

разныхъ мѣстѣхъ попадались и римскія серебряныя монеты: мнѣ удалось скунуть у окрестныхъ крестьянъ и евреевъ 23 римскія монеты, которыя всѣ почти достоверно найдены на поляхъ въ районѣ около 30 верстъ вокругъ Смѣлы* (стр. 153, 154). Въ приложении къ тому же изслѣдованію помещена сохранившаяся въ Корсунѣ записка, въ которой говорится: „Часто находятъ здѣсь древнія римскія монеты; я самъ собралъ ихъ болѣе 300...“ (с. 155, 156).

Изъ сообщеній В. Б. Антоновича, въ 1874 г. въ Радомысльскомъ у., въ м. Чернобылѣ, была найдена кладъ, заключавшій въ себѣ болѣе ста римскихъ монетъ, изъ которыхъ 4 экземпляра, поступившія въ музей Киевскаго университета, времени Антонина, Марка Аврелія и Коммода; по тому же сообщенію въ 1880 г. была найдена кладъ римскихъ монетъ въ Липовецкомъ у., времени Траяна; а въ 1883 г. было найдено въ Сквирскомъ у., у с. Плоскаго болѣе 200 римскихъ монетъ, изъ которыхъ десять, поступившія въ музей Киевскаго университета, времени отъ Адриана до Нертыакса.

Въ 1804 г. въ Могилевской губерніи, близъ г. Клязовичи, была найдена кладъ римскихъ императорскихъ монетъ, состоявшій изъ 1815 экземпляровъ (Дѣло Им. Эрм. за 1804).

На сѣверной окраинѣ государства Россія, въ Черныговской г., въ пяти верстахъ отъ г. Нѣжинъ, у дороги на Башковку, въ 1873 г. была открыта кладъ римскихъ императорскихъ монетъ, въ числѣ 1312 экземпляровъ, времени отъ Нерона до Септимія Севера (Дѣло И. А. Комиссіи за 1873 г.).

На той же сѣверной границѣ государства Россія, въ Обоянскомъ у., Курской г., у с. Луновки, въ 1880 г. была найдена горшокъ, наполненный римскою серебряною монетою времени императоровъ отъ Траяна до Септимія Севера. (Труды К. Дух. Ак. за 1880 г., № 8, стр. 585); а въ 1882 году были доставлены въ Имп. Арх. Комиссію шесть римскихъ серебряныхъ монетъ времени Адриана, Антонина Піа, Фаустяны и Коммода изъ клада, найденнаго въ томъ же у., у д. Григасовой (Отч. Им. Арх. Комиссіи за 1882—1888 гг., стр. XIII).

Не менѣе часты находки римскихъ императорскихъ монетъ въ Полтавской г. и въ частности въ мѣстностяхъ, отнѣченныхъ именами Римъ и Волохи: „Въ селеніи Волховцы, Ромненскаго у. была найдена кладъ серебряныхъ монетъ времени римскихъ императоровъ въ количествѣ болѣе 300 экземпляровъ;“ „въ г. Компакъ были найдены римскія монеты времени императора Траяна;“ въ городѣ Глинскѣ, у котораго лежитъ село Волышиновка, при распахиваніи огорода, были найдены 4 монеты императора Траяна, и др.⁷⁾

Могилы Россія.

Бывшіе гето-дакійские римскіе подданные должны были оставить въ предѣлахъ современныхъ намъ Киевской и Полтавской г.г. свои могилы, съ обрядомъ погребенія, вынесеннымъ изъ дунайской прародины. Эти могилы не трудно отличить отъ могилъ туземнаго населенія и могилъ періодовъ сарматскаго и русскаго. Отличительными признаками могилъ гето-дакійскихъ колонистовъ въ областяхъ Вислы и Днѣпра являются обрядъ трупооживленія и присутствіе на могилахъ бытовыхъ надѣлій римскаго искусства.

Религія и погребальные обряды Скитовъ-Сколотовъ, описанные Геродотомъ, сохранялись неизмѣнными въ восточной колоніи бывшаго царства Сколотовъ въ теченіе тысячелѣтій. По свидѣтельству Амміана Марцеллина, Алане его времени поплавались жалѣному иезу тѣмъ же способомъ, каковымъ покаялись ему Сколоты V в. до Р. X. (ка. VII; г. XII, п. 3); но въ западной колоніи бывшаго царства Сколотовъ, въ царствѣ Гетовъ, вслѣдствіе близкаго сосядства съ греками и римлянами, религія и погребальные обряды претерпѣли

⁷⁾ См. В. Г. Дьякоринскаго: „Находки римскихъ монетъ въ области среднего Приднѣпровья“, въ Трудяхъ XI арх. съѣзда въ Киевѣ 1879 года; стр. 458—461.

Святость-Столотовъ видоизменился, главнымъ образомъ, подъ влияниемъ учрежденія, именуемаго пророками, познававшими волю боговъ и передававшими ее царямъ Гетоямъ. По свидѣтельству Страбона, Геть, по имени Замолксий, служилъ рабомъ у Пнеогора и получалъ отъ него свѣдѣнія по астрологич., а по возвращеніи на родину, сталъ пользоваться большимъ почетомъ у вельможъ и всѣхъ своихъ соотечественниковъ, такъ какъ могъ дѣлать предсказанія по звездамъ, и достигъ того, что царь Гетовъ возвелъ его въ соуправителя правленія, какъ могущаго возвѣщать волю боговъ. Царь совѣщался съ нимъ, видя, что народъ повируется ему теперь болѣе, чѣмъ прежде, какъ государию, который правитъ народомъ по свѣтамъ самихъ боговъ. Со времени Замолксий въ царствѣ Гетовъ всегда были совѣтниками царя, признаваемые пророками. Въ правленіе Бурвигты такимъ пророкомъ былъ Дезелей, опирався на пророчанія котораго, Бурвигта скрѣпилъ подвластныя ему племена въ прочный союзъ и образовалъ могущественное царство, бывшее страшнѣе даже для Римлянъ (кн. VII, гл. III, п. II). По свидѣтельству Иордана, „Дезелей привелъ въ порядокъ философію Гетовъ и научилъ ихъ астрологич. и теологич.“ (Гетия, гл. XI).

Измѣненіе религіозныхъ вѣрованій повлекло за собою перемѣну въ погребальномъ обрядѣ господствовавшемъ въ Скотетскомъ царствѣ. Рядомъ съ погребленіемъ покойника въ могильной ямѣ, въ царствѣ Гетовъ появляется обрядъ сожженія трупокъ, сходный съ тѣмъ же обрядомъ древнѣе Грековъ, Флжлянъ и Фракіянцевъ.

Фракіійскій обрядъ погребенія Геродотъ описалъ слѣдующими чертами: „Если кто у Фракіянъ умираетъ, то среди его жель поднимается ожесточенная распря, а равно и среди друзей итѣ, о томъ, которую жону покойника любилъ больше; ту, въ пользу которой рѣшался споръ, провозвостили въ похвалахъ мужчины и женщины, а всѣмъ ближайшимъ родственникамъ, убивать ее или могилу, въ которой и хоронили ее вмѣстѣ съ мужемъ... Когда-то Фракіянъ хоронилъ слѣдующимъ образомъ: оплакивши трупу, выставляли его на три дня, приносятъ ему въ жертву всякаго рода животныхъ и устраиваютъ пирищества, а затѣмъ хоронятъ, сжигая трупу на огнѣ, или предавая его землѣ, и насыпаютъ надъ могилою курганъ.“ (кн. V, гл. 5, 8).

Формы греческихъ могилъ съ остатками трупосожженія описаны въ вышеприведенномъ отчетѣ о раскопкахъ въ окрестностяхъ Керчи 1838 г. Рисунокъ, взятый мною изъ сочиненія Картазия и Шантра подъ заглавіемъ: „Étude sur quelques nécropoles hallstattiennes de l'Asie-Mineure et de l'Italie“ изображаетъ обычную форму могилы Италия съ погребальными урнами⁴⁾.

Эта форма римской могилы встрѣчается во множествѣ могильниковъ эскимъ древнѣе Поляковъ и Россовъ, занятой гето-дакійскими племенами въ областяхъ Вислы и Днѣпра по завоеваніи дунайской славянской прародины Римлянами эпохи императора Траяна, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обильны находки римскихъ монетъ.

Древнѣйшій славянский могильникъ надъ Карпатами, содержащій погребальныя урны подъ ровною поверхностью земли, былъ открытъ въ началѣ XIX ст. въ мѣстности Силезіи, у г. Маслова (Масель); урны помещались въ неглубокихъ ямахъ или колодцахъ, иногда покрытые и обставленные съ формъ камешными плитками и булыжниками. Мѣстнымъ пасторомъ Германомъ, случайно открывшимъ этотъ могильникъ, было замечено

⁴⁾ Могильникъ Чивита-Веккии описывается слѣдующими чертами: „On remarque d'abord les tombes dites à puits; dans ceux-ci, creusés à 2 mètres environ de profondeur dans la roche de la montagne, s'ouvre un autre petit puits, souvent revêtu d'un cylindre en pierre calcaire mûlécuse contenant l'urne cinéraire et recouvert d'une dalle. A côté de celle-ci sont les tombes à inhumation creusées dans le roc à une petite profondeur; puis d'autres construites en dalles grossièrement taillées. Les mobiliers de ces deux catégories de tombes ne diffèrent pas beaucoup de ceux des tombes à puits. Viennent ensuite les tombes que les gens de la localité nomment dépôts égyptiens, creusées de la même manière que les précédentes, mais contenant des vases grecs peints (p. 3 et 4). P. 100. рис. нум. съ урною см. въ отд. отд. рис. эскимъ.

болѣе десяти тысячъ сосудовъ разной формы и величины, частью съ перекжевыми человеческими костями (погребальныя урны, поминальницы), частью съ костями животныхъ, и кусками, наломанными только землей, въ которыхъ были поставлены въ могилы хина и пухъ для покойника (стравицы). При урнахъ и въ урнахъ, между перекжевыми костями, были найдены желѣзные копыя, наконечники стрѣлъ, ножи, помяны, продырявленные глиняные амулеты (праслицы), разносоставныя бусы и украшения изъ золота, серебра и бронзы: фибулы, вилы, шпорицы, перстни, кольца. Въ тѣхъ же могилахъ были найдены золотыя, серебряныя и мѣдныя римскія монеты императорской эпохи: а въ одной изъ могилъ, прикрытой небольшою курганомъ, сложеннымъ изъ булыжника, покрытаго сверху землею, была найдена урна изъ темной глины, прикрытая камешною плеткою, содержащая прахъ сожженного покойника, а при ней, — небольшою сосудъ, пять глиняныхъ продырявленныхъ кружковъ (праслицъ) и четыре стравицы, изъ которыхъ одна формы чашки съ ушкомъ, а три формы горшочковъ съ ушками: на тонкомъ фаяѣ урны сохранилась слѣдующая римская надпись бѣлыми точками: D. Mart. ossa III. oii. Iba (Dedicavit Marti ossa (et) quatuor ollas Ibatianum). Въ другой могилѣ была найдена глиняная лампочка съ римскою надписью—fortis³⁾.

Во второй половинѣ XIX ст., когда въ Царствѣ Польскомъ, Галиціи, Силезіи и Познань были начаты болѣе или менѣе систематическія археологическія изслѣдованія, могильники съ погребальными урнами были открыты во множествѣ на всемъ пространствѣ древней Польши, по устройству и содержанію, однородные съ Масловскими могильниками въ Силезіи. Большинство могилъ этого рода содержатъ въ себѣ только сосуды съ прахомъ сожженныхъ покойниковъ, безъ какихъ бы то ни было бытовыхъ предметовъ; но изрѣдка встрѣчаются въ нихъ предметы римскаго искусства, подобныя предметамъ Масловскаго могильника. Напримѣръ, въ восточной Пруссіи подъ Кроленцемъ, въ Куявскомъ у. подъ Пломьями и въ Олькунскомъ у. подъ Дроцлиномъ, въ могильникахъ найдены ровною поверхностью земли, между перекжевыми костями въ погребальныхъ урнахъ были найдены монеты римскихъ императоровъ Домиціана, Траяна и Адриана⁴⁾. Въ такомъ же могильникѣ подъ Казинемъ, въ одной изъ погребальныхъ урнъ была найдена бронзовая черпакъ или ложка съ ручкою, украшенною изображеніемъ Валуца времени императора Нерасіана (тамъ-же, ст. 76, 77). Въ могильникѣ подъ Нотипемъ, подъ Чараконимъ, съ погребальными урнами была найдена римская монета времени Траяна⁵⁾.

Многъ изслѣдованы были 16 могильниковъ въ уѣздахъ Барнаевскомъ, Гурь-Кальварійскомъ, Нампавскомъ и Новогеоргіевскомъ съ погребальными урнами, въ которыхъ найдены были между перекжевыми костями серебряныя и бронзовыя слитки и разнаго рода бытовые предметы, въ числу которыхъ принадлежатъ нѣсколько фибулъ римской формы и римскія желѣзныя шпори (см. ниже въ отдѣлѣ могилъ русской эпохи).

Отъ могильники я помѣстивъ въ отдѣлѣ могилъ славянорусской эпохи, потому что обрядъ погребенія покойниковъ посредствомъ сожженія и помѣщенія сожженного праха въ погребальную урну подъ ровною поверхностью земли господствовалъ въ предѣлахъ древней Польши со времени выселенія Славянъ изъ дунайской прародины до времени реценціи христіанства, а въ настоящее время нѣтъ возможности разграничить могильники Польши этого рода по историческимъ періодамъ. Со времени образованія Скототскаго царства области Вислы и Олера остались пустынями до времени завоеванія царства Гетовъ Римлянами, а потому въ предѣлахъ древней Польши нѣтъ могилъ скототскаго и

³⁾ Hantmann, —, „Miscellographie“. 1711. P. Krusi, „Sugordis“, s. 73 u. f. Leipzig. 1819.

⁴⁾ J. Sadownikiego, —, „Drogi Handlowe Greckie i Rzymskie“, s. 77. Kraków 1876 r. J. Kraszewskiego, —, „Szluka u Słowian“, s. 152, 163. Wilno. 1860 r.

⁵⁾ Wiadomości Archeologiczne; II: s. 72—74. Warszawa 1874 r.

сарматского периода, съ бытовыми надѣлами ассириазского и древне-греческаго искусства (см. Юлія Цезаря, — De Belle gallico; lib. IV, cap. III).

Устройству отдельныхъ могилъ въ одномъ и томъ же могильникѣ часто является различнымъ. Обыкновенно могильники съ погребальными урнами были открываемы на песчаныхъ возвышенностяхъ, на поверхности которыхъ часто встрѣчается много глиняныхъ черепковъ отъ разбитыхъ погребальныхъ урнъ, обнаруженныхъ вѣтромъ, вдающимися верхній слой песку до уровня помѣщени урнъ; иногда черепки лежатъ кучами на поверхности песчаныхъ холмовъ, а въ нихъ и вокругъ нихъ помѣщаются пережженные кости, маліи угли, попель, а иногда и слитки серебра, бронзы и стекла. Раскопки въ такихъ мѣстностяхъ приводятъ къ открытію уцѣлѣвшихъ могилъ въ глубинѣ иногда не болѣе двухъ трехъ четвертей отъ поверхности земли.

Простейшую форму могилъ этого рода составляютъ непокритый сосудъ, замкнутый въ песокъ, съ пережженными человѣческими костями; вторую форму представляютъ сосуды покрытые и стоящіе въ колодезвидныхъ ямахъ, сходныхъ съ могильною ямой кладбища подъ Чивита-Веккїей; третью форму представляютъ урны, покрытыя мисочками и большими грубыми глиняными сосудами, обращенными дномъ вверхъ; а въ мѣстностяхъ намозвистыхъ погребальныя урны обыкновенно обставлены каменными плитами и покрыты сверху такими же плитами, иногда въ нѣсколько рядовъ; въ такихъ каменныхъ ящикахъ иногда помѣщаются нѣсколько сосудовъ, изъ которыхъ два-три съ пережженными человѣческими костями, а остальные пустыны.

Формы могилъ съ погребальными урнами, открытыя въ предѣлахъ древней Польши, изображены въ атласѣ, приложенномъ къ изданію Краковской Академіи Наукъ 1879 г., подъ заглавіемъ: „Zabytki przedhistoryczne ziem polskich,“ — подъ редакціей Г. Оссовскаго.

Въ области Цѣнѣра могилами съ погребальными урнами, залегающими подъ ровною поверхностью земли, однородныя съ такими же могильниками Италїи и древней Польши, открыты раскопками 1900 г. Н. В. Хвойко въ Киевскомъ у., при селенїи Черняховѣ. Могильникъ расположенъ на возвышенности и занимаетъ пространство до 7000 квад. метровъ, на которомъ, по исчисленію г. Хвойко, залегаетъ отъ 500 до 800 могилъ, содержащихъ остатки погребенныхъ и сожженныхъ покойниковъ; количество могилъ съ остатками трупо-сожженїя преобладаетъ; погребальные сосуды помѣщаются на глубинѣ отъ 20 сент. до одного метра подъ поверхностью, въ рѣдкихъ случаяхъ глубже, до трехъ метровъ. Въ одной могилѣ обыкновенно встрѣчается по три сосуда, изъ которыхъ одинъ съ пережженными человѣческими костями; иногда сожженные человѣческія кости лежатъ на плотно утрамбованномъ днѣ могильной ямы, а вокругъ расположены пустые сосуды, число которыхъ иногда восходитъ до 12, а въ одномъ случаѣ даже до пятнадцати. Между пережженными костями встрѣчались обломки обожженныхъ бытовыхъ предметовъ изъ бронзы, стекла и др. Въ могилѣ съ несожженными покойниками того-же могильника косточки помѣщались въ могильникѣ ямахъ безъ слѣдовъ дерева; только въ двухъ случаяхъ оказались остатки деревянныхъ слѣпоушъ. Костики лежали обыкновенно въ вытянутомъ положенїи, преимущественно головою на В. При костякахъ были находимы глиняные сосуды съ бараньими костями, бусы изъ сердолика, явтаря, стекла и композиціи, фибулы изъ серебра, бронзы и желѣза, пряжки, жемчужные пояса и серьги, костяные гребешки съ металлическими гвоздиками, глиняныя пряслицы, приѣски изъ жорскихъ раковинъ, стекляныя кольца, стеклянные сосуды и разные малкіе бытовые предметы; изъ трехъ стеклянныхъ сосудовъ, одинъ былъ найденъ на костяхъ, а два другихъ помѣщались въ глиняныхъ горшкахъ; бронзовые фибулы формъ рязанскихъ фибулъ провинціальныхъ типовъ; на римскую же эпоху могильника указываютъ находки въ немъ три монеты, — двѣ римскія серебряныя, одна императрицы Фаустяны, а другая съ иезскими изображенїями, и золотая варварская, представляющая собой коню монеты кн. Гордіана, съ изображенїемъ на одной сторонѣ его

бютов, а на другой варварского царька. Рядомъ съ предметами римскаго искусства, представляемыми монетами, фибулами и стеклянными сосудами, другіе бытовые предметы того же могильника, глиняная посуда, желѣзные ножи, бусы и пр., представляють собой обычныя формы бытовыхъ предметовъ, находившихъ въ скито-сарматскія могилы. Могильники, подобныя Черняховскому по устройству и содержанию, были открыты во многихъ мѣстностяхъ Киевскаго, Васильковскаго и Каменскаго уѣздовъ съ западной стороны Днѣпра и въ области Сулы съ восточной его стороны, напримѣръ, на лѣвой сторонѣ Сулы противъ селенія Ермоляичи, въ Перемелавскомъ у., на печаныхъ холмахъ, у с. Хоцьки, въ Остерскомъ у., съ лѣвой стороны рѣки Десны, и другихъ мѣстностяхъ.¹⁾

Примѣромъ могильниковъ съ погребальными урнами восточной стороны Днѣпра можетъ служить открытый лѣтъ 15 тому назадъ въ области курганнаго Посульскаго могильника, между селами Маныя Бунки и Константиново, о которомъ г. Макаренко, въ „Отчетѣ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Полтавской г. въ 1906 году“, сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія. На площади, господствующей надъ окружающей мѣстностью, въ разстояніи трехъ верстъ отъ села Маныя Будокъ и двухъ верстъ отъ с. Константиново, у дороги, несущей старое малорусское названіе „Ромодановскій шляхъ“, лѣтъ 12—13 тому назадъ было выкапано около десяти горшковъ, различной формы и величины, съ остатками пережеванныхъ костей внутри. Одни изъ этихъ горшковъ поступили во владѣніе мѣстнаго любителя древностей Н. Ф. Безпальчева, а остальные были уничтожены на мѣстѣ нахарама. На мѣстѣ находки, при дѣятельномъ участіи В. Ф. Безпальчева, было произведено нѣсколько пробныхъ траншей, при чемъ на глубинѣ четверти отъ поверхности обнаружены вѣдучки горшка, сточеннаго вокругъ перегнившими толстыми кожами; одна горшка лежала мѣдная спиралька; а горшокъ заключалъ въ себѣ сожженные человѣчскія кости, среди которыхъ найдены: мелкія сплюснутыя съ боковъ стекляныя бусы желчнаго и сѣдаго цвѣта, мелкія лубяныя и трояныя проволочки съ привязками проволоки, крупная костяная проволочка орѣзанная съ боковъ, слитка бусъ и обломокъ желѣзнаго предмета. Въ нити сожжены отъ этой урны на СВ. найдены три горшка на глубинѣ около шести вершковъ отъ поверхности; въ одномъ горшкѣ найдены: остатки массивной, желѣзной пряжки отъ пояса, обломки перегорѣвшей костяной подѣлки, украшенной кружками съ точками въ серединѣ, нѣсколько обломковъ сплавляннаго стекла и желѣзная пластинчатая скобка; два другіе сосуда содержали только золь и косточки, а бытовыхъ предметовъ въ нитѣ не найдено. Въ траншеѣ, проведенной въ десяти саженяхъ на сѣверъ отъ нитки съ тремя горшками, попадались въ обыкновенномъ количествѣ куски до красна обожженной глины, небольшіе кусочки пережеванныхъ костей и нѣсколько черепковъ, повидному, отъ двухъ горшковъ... По словамъ жителей с. Ярмалинецъ, Ромненскаго у. въ полѣ у села, при распахкѣ авыли, попадаются горшки (с. 14—15).

Въ 1876 году, проѣздомъ черезъ с. Хоцьки, Перемелавскаго у., Полтавской г., я осматривалъ лежащіе у селенія печаные холмы, и на одномъ изъ нихъ встрѣтилъ такіе же кучи глиняныхъ черепковъ, угля, золь и пережеванныхъ костей, какія были найдены мною на печаныхъ холмахъ праваго берега р. Впсы подъ Варшавою, гдѣ помѣщались могильники съ погребальными урнами. Слой песку, въ которомъ помѣщались урны у с. Хоцьки, уже давно былъ слѣдствіемъ пѣтромъ, сосуды обрѣтались въ малые черепки, а содержимое ихъ было затоптанно прогномъ снота; тѣмъ не менѣе, въ теченіе двухъ часовъ, проведенныхъ мною въ селеніи Хоцьки, на поверхности сказаннаго песчаннаго холма, кромя вѣсколь-

¹⁾ См. Б. Я. Ханенко.—„Древности Приднѣпровья“, выд. IV, стр. 5—8. Труды XII Арх. Съѣзда въ Харьковѣ, изд. 1905 г. т. I. Рефератъ Я. В. Хвойна, стр. 93—104. Описание городищъ Посульскаго округа см. въ реф. проф. В. Г. Яворскаго, напечат. въ „Трудахъ“ XI-го Арх. съѣзда въ Киевѣ, изд. 1901 г., стр. 404—457; а также въ „Отчетѣ объ арх. кона. въ Волт. г. въ 1906 г.“ Н. Макаренко.

кихъ кремневыхъ орудій, множества глиняныхъ черепковъ и разноформенныхъ стекляныхъ слитковъ, были найдены бронзовые: четыре наконечника стрѣлъ треугольной формы, трубочка, обломокъ бляшки, нѣсколько слитковъ и обломки колецъ; желѣзные: два наконечника стрѣлъ, ножики, флябулы, проколки, обломки разныхъ предметовъ и глиняная присыпка (261.—4356—4357).

Могилишки, помѣщающіеся внутри и востѣ большихъ горелищъ въ предѣлахъ бышняго государства Россіи съ В-ой и Н-ой стороны Днѣпра, содержащія бытовья нагѣлія скито-сарматскаго, греческаго и римскаго искусства, представляли собою общественныя кладбища простаго народа, бѣдняковъ. Въ такихъ могилишкахъ веселыхъ покойниковъ погребали въ выглубонихъ ямахъ, безъ сдѣловъ и гробовъ; а погребенныхъ въ урнахъ сожигали въ трупосожигательницахъ въ могилѣ, и закладывали урны одну востѣ другой не глубоко въ землю; могилы того и другого вида не были покрываемы курганными насыпями.

Древняя трупосожигательница была найдена мною въ одномъ изъ общественныхъ кладбищъ съ погребальными урнами окрестностей Варшавы. Въ 1865 году, во время археологической экскурсіи, имѣвшей цѣлью демонстрацію студентамъ могилъ съ погребальными урнами, открытыми въ пещаномъ холмѣ между д. д. Гроховымъ и Дотшиномъ, были найдены три урны, покрытыя глиняными мисочками и большими колоколообразными глиняными сосудами, обращенными лномъ вверхъ; а сверху того, у подошвы холма была обнаружена круглая котловина, засыпанная пескомъ, въ размѣрѣ около 5 арш. въ діаметрѣ и 2 арш. глубиною въ центральной части, тщательно выложенная крупнымъ булыжникомъ четырехъугольнымъ и до того прожженнымъ, что при снятіи оны крошился на мелкіе куски; при очисткѣ внутренней части и отдаленіи булыжника въ жиловикъ и подъ немъ бытовыхъ предметовъ не было найдено, за исключеніемъ обломковъ большихъ трубчатъ, плохо обожженныхъ глиняныхъ сосудовъ и кусковъ твердой глины. По общему заключенію присутствовавшихъ при расколкѣ, это каменное сооруженіе въ древности служило трупосожигательницей; здѣсь же, на мѣстѣ погребенія, дѣлали и обжигали большіе колоколообразные сосуды, покрывавшіе урны съ прахомъ сожженныхъ покойниковъ.

Для лицъ богатыхъ и власти имѣвшихъ, а также ихъ женъ и дѣтей, герцогиньскіе колонисты въ государствѣ Россіи устраивали ерубныя могилы, такого-же устройства, какъ могилы сарматскаго періода, и покрывали ихъ курганами. Сожженные трупы такихъ покойниковъ также покрывали курганами, выхотъ съ остатками костровъ, какъ въ большомъ Рыжановскомъ курганѣ, раскопанномъ мною въ 1890 году, въ насыпи основанія котораго была найдена серебряная монета имп. Марка Аврелія, а въ содержаніи кострища, — множество фрагментовъ разноцвѣтныхъ римскихъ стекляныхъ сосудовъ, представляющихъ собою дублиеты такихъ же фрагментовъ, собранныхъ въ Римѣ, у могилы имп. Адриана, и имѣющихся въ собраніи древностей М. П. Боткина (см. выше стр. 69).

Иногда покойника сожигали на кострѣ, воздвигнутомъ на курганной насыпи, а послѣ сожженія прахъ собирали въ сосудъ, кострище сваливали въ гробницу, ставили на ея вершинѣ урну съ прахомъ и насыпали надъ нею верхнюю половину кургана, какъ въ Острой могилѣ Каневского у., у с. Ибленовки (выше стр. 115). Въ 1890 году, у г. Умани было разрытъ курганъ, содержащій въ себѣ, между прочимъ, золотую римскую монету императорской эпохи (Фундуклей, стр. 7). Въ Звенигородскомъ у., у с. Петряка, въ кострищѣ подъ курганомъ было найдено много бытовыхъ предметовъ изъ золота и бронзы, а также рѣзные камни, глиняные сосуды и бронзовая патера, представляющая собою „дублиетъ патеры“, найденныхъ въ развалинахъ Помпей (труды Киевск. III арх. съѣзда; т. II, стр. 201). Въ томъ же уѣздѣ, на границѣ земель с. с. Ромейковскя и Петряковскя разрытъ курганъ, заключавшій въ себѣ остатокъ человѣческаго костяка, глиняную амфору съ прахомъ сожженного покойника, 24 наконечника стрѣлъ, желѣзныя мечъ, золотую бляху съ изображеніемъ птицы, раздиравшей рыбу, бронзовый племъ и бронзовые нагодевики, — дублиеты

найденныхъ въ Скицини племъ и кельтениковъ (Фундулой, стр. 13, 73). Многие курганы раскопаны гр. А. А. Бобринскаго также содержали надѣлы ремесленнаго искусства. (Изд.: в. 14, с. 7 и др.).

Ближайшее знакомство съ археологическимъ матеріаломъ земли, лежащей надъ лѣтнопровскими порогами, въ областяхъ рѣкъ Росс, Сухои, Цела и Ворсклы, показываетъ ясно, что здѣсь въ первый столѣтія послѣ Р. Х. существовало обширное и многолюдное государство, что сюда втеченіе всего періода господства Римлянъ между Дунаемъ и Днѣпромъ выселялось гето-лавійское народонаселеніе, при всѣхъ римскихъ императорахъ отъ Траяна до Септімія Севера. Въ эту эпоху возникли надъ днѣпровскими порогами укрѣпленныя общественныя жилища, въ числѣ которыхъ современныя насчитываютъ 53 болѣе значительныхъ городковъ, заключавшихъ въ себѣ десятки десятинъ земли, какъ показываютъ ихъ городища. Обитатели этихъ городковъ у историка Иордана, въ описаніи движенія Гунновъ въ западную Европу, именуются *Остроготами*, въ отличіе отъ восточныхъ сасълей или *Вестготами* (ср. *Можисловское* над. Гетика Иордана); а кѣмскіе историки переименовали ихъ въ *Оста-Готы* и *Вест-Готы*, якобы народы германскаго происхожденія. Это же государство именовалось въ древности *Гарларикаей*, страной городковъ. Многолюдство государства Россовъ эпохи господства Римлянъ въ славянскій дунайскій прародникъ доказываютъ безчисленныя могилы, открытыя въ послѣднія десятилітія въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ подъ ровною поверхностью земли и подъ курганами, одерживающія, вмѣстѣ съ савито-сарматскими и греческими надѣлками, надѣлы римской культуры императорской эпохи. Это государство Россовъ или Россовъ въ IV в. направляетъ свои дружины на Западъ, гдѣ онѣ воздвигаютъ подъ именами известныхъ завоевателей *Аланъ* и *Гунновъ*. Подъ этимъ движеніемъ *Остроготы* въ союзѣ съ *Вестготами* сначала падаютъ господство Римлянъ въ славянскій дунайскій прародникъ, а затѣмъ рушатся и всемірнае господство западной Римской имперіи; но въ этомъ же движеніи на Западъ ослабѣла военная сила государства Россовъ. Новое движеніе народовъ изъ долины Дуны, именуемыхъ нашими лѣтописцами *Козарами*, разрушаетъ въ VII в. государство Россовъ, въ которомъ сложился Русскій этнографическій типъ, отличный отъ родственнаго ему типа Болгарскаго, Сербскаго, Чешскаго и Польскаго, гдѣ возникли русскій языкъ, русская религія и русское право. *Козарскій* завоевательный нашествіе вынуждалъ Россовъ оставить свою родину надъ днѣпровскими порогами и бѣжать въ сѣверныя лѣсныя области, и тамъ образовали тѣ 12 изолированныхъ географически и политически русскіе племенныхъ княженій, говорящихъ однимъ русскимъ языкомъ, численіемъ которыхъ начинается русскую исторію древнѣйшія русскія лѣтописцы.

Отдѣлъ III. Могилы русской эпохи.

Въ составѣ моей коллекціи древностей находимъ въ могилѣ русской эпохи представляющую небольшую коллекцію византийскихъ, арабскихъ и англо-саксонскихъ монетъ, представляющихъ собою главное средство опредѣленія времени могилъ послѣднихъ столѣтій русскаго язычества (№№ 2110-а—2128-а).

Во главѣ могильника русской эпохи я ставлю катакомбный могильникъ сѣвернаго Кавказа, исследованный мною въ 1882 году, потому что, по моему мнѣнію, этотъ могильникъ принадлежитъ народу, именуемому въ русскіхъ лѣтописяхъ *Козарами*, *Косогамъ* и *Ясамъ*, образовавшему въ VII в. обширное завоевательное государство въ южной Россіи. Подъ нашествіемъ *Козаръ* съ юго-востока народонаселеніе государства Россовъ должно было оставить свою родину, оставивъ надъ днѣпровскими порогами и бѣжать въ лѣсныя области сѣвера и запада, гдѣ оно, развитое географически и политически, образовало русскія племен-

ныя государства, объединенныя въ X в. завоевательною властью княземъ Рюриковичемъ въ одну Русскую землю.

Катакомбный могильникъ въ Тагаурскомъ ущельи, вблизи аула Чми, въ Осетии.

На двадцатой верстѣ отъ Владикавказа по Военно-Грузинской дорогѣ, въ Тагаурскомъ ущельи, въ урочищѣ, известномъ у мѣстныхъ жителей русскаго происхожденія подъ именемъ „Ворожской балки“, а у Осетинъ подъ именемъ Суоргомъ (горькій источникъ), въ разстоянн около двухъ верстъ отъ аула Чми и полторой версты отъ Джераховскаго укрѣпленія, лежащаго на Военно-Грузинской дорогѣ, въ 1882 году было открыто древнее языческое кладбище, состоящее изъ катакомбъ.

Могильникъ открытъ случайно мѣстнымъ владѣльцемъ Э. Т. Дуларовымъ. По словамъ Дуларова, замѣтивъ трещину на принадлежащей ему возвышенности и спустивъ въ нее заступъ, онъ уронилъ его, а затѣмъ, откапывая заступъ, встрѣтилъ вырытое въ горѣ помѣщеніе, формы небольшой пещеры, а на днѣ нашелъ человѣческія кости, бронзовые браслеты и разныя бусы отъ ожерелья. Объ этой находкѣ сообщено было Г. С. Хаулеву, который произвелъ раскопку воалѣ катакомбъ, открытой Дуларовымъ, и нашелъ нѣсколько такихъ же могильныхъ помѣщеній, а въ нихъ разныя предметы древности изъ глины, стекла, желѣза, бронзы, серебра и золота. По отъѣздѣ г. Хаулева въ Тифлисъ, мѣстные жители приступили къ дальнѣйшей раскопкѣ могильника и откапали въ немъ болѣе восьмидесяти могильныхъ катакомбъ; часть найденныхъ предметовъ древности была тутъ же поломана и брошена, а часть была доставлена находчикомъ въ Владикавказъ и продана разнымъ лицамъ, а преимущественно К. И. Ольшневскому. Въ это время, окончивъ раскопки въ окрестностяхъ Пятигорска, я прибылъ въ Владикавказъ, и здѣсь г. Ольшневскій сообщилъ мнѣ объ открытн свѣдѣнаго могильника воалѣ аула Чми и показалъ найденные въ немъ предметы. Въ день моего пребыванія у г. Ольшневскаго явился къ нему известный на Кавказѣ торговецъ древностями Кабоша Кавуковъ и продалъ корзинку древностей, въ которой въ полномъ безпорядкѣ были смѣшаны находки изъ могильниковъ Кобацкаго, Галицкаго и Суоргомскаго. На мой вопросъ объ устройствѣ катакомбъ въ Суоргомскомъ могильникѣ Кавуковъ давалъ отвѣты настолько неопредѣленные, что невозможно было составить понятія о дѣйствительномъ устройствѣ могильника. На другой день я прибылъ въ Тагаурское ущелье въ сообществѣ съ товарищемъ прокурора Владикавказскаго Окружнаго Суда А. И. Богаевскимъ и секретаремъ г. Ольшневскаго. На мѣстѣ могильника мы нашли Кабоша Кавукова, четырехъ казаковъ изъ Джераховскаго укрѣпленія и восемь Осетинъ изъ аула Чми, ковавшихъ въ разныхъ мѣстахъ возвышенности и сообщившихъ, что въ ней больше могилъ не попадется, — всѣ уже раскопаны; но, осмотрѣвъ могильникъ, я пришелъ къ другому мнѣнію и просилъ владѣльца Э. Т. Дуларова немедленно прекратить раскопки мѣстныхъ жителей, велеяныя съ цѣлью добычи могильныхъ предметовъ для продажи, безъ всякой системы и безъ описанія раскопокъ.

Мѣстность помѣщенія могильника представляеть собой небольшую глинистую овальную возвышенность, лежащую на скатѣ, имѣющую съ подъемомъ на нее около ста тридцати арш. длины въ протяженн съ В. на В. и около ста десяти аршинъ ширины въ протяженн съ С. на Ю.; съ С. и Э. ее окружаетъ естественный оврагъ болѣе 100 арш. глубины, на днѣ котораго течеть источникъ Суоргомъ; съ Ю. мѣстность могильника отдѣляется отъ принадлежащей горѣ рываной около десяти арш. глубины; а съ В. площадь могильника узкими перешейкомъ соединяется съ горомъ, на которой помѣщается древнее осетинское „святое мѣсто“. На среднѣ этого перешейка выдается изъ земли часть скалы, отъ которой тянется небольшой вадъ, около одного арш. высоты и двухъ съ половиною аршинъ ширины, въ видѣ дорожки, обложенной на протяженн пятидесяти аршинъ крупнымъ и

мелкими булыжниками. Этою валъ служатъ единственнымъ подъемомъ на возвышенную площадку, подъ которой помѣщались катакомбныя могильники. Съ В. верхняя площадка возвышенности, имѣющая пятьдесятъ аршинъ длины и двадцать аршинъ ширины, ограничивается глубокимъ отвѣснымъ каменистымъ обрывомъ, а съ С. и Ю. спускается отлогими покатостями. Раскопки показали, что могилы расположены подъ площадкою этой возвышенности, къ С.-мъ ее склоны, а особенно на Ю.-мъ склоны. Наружныхъ приваювъ могилъ не имѣется.

Въ день моего прибытія кладбище представляло слѣдующій видъ: на Ю.-мъ склоны и на верхней площадкѣ возвышенности, на протяженіи 60 арш. д. и 20 арш. ш., видны были до 60 свѣже вырытыхъ ямъ, рытыхъ сверху внизъ, вокругъ которыхъ выложены камениыя плитки, отъ двухъ четвертей до аршина въ квадратъ, обломки глиняныхъ и стекляныхъ сосудовъ, обломки разныхъ желѣзныхъ и бронзовыхъ предметовъ, кости людей и животныхъ.

Осмотръ раскопокъ, произведенныхъ мѣстными жителями до моего пріѣзда, показывалъ, что внутри описанной возвышенности помѣщалось много могилъ, въ видѣ искусственныхъ пещеръ или катакомбъ, вырубленныхъ въ темной плотной глинѣ, закрывающей котловину въ скалахъ; катакомбы расположены одна подлѣ другой и одна надъ другою; къ каждой катакомбѣ ведетъ траншея, отъ 3 до 5 четв. ш., длина и глубина которой опредѣляется уровнемъ поломаннаго катакомбы внутри возвышенности и большимъ или меньшимъ разстояніемъ ея отъ пункта, съ котораго начинается входная траншея. Начинаясь съ данного пункта поверхности, верхней площадкой возвышенности или ее склона, входная траншея постепенно углубляется въ наклонномъ положеніи и оканчивается стѣною плотной глины, внизу которой помѣщается квадратное отверстіе отъ 2 до 3 четв. л. и ш., заставленное лифферною плиткою. За такими входными траншеями и отверстіями открываются могильныя помѣщенія, вырубленные въ глинѣ, отъ 1½ до 4 арш. д., отъ 1 до 3 арш. ш. и отъ 4 до 10 четв. в. Нередко въ одной изъ стѣнокъ катакомбы было нахожено другое отверстіе, заставленное каменилою плиткою изнутри катакомбы; за такимъ отверстіемъ было открываемо второе катакомбное помѣщеніе, а на второмъ иногда и третье; въ эти отдѣленія можно было войти только чрезъ лежащія предъ ними катакомбы. Катакомбы Ю.-го склона возвышенности были вырублены преимущественно въ направленіи съ В. на З. (длина), а входныя траншеи къ нимъ были проведены съ Ю. на С.; катакомбы С.-го склона были вырублены также въ направленіи съ В. на З., но входныя траншеи къ нимъ были проведены съ С. на Ю.; катакомбы, помѣщавшіяся подъ верхней площадкою возвышенности, имѣли направленіе преимущественно съ С. на Ю., а входныя траншеи вели къ нимъ съ В.

О содержаніи катакомбъ, раскопанныхъ до моего пріѣзда, мѣстные жители сообщили мнѣ слѣдующее. Предъ входными отверстіями въ могильныя помѣщенія нередко встрѣчались кости домашнихъ животныхъ, преимущественно лошади, быки и бараны, а внутри катакомбъ—человѣчскія кости, глиняная и стекляная посуда, разные бусы, желѣзные, бронзовые, серебряные и золотые предметы: монеты, серьги, подвѣски, кольца, пряжки, пуговицы, бляхи и проч. Осматривая катакомбы, открытыя мѣстными жителями, я нашелъ въ нихъ девять мелкихъ золотыхъ бляшекъ (174.—2171), массивный круглый серебряный медалевъ (2472), поломанныя бронзовыя браслеты съ клювообразными концами (2173), бронзовыя серьги (2174), обломки бронзовой цѣпочки и бронзовыхъ бляшекъ и пуговицъ (2175, 2176), глиняную пряслицу (2177), обломки стекляныхъ сосудовъ (2178), черепки глиняныхъ сосудовъ, до трехсотъ бусъ различнаго состава и различной формы и величины (2179—2183; 177.—2184—2185), бронзовую фибулу съ пятью выступами въ верхней части и двумя боковыми, орнаментированную рѣзкою (2186), желѣзныя топоры съ заостренными лезвіями на передней и на тыловой сторонахъ (2187), кельтообразную желѣзную лопатку (2188) и много обломковъ разныхъ желѣзныхъ предметовъ: наконечниковъ копья и стрѣлы, топора, ножей, фибулы, колець и проч. (178, 170.—2189—2213).

Ознакомившись по раскопкам г. Хатисова и местным жителям съ устройством Сувергомскаго катакомбнаго могильника, я въ теченіе недѣли, при ежедневной рабочей силѣ отъ 20 до 30 человекъ, последовалъ его отъ верхней площадки до нижней скалы слѣдующимъ способомъ. Раскопка была начата мною съ оврага, отдѣлявшаго южную подошву возвышенности отъ катакомбнаго могильника отъ соедѣнной горы; надъ этимъ оврагомъ возвышенность могильника была обрѣзана до подошвы двумя накатами или траншеями, изъ которыхъ первая прорыта на 12 арш. ниже вершины возвышенности. Посредствомъ такихъ траншей я легко открывалъ холмы въ катакомбы: стальной шупъ, пробуя стѣнки обрѣзовъ возвышенности, не шелъ въ цѣльную нерушимую материковую глинѣ и легко шелъ въ засыпанная глиною же траншеи, служившія входами въ катакомбы. Оставшия цѣлыми стѣнки и очищая только входы въ катакомбы, я при посредствѣ пяти траншей, разрѣзавшихъ могильникъ со всѣхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ, открылъ 36 катакомбъ, изъ которыхъ самыя верхнія помещались на глубинѣ двухъ арш. отъ поверхности, а самыя нижнія на глубинѣ 12 арш. Эти 36 катакомбъ даютъ полное понятіе объ устройствѣ и содержаніи всего могильника, такъ какъ, по болѣзни, я долженъ былъ оставить безслѣдовавкою только небольшую часть могильника съ СВ-ой стороны, но катакомбы этой части могильника могли заключать въ себѣ только повторительный матеріалъ, не могли отличаться устройствомъ и содержаніемъ отъ наследовавшихъ катакомбъ.

Первая катакомба, открытая траншеями у Ю-ой подошвы могильника, оказалась засоренная обвалами, и изъ очистки и осмотра верѣдко требовали раскопки сверху въ видѣхъ безопасности; но осмотръ катакомбы посредствомъ расчистки только входныхъ траншей, залегающихъ въ глубинѣ возвышенности, не представлялъ ни малѣйшей опасности, — прочны были ихъ стѣнки и своды.

Катакомба № I. Очистка первой катакомбной входной траншеи въ направленіи материковыхъ стѣнокъ, въ ограничивающихъ, привела къ вертикальной материковой стѣнкѣ, въ нижней части которой, на глубинѣ $3\frac{1}{2}$ арш. отъ поверхности склона горы, обнаружена каменная нахта, стоявшая вертикально и прикрывавшая собою квадратное отверстіе, за которымъ помещалась катакомба, засыпанная обваломъ. При очисткѣ дна катакомбы отъ обвала, найдены слѣды двухъ человѣческихъ костяковъ и слѣдующіе предметы: 43 бусы различнаго состава и различнои величины и формы (180.—2214—2215), бронзовая подѣбка, изображающая головку барана (2216), колесовидная бронзовая подѣбка съ ушкомъ (2217), бронзовая и серебряная удлиненные подѣбки (2218, 2219), металлическое зеркальце (2220); изъ бронзы: три пряжки (2221—2223), три налѣчка (2224), двѣ фибулы (2225.—2226), бронзовая и серебряная пуговицы (2227, 2228), обломки сережекъ и перстней, украшенныхъ стекломъ (2229, 2230), продырявленная баранья косточка (2231); изъ желѣза: фибула (2232), пряжка (2233), три ножины (2234—2236), напеченныя концы (2237); два глиняныхъ сосуда, разбитыхъ обваломъ, со знаками на доньшкахъ (2238, 2239).

Катакомба № II. Вторая катакомба, лежащая рядомъ съ первой, была также засыпана обваломъ. По очисткѣ дна отъ глины, въ ней найдены остатки двухъ человѣческихъ костяковъ, обращенныхъ головами на В. и слѣдующіе предметы: 22 бусы различнаго состава (181, 2240, 2241); изъ бронзы: двѣ серьги съ длинными подѣбками (2242), два перстня со стеклами (2243), проволочный браслетъ (2244), проволочное колечко (2245), фибула съ желѣзною иглою (2246), застежка (2247), шесть бубенчиковъ (2248), двѣ пряжки (2249, 2250), массивная булава съ граняною головкою (2251), узорчатое зеркальце (2252), серебряныя бляшки (2253), круглая перламутровая бляха, продырявленная въ среднѣй (2254), каменный оселокъ, продырявленный съ одного конца (2255), два желѣзныхъ ножики (2256, 2257), окисленныя бронзовые и желѣзные предметы неопредѣленнаго назначенія (2258—2263), маленький сосудъ изъ черной глины (№ 2264).

Катакомба № III. Третья катакомба, также засыпанная обвалами, помещалась съ

В-ой стороны предыдущей; на двѣ,— слѣды разложившихся человѣческихъ костей. 36 бусъ разнчнаго состава (182,—2265-2267), бронзовая подвѣсна, изображающая головки двухъ браковъ, обрѣзанные въ разные стороны (2268), одна серебряная (2269) и четыре бронзовыя серьги (2270-2273), стеклянное кольцо (2274), бронзовое кольцо (2275), четыре бронзовыхъ браслета,—два украшены изображеніемъ змѣиныхъ головокъ на концахъ (2276-2279), бронзовая пуговица (2280), обломки бронзовыхъ бляшекъ съ отпечатками ткани (2281), желѣзная фибула (2282), желѣзный ножикъ (2283), двѣ бронзовыя бляшки (2284, 2285), бронзовый крючокъ (2286), бараньи кости (2287) и два сосуда изъ черной глины (№№ 2288, 2289).

Катакомба № IV. Подъ обваломъ, на двѣ катакомбы,—остатки человѣческаго остова въ положеніи головы на З., 64 бусы (183,—2290, 2291), серебряныя сережки (2292), серебряное колечко (2293); изъ бронзы: перстень (2294), два браслета (2295, 2296), массивная булава съ граненою головкою (2297), фибула (2298); желѣзные: фибула (2299), предметъ неизвѣстнаго назначенія съ отпечаткомъ ткани и крупною граненою бусою (2300, 2301); кусочки кожи и ткани (2303), глиняная чашечка (2302) и глиняный горшочекъ съ ушкомъ и со знакомъ на донышкѣ,—крестъ въ кружкѣ (2304).

Катакомба № V. Съ восточной стѣнкѣй предыдущей катакомбы примыкала маленькая катакомба, имѣвшая полтора аршина длины и одинъ аршинъ ширины и высоты, входъ въ которую, закрытый плиткою, былъ изъ катакомбы № IV; на двѣ,—остатки дѣтскаго остова; серебряная абсидная монета юна VIII вѣка (183, 2305), золотая сережка (2306), до 100 разнообразныхъ бусъ (2307—2310); изъ бронзы: маленькія браслеты (2311), подвѣска, изображающая барана (2312), обломокъ подвѣски формы маленькаго прорѣзаннаго колокольчика (2313), пряжка (2314), зеркальце (2315); желѣзный ножикъ (2316), маленькія сосуды изъ черной глины (№ 2317).

Катакомба № VI. Съ западной стороны катакомбы № I; при отступѣ двѣ отъ обвала, на возвышеніи, помѣщавшемся въ ЮВ-мъ углу катакомбы, имѣвшихъ около 1 арш. л., двѣ чети. п. и четверть высоты, были найдены: кости барана (185,—2343), пять желѣзныхъ треугольныхъ наконечниковъ стрѣлъ (2344), желѣзные окисные неизвѣстные предметы (2345) и ножъ (2346), продырявленный каменный оселекъ (2347), куски кожи (2348), куски шерстяной ткани (2349, 2350), фрагменты какого-то деревяннаго предмета (2351), нагрудникъ изъ желѣзныхъ колецъ (2352), стѣкла изъ темнаго стекла, украшенный полукруглыми вынужденными (2353), сосудъ изъ темной глины съ боковымъ ушкомъ (2354), сосудъ изъ сѣрой глины съ боковымъ ушкомъ и знакомъ на донышкѣ, въ видѣ крестика (2355). На двѣ катакомбы,—остатки двухъ человѣческихъ костей, изъ которыхъ одна была обращена головою на З., а другая на В., и слѣдующіе предметы: 23 бусы разнчнаго состава (184,—2316, 2319); изъ бронзы: колесовидная подвѣска (2320), подвѣска формы кольца съ ушкомъ и тремя боковыми украшеніями (2321), подвѣска, изображающая барана съ ушкомъ на передней части спинки (2322), сережки (2323), проволочное кольцо безъ слѣдовъ концовъ (2325), четыре стеклянныхъ кольца (2326), четыре пуговицы (2327), четыре пряжки (2328, 2329), зеркало (2331), двѣ бляшки формы полумѣсяца (2332), двѣ удлиненныя серебряныя бляхи (2333, 2334), семь круглыхъ украшенныхъ бляшекъ съ ушками и продѣтыми въ нихъ кольцами (2335), три браслета (2336—2338), два бронзовыхъ колечка (2339), серебряныя перстень (2324) и украшенная бляшка (2334), окисленныя серебряныя и бронзовыя предметы (2340, 2341).

Катакомба № VII. Обвалъ В-ой стѣнки и потолка предыдущей катакомбы обнаружилъ трещину около четверти ширины, расширение которой дало возможность проникнуть въ катакомбное помѣщеніе сохранявшееся въ цѣлости, безъ обвала,—оно содержаніе было покрыто только тонкимъ слоемъ пыли. Входное отверстіе, закрытое сверху плитою, находилось въ среднѣй части стѣнки. Въ восточной стѣнкѣ, на небольшомъ возвышеніи,

отожли маленький сосудъ изъ темной глинѣ съ узкимъ горломъ (2356) и сосудъ изъ черной глинѣ, съ широкимъ горломъ и боковымъ ушкомъ (2357), а воалѣ ихъ, — слѣды разложившихся костей барана; на днѣ катакомбы, имѣвшей $3\frac{1}{2}$ арш. д., $2\frac{1}{4}$ арш. ш. и 6 четв. в., обнаружены остатки трехъ человѣческихъ костяковъ, изъ которыхъ два взрослыхъ были обращены головами на В., а третій, дѣтскій, головою на В., конечности всѣхъ вытянуты; при дѣтскомъ остовѣ, лежащемъ первымъ отъ входнаго отверстия, — золотая сережка (186, — 2358), на 150 моллахъ стеклянныхъ бусъ разнаго цвѣта (2359); изъ бронзы: подвеска съ ушкомъ, украшенная тремя боковыми отростками формы выѣвннхъ головокъ (2360), арнальце (2361), фибула (2362), три бубенчика (2363), мелкія бляшки (2364); при остовѣ, занимавшемъ среднюю часть могилы, — до 150 разнообразныхъ крупныхъ бусъ (2365—2367), двѣ серебряныя сасанидскія монеты (2368, 2369); изъ бронзы: браслетъ съ концами въ видѣ выѣвннхъ головокъ (2370), пуговка (2371), двѣ пряжки (2372, 2373); кусочекъ ножи (2374); при остовѣ, замѣщавшемся у С-ой отѣлки, — изъ бронзы: четыре круглыя бляшки (2375), пять удлиненихъ бляхъ (2376), пряжка съ прикинутымъ къ ней кускомъ металла (2377), желѣзный ножикъ (2378), кусочекъ кожи (2379). По всему дну катакомбы были разбросаны маліе кусочки угля.

Катакомба № VIII. Входная траншея въ ЮЗ-ой части кладбища привела къ открытію катакомбы, потолка которой лежалъ на три четверти ниже для катакомбы № VII; входное отверстие, закрытое двумя плитами, поставленными одна воалѣ другой, замѣщало въ ЮЗ-омъ углу катакомбы; размѣры катакомбы: 3 арш. д., $2\frac{1}{4}$ арш. ш. и 5 четв. в.; на днѣ, — едва замѣтные слѣды, въ видѣ облага порошка, трехъ человѣческихъ костяковъ въ положении головъ на З., изъ которыхъ одинъ взрослый, а два дѣтскія; по сохранившимся остаткамъ положеніе конечностей невозможно было опредѣлять; при остаткахъ костяковъ найдены: двѣ съ колоховою мѣдью монеты (187, — 2380—2382), около 40 бусъ разнаго формы (2383); изъ бронзы: шесть сережекъ (2384, 2386), булавка (2387), предметъ въ родѣ корнунки (2388), пять браслетовъ (2389—2393), пять перстней (2394—2397), двѣ пряжки (2398, 2399), пуговка (2400), круглая орнаментированная бляшка (2401); бѣла изъ морской раковины (2402), остатки какого-то рѣзнаго и раскрашеннаго деревяннаго предмета (2403), орнаментованная глиняная прищипка (2404), два желѣзныхъ позьяка (2405), согнутыя бронзовыя проволоки (2406), уголь, кости теленка и три сосуда изъ черной глинѣ (2407—2409).

Катакомба № IX. Пробная канава, прорытая въ центральной части Ю-го склона возвышенности, привела къ открытію входной траншеи особой формы, расширяющейся въ центральной части могильника въ круглый колодезь двухъ съ половиною аршинъ въ діаметрѣ, открытый на глубину двухъ аршинъ; дно колодца было прорѣзано траншеей въ направленіи съ Ю. на С., имѣвшей одинъ аршинъ ширины и шесть четвертей глубины; по сторонамъ траншея съ В. и З. оставалась подукруглыми материковыми уступамъ, составлявшими дно колодца, раздѣленные траншеей по срединѣ, оточенной полукруглыми уступами; съ Ю-кой стороны эта входная траншея начиналась двумя аршинами ниже сѣвѣннаго колодца, а съ С-ой стороны упиралась въ плоткую материковую стѣнку, заставленную въ нижней части шиферною плитою плитъ четвертей въ квадратѣ. За плитою открыто входное отверстие въ катакомбу, въ размѣрѣ 16 четв. д. въ направленіи съ В. на З., 7 четв. ш. и 6 четв. в.; на днѣ, остатки костей, головою на В., руки пригнуты къ груди, ноги согнуты подъ прямымъ угломъ, на лѣвомъ боку; при костяхъ, — четыре серебряныя пряжки (188, — 2410), бронзовая (2411) и желѣзная фибулы (2412), крупная стеклянная сердцевидная бодвѣска (2413), мозаичная буса (2414), камелная илифонованная буса (2415), желѣзный ножикъ (2416); въ ЮВ-мъ углу катакомбы, на небольшомъ возвышеніи, — кости барана и желѣзный ножъ съ остатками деревянныхъ рукоятей (2417).

Катакомба № X. При откапываніи описаннаго ягода въ катакомбу № IX, надъ восточнымъ уступомъ была замѣчена признаки траншеи, имѣвшей направленіе на В.; оче-

ства ее на протяжении одного аршина привела къ шиферной плитѣ, закрывавшей входъ въ катакомбу, оказавшуюся уже осматрѣнной мѣстными жителями, проникшими въ нее сверху, посредствомъ ямы, вырытой на поверхности горы непосредственно надъ потакомъ могилы, имѣвшей 3 арш. д., $2\frac{1}{2}$ арш. ш. и $1\frac{1}{4}$ арш. в.; рассматривая рухнувшую землю на днѣ катакомбы, я попалъ въ ней черепки глинянаго сосуда, нѣсколько бусъ различнаго состава, обломки бронзоваго зеркала и обломки желѣзнаго копья; а въ С-ой углу этой катакомбы, подъ небольшимъ обломкомъ, оставленнымъ мѣстными жителями не очищеннымъ, открыта каменная плитка, отвернувъ которую, я получилъ возможность проникнуть во второе катакомбное отдѣленіе, совершенно подобное первому; здѣсь, при остаткахъ человѣческаго остова, обращеннаго головою на В., найдено болѣе 100 равныхъ бусъ (188,—2418—2421), три окисненныя мѣдныя бляшки или монеты (2422,—2423); нѣсь бронзы: двѣ серьги съ серебряными подвесками (2424), прищечка (2425), браслетъ (2426), два бубельчика, пять пуговицъ и рѣшковой стержель неизвѣстнаго значенія (2427—2429); въ выемкѣ С-ой стѣнки ерванди два глиняныя сосуда со знаками на доньшкахъ, въ одномъ изъ которыхъ сохранилась шелуха проса (№№ 2430, 2431).

Катакомба № XI. Лѣвѣ входа въ катакомбу № IX открыта входная траншея, имѣвшая 9 арш. д., 1 арш. ш. и 8 арш. гл., кончавшаяся, по обыкновенію, материковою стѣною, въ которой на глубинѣ семи арш. отъ поверхности горы найдены разложившіяся черепки лошади, а за черепомъ,—каменная плитка, закрывавшая входное отверстіе въ катакомбу 4 арш. д. въ направленіи съ В. на В., 3 арш. ш. въ направленіи съ Ю. на С. и $2\frac{1}{4}$ арш. в. Две катакомбы представляли возвышеніе по срединѣ 3 арш. д. и $2\frac{1}{2}$ арш. ш., оканчивавшее со всѣхъ сторонъ кавакою въ двѣ четв. ш. и одну четв. гл.; въ В-ой и В-ой стѣнкахъ помѣщались двѣ выемки, имѣвшія по арш. д. и $\frac{6}{4}$ арш. ш.; на возвышеніи въ срединѣ катакомбы,—остатки человѣческаго костяка, обращеннаго головою на В., конечности вытянуты вдоль туловища, весь засыпанъ тонкимъ слоемъ угля; при костяхъ, на туловищѣ,—кольчужный нагрудникъ около 4 верш. д. и $2\frac{1}{4}$ верш. ш., съ прищепавшею къ нему серебряною бляхою или застежкою (189—2433, 2434), золотой накопечникъ отъ пояса, украшенный филигранью (190—2435), 5 серебряныхъ ажурныхъ бляхъ различнаго величіяны (2437, 2438); у лѣваго бока,—желѣзный обоюдо-острый мечъ (2439), ручка котораго была украшена золотыми съ филигранью (2440, 2441) и серебряными бляхами (2442—2446; 190,—2447); у праваго бока,—желѣзный ножикъ въ деревянномъ футлярѣ (2448); въ выемкѣ, вырубленной въ В-ой стѣнкѣ катакомбы,—кувшиннообразный сосудъ съ боковыми ушками изъ красной глины (2449), узорчатый чашкообразный стеклянный сосудъ (2450), стеклянный флаконъ (2451) и кости барана; въ выемкѣ, вырубленной въ В-ой стѣнкѣ катакомбы,—слѣды разложившагося деревяннаго сосуда, костяная проволка (189,—2452), желѣзная удила (2453—2455), пряжка (2456), наконечникъ копья (2457) и топоръ (2458), остатки кожаной уапочки (190,—2459, 2460), украшенной серебряными пряжками и ажурными, въ количестве до 30, серебряными бляхами разной формы и величины (2459—2471), изображавшими крестъ (2459), орлиный клювъ (2463), угловую головку (2466), человѣческое лицо (2467) и проч., и 5 серебряныхъ пряжекъ различнаго величіяны (2472—2475).

Катакомба № XII. При осмотрѣ стѣнокъ катакомбы № XI, въ потакиъ ее была замѣчена трещина, расширивъ которую, я получилъ возможность пройти въ катакомбу, имѣвшую $2\frac{3}{4}$ арш. д. въ направленіи съ В. на В., $2\frac{1}{2}$ арш. ш. и около 6 четв. в.; входъ въ эту катакомбу, оставшіяся не открытымъ, помѣщался въ Ю-ой стѣнкѣ, по обыкновенію, была застланъ шиферною плитою; на днѣ катакомбы,—едва замѣтно слѣды двухъ человѣческихъ костяковъ, обсыпанныхъ углемъ, серебряная сасанидская монета Коароя I, 531—579 г.р. по Р. X. (191, 2476), двадцать семь серебряныхъ бляхъ и прищечокъ разной формы и величины (2477, 2484); нѣсь желѣза: двѣ пряжки (2485, 2486), кольцо (2487), и два ножика (2488); у восточной стѣнки, на небольшомъ возвышеніи,—три сосуда съ боковыми ушками изъ темной глины и кости барана (2489, 2490, 2491).

Катакомба № XIII, со входомъ съ Ю., на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности горы; дно засыпано обваломъ потолка; подъ обваломъ,—слѣды разложившихся человѣческихъ костей, галея барана, два глиняныхъ сосуда (2492, 2493), 74 разнообразныя бусы (102,—2494—2497), глиняная прищипка (2498); изъ бронзы: двѣ колесовидныя подѣлки (2499—2500), пряжковидная подѣлка (2501), колечки (2502), перстень (2503), узорчатое зеркальце въ позлащенъ мѣшечкѣ (2503—2505); предвѣренная баранья косточка (2506), шифривый оселокъ (2508); изъ жальза: два ножика (2509, 2510), пряжка (2511), обломки цѣлочки съ прищипываею бусою къ одному изъ нитъ (2512, 2513).

Посредствомъ траншеи, прорѣзанной восточную окраину могильника, открыты мною восемь катакомбъ.

Катакомба № XIV, на глубинѣ 7 арш., со входомъ съ К; д. около 3 арш. въ направленіи съ В. на З., 2 1/2 арш. ш. въ направленіи съ С. на Ю. и около 6 четв. в.; на днѣ,—остатки двухъ человѣческихъ костяковъ, изъ которыхъ одинъ обращенъ головой на З., а другой на К., серебряная сасанидская монета (193.—2514), мѣдная бляшка или монета (2515), 136 разноцвѣтныхъ бусъ (2516—2519); изъ бронзы: три подѣлки (2520—2522), пять браслетъ (2523—2527), пять перстней (2528—2532), три стеклянныхъ кольца (2533—2535), двѣ пуговицы (2536, 2537), три бубенчика (2538—2540), пряжка (2541), три фибулы (2542—2544), сережки (2545), жальзный ножикъ (2546), глиняный сосудъ (2547), стеклянный стаканъ (2548).

Катакомба № XV, разломъ съ предыдущей, со входомъ на В., но обыкновенно, закрытымъ шифривою плитою; данна въ направленіи съ Ю. на С. 8 арш., ш. 9 четв., дл. в. 5 четв.; на днѣ подъ небольшимъ обваломъ обнаружены остатки двухъ взрослыхъ человѣческихъ костяковъ, одинъ головою на С., а другой на Ю., конечности согнуты; у южной стѣнки, предъ входомъ,—слѣды разложившагося дѣтскаго остова, головою на З.; при дѣтскомъ остовѣ найдены: мѣдная колота (194.—2549), около 60 разноцвѣтныхъ бусъ (2550); изъ бронзы: сережки со стеклами (2551), проволочный браслетъ (2552); при взросломъ костякѣ,—болѣе 100 бусъ (2553—2556), овальное стекло около вершка ладони и полвершка ширины (2557), четыре серебряныя пряжки (2558—2562), шесть серебряныхъ колечекъ (2563—2568); изъ бронзы: двѣ пряжки (2563, 2564), три колечка (2565, 2566), три фибулы (2567—2569), три бляхи (2570—2572), зеркало (2573), пинцетна (щипчики) (2574), двѣ съ половиною мѣдныя оксидная монеты (2575—2577); изъ жальза: фибула (2580), цѣлочка (2578, 2581), пряжка (2579), ножикъ (2580), кольцо съ прищипываемою къ нему бусою (2582), наконечникъ стрѣлы (2583), глиняный сосудъ съ боковымъ ушкомъ, ориентированнымъ параллельнымъ полосками (2584), глиняный сосудъ съ боковымъ ушкомъ безъ орнамента (2585), стеклянный стаканчикъ (2586).

Катакомба № XVI. При очисткѣ входа въ катакомбу № XIV, на днѣ его была замѣчена небольшая яма, расчистка которой привела къ открытію катакомбы, лежащей на глубинѣ 3 1/2 арш. отъ поверхности; въ катакомбѣ, лежащей около 3 арш. д. въ направленіи съ В. на З., 7 четв. ш. и 5 четв. в.,—остатки человѣческаго остова, головою на В., руки вытянуты, ноги мѣлошко согнуты въ колѣняхъ; между восточною стѣнкою и головою остова помѣщаются: жальзные: топоръ (195.—2587), ножикъ (2588), пряжка (2589), наконечникъ копья (2590), кольцо (2591), крупныя треугольныя наконечники стрѣлъ (2592), бляха съ отпечаткомъ тигра (2594), бараньи кости (2593), кожаный предметъ формы стакана (2595), глиняный сосудъ (2596); на туловищѣ костяка и воатѣ него,—серебряная сасанидская монета Хлароя II, 504 года (195.—2597), восемнадцать серебряныхъ и бронзовыхъ бляхъ и пряжекъ разной формы и величины (2598—2610), серебряный перстень съ рѣзнымъ камнемъ,—изображеніе животного въ роцѣ льва съ дѣтскими (2611).

Катакомба № XVII. Посредствомъ расчистки траншеи, замѣченной въ сѣверной стѣнкѣ предыдущей катакомбы, было открыто катакомбою помѣщеніе, издѣланнаго отъ

предыдущего стѣною въ лѣв. четверти ширины, входъ въ которое, оставшіяся въ отир-
тѣхъ, помещался въ ЮВ-мъ углу; направлено катакомба съ Ю. на С., около 2 1/2 арш. д.,
2 арш. ш., 5 четв. в.; на днѣ,—слѣды разложившихся человѣческихъ костей: въ бровни:
фибула (196,—2612), три пряжки (2613—2614), слѣды разложившейся кожи, слѣды разло-
жившихся желѣзныхъ и бронзовыхъ предметовъ (2615—2616), бѣлье серока различной
формы и валяныя серебряныя и бронзовыя бляхы (2617—2640), кости барана и какой-то
птицы, сосудъ изъ егрой глянн съ боковымъ ушкомъ (2641).

Катакомба № XVIII. Входная траншея въ направленіи съ В. на З.; входное отвер-
стіе, закрытое плитою на глубинѣ шестого аршина отъ поверхности горы; въ траншеѣ,
предъ входнымъ отверстіемъ,—слѣды разложившихся костей какого-то животного; длина
катакомбы въ направленіи съ Ю. на С. около 3 арш., ш. 8 четв., в. около 5 четв.; на днѣ,—
остатки двухъ человѣческихъ костяковъ, головами на С. конечности вытянуты; при
нихъ,—80 различныхъ бусъ (197,—2642—2645); въ бровни: подвеска въ родѣ колокольчика
(2646), двѣ фибулы (2647, 2648), сережки (2649), два лѣткія браслета (2650, 2651), два
стекляныхъ кольца (2652), серебряныя перстни (2653) и четыре кольца (2654—2655). Отдѣ-
леніе той-же катакомбы съ отверстіемъ на Ю., закрытымъ плитою, около 3 арш. д., 1 1/2 арш.
ш. и 1 арш. в.; на днѣ его,—слѣды разложившихся костей, серебряныя пряжка (2656),
металлическое зеркальце (2657) и желѣзная фибула (2658); въ сѣверной стѣнѣ, въ небольшой
выемкѣ,—кусочекъ кожи (2659), желѣзные удила (2660), цѣпочка (2661), какой-то оловяніи
предметъ съ бусомъ (2662), три ножа (2663), бараньи кости (2664) глиняная монетка (2665),
чужбинный горшечекъ съ боковымъ ушкомъ (2666).

Катакомба № XIX. Входная траншея съ лѣвой стороны предыдущей катакомбы
заканчивается на глубинѣ девяти аршинъ отъ поверхности горы закрытымъ плитою отвер-
стіемъ, у котораго найдена часть разложившагося монументаго черепка; длина катакомбы
съ В. на З. 3 1/2 арш., ш. 2 1/2 арш., в. 1 1/2 арш.; на днѣ,—остатки двухъ костяковъ, головами
на З. конечности вытянуты; при первомъ изъ нихъ, помещавшемся ближе ко входу, най-
дены: аббасидская серебряная монета, чеканенная въ Мухаммедіи въ 180 году гижары,
то есть въ 796—797 году по Р. Х. (198,—2667), 23 бусы различного состава (2668, 2669),
бронзовая привѣска, изображающая женщину въ ажурномъ кружѣ (2670), двѣ золотыя
сережки (2671), бронзовый перстень со стекломъ (2672); при второмъ остовѣ,—желѣзные:
кольчужный нагрудникъ (2673), пряжка (2674), конь (2675), бляха (2676), кольцо (2677),
трубочка (2678), два желѣзныхъ ножица (2679); два известковыхъ продырявленныхъ слѣпка,
въ родѣ бусанъ, съ остатками желѣзныхъ стержней (1680—1681); у юго-восточной стѣны,
въ небольшой выемкѣ,—кости барана и глиняный сосудъ съ боковымъ ушкомъ (2682).

Катакомба № XX. Входная траншея съ лѣвой стороны катакомбы № XVI; длина
траншеи двѣнадцать аршинъ; высота стѣны надъ входнымъ отверстіемъ въ катакомбу,
закрытымъ плитою, девять аршинъ; длина катакомбы съ В. на З. 3 1/2 арш., в. 1 1/2 арш.;
въ ЮВ-мъ углу,—большая выемка, засыпанная обломомъ, подъ которымъ найдены два
разбитыхъ глиняныхъ сосуда и кости барана; на днѣ,—едва замѣтны слѣды двухъ чело-
вѣческихъ костяковъ и слѣдующіе предметы: золотая византийская монета Маврикія Тиверія
582—602 гг. (199,—2683), 56 разнообразныхъ бусъ (2684—2687); въ бровни: подвеска, изобра-
жающая голову барана (2688), бляха или привѣска, изображающая плоское кольцо съ
шестью боковыми коронками, продырявленными въ срединѣ (2689), двѣ пары сережекъ
съ серебряными колѣтьками (2690,—2692), три перстня со стеклами (2693—2695), пропо-
лочное кольцо безъ спижекъ концовъ (2696), три проволочныя браслета (2697—2699), фи-
була (2700), семь бубенчиковъ (2701, 2705, 2706), двѣ пуговицы, (2702), ситчико формы ло-
жечки (2703), желѣзное кольцо (2704), клокъ волосъ (2707), фрагменты какого-то дере-
вяннаго предмета (2708), два желѣзныхъ ножица (2709), золотая ручка ариаметризованная
филагралю (2710).

Катакомба № XXI. Обвал юго-восточной стѣны предыдущей катакомбы обнаружилъ отверстіе, чрезъ которое оказалось возможнымъ проникнуть въ естественную катакомбу, совершенно подобную предыдущей, со входнымъ отверстіемъ въ южной стѣнѣ, оставшимся не открытымъ; на днѣ катакомбы были найдены остатки двухъ взрослыхъ человѣческихъ костяковъ, изъ которыхъ одинъ былъ обращенъ головою на З., а другой на В., и остатки дѣтскаго остова, обращеннаго головою на Ю., лежащаго у Ю-ой стѣнки; по всему дну катакомбы были разбросаны уголь и верха нитена и кичменн; при взрослыхъ остовахъ найдены: двѣ окнечія и раскрывшіяся серебряныя монеты, 142 равнообразныя бусы (260.—2711—2717), круглая бронзовая подвѣска съ пятью боковыми отростками (2718), бронзовая сережка (2719), овальное стеклышко (2720), два перстня, одинъ бронзовый (2721), а другой желѣзный (2722), маленькое серебряное колечко (2723), двѣ серебряныя пряжки (2724); изъ бронзы: два браслета (2725, 2726), двѣ фибулы (2727) массивная булава съ граненою головкою (2728), круглая продырявленная перламутровая бляха (2730), морская раковинка (2732), баранья бабка (2731), желѣзные: фибула (2733), ножикъ (2733), деревянный цилиндръ, вѣроятно, ручка отъ ножа, обтянутый окнечіемъ серебряною бляхою (2735); при дѣтскомъ остовѣ,—мѣдная монета (2736), 122 бусы различнаго состава (2737—2738), два бронзовыхъ браслета (2740) и двѣ серебряныя пряжки (2741); у восточной стѣнки, на небольшомъ возвышеніи,—кости барана, два глиняныхъ сосуда съ боковыми ушками и звѣнами на лопыткахъ (2742, 2743), узорчатый стеклянный сосудъ формы стазала (2774), стеклянный сосудъ формы рюмки (2745), фрагменты деревяннаго сосуда съ боковыми ушками (2746) и фрагменты утвари (2747).

Посредствомъ двухъ траншей, разубавившихъ крестообразно верхнюю площадку возвышенности, открыты мною шесть катакомбъ, залегающихъ на глубинѣ отъ трехъ до двѣнадцати аршинъ отъ поверхности горы; двѣ изъ нихъ были обращены входными отверстіями на Ю., а четыре на В.

Катакомба № XXII, первая съ З., примыкавшая къ каменной отвѣсной скалѣ, назъ восточнякомъ Суергомъ; входная траншея съ Ю. 5 арш. д., постепенно углубилась, кончается на 4 арш. глубины отверстіемъ, заставленнымъ пиферною плитою, у которой найдены остатки разложившихся лошадиныхъ костей; катакомба 3 арш. д. въ направленіи съ В. на В., 2 1/2 арш. ш. и 1 арш. в.; на днѣ,—остатки двухъ человѣческихъ костяковъ, головами на З., а при нихъ,—серебряная сасанидская монета конца VII вѣка (201.—2748), 136 бусъ различнаго состава (2749—2752); изъ бронзы: круглая подвѣска съ пятью боковыми украшениями въ видѣ птичьихъ головокъ (2753), колесовидная подвѣска (2754); два овалныхъ стеклышка (2755), двѣ пары бронзовыхъ сережекъ (2756—2758), три желѣзныхъ перстня (2759—2761), четыре бронзовыхъ браслета (2762—2765), три бронзовыя (2766—2767) и одна желѣзная (2768) фибулы, бронзовая булава съ граненою головкою, маленькій кованный мѣшокъ (2770) съ обломкомъ металлическаго зеркала внутри его (2769), желѣзный ножикъ (2771); въ небольшомъ углубленіи восточной стѣнки,—кости барана (2772) и три глиняныхъ сосуда съ ушками (2773, 2774, 2775).

Катакомба № XXIII, входная траншея съ З. 5 аршинъ длины приводитъ къ отверстію, закрытому плиткою, на глубинѣ трехъ съ половиною аршинъ отъ поверхности горы; катакомба, подобная предыдущей; на днѣ,—едва замѣтные слѣды разложившихся костей и слѣдующіе предметы: сасанидская серебряная монета Хозроя I (202.—2776), 88 бусъ различнаго состава (2777, 2778); изъ бронзы: подвѣска съ боковыми роковидными украшениями и круглымъ глыбомъ для камня въ среднѣ (2779), сережки (2780), три браслета (2781, 2782), двѣ серебряныя пряжки (2783, 2784), двѣ бронзовыя пряжки (2785), два серебряныхъ колечка (2786, 2787), двѣ бронзовыя пряжки (2788, 2789), бронзовая (2790) и желѣзная (2791) фибулы, бронзовая булава (2792), семь продолговатыхъ бляшекъ (2793, 2794) и шесть круглыхъ бляшекъ съ отверстіями въ среднѣ (2795), две желѣзныя по-

энка (2796, 2797), фрагменты некананого мѣшочка съ обломкомъ какого-то желѣзнаго предмета въ срединѣ (2798, 2799), глиняный сосудъ съ тремя пупками на бокахъ (2800).

Катакомба № XXIV. Входная траншея съ востока 12 аршинъ длины; на глубинѣ 8 арш. отъ поверхности горы входное отверстіе въ катакомбу, заставленное плитой, предъ которою.—остатки разложившихся костей доисторическаго черепа; катакомба 3 арш. д. въ направленіи съ С. на Ю., 2 арш. ш. въ направленіи съ В. на З. и 6 четв. в.; на днѣ.—остатки челюстнаго остова, головокъ на югъ, концы вытнуты; у 3-ей стѣнки, на небольшомъ возвышеніи съ правой стороны остова,—окаменѣлый желѣзный мечъ (2801, 2802), наконечникъ копья (178.—2803), топоръ (2804), два ножа (2805—2806), остатки деревяннаго сѣдла, обтянутого кожей (2807.—2807, 2808), кожаный нагрудникъ (2809), согнутая бронзовая проволока (2810.—2810), черная буса (2811) и 38 бронзовыхъ бляшекъ на кольцахъ, съ остатками ремня, на которомъ онѣ были укрѣплены (2812—2817); на туловищѣ,—бронзовыя два бубенчика (2818), пряжка (2819) и двадцать пять бляхъ разной формы (2820—2825); у сѣверной стѣнки, на небольшомъ возвышеніи,—глиняный сосудъ (2826), стеклянный стаканъ (2827) и голсъ барана.

Катакомба № XXV; входъ съ С., на глубинѣ 6 арш. отъ поверхности горы, д. 3¹/₂ арш. въ направленіи съ В. на З., ш. 3 арш., в. 5 четв.; на днѣ.—остатки трехъ разложившихся человѣческихъ костяковъ, изъ которыхъ два обращены головами къ В., а одинъ, лежащій у Ю-ой стѣнки, головами къ С.; при костякахъ,—до 300 бусъ различнаго состава и различной формы и величины (2828.—2828-2834), каменная буса съ вырѣзанными на ней рубцами изображеніемъ птицы (2835), бронзовая подѣлка, изображающая барана (2836), двѣ золотыя сережки (2837), четыре бронзовыя браслета (2838—2840), шесть бронзовыхъ перстней (2841—2845), стеклянное кольцо (2846), двѣ бронзовыя и одна серебряная фибулы (2848, 2849, 2851), бронзовая булава (2850), металлическое зерцальце (2852); въ небольшомъ углубленіи Ю-ой стѣнки.—орнаментированный глиняный сосудъ съ боковыми ушками (2853), глиняный сосудъ съ боковыми ушкомъ и тремя пупками (2854) и два стеклянныхъ сосуда, формы стакановъ (2855).

Катакомба № XXVI; входная траншея съ востока; входное отверстіе, заставленное плитой, на глубинѣ девяти аршинъ отъ поверхности горы; л. катакомбы съ С. на Ю. 2¹/₂ арш., ш. 2¹/₂ арш. и в. 5 четв.; на днѣ.—остатки двухъ костяковъ, обращенныхъ головами на Ю., прицепанныхъ ушей; в. при нихъ,—серебряная сасанидская монета (2857.—2863), 165 бусъ различнаго состава и различной формы и величины (2857—2862), двѣ бронзовыя окисленныя сережки (2863—2864) и одна золотая (2865), ажурная бронзовая подѣлка формы колокольчика (2866), бронзовая перстень (2867), одно бронзовое (2868) и шестнадцать стеклянныхъ колецъ (2869—2872), бронзовыя бубенчикъ (2873), фибула (2874), два браслета (2875), пряжка съ отпечаткомъ тигра (2876), три пряжки (2877), круглая бляха, прорѣзанная вокругъ треугольными дырочками (2878), зерцало (2879); на небольшомъ возвышеніи у южной стѣнки,—четыре глиняныхъ сосуда (2880—2883).

Катакомба № XXVII; входная траншея съ В., входное отверстіе на глубинѣ 12 арш. отъ вершины горы; катакомба 2¹/₂ арш. д., 1¹/₂ арш. ш. и около 5 четв. в.; на днѣ.—остатки костяка, обращеннаго головою на Ю., концы вытнуты; при немъ,—серебряная сасанидская монета Хосроя II, 525 года (2884.—2884), 57 различныхъ бусъ (2885—2888), бронзовая подѣлка формы птицы (2889), двѣ массивныя золотыя сережки (2890—2891), массивная золотая ручка, украшенная филигранью (2892), бронзовыя: два браслета (2893, 2894), два перстня (2895, 2896), пряжка (2897), двѣ пряжки (2898), пять бубенчиковъ (2899, 2900), три пуговицы (2901), четыре колечки (2902), булава (2903), девять бляшекъ (2904.—2906), краешекъ некананого напечатка (2906), деревянный бусообразный предметъ (2907), кожаный футлярчикъ (2908), желѣзное или ножика (2909) и шило (2910), деревянная коробочка съ шелкомъ или шерстью въ срединѣ (2911), клочъ женскихъ волосъ (2912) и четыре глиняные сосуда (2913—2916).

Сверть 27 катакомбъ, открытыя посредствомъ вышеуказанныхъ прорѣзанныхъ канавъ или траншей, я откопалъ и осмотрѣлъ девять катакомбъ и въ открытыхъ мѣстности жителями до моего прѣзда къ аулу Чми въ разныхъ частяхъ мѣстныя, залегавшихъ на разной глубинѣ и оказавшихся совершенно сходными съ открытыми мною.

**Катакомбный могильникъ въ урочищѣ Хархъ, близъ Балтской станціи
Военно-Грузинской дороги.**

На 17 верстѣ отъ Владикавказа, между станціей Балта и ауломъ Чми, при проѣздѣ по Военно-Грузинской дорогѣ, въ 1882 году открыто второе катакомбное кладбище, подобное Суоргомскому. Въ разрывѣ глянцистой горы валь рѣкою Тереконъ, сдѣланномъ при проведеніи казанской дороги, были замѣчены мною нѣсколько ovalныхъ пустотъ, имѣвшихъ форму Суоргомскихъ катакомбъ и лежащихъ на высотѣ отъ 3-хъ до 6 саженей валь уровнемъ дороги; откопавъ ихъ отъ земли, покрывавшей днѣща, я убѣдился, что это были действительно катакомбы, содержаніе которыхъ было выброшено, по всей вѣроятности, при проведеніи Военно-Грузинской дороги; только въ одной сохранилась куча человѣческихъ костей, черепки сосудовъ изъ черной глины (2917, 2918), обломки желѣзнаго меча (2919, 2920), нѣсколько бусъ и обломковъ желѣзной фибулы. Сдѣлавъ небольшой обрѣзъ горы со стороны дороги, 6 арш. дл., я открылъ двѣ уцѣлѣвшія катакомбы.

Катакомба № I. На высотѣ четырехъ саженей отъ Военно-Грузинской дороги и на глубинѣ 3-хъ аршинъ отъ поверхности горы, въ глинистомъ слое оказалась катакомбная яма, засоренная обломкомъ части свода; при очисткѣ дна катакомбы, въ В-ой стѣнкѣ обнаружено входное отверстіе, заставленное снаружи шиферною плиткою; а на днѣ найдены остатки двухъ вероидныхъ человѣческихъ костяковъ и одного дѣтскаго, обращенныхъ головою на Ю. и слѣдующіе предметы: 38 бусъ различнаго состава и различной формы и величины (2908,—2921); изъ бронзы: колесовидная подвѣска (2922), серьги (2923), четыре браслета (2924—2927), кольца и перстни (2928—2930), бляшка (2931), угорчатая серебряная бляшка (2932), берестовая бляха, украшенная параллельными линиями (2933), проволочные крючки (2934), пряжка (2935) и девять пуговицъ (2936); желѣзные: фибула (2937), крупные треугольные наконечники стрѣлъ (2938), и 4 позинка (2939, 2940); грубый глиняный сосудъ (2941); кости барана (2942); уголь, разсыпанный по всему дну катакомбы; три сосуда изъ черной глины съ боковыми ручками (2943—2945).

Катакомба № II. Входное отверстіе съ В., заставленное шиферною плиткою; катакомба 2½ арш. дл., ш. и в. по 2 арш.; на днѣ,—яма замѣтныя слѣды разложившагося человѣческаго скелета, обращеннаго головою на Ю., и слѣдующіе предметы: двѣ серебряныя аббасидскія монеты конца VII вѣка (2946,—2948, 2947), до 100 бусъ различнаго состава, различной формы и величины (2948—2952), серебряныя эмѣйны (2953), колечко (2954), пряжки (2955), серьжки (2956), бляшки съ бронзовыми гвоздиками (2957, 2958), бронзовые три пряжки (2959—2960), массивная булавка съ граненою головкою (2961), серебряныя бляхи (2962), бронзовые два браслета (2964, 2965), два проволочныхъ колечка безъ слайки концовъ (2966—2967), фибула съ желѣзною иглою (2968), желѣзные колечко (2969), пряжка (2970), позинка (2972), три глиняныхъ сосуда съ боковыми ручками (2973—2975) и бараньи кости.

Дальнѣйшая раскопка была приостановлена, за невозможностью производить ее безъ засоренія Военно-Грузинской дороги, или особыхъ приспособленій, для которыхъ у меня не было тогда ни средствъ, ни времени.

Каменные гробницы въ урочищѣ Харъхъ, близъ Балтской станціи Военно-Грузинской дороги.

На семнадцатой верстѣ отъ Владикавказъ по Военно-Грузинской дорогѣ, въ урочищѣ Харъхъ, близъ катакомбнаго могильника, на высотѣ около 36 саженой отъ уровня Терезы и 20 саженой отъ Военно-грузинской дороги, въ 1882 году была открыта языческая могильница, состоящая изъ каменныхъ гробницъ.

Гробницы возвышаются подъ ровною поверхностью небольшой террасы, лежащей въ разстояніи нѣсколькихъ саженой отъ возвышенности, заключающей въ себѣ вышеозначенный катакомбный могильникъ урочища Харъхъ. Гробницы были открыты случайно, во время разкопокъ, обнаружившей „каменный ящикъ“, усмотрѣнный мѣстными жителями. Подъ ящикомъ одну изъ плитъ, покрывавшихъ гробницу, замѣтившими въ ней человѣческія кости и соображившими о томъ г. Хотисову, произвольнаго раскопку катакомбнаго могильника въ урочищѣ Суергомъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, въ каменной гробницѣ урочища Харъхъ, осмотрѣнной г. Хотисовымъ, было найдено не менѣе пяти человѣческихъ костяковъ, а при нихъ,—два сосуда изъ красной глины, крупныя желѣзные наконечники стрѣлъ, бронзовая монета и разныя бусы. Нѣсколько выше гробницы, осмотрѣнной г. Хотисовымъ, была замечена мною пробная траншея, въ размѣрѣ 10 аршинъ длины и одного аршина ширины, обнаружившая двѣ каменныхъ гробницы.

Гробница № I. На глубинѣ 3-хъ четвертей отъ поверхности террасы; стѣнки сложены изъ плитокъ и булыжника, около аршина высоты, а сверху покрыты двумя плитами; подъ плитами, внутри гробницы,—рыхлая земля, а полъ изъ, на днѣ гробницы, состоящемъ изъ каменнаго щебля смѣшаннаго съ глинкой,—остатки шести человѣческихъ костяковъ, расположенныхъ у стѣнокъ гробницы, въ сидячемъ положеніи; между костяками и востѣ нихъ были найдены слѣдующіе предметы: оклепаная продырявленная бронзовая монета или подвеска, съ замѣтнымъ изображеніемъ верхней половины человѣческаго тѣла на лицевой сторонѣ (2970, — 2976), восемь бусъ различнаго состава (2977), подвеска изъ стеклянной бусы съ желѣзнымъ ушкомъ (2978), подвеска изъ продырявленной морской раковины (2979), подвеска изъ глины покрытой зеленою глазурию (2980), дугая серебряная пуговка съ ушкомъ (2981), два проволочатыхъ колечка, безъ слѣдовъ концовъ (2982), два дугихъ кольца (2983, 2984); желѣзные: оклепанная желѣзная монета (2985), двѣнадцать наконечниковъ стрѣлъ различной формы и величины (2986—2992), плоское кольцо (2993), 3 монеты (2994, 2995), продырявленный обломокъ изъ темнаго шифера (2996), два небольшихъ сосуда изъ красной глины съ боковыми ушками (2997, 2998).

Гробница № II. На глубинѣ 2 $\frac{1}{2}$ четвертей отъ поверхности террасы; данна гробница въ направленіи съ В. на З. 3 арш., ширина 2 арш., высота В.-ой стѣны 2 арш., а З.-ой 1 арш., С.-я, З.-я и Ю.-я стѣнки сложены изъ маленькихъ шиферныхъ плитокъ и булыжника, скрѣпленныхъ бѣлымъ цементомъ; В.-ю стѣнку составляютъ двѣ плиты, стоящія ребромъ одна востѣ другой, въ размѣрѣ 2 арш. д., одного арш. ш. и около четверти высоты; трѣи шиферными плитами гробница покрыта сверху; внутри гробницы, полъ сложенъ рыхлой землей, на днѣ изъ каменнаго щебля, покрытаго тонкимъ слоемъ глины, найдены 12 человѣческихъ костяковъ, расположенныхъ одна въ востѣ другой, въ сидячемъ положеніи, у С.-ой, З.-ой и Ю.-ой стѣнокъ; В.-я стѣнка служила входомъ, черезъ который попадали въ гробницу новыя покойники; между остатками человѣческихъ костяковъ были найдены слѣдующіе предметы: 17 бусъ различнаго состава и различной формы и величины (211, — 2999—3002), подвеска изъ морской продырявленной раковинки (3003), подвеска изъ белой морской раковины (3004), два продырявленныхъ кружка изъ кости (3005), бронзовая: узорчатая подвеска (3006), продырявленный обломокъ зеркала (3007), круглая бляшка съ двумя дырочками (3008), 10 колечекъ безъ слѣдовъ концовъ (3009—3019), двѣ пуговицы

съ ушками (3014—3016), подвѣска формы крестика (3016), желѣзные два типоразнообразныхъ предмета, продырявленные въ срединѣ, неизвестнаго назначенія (3017, 3018), обломокъ серповиднаго предмета (3019), три кольца (3020, 3021), два наконечника стрѣлъ (3022), 4 пояса (3023—3025), продырявленный оселокъ изъ темнаго шифера (3026), обломокъ ручки сосуда изъ красной глины (3027), сосудъ изъ красной полированной глины съ боковыми ушками (3028) и горшокъ изъ красной глины съ дырочками по вѣчку (3029).

Случайныя приобретѣнiя.

I. **Камунта.** „Осетинскiй аулъ Камунта или Каминта лежитъ во Владикавказскомъ округѣ, въ горной Дигорiи, на берегу рѣки Каминдонъ (притокъ Сагуята, который впадаетъ въ Урухъ); аулъ расположенъ на склонахъ горы, разделяющей русла Сагуята и Каминдона, на высотѣ около 6000 футовъ надъ уровнемъ моря. Погребальное поле, на которомъ произведена была раскопка, расположено на склонахъ той-же горы, на которомъ стоитъ аулъ, въ полуверстѣ отъ поселеннаго вверху по теченiю Каминдона; склоны вѣтъ очень круто спускаются къ рѣкѣ подъ угломъ не менѣе 45°. Вълѣдствiе кругляныя сѣвка, верхнiй червокаменный слой почвъ образовалъ оползая, такъ что до вершины горы замѣтны три трещины въ этомъ слое, образовавшiяся вълѣдствiе постыжныхъ оползая“.

„Погребальное поле лежитъ въ нижней части склона, ниже третьей трещины. Склоны горы, на которомъ оно помѣщено, носятъ названiе Дандуръ-Куль (по русски: склоны дуконъ), нижняя же его часть ближайшая къ рѣкѣ, называется также Цыфте (болото); на могилкахъ никакнхъ высшей не замѣчается; открыто-же похоронное поле случайно: 4—5 дѣтъ назадъ, во время весенняго половодья, вода размыла берегъ у подножiя горы и обнаружила золотыя предметы; послѣ этого мѣстные жители стали усердно расчищать гору и производить многочисленныя добываемыя ими предметы“¹⁾.

II. **Галиата.** „Похоронное поле лежитъ на верхнихъ уступахъ горы, внизу которой расположено аулъ Галиата; открыто было нѣсколько дѣтъ назадъ, вълѣдствiе того, что одинъ изъ жителей выкапывалъ на его окраинахъ золотыя вещи; вълѣдствiе этой находки, мѣстные жители бросились разрыывать похоронное поле и пролѣзать найденныя вещи. И всталъ все поле возмущаться, и многiя могилы, стоявшiя въ видѣ правильныхъ ящиковъ изъ каменныхъ плитъ, открытыя. Склоны горы поднимаются отъ Галиаты къ юго-западу; та часть его, на которой помѣщается похоронное поле, называется Калыкайт-тигъ (т. е. колѣно Калыкайт)“²⁾.

Въ могильникахъ Камунты и Галиаты найдено мѣстными жителями много бытовыхъ предметовъ изъ глины, камня, желѣза, бронзы, серебра и золота, поступившихъ въ собранiе древностей г. Ольженскаго и перечисленныхъ въ прибавленiяхъ къ Дневнику раскопокъ В. Б. Антоновича, сделанныхъ на Кавказѣ въ 1879 году (см. стр. 265—270). Между прочимъ, въ языческихъ могилкахъ Камунты и Галиаты было найдено четырнадцать монетъ золотыхъ византийскихъ и серебряныхъ восточныхъ, поступившихъ въ собранiе г. Ольженскаго и одна золотая монета византийскаго Императора Геракла, поступившiй въ собранiе древностей патрiа Археологическаго съѣзда (см. тамъ-же, стр. 267, 268 и 270).

Въ мое собранiе древностей поступили слѣдующiе предметы изъ могильниковъ Камунты и Галиаты, приобретенныя отъ г. Ольженскаго: три узорчатыхъ металлическихъ зеркала съ ушками (216, 2117—2119), бронзовые круглая бляха, украшенная точечными

¹⁾ Дневникъ раскопокъ, сделанныхъ на Кавказѣ осенью 1879 г. В. Б. Антоновичемъ. Пятый Археологическiй Съездъ въ Тифлисѣ. Протоколы Подготовительнаго Комитета. Приложене къ I выпуску IX т. „Древности“, Москва 1882 г., стр. 226.

²⁾ Тамъ-же, с. 222.

концентрическими кругами, около 2 вершковъ въ діаметрѣ (2120), глупое колечко (2121), три узорчатая бляшки (2122, 2123), колесо съ бороздчатыми выпуклостями (2124), два браслета (2125, 2126), проволоочный браслетъ съ загнутыми упломъ концами (2127), обломекъ щита (2128), три фибулы различной величины (2129—2131), желѣзная пряжка (2132), гладкая круглая бронзовая бляха двухъ вершковъ въ діаметрѣ (2133), часть золотого наконечника пика, украшеннаго филигранью (176.—2134), золотыя десять круглыхъ узорчатыхъ бляшекъ (2135, 2136), смятая четырехугольная бляха (2137), треугольная узорчатая бляха (2138), круглая выпуклая узорчатая серебряная бляха, покрытая синев краскою (2139), бронзовая двѣ бляшки продолговатая, выгнутая (2140), двѣ круглая (2141, 2142), три рѣзной формы съ колечками (2143—2145), сережка (2146), верхняя часть перстня (2147), прокладка изъ проволоки съ колечкомъ (2148), застежка (2149), шесть бубенчиковъ различной величины (2150—2155), два желѣзныхъ трехграннихъ наконечника стрѣлы (2156).

III. Отъ мѣстнаго жителя на станціи Казбекъ Военно-Грузинской дороги мною приобретены: двѣ крупныя сардаликовныя бусы (2157, 2158), агнетскій скарabeй (2159), четыре половинки узорчатыхъ бронзовыхъ браслетъ съ концами въ видѣ змѣиныхъ головокъ (2160—2163), двѣ серебряныя сережки (2164, 2165) и серебряное колечко, безъ снайки концовъ (2166).

IV. Четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлы, найденныхъ въ окрестностяхъ Модола (по словамъ г. Ольшевскаго; 2167—2170).

Черниговскіе курганы.

Въ окрестностяхъ города Чернигова, въ мѣстности, ограниченной рѣкою Десною и рѣчками Стриженемъ и Бѣлоусомъ, въ 1872 году было насчитано много болѣе пятисотъ мелкихъ кургановъ, сгруппированныхъ преимущественно въ рощѣ Троицкаго монастыря, на правомъ берегу рѣчки Стрижи и на лѣвомъ берегу рѣчки Бѣлоуса, у деревни Гуцино.

1. **Троицкая или Волжинская группа**,—у Троицкаго монастыря, на упоминаемой въ летописи Нестора Болдиной горѣ (съ сохранившеюся до сихъ поръ пещерою Св. Антонія и стоящею надъ нею церковью Св. Иліи), на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Десны; заключала въ себѣ до двухсотъ сохранившихся могильныхъ насыпей, поросшихъ лѣсомъ, имѣвшихъ отъ 15 до 40 аршинъ въ окружности основанія и отъ половины до трехъ аршинъ отвѣсной высоты.

2. **Стриженевская группа**,—при выѣздѣ изъ города Чернигова по улицѣ Голчяк, на правомъ берегу рѣки Стрижи, заключившая въ себѣ до ста могильныхъ насыпей, частью на выгонѣ, частью на недавно распаханномъ полѣ, подобныхъ курганамъ Троицкой группы.

3. **Гуцинская группа**,—у деревни Гуцино, на лѣвомъ возвышенномъ берегу рѣки Бѣлоуса, заключившая въ себѣ до 120 частей поросшихъ кустарникомъ, частью недавно распаханныхъ курганныхъ могилъ, подобныхъ могиламъ предыдущихъ группъ. Въ разстояніи четверти версты отъ Гуцинской группы кургановъ сохранилась городище древней, кругообразной формы, съ валомъ и рвомъ, недавно отвѣсное подлѣ христіанскаго кладбища.

Въ той же мѣстности были найдены много семь кургановъ, отличавшихся своею величиною, имѣвшихъ отъ шести до пятидесяти аршинъ отвѣсной высоты и отъ восьми-десяти до ста восьмидесяти аршинъ въ окружности основанія; четыре такихъ кургана помещались на Болдиной горѣ, одинъ изъ городѣ Черниговѣ, въ огородѣ Бѣдлагаго монастыря, одинъ на Ольговомъ полѣ и одинъ въ центрѣ Гуцинской группы кургановъ.

Сохранившеяся число кургановъ въ описанной мѣстности представляется собой только часть могилъ, составлявшихъ общественныя кладбища древнихъ обитателей Чернигова и

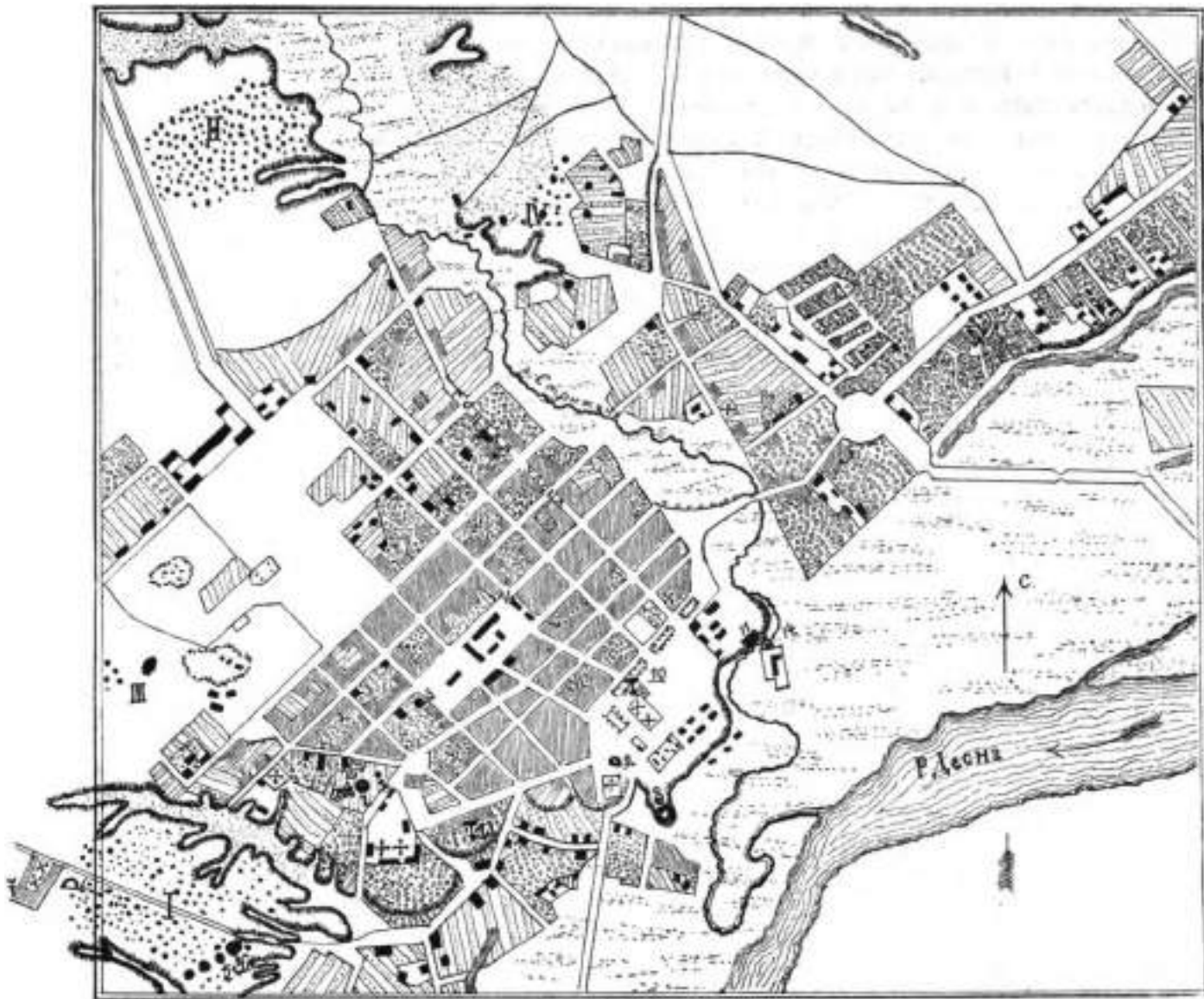

Рисунок № 27.

На вышесказанномъ планѣ города Чернигова обозначены мѣсто въ 1872 году Черная могила въ огородахъ Влцкаго монастыря (1), небольшой курганъ около Черной могилы (2), мѣсто близкаго кургана Княжны Черны (3), четыре большіе кургана на Болдыной горѣ (4, 5), Ильинская пещера на той-же горѣ (6), городище (8) и четыре группы кургановъ (I—IV), изъ которыхъ одна въ третьей группѣ, на Ольгавомъ Платѣ, больше другихъ (до 10 арш. в.) и имѣетъ особую, продолговатую форму; въсѣдствіи на томъ-же планѣ были обозначены: мѣсто прохода въ подземный ходъ на востокъ Спаскаго собора (9), мѣсто находки оловянкъ украшеній и каменной гробницы при захороненіи ямы для протоіерея Нучковскаго въ оградахъ Спаскаго Собора (10), мѣсто находки монеты съ серебряными украшениями у Каваринской перекрѣ (12), мѣсто находки жезла серебрянаго слѣдствія на берегу р. Стрижня (14) и мѣсто древняго грама, обнаруживающаго обвалы горы надъ р. Стрижнемъ (11). На планѣ верста = 2 дѣлимыя.

его ближайшаго пригорода (Гуцкаяское городище). Множество мелкихъ кургановъ было уничтожено уже на памяти мѣстныхъ старожиловъ, при обращеніи въ распашанныя поля выжоговъ и лѣсокъ, прилежавшихъ къ 3-ей сторонѣ Чернигова; много кургановъ было срыто при проведеніи дороги изъ Чернигова въ Троицкій монастырь, проложенной черезъ Болдыну гору, вблизи всего протяженія Троицкой группы кургановъ (около полуверсты);

часть той же группы кургановъ была уничтожена добытелями глины въ Бодливой горѣ и недавно образовавшимися глубокими и широкими оврагами. Более пятидесяти кургановъ Суржикинской группы, возвышавшихся на выгонѣ, были распаханы въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, а въ 1872 году представляли собою едва замѣтныя неровности на пахатѣ; большая половина Гущинской группы кургановъ, на памяти мѣстныхъ староженовъ, освобождена отъ покрывавшаго ее лѣса и обращена въ ровную пашню. Двѣнадцать кургановъ, сохранившихся въ кустарникѣ, надъ рѣкою Бѣлоусомъ, въ разстояніи одной версты отъ дутра г. Цѣнта на пути въ деревню Гущино, составляютъ остатокъ большой курганной группы, уничтоженной распахиваніемъ на памяти мѣстныхъ жителей. На ровномъ мѣстѣ Ольгономъ полѣ, на пространствѣ между бывшими курганами Гульбищамъ, Черной могилою и Казанью Черны, при возведеніи построекъ, прорытѣ канавы и добычкѣ глины, находить иногда человѣческія кости и древніе бытовые предметы, свидѣтельствующіе, что указанное поле было некогда покрыто пычскими могилками—курганами, уничтоженными распахиваніемъ. Повидному, все пространство (около 2 версты) между бывшею площадью города Чернигова, Влецкимъ и Троицкимъ монастырями было занято въ древности однимъ языческимъ кладбищемъ, только часть котораго составляли сохранившіеся до нашего времени Черная могила, небольшой курганъ у Черной могилы, во дворѣ дома, принадлежавшаго Влецкому монастырю, шесть кургановъ на Ольгономъ полѣ и курганы Троицкой группы.

При возведеніи построекъ, распахиваніи земель, проведеніи дорогъ, добычаніи глины, песку и проч., были уничтожены вѣроятно малые курганы, но и могильныя насыпи большой величины. Еще въ 1851 году въ чертѣ города Чернигова возвышалась часть большого кургана, подобнаго Черной могилѣ, а теперь отъ этого кургана никакихъ слѣдовъ не осталось: о раскопкѣ его сохранилась слѣдующая замѣтка А. А. Рихельмана¹⁾:

„Во дворѣ Ремесленного училища, бывшаго на одной линіи съ ижеѣнскими домою купца Цѣнта, на Красной площади въ Черниговѣ еще въ первыхъ годахъ нашего столѣтія стоялъ высокий курганъ, подобный могилѣ Черной. Для удобнѣйшаго размѣщенія разныхъ частей училища, послѣдовало распоряженіе срыть этотъ курганъ. Находясь при училищѣ неимчивалемаго его, я имѣлъ возможность, когда приступили къ работѣ, наблюдать, не откроется ли какойнибудь слѣдъ древности въ этой насыпи. Надежда моя не обманула. При самой наполнѣ кургана показались груды человѣческихъ костей, безъ признавать гробовъ, какъ бы общія могилы пашихъ въ бож. или погребшихъ отъ заразы. На половинѣ высоты кургана открылся толстый (въ аршинѣ) слой угля, въ которомъ открыли кусокъ особенной массы, подобной смолѣ, смѣшанной съ пескомъ. По очищеніи, нашли въ немъ жемчужныя кольца панциря, и лодъ нѣмца ребра человѣческаго остова; вслѣдъ затѣмъ выкопавъ точно такой же кусокъ той же самой массы и также съ кольцами кольчуги и человѣческими ребрами; потомъ открыли небольшой мѣдный сосудъ, въ родѣ котурки безъ ручки, въ четверть аршина въ діаметрѣ, закрытый со всѣхъ сторонъ, съ вырѣзанымъ на плоской его поверхности отверстіемъ, въ видѣ полушарія; еще откопали серебряную (чистаго серебра) обѣлку большого рожка, съ рѣзьбой и съ черною.—гладкой и тонкой работы, узкій конецъ ея былъ сдѣланъ въ видѣ орлиной головки; нѣсколько серебряныхъ медвѣжьи монеты привезли мѣхъ паломанными уже работниками, которыхъ удивляла необыкновенная ихъ тонкость. Къ сожалѣнію, больше ничего не могу припомнить объ этихъ рѣдкостяхъ. У меня шло въ то время Баронъ Сердобинъ, чиновникъ тогдашняго Генералъ-Губернатора, князя Куракіна. Сердобинъ умеръ, въ нѣбольшой срокъ о судьбѣ нашихъ находокъ. Прибавлю къ тому, что дальнѣйшая работа была сдѣлана впоследствии, безъ меня, а въ то время приоставлена“.

¹⁾ См. Черниг. Губернск. Вѣдомости за 1851 г., № 26, стр. 237; за 1852 г., № 44, с. 489.

По догадкѣ автора (Маркова?) брошюры „о достопамятностяхъ Чернигова“, въ Черниговскихъ курганахъ были погребены убитые Татарями въ 1240 г.¹⁾

Поэтическое сказаніе, основанное на народномъ преданіи, помѣщенное въ статьѣ Сергія Котлярова „О городѣ Черниговѣ“, подъ рубрикою „Преданія о курганахъ“, относитъ происхожденіе черниговскихъ кургановъ къ временамъ славяно-русскаго язычества. По смыслу этого преданія, „и теперь еще живущаго въ городѣ“, Чернигом могла быть населена надъ прахомъ свѣрянскаго князя Чернаго, основателя города Чернигова, дядиному этому городу его кнзаваніе. Курганы князя Чернаго были населены надъ прахомъ дочери Чернаго князя, княгини Черны, бросавшейся надъ окна своего терема и убивавшей во время осады Чернигова древянскими княземъ, кнзавившимся красотою княжны Ч.

Многъ раскопки въ городѣ Черниговѣ и его окрестностяхъ были произведены въ 1872, 1873 и 1876 г.г. Раскопаны были сто двадцать семь мелкихъ кургановъ, сто шесть въ Троицкой группѣ, одиннадцать въ Стриженевской, десять въ Гущинской, и четыре большахъ кургана, безымянный въ центрѣ Гущинской группы, Гудьбище и безымянный въ Троицкой группѣ, на Болдинои горѣ, и Черная могила въ городѣ Черниговѣ.

Результаты раскопокъ.

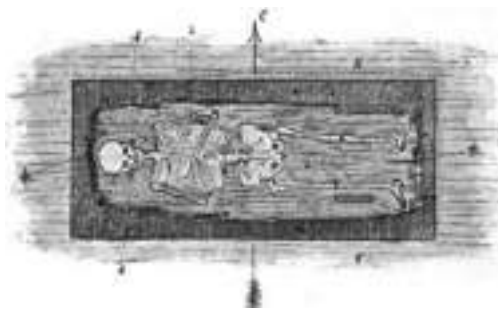
Курганы съ костяками.

Мелкіе курганы всѣхъ группъ однородны по устройству и содержанію. Раскопки подъ №№ 58 и 59 изображаютъ могилу и положеніе погребенна въ такихъ курганахъ.

Рисунокъ № 58.

а) насыпь кургана, могильная яма и костякъ на днѣ могилы, б) глиняный материалъ.

Рисунокъ № 59.

а) могильная яма; б) глиняный материалъ; в) ушные кольца; г) положеніе руки; д) положеніе ногъ; е) скелетъ гроба и дна гроба.

Курганы прикрываются собою могильными ямами, подобными христіанскимъ могильнямъ, нынѣшны въ материкѣ на глубину отъ одного до трехъ аршинъ, съ человѣческими костяками безъ украшеній и съ бѣлыми украшеніями, состоящими изъ кожановъ, сережекъ, бусъ,

¹⁾ Въ сказанной брошюрѣ, подъ рубрикою „О известіяхъ могильныхъ кургановъ въ западной сторонѣ Чернигова“, авторъ говоритъ: „Поеленку во всѣ нападенія на Черниговъ во время междоусобія русскихъ князей большаго вреда не было... то и полагать должно, что тѣ курганы произведены отъ нашествія Татаръ въ 1240 году.“

²⁾ Чер. Губ. Вѣд. за 1851 годъ; № 26, стр. 237—239.

прикрасок, коронь, пряжки, медяки пуговки и позументных ленточек. Почти во всех могилах сохранялись следы разломившихся гробов из досок, а в некоторых в качестве желённых гвоздей, скреплявшие доски гробов. Мертвых клали в могилы лицом вверх, на спину, а руки складывали кистями на груди, откуда они, по разложению тела, давлению земли часто сдвигуты на живот. Украшения найдены в 18 могилах.

Троицкая группа.

Курганъ № I. На Болыной горѣ, восток кургана Гульбище; в. 2, ок. 35 арш. Могильная яма въ глиняномъ материкѣ, подобная христіанскимъ, 3 арш. ш. 1¹/₂ арш. дл. и 2¹/₂ арш. гл.; на днѣ ямы слѣды сгнившаго досчатого гроба съ двумя оклепками желѣзными гвоздями, которыми были прибиты крышка гроба, и взрослый костякъ, головою на З., туловищемъ на спину, руки сложены кистями на груди; у головы,—два проволочныхъ серебряныхъ кольца, безъ спайки концовъ (213,—3048), одна стеклянная позолоченная буса и одна сердоликовая грановая буса (3050); на правой рукѣ,—бронзовое глухое кольцо (3051).

Курганъ № II; в. 1¹/₂, ок. около 30 арш. Могильная яма въ 1¹/₂ арш. гл.; на днѣ,—слѣды сгнившаго гроба и дѣтскій костякъ, головою на З., рука на груди; въ туловищѣ,—бронзовая пряжка (3052), а на пальцахъ,—2 серебряныхъ кольца, безъ спайки концовъ (3053, 3054).

Курганъ № III, въ средней части группы; в. 2¹/₂, ок. 35 арш.; въ могильной ямѣ 3 арш. гл.—слѣды разломившагося гроба, а въ немъ,—костякъ, головою на З., кисти рукъ въ нижней части живота; на туловищѣ,—бронзовая пряжка (3055) и массивное бронзовое кольцо (3056).

Курганъ № IV; в. 3 арш., ок. около 40 арш. Въ могильной ямѣ 2¹/₂ арш. глубины,—слѣды гроба, два оклепныхъ желѣзныхъ гвоздя; костякъ головою на З., кисти рукъ на животѣ; у головы,—два сережки изъ серебряной проволоки съ тремя серебряными ягдоловидными подвѣсками (3057) и серебряная узорчатая позолоченная подвѣска формы полумѣсяца (3058); на правой рукѣ,—кольцо изъ спрученной серебряной проволоки, безъ спайки концовъ (3059); на лѣвой рукѣ,—глухое кольцо изъ серебряной проволоки (3060); у лѣваго бока,—оклепной желѣзный ножикъ (3061).

Курганъ № V; болная пещеры св. Антонія; в. 1¹/₂ арш., ок. 25 арш. Могильная яма въ аршинъ глубины съ дѣтскимъ, очень разломившимся костякомъ, головою на З.; у нижней челюсти,—узорчатая серебряная привѣска формы полумѣсяца (3062) и четыре стеклянные позолоченныя бусы (3063).

Курганъ № VI; болная дороги, ведущей изъ Чернигова въ Троицкій монастырь, ямѣ обрытою; в. 2¹/₄ арш., ок. 35 арш. Въ могильной ямѣ около аршина глубины.—слѣды двухъ гробовъ,—два костяка головою на З., кисти рукъ одного на груди, а другого въ нижней части живота; на ногахъ первого,—остатки кожаной обуви, обитой спереди бронзовой проволокой (3064); а у головы второго,—глиняная мисочка (3065).

Курганъ № VII; в. 1¹/₂ арш., ок. 20 арш. Въ могильной ямѣ въ пять четвертей глубины,—дѣтскій костякъ, головою на З.; у головы,—круглая сердоликовая буса (3066), серебряное колечко, безъ спайки концовъ (3067) и серебряная сережка (3068).

Курганъ № VIII; съ правой стороны дороги, ведущей изъ Чернигова въ Троицкій монастырь; в. 2 арш., ок. около 30 арш. Въ могильной ямѣ около 2 арш. гл.—дѣтскій костякъ, на сгнившемъ гробѣ, головою на З., кисти рукъ на груди; у головы,—два серебряныя сережки съ круглыми сердоликовыми бусами (3069, 3070); на пальцахъ лѣвой кисти,—золотое колечко (3071).

Курганъ № IX; подобный предыдущему, съ дѣтскимъ костякомъ; у головы,—кусочекъ велеваго сукна и ленточка, шитая шелкомъ и золотомъ (3072, 3073).

Курганы № X; надъ оврагомъ, въ которомъ добывается глина; в. 3 арш., ок. около 40 арш. Въ могильной ямѣ около 2 арш. гл.—слѣды египетскаго гроба, два окисливыхъ гвоздя; парасельскій остовъ, головой на З., кисти рукъ въ нижней части живота; на туловищѣ.—железное кольцо и кривой ножъ или кинжалъ (3074, 3075).

Курганы № XI; вблизи Троицкаго монастыря; в. 2½ арш. ок. 30 арш. Въ материкѣ, на глубинѣ 2 арш.—костякъ, головой на западъ; подъ нижней челюстью.—кусочекъ золотого позумента и маленькая бронзовая пуговка (3076, 3077); на срежней части туловища,—кольцо, сдвинутое изъ серебряныхъ проволокъ (3078).

Курганы № XII; расплавленный. Въ материкѣ, на глубинѣ 5 четвертей,—костякъ головой на З., руки на груди; при немъ, у головы,—два маленькихъ серебряныхъ колечка, безъ спайки концовъ, и два металлическихъ бусы (3079, 3080); на груди, у нижней челюсти,—кусочекъ золотого позумента (3081) и маленькая бронзовая пуговка (3082); на туловищѣ.—кольцо изъ бронзовой проволоки, безъ спайки концовъ (3083).

Курганы № XIII; расплавленный. На глубинѣ 2 арш.—слѣды гроба, парасельскій остовъ головой на З., руки на груди; у лѣваго бока.—железный ножъ (3084); вошь нижней челюсти, на груди,—кусочекъ золотой парчи (3085) и маленькая бронзовая пуговка (3086); у ноги.—железный гвоздеобразный предметъ (3087).

Стрижковская группа.

Курганы № XIV; на правомъ берегу р. Стрижня, на выгонѣ; в. 2½, ок. 30 арш. Въ материкѣ,—железная лопатка (214,—3088); въ могильной ямѣ 2½ арш. гл.—слѣды гроба, окисливъ гвоздь и костякъ, головой на З., кисти рукъ на груди; у головы.—серебряное колечко, безъ спайки концовъ, и серебряная сережка съ тремя раскрывшимися серебряными бусами (3089); на груди, у нижней челюсти.—два маленькихъ бронзовыхъ пуговицы (3090); на лѣвой рукѣ.—прювольчатое серебряное кольцо (3090).

Курганы № XV; расплавленный. Могильная яма въ 1½ арш. гл., а въ ней, при дѣтскомъ остовѣ, у головы,—кусочекъ золотого позумента и два стеклянныя колоколенныя бусы (3092,—3094).

Гущинская группа.

Курганы № XVI; съ правой стороны дороги, ведущей изъ Троицкаго монастыря въ деревню Гущино, въ кустарникѣ; в. 2, ок. около 25 арш. Въ могильной ямѣ 2 арш. гл.—костякъ, головой на З., кисти рукъ въ нижней части живота; на груди, у нижней челюсти,—стелкавая ленточка (3095), ленточка изъ золотого позумента и маленькая бронзовая пуговка (3096).

Курганы № XVII; в. 2½, ок. 30 арш. Въ могильной ямѣ 2 арш. гл.—слѣды разложившагося гроба, два окисливыхъ гвоздя, костякъ головой на З., кисти рукъ на груди; у нижней челюсти.—два бронзовыхъ пуговицы (3097).

Курганы № XVIII, расплавленный, съ лѣвой стороны дороги изъ Троицкаго монастыря въ деревню Гущино. Въ могильной ямѣ 2½ арш. гл.—слѣды разложившагося восточнаго бронзового пуговицы и железная кляпа (3098, 3099).

Большой курганъ Гущинской группы.

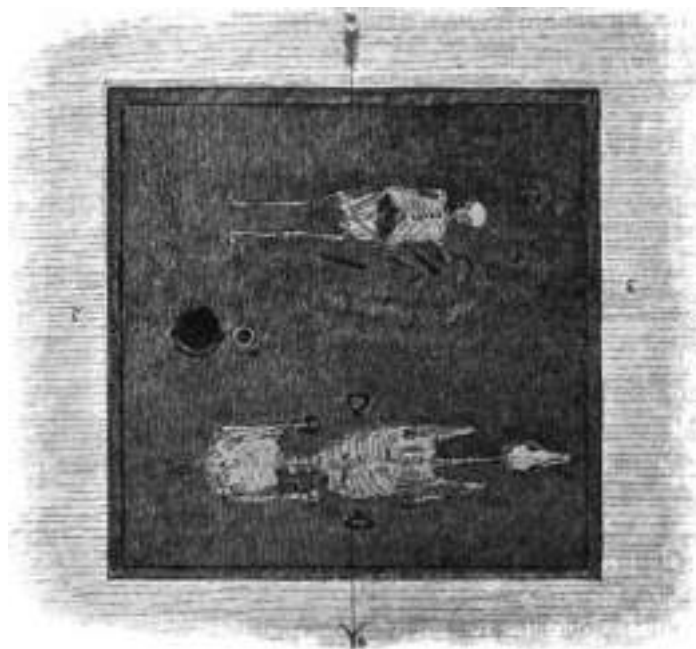
Среди мелкихъ кургановъ Гущинской группы, лишь свазало, включившей въ себя до 129 насыпей, частью поросшихъ кустарникомъ, частью расплавленныхъ, возвышающагося кургана, имѣвшій 6 арш. отвѣсной высоты и до 80 арш. въ окружности основанія, объединенный вземъ въ 4 арш. ширины и 1½ арш. глубины. Курганы этотъ былъ срытъ на половину

высоты, а затѣмъ прорыть колодезь до материка, на которомъ была обнаружена могильная яма, насыпанная землею, около 4 арш. въ квадратѣ. Рис. №№ 60 и 61 изображаютъ вертикальный разрѣзъ кургана и дно могилы.

а) выемка почвы и могильная яма съ лопаточникомъ и черепѣчскими костями, б) глиняный материалъ.

Рисунокъ № 60.

б) глиняный материалъ, в) могильная яма, и ч.) востанокъ человѣческой, к. л.) востанокъ лошадиный, у) срубъ гробницы, г—ш бытовые предметы.

Рисунокъ № 61.

На стѣнкахъ ямы были замѣтны слѣды забрусника, —разложившагося дерева, а на днѣ ея, на четвертомъ аршинѣ отъ поверхности, открыты два костяка, —лошадиный и человѣческой, образцовые находки на В. Лопатъ была найдена въ стѣнной полоннѣ могильной ямы, съ вытянутой впередъ мордой, въ направленіи на В. хребтомъ вверхъ, на животѣ, конечности подогнуты подъ туловище съ уздечкою, отъ которой сохранилось только желѣзное удило между челюстями (215.—3100), и сѣнцомъ, отъ котораго сохранились, по бокамъ туловища, желѣзные стремена и пряжки (3101.—3103). Между лошадинымъ и человѣческимъ костяками найдены глиняный горшочекъ (№ 3121), украшенный въ верхней части ободкомъ изъ кривой лентъ, и остатки деревяннаго вѣсла съ желѣзными обручами и скръпками (3104, 3106). Остоловъ человѣческой помѣщался въ южной половинѣ могилы, головою на В., лицомъ вверхъ, туловище на сплнѣ, кисти рукъ на животѣ, ноги вытянуты; при немъ найдены: у головы, —кусочки дерева со слѣдами на немъ перстляной ткани и кусочкомъ кожи (3107); у лѣвой ладонной кости, —желѣзный серпъ (216.—3108); у лѣваго бока, —желѣзные орудия, кресало, топоръ, ножи, наконечникъ осыловъ и кремни (3109 —

3113); у левого бедра.—желѣзный наконечник копья (3114); на груди,—пять бронзовых пуговиц (3115); на туловище,—слѣды разложившейся кожи (3116) и рядъ бронзовых бляшекъ, изъ которыхъ сохранилось только четыре: двѣ продолговатыя, съ выемкою внизу, одна квадратная узорчатая, и одна, изображавшая переднюю часть морды животного (3117—3120).

Курганы съ вострищами.

№ 1. Гульбище. Съ лѣвой стороны дороги изъ Чернигова въ Троицкій монастырь, на самомъ высочайшъ пунктѣ Болдиней горы, известномъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Гульбища, т. е. мѣста вараднаго гулянья. При обыкновенной конусообразной формѣ, съ основаниемъ въ 135 арш. въ окружности и 12 арш. стѣпной высоты, курганъ этотъ былъ обведенъ ровомъ, ширинимъ 8 арш. ширины и до 4 арш. глубины; ровъ въ трехъ мѣстахъ, развѣтвляющійся другъ отъ друга, прерывался и оставялъ какъ бы входы на вершину насыпи, называвшуюся площадкомъ, шириней около 30 арш. въ окружности, съ углубленіемъ посрединѣ. Прибывшій сюда при раскопкѣ мѣстный старожилъ объяснилъ, что дѣтъ 20 тому назадъ углубленія на вершинѣ кургана не было, а на его мѣстѣ были видны слои кирпича, выходящаго изъ фундамента Троицкаго монастыря, устроеннаго на курганѣ бесѣдку, состоявшую изъ земляныхъ стамесекъ. Раскопанъ въ 1872 году срубъ на вершинѣ насыпи и прорытъ колодезь до материка 10 арш. въ діаметрѣ съ прорѣзомъ восточной стѣны.

Въ самомъ центрѣ насыпи, на глубинѣ шестого аршина, открыта окислая и обугленная металлическая масса, въ размѣрѣ 1½ арш. д. и около арш. ш., которая, при подемѣ ея, распалась на куски; то были дѣйствиельно окиси соединенныя въ общую массу слѣдующіе предметы:

1. Желѣзный шлемъ съ тупымъ шишакомъ сверху и шлемою бляшкою спереди формою полукруга, слитый нижними краями съ окисленою желѣзною кальцугой (№ 3122, 3123).

2. Панцирь изъ желѣзныхъ колецъ, распавшійся на куски, дѣйствиельно окиси соединенный съ разными предметами; на одномъ кускѣ, на наружной сторонѣ, видна средняя часть лезвья широкаго желѣзнаго меча и часть, повидимому, желѣзнаго дротика, а на внутренней сторонѣ,—желѣзныя наконечникъ копья (3124); на другомъ кускѣ замѣтны наконечникъ стрѣлы, гвоздь, топоръ, стрема, удила и какой-то бронзовый предметъ (3125); на третьемъ,—отпечатокъ бронзовой основы щита, съ обломкомъ ручки (3126); на нѣкоторыхъ кускахъ видны уголь и ожженныя кости (3127). Дѣйствиельно окиси и окиси желѣза панциря слиты въ общую массу, такъ что ихъ величина, форма и система соединенія замѣтны только на части внутренней складки панциря (3128; 317.—3129, 3130).

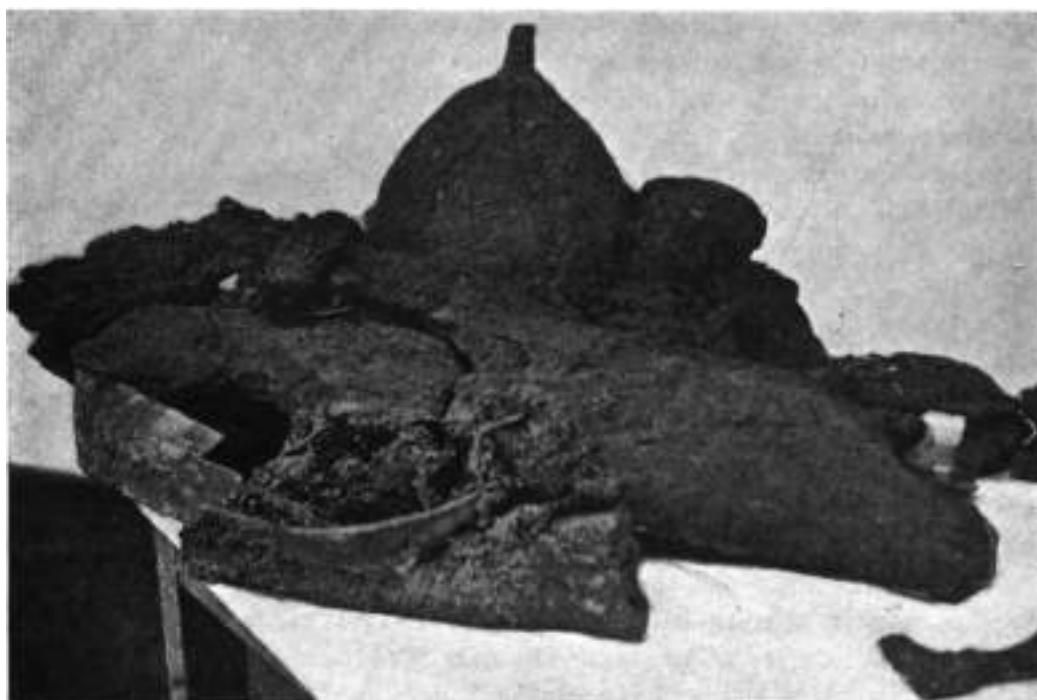
3. Круглая бронзовая бляха двухъ четвертей въ діаметрѣ, съ загнутымъ мяскастымъ краемъ верхней половины, со слѣдами бывшаго ручки на внутренней поверхности, составлявшая основу щита, украшеннаго серебромъ, сохранившимся въ видѣ многочисленныхъ слитковъ различной величины, прилипавшихъ къ поверхности бронзовой бляхи (№ 3131; 217.—3146; 218.—3147).

4. Желѣзный прямой обоюдоострый мечъ, около сама четвертой д., съ массивною рукою, богато украшенною серебряною насѣчкою и камнями. Форма и величина были ясно видны при раскопкѣ, но снять его въ цѣлости было невозможно, такъ какъ нижняя половина разломилась настолько, что представляла собою только окислую желѣзную пластинку, разваливающуюся при снятіи на малые куски (218.—3132-3134; 3137); желѣзный наконечникъ копья съ прихвѣтливой къ нему желѣзною пряжкой (3138); желѣзный широкий наконечникъ стрѣлы съ прихвѣтливой къ нему ушкомъ (3139); бронзовый, украшенный рыбьей, наконечникъ пошеи кляжа или меча (3140); желѣзные удила и двѣ пары стремени, съ прихвѣтливими къ нимъ углами и перожженными костями (217.—3142; 219.—3141-3144).

5. Непосредственно под сказанной желѣзной массой, состоящей изъ предметовъ вооруженія, оружія и сбруи, открыты желѣзные сосуды, съ боковою ручкой, заключающей въ себя уголь, жженныя бараньи кости, шерсть барана и скорлупы куриныхъ яицъ. Сосудъ этотъ, имѣвшій около двухъ четвертей въ диаметръ, оникъ и распался на куски (228,—3148, 3150).

Уголь, жала, жженныя кости, серебряныя слитки, принадлежавшіе къ перечисленнымъ предметамъ вооруженія, оружія и сбруи показываютъ, что эти предметы были подвергнуты сильному огню; но земля подъ ними и вокругъ нихъ не была прожжена; следовательно, сожженіе сказанныхъ предметовъ было произведено не въ центрѣ кургана, гдѣ они найдены, а въ другомъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, на кострѣ, остатки котораго открыты нами въ томъ же курганѣ.

Рисунокъ № 62 изображаетъ слившееся въ общую массу вооруженіе и оружіе кургана Гудьбища, фотографированную на мѣстѣ раскопки, еще не охищенную, къ которой относятся: сломанная масса кольчуги, покрытая ониксомъ, шлемъ съ туннымъ перьякомъ, мечъ воиновъ шлема и часть бронзовой основы щита.

Рисунокъ № 62.

На десятку аршинъ отъ вершины насыпи открыто кострище, на котомъ остались кости, въ видѣ слоя угля, золы и пережженныхъ костей; занимавшее кругообразное пространство, около десяти арш. въ диаметръ, имѣвшее въ центрѣ болѣе пяти верш. толщины, а по мѣрѣ приближенія къ краямъ становившагося постепенно тоньше и, наконецъ, терявшагося въ обожженномъ до кирпичнаго цвѣта слой жмак. При изслѣдованіи сказаннаго кострища найдены слѣдующіе предметы: саманидскій дирхемъ конца IX вѣка (217,—3151); желѣзные топоры-молотокъ (3152), кресало-огниво (3153), ножки, каменный оселокъ (3154, 3155); обугленная зерня ржи и ячменя или пшееницы (3156), желѣзная острѣ, охель разломившаяся и распавшаяся на мелкие куски; оникшіе разные предметы: скръьни, дужки и обручи вѣсель и боченковъ, гвозди и пр. (217,—3157, 3158; 220,—3159,—3161; 221,—3162—3180); 46 бусъ различнаго состава (222,—3181, 3182); 15 металлическихъ куговковъ различной величины, изъ которыхъ одна золотая (3183), 10 серебряныхъ (3184—3188) и четыре бронзовыхъ (3189); бронзовые 2 бубенчика (3191), кольцо (3192) и 2 пряжки

(3193, 3194): 24 серебряныя бляшки отъ пояса, украшенныя рѣзбою и позолотомъ (3195, 3196); обломки костяной гребенки, украшенной рѣзбою (3197); 11 костяныхъ пуговицъ, продырявленныхъ въ срединѣ и украшенныхъ рѣзбою разныхъ рисункомъ (3198—3200); 8 косточекъ, украшенныхъ рѣзбою, пемзѣтнаго плазачеви (3201—3205), изъ которыхъ одна имѣетъ форму пера, украшеннаго рѣзнымъ рисункомъ и рельефнымъ рѣзнымъ изображеніемъ лошадиной головы, другая изображаетъ шukoобразную рыбу, третья формы лещеобразной рыбы, двѣ формы перьевъ, украшенныхъ рѣзными рисунками, остальные— неясные фрагменты; 40 массивныхъ серебряныхъ бляхъ, орнаментированныхъ различными рисунками и позолотой (323.—3206—3225); болѣе двухъ сотъ различной величины серебряныхъ слитковъ и болѣе пятидесяти бронзовыхъ и стекляныхъ слитковъ отъ расплавившихся предметовъ (324.—3226—3234), фрагменты обугленныхъ костей человѣческихъ, лошадиныхъ, бычьихъ, собачьихъ, птичьихъ и рыбьихъ.

Въ насыпи кургана яже кострица, прорытой колодезь до глинянаго материка, никакихъ предметовъ не было найдено.

Курганы № II. Великиицкіи. На Болдиной горѣ, въ разстояніи десяти сажней отъ кургана Гульбище по направленію къ Троицкому монастырю; по внѣшней формѣ насыль сходна съ курганомъ Гульбище, но безъ площадки на вершинѣ; выс. 10, окр. основ. около 100 арш.; обводный ровъ 6 арш. ш. и 2½ арш. гл. Раскопанъ въ 1872 году. Насыль срубана на половину высоты, а затѣмъ прорытъ широкимъ колодезь до глинянаго материка, найденнаго нарушеннымъ. На восьмомъ аршинѣ отъ вершины насыли открыты кострица, подобная кострицу кургана Гульбище, представлявшая собою слой угля, золы и пережженныхъ костей, лежавшій на прожженомъ до кирпичнаго цвѣта слоеъ земли. Въ кострицѣ, при его исследованіи, найдены слѣдующіе предметы: обугленная холстина, сложенная въ нѣсколько рядовъ или складокъ (325.—3233), нажеженный осколокъ, продырявленный на угловатомъ концѣ (3236), бронзовые: три бубелчика, пуговица (3237—3239), узорчатая бляшка (3240, 3241), колечко (3242), обломокъ кости, украшенной рѣзбою (3243), обломокъ рѣзаной косточки, украшавшей костяную гребенку (3244), жемчужные топоры, волыны, удила, пряжки серги, обручи отъ ведеръ и другіе предметы, совершенно окисшіе и, при святіи, распавшіеся на малые куски, нѣсколько мелкихъ серебряныхъ, бронзовыхъ и стекляныхъ слитковъ.

На пережженныхъ костяхъ и на углѣ были видны слѣды совершенно разложившихся бронзовыхъ и серебряныхъ предметовъ.

Курганы № III. Черная могила. Въ самомъ городѣ Черниговѣ, въ отгородѣ Елецкаго монастыря, на правомъ углу улицы, ведущей отъ базарной площади къ Елецкому монастырю; съ С-ой и В-ой сторонъ къ подешіи насыли примыкали строения Троицкаго и Елецкаго монастырей, а съ Ю-ой и Э-ой сторонъ ее окружалъ огородъ Елецкаго монастыря. По внѣшней формѣ насыль Черной могилы была очень сходна съ курганомъ Гульбище, но большихъ размѣровъ: форма, — усѣченный конусъ съ основаніемъ въ 180 арш. въ окр., отъ выс. 15 арш., площадка на верху 46 арш. въ окружности. Не смотря на долговременную распашку прилегавшей къ кургану почвы, съ Ю-ой и Э-ой сторонъ его еще явственно были замѣтны обводный ровъ около 10 арш. ширины.

Раскопка Черной могилы начата въ октябрѣ 1872 года, а окончена въ августѣ 1873 г. Срубана вершина насыли, а затѣмъ прорытъ колодезь, въ размѣрѣ 30 арш. въ діаметрѣ, съ прорѣзомъ западной полы (см. рис. 43—53).

Когда на вершинѣ кургана была снята дерновая слой, то надъ центромъ насыли были обнаружены четыре квадрата кирпичей, лежащихъ одинъ на другомъ; стороны нижняго квадрата 4, а перваго 2 арш. Кирпичи, связанные кирпичнымъ известковымъ растворомъ, имѣли 2½ четв. д. и одну четв. ш., съ продольными бороздками на одной сторонѣ, — совершенно сходны съ такими же кирпичами стѣнъ древняго Спасскаго собора въ Черниговѣ и фундамента древней церкви, открытаго на правомъ высокомъ берегу рѣчки Стрижня, въ

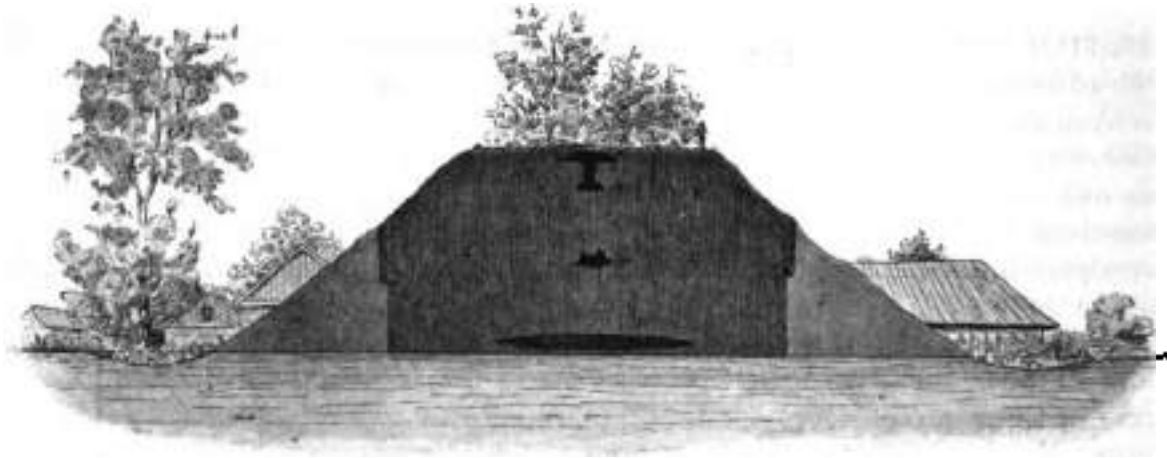

Рисунок № 63.

Рисунок № 64.

возле дома Реального училища. В центр этого кирпичного сооружения, впрочем, бывшего фундаментом памятника, обнаружено отверстие двух четвертей в квадрате, под которыми ниже кирпичного фундамента, надъ центром насыпи, сохранились остатки дубового столба, установленного на мелкомъ битомъ кирпичѣ, по его составу, совершенно сходномъ съ кирпичемъ фундамента. Сохранившаяся часть столба, при двухъ четвертяхъ ширины, занимала яму въ 1½ арш. глубины (рис. 63). В верхнемъ слое насыпи встречены фрагменты простыхъ глиняныхъ сосудовъ, нѣсколько костей разныхъ животныхъ, рѣзная косточка около вершка длины, продырявленная въ срединѣ (3226.—3245) и два обломка стеклянаго браслета съ желтыми полосами (3246). Ниже основанія вышесказаннаго дубоваго столба, на 5½ арш., въ самомъ центрѣ кургана, были открыты окисленныя металлическая масса (рис. 64), при снятіи ея, распавшаяся на части. Въ этой массѣ обнаружены слѣдующіе предметы.

1. Два желѣзныхъ шлема, изъ которыхъ одинъ окованъ мѣдною бронзою, по формѣ сходныхъ со шлемомъ изъ кургана Гульбище (3247—3250).

2. Два желѣзные кольчуги, подобныя кольчугѣ изъ кургана Гульбище (№ 3251—3260); на нѣкоторыхъ фрагментахъ распавшейся кольчужной массы видны форма, величина и система соединенія желѣзныхъ колець (227.—3261—3264); на другихъ фрагментахъ, рядомъ съ желѣзными кольцами, видны мѣдные кольца (3265); на нижней сторонѣ нѣкоторыхъ кусковъ, сохранились отпечатки, ткань, шерсть и кости барана (3266, 3267, 3268).

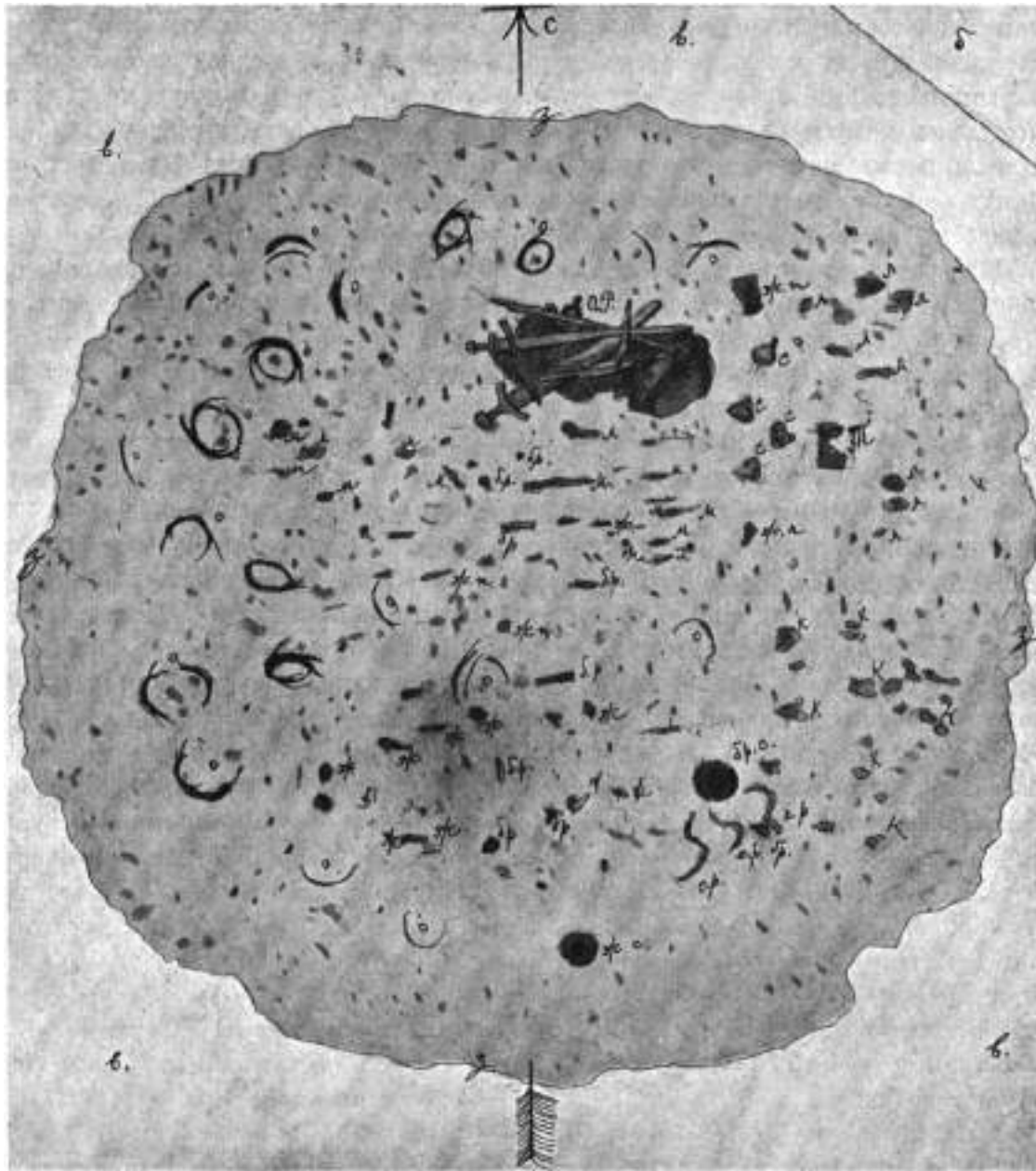

Рисунок № 64.

3. Два длинных кожядных облоострых предмета (3268—3270).

4. Бронзовая статуэтка, около двух дюймов высоты, изображающая человека — божка, сидящего на корточках, со сложными изгибами рук (Будда? 228.—3271).

5. Турій рогъ (кубокъ), 12-ти верш. длины, окованный съ широкаго конца серебряной позолоченной бляхой, украшенной по золотому фону краснымъ рванымъ узоромъ подъ чернью; в средней части одного изъ боковъ рога, — ромбовидная серебряная позолоченная бляха, украшенная по золотому фону рванымъ узоромъ подъ чернью, подобнымъ узору вышесказанной бляхи, окаймляющей рогъ съ широкаго конца; бляхи прикрѣплены къ рогу посредствомъ серебряныхъ гвоздиковъ (№ 3272—3274).

6. Турій рогъ (кубокъ), подобный предыдущему, но шире его и длиннѣе, до 15 верш. длины, окованный съ широкаго конца серебряною позолоченною бляхою, украшенною сверху накладными серебряными узорчатыми бляхами, по срединѣ — изображеніями, а внизу — узорчатою каймою подъ чернью. Узоръ верхнихъ бляшекъ представляетъ серебряную кярустацію

различныхъ знаковъ подъ чернью, на золотомъ фонѣ; нижняя кайма украшена рѣзнымъ узоромъ, подобнымъ узору на первомъ рогѣ; формы фигуръ средней части, изображающихъ охотниковъ въ бронѣ, стрѣляющихъ изъ луковъ, собакъ, падающую птицу, кричащаго пѣтуха съ поднятыми крыльями и фантастическихъ грифозъ, выгискуты на бляхѣ рельефомъ, а одежда фигуръ и ихъ украшенія вырѣзаны на рельефакъ. На средней части одного изъ боковъ рога сохранились фрагменты ромбовидной серебряной позолоченной бляхи, украшенной по золотому фону рѣзнымъ узоромъ подъ чернью (3275—3278).

7. Двѣ золотыя византийскія монеты, на одной изъ сторонъ которыхъ изображенія двухъ византийскихъ императоровъ-соправителей съ надписью *Basilio et Constant. Aug.*, а на другой сторонѣ *† Jis Xp̄s rex regnantium* (3278, 3280).

Подъ описанною массою прожженного и окисшаго вооруженія, какъ въ курганѣ Гудьбицѣ, открыты фрагменты желѣзнаго сосуда съ костями барана (231,—3296).

Низко перечисленныхъ предметовъ на 5 арш., на прожженомъ до кирпичнаго цвѣта слоеъ пясника, открыто облитрое кострище (рис. 65), около 15 арш. въ діаметрѣ, состоящее изъ слоя угля, золи и пережженныхъ костей человѣка и разныхъ животныхъ (231,—2228, 2300), имѣвшаго въ центрѣ около двухъ четвертей толщины и постепенно утончавшагося къ краямъ, а по концамъ терявшагося въ обожженую слоеъ земли. При изслѣдованіи этого кострища найдены слѣдующіе предметы: половина (отрубокъ) золотой византийской монеты, съ изображеніемъ на одной сторонѣ императора-соправителя и надписью *Котан. Aug.*, а на другой,—половина биста Спасителя и надпись *regnantium* (228,—3281); окисшая желѣзная масса, при сжиганіи, распавшаяся на части, изъ которой различаются: дротикъ (229,—3282, 3283), два меча (3284, 3285, 3286, 3287), два копья (3288, 3289), шашка или сабля (3290), два ножа (3291, 3292), кольчуга (3293), шпора (3294) и стремяна (3295, 3296); обугленные фрагменты бронзовыхъ бляхъ, подобныхъ бронзовой основѣ цита, открытой въ курганѣ Гудьбицѣ (230,—3297); желѣзные гвозди, скрѣпы, обручи и дужки отъ ведеръ и боченковъ равной величины (231,—3301-3307; 232,—332; 3308, 3309); фрагменты желѣзнаго сосуда, съ боковымъ ушкомъ, на одномъ изъ которыхъ видна часть прикипѣвшей къ желѣзу части какого-то животнаго (3310—3313); фрагменты бронзоваго сосуда, наполненнаго углемъ (3314—3316); три каменные оселка (233,—3317-3319), конецъ одного изъ которыхъ обтянутъ серебряною проволоочною бляшкою съ серебрянымъ кольцомъ (3320); желѣзные: 5 позынокъ съ рѣзными костяными ручками (3321—3327), 12 наковечниковъ стрѣлъ равной формы (3328—3340), 10 наковечниковъ копій, окисшіе кольца и другіе предметы (234,—3341-3347; 235, 236,—3348-3357, 3368 и 3369), 2 стремяна (236,—3358, 3359), подковообразный предметъ (3360, 3361), кольцо (3362), удила (3363); 3 желѣзныхъ и одна бронзовая бляхи или скрѣпы треугольной формы, съ острыми загнутыми концами (3364—3367); до 10 серповъ, окисшихъ до такой степени, что при сжиганіи крепились на мелкіе куски, терявшие свою форму, которая была ясно видна въ гдѣздахъ (237,—3370); обугленные хлѣбныя зерна (3371); желѣзные: три ключа (3372—3374), проточка, заостренная съ одной стороны и загнутая ушкомъ съ другой (3375), предметъ неяснаго назначенія (3376), замокъ съ бронзовою пластинкою въ срединѣ (3377), топоръ (3378), долото (3379), 2 продолговатыхъ предмета съ желобками на углицеобразной сторонѣ, формы шарнировъ (3380, 3381); 3 серебряныхъ кольца—серезки съ расплавленными стеклянными бусами—подвѣсками (238,—3382); 8 бусъ различнаго состава (3383); костяная проволка съ вырѣзкою на утолщенномъ концѣ (3384); серебряные слитокъ формы прокола (3385) и цуговица (3386); 2 бронзовыхъ бубелчика (3387); треугольная заостренная косточка съ желобкомъ по срединѣ нижней грани (3388); золотая бляха съ прикипѣвшими къ ней слитками серебра (3389); обломки кости, украшенные рѣзнымъ узоромъ (3390); обломки костяныхъ гребеночъ, украшенныхъ рѣзными узорами (3391); бронзово: 6 наковечниковъ ножа (3392—3394), овальное массивное проволочное кольцо (3395), 3 кольца съ плоскими основаниями (3396), пряжка (3397), овальное плоское колечко (3398), рѣзной

массивный предмет неизвестного назначения (3398), массивный слиток (3400); золотые слитки, остатки шпиль и иглы (3401); остаток обугленного тлена (3402); фрагменты разных косточек (3403); 2 прожженных овальных камня (228.—3404); глиняная присалица (3405); костяной шарик, покрытый окисью железа (3406); несколько десятков бронзовых, серебряных и стеклянных слитков различной величины (3407—3416); массивная бронзовая ручка с частью расплавившегося и окисленного бронзового сосуда, заключавшего в себя больше ста игральные косточки.—бараньих бабок (3417—3419; 239.—3420, 3421, 240.—3422) и одну форму такой же бабки, сделанную из мѣди (239.—3423); 4 шести-гранные продолговатые игральные косточки (зерны), с вырезанными знаками в виде кружков, с точками по срединѣ, на первой грани одинъ, на второй два и т. д. до шести (3424—3426); костяная пластинка или бляха с дырой посрединѣ и десятью дырами по краямъ, обведенными рѣзными кружками (3427); 2 обломка костяныхъ пластинокъ, украшенныхъ рѣзными кружками с дырочками в срединѣ (3428); 2 овальных костяныхъ пластинокъ, с вырезаннымъ крестообразнымъ знакомъ на ихъ поверхности (3429); 10 рѣзныхъ конусообразныхъ косточекъ, имѣющихъ форму шашекъ, изъ которыхъ три болѣе широкого основания и ниже остальныхъ (3430, 3431); обугленные кости человека, крупныхъ и мелкихъ четвероногихъ животныхъ, птицъ и рыбъ (240.—3432—3440); фрагменты глиняныхъ сосудовъ (3441—3443).

Ниже кострица, заключавшая в себя перчисленные предметы, в насипи Черной Могилы, прорытой колодезь до верушеннаго глинянаго материка, выхвачены предметы не было найдено.

Курганы Черняговскаго уѣзда, у мѣстечка Сѣднова.

Въ описаніи Черняговскаго намѣстничества, составленномъ А. Шафонскимъ въ 1786 году и напечатанномъ М. Судейко въ Кіевѣ въ 1851 году, говорится: „Мѣстечко Сѣднове, въ древности Словейскъ городъ называемое, лежитъ на правомъ и весьма высокомъ берегу рѣки Снови, въ 23 верстахъ отъ Чернигова по большой дорогѣ въ Городню. Оно имѣетъ земляной старыи валъ и особый замокъ, или цитадель, в округѣ, подъ самыми огородами 74 большихъ, да 241 малыхъ могилъ, знаковъ древнихъ сраженій и междоусобій“ (с. 317).

Въ 1874 году въ м. Сѣдновѣ и его окрестностяхъ еще сохранялось до 300 курганныхъ насипей, разбитыхъ группами, расположенными преимущественно по сторонамъ дорогъ, ведущихъ къ Сѣднову въ Черниговъ, Городню и Березу. По всей вѣроятности, застроенное нынѣ пространство около версты въ длину и ширину, раздѣляющее выѣзды изъ Сѣднова на Черниговъ, Городню и Березу, исторично было покрыто сплошной группой кургановъ, уничтоженныхъ распашкою подл огорода и при возведеніи построекъ. Это подтверждается разсказами старожиловъ о срытыхъ, на ихъ памяти курганахъ и въскопанныхъ насипяхъ большой величины, сохранившихся до нынѣ между постройками, въ огородахъ нѣкоторыхъ владельцевъ м. Сѣднова. По формѣ Сѣдновскіе курганы раздѣляются на два вида: одни имѣютъ широкое основаніе, отъ 50 до 130 арш. въ окружности, при отвѣсной высотѣ отъ 3 до 7 арш., и окружены рвами, подобно Черняговскимъ курганамъ съ кострицами; другіе имѣютъ окружность основанія отъ 15 до 40 арш., при отвѣсной высотѣ отъ 1 до 3 арш., безъ обводныхъ рвовъ. Раскопки Сѣдновскихъ кургановъ были произведены мною въ 1874 и 1886 годахъ. По содержанию своему, Сѣдновскіе курганы раздѣляются на три вида: 1) курганы съ кострицами; 2) курганы съ погребальными сосудами и 3) курганы съ костями.

Курганы съ кострицами.

Курганы съ кострицами раскопаны мною въ мѣстечкѣ Сѣдновѣ и его окрестностяхъ восемнадцать. По обряду погребенія, эти могилы совершенно сходны съ Черняговскими

курганами большой величины, прикрывавшими кострища, но бывшие или по содержанию. В каждой насыпи этого вида, на глубинѣ отъ 1 до 3 арш. отъ вершины, найдены глиняные сосуды, содержащiе въ себѣ жевыя кости домашнихъ животныхъ, а ниже сосудомъ открыты пепелища отъ костровъ, состоящiя изъ слоя угля, золы, жевыи костей человѣческихъ, звѣринныхъ, птичьихъ и рыбныхъ костей. Средина этого слоя всегда утолщена и постепенно понижается къ краямъ, а земля подъ нимъ прожжена. Величина кострища въ различныхъ курганахъ намѣняется отъ 7 до 12 арш. въ диаметръ. Предметы, найденные въ кострищахъ, совершенно сходны съ предметами, найденными въ Черниговскихъ и Стародубскихъ курганахъ того же типа.

Курганъ № I; при вывалѣ изъ Олдева на Городню, съ правой стороны старой Городницкой дороги, надъ оврагомъ; ок. около 100, в. $5\frac{1}{2}$ арш. На глубинѣ 3 арш. отъ вершины насыпи,—черепки глинянаго сосуда и жевыя кости, а ниже, на глубинѣ 4 арш. отъ вершины насыпи,—кострище, состоящее изъ слоя угля, золы и жевыи костей, при изсабдованiи котораго найдены слѣдующiе предметы: круглая съ ушкомъ серебряная пряжка съ рельефнымъ изображенiемъ на лицевой сторонѣ человека, обначенного съ боковъ двумя грифами (241.—3443), серебряная пряжка съ рельефнымъ изображенiемъ цѣптя на лицевой сторонѣ (3445), серебряная, со слѣдами позолоты, круглая бляха съ рельефнымъ узоромъ на лицевой сторонѣ, правосторонней работы (3446), серебряная пряжка (3447), серебряныя, бронзовыя и стекляныя слитки (242.—2448 и 2449), слѣды разложившихся желѣзныхъ предметовъ, жевыя кости человека и животныхъ.

Курганъ № II; тамъ же, съ лѣвой стороны старой дороги на Городню; ок. 75, в. 5 арш. На глубинѣ 2-хъ аршинъ отъ вершины,—глиняный горшокъ (№ 3450) съ обугленными костями, углемъ и золою, а на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ аршинъ,—кострище, а въ немъ четыре бронзовыя пуговицы (241.—3451), обломокъ костяной гребенки, украшенной рѣзьбой (3452), нѣсколько мелкихъ бронзовыхъ слитковъ и слѣды разложившихся серебряныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей.

Курганъ № III; рядомъ съ предыдущимъ; о. 80, в. 4 арш.; въ центрѣ насыпи.—глиняныя черепки и жевыя кости, а ниже, въ кострищѣ,—двѣ бронзовыя пуговицы (241.—3453), бронзовый бубенчикъ (3454), обломокъ обдѣлки какой-то вещи, состоящей изъ двухъ бронзовыхъ пластинокъ, соединенныхъ желѣзными гвоздиками (3455), слѣды разложившихся металлическихъ предметовъ.

Курганъ № IV; при вывалѣ изъ Олдева на Городню, между старомъ и новымъ дорогамъ; о. около 80, в. 6 арш. На глубинѣ 3 арш. отъ вершины,—черепки глинянаго сосуда и жевыя кости; на глубинѣ 4 арш.—кострище, а въ немъ бронзовая пуговица (241.—3456), двѣ разложившiяся стекляныя бусы съ сохранившимися дырочками (3457), обломокъ серебряной расплавленной бляхи (3458), желѣзный ножикъ (3459), желѣзный наконечникъ стрѣлы (3460), желѣзный наконечникъ конья съ прикипѣвшими къ нему углемъ и жевыми костями (3461), стекляныя, серебряныя и бронзовыя слитки (242.—2448, 2449).

Курганъ № V; въ самомъ мѣстечкѣ Олдева, въ бывшемъ огородѣ г. Лисогуба, а выше принадлежащемъ мѣстному священнику, противъ почтовой станцiи, вблизи базарной площади; о. 130, в. 7 арш. Въ центрѣ насыпи,—глиняный горшокъ съ зеплемъ, углемъ и жевыми костями; на 6 аршинѣ отъ вершины насыпи,—слой угля, золы, жевыи костей и слѣдующiе предметы: бронзовое кольцо съ прикипѣвшими къ нему бронзовыми слитками и углемъ (241.—3462), часть описаннаго желѣзнаго наконечника стрѣлы (3463), круглая бронзовая бляха съ узорчатымъ краемъ и круглымъ углубленiемъ посрединѣ (3464), костяной гребешокъ, состоящiй изъ пластинокъ, продырявленной съ одного конца и украшенной съ тыловой стороны двумя костяными узорчатыми пластинами, соединенными бронзовыми гвоздиками (3465), овальная обугленная бронзовая бляха (3466), продолговатая серебряная бляха, пробитая массивными серебряными гвоздиками (3467), окисная желѣзная

пряжка или бляха (3466), серебряные, бронзовые и стеклянные слитки (342), слѣды разложившихся серебряныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ.

Курганъ № VI; при вывѣдѣ изъ Сѣдлева на Черниговъ, съ лѣвой стороны большой дороги; о. около 90, в. 5 арш. На глубинѣ 3 арш. отъ вершинъ насыпи,—черепки глинянаго сосуда и жемчужная кость; на глубинѣ 4 арш.—кострица, а въ ней серебряная узорчатая буса (3471.—3474), пять узорчатыхъ бронзовыхъ бляшекъ двухъ рисункомъ (3470, 3472), четыре крупные, граненныя каменные бусы (3471), продолговатая костяная пластинка, украшенная рѣзнымъ узоромъ, подобная такимъ же костямъ изъ Черниговскаго кургана Гульбище (3479), обломокъ окислаго массивнаго бронзоваго кольца (3473), желѣзные: наконечники стрѣлы (3474), кольцо (3475), ножикъ (3476), бляха (3477), пряжка съ приклепанными къ ней костями (3478), слѣды разложившихся металлическихъ предметовъ и малые серебряные, бронзовые и стеклянные слитки.

Курганъ № VII; при вывѣдѣ изъ Сѣдлева на Березну, съ лѣвой стороны дороги, въ отрогѣ г. Лявотуба; о. около 130, в. 5 арш. Въ центръ кургана,—глиняный сосудъ со жемчужной костью бараба и какой-то птицы (№ 3480); на пятимъ аршинѣ отъ вершинъ насыпи,—кострица, а въ ней маленькій, каменный оселокъ съ бронзовымъ ушкомъ (3481.—3481), бронзовый бубенчикъ, украшенный вѣтвями (3482), четыре обломка бронзовыхъ колецъ (3483), обломки кости, украшенной рѣзнымъ узоромъ (3484), обломки костяной ручки ножа, украшенной рѣзными полосками (3485), два обломка костяной гребенки, украшенной рѣзнымъ узоромъ (3486), маленькая золотая бляшка (3487), три расплавленные стеклянные бусы съ сохранившимися дырочками (3488), тройная стеклянная буса (3489), восемь узорчатыхъ бронзовыхъ бляшекъ трехъ рисункомъ (3490—3493), позолоченная бронзовая бубенчика (3494), тридцать пять бронзовыхъ пуговицъ, украшенныхъ рѣзными полосками (3495), желѣзная пряжка (3496), желѣзный ножикъ, украшенный у ручки серебряною бляшкою-втулкою (3497), слѣды разложившихся металлическихъ предметовъ и малые металлические слитки.

Курганъ № VIII; при вывѣдѣ изъ Сѣдлева на Городню, съ правой стороны старой Городищенской дороги, вадъ сарагомъ, рядомъ съ курганомъ № I; часть насыпи обрушилась къ сарагу; о. 20, в. 4 арш. Въ началѣ 4 арш. отъ вершинъ насыпи,—черепки глинянаго сосуда и жемчужная кость, а четверть арша,—слой угля, вола и жемчужная кость, около 5 арш. въ диаметръ, имѣющей въ средней части около 2 четвертей толщины и постепенно подымающейся къ краямъ. Въ кострицѣ найдены: пружинное массивное костяное кольцо около вершка въ диаметръ (243.—3498), до двадцати обломковъ костяныхъ бляхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя продырявлены и украшены рѣзными кружками и черточками (3499—3507), обломки костяной гребенки, украшенной рѣзною (3508), серебряные: пряжка (3509), две бляхи, изъ которыхъ на одной видны слѣды рѣзнаго уора (3510), обломки (3511), пуговица со слѣдами позолоты (3512), бронзовые: узорчатый наконечникъ пояса (3513), пять квадратныхъ узорчатыхъ бляхъ (3514), два кольца (3515), десять бляшекъ (3516), половина кольца (3517), бубенчикъ (3518), двойная бляшка (3519), трубочка изъ тонкой спиральной проволоки (3520), четыре обломка согнутыхъ проволокъ (3521), желѣзный ножикъ (3522), каменный оселокъ съ обломкомъ желѣзнаго кольца на продырявленномъ концѣ (3523), черепки глинянаго сосуда (3524), слѣды разложившихся металлическихъ предметовъ и металлические слитки (342).

Курганъ № IX; при вывѣдѣ на Городню, рядомъ съ курганомъ № IV; о. около 75, в. 4 арш. На четвертомъ аршинѣ,—кострица, а въ ней,—четыре узорчатыхъ бронзовыхъ бляшки трехъ рисункомъ (244.—3525 и 3527), десять бронзовыхъ пуговицъ (3528, 3529), каменный оселокъ (3530), желѣзные: ножикъ (3531), бляшка (3532), шесть наконечниковъ стрѣлы (3533, 3534), пряжка (3535), два гавды (3536), кремь (3537), серебряная привѣска съ бронзовымъ ушкомъ, представляющая собою варяжское подражаніе саманцкой монетѣ

(3538), слѣды разломившихся металлических предметов, стеклышко и металлические слитки (3557).

Курганъ № X; при вывѣдѣ на Городня, съ лѣвой стороны дороги, въ общественномъ хлѣбномъ магазинѣ; в. около 50, в. 3 арш. Почти на подошвѣ насыпи,—кострище, а въ немъ,—два серебряныя съ бронзовыми ушками саманидскія монеты—лодыжки (244.—3539, 3540), серебряное плоское узорчатое кольцо (3541), бронзовыя: пряжка (3542), два кольца (3543, 3544), два узорчатыхъ сердцевидныхъ бляшки (3545, 3546), пять бубалчиковъ (3547), восемь пуговицъ (3548), обломки бляхи съ гвоздиками (3549), проволочное колечко (3550); крупная расплавленная стеклянная буса (3551), три стеклянныя бусы (3552), обломки обутленной вставной гребенки (3553), обломки окислившихъ желѣзныхъ предметовъ (3554, 3555), черепки сосуда изъ красной глины (3556), металлические слитки и обломки окислившихъ металлических предметовъ (3557, 3558).

Курганъ № XI; при вывѣдѣ изъ Однева на Черниговъ, въ разстояніи 1½ версты отъ хлѣбника, съ лѣвой стороны дороги; в. около 150, в. около 7 арш. У основанія насыпи, непосредственно подъ дерномъ,—желѣзный княжаль (№ 3559); въ центрѣ насыпи,—глиняныя черепки и жемчужныя кости; на патомъ аршинѣ отъ вершины насыпи,—кострище изъ угля, вады и жемчужныя кости, а въ немъ,—крупныя и мелкія серебряныя, бронзовыя и стеклянныя слитки (242.—3448, 3449, 3561, 3562), маленькая бронзовая пуговица съ ушкомъ (3563), обломки прежней крупной раковины (3564), два обломка бронзовой трубочки (3565), обломки рѣшетчатой ажурной желѣзной бляхи (3566), два крупныя стеклянныя слитка (3567), бронзовыя бляшки разной формы (3568—3571), четыре бронзовыя пуговицы (3572, 3573), обломки вставной гребенки (3575), украшенной узоромъ косточекъ, желѣзные наконечники стрѣлы (3577), обломки оселка (3574).

Остальные семь кургановъ съ кострищами, заключали въ себѣ только жемчужныя кости, глиняныя черепки, слѣды разломившихся металлических предметовъ и мелкія серебряныя, бронзовыя и стеклянныя слитки (242).

Курганы съ погребальными сосудами.

Однѣвскіе курганы, съ окружностью основанія отъ 15 до 40 арш. и отвѣсною высотой отъ 1 до 3 арш., подобно курганамъ Троицкой группы подъ Черниговомъ, прикрывали собой погребальныя сосуды и костяки. Глиняныя горшки съ перемычками человеческими костями были найдены въ 26 курганахъ; въ двухъ курганахъ по два сосуда, а въ остальныхъ по одному. Въ пяти могилкахъ, рядомъ съ сосудами, заключавшими въ себѣ прахъ сожженныхъ покойниковъ (урны), стояли сосуды, наполненные толтымъ землемъ (стравицы). Четыре сосуда найдены въ глини (доставлены на Москов. выставку 1878 г., и не возвращены), а остальные раздавленными землемъ, въ черепкахъ. Припаковъ сожженія покойниковъ въ курганахъ этого вида не было найдено; покойника сжигали гдѣ то на сторонѣ, а зѣмль собирали сожженный прахъ его въ глиняный сосудъ и ставили въ верхнюю лозовину насыпи, на высотѣ отъ 1 до 2 арш. отъ ея подошвы, а при урнѣ съ прахомъ вносилъ ставили сосудъ съ пшцею или пшцею и закрывали ихъ верхнею частью насыпи, отъ 1 до 2 арш. высоты. Ниже урнъ и стравицъ до вершнейшаго материка не встрѣчается въ курганахъ этого вида никакихъ предметовъ. Въ погребальныя урны, кромѣ перемычекъ костей, иногда встрѣчаются слѣды разломившихся металлических предметовъ.—серебряныя, бронзовыя и стеклянныя слитки, бусы, обломки колецъ и сережекъ (242.—3448, 3549).

Курганы съ костяками.

Костяки были найдены въ одномъ курганѣ при вывѣдѣ изъ Овдьева на Черныговъ, въ шести курганахъ при вывѣдѣ изъ Овдьева на Березку и въ семи курганахъ при вывѣдѣ изъ Овдьева на Городню.

Шести кургановъ съ костяками, раскопанныхъ при вывѣдѣ изъ Овдьева на Березку, составляли часть группы небольшихъ кургановъ, заключавшей въ себя до 40 насыпей, помѣщавшихся въ огородѣ противъ усадьбы И. А. Линагоуба. Подъ каждымъ курганомъ открыта могильная яма отъ одного до двухъ аршинъ глубины, съ костякомъ, обращеннымъ головою на З., руки сложены на груди (4 случая) или на животѣ (два случая), безъ украшеній.

Изъ семи кургановъ съ костяками, раскопанныхъ при вывѣдѣ изъ Овдьева на Городню, одинъ прикрывалъ могильную яму съ двумя человеческими костяками, лежащими рядомъ, головами на З. на спинѣ, безъ украшеній; въ пяти открыты могильные ямы съ однимъ костякомъ, головою на З., на спинѣ, руки на туловищѣ, безъ украшеній.

Курганы съ срубными гробницами.

Въ седьмомъ курганѣ, помѣщавшемся за общественнымъ хлѣбнымъ магазиномъ, съ лѣвой стороны большой дороги на Городню, имѣвшемъ около 40 врш. въ окружности основанія и 3 арш. стѣнной высоты, открыта могильная яма 3 арш. длины и 2½ арш. ширины и глубины, со слѣдами на стѣнкахъ и на днѣ деревянной гробницы, сложенной срубомъ, подобной срубной гробницѣ большого Луцкаго кургана подъ Черныговомъ. На днѣ ямы открыты остатки человеческого костяка, обращеннаго головою на З., кисти рукъ на туловищѣ, а при немъ слѣдующіе предметы: обрубокъ, четвертая часть, серебряной восточной монеты (245.—3587), три бронзовые пуговицы, украшенныя нарезками (3588), серебряная пряжка (3589), четыре серебряныя бляхи двухъ рисунковъ (3590, 3591), фрагменты деревянной коробочки со слѣдами тѣла, въ которой помѣщался выпеченный обрубокъ серебряной монеты и кусочекъ смолы (3592, 3593), желѣзные: оковка деревяннаго вѣтра, топоръ и копье (3594, 3595).

Курганъ при вывѣдѣ изъ Овдьева на Черныговъ помѣщался посреди большой дороги; о. до 50. в. 6 арш. При раскопкѣ, на вершинѣ насыпи найденъ желѣзный стрѣловидный предметъ (245.—3580); подъ центромъ насыпи открыта могильная яма, вырытая въ материкѣ, со слѣдами на стѣнкахъ разложившейся деревянной гробницы, сложенной срубомъ, 3-хъ арш. длины и 2½ арш. ширины; на днѣ ямы,—слѣды гроба съ желѣзными гвоздями (3578) и костякъ, обращенный головою на З., на спинѣ, кисти рукъ въ нижней части живота, ноги вытянуты; при костякѣ,—днѣ бронзовыя пуговицы (3579), желѣзная пряжка (3580), бронзовая цинцетика-щипчики (3581), бронзовый бубенчикъ (3582), желѣзный ножикъ (3583) и бляшка (3584).

Курганы Черныговскаго уѣзда, у хутора Мишкина.

Между м. Овдьево и заштатнымъ городомъ Березкою, въ шести верстахъ отъ послѣдняго, впаді хутора Мишкина, принадлежащаго г. Ивкову, сохранилось до ста курганныхъ насыпей, сгруппированныхъ преимущественно въ лѣсу, въ урочищѣ Каменка, по величинѣ и формѣ, совершенно сходныхъ съ малыми Черныговскими и Овдеевскими курганными группами. Изъ нихъ раскопаны мною въ 1881 году 12 насыпей, прикрывавшихъ могильные ямы, вырытыя въ глиняномъ материкѣ, подобныя христіанскимъ, съ остатками разложившихся деревянныхъ гробовъ и человеческими костяками, обращенными головами на З., иногда съ уклоненіями на ЮЗ. и СЗ., туловище на спинѣ, кисти рукъ на

туловищъ, ноги вытянуты. При одномъ остовѣ найдены: проволочное колечко (242, — 3599) и 2 бронзовыя пуговицы (3600); при другомъ, — проволочное колечко (3601); при третьемъ, — двѣ бронзовыя пуговицы (3602), проволочное колечко (3603); при четвертомъ, — проволочное колечко (3604), двѣ ягдзовицкыя бусы — нольфски (3605) и окислѣннй желѣзный ножикъ.

Найденныя въ Млышанскихъ курганахъ пуговицы, кольца и бусы совершенно сходны съ пуговицами, кольцами и бусами, найденными въ Черниговскихъ и Сѣдлецкихъ курганахъ.

Курганы Черниговскаго уѣзда, у заштатнаго города Березны.

Въ 1881 году раскопаны мною 16 кургановъ въ группѣ, заключавшей въ себя 32 насыпи, помещавшихся на 4-ой верстѣ отъ заштатнаго г. Березны, по большой почтовой дорогѣ на м. Ману, съ правой стороны дороги, по величинѣ, формѣ, устройству и содержанію могилъ, совершенно сходныя съ могилами Черниговскими, Сѣдлецкими и Млышанскими курганами; при костякахъ найдены только слѣды деревянныхъ гробовъ, окислѣнныя гвозди, двѣ бронзовыя пуговицы и пять проволочныхъ серебряныхъ и бронзовыхъ наконечниковъ (242, — 3606—3611).

Курганы Черниговскаго уѣзда, у села Боромыль.

Въ окрестностяхъ с. Боромыли и хутора г. Мятаревскаго, на краю лѣса, въ кустарникѣ, въ урочищѣ Курганы, сохранилось нѣсколько курганныхъ насыпей, по величинѣ, формѣ, устройству могилъ и ихъ содержанію, совершенно сходныя съ курганами Березинской группѣ. Раскопанные мною три кургана прикрывали могиламъ съ остатками деревянныхъ гробовъ, желѣзныхъ гвоздей и костяковъ, обращенныхъ головами на В., кисти рукъ на туловищѣ, ноги вытянуты. При двухъ остовахъ не сохранилось никакихъ бытовыхъ предметовъ, а при третьемъ найдены: окислѣннй желѣзный ножикъ, фрагменты двухъ окислѣннхъ бронзовыхъ бубенчиковъ и фрагменты разложившейся бронзовой пищетки, подобной найденной въ одномъ изъ Сѣдлецкихъ кургановъ (245, — 3581).

Курганы Сосницкаго уѣзда, у мѣстечка Жаны.

Въ окрестностяхъ м. Жаны, вслѣдъ показала желѣзной дороги, при выгладѣ изъ мѣстечка по большой дорогѣ на городъ Сосницу, сохранились слѣды многихъ распаханныхъ кургановъ, изъ которыхъ четыре, лежащихъ вблизи общественаго магазина, съ правой стороны большой дороги на Сосницу, были раскопаны мною въ 1886 году. Въ нихъ открыты могилы, совершенно сходныя по устройству и содержанію съ могилами Березинской группѣ кургановъ, послѣдовавшей мною въ 1881 году. При двухъ костякахъ найдены проволочныя ушные кольца (242, — 3612, 3613), безъ слѣдовъ концовъ, а при третьемъ, — фрагменты окислѣннаго желѣзнаго ножика.

Курганы Новгородскаго уѣзда, у станціи Бахмалъ-Роменскій Ландварово-Роменскоя желѣзной дороги.

Вслѣдъ слѣвакной станціи въ 1876 году сохранились слѣды распаханной группы кургановъ, въ числѣ 14 насыпей, небольшой величины. Изъ пяти раскопаны мною три; подъ нащипомъ истребленнхъ могильныхъ ямъ, вырытыхъ въ материкѣ на глубину отъ 1¼ до 2½ арш., а на днѣ ихъ, — человѣческіе костяки, погребенные въ гробахъ изъ досокъ, облеженныхъ берестомъ; кости обращены головою на В., лицомъ вверхъ, кисти рукъ на туловищѣ, ноги вытянуты; на правой рукѣ одного изъ нихъ, — стухое золотое кольцо формы перстня (224, — 3614).

Курганы Новгородсверского уезда, у села Ларниковки.

Въ Новгородсверскомъ уездѣ, при выѣздѣ изъ села Ларниковки въ Новгородсверскъ, съ лѣвой стороны дороги, на небольшой возвышенности, сохранилось 32 кургана, но ихъ извѣстныя формы, устройству могилъ, положенію покойниковъ и вещамъ, при нихъ найденнымъ, совершенно подобныя курганамъ малой величины, изслѣдованнымъ мною въ окрестностяхъ Чернигова, Обдара, Березны и Мѣлы. Въ этой группѣ въ 1878 году раскопаны мною 15 насыпей, подъ которыми открыты могильныя ямы, вырыты въ материкъ, на глубинѣ отъ одного до 2 1/2 аршинъ, а въ нихъ,—человѣческія костяки, обращенныя головами на З., лицомъ вверхъ, на спиикъ, кисти рукъ на груди или на животѣ, ноги вытянуты. При одномъ изъ костяковъ найдены: два ушныхъ бронзовыхъ кольца, безъ спайки концовъ (214,—3615), кольцо витое съ пальца правой руки (3616), двѣ бронзовыя пуговицы съ ушками (3617) и половинка другой пуговицы (3618); при другомъ,—двѣ бронзовыя пуговицы съ ушками (3619) и кусочекъ позументной ленточки (3620); при третьемъ,—позументная ленточка и двѣ бронзовыя пуговицы (3621—3623); при четвертомъ,—серебряное ушное колечко (3624), желѣзный ножикъ (3625), желѣзное кресало съ кремнемъ къ нему (3626, 3627) и позументная ленточка (3628); при пятомъ,—позументная ленточка и двѣ бронзовыя пуговицы съ ушками (3629); при шестомъ,—двѣ бронзовыя пуговицы (3629) и шелковая ленточка (3630) подъ нижнею челюстью. Тогда же раскопаны удѣльничій курганъ на З. верстѣ большой дороги изъ Новгородсверска въ м. Ворожежъ; в. 45, в. 3 1/2 арш.; подъ нимъ,—костякъ, головою на З., на спиикъ руки на туловищѣ, ноги вытянуты, безъ украшеній.

Курганы Новгородсверского уезда, у села Хворостовичей.

Въ 1872 г. было получено мною сообщеніе Рыковского волостного правленія, Новгородсверскаго уезда, въ которомъ на мой вопросъ: имѣются ли въ волости древнія земляныя насыпи, называемыя народомъ курганами или древними могилами, было сказано: „Курганы въ волости не имѣются, но между селеніями Хворостовичами и Бутриновкою есть распаханная мѣстность, называемая Курганью. Посѣтивъ эту мѣстность въ 1874 году, я началъ въ сказанномъ урочищѣ Курганью, на распаханномъ полѣ, одна замѣтная неровности, подъ которыми трудно было предположить бывшія курганныя могильники. Однако, пригласивъ рабочихъ, я набралъ цѣлудчу девяти пунтовъ и сваялъ на нихъ вспаханную землю до грунта; въ четырехъ пунктахъ открыты были могильныя ямы, а въ нихъ,—человѣческія костяки.

Могилка № I. Могильная яма около аршина глубины; на днѣ ямы,—костякъ головою на З., на спиикъ, руки сложены кистями на груди, ноги вытянуты; при костякѣ,—слѣды разложившагося дерева, шесть бусъ: двѣ глиняныя, двѣ стекляныя позолоченныя, одна изъ зеленого стекла и одна янтарная (246,—3631), бронзовая сережка съ тремя подлѣсками, синими углами изъ тонкой проволоки (3632), плоское бронзовое колечко, безъ спайки концовъ (3633), колечко изъ серебряной проволоки (3634), серебряное кольцо съ загнутымъ концомъ (3635).

Могилка № II. Могильная яма 1 1/4 арш. гл., а на днѣ ея,—костякъ, головою на З., руки сложены на животѣ, ноги вытянуты; при костякѣ, у лѣваго бока,—желѣзный ножикъ (3636).

Могилки № III и IV; костяки въ могильныхъ ямахъ, безъ украшеній, головою на ЮЗ., туловища на спиикъ, руки на туловищѣ, ноги вытянуты.

Курганы Кролевецкаго уезда, у хутора Холоденца.

Въ Кролевецкомъ уездѣ, при выѣздѣ изъ хутора Холоденца въ село Спаское въ 1873 году сохранилось до двадцати кургановъ, помѣщенныхъ частью въ огородахъ хутора Холо-

лева, частью въ кустарникъ при дорогѣ, ведущей въ село Спаское. Въ этой группѣ раскопаны мною девять насыпей; въ верхнихъ слояхъ четырехъ изъ нихъ встрѣчены были черепки глиняныхъ сосудовъ и жемчужныя кости, а въ пятк, распавшихся, ничего не найдено (явроятно, погребальные сосуды стояли выше сохранившихся частей распавшихся насыпей).

Курганы Стародубскаго уѣзда, у с. Мериновки.

Въ трехъ верстахъ отъ Стародуба, у села Мериновки, въ 1874 г. исследованы были остатки трехъ группъ кургановъ: 1) До тридцати насыпей, съ окружностью основанія до 40 арш. и высотой отъ 1 до 3 арш., въ урочищѣ Зарѣчье, на лѣвомъ берегу рѣки Бабича, въ лѣсу, принадлежащемъ П. Я. Самоквасову, въ разстояніи 200 сажень отъ древняго городища, обведеннаго рвомъ и валомъ, сохранившагося въ томъ же лѣсу; 2) до пятидесяти такихъ же насыпей въ двухъ верстахъ отъ первой группы, въ урочищѣ Жабкина Лужа, съ лѣвой стороны дороги изъ села Мериновки въ с. Долговичи, среди поля, на небольшой возвышенности, поросшей кустарникомъ; 3) до двадцати такихъ же кургановъ въ самомъ селеніи Мериновкѣ, на улицѣ и въ огородахъ. Курганы послѣдней группы въ прошедшемъ столѣтіи и въ началѣ настоящаго служили мѣстомъ погребенія обитателей села Мериновки; въ первой группѣ были раскопаны 17 насыпей, во второй—дѣсять и въ третьей—одна.

Въ каждомъ изъ кургановъ первой группы, на глубинѣ отъ одного до двухъ аршинъ ниже подошвы кургана, въ могильныхъ ямахъ, вырытыхъ въ глиняномъ материкѣ, были встрѣчены слѣды гробовъ, жемчужныя гвозди и кости: 13 костяковъ были обращены головами на З., а четыре на СЗ., руки сложены на груди (9 случаевъ), или на животѣ (6 случаевъ), или вытянуты по бокамъ (2 случая), туловище на спинѣ, ноги вытянуты; при двухъ остовахъ найдены украшения.

Курганъ № I; о. 35, в. 2 арш.; ноль центромъ насыпи,—могильная яма въ глиняномъ грунтѣ, 2 арш. гл., а на днѣ ея,—слѣды разложившихся досокъ, 3 гвоздя и кости, головою на З., на спинѣ, руки на груди, ноги вытянуты; при костякѣ, у головы,—ожерелье изъ 125 мелкихъ и крупныхъ глиняныхъ и стеклянныхъ бусъ различной формы (246,—3637-3639), пять серебряныхъ колецъ, изъ которыхъ два безъ сланки концовъ, а три большой величины, съ завязаннымъ узломъ концами (3640—3644); на пальцахъ рукъ,—три бронзовыхъ кольца, изъ которыхъ одно проволочное, безъ сланки концовъ (3646), другое изъ бронзовой проволоки, расширенной по срединѣ въ пластинку, украшенную узоромъ изъ черточекъ и точекъ, сведенныхъ въ треугольнички, концы завязаны узломъ (3646), третье состоитъ изъ проволоки съ завязаннымъ узломъ концами, обвитой другою болѣе тонкою проволокою (3647).

Курганъ № II; подобный предыдущему; на днѣ могильной ямы около 2 арш. гл.,—слѣды разложившагося дерева, гвоздь (248,—3648) и кости, головою на СЗ., кисти рукъ на груди; а при немъ, на пальцахъ рукъ,—два глухихъ бронзовыхъ кольца (3649, 3650); у нижней челюсти,—ажурная, бронзовая подвеска (3651); у правого бока,—окислившій жемчужный жемчуж; у лѣваго бока,—круглая обточенный гранитный жемчуж—праца.

Обрядъ погребенія въ курганахъ урочища Жабкина Лужа совершенно подобенъ обряду погребенія кургановъ Зарѣчья. Здѣсь также въ могильныхъ ямахъ, вырытыхъ въ глиняномъ материкѣ и прикрытыхъ курганами, найдены слѣды разложившихся гробовъ и кости, обращенныя головами на З. (9 случаевъ) и на СЗ. (3 случая), руки сложены на груди (7 случаевъ), или на животѣ (5 случаевъ); украшеній при остовахъ не найдено.

Курганъ, раскопанный въ самомъ селеніи Мериновкѣ, на улицѣ, южнѣ общественнаго магазина, заключалъ въ верхнихъ слояхъ насыпи остатки трехъ гробовъ съ костями христіанскаго погребенія, а подл центромъ насыпи, въ могильной ямѣ около 2¼ арш. гл.,—костякъ, головою на западъ, на спинѣ, кисти рукъ въ нижней части живота, ноги вытянуты, безъ украшеній.

Курганы Стародубского уезда у села Левинки.

Въ 6-ти верстахъ отъ Стародуба, на землѣ села Левинки, на берегу рѣчки Бабляничя найдены были мною древнее городище, часть котораго обрушилась въ рѣку, а въ полуверстѣ отъ него, на распаханномъ полѣ,—слѣды большой группы кургановъ, занимавшей некогда пространство около версты въ длину и четверти версты въ ширину. Въ 1874 году многія изъ нихъ представляли собой едва замѣтные возвышенія, на поверхности которыхъ давно засѣвался хлѣбъ. Раскопанъ мною въ этой мѣстности шесть кургановъ, два изъ нихъ сохранившихся и четыре распаханныя.

Курганы со срубными гробницами.

Курганъ № I; о. 7., в. 3 арш. Подъ центромъ насыпи, въ могильной ямѣ 2 арш. гл., вырытой въ песчатоглиняномъ материкѣ, открыта гробница, сложенная изъ дубовыхъ брусковъ, 3 арш. дл., 2 арш. шир. и 3 арш. гл., подобная срубнымъ гробницамъ большого Гущинскаго и Сѣднѣвскихъ кургановъ. Въ гробницѣ найдены остатки костюма, головной на СЗ, а при немъ,—куска береста, въ которой, повидимому, были обнаружены остова (247.—3652), гвозди и слѣдующіе предметы: желѣзная оковка деревяннаго ведра (3653), желѣзное огниво—кресало, съ кремнемъ къ нему, кусочекъ глины, двѣ бронзовыя пряжки, хромированное серебряное кольцо, желѣзный топоръ, съ отпечатками ткани на его поверхности, и желѣзный ножикъ (3654.—3660).

Курганъ № II; о. 70, в. 5 арш.; сохранились слѣды обводнаго рва. Въ насыпи, на глубинѣ 1 арш. отъ поверхности найдены желѣзные наковечники стрѣлы или дротики (3661); подъ центромъ насыпи.—могильная яма 3-хъ арш. дл. и 2½ арш. гл., со слѣдами на стѣнкахъ разложившихся дубовыхъ брусковъ гробницы, подобной гробницѣ предыдущаго кургана. На днѣ могильной ямы.—гвозди, слѣды разложившагося гроба и остатки очень разложившагося костюма обернутаго въ бересту, погребеннаго въ направленіи головою на С; при остовахъ.—остатки шерстянаго платья, застѣжутаго сверху серебряною пряжкой и опоясанаго шерстянымъ поясомъ (248.—3662—3665; 249.—3666), шерстяныя овалы сшитаго платья, изъ которыхъ двѣ заплата представляютъ собой куски односторонне вышитыя (250.—3667, 3668), двѣ украшенныя набойками увераки (3669, 3670), а остальныя—вышитыя цвѣтными квадратами на темномъ фонѣ (3671, 3672); остатки мѣховою шани (249.—3673), длинный (сохранившаяся часть около 3 аршинъ) шнурокъ изъ человѣческихъ волосъ, со слѣдами разложившагося серебрянаго кольца на одномъ изъ его концовъ (3674), желѣзный ножикъ съ костяною ручкою, украшенною съ широкаго конца золотомъ пластиною (247.—3675), фрагменты деревяннаго предмета, украшеннаго рѣзьбою, имѣющаго форму плитки съ длинною изогнутою орнаментною клячкою (3676), деревянный шарикъ (3677), желѣзный топоръ—колотокъ, съ отпечатками ткани на его поверхности и остатками разложившагося деревяннаго топорника въ отверстіи (3678).

Курганы съ кострищами.

Курганы №№ III—VI; до раскопки были уже распаханъ и на нихъ засѣвался хлѣбъ; но плугъ еще не коснулся содержамаго могилы. Въ каждомъ изъ нихъ, въ насыпи, на высотѣ около аршина отъ материка найдено кострище, подобное кострищамъ кургановъ Черниговскихъ и Сѣднѣвскихъ, состоящее изъ слоя угля, золы, жженыхъ человѣческихъ, четвероногихъ животныхъ и птицъихъ костей. Изъ металлическихъ предметовъ въ кострищахъ найдены только двѣ бронзовыя узорчатая бляшки, совершенно подобныя Сѣднѣвскимъ (246.—3679, 3680), бронзовые: наковечникъ молота (2881), пряжка (3682), обломокъ

бляхи (3683), желѣзные: ножикъ (3684), гвозди и мелкіе серебряныя, бронзовые и стекляныя слитки.

На Лезинскомъ полѣ были разрыты мною до грунта еще пять распахавшихъ возвышеній, съ широкими основаниями, но въ нихъ могилъ не было найдено; по всей вѣроятности, эти возвышенія представляли собою остатки кургановъ, покрывшихся кустрицею, лежащая обыкновенно въ насыпи, значительно выше материка, а этотъ слой насыпи съ кустрицею былъ распавшій уже до раскопки, что подтверждается я часто наблюдавшимся на возвышеніяхъ Лезинскаго поля углемъ и кусочками желѣзныхъ костей.

По устройству и содержанію, описанные Стародубскіе курганы сходны съ курганами Черниговскими и Сѣдлецкими.

Курганы Глуховскаго уѣзда, у села Волокитина.

На границѣ Глуховскаго и Путивльскаго уѣздовъ, на правомъ, лѣговомъ берегу рѣки Клевони, въ одной верстѣ отъ села Волокитина по дорогѣ въ село Юргаль, въ урочищѣ у Нарова, въ 1873 году найдена мною группа кургановъ отъ одного до трехъ аршинъ высоты.

По рассказамъ мѣстныхъ жителей, еще въ началѣ канѣмляго столѣтія курганы занимали собою все пространство отъ деревни Городища до хутора Дорощенскаго, на протяженіи около двухъ верстъ, въ количествѣ сотенъ насыпей. Многие курганы были уничтожены при переселеніи б. крестьянъ мѣстнаго землевладѣльца А. М. Миклашевскаго въ основаніи имъ на мѣстѣ бывшихъ кургановъ слободу Городище; многія насыпи были совершенно распавши: часть кургановъ, въ количествѣ до 20, была раскопана въ 1870 и 1871 годахъ помѣщикомъ Миклашевскимъ, по его словамъ, съ цѣлью узнать, что въ нихъ находится; изъ вещей найденныхъ рабочими Миклашевскаго въ курганахъ, сохраняются у него нѣсколько бронзовыхъ пряжекъ и позолоченныя стекляныя бусы.

По словамъ рабочихъ, производившихъ раскопки полъ присмотрѣхъ помѣщичьего приказанія, они копали въ курганахъ боченкомъ съ дилѣткимъ, а потому не обращали вниманія на встрѣчавшіяся въ курганахъ кости, гонимыя горшки съ осколкомъ и молотъ воища. Кости иногда встрѣчались на подошвѣ кургана, но, выбросивъ ихъ, рабочіе копали материкъ, углубляясь въ него на два и на три аршина. Рассматривая въ 1873 г. землю кургановъ, раскопанныхъ рабочими г. Миклашевскаго, я нашелъ въ ней нѣсколько позолоченныхъ стекляныхъ бусъ, два кольца изъ бронзовой проволоки, безъ спайки концовъ, и маленькую бронзовую пряжечку.

Рабочими Миклашевскаго была раскопана также часть древняго Волокитинскаго городища, изъ находокъ въ которомъ у него сохранились двѣ заостренныя кисти и желѣзный топоръ древней формы.

Въ 1873 г. я видѣлъ сохранившіеся въ окрестностяхъ села Волокитина восемнадцать кургановъ въ урочищѣ Дорощенское Кладбище, три у слободы Городища и десять противъ села Ретовки, въ урочищѣ Старый Кирпичный Заводъ.

Въ первой группѣ мною раскопаны девять кургановъ; въ одномъ изъ нихъ найдены два костяка, погребенныхъ на извержѣ, безъ могильныхъ ямъ и гробовъ, головами на ЮЗ, туловище на спишѣ, кисти рукъ на жаятѣ, ноги вытянуты, безъ украшеній; на подошвѣ другого кургана, — костякъ, также безъ признаковъ гроба, головою на З, туловище на спишѣ, кисти рукъ на груди, ноги вытянуты, безъ украшеній. Въ остальныхъ семи курганахъ, — гонимыя сосуды съ перемѣнными человѣческими костями (3702, — 3703, 3704), въ одномъ изъ которыхъ, между костями, найдены стекляныя бусы и слитки отъ бусъ (3705, 3706), часть лансетаго серебрянаго кольца (3707), проволочное серебряное колечко (3708) и бронзовый слитокъ (3709). Въ одномъ курганѣ, рядомъ съ орнаментированными

по внешнему виду сходствъ имъ красной глины (№ 1710), содержавшимъ прахъ сомнительнаго новоязика, стоялъ сосудъ изъ красной глины (№ 1711), наполненный только землей; другой сосудъ изъ красной глины, украшенъ четырьмя волнообразными поясами, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ трехъ волнообразныхъ линий (№ 1712). Слѣдовъ сажены трунцы на мѣстѣ погребенія урты не было.

Въ двухъ курганахъ, раскопанныхъ у слободы Горюхино, были встрѣчены раздвоенные земляные сосуды съ перемешанными человѣческими костями, а въ третьемъ, — костяхъ изъ матерьяла, головою на З., на спицахъ, руки сложены кистями на животѣ, ноги вытянуты, съ признаками гроба, безъ украшеній. По рассказамъ жителей слободы Горюхино, въ 1870 г. вождь раскопанныхъ мною кургановъ стоялъ четвертый, большею частью, мало-помалу подмытый весеннею водою и обрушившійся на половину въ рѣку Клязьму; въ сохранившейся еще части насыпи дѣти вымѣнули человѣческой черепъ и, вытаскивая его, нашли желѣзныи обручъ (нашейникъ—грину), съ надѣтками на него кольцами и другими выемками; эти вещи тогда же были поломаны дѣтьми и разбросаны. Въ 1873 г. слѣдовъ этого кургана уже не существовало.

Въ восьми курганахъ, раскопанныхъ въ урочищѣ Старый Кирпичный Заводъ, въ верхнихъ частяхъ насыпей, найдены глиняные сосуды, одинъ изъ которыхъ сохранился въ цѣлости (№ 1713), съ перемешанными человѣческими костями, а между костями сохранились нѣсколько расплавленныхъ стеклянныхъ бусъ, мелкіе бронзовые платки и окисная бронзовая бляшка.

Курганы Нурной губерніи, Путивлянскаго уѣзда, у села Марьяновки.

Въ Путивлянскомъ уѣздѣ, вождѣ села Марьяновки, — Буякова тамъ, на берегу рѣки Сейма, при впадѣніи на село Тегюни, на опушкѣ лѣса, принадлежащаго манастиру Варягскому, сохранилось до 30 кургановъ, имѣющихъ отъ 20 до 40 арш. въ окружности основанія и отъ 1/2 до 3 арш. отвѣсной высоты. Въ разныхъ мѣстахъ этой группы раскопаны мною въ 1875 году семь насыпей. Въ шести изъ нихъ найдено по одному погребальному глиняному сосуду (урны), а въ седьмомъ три такихъ сосуда. Пять сосудовъ заключали въ себѣ только жженныя человѣческія кости и слѣды разложившихся металлическихъ предметовъ, а въ двухъ, между перемешанными костями, найдены инжельдующіе предметы.

Курганы № I; о. 40, в. 3 арш. Въ насыпи, въ глубинѣ 1 1/2 арш. отъ вершины, — три сосуда черной глины, формъ горшковъ безъ ручекъ, рядомъ стояще (два цѣлыхъ сосуда были доставлены на Московскую антр. выставку 1879 года, а оттуда же возвращены); въ одномъ изъ нихъ (№ 3700), между перемешанными костями, найдены: обломокъ бронзовой серьжки, съ расплавленною стекляною бусою — подѣскою (251, — 3685), и часть проволоочкаго серебрянаго кольца (3686); между перемешанными костями другого сосуда, — до пяти проволочныхъ черепаховыхъ и стеклянныхъ бусъ (3687—3692), дѣтъ бронзовыя бляшки (3693), обломокъ желѣзнаго камня (3694), пять бронзовыхъ и до 50 серебряныхъ слитковъ, величиною отъ мелкой дроби до горошины (3695); въ третьемъ сосудѣ, — только перемешанныя кости.

Курганы № II; о. 30, в. 1 арш. Непосредственно подъ дерновымъ слоемъ, — глиняный сосудъ формы горшка изъ сѣрой глины, украшеннаго къ верхней части тремя волнообразными линиями (№ 3701), а въ немъ, — перемешанныя кости, слитки стеклянныхъ бусъ (3696) и желѣзные ножки (3697), бляха (3698) и кольцо (3699).

Курганы на границѣ Путивлянскаго и Сумскаго уѣздовъ, у хутора Сѣнова.

Въ Сумскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Путивлянскимъ уѣздомъ, у хутора Сѣнова, принадлежащаго Софроньевскому монастырю, сохранилось 24 кургана, по величинѣ и формѣ, подобныя курганамъ Марьяновской группы. Изъ нихъ въ 1875 году были раскопаны

мною восемь: наполовину одного из них была найдена человеческая остова, обращенный головой на ЮВ., правая рука пригнута кверху к нижней челюсти, а левая вытянута вдоль туловища, туловище на спине, ноги вытянуты; на запясть правой кисти,—бронзовое колечко, раскрошившееся при сжатии; в верхней половине другого кургана найдены два глиняных горшка, раздавленные землей, со жжеными человеческими костями, и один горшок, наполненный только землей (3702); в одном из сосудов, между жжеными костями, были замечены следы расплавленной бронзы; один сосуд сохранился в целостности (№ 3713), с перешитыми человеческими костями, а между костями сохранились несколько раздавленных стеклянных бусь, мелкие бронзовые слитки и бронзовая бляшка; в остальных шести курганах были найдены только черепки раздавленных землей глиняных сосудов и жженные кости.

Курганы Курского уезда, у села Кляквы, деревни Александровки и деревни Городища.

В Курском уезде, между селом Кляквою у рѣки Сейма и деревней Городищем, на берегу рѣки Рата в 1875 году сохранилось до 60 курганов, разбитых группами заключавшими в себя от 3 до 15 насыпей, а именно: у села Кляквы 11, у деревни Звегинцевой 5, у деревни Александровки 15, у села Котовцова 5 и между селом Котовцевым и деревней Городищем 12. В каждой из поименованных местностей на полях замечены были многочисленные следы распавшихся могил. Мною были раскопаны 24 кургана при выездах из села Кляквы в деревню Александровку при выезде из деревни Александровки в село Котовцево и у д. городища.

Во многих слоях насыпей курганов, разрытых у села Кляквы, помѣщались глиняные горшки, раздавленные землей, с перешитыми человеческими костями, между которыми были найдены каменные грановые бусы (252, — 3714, 3715), слитки стеклянных бусь (3616, 3617), серебряный слиток (3618), обломок проволочатого жальца (3619) и слитки окисных металлических предметов.

Во всех курганах, распавших до раскопки, разрытых мною до материка, никаких предметов не было найдено; но все в близости, эти курганы также заключали в себя погребальные сосуды, поставленные в верхней половине насыпи, разрушенной плугом до раскопки.

Из девяти курганов, распавших у деревни Александровки, три кургана помѣщались на пахати, распавшие до материка, оказались пустыми; четыре, помѣщавшиеся в рощѣ, заключали в себя глиняные черепки и жженные кости, а в двух, наполовинах насыпей, найдены по человеческому остову в сидячем положеніи: черепъ, позвоночный столбъ и кости таза помѣщались в одной кучѣ, ноги вытянуты, руки сложены на бедра, лицом в восток; при одном остове никаких украшений не было, а при другом найдены черепки раздавленного землей глиняного сосуда и жужельные ножки и пряжка.

Курганы Курской губернии, Суджанскаго уезда, у Бѣлогорскаго-Николаевскаго монастыря.

В Курской губернии, в Суджанском уезде, в Мировольской волости, у Бѣлогорскаго-Николаевскаго пустыни, на возвышенном берегу рѣки Пела, поросшем старым дубовымъ лѣсомъ, на пространствѣ около двухъ верстъ, в 1872 году сохранилось до трехсотъ кургановъ. Сверхъ того, на прилежащихъ къ лѣсу поляхъ замечены были слѣды многихъ распавшихся кургановъ. Высота сохранившихся насыпей, при окружности основания отъ 20 до 40 аршинъ, измѣняется отъ половины до пяти аршинъ, а форма,—отъ тупаго конуса до правильнаго полушара; жюгте изъ помѣщавшихся на распавшемъ полѣ оста-

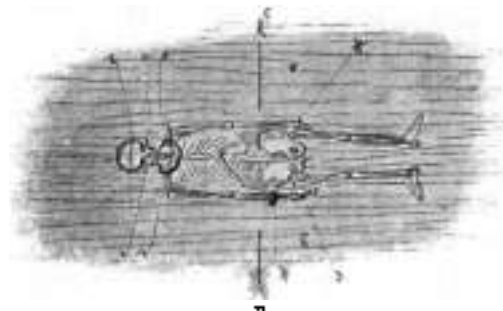
или слѣды своего существованія только въ слѣдъ замѣтныхъ возвышеній и часто попадавшихся на ровной поверхности человѣческихъ костей. Въ 1872 году разрыто мяомъ въ равнинѣ мѣстахъ группы восемъдесятъ шесть насыпей.

Десятнадцать кургановъ заключали въ себѣ глиняные сосуды съ человѣческими жжеными костями; четыре изъ нихъ помѣнялись въ лѣсу, съ лѣвой стороны дороги, ведущей къ села Рождественскаго къ монастырю, а остальные на разпаханномъ полѣ, съ правой стороны упомянутой дороги. Въ трехъ курганахъ, рядомъ съ горшками, содержащими въ себѣ пережженные кости, были найдены пустые, — наполненные только землей. Между жжеными костями найдены слѣды мѣдной и жгѣной окиси, 18 расплавленныхъ стекляныхъ бусъ, три обломка отъ бронзовыхъ колець, сорокъ шесть бронзовыхъ и семнадцать серебряныхъ маленькихъ слитковъ. Урны помѣнялись въ верхней части предварительно приготовленной насыпи; признаковъ сожженія труповъ на мѣстахъ кургановъ не обнаружено, — они сожжались въ захребальнаго кургана.

Шестъдесятъ шесть кургановъ покрывали собою костяки, погребенные на материкѣ, безъ могильной ямы и гроба, какъ показываютъ рисунки подлѣ №№ 66 и 67.

Рисунокъ № 66.

Рисунокъ № 67.

Курганъ № I; выс. 3, окр. 35 арш. Полъ пестромъ насыпи, на материкѣ, — костякъ, головою на З., туловище на снѣгѣ, конечности вытянуты; при костякѣ, подлѣ затылкомъ, — остатки дубоватаго кружка (254, — 3768), серебряная лента, огнѣванная черепъ, съ крючками по концамъ, около дюйма шириною (3769—3771), серебряная проволочная сережка, безъ спайки концовъ, съ бусою — подвѣскою изъ комбинаціи (3772), 12 стекляныхъ позолоченныхъ бусъ (3773), нашивника изъ толстой скрученной бронзовой проволоки, съ расплещеными и заостренными концами, загнутыми ушками, по изгибамъ срединной части нашивника занята бронзовая витка, скрученная изъ двухъ тончайшихъ проволокъ (3774), два браслета изъ скрученныхъ бронзовыхъ проволокъ (3775, 3776), бронзовое и серебряное плоскія кольца, безъ спайки концовъ (3777, 3778).

Курганъ № II-ой; в. 3, о. 35 арш.; на материкѣ, — костякъ, головою на З., туловище на снѣгѣ, конечности вытянуты; при костякѣ, — ожерелье изъ 31 бусы, глиняныхъ и стекляныхъ (254, — 3779), серебряная узорчатая пряжка формы полумѣсяца, съ пятью бордюрчатыми выпуклостями на лицевой поверхности (3780), кольцо изъ серебряной скрученной проволоки, съ спаянными концами (3781).

Курганъ № III-й; в. 2, о. 30 арш.; на материкѣ, — костякъ, головою на З., на снѣгѣ, конечности вытянуты; при костякѣ, — ожерелье изъ 15 посеребряныхъ и 14 позолоченныхъ стекляныхъ бусъ (254, — 3782), пряжка, подобная пряжкѣ кургана № II-ой (3783), серебряная проволочная кольцо, безъ спайки концовъ (3784), серебряный проволочный браслетъ (3785), кольцо, свитое изъ тонкихъ бронзовыхъ проволокъ (3786).

Курганъ № IV; в. 3, о. 4 арш.; на материкѣ, — костякъ, головою на ЮЗ., на снѣгѣ, руки сложены кистями въ нижней части живота, ноги вытянуты; при костякѣ, — серебряная лента, огнѣванная голову, подобная лентѣ кургана № I, ожерелье изъ 36 бусъ разной формы и величины, стекляныхъ и глиняныхъ (254, — 3787), три серебряныхъ и одна брон-

завая проволоки, загнутая къверху въ одинъ оборотъ, а кънизу въ пять оборотовъ, спиралью, по двѣ съ боковъ головы (3788—3790).

Курганъ № V; в. 3, о. 40 арш.; на материкѣ,—костякъ, головою на В., кисти рукъ въ нижней части живота, туловище на спинѣ, ноги вытянуты; при костякѣ,—ожерелье изъ 36 медныхъ бусъ и 12 бронзовыхъ подвѣсокъ, формы куголакъ (255,—3791), колечко изъ тонкой скрученной бронзовой проволоки на пальцѣ правой кисти (3792), ушное серебряное кольцо, съ изгибомъ одного конца въ форму ушка (3793).

Курганъ № VI; в. 1 1/4, о. 30 арш.; на материкѣ,—костякъ, головою на ЮЗ., кисти рукъ на животѣ, туловище на спинѣ, ноги вытянуты; при костякѣ,—37 глиняныхъ и стеклянныхъ бусъ, съ подвѣскою изъ морской раковины (255,—3794), бронзовое проволочное колечко, съ подвѣскою изъ морской раковины (3795), бронзовое проволочное колечко, съ подвѣскою—поволоченною бусою (3796); съ боковъ головы,—по двѣ серебряныхъ проволоки, свернутыхъ спиралью, подобныя проволокамъ кургана № IV (3794—3798), желѣзныя кольца со слѣдами деревяннаго черенка (3799).

Курганъ № VII; в. 1, о. 30 арш.; на материкѣ,—костякъ, головою на З., лицо на лѣвой щекѣ, туловище на спинѣ, лѣвая рука на туловищѣ, а правая вытянута вдоль туловища; при костякѣ,—30 стеклянныхъ позолоченныхъ бусъ (255.—3800, 3801), серебряное проволочное кольцо, съ продѣтыми въ него маленькими серебряными же колечкомъ (3802), проволочное серебряное колечко, съ тремя подвѣсками формы ушекъ, свитыхъ изъ тонкихъ проволокъ (3803).

Курганъ № VIII; в. 2 1/2, о. 30 арш.; на материкѣ,—костякъ, головою на З., лицо на лѣвой щекѣ, нижняя челюсть отодвинута вправо, туловище на спинѣ, правая рука сложена кистью на груди, а лѣвая вытянута вдоль туловища, ноги вытянуты; при костякѣ,—двадцать четыре стеклянныя посеребренныя бусы (255.—3804), глухое серебряное колечко (3805), пять серебряныхъ проволочныхъ колецъ, связанныхъ кожей, на одномъ изъ которыхъ три металлическихъ подвѣски, снятыя уздами изъ тонкой проволоки (3806), кусокъ сохранившейся кожи (3807), продырявленная серебряная монета (3808) епископа Бернольда, герцога Гренлингена, 1027—1054 годовъ¹⁾.

Курганъ № IX; в. 1, о. 25 арш.; на материкѣ,—костякъ, головою на З., на спинѣ, ноги вытянуты, руки сложены кистями на животѣ; при костякѣ,—слѣды разложившагося ожерелья изъ глиняныхъ бусъ, двѣ серебряныя проволоки, свернутыя спиралью, по одной съ боковъ головы (255.—3809), два серебряныхъ кольца, безъ слѣдовъ кончиковъ (3810, 3811), бронзовая подвѣска формы пряжки, съ надѣтыми на нее двумя бронзовыми колечками (3812), клочъ темныхъ человѣческихъ волосъ (3813) и ухо, покрытое мѣдною окисью (3814).

Курганъ № X; в. 1, о. 25 арш.; на материкѣ,—костякъ, головою на З., на спинѣ, руки вытянуты; при костякѣ,—18 стеклянныхъ позолоченныхъ бусъ и двѣ глиняныя (256.—3815), серебряная проволока, загнутая спиралью, съ надѣтыми на нее маленькими колечкомъ изъ тонкой серебряной проволоки (3816), такая-же спираль, съ надѣтой на нее глубокой стеклянной бусою (3817), круглая серебряная узорчатая прищѣпка (3818), массивное серебряное кольцо со спаянными концами (3819).

Курганъ № XI; в. около 4, о. 40 арш.; на материкѣ костякъ,—головою на З., лицомъ вверхъ, туловище на спинѣ, конечности вытянуты; при костякѣ,—четырёхгранная серебряная скрученная проволока, отгибавшая черепъ, одинъ конецъ которой загнутъ ушкомъ, а изъ другому концу прикрѣплена тонкая серебряная бляха формы свернутого листа, оба конца проволоки соединены колечкомъ (3820, 3820), серпантъ изъ проволоки, съ одного конца расширенной и загнутой ушкомъ (3821), бронзовая серпантъ съ подвѣскою, свитой

¹⁾ Определена К. Б. Иверсеномъ; изображена въ „Запискахъ Имп. Арх. Общества, IV, табл. IX № 1. описан. 213, гдѣ невольно приписана городу Утрехту.

узелок из тонкой проволоки (3822), два проводочных колечка, безъ спайки концовъ (3823), ожерелье изъ 130 мелкихъ бусъ и 37 мелкихъ бронзовыхъ подвесокъ формы цуговокъ, изъ которыхъ 14 бусъ и 3 подвески найдены съ сохранившеюся ниткою (3824, 3825).

Курганъ № XII; в. 2, о. 30 арш.; на материкѣ,—косякъ, головою на ЮВ., лицомъ на правой щека, туловище на спина, руки сложены кистями на животѣ, ноги вытянуты; при косякѣ,—окисшая серебряная лента, огибавшая голову, стѣлы разложившагося ожерелья изъ глиняныхъ бусъ, 3 серебряныхъ проволочки, закрутыя въ верту въ одинъ оборотъ и въ нѣзу въ шесть оборотовъ, на одной изъ нихъ сохранилась часть человѣческаго уха (256, 3826—3828), 3 проводочныхъ кольца, безъ спайки концовъ, на одномъ изъ которыхъ надѣта маленькое проводочное колечко, также безъ спайки концовъ (3829—3831), желѣзный ножикъ (3832).

Курганъ № XIII; в. 2, о. 30 арш.; косякъ на материкѣ, головою на ЮВ., лицомъ вверхъ, туловище на спина, руки вытянуты по бокамъ туловища; при косякѣ,—стѣлы разложившейся серебряной ленты, огибавшей голову, пятнадцать глиняныхъ и стеклянныхъ бусъ (257—3833), девять проводочныхъ колецъ, безъ спайки концовъ, въ одно изъ которыхъ пролѣта позолоченная буса (3834), два кольца на пальцахъ правой кисти изъ которыхъ одно плоское, серебряное (3835), а другое, свитое изъ тонкой бронзовой проволоки (3836).

Курганъ № XIV; в. 1¹/₂, о. 30 арш.; косякъ на материкѣ, головою на З., на правой щека, туловище на спина, руки сложены кистями въ нижней части живота, ноги вытянуты; при косякѣ,—шесть свернутыхъ спиралью серебряныхъ проволочъ (257, 3837), пять стеклянныхъ позолоченныхъ бусъ и оляя посеребренная (3838), напайникъ изъ желѣзной проволоки (3839), желѣзный ножикъ у лѣваго бока (3840).

Курганъ № XV; в. 1¹/₂, о. 35 арш.; на материкѣ,—очень разложившійся косякъ, головою на З. а при немъ,—два проводочныхъ спирали (257, 3841) и серебряное колечко, безъ спайки концовъ (3842).

Курганъ № XVI; в. 2, о. 30 арш.; на материкѣ,—косякъ, головою на З., лицомъ вверхъ, туловище на спина, руки сложены кистями на груди, ноги вытянуты; при косякѣ,—пять позолоченныхъ и шесть посеребренныхъ бусъ (257, 3843), десять проводочныхъ колецъ различной величины, безъ спайки концовъ, на одномъ изъ которыхъ надѣта голубая стеклянная буса (3844—3846), клокъ темныхъ человѣческихъ волосъ (3847), проводочная спираль (3848; на табличкѣ № 267, подъ № 3848 помещается коробочка съ фрагментами головныхъ серебряныхъ лентъ, колецъ, бусъ и проч.).

Курганъ № XVII; в. 2¹/₂, о. 45 арш.; косякъ на материкѣ, головою на СВ., лицомъ вверхъ, на спина, конечности вытянуты; при косякѣ,—серебряная лента, огибавшая голову, шириною въ полвершка, съ крючками на затылкѣ; 14 посеребренныхъ и 16 позолоченныхъ стеклянныхъ бусъ; два бронзовыя пряжки; четыре проводочныхъ кольца, изъ которыхъ два съ тремя бусами изъ тонкой проволоки; два браслета изъ разложившихся бронзовыхъ проволочъ; кольцо на пальцѣ лѣвой кисти; желѣзный ножикъ на груди (предметы изъ этого кургана, для сравненія съ предметами финскихъ кургановъ, были переданы И. Д. Бѣляеву, а послѣ его смерти въ распоряженіи восточниковъ).

Курганъ № XVIII; в. 2, о. 20 арш.; косякъ на материкѣ, головою на З., черепъ на правой щека, а нижняя челюсть въ первоначальномъ положеніи, передней частью вверхъ, туловище на спина, руки сложены кистями на груди, ноги вытянуты; при косякѣ,—желѣзные ножикъ и пряжка или огнико (257,—3850).

Курганъ № XIX; распавшійся; на материкѣ,—косякъ, головою на З., лицомъ вверхъ, руки сложены кистями на груди, ноги вытянуты; при косякѣ,—окисливъ желѣзный ножикъ и бронзовое кольцо.

Курганъ № XX; распавшійся; на материкѣ.—косякъ, головою на ЮВ., черепъ на

левой щекъ, руки сложены кистями въ нижней части живота; при костяхъ.—стѣлы разно- жившихся глиняныхъ бусъ, пряжки формы полукруга, браслетъ изъ скрученной брон- зовой проволоки, три гладкія и одно витое проволочныя кольца (переданы И. Д. Бѣляеву).

Курганъ № ЖЖІ; распаханный; на материкѣ.—костякъ, головою на З., правая рука на груди, лѣвая вытянута вдоль туловища; при костяхъ, подъ черепомъ.—дубовый кру- жокъ: съ боковъ головы.—но дѣй проволоки, загнутыя къ верху въ одинъ оборотъ, а къ низу въ семь оборотовъ; подъ нижней челюстью.—двадцать восемь глиняныхъ и сте- кляныхъ бусъ: на рукахъ,—два бронзовыхъ браслета, изъ которыхъ одинъ гладкій, а дру- гой скрученный изъ проволоки (предметы изъ этого кургана переданы черномъ Ю. И. Ку- шелевскому въ Курскій Статистическій Комитетъ; изданы въ „Грудяхъ Курск. Стат. Комит. за 1874 г.“).

Въ двѣнадцати курганахъ той же группы, сходныхъ по устройству съ предыдущими, были открыты костяки съ дублетами предметовъ, найденныхъ въ предыдущихъ курганахъ (переданы частью И. Д. Бѣляеву, для помѣщенія въ Музей Общества Любителей Востоковѣдѣнія, Антропологии и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ, частью Ю. И. Ку- шелевскому, для Курскаго Статистическаго Комитета, частью графу А. С. Уварову, для Музея Московскаго Археологическаго Общества, частью В. В. Антоновичу, для Музея Киев- скаго Университета).

Въ тридцати одномъ курганѣ, сходныхъ по устройству съ предыдущими, были най- дены только костяки, безъ сохранившихся украшеній; изъ нихъ 16 были образами го- ловой на З., 8 на В., 6 на ЮЗ. и одинъ на СЗ, черена лицомъ вверхъ и опрокинутые давлениемъ земли на правую или лѣвую щекъ; туловище на спинѣ, грудью вверхъ; руки въ различныхъ положеніяхъ: сложены кистями на груди и на животѣ, одна рука на ту- ловищѣ, а другая вытянута, обѣ руки вытянуты вдоль туловища; ноги вытянуты, колѣ- ными вверхъ; при нѣкоторыхъ костякахъ были замѣтны мѣдная и желѣзная опись.

Въ двухъ курганахъ, на подшпѣ, были найдены кости человѣческихъ костяковъ въ беспорядкѣ, со слѣдами на нихъ мѣдной описи. Эти могилы были раскопаны кѣмъ-то прежде (вѣроятно, А. Дмитриевымъ), и кости были брошены обратно въ могилу и за- сыпаны.

Въ одномъ курганѣ не было найдено ни остова, ни слѣдовъ трупосожженія.

Курганы Куренной губерніи, Суджанскаго уѣзда, у г. Мирнополья.

Въ 1872 году въ разстояніи 3 версты отъ замѣтнаго г. Мирнополья, у большой дороги на г. Суджу мною были замѣчены 19 кургановъ, изъ которыхъ только 5 уцѣлѣли, а осталь- ные были раскопаны вепавѣстно кѣмъ и когда. Сохранившіеся курганы, повидимому, пред- ставляли собою остатки большого курганнаго могильника, лежащаго по обѣимъ сторо- намъ сѣвѣнной большой дороги, но почти совершенно распаханнаго плугами. Въ Мир-нопольской группѣ раскопаны мною шесть насыпей: 3 сохранившіяся въ цѣлости и 3 для провѣрки раскопанныхъ кѣмъ-то прежде.

Въ разрытыхъ прежде курганахъ обнаружены человѣческія кости, сложеныя въ бес- порядкѣ на подшпѣ насыпей, со слѣдами на нѣкоторыхъ изъ нихъ мѣдной описи.

Въ уцѣлѣвшихъ курганахъ найдены могилы, однородныя съ могилами Иллариовскихъ кургановъ.

Курганъ № І; едва замѣтный; костякъ на материкѣ, головою на З., туловище на спинѣ, руки сложены кистями въ нижней части живота, ноги вытянуты; при костяхъ,—шесть проволокъ, по три съ боковъ головы, загнутыя къ верху въ одинъ оборотъ, а къ низу въ пяти до семи оборотовъ, спиралью, 16 стальныхъ проволочныхъ и шесть глиняныхъ бусъ, 2 проволочныхъ браслета, проволочное кольцо съ пальца правой руки (переданы

И. Д. Бяляеву для Музея Общ. Любител. Естеств. Антропол. и Этногр. при Московскомъ Университетѣ).

Курганъ № II; в. 2, в. 30 арш.; на материкѣ.—косякъ головою на ЮЗ., кисти рукъ на живогѣ; при косякѣ,—8 новолетальныхъ и 6 посеребренныхъ стекляныхъ бусъ, два серебряныхъ кольца, бѣсъ сланки нащцовъ (переданы Ю. И. Кудряковскому).

Курганъ № III; у дороги, распаханный; косякъ на материкѣ, головою на Ю, лѣвая рука на туловищѣ, а правая вытянута; на черепѣ,—остатки разошедшейся лезвы; на груди,—окиселій желѣзный ножикъ.

По обряду погребенія покойниковъ, ихъ положенію въ могилѣ и украшеніямъ, они имѣютъ видъ еврейскій. Мирнопольская группа кургановъ совершенно сходна съ Бѣлогорскою группою.

Курганы Полтавской губерніи, Ромненскаго уѣзда, у города Гляйска.

При выѣздѣ изъ заштатнаго г. Гляйска, Ромненскаго у., Полтавской г., къ рѣкѣ Сулѣ, съ правой стороны дороги, вблизи „Замчища“, на покатоости горы въ 1882 г. было замѣтно болѣе пятидесяти небольшихъ кургановъ, отъ края замѣтныхъ насыпей до 2 арш. в. и отъ 15 до 36 арш. въ окр. основанія, расположенныхъ другъ возле друга. Покатость горы, занятая сохранившимися курганами, отдѣляется отъ прилегающаго къ ней поля съ Ю-ой и ЮЗ-ой сторонамъ естественными оврагами; часть курганнаго кладбища съ С-ой стороны была захвата еврейскими кладбищемъ, и отведенное подъ него курганы покрыты еврейскими могилами новейшаго времени; кромѣ того къ еврейскому кладбищу прирѣзана еще часть курганнаго кладбища, но до 1880 года въ этой части ковыльскихъ погребеній еще не было. Съ Ю-ой, южной стороны къ курганамъ примыкаетъ недавно построенный здѣсь кирпичный заводъ. Прилегающее къ площади сохранившихся кургановъ поле и огорода несомнѣнно также были заняты въ древности курганами, отъ которыхъ же сохранилось уже никакихъ слѣдовъ, за исключеніемъ шести насыпей, помѣщавшихся надъ оврагомъ, а потому уцѣлѣвшихъ отъ раскопки, и одного кургана въ огородѣ, уцѣлѣвшаго потому, что на немъ растутъ три березы. Повидимому, уцѣлѣвшая группа кургановъ представляла собой только малую часть курганнаго кладбища, давно уже распаханнаго подъ посѣвомъ, и сохранившаяся часть его уцѣлѣла только потому, что помѣщается на спускѣ горы, прикрытой оврагами и неудобной для раскопки. Рабочіе кирпичнаго завода добывали глинъ, по ихъ словамъ, нередко находили человѣческія кости, бусы, кольца и другіе предметы, подобные предметамъ, найденнымъ мною въ уцѣлѣвшихъ курганахъ этой группы. Такіе-же предметы, по словамъ мѣстныхъ жителей, были находимы при возведеніи построекъ и проведеніи канавъ въ огородахъ, прилегающихъ къ уцѣлѣвшимъ курганамъ. Во время раскопокъ однимъ изъ мѣстныхъ жителей были принесены и переданы И. А. Линиченко, присутствовавшему при работѣ раскопкахъ, четыре спирально свернутыя серебряныя проволоки, найденныя при человѣческихъ костяхъ надъ ровною поверхностью земли, совершенно сходныя съ найденными въ курганахъ. Мною раскопаны въ этомъ могильникѣ 36 насыпей.

Курганъ № I; выс. 2, окр. 36 арш.; подл. центрумъ насыпи.—могилища изъ около трехъ аршинъ длиной въ направленіи съ В. на Ю, 5 четв. м. и 3 четв. гд.; на лѣв. имѣ,—человѣческой косякъ, головою на Ю, туловище на сланкѣ, руки вытянуты по бокамъ туловища, ноги вытянуты; при косякѣ, на пальцѣ правой кисти,—глухое серебряное кольцо (258,—3851); у лѣвой кисти,—окиселій желѣзный ножикъ. Въ томъ-же курганѣ, въ южной половинѣ, на полшлѣ насъямъ, въ расколѣніи 2 арш. отъ центральной могилы.—остатки дѣтскаго остова въ указанномъ положеніи взрослого остова, а при немъ, подл. видѣющаго челюсть,—1 стекляныхъ бусъ (3852).

Курганъ № II; в. 1 1/2, о. 35 арш.; подъ центромъ насыпи, въ могильной ямѣ около аршина глубины,—кости, головою на СЗ., руки сложены кистями въ нижней части живота, ноги вытянуты; съ боковъ головы,—фрагменты разломившихся серебряныхъ сережекъ (258,—3853); на груди, подъ нижней челюстью,—два ряда стеклянныхъ позолоченныхъ бусъ (по пятнадцать въ рядъ) и двѣ крупныя граничныя бусы изъ аметиста (3854—3856).

Курганъ № III; в. 3/4, о. 25 арш.; на подошвѣ насыпи,—кости, головою на З., на спинѣ, конечности вытянуты; у головы,—серебряная лента, обвивавшая черепъ отъ лба къ затылку, съ крестиками на концахъ (258,—3857); съ боковъ черепа,—пять серебряныхъ проволоки, загнутыхъ къ киву въ четыре и пять оборотовъ, а къверху въ одинъ оборотъ (3858—3860); на груди, подъ нижней челюстью,—ожерелье изъ мелкихъ стеклянныхъ бусъ и бронзовыхъ подвесокъ формы бубенчиковъ, состоящихъ изъ двухъ половинокъ, съ ушками (3861, 3862), восточная монета X вѣка (саманидская дирхемъ), служившая подвеской къ ожерелью (3863); на правой рукѣ,—плоскій бронзовый браслетъ (3864) и кольцо изъ бронзовой проволоки, расплюсченной въ срединѣ и загнутой въ три оборота (3865; № 3866 значится коробочка съ фрагментами серебряныхъ лентъ и проч.).

Курганъ № IV; едва замѣтное возвышеніе; на глубинѣ трехъ четвертей,—человѣчeskій кости, головою на З., конечности вытянуты; у головы,—серебряная лента, обвивавшая черепъ, продырявленная на концахъ (258, 3867), четыре бронзовыхъ спирали (3868—3870); подъ нижней челюстью,—ожерелье изъ множества мелкихъ бусъ и бронзовыхъ подвесокъ формы бубенчиковъ, состоящихъ изъ двухъ половинокъ, съ ушками (3871—3873); на пальцѣ правой кисти,—плоское бронзовое колечко (3874).

Подъ тѣмъ же возвышеніемъ, у ногъ описаннаго остова, найдены фрагменты человеческого остова, сложенного въ безпорядкѣ, и между костями,—обломки серебряной ленты (3875), бронзовая спираль (3876) и 19 стеклянныхъ позолоченныхъ бусъ (3877).

Курганъ № V; в. 1, о. 30 арш., въ части могильника, отведенной подъ еврейское кладбище; подъ центромъ насыпи, въ могильной ямѣ около аршина глубины,—кости, головою на ЮЗ.; у головы,—слѣды разломившихся сережекъ съ серебряными ягодковидными подвесками (259, 3878); подъ нижней челюстью,—8 стеклянныхъ позолоченныхъ бусъ (3877) и крупная граничная буса изъ сердолика (3878).

Курганъ № VI; в. 2, о. 35 арш.; могильная яма 1 арш. гл. со слѣдами разломившагося дерева въ размѣрѣ гроба, а въ ней,—кости, головою на З., на спинѣ; лѣвая рука вытянута, а правая пригнута кистью къ плечу, ноги вытянуты; у головы,—четыре серебряныхъ кольца безъ снайки концовъ, и фрагменты разломившихся крупныхъ ягодковидныхъ подвесокъ (260,—3879, 3880); подъ нижней челюстью,—слѣды разломившагося ожерелья изъ глянчатыхъ бусъ; на пальцахъ кистей рукъ,—два серебряныхъ колечка, безъ снайки концовъ (3881); у лѣвой голени,—прислиха изъ шифера (3882).

Курганы Роменскаго уѣзда, въ городѣ Глинскѣ.

Въ 1889 году остатки другого курганнаго могильника, подобнаго предыдущему по величинѣ, устройству и содержанію кургановъ, были найдены въ самомъ городѣ Глинскѣ, въ части незастроенной возвышенности, въ числѣ до 30 насыпей; изъ нихъ были распланы мною 6 насыпей.

Курганъ № I; в. 1, о. 30 арш.; на материкѣ.—кости, головою на ЮЗ., руки сложены кистями на животѣ, ноги вытянуты; на черепѣ,—скрученная серебряная проволока, обвивавшая черепъ, загнутая съ одного конца кресткомъ, а съ другого расширенная въ форму толстаго свернутого листа (260,—3883, 3884), серебряныя спирали (3885) и двѣ подвески изъ морскихъ раковинъ, съ бронзовыми ушками (3886, 3887), ожерелье изъ мшане-

ства мелких бусъ и бронзовыхъ подвесокъ формы бубенчиковъ (3888, 3889); часть ожерелья сохранилась съ нитками, на которыхъ наизямы бусы и подвески. (3890, 3891).

Курганъ № II; в. I, о. 25 арш.; на пологий насыпи, подъ продолговатымъ слоемъ угла, — обугленный человеческій остовъ, головою на З., возлѣ головы, — буса и два серебряныхъ колечка, безъ спайки концовъ (260, — 3892).

Курганъ № III; в. 1¹/₄, о. 26 арш.; на материкѣ, — костякъ, головою на ЮЗ., кисти рукъ на животѣ, ноги вытянуты; у головы, — сережка изъ бронзовой проволоки, съ серебряною яголовчаткою подвескою (260, — 3893).

Курганъ № IV; в. 1¹/₄, о. 30 арш.; на материкѣ, — дѣтскій остовъ, съ бронзовыхъ колечкомъ, безъ спайки концовъ, на правой кисти (260, — 3894).

Курганы №№ V и VI; в. около двухъ, о. около 30 арш.; въ могильныхъ ямахъ около аршина глубины, — признаки разложившихся деревянныхъ гробовъ, а въ нихъ, — костяки, головою на З., конечности вытянуты; возлѣ дѣла кистей, — желѣзные ножки со слѣдами разложившихся деревянныхъ ручекъ (260, — 3895, 3896; подл. № 3897 значится коробочка съ обложками бусъ и пр.). Курганы той-же группы, раскопанные Н. А. Ливиниченко и С. А. Макараки включали въ себя человеческіе костяки, безъ сохранившихся украшеній, или съ украшеніями, представлявшими собою дублиеты предметовъ, найденныхъ въ описанныхъ курганахъ.

По устройству могилъ, положенію въ могилкахъ костяковъ и предметамъ, при костякахъ найденнымъ, описанныя группы Глинскихъ кургановъ вносятъ сходныя съ Бѣлогорскою курганною группою Суджанскаго у., Курской г.

Курганы Полтавской губерніи, Роменскаго уѣзда, у села Медвѣньяга.

Въ 1876 году въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, у с. Медвѣжья были найдены мною двѣ группы кургановъ: до 50 насыпей въ урочищѣ Кошцово и до 60 насыпей въ урочищѣ Межскомѣ, на Посадѣ — тоже. Окружность основанія кургановъ той и другой группы до 40 аршинъ, а отвѣсная высота до 3 аршинъ. Раскопаны 16 кургановъ въ первой группѣ и 18 во второй; подъ каждымъ открыты могильная яма отъ одного до трехъ аршинъ глубины, вырытая въ глиняномъ слое, подобная христіанскимъ; а въ нихъ, — человеческіе костяки, обращенные головою на западъ, лицомъ вверхъ, съ костями рукъ на груди и на животѣ, ноги вытянуты. При костякахъ почти во всѣхъ могилкахъ найдены слѣды разложившагося дерева отъ гробовъ и окисшіе желѣзные гвозди (261, — 3898); а сверхъ того, при пяти остовахъ въ первой группѣ и при шести во второй найдены шесть желѣзныхъ ножиговъ (3899—3904), одно глухое кольцо изъ двухъ скрученныхъ проволокъ (3905), семь проволочатыхъ колецъ, безъ спайки концовъ (3906—3912), и желѣзное кресало — огниво (3913).

Курганы Полтавской губерніи, Роменскаго уѣзда, у села Липоваго.

Въ Роменскомъ у., у с. Липоваго въ 1876 году была найдена мною громадная группа кургановъ, лежащихъ другъ возлѣ друга на огромномъ выгонѣ, начинающемся возлѣ самаго села и простирающемся до такъ называемой Царини. Проѣзжая это село, я въ теченіи дни раскопалъ три насыпи, вѣдшія отъ одного до трехъ аршинъ отвѣсной высоты; подъ ямами найдены были могильныя ямы, подобныя ямамъ сѣверянскихъ кургановъ, а на днѣ, — костяки, головою на З., руки сложены на туловищѣ, ноги вытянуты; при одномъ изъ костяковъ, — бронзовыи проволочатый браслетъ, такое-же кольцо, безъ спайки, и нѣсколько стеклянныхъ бусъ.

Курганы Полтавской губернии, у города Переяслава.

Городъ Переяславль, Полтавской губернии, въ 1877 году со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ множествомъ кургановъ, сгруппированныхъ преимущественно въ четырехъ пунктахъ: 1) въ урочищѣ Альтецкомъ, у кладбищенской церкви, при выѣздѣ изъ Переяслава на пароходную пристань; 2) на выгонѣ у городского острога; 3) при выѣздѣ изъ Переяслава на Киевъ, гдѣ ярмарочная площадь, у кладбищенской церкви; 4) въ урочищѣ Подворажъ, при выѣздѣ изъ Переяслава въ городъ Чернятинъ. Въ каждой изъ сказанныхъ группъ сохранялось отъ двадцати до четырехъ сотъ кургановъ, имѣвшихъ отъ 15 до 50 арш. въ окружности основанія и отъ одного до четырехъ аршинъ стѣпной высоты. Сверхъ того, въ тѣхъ же урочищахъ и въ ихъ окрестностяхъ сохранялись слѣды раскопанныхъ и застроенныхъ населий. Мною въ четырехъ указанныхъ группахъ было раскопано 55 могилъ, отъ 10 до 15 въ каждой.

Во всѣхъ группахъ курганы оказались, по устройству и содержанию, совершенно сходными съ курганами окрестностей Чернятова, заключающими въ себѣ костяки въ могильныхъ ямахъ, закрытыхъ въ материкѣ на глубину отъ одного до двухъ арш., безъ украшеній, или слѣды украшенныя, со слѣдами гробовъ, въ положеніи головы въ западъ, лицомъ вверхъ, туловище на спинѣ, руки сложены на туловищѣ, кистями на груди или на животѣ, ноги вытянуты. Присутствіе въ могилѣ украшеній не зависитъ отъ величины насыпей; часто въ могилахъ, имѣвшихъ до 50 аршинъ въ окружности основанія и до 4 аршинъ стѣпной высоты были находимы костяки безъ украшеній; а наоборотъ, были находимы украшенія въ могилахъ, закрытыхъ едва замѣтными насыпями. Изъ 55 раскопанныхъ кургановъ украшенія были найдены въ 17.

Урочище *Альтецкое*. **Курганъ № I**; ок. 45, в. 3 арш.; при костякѣ,—слѣды разложившагося гроба, два желѣзныхъ гвоздя; у головы,—два сердцевидныхъ и одинъ ягодковидный металлическія бусы (3723, —3724), четыре серебряныхъ кольца, безъ спайки концами (3725, 3726); на пальцахъ рукъ,—серебряное кольцо (3727) и серебряный перстень, съ рѣзкою чашковидною серебряною накладкою (3728).

Курганъ № II; подобный предыдущему; при костякѣ, у лѣваго уха,—серебряныя сережки, съ серебряною ягодковидною подвескою—бусою (3729).

Курганъ № III; ок. 35, в. $2\frac{1}{2}$ арш.; при костякѣ,—бронзовое колечко (3730), костяной гробовщекъ, украшенный двумя рѣзными косточками, округленнымъ четырехъ бронзовыми гвоздиками (3731), каменный оселедь (3732) и слѣды разложившагося желѣза.

Курганъ № IV; ок. 25, в. $\frac{3}{4}$ арш.; при костякѣ,—серебряное проволочное колечко, безъ спайки концами, бронзовое колечко, стальная буза и окислѣннй желѣзный ножикъ (3733).

Въ могильныхъ ямахъ подъ остальными семью курганами, расположенными въ урочищѣ Альтецкомъ, были найдены костяки безъ украшеній. Изъ нихъ три кургана отличались отъ другихъ своею формой. Первый имѣлъ продолговатую форму, 12 арш. д., 3 арш. ш. и 4 арш. в.; былъ обведенъ рамъ 3 арш. ш. и $1\frac{1}{4}$ арш. гл. Подъ курганомъ была открыта яма 3 арш. гл. 5 арш. дл. и около 3 арш. ш., а въ ней,—слѣды трехъ разложившихся гробовъ и три человѣческихъ костяка, лежащихъ рядомъ, въ разстояніи аршина одинъ отъ другого, обращенныя головами въ западъ, на спинѣ, кисти рукъ у одного за груди, а у двухъ въ нижней части живота, ноги вытянуты, безъ украшеній. Насыпь второго кургана имѣла форму предыдущаго, но меньшихъ размѣровъ, 10 арш. д., 6 арш. ш. и 2 арш. в.; въ могильной ямѣ 3 арш. д. и $2\frac{1}{4}$ арш. ш. и ш. найдены слѣды разложившихся гробовъ и два человѣческихъ костяка. Насыпь третьего кургана имѣла форму пирамиды съ квадратнымъ основаніемъ въ 20 арш. д. и ш., в. 5 аршинъ; подъ центромъ насыпи, въ могильной ямѣ 3 арш. д., и 2 арш. ш. и гл.—слѣды разложившагося дерева отъ гроба, два окислѣннхъ желѣзныхъ гвоздя и костякъ.

Урочище у острова. **Курганы № V;** ок. 40, в. 3 арш. В верхней половине насыпи,—гробъ съ остатками покойника христианской эпохи. Подъ курганомъ, въ могильной ямѣ,—слѣды сгнившаго гроба, желѣзные гвозди и костякъ; у лѣваго бока,—желѣзный ножикъ (253,—3734); на пальцѣ правой кисти,—бронзовое проволочное кольцо (3735).

Курганы № VI; ок. 35, в. 1¼ арш.; при костякѣ, у головы,—круглая стеклянная буса и два серебряныхъ колечка, безъ спайки концовъ (3736, 3737).

Курганы № VII; ок. 40, в. 2¼ арш. В насыпи,—остатки гроба съ покойникомъ христианской эпохи. Подъ курганомъ, въ могильной ямѣ,—костякъ, в при немъ, у головы,—стеклянная граненая сердоликовая буса (3738, 3739) и слѣды разложившихся серебряныхъ сережекъ; на пальцахъ рукъ,—два проволочныхъ серебряныхъ кольца, безъ спайки концовъ (3740, 3741).

Урочище Ярмарочная Площадь. **Курганы № VIII;** ок. 40, в. 3 арш.; при костякѣ, съ боковъ головы,—слѣды разложившихся сережекъ изъ серебряной проволоки, двѣ металлическихъ ягодноливые бусы—подвѣски, глиняная, двѣ сердоликовые и продолговатая граненая стеклянная бусы (353,—3742, 3743).

Курганы № IX; о. 30, в. 1¼ арш.; при костякѣ,—двѣ серебряныя сережки и окисшее серебряное колечко (3744, 3745).

Курганы № X; о. 50, в. 1¼ арш.; у головы костяка,—серебряная серьга, съ круглою серебряною подвѣскою—бусою (3746), крупная граненая сердоликовая буса (3747), глиняная буса и металлическая ягодноливая буса (3748).

Курганы № XI; о. 35, в. 2 арш.; при дѣтскомъ костякѣ,—серебряныя сережки (3751), крупная граненая сердоликовая буса (3750), ручное кольцо изъ бронзовой проволоки, безъ спайки концовъ (3749), и ручное кольцо изъ серебряной проволоки, безъ спайки концовъ (3752).

Курганы № XII; о. 30, в. 1 арш.; при костякѣ, у головы,—слѣды разложившагося гроба, два проволочныхъ кольца и двѣ сердоликовыя бусы (3754), два проволочныхъ кольца, безъ спайки концовъ, на пальцахъ лѣвой руки (3753).

Курганы № XIII; о. 40, в. 3 арш. В насыпи,—гробъ съ покойникомъ христианской эпохи. Подъ курганомъ, въ могильной ямѣ,—слѣды гроба, желѣзные гвозди и костякъ, а при немъ, у головы,—двѣ серебряныя сережки съ тремя серебряными ягодноливыми ажурными подвѣсками—бусами (3755, 3756), двѣ стекляныя позолоченныя бусы (3757), серебряная узорчатая привѣска формы полумѣсяца, украшенная филигранью, со слѣдами позолоты (3758), у лѣваго бока,—желѣзный ножикъ (3759).

Курганы № XIV; о. 25, в. 2¼ арш.; у нижней челюсти костяка,—двѣ металлическихъ пуговицы (3760).

Курганы № XV; о. 25, в. 2 арш. В насыпи,—гробъ съ покойникомъ христианской эпохи; а подъ курганомъ, при костякѣ,—слѣды разложившагося гроба, обломокъ проволочнаго кольца (3761), металлическая узорчатая привѣска формы полумѣсяца (3762), стеклянная позолоченная и три глиняныя бусы (3763).

Урочище Подгоры. **Курганы № XVI;** о. 35, в. 2 арш.; при костякѣ, у головы,—два плоскихъ плоскихъ узорчатыхъ кольца (3764) и кусочекъ кожи, со слѣдами на немъ плетеной ткани (3765).

Курганы № XVII; о. 25, в. 1¼ арш.; въ могильной ямѣ,—слѣды разложившагося гроба и костякъ, а при немъ,—плоское узорчатое серебряное кольцо (3766) и кольцо изъ серебряной проволоки, безъ спайки концовъ (3767).

Курганы въ окрестностяхъ Киева.

Въ 1873 году были раскопаны много воадъ Киева, за Лыбедью, недалеко отъ вокзала Курско-Киевской желѣзной дороги, 12 кургановъ изъ группы, включавшей въ себя болѣе

60 вышлей, расположенных на возвышенности; окр. осн. отъ 26 до 70 арш.; выс. отъ одного до 4 арш. Подъ курганами, въ могильныхъ ямахъ, вырытыхъ въ глиняномъ материкѣ на глубину отъ одного до 2½ аршинъ, встрѣчены человѣческіе костяки, головою на З., лицомъ вверхъ, на спящѣ, ноги вытянуты, кисти рукъ на груди или на животѣ, съ признаками гробовъ (слѣды сгнившихъ досокъ воалѣ костяковъ и окисливъ желѣзные гвозди), безъ украшеній.

Въ 1874 году, во время съѣзда археологовъ въ Кіевѣ, была раскопана мною, въ присутствіи Л. К. Ивацковскаго и П. И. Саввантова, четыре кургана въ 6 верстахъ отъ Кіева, въ Катаевской Пустыни, гдѣ сохранились двѣ большія группы кургановъ, отъ одного до 3 арш. высоты. Подъ курганами.—могила, вырытая въ глиняномъ материкѣ на глубину до 2 арш., а въ ней,—человѣческіе костяки головою на З., лицомъ вверхъ, на спящѣ, кисти рукъ на груди или на животѣ, ноги вытянуты; на груди одного изъ нихъ найденъ серебряный крестикъ, съ серебряною цѣпочкою, переданна мною въ музей Кіевского университета.

Курганы Кіевской губерніи, Каневского уѣзда, въ окрестностяхъ села Россавы.

Въ Каневскомъ уѣздѣ, при впаденіи рѣчки Катарины въ рѣку Россаву, въ окрестностяхъ села Россавы въ 1877 году сохранились группы кургановъ въ двухъ мѣстностяхъ,— въ урочищѣ Лучки и воалѣ сельскаго общественаго кладбища.

Урочище Лучки. Относительно Лучкинскихъ кургановъ въ сообщеніи У. К. Витковскаго, напечатанномъ въ приложеніяхъ ко II тому Трудовъ III-го Кіевского съѣзда археологовъ (стр. 23 и слѣд.) между прочимъ сказано слѣдующее: „Въ 1866 году графъ К. В. Браницкій, узнавши, что въ одномъ изъ его имѣній, при постройкѣ курени для полевыхъ работниковъ, найдены были человѣческіе и лошадинныя кости, сабля, кольчуга и проч., поручилъ мнѣ дальнѣйшія въ этомъ отношеніи изслѣдованія. Въ упомянутомъ мѣстѣ (см. прил. къ „Трудамъ“ планъ), на равнинѣ, за прудомъ м. Россавы, въ урочищѣ, именуемомъ Лучки, находятся нѣсколько могилъ, разбросанныхъ на маломъ пространствѣ; могилы эти ввѣка и по большей части до того распавши, что самая большая едва на 1 метръ возвышается надъ уровнемъ поля; а другія едва можно различить на его поверхности. Недалеко отъ этой группы находится другая, болѣе замѣтная, и близъ нея высокій курганъ, называемый Панскою могилою. Послѣ первой случайной находки окрестные жители разрыли болѣе выдающіяся могилы нѣскою группами, отыскивая клады, на которые указывали мѣстные преданія простонародья. Такимъ образомъ, безъ вѣдома графа, разрыты были три могилы“. Находки крестьянъ и г. Витковскаго въ четырехъ, изъ разкопанныхъ, курганахъ урочища Лучки, исчислены въ вышеуказанномъ изданіи трудовъ III-го археологическаго съѣзда“.

Мои изслѣдованія въ окрестностяхъ м. Россавы произведены въ 1877 году. Въ это время курганы урочища Лучки были уже до такой степени распавши и раскопаны, что на первый взглядъ казалось невозможно было найти въ нихъ что либо нетронутымъ прежними наискателями, за исключеніемъ большаго кургана, называемаго въ планѣ Витковскаго Панскою могилою. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился раскопать не только Панскую могилу, но и всѣ пункты, на которыхъ оставались какіе бы то ни было слѣды бывшихъ кургановъ, чтобы спасти ихъ отъ окончательнаго уничтоженія распахомъ. Такимъ образомъ, мною изслѣдована была Панская могила (см. выше, стр. 10), 18 пунктовъ въ бывшей группѣ 28 могилъ, означенной на планѣ г. Витковскаго, вновь перекопаны всѣ могилы, раскопанные прежде Витковскимъ и мѣстными кладонсателями изъ крестьянъ, наконецъ, одинъ пунктъ недалеко отъ Панской могилы, на которомъ, по указанію одного изъ мѣстныхъ стариковъ, стоялъ прежде курганъ, совершенно распавшій, но оставшійся еще нераскопаннымъ.

Результаты раскопки показали, что тщательно были исследованы только могилы, раскопанные г. Витковскимъ, въ которыхъ мною ничего не было найдено, за исключеніемъ человѣческихъ и лошадиныхъ костей и одного желѣзнаго наконечника стрѣлы. Другія же могилы были раскопаны поверхностно и неуспѣшно, такъ что въ нихъ оставалась часть содержанія, вплоть до вознагражденія ихъ новую раскопку, а дѣлѣ могилы остались вовсе незамѣченными прежними посетителями, одна изъ которыхъ была богатаго содержанія.

Изъ 28 кургановъ, обозначенныхъ въ КК-мъ углу плаца г. Витковского, бывшихъ въ 1860 году еще хорошо замѣтныи, въ 1878 году уже не было ни одной насипи, сколько нибудь возвышавшейся какъ общій уровень окружающаго ихъ поля; онѣ были до того запущены, что представляли собою совершенно ровное, распаханное поле, на которомъ только опытный взглядъ могъ замѣтить слѣды бывшихъ кургановъ; слѣды эти представляли собою два замѣтныхъ глинистыхъ пятна на черноземномъ полѣ. Провѣжденіе пятакъ было очевидно: желтая глина, выдутая кѣмъ-то изъ могилы, выртыи въ глиняномъ слѣбѣ, покрытомъ толстымъ слоемъ чернозема, не вся помѣщалась въ могилѣ при засыпкѣ гроба съ покойникомъ, оставаясь въ значительномъ количествѣ на материкѣ, по краямъ могильной ямы, а курганы были насыпаны изъ чернозема; въ настоящее время плугъ, мало по малу сравнявшій курганы съ окружающею ихъ поверхностью поля, въ то же время, обнажилъ сказанную глину, оставшуюся надъ могилами послѣ ихъ засыпки, и тѣмъ обозначилъ ихъ мѣстоположеніе; изъ 18 пятакъ, расчищенныхъ рабочими по моему указанію, въ 14 обнаружены могилы, заключавшія въ себѣ человѣческіе костяки погребенные въ гробахъ, головами на В. и СЗ., кисти рукъ на груди или на животѣ; при костякахъ найдены только: серебряное височное проволочное кольцо съ загнутой спиралью концомъ (261.—3914), серебряныя и бронзовыя ушныя и ручныя кольца безъ снайки концы (3915—3921), кусочекъ позумента на черепѣ (3923), три пуговицы изъ низкопробнаго золота (3922), желѣзныя кнопки (3924), кусочекъ кожи отъ обуви (3925) и желѣзные гвозди. Пять тремя пятами открыты могилы съ человѣческими костяками, разбросанными кѣмъ-то прежде ихъ раскопавшимъ. Распаханные курганы большихъ размѣровъ оказались слѣдующаго содержанія.

Курганъ № 1. Во время раскопки Павской могилы одинъ изъ рабочихъ сообщилъ мнѣ, что дѣлѣ 20 тому назадъ, скопаяхъ въ 50 отъ Павской могилы, въ направленіи на востокъ, былъ распаханный курганъ, имѣвшій тогда не менѣе 6 арш. высоты, но съ того времени сравнявавшійся съ окружающею землею, вследствие распахки. Отыскивая мѣсто этого кургана со сказаннымъ старикомъ—работникомъ, я замѣтилъ признаки возвышенія и глинистаго пятна, подобнаго вышеуказанному. На этомъ мѣстѣ, какъ только снятъ былъ слой распаханной почвы и откинутъ глиняный материкъ, яственно обнаружилось очертаніе четырехугольной могильной ямы, имѣвшей 3 арш. д. и 2 арш. ш. Въ ямѣ, на глубинѣ около 2½ арш. оказались два костяка,—лошадиный и человѣческій, озааченные на рис. № 68.

Лошадиный костякъ занималъ сѣверную половину могилы, въ положеніи требномъ вверхъ, морда вытянута впередъ, въ направленіи на В., выткнутомъ вверхъ, переднія и заднія ноги согнуты подъ туловище; при немъ найдены: у головы, въ челюстяхъ,—желѣзное удило (262.—3926); вольтъ черепа,—круглая позолоченная бляха, съ вырѣзаннымъ на ней фантастическимъ изображеніемъ четвероногаго животнаго, повернушаго голову назадъ, съ высухнутымъ лямкомъ (263.—3927), серебряная круглая бляха, съ изображеніемъ птицы, расклевывающей хвостъ (подобно ящерицѣ) и клюющей плоды или зерна (3928), и 2 гладкія бляхи (3929), слѣды мелкихъ разложившихся бляшекъ и кусочекъ кожи съ бронзовыми дробинками (3930); вольтъ хребта,—остатки деревяннаго сѣдла, обтянутаго кожей, съ бронзовыми проволочками, которыми были прикрѣплены къ сѣдлу разложившіяся бляхи; на одномъ изъ кусковъ сѣдла,—крупная круглая позолоченная бляха (3931—3934), пара желѣзныхъ стремякъ (264.—3935—3936).

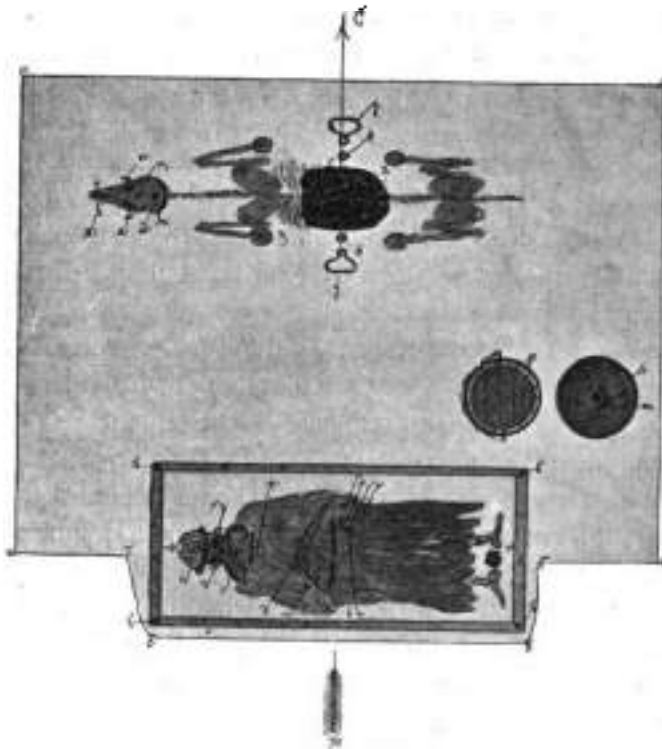

Рисунок № 68.

Человѣческія кости были погребены въ гробѣ изъ толстыхъ досокъ, занимавшемъ лѣвую половину могилы и подвинутомъ въ небольшой подбой, сдѣланный въ правой стѣнкѣ могилы; въ четырехъ углахъ остатковъ гроба торчали стоями четыре толстые желѣзные гвозди, длиной около 5 вершковъ (3937, 3938); кости были обращены головою на З., лицомъ вверхъ, кисти рукъ на груди, ноги вытянуты; при немъ найдены: ядло головное, — діадема, которую составляли: золотая парча (264, — 3939, 3940) съ толстою шелковою подкладкою (3941), 2 продолговатыхъ, около четверти длины, неотгнутыхъ деревянныхъ валиковъ, обтянутыхъ толстою матеріею, съ каменными на нее бронзовыми полукольцами, обтянутыми серебряными пластинками съ позолотой, въ количествѣ 20 полуколецъ на каждомъ валикѣ (265, — 3941—3951), кусокъ толстой шелковой матеріи, 5 верш. д. и 3 верш. ш., съ вышитыми на него въ два ряда тридцатью золотыми бляшками двухъ рисунковъ (3946—3948), шелковая ленточка съ маленькою желѣзною пряжкой (3949), рѣзая круглая костяная бляха около трехъ вершковъ въ диаметръ (3950), съ вѣнчающимъ діадему длиннымъ, болѣе 5 вершковъ, рѣзнымъ костянымъ шишакомъ, утолщеннымъ въ нижней части, сквознымъ въ четырехъ сторонъ, и сквознымъ отверстиемъ сверху, въ который были продѣты несохранившіяся украшенія изъ перьевъ или какаго либо другихъ предметовъ, обратившихся въ темно-сѣрый порошокъ (3951—3953); съ боковъ головы, — два массивныхъ золотыхъ кольца, безъ спайки концовъ (266, — 3954, 3955); на шеѣ, — массивный напѣйникъ изъ чистаго серебра, скрученный изъ трехъ проволокъ, съ загнутыми концами, остававшими свободное отверстие, около пяти вершковъ длиной (3956); напѣйникъ былъ обращенъ утолщенною частью къ затылку, а загнутые концы покоились на груди; между концами напѣйника помещалось полукругомъ ожерелье изъ крупныхъ янтарныхъ и камешныхъ бусъ (3957—3960) и стеклянной медальоны изъ двухъ граненыхъ, склеенныхъ прозрачныхъ пластинокъ (3961); на туловищѣ, — рядъ золотыхъ поперечныхъ бляшекъ (3962), серебряная полъѣска формы бубенчика, состоящая изъ двухъ половинокъ и куска серебряной цѣпочки (3963, 3964), бронзовая пряжка (263, — 3965), кожаный жѣлочекъ (3966) съ металлическимъ веркальцемъ (3967), желѣзный ножикъ (3968) и бронзовое колечко съ суркомъ (3969); на правой рукѣ, — золотой перстень съ круглымъ камнемъ (266, — 3970) и серебряный браслетъ (3971), скрученный изъ двухъ проволокъ, съ двумя овальными камнями (lapis lazuli), обтянутыми скрученною серебряною проволокою, вставленными въ расширяющиеся концы браслета (3972, 3973).

Но лѣвъ всего туловища, начиная отъ шеи до середины голени, сохранились куски матеріи съ пестрыми узорчатыми рисунками (267, — 3974, 3975; 268, — 3976, 3977; 269, — 3978—3983) и нѣсколько лентъ: шерстяныхъ, шелковыхъ и золотого позумента (270, — 3984—3987). Въ восточной половинѣ могилы, между заложеною частью лопатничаго остова и нижней частью гроба, найдены большой бронзовый сосудъ, въ родѣ магароссійскихъ казанковъ (3981), а изъ всего, — остатки деревяннаго ядра съ желѣзною оконкою, — желѣзные обручи, скрѣпы и дужка (262, — 3988—3990).

Курганъ № II; распаханный и раскопанный; провѣрочная раскопка обнаружилась подъ нимъ могилу 3 арш. д., 3 арш. ш. и около 3 арш. гл. Южная половина могилы, заключающая въ себѣ остатки гроба съ человѣческими костями, была открыта въ 40-ть годахъ мѣстными крестьянами, а сѣверная половина осталась ими нетронутою. Въ южной половинѣ могилы найдены мною разбросанныя въ беспорядкѣ фрагменты человѣческаго костяка и два большихъ желѣзныхъ гвоздя (371,—3992, 3993), а въ сѣверной,—костякъ лошади, хребтомъ вверхъ, съ вытянутою впередъ мордою и подогнутыми подъ туловище ногами; въ челюстяхъ лошади,—желѣзное удило (3994), а по бокамъ черепа,—слѣды кожаной удечки и желѣзная пряжка (3995); съ боковъ хребта,—желѣзные стремяна (3996, 3997) и двѣ желѣзные пряжки (3998); остатки деревяннаго сѣдла, украшеннаго рѣзными костяными бляхами, различной формы и величины (372,—3999-4005), заостренная кость, лежащая внутри, съ отверстиями по бокамъ и на угловидномъ концѣ, на всей вѣроятности, свистокъ (4006).

Курганъ № III; едва замѣтный, рядомъ съ предыдущимъ, также распаханный и копанный мѣстными крестьянами, разбѣсанными насыпью траншеей въ два аршина ширины до материка, но не копанными на могилу и бросками раскопку. Моя раскопка обнаружилась въ разстояніи двухъ четвертей отъ ямы, вырытой кладенщиками, могильную яму 3 арш. д. и гл. и 2 арш. ш. Въ сѣверной половинѣ могилы лежалъ остовъ лошади, а въ южной человѣческой, оба въ томъ же положеніи, какъ въ могилахъ вышеописанныхъ; при костякѣ лошадиномъ найдены: въ зубахъ,—желѣзное удило (273,—4007), а съ боковъ туловища,—желѣзные стремяна (4008, 4009), пряжки (4010) и какой то предметъ формы скобки (4011). При человѣческомъ костякѣ сохранились слѣды гроба изъ толстыхъ досокъ, а на углахъ его четыре массивныхъ гвоздя, около четверти длиною (4012, 4013); положена костяка головою на Ю., туловище на сѣвѣ, кисти рукъ на туловищѣ, ноги вытянуты; при костякѣ найдены: у лѣваго бока,—желѣзные: три наконечника стрѣлъ (4014, 4015), кольцо съ ромбовидною бляшкою (4016) и наконечникъ ножа (271, 4017); фигурный предметъ изъ кости неизвѣстнаго назначенія (4018); окисшая желѣзная кольчуга, подобная найденнымъ въ Черниговскихъ курганахъ съ кострищами (4019, 4020, 4021); у праваго бока,—желѣзная сабля въ аршинѣ и 10 вершковъ длины (4022).

Урочище у кладбища. Въ 1877 году 36 кургановъ, имѣвшихъ до 45 аршинъ въ окружности основанія и до 3 аршинъ отвѣсной высоты, возвышались съ юго-западной стороны н. Россави на возвышенности, вырытой оврагами, рядомъ съ христіанскимъ кладбищемъ, въ разстояніи двухъ съ половиною верстъ отъ урочища Лучки. Раскопаны мною въ этой группѣ двадцать четыре кургана, подлѣ которыхъ открыты могилы, по устройству и содержанію, совершенно сходныя съ могилами вышеописанной распаханной группы кургановъ урочища Лучка. Во всѣхъ могилахъ найдены костяки со слѣдами разломившихся деревянныхъ гробовъ, въ положеніи головою на Ю., на сѣвѣ, кисти рукъ на туловищѣ, ноги вытянуты. При девяти костякахъ сохранились слѣдующія украшения: 9 проволочныхъ колецъ, вложенныхъ одно въ другое, безъ снѣвки концовъ (274,—4023), лежавшихъ кучкою у лѣваго плеча остова, 11 серебряныхъ и бронзовыхъ проволочныхъ рутныхъ колецъ, безъ снѣвки концовъ (4024—4031), 4 кольца изъ скрученныхъ серебряныхъ проволокъ, безъ снѣвки концовъ (4032—4035), одно глухое колечко (4036), 3 бронзовыя пряжки, одна желѣзная и одно плоское узорчатое серебряное кольцо (4037—4041), желѣзные: кресало (4042), 2 ножи (4043,—4044), 3 кольца (4045—4046) и гвоздеобразный предметъ, съ кольцомъ, неизвѣстнаго назначенія (4047), два каменныхъ оселка (4048—4049) и слѣды золотой тлани на одномъ изъ череповъ (4050).

Курганы Киевского уезда, у с. Триполья.

Раскопанъ въ 1877 г. трехъ наскашей въ большой группѣ кургановъ небольшой величины, расположенныхъ на возвышенности при выѣздѣ изъ с. Триполья въ с. Стайля. Показавъ, что эта группа принадлежитъ къ славянскимъ могиламъ, подобнымъ сохранившимся въ окрестностяхъ Киева, у Китаевской пустыни и надъ Лыбедью.

Могилишки съ костями, Сѣдлецкой губерніи, Венгровскаго уезда, у с. Грембова.

Языческія могилишки у с. Грембова были открыты въ 1878 году г. Лужевскимъ, мѣстнымъ землевладѣльцемъ, распавшимъ до моего пріѣзда 12 могилъ. Въ томъ-же году, извѣщенный объ открытіи славянскаго могилишка начальникомъ Венгровскаго уезда, я раскопалъ въ немъ шесть могилъ. Могилишки занимаютъ небольшое песчаное возвышеніе, поросшее основнымъ лѣсомъ и сплошь покрытое крупнымъ и мелкимъ булыжникомъ. При внимательномъ взглядѣ на расположеніе камней, покрывающихъ возвышеніе, легко замѣтить, что болѣе крупными камнями ограничиваются пространства земли отъ двухъ до трехъ аршинъ длиной и отъ трехъ четвертей до двухъ аршинъ шириной; середина такихъ четырехугольниковъ, расположенныхъ одна въ концѣ другого, заложена болѣе мелкимъ булыжникомъ. При раскопкѣ, подъ славянскими каменными квадратами, на глубинѣ отъ одного до двухъ аршинъ, открыты человѣческіе косяки, въ положеніи головы на З., туловище на спинѣ, кисти рукъ на туловищѣ, ноги вытянуты, безъ украшеній, или съ украшениями, состоящими изъ ушныхъ колецъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, а безъ различнаго состава и разн.ой формы и величины, кольца съ пальцевъ руки и желѣзные попки. Шестъ могилъ, раскопанныхъ мною, заключали въ себѣ нижеслѣдующее содержаніе.

Могила № I. Подъ каменнымъ прямоугольникомъ, на днѣ могильной ямы около 2 аршинъ глубины, вырытой въ песчаномъ грунтѣ, — человѣческій косякъ, въ положеніи головою на З., на спинѣ, кисти рукъ на груди, ноги вытянуты; при основіи найдены: съ боковъ черепа, — по четыре связанныхъ ремнемъ проволочныхъ бронзовыхъ кольца, со свободными концами, одинъ изъ которыхъ загнутъ ушкомъ (275, — 4051); черепъ съ четырьмя кольцами и вѣсковыми бусами (былъ доставленъ на Московскую Антропологическую выставку, а оттуда не возвращенъ), ожерелье изъ 36 стекляныхъ и глиняныхъ бусъ (4052 — 4054), обрывокъ скурки, со слѣдами на немъ металлической окиси (4055) и обломки береста (4056, 4057); между пальцами рукъ, — плоское бронзовое колечко, безъ сваянъ концовъ (4058); у лѣваго бока, — желѣзный ножикъ (4059).

Могила № II. Подъ каменномъ выкладкомъ 3 арш. д. и 2 арш. ш., на днѣ могильной ямы, — два человѣческихъ косяка въ положеніи остова приподнутой могилы, на туловищѣ одного изъ которыхъ, — охмелій желѣзный ножикъ (4060).

Могила № III. Подъ каменномъ выкладкомъ, на днѣ могильной ямы, — слѣды разложившагося дерева, въ родѣ досокъ отъ гроба, и человѣческій остовъ, въ положеніи предъдущихъ; а при немъ, — глиняная пряслица (4061), два серебряныхъ кольца (4062, 4063), бронзовое кольцо, съ загнутымъ ушкомъ концемъ (4064), и ожерелье изъ глиняныхъ бусъ (4065).

Могила №№ IV — VI. На днѣ могильныхъ ямъ — косяки, въ положеніи предъдущихъ, а при нихъ только желѣзные ножки со слѣдами деревянныхъ черепковъ (4066 — 4067; подъ № 4066 помѣщается коробочка съ обломками серебряныхъ колецъ, бусъ и пр.).

Могилишки съ погребальными урнами Сѣдлецкой губерніи, у села Грембова.

На пути изъ с. Грембова на ближайшую станцію Гереспольской желѣзной дороги, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ вышеописаннаго языческаго могилишка отъ кося-

кам, на распаханномъ почвѣ было замѣчено мною нѣсколько крупныхъ золотыхъ наконеч, торчащихъ изъ земли и свидѣтельствующихъ о бышемъ на этомъ пунктѣ общественномъ кладбищѣ. Осматривая вслѣдующую землю вдоль каменной, я нашелъ нѣсколько черепковъ дранной глиняной посуды и римскую широкую оружанную бронзовую фибулу, съ бронзовою иглою (276.—4069). Изъ этому полдю со стороны ближайшей помѣщичьей усадьбы прижимаетъ песчаная возвышенность, на поверхности которой были замѣчены мною обломки глиняныхъ сосудовъ, совершенно сходные съ черепками погребальныхъ урнъ, часто встрѣчающихся на песчаныхъ холмахъ правого берега р. Вислы подъ Варшавою ювѣтъ Црага, въ окрестностяхъ с. Марки, д. Баверы и въ другихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ были найдены глиняные сосуды съ перемѣшанными человѣческими костями. Предположить и на вышесказанной песчаной мѣстности такой же могильникъ, я сталъ испытывать ее стальнымъ шувомъ; и дѣйствительно, вскорѣ нашелъ урну на глубинѣ третьей четверти отъ поверхности песчаного возвышенія.

При помощи кучера и сопровождавшаго меня помѣщика г. Луковскаго, эта урна была откапана ручною лопаткою и руками, такъ какъ другихъ инструментовъ съ нами не было. Урна представляла собою глиняный сосудъ формы большого горшка съ узкимъ дномъ и широкимъ горломъ, наполненный перемѣшанными человѣческими костями и закрытый сверху глиняною мяскою, обращенною дномъ вверхъ. Нелѣдовзіе близости къ поверхности, урна была очень хрупкая, и при святіи распалась; по формѣ своей и по составу глины, горшокъ и мясочка были совершенно сходны съ погребальными урнами и покрывавшими ихъ мясками, найденными въ языческихъ могильникахъ подъ Варшавою. Въ урнѣ не было найдено никакихъ предметовъ, за исключеніемъ костей и угля.

Могильникъ съ погребальными урнами ювѣтъ города Млавы, Плоцкой губерніи.

Въ 1878 году ювѣтъ г. Млавы, Плоцкой губерніи, при устройствѣ Привислинской желѣзной дороги были открыты могильникъ, состоявшій изъ погребальныхъ урнъ, въ которыхъ между перемѣшанными человѣческими костями были найдены слѣдующіе предметы, переданные въ мою коллекцію древностей: двѣ цѣлыя и одна поломанная бронзовая оружанная фибулы, съ бронзовыми иглами, формы римскихъ фибулъ (276.—4070, 4071), бронзовая проволоочная фибула формы иглы съ загнутымъ въ ушко верхнимъ концомъ (4072), гвондеобразная фибула (4073), два обломка колечка (4074), бубенчикъ (4075), четыре слитки (4076.—4078), стеклянная буса (4079), два стеклянныхъ слитка (4080, 4081), римская жѣлѣзная шпора (4082), фрагментъ такой-же шпоры (4083), три желѣзныхъ предмета формы скобъ (4084—4086), желѣзная трубочка (4087), глиняная прищипка (4088) и продолговатый камушекъ (4089).

Могильникъ съ погребальными урнами въ окрестностяхъ Варшавы.

Подъ Варшавою, ювѣтъ д. Гродзы, между Привислинскою желѣзною и шоссею дорогами тянется рядъ песчаныхъ возвышенностей. Эти холмы съ каждымъ годомъ понижаются, такъ какъ вѣтеръ разбѣсываетъ верхніе слои легучаго песка по окрестностямъ. Посѣтивъ эту мѣстность въ первый разъ весной 1874 года, я нашелъ на поверхности песчаныхъ холмовъ сѣдыя могильники въ языческой эпохѣ: черепки глиняныхъ урнъ, уголь и перемѣшанные человѣческія кости; а на холмѣ, у котораго нынѣ проведена Привислинская желѣзная дорога, были найдены мною II куча, состоявшая изъ фрагментовъ глиняныхъ сосудовъ, перемѣшанныхъ костей и угля; это было содержаніе II могиль съ погребальными урнами, находившагося передъ тѣмъ обнаруженными вѣтромъ, сѣвными слои песку, ихъ покрывавшій. Могилы помѣщались въ разстояніи отъ одного до четырехъ аршинъ

одна от другой. Исследуя эти кучи глиняных черепков и пережженных костей, я нашёл в них до двухсотъ бронзовых и серебряных слитковъ, величинами отъ малой дроби до лѣвого орѣха (277.—4090), фрагменты человѣческихъ пережженныхъ костей, съ прикипѣвшими къ нимъ серебряными и бронзовыми сѣтками (4091—4093); а сверхъ того, между черепками, углекъ и костями найдены бронзовые: предметъ формы маленькаго золотца (4094), предметъ формы бубенчика (4095), ромбовидная бляшка (4097), три застежки (4096, 4098, 4107), обломокъ кольцеобразнаго предмета (4099), согнутая кольцеобразно проволока (4100), двойная бляшка (4101), обломокъ проволоки, согнутой спиралью (4102), обломокъ цѣпочки (4103), маленькое колечко безъ снайки концовъ (4104), колечко со спаянными концами (4105); желѣзные: пружинная съ иглою фибула (4106) два обломка такихъ-же фибулъ (4108), звѣздное колечко (4109), плоское кольцо (4110), маленькіе гвоздики (4112, 4113), обломки фибулъ, ножиковъ и пр. (4114—4120).

Въ 1863 году, раскопавъ съ студентами песчаный холмъ, на которомъ были открыты вѣтрокъ скандинавскія могилы, я нашёл въ немъ колодезь, выложенную камнемъ, вѣрнѣе, сауживую трусосожигательницей, и три могилы подъ слоемъ песка отъ двухъ до трехъ четвертей толщиною (см. выше, с. 173); могилы представляли собою глиняные горшки съ пережженными костями, покрытые сверху мисками, обращенными дномъ вверхъ, а сверхъ того, и большими мало обожженными грубыми сосудами, формы малороссійскихъ макитръ, также обращенными дномъ вверхъ. Пря одной урнѣ стояла два горшечка съ боковыми ушками, наполненные только землей; эта урна съ покрывавшемъ ее мискою была вынута цѣломъ, доставлена съ содержимымъ въ Моск. Антроп. Выставку 1879 года, а оттуда не была мнѣ возвращена; всё остальное сосуди найдены разсыпавшимися землей. Изъ одной урнѣ, между пережженными костями найдены: стеклянные бусовые слитки (4121), изъ которыхъ два съ сохранившимися дырочками (4122), расплывшимися бронзовая сережка, съ стекляною поперечною (4123), половая бронзоваго колечка (4124), одинъ массивный и нѣсколько мелкихъ бронзовыхъ слитковъ (4125, 4090) и слѣды разложившагося желѣзнаго предмета.

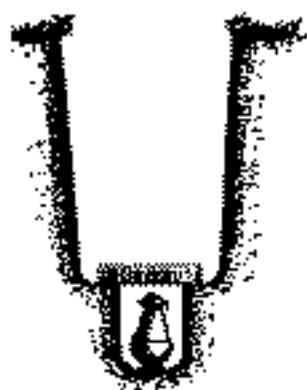
Кладбище, подобное описанному, было открыто также въ песчаной мѣстности, званой нынѣ фортомъ, у хутора Дотржики, къ разстоянію около 1½ версты отъ предместья Праги. Въ 1875 году мною была найдена въ этой мѣстности глиняная урна, наполненную открытую вѣтрокъ, содержавшая въ себѣ пережженные кости, нѣсколько мелкихъ бронзовыхъ слитковъ и обломокъ бронзоваго колечка (277.—4090). На поверхности той-же песчаной мѣстности найдены мною: обломокъ бронзовой фибулы, съ пружинною бронзовою проволокою, подобной по формѣ найденнымъ подъ Млавою, но большихъ размѣровъ (276.—4120), бронзовая булава, покрытая толстымъ слоемъ пчелины, съ орнаментированною верхнею бляхою (4127); желѣзные: два наконечника стрѣлъ (4128, 4129), ножикъ (4130), звездчатая проколка (4131); жемчужныя кости, металлическія и стекляныя слитки разной величины (277.—4090) и множество глиняныхъ черепковъ отъ покрывавшихъ урны сосудовъ, содержавшихъ пережженные человѣческія кости (278.—4132, 4133; нѣкоторые черепки орнаментированы гравитатными узорами, 4134), и небольшихъ сосудовъ—сприннокъ, обыкновенно стоящихъ во вѣтъ урнъ и заключавшихъ въ себѣ пилу и пилы (4135).

Могильники съ погребальными урнами, подобный открытымъ между с. Гроховымъ и з. Дотржикою, были найдены также на лѣвомъ берегу Вислы, между Варшавою и с. Вильявовымъ, при устройствѣ форта № IX. Отсюда поступили въ мою коллекцію: урны съ пережженными человѣческими костями (4136), два тарелки, покрывавшія урны (4137, 4138), большой сосудъ, покрывавшій вышесказанную урну (4140) и часть такого-же сосуда (4139).

Могильники съ погребальными урнами, однорядные съ описанными могильниками окрестностей Варшавы, были осмотрѣны мною въ 18 мѣстностяхъ Царства Польскаго, лежащихъ въ предѣлахъ уѣздовъ Варшавскаго, Гуря-Кальварійскаго, Нейшавскаго (см. выше, с. 176), Новогородскаго, Сѣдлецкаго и Ольшунскаго. Изъ большинства могильниковъ погре-

большая урна и сараяны помѣщаются въ возглубокнхъ ямахъ, засыпанныхъ пескомъ или песчаникомъ, иногда въ каменныхъ плитахъ и подъ такими же плитами. Но въ мѣстностяхъ, обитываемыхъ камнемъ, напримеръ въ Наварро, Каллифорнѣ и Олмукъскомъ уѣздѣ, часто находятъ погребальныя урны со сараянами въ каменныхъ гробницахъ, сложенныхъ изъ плитъ и обложенныхъ булыжниками.

Нижеслѣдующіе рисунки изображаютъ формы могилъ и погребальныхъ сосудовъ, изъ которыхъ № 69 представляетъ могилу Италіи (Чивита-Веккіа, см. выше, с. 169), а №№ 70—77—могилы, уранъ и сараяны каменномъ кладбищѣ Царства Польскаго.

Рисунокъ № 69.

Рисунокъ № 70.

Рисунокъ № 71.

Рисунокъ № 72.

Рисунокъ № 73.

Рисунок № 14.

Рисунок № 15.

Рисунки № 76.

Курганы Петербургской губернии.

Въ 1874 году Л. К. Ивановскій, сдѣлавшій многочисленныя археологическія раскопки въ предѣлахъ Петербургской и Новгородской губерній, передалъ въ мое собраніе древностей нижеслѣдующее содержаніе двухъ кургановъ, раскопанныхъ въ Петербургскомъ уѣздѣ.

Курганъ № I: 48 бусъ разной формы и величины и разнаго состава: стеклянныхъ, глиняныхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ и хрустальныхъ (279,....4141-4149), металлическая буса съ продѣтымъ въ нее витянымъ шнуркомъ (4149), узорчатая серебряная подвѣска формы полумѣсяца (4150), 3 узорчатныя серебряныя бляшки (4151), бронзовые 3 бубенчика (4152), височное проволочное кольцо съ пятью ромбовидными расширеніями, украшенными крестообразнымъ узоромъ (4153), ажурная ромбовидная подвѣска (4154), лавинное кольцо, скрученное съ одной стороны и расширенное съ другой (4155), кольцо съ выпуклымъ овальнымъ украшеніемъ верхней части (4156), кольцо съ узорчатымъ расширеніемъ верхней половины (4157) и обломокъ украшенія, состоящаго изъ треугольничковъ, соединенныхъ колечками (4158).

Курганъ № II: 23 бусы разной формы и величины и разнаго состава (280,....4159, 4160), 2 серьги изъ бронзовыхъ проволокъ съ надѣтыми въ нихъ бусами, состоящими изъ полукруглыхъ бляшекъ (4161), височное проволочное кольцо съ пятью ромбовидными расширеніями, украшенными крестообразнымъ узоромъ (4162); бронзовые: браслетъ изъ двухъ скрученныхъ проволокъ (4163), два браслета изъ широкихъ украшенныхъ бляшекъ (4164, 4165), два кольца съ расширенными украшенными верхними половинами (4166, 4167), пряжка (4168) и железный ножикъ (4169).

Общая характеристика языческихъ могилъ русской эпохи.

Нынешними могилами русской эпохи я называю могилы историческаго періода со времени образованія обособленныхъ географически и политически русскихъ племенныхъ княженій до времени ихъ объединенія въ одну Русскую землю и одиакъ Русскія народы аннексированными первыми князьями Рюрикова рода и рецепціей христіанства въ X-мъ вѣкѣ.

Въ этомъ періодѣ ясно различаются языческіе могильники русскаго народа и народовъ не русскаго происхожденія. Важнѣйшими изъ послѣднихъ для исторіи русскаго народа являются коварскія могилы.

Хазарскія могилы.

Во всемъ собраніи древнѣйшими могилами русской эпохи являются катакомбы могильникова сѣвернаго Кавказа, по моему мнѣнію, имѣющія чрезвычайно важное значеніе для научнаго познанія начального періода исторіи русскаго народа. По вѣроятнымъ фантазмъ и историческимъ соображеніямъ, съ увѣренностью могу сказать, что скамеечные катакомбные могильники являются памятниками быта Козарь VII—IX ст., того народа, завоевательнымъ натискомъ котораго на древнее государство Руссовъ имѣлъ своимъ слѣдствиемъ движеніе его народонаселенія въ лѣсныя области центральныхъ губерній Россіи и образованіе адѣсь русскихъ племенныхъ князей, разобщенныхъ географически и политически, а объединенныхъ въ X вѣкѣ завоевательнымъ княземъ Олегомъ и его преемниковъ въ одну Русскую землю и въ одинъ Русскій народъ.

Во начальной русской лѣтописи имѣются слѣдующія свидѣнія о Козаряхъ:

„Придоша отъ Свинъ, рекше отъ Козаръ, рекомѣи Болгаре, ошлони по Дунаеви, населеници Словѣномъ быша“.

Поляно „быша обидими Древлѣми, и гнѣми околними, и найдоша я Козаръ сѣдѣца на горахъ сѣхъ къ лѣсахъ, и рѣчи Козари; „платите намъ дань“: съдумаше Поляне, и вдаша отъ дыма мечъ“.

„Во лѣто 6392 иде Олегъ на Сѣверики, и въдоши нанъ дань дегъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, река: „ахъ имъ противень, а какъ нечему“.

Во лѣто 6393 посла Олегъ къ Радимичемъ, рече: „кому дань даете?“ Они же рѣши: „Козаромъ“; и рече имъ Олегъ: „да дайте Козаромъ, но мѣ дайте“, и вдаша Ольгови по шлыгу, якоже Козаромъ даху“.

Святославъ „въ лѣто 6472 иде на Оку рѣку и на Волгу, и вѣдѣи Вятичи, и рече Вятичемъ: „кому дань даете?“ Они же рѣши: „Козаромъ по шлыгу отъ рѣки даемъ“.

„Во лѣто 6473 иде Святославъ къ Козары; слышавше же Козари, найдоша противу съ княземъ своимъ Котавомъ, и съступившеся бити, и бѣвши брани, одолю Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Вѣлаумѣлю имя, Немъ побѣди и Касогы“.

„Во лѣто 6474 Вятичи побѣди Святославъ, и дань на дѣхъ възложи“.

Во лѣто 6530 Мстиславу суну Тугторомаду, поиде на Касогы; слышавъ же се князь Касогскій Ределя, наиде противу... Мстиславу вѣсть въ землю его, вая все имѣнье его, межу его и дѣти его, и дань възложи на Касогы“¹⁾.

Свѣдѣтельно, во лѣтописи Козары было племя скитскаго происхожденія, родственное Болгарамъ, овладѣвшее нѣкими областями южной Россіи отъ Каспійскаго моря и сѣвернаго Кавказа до Дуная, собиравшее дань я съ русскихъ племенъ до времени политическаго ихъ объединенія подъ властью князей Рюриковичей, сложившихъ Козарскую политическую силу, овладѣвшихъ Козарскимъ царствомъ и обратившихъ его въ русское Тугторомацкое княжество. Такъ думали все русскіе историки-лѣтописцы до времени возмѣненія въ изданіяхъ русской Академіи Наукъ „комментаріевъ“ источниковъ знанія древнѣйшаго періода русской исторіи еврей—иънде Боера, имѣвшихъ очень печальныя результаты въ движеніи русскаго историческаго самосознанія.

Во своихъ комментаріяхъ сказаній Нестора о Царягахъ, Русахъ и Козаряхъ и сочиненія Колетатива Царяковороднаго „О Царягахъ“ (т. VI, с. 275 и слѣд., т. IX, с. 367 и слѣд.), основываясь на произвольныхъ знаменитыхъ толкованіяхъ народныхъ и личныхъ дѣлѣ, Боеръ объявилъ Царяговъ и Руссовъ народами ивѣдѣнаго, а Козаръ—народомъ турецкаго происхожденія. По ученію Боера: „Константиль именуется Хозарамъ турецкій народъ, а даншъ лѣтописецъ (Несторъ) говорить, что Болгары пришли на Дунай отъ Свинъ, называемыхъ Козарамъ. Свинъ, Хозары и Турки были одного происхожденія, и я сыскалъ, что

¹⁾ П. С. Р. Л.; I, 2, 7, 10, 27, 63.

иметь казарский быль языкъ турецкій, почему всё имя казарскихъ рѣкъ, областей, городовъ и людей безъ труда можно толковать турецкимъ языкомъ.“ Для доказательства этого Бюеръ выбралъ изъ турецкаго словаря созвучія топографическихъ именъ „Хазаринъ“ К. Вагрия-норидига и объявилъ турецкими словами имена: Твиансь, Донъ, Дуна, Дунагъ, Дунай, Дивка, Палъ, Бурдикъ, Халиръ, Варухъ, Укругъ, Бористанъ, Отелъ, Твианъ и Сарикель.

Историки—иѣмцы, переполнившие русскому Академію Наукъ въ концѣ XVIII в., при-знавали „лингвистическій методъ“ рѣшенія историческихъ вопросовъ „этимологическою дыбкой, на которой каждое слово кричитъ такъ, какъ хочется жестокому словоприводителю“ (Шлецеръ); но ученіе о германскомъ происхожденіи Руссовъ и турецкомъ происхожденіи Скитовъ, отъ которыхъ по Нестору произошли русскія племена (Н. С. Р. II; I, 5, 12), кривизна въѣмецкому патриотизму, было принято Шлецеромъ, также русскимъ академикомъ еврейско-иѣмецкаго происхожденія, внесено въ учебники по русской исторіи и господ-ствуетъ въ нихъ до нашего времени, покрываетъ начальный періодъ русской исторіи и исторіи русскаго права непроходимыми кривизнами.

Слѣдуя за Бюеромъ и Шлецеромъ въ ученіи о происхожденіи Руссовъ, Карамзинъ о Козаряхъ высказалъ слѣдующее: „Козары или Хазары, этноплеменины съ Турками, надре-ные обитали на западной сторонѣ Каспійскаго моря, называемого Хазарскимъ въ геогра-фическѣ восточныхъ... Европа узнала ихъ въ IV вѣкѣ въѣхъ съ Гуннами между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ. Азия вѣствовала надъ ними... Въ VII вѣкѣ они являютъ въ исторіи византийской съ великимъ блескомъ и могуществомъ... неокраивъ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго... Разсѣяныя племена славянскія не могли против-вѣяться такому неприятели, когда онъ силу оружія своего въ некоемъ VII вѣкѣ, или уже въ VIII, обратилъ къ берегамъ Днѣпра и самой Оки“ (Н. С. Р.; I, 24, 25).

Послѣ Карамзина историки и лингвисты, опираясь на „этимологическую дыбку“, искали происхожденія Скитовъ и Козаръ въ языкахъ славянскомъ, иѣмецкомъ, финскомъ, турец-комъ, татарскомъ, армявскомъ, грузинскомъ и еврейскомъ; но никто не искалъ его въ жили-щахъ и могилкахъ былыхъ Козарскихъ владѣній, несомнѣнно должаеструющими содержать въ себѣ положительныя указанія на происхожденіе, культуру и значеніе своихъ вѣзвѣ-дцевъ изъ исторіи народовъ южной Россіи вообще и русскаго народа въ частности.

Только въ 1902 году на XII-омъ Харьковскомъ арх. съѣздѣ была выяснена необходи-мость изысканій и изученія козарскихъ могильниковъ и городищъ для научнаго познанія вѣзвѣданныхъ періодовъ исторіи русскаго народа.

На Харьковскомъ съѣздѣ было сообщено, что около села Верхне-Салтовъ, Валчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи, на правомъ обрывистомъ берегу р. Сѣвернаго Донца распо-ложено большое городище, и тутъ же въ сараяхъ, спускающихся къ Дону, между селе-ніями Верхне-Салтовскимъ и Рубежнымъ, г. Хабенко открылъ большой „катакомбнур-ный“—катакомбный могильникъ, въ которомъ нашло много бытовыхъ предметовъ и до 20 монетъ; изъ нихъ одна римская императорской эпохи, а изъ остальныхъ, по сообще-нію профессора Д. Н. Багалъа, 4 принадлежатъ VI и VII вв., 14 монетъ VII—IX вв. и одна X вѣка. („Грѣмъ“, т. I, с. 435 и слѣд.).

Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій съѣзда, ознаменовавшаго съ устройствомъ и со-держаніемъ Салтовскаго могильника, я сообщилъ съѣзду, что сказанное открытіе народнаго учителя г. Хабенко имѣетъ громадную важность для русской исторіи и археологій, такъ какъ по своему устройству и содержанію этотъ могильникъ тождественъ съ катакомбными могильниками Сѣвернаго Кавказа, изслѣдованными мною въ 1882 году. Салтовскій и Кав-казскіе катакомбные могильники одного погребальнаго обряда, одинаково датированы моне-тами VII—IX столѣтій и содержатъ одинъ и тотъ же бытовой матеріалъ, несомнѣнно при-надлежать одному народу,—Козарамъ сказаннаго времени, вѣзвѣдшимъ тогда южную Рос-сію и собиравшимъ дань съ разрозненныхъ русскихъ племенъ.

Въ томъ же засѣданіи съѣзда Н. Е. Бранденбургъ заявилъ, что въ Богучаровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи были найдены обрушившіяся могилы, сходныя съ катакомбами Салтовскаго могильника. Г. Поповъ сообщилъ, что около Нехочеркасска есть городище, на которомъ найдены монеты Свясидовъ. Г. Труновъ указалъ на Мьянкое городище, Острожонскаго уѣзда, Воронежской губерніи, на которомъ сохранились развалины „каменнаго города“, который также, можетъ быть, возможно отнести къ эпохѣ козарской культуры. Д. И. Багалъй сообщилъ, что въ одномъ изъ документовъ Мос. Арх. Мѣл. Юстиціи полоннымъ XVII в. имѣется свидѣніе о томъ, что „въ старомъ Салтовскомъ городищѣ“ козачиномъ прежде „каменный городъ. Этотъ каменный городъ представляеть собой остатки сильно разрушеннаго мѣста, если онъ сохранился въ предшествующій XVII вѣку періодъ полнаго запустѣнія края... До сихъ поръ на немъ замѣтна каменная стѣна, шириною болѣе сажени“.

По поводу послѣдняго сообщенія я привелъ свидѣтельство Константина Богучаровскаго, изъ его сочиненія „О варягахъ“, о томъ, что когда предки этого императора вошли въ сношенія съ козарскимъ каганомъ, то послѣдній просилъ прислать изъ Византіи архитекторовъ для постройки каменнаго города, что и было исполнено. Я припомнилъ также свидѣтельство русской лѣтописи о томъ, что Мстиславъ Владиміровичъ Тмутараканскій побѣдилъ Невъ и Косоговъ, жившихъ въ предѣлахъ царства Козаръ; а Д. И. Багалъй припомнилъ лѣтописный эпизодъ, по которому „первый самостоятельный черниговскій князь, Мстиславъ Тмутараканскій, осмотрѣвъ поле Днѣпровской битвы, выразилъ свою радость: „Се лежить Сѣверянина, се Полянина, а межъ-то дружина цѣла“. Эта дружина, приведенная Мстиславомъ изъ Тмутаракани, очевидно, состояла не изъ Славянъ, а можетъ быть, изъ Хазаръ, Невъ и Косоговъ.

А. М. Вокровскій сообщилъ, что онъ сравнилъ антропологическій матеріалъ Салтовскаго могильника съ такимъ же матеріаломъ могильниковъ русскихъ Славянъ, и пришелъ къ слѣдующему выводу: „Данинородное черепомъ Салтовскаго могильника значительно отличается отъ черепомъ славянскихъ, отъ черепомъ могилъ вольвскихъ и киевскихъ“; а я обратилъ вниманіе съѣзда на особенности въ некоторыхъ формахъ бытового матеріала, добытаго въ Салтовскомъ катакомбномъ могильникѣ; напирямъ, въ немъ не встрѣчаются мечи, а встрѣчаются только сабли, и притомъ существенно отличающіеся отъ сабель позднѣвшихъ половчанскихъ и татарскихъ могилъ, имѣющихъ до сами короткой длины, когнутыя и съ утолщенными округленными концами. Сабли козарскія со слабой кривизной, почти прямыя, не превышаютъ 90 сантиметромъ длины, и заострены съ одной стороны, какъ сабля, найденная въ Черниговской Черной Могилѣ; это различіе очень важно, въ виду лѣтописнаго свидѣтельства, по которому оружіе Козаръ отличалось отъ оружія Руссовъ именно тѣмъ, что Козары не имѣли обоюдоострыхъ мечей, а имѣли только сабли, отличающіяся заостренностью съ одной стороны (П. С. Р. Я.; I, 7).

Въ заключительномъ словѣ Д. И. Багалъя, какъ представителя засѣданія, было высказано: „Самый способъ погребенія Салтовскаго могильника не позволяетъ отнести его къ славянамъ. Такимъ образомъ, все приводитъ къ убѣжденію, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ какимъ-то азиатскимъ населеніемъ, и всего вѣроятнѣе предположить, что имѣемъ дѣло съ Хазарами... Названіе Хазаръ на русскомъ языкѣ до сихъ поръ еще не выяснено, но его слѣдуетъ признавать болѣе значительнымъ, чѣмъ это обыкновенно признавать. Было бы очень желательно къ будущему археологическому съѣзду пронести дальнѣйшее наследованіе могильниковъ, подобныхъ Салтовскому, высокій научный интересъ которыхъ выясненъ въ предыдущемъ засѣданіи Съѣзда“.

Но къ сожалѣнію, Комитетъ послѣдующихъ археологическихъ съѣздовъ не принялъ никакихъ мѣръ къ исполненію этого желанія; до настоящаго времени остается неизслѣдованнымъ даже открытій уже катакомбный могильникъ въ Богучаровскомъ у., Воронежской г., указанный съѣзду 1902 г. Н. Е. Бранденбургемъ.

Русскіе могилы.

Защитительный натиск Конарского царства побудил народонаселение русской прародины подвигаться на север и занять въ лесистыхъ областяхъ побережья верхняго течения Двиуга, Припяти, Березины, Сожи, Двины, озера Ильмена, Волги, Оки, Десны и Сейма. Здѣсь русскіе колонисты образовали 10 новыхъ политическихъ союзовъ, именуемыхъ нашими летописцами землями, княжествами и волостями Полявъ, Древлѣвъ, Волынявъ, Дреговичей, Полочанъ, Слывявъ Ильменскихъ, Кричичей, Вятичей, Радимичей и Сѣверявъ. Эти племена жили въ географической и политической разрозненности: Поляве „быша обидни Деревляни, иѣмъ окошники“, говоритъ нашъ летописецъ (Н. С. Р. М.: I, 7); польскія хроники описываютъ войну Дравлишекъ князя съ княземъ Сѣверявъ, но имени Черниговъ,—основателя города Чернигова (см. выше, с. 191). Географическая и политическая разрозненность племенъ имѣла своимъ слѣдствіемъ происхожденіе мѣстныхъ племенныхъ обычаевъ: „Имаху бо обычаи, и законъ отецъ своихъ и иреданъ, кождо свое право“, говоритъ летописецъ, вложивъ свои свѣдѣнія о расселеніи русскіхъ племенъ (тамъ же с. 8).

Различіе племенныхъ обычаевъ отразилось и на погребальныхъ обрядахъ. У Полянъ, жившихъ на востокъ, открытую область, преобладавъ обрядъ погребенія покойниковъ въ могилѣ подъ курганомъ; у племенъ, жившихъ въ лесистыхъ областяхъ, стали преобладать обряды сожженія труповъ: „Аще кто умираше, творяху грѣху валъ нѣмъ, и носемъ грѣху шиду важику, и вложашуть и ва кладу мертвеца, сожыаху: а носемъ, собранше кости, вложашу въ судину малу и поставляху на столѣ на пучекъ, аже творять Вятичи и иѣмъ“.

Раскопки оправдали и дополнили это свѣдѣтельство летописца. Особенно богаты копыми для русской исторіи фактами черниговскіе курганы съ кострищами.

Открытие черниговскихъ кургановъ съ кострищами имѣетъ чрезвычайную важность для славянской исторіи вообще и для исторіи русскіхъ славянъ въ частности. Находимыя въ нихъ монеты, съ одной стороны, и языческій обрядъ погребенія, съ другой, въ связи съ мѣстомъ нахождения этого вида могилъ, точно опредѣляютъ ихъ время и народность,—это копы русскаго племени Сѣверявъ, населявшаго городъ Черниговъ въ X вѣкѣ. По ряду иѣрамъ кургановъ Гульбища, Черной могилы и Княжьи Черны, по богатству бытовыхъ предметовъ, въ нихъ найденныхъ, по польскимъ свѣдѣніямъ и мѣстнымъ преданіямъ,—это могилы сѣверявскихъ князей IX и X столѣтій, сожженныхъ по языческому обряду. Монеты и другіе предметы, въ нихъ найденные, даютъ богатый матеріалъ къ восстановленію домашнего, а частью и общественнаго быта Сѣверявъ и вообще русскіхъ Славянъ въ языческую эпоху, представляють обстановку жизни нашихъ предковъ языческой эпохи совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ до сихъ поръ представляли ее себѣ историки, опиравшіеся въ своихъ воззрѣніяхъ на свѣдѣтельство летописца Нестора, съ христіанской точки зрѣнія судившаго языческіе обычаи своихъ предковъ: „Сѣверяна, живяху въ тѣсѣ, адуше вся нечисто, браци не бываху въ нихъ...; ти же творяху обычаи Криличи и прочіи поганя“. Теперь очевидно, что это извѣстіе летописца значить тоже самое, что сказать его же навѣстию о Половцкхъ новца XI вѣка: „Половцы, адуше вси нечисто, хомъяки и еусоаы“, т. е. употребляютъ въ пищу нечистыхъ животныхъ съ точки зрѣнія христіанскаго монаха. Представляя собою богатый матеріалъ для выясненія культурныхъ условій быта нашихъ предковъ языческой эпохи, черниговскіе курганы съ кострищами дѣлають въ то же время несомнѣваемъ неотъемлемымъ звеномъ славянской исторіи извѣстнаго епископа арабскаго писателя половины X вѣка Ибнъ Фадлана, такъ какъ обрядъ погребенія Руссовъ, описанный Фадланомъ, и обрядъ погребенія, открытый въ сѣверянскихъ курганахъ города Чернигова IX и X столѣтій, совершенно тождественны. Наконецъ, черниговскія раскопки предоставляютъ въ распоряженіе археолога и историка вѣрный ключъ къ опредѣленію славянскихъ могилъ

инковъ, сохранившихся въ другихъ мѣстностяхъ: курганы сѣверскихъ, стародубскихъ, новгородсеверскихъ, перяславльскихъ, рославскихъ, смоленскихъ и такъ далѣе, гдѣ были найдены бытовые предметы, совершенно сходные съ предметами быта, найденными въ могилахъ черниговскихъ Сѣверянъ IX и X столѣтій.

Историческіе выводы, основанные на археологическомъ матеріалѣ, добытомъ въ могилахъ Сѣверянской земли, — предметъ специального изученія Черниговскаго археологическаго съѣзда, — указаны мною въ особомъ изслѣдованіи о Сѣверянской землѣ по городищамъ и могиламъ, которое будетъ рождено членами Съѣзда.

Курганы неизвестнаго народа.

Осуществляя свой планъ систематическаго поуряднаго изслѣдованія курганныхъ могильниковъ Сѣверянской земли, заталенной на III-мъ арх. съѣздѣ, я встрѣтилъ въ областяхъ рѣкъ Десны и Сейма, въ уѣздахъ Черниговскомъ, Сосницкомъ, Стародубскомъ, Новгородсеверскомъ, Глуховскомъ, Конотопскомъ и Курюкомъ до впаденія р. Рати въ р. Сеймъ, однородные курганные могильники, по устройству и содержанію, сходные съ курганами казюкской группы, изслѣдованными мною въ окрестностяхъ г. Чернигова и м. Сѣлева. Эти могильники съ костями и погребальными урнами несомнѣнно могилы племени Сѣверянъ. Но въ Курюкомъ и Полтавской губерніяхъ, крѣпѣ р. Сейма, я встрѣтилъ курганы съ могилами различнаго устройства и содержанія: могилами съ костями и урнами сѣверянскаго погребальнаго обряда и могилами, отличающимися отъ сѣверянскихъ кургановъ своимъ устройствомъ и содержаніемъ.

Въ 1872-мъ году, при первоначальномъ изслѣдованіи большого могильника въ Суджакомъ у. у Николаевской Бѣлогорской пустыни, когда изслѣдованіе сѣверянскихъ кургановъ только что было начато, сказанный могильникъ съ длинноголовыми костями былъ принятъ мною, А. П. Богдановымъ, В. Б. Антоновичемъ и др. за могильникъ сѣверянской, послѣдующія изслѣдованія несомнѣнно сѣверянскихъ могильниковъ въ окрестностяхъ Чернигова, Сѣлева, Стародуба и др. мѣстностяхъ, фактически показали мнѣ, что Суджакомскія, Бѣлогорскія и Маршаловскія, а равно Глинскія грунныя курганы Романаго у. Полтавской г., совершенно однородны съ Бѣлогорскими и Миропольскими, нельзя признавать сѣверянскими.

Въ областяхъ рѣкъ Сулы и Пела курганы сѣверянскаго погребальнаго обряда, съ костями короткоголовыми, погребенными въ глубокихъ могилахъ ямахъ, подобныхъ ямамъ христіанскаго погребенія, и съ погребальными урнами, всегда болѣе или менѣе удаленны отъ сгруппированныхъ кургановъ, безъ могиловыхъ ямъ съ длинноголовыми костями, лежащими на днѣ курганныхъ насыпей, на материкѣ, или въ неглубокихъ ямахъ, вырытыхъ въ черноземномъ материкѣ, безъ углубленія ямъ въ глиняный материкъ, по своему устройству отличающагося отъ сѣверянскихъ кургановъ съ костями. Сказанные курганы съ длинноголовыми костями, безъ могиловыхъ ямъ, отличаются отъ сѣверянскихъ кургановъ и многими формами бытовыхъ предметовъ, хотя подобно сѣверянскимъ курганамъ, датируются монетами IX и X ст.

Отличительными признаками не сѣверянскихъ кургановъ въ областяхъ рѣкъ Сулы и Пела являются слѣдующіе.

1. Положеніе покойника на черниговскомъ или въ черноземномъ материкѣ, безъ гробовъ, головой въ разныя стороны, съ руками въ разныхъ положеніяхъ.

2. Бытовой матеріалъ составляетъ: серебряныя лелты и обручи съ загнутыми бляхами, окружающіе черепъ; серебряныя и бронзовыя проволочныя спиральи, загнутыя съ верку въ одинъ оборотъ, а въ низу отъ нити до семи оборотовъ; ушные серебряныя и бронзовыя кольца, со сложными концами и безъ снайки концевъ, иногда съ лямочковидными вытѣ-

литескими и стеклянными пронизками; бронеовые и желѣзные нащельники-гривны; бусы различной формы, янтарныя и разнога состава, преимущественно стеклясныя, плоскоочечная и посеребренныя, съ подѣсками формы колумбеницы; пуговицы изъ серебра и бронзы; серебряныя и бронзовыя браслеты разной формы; серебряныя и бронзовыя ручныя кольца со скандинавскими кандами и безъ кандаки; желѣзные пояски, огнища и пряжки; монеты X вѣка.

Въ сѣверныхъ курганахъ, датированныхъ монетами IX и X вѣка, никогда не встрѣчается поверхностныхъ погребеній и украшеній, составляющихъ обычное содержаніе Бѣлогорскихъ, Миропольскихъ и Глибскихъ кургановъ: головныхъ дефтъ и обручей, нащельниковъ, прерогочныхъ спиралей и ожерелій, состоящихъ изъ множества стеклянныхъ и стнанныхъ бусъ со множествомъ подѣсковъ формы мадеиныхъ пуговицъ или бубенчиковъ.

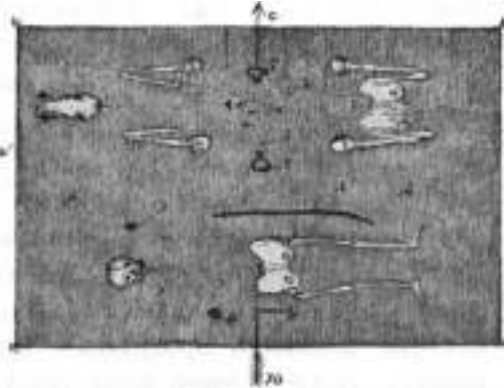
Приказная могилыяны этого рода принадлежали сѣверянамъ, я показую, что они принадлежатъ одному изъ туземныхъ Сѣверныхъ народовъ, арванскихъ германскихъ Рюрикова рода для заселенія пограничныхъ городовъ Киевскаго великаго княжества. Обязательности князя Владимира Святославича въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ походъ 988 годомъ говорить съдужающее: „Рече Володимиръ: не на добро еже маетъ городъ около Киева, и вача ставити городы по Деснѣ и по Росри и по Трубежани и по Сулѣ и по Ступлѣ; и вача мариубати мучь дучиши отъ Словинъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чуди, и отъ Ратичъ; и отъ сихъ насели грады“ (Н. С. Р. Л., I, 52).

Отдѣлъ IV. Могилы половецко-татарской эпохи.

Верхнія могилы въ курганахъ анмерійской и снито-сарматской эпохи въ Каневскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ.

Въ 1876 году, при раскопкѣ кургана снито-сарматской эпохи № II у села Ибонюки, Каневского уѣзда, Киевской губерніи, въ верхней части распалланной насыпи, въ восточной ея половинѣ, было открыто изображенное на рис. № 77 две гробницы въ размѣрѣ 3 арш. д. и 2½ арш. ш., съ остатками очень разнообразныхъ лонданныхъ и человеческого костюмовъ (см. выше, стр. 118).

Южнѣйшей гробницѣ занимала С-ую половину могилы, въ положеніи мордой на З., хребтомъ вверхъ, конечности подогнуты подъ туловище; при немъ найдены: въ челюстяхъ,—желѣзное удило, съ широкими вселіями-ушицами (203,—4411, 4412); по бокамъ туловища,—стремени и пряжки (4413, 4414); на хребтѣ,—остатки разскокившихся серебряныхъ и бронзовыхъ бляхъ, украшавшихъ складъ (4415). Человѣческій костякъ занимала Ю-ую половину могилы, въ положеніи головою на З., лицомъ вверхъ, туловище на спинѣ, конечности вытянуты; при немъ, у лѣваго бока,—желѣзная сабля (№ 4416) и пуговица описаннаго желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлы (203,—4417); у праваго бока,—19 бусъ разной формы и величины и разнога состава (4418, 4419), желѣзный ножъ (4420), золотая пластинка формы шнурка (4421) и обрубокъ—половина золотой византийской монеты XII вѣка (4422, въ корыткѣ).

Рисунокъ № 77.

Могилы, сходныя съ только что описанною по устройству и содержанію, разрушенныя плугами, была открыты мною въ 1877 году у села Россавы, въ верхнемъ селѣ ильми

Нанской могилы (см. выше, стр. 11): въ углубленней части два могилы,—лошадиный и человеческія кости, желѣзные удила, стремена и веревка половина сабли, совершенно сходной съ саблею, найденною въ ямѣ описанной могилы кургана № II, у села Нблонки (№ 4423).

Въ сѣверней половинѣ кургана Острой могилы, раскопаннаго мною въ 1877 году у села Вейвяды, Чернышевскаго уѣзда, Полтавской губерніи (см. выше, стр. 14), на глубинѣ трехъ арш. отъ поверхности насыпи, была открыта вставная гробница въ размѣрѣ трехъ арш. дл. и 2½ арш. ш., съ сохранившимися на ея днѣ остатками лошадиного и человеческого скелета. Скелеты лежали рядомъ, какъ въ Нблонскомъ курганѣ, въ положеніи головной на Ю. При лошадиномъ костяхъ найдены слѣдующіе предметы: остатки конской удилаки, украшенной бронзовыми бубенчиками оригинальной формы (294.—4424—4427), осколки деревяннаго сѣла, покрытаго кожей (4428) и желѣзные стремена (4429). При человеческомъ костяхъ сохранилось: кусочекъ шерстяной ткани (4430), желѣзное кресало (4431), наконечники стрѣлъ (4432), книжка (4433), сабли (4434) и конный рогъ (4435).

Курганъ Курскаго уѣзда, у деревни Ялиновой.

Одиночный курганъ на выгнѣ у д. Ялиновой, Курскаго у., имѣвшій одинъ арш. в. и 6½ арш. въ окр., раскопанннй мною въ 1873 году, прикрывалъ могильную яму 4 арш. дл., на днѣ которой найдены: цѣлый лошадиный костякъ, хребтомъ вверхъ, кончностію подъ туловищемъ, морда вытянута, въ челюстяхъ удила, по бокамъ стремена; человеческій костякъ въ полномъ безпорядкѣ, часть костей съ одной стороны лошадиного костяка, часть съ другой, а при нихъ,—главный сосудъ, бронзовая пряжка и желѣзный ножикъ (252.—3714—3719). Можетъ быть подъ жемъ курганаго покойника была погребена верховъ на лошади, а въѣздѣ могила была ограблена раскопкою сверху и своимъ засыпана.

Курганы Екатеринославской губерніи, Александровскаго уѣзда, у села Новогригорьевки.

При раскопкѣ въ 1884 г. курганаго въ окрестностяхъ села Новогригорьевки (см. выше, стр. 14, 121), между прочимъ, были раскопаны пять кургановъ въ группѣ могилъ, сохранившихся на выгнѣ, съ восточной стороны Безветной могилы. Въ этой группѣ сохранилось 22 кургана, вышиной отъ 40 до 100 арш. въ окружности и отъ одного до 6 арш. в. Подъ курганами были открыты могилы слѣдующаго устройства. На поверхности впадины, въ ея центрѣ, обнаруживается могильная яма, западенная землемъ, въ размѣрѣ отъ 2½ до 4 арш. дл., отъ 1 до 1½ арш. ш. и отъ 2½ до 3 арш. гл., со сѣдами по краямъ ямы засыпки изъ дерева, камня и глины; въ 3-ей стѣнѣ ямы, по днѣ ея два, обнаруживается подбой до 1½ арш. ш. и в., заставленный каменными плитками, или деревянными брусками, изъ которыхъ часть вынута и отброшена. За такою засыпкою, въ подбойкахъ были найдены разбросанные въ безпорядкѣ человеческія кости, желѣзное оружіе, обруч и украшения. Всѣ могилы, открытыя въ курганахъ этого вида, оказались ограбленными посредствомъ раскопки насыпи сверху, и снова засыпанными, такъ что снаружи не было замѣтно никакихъ признаковъ давней раскопки. Члены углубленія на грабительскую раскопку могилъ этого вида сверху служатъ слѣдующіе признаки: отсутствіе грабительскихъ подкоповъ въ стѣнахъ ямы, свернутыя въ сторону наемныя плиты, разбросанныя могильные подбой, съ цѣлью открытія ихъ и осмотра могильнаго содержанія, разбросанныя кости потребованныхъ и положенные предметы могильной обстановки.

Курганъ № I; в. 6, с. 30 арш. У два насыпи,—слой глины въ дюймъ толщиной, покрытый слоемъ обожженнаго камня, въ размѣрѣ 15 арш. въ диаметрѣ; подъ нимъ,—слой колотатаго

камни и булыжники, покрывавший пространство въ разбѣрѣ 10 арш. въ диаметрѣ: въ центральной части два насыпи этихъ камней, составлявшихъ заслонку могильной ямы, не было; камень, покрывавший центральную часть два насыпи, была выкуты раскопавшими въсегда котилу и разбросаны въ беспорядкѣ вокругъ могильной ямы, обнаруживавшейся въ глиняномъ материкѣ правильными четырехугольниками въ направлении съ С. на Ю., въ разбѣрѣ $3\frac{1}{2}$ арш. д. и $1\frac{1}{2}$ арш. ш., асимметричной чертосекою. На глубинѣ 4 арш. отъ уровня материка, на днѣ могильной ямы, вступлены четыре известковыя плиты, двѣ изъ которыхъ стояли ребромъ, одна воистъ другой, у 3-ей стѣнки, плетью прямая къ лѣв., а двѣ были отклонены и лежали нахлестомъ на днѣ могильной ямы. На каменныхъ плитахъ, въ 3-ей стѣнкѣ, обнаружены подобныя въ направленіи съ С. на Ю., а на днѣ ея найдены кости разбросаннаго въ беспорядкѣ человѣческаго костяка, желѣзные наконечники стрѣлъ, обломокъ покла, гвозди, бляшки, кусочки кожи и серебряная пластинка.

Курганъ № II; в. 4, с. 70 арш. Дно насыпи вокругъ ее центра покрыто глиною и очеретомъ; могильная яма 3 арш. д. съ СВ. на ЮВ., $1\frac{1}{2}$ арш. ш. и 3 арш. гл., подобна въ ЮВ. стѣнкѣ была закрыта деревянными брусками и толстыми досками, остатками которыхъ было покрыто дно могилы. Въ толкѣ между костями разбросаннаго человѣческаго скелета найдены золотыя пуговицы, обломки золотыхъ бляшекъ, три жемчужины и двѣ стекляныя бусы.

Курганъ № III; в. 3, с. 60 арш. На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ арш. отъ вершины насыпи вступилъ слой камыши и глины толщиною около полувершка; въ центрѣ его,—могильная яма, асимметричная чертосекою, въ разбѣрѣ $3\frac{1}{2}$ арш. д. съ С. на Ю., $1\frac{1}{2}$ арш. ш. и 3 арш. гл.; въ лѣвѣ,—четыре известковыя плиты, стоявшія ребромъ, другъ воистъ друга у западной стѣнки, и одна изъ нихъ, откинутая къ сторону, открывавшая лазейку въ могильный подполъ; воистъ этой плиты была сбережена въ кучу человѣческой костякъ, за исключеніемъ черепа, фрагменты котораго и нѣсколько другихъ костей были найдены за стоящими плитами, изъ днѣ поддона, имѣеть со слѣдами разложившагося дерева, окиснившимъ желѣзнымъ наконечниками стрѣлъ, фрагментами дѣлѣтъ и пряжекъ, остатками золотой ткани и овалными стеклышками.

Курганы №№ IV и V; по устройству сходны съ предыдущими; въ разбѣрѣ между костями разбросанныхъ человѣческихъ костяковъ найдены обломки желѣзнаго копья, покла, стрелы, удила, пряжки, бляшки и наконечники стрѣлъ.

Благодаря издѣлія этого могильника поступили въ распоряженіе Императорской Археологической Комиссіи.

Курганы Екатеринославской губерніи, Новомишковскаго уѣзда, у деревни Вороной.

Въ 1884 году, во время изслѣдованія кургановъ въ окрестностяхъ Новомишковки, я получилъ отъ А. М. Микляшевскаго, владѣльца деревни Вороной у дѣлѣвскихъ пороговъ, приглашеніе изслѣдовать курганы, сохранившіеся изъ его нѣдѣи и осмотрѣть результаты раскопокъ, произведенныхъ его дочерью А. А. Карцовой. Къ письму была приложена записка Д. Н. Эваринскаго, напечатанная въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, слѣдующаго содержания: „Недѣли три тому назадъ, въ прошломъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, мнѣ пришлось быть въ д. Вороной, Новомишковскаго уѣзда, въ имѣніи А. М. Микляшевскаго, расположенномъ на лѣвомъ берегу р. Днѣпра, противъ двухъ его пороговъ, Наханскаго и Звонецкаго. Вѣривъ слышать, я былъ вызванъ владѣльцемъ имѣнія для осмотра находящихся въ его нѣдѣи двухъ кургановъ или могилъ, Гасной и Шцевой. Могилы оказались очень интересными; изъ нихъ первая имѣеть въ окружности 72 сажни, при 10 саженьхъ высоты, а вторая нѣсколько меньше того. Обѣ онѣ находятся прямо на Н. отъ Днѣпра, на разстояніи около двухъ вѣрстъ; воистъ первой находило 25 малыхъ могилъ, а

валъ второй 17. Какъ червалъ, такъ и нуралъ на вершинахъ своихъ имѣютъ углубленія; но разница между ними та, что на Рясной земля перемычка имѣетъ съ лѣвѣмъ камнемъ, а на Иценой она состоитъ изъ одного чернома; кроме того, углубленіе, сдѣланное на первой могилѣ, не имѣетъ никакого отверстія, между тѣмъ какъ углубленіе второй имѣетъ выходъ на С., напоминая собою подкову. Въ основаніе думать, что какъ та, такъ и другая могилы очень древняго происхожденія, и объ оныхъ заслуживаютъ вниманія ученыхъ археологовъ. Владѣлецъ уже не рѣшъ обрабатывать на нихъ вниманіе ученыхъ специалистовъ дѣла, приглашая ихъ разрыть лѣнныя курганы, но и до сихъ поръ ни одна ученая не воспользовалась его приглашеніемъ. Теперь владѣлецъ самъ обратился къ раскопкамъ; онъ разрылъ три небольшихъ кургана велич. могилы Рясной, и нашелъ тамъ нѣсколько вещей".

Окончивъ раскопки въ окрестностяхъ Новогригорьевки, по пути на Одесскій археологическій съездъ, я заѣхалъ въ имѣніе А. М. Микляшевскаго, осмотрѣлъ сохранившіеся въ немъ курганы и раскопалъ изъ нихъ пять.

Всѣхъ могилъ Рясной и Иценой, описанныхъ въ вышеприведенной корреспонденціи Д. И. Фварницкаго, сохранилось болѣе ста кургановъ разной величины, отъ едва замѣтныхъ холмиковъ, покрывающихъ часть на выгонахъ, частью на развѣтанномъ полѣ, до насыпей, имѣющихъ до ста аршинъ въ окружности основанія и до пяти аршинъ высоты. На всѣхъ курганахъ имѣются болѣе или менѣе замѣтныя воронкообразныя углубленія, покрывающіяся на вершинахъ насыпей, надъ ихъ центрами.

Раскопки А. А. Карцовою, Д. И. Фварницкаго и мои показали, что воронкообразныя углубленія на курганахъ представляютъ собою сѣдыя огражденія могилъ, произведеннаго несредствомъ раскопки насыпей сверху. Раскопавъ центральную часть насыпи укачимъ колодезь, грабители углублялись въ могильную яму, вырытую въ материковой глинѣ на глубину отъ двухъ до трехъ аршинъ, и отрывали кости покойника на срединѣ дна могильной ямы, или въ небольшомъ бокомъ подкопѣ. Осмотрѣвъ могильное содержаніе и выбравъ изъ него только цѣнныя, золотыя и серебряныя предметы, грабители снова забрасывали яму землею, не утрамбовывая ее, почему рухнула земля, осѣвши, образовала воронкообразныя углубленія на вершинахъ раскопанныхъ и снова засыпанныхъ кургановъ. Осмотръ могильнаго содержанія производился грабителями очень небрежно, такъ что въ огражденныхъ могилахъ, рядомъ съ разбросанными костями изваянковыхъ и желѣзными и бронзовыми предметами, нередко встрѣчаются, особенно въ женскихъ могилахъ, разные предметы изъ золота и серебра. Въ раскопанныхъ мною курганахъ открыты нижеслѣдующее содержаніе.

Курганъ № I: в. 1, о. 25 арш.; въ надбоннѣ могильной ямы 2 арш. гл.,— слѣды сгнившихъ досокъ и человѣческій костякъ, головою на З., нижнія конечности вытянуты другъ влѣтъ другъ, колѣнами вверхъ, средняя часть туловища перевернута и позвонки обращены въ кучу, правая рука въ первоначальномъ положеніи, вытянута влѣвъ туловища, лѣвая рука и черепъ святи и брошены въ разстояніи двухъ четвертей отъ туловища; у лѣваго бедра,—желѣзный колпикъ, кресало и кремль.

Курганъ № II: одна замѣтная; на днѣ могильной ямы двухъ аршинъ глубины,— разбросанный человѣческій костякъ, золотая пластинка, 4 стекляшья и 2 глиняныя бусы, четыре прозрачныя раковинки и фрагменты желѣзныхъ ножицъ.

Курганъ № III: в. 5, о. 100 арш.; въ могильной ямѣ 3 арш. гл.,—остатки сгнившихъ деревянныхъ досокъ и брусьевъ, кости разбросаннаго человѣческаго скелета и слѣдующіе желѣзные предметы: удила, стрелена, наконечники копій и стрѣлъ, обломки ножей разной величины, пряжки, кольца, гвозди, бляшки, кресало, кремль; обломки глиняныхъ пластинокъ, пѣрочно украшенныхъ сѣдло; круглая бронзовая бляха, съ обильномъ окисленнаго желѣза покрытаго остатками твали.

Курганъ № IV; в. 3, о. 69 арш.; въ подошвѣ ямы 2 1/2 арш. гл.,—костики, гол. на 3; книжнѣ колючности оставлены грабителями ветрюнутыми, и на нихъ найдены жезъзные ножницы, а верхняя половина остова сброшена въ одну кучу. при разборѣ которой найдены: обдѣланная въ золото подвѣска изъ композицій, двѣ золотыя наветыники, золотая пуговица, десяти бронзовыхъ проволочкѣ, украшенныхъ мелкими стеклянными бусами, бусы разной формы и разного состава и золотая подвѣска съ татарскою надписью на концахъ.

Курганъ № V; в. 2 1/2, о. 45 арш.; въ котлованной ямѣ 2 арш. гл.,—сѣдлы сгнившаго дерева, разбросанныя человѣческія кости и слѣдующіе предметы: костяная пуговица, серебряное кольцо безъ сдѣлки концовъ и жезъзные ножницы.

Бытовые предметы, найденные мною въ курганахъ окрестностей деревни Ворони, поступили въ распоряженіе Императорской Археологической Комисіи.

А. А. Карцова раскопала 14 кургановъ, изъ которыхъ находки были переданы ею Д. И. Зварницкому, для помѣщенія на выставкѣ Одесскаго археологическаго съѣзда 1884 года; по закрытіи выставки съѣзда находки А. А. Карцовой поступили въ мое собраніе древностей; а именно, жезъзные бляхи разной формы и величины (296,—4436, 4447, 4461), пряжки (4446—4454), колечки (4455), удила (297,—4456, 4457) и стремени съ пряжками къ нимъ (4458—4460), кресала съ краями къ нимъ (298,—4462—4464), крючки, сѣдлы и гаски (4465—4473), ножницы (4474), топоръ (4475), наконечники стрѣлъ разной формы и величины (299,—4476—4483), наконечники дротика (4486), ножки и ножи разной величины (4487—4490), изъ латерныхъ одинъ съ костяною ручкою, украшенною серебряною бляшкою (4491, 4492); массивная фигурная костяная ручка отъ ножа или ножала (4493); круглая чашкообразная бронзовая бляха, съ двумя дырочками на краяхъ (300,—4494), бронзовая чашечка съ двумя ушками и бронзовою дужкою (4495); гребешокъ въ узорчатомъ мѣшечкѣ, расшитомъ золотомъ (4496, 4497); фрагменты золотыхъ нитѣ (4498), тканей, расшитыхъ золотомъ, золотой парчи (4499) и шелковыхъ и шерстяныхъ тканей (4500—4502); два металлическихъ зеркала, украшенныхъ узорами (301,—4503, 4504) и обложки узорчатыхъ металлическихъ зеркалъ (4505, 4506); бронзовые бляхи разной формы и величины, со слѣдами позолоты (4507—4511); бронзовый предметъ формы колокольчика, желѣзистаго сплавленія (4512); серебряныя: проволока согнутая въ формы дѣтвотъ, съ сохранившимися на некоторыхъ изъ нихъ стеклянными бусами (4513, 4514), массивная пластинка (4515), обложки тонкихъ проволочкѣ (4516); костяная треугольная продырявленная бляшка (4517); продырявленная морская раковинка (4518); 7 1/2 бусъ разной состава и разной формы и величины: жемчужины, сердоликовыя, янтарныя, стекляныя, глиняныя и стекло-глиняной композиціи (4519, 4520); обложки деревянныхъ трубчатыхъ палочекъ, обкрутыхъ нитками (4526); 4 бусы формы пшечекъ (302—4521); обломки узорчатыхъ янтарныхъ серебряныхъ бляшекъ, украшенныхъ стекломъ и жемчугомъ (4522, 4523); серебряныя: двѣ сережки, украшенные жемчужинами (4524, 4525), серебряная чашечка (302,—4527), глухое колечко съ продѣломъ въ него ниткою (4528), узорчатая бляшка (4529); два позолоченныхъ кольца, безъ сдѣлки концовъ (4530, 4531); золотыя: филигранная овальная бляшка съ горными хрусталами въ срединѣ (4532), круглая ажурная бляха съ горными хрусталами и бусами (4533), 3 мотыльковидныя узорчатая бляхи съ горными хрусталами въ срединѣ (4534—4536), 12 звѣздчатыхъ эмальрованныхъ бляшекъ (4537, 4538), 4 бляшекъ, украшенныхъ выгуканными розетковидными узорами (4539, 4540), 3 пуговицы (4541), 8 серебряныхъ позолоченныхъ пуговокъ (4542), глиняная подвѣска, украшенная на концахъ пазадными розетками изъ тонкой проволоки (4543), обломки подвѣсокъ, украшенныхъ стекломъ (4544), 6 пластинокъ (4545, 4546), проволочная сережка (4547); серебряная продолговатая подвѣска съ татарскою надписью на концахъ (4548) и обложки такой-же подвѣски (4549); четыре серебряныя золотоордынскія монеты,—хановъ Улѣка и Джалибека (4550—4553), обломки костяной ручки (303,—4554), костяныя бляхи разной формы и величины, орнаментированныя инкрустационными узорами и изображеніями всадника и четвероногого (4555—4560); 304,—4561—4574).

Курганы Терской области.

Кроме могильников древнейших исторических эпох, описанных в предыдущих отчетах (см. выше, стр. 22 и слѣд., 123 и слѣд.) в окрестностях Пятигорска и Кисловодска сохранилось много курганных могильников эпохи последних столѣтій татарскаго язычества на северномъ Кавказѣ.

Осматривая окрестности Пятигорска и Кисловодска въ 1881 году, я замѣтилъ особенно многочисленное скопленіе мелкихъ кургановъ, имѣвшихъ отъ 1 до 4 арш. в. и отъ 25 до 50 арш. въ окружности, на земляхъ бывшихъ колоній Карраса, Николаевской и Константиновской, лежащихъ между горамъ Машукомъ, Бештау, Желтаномъ, Павалкою, Имбиномъ и Лысомъ. Въ центрѣ площад. замыкаемой скалистыми горами, имѣющей около десяти верстъ въ окружности, помещается глубокая котловина, обрамленная пологими Николаевской колоніи въ прекрасное озеро прѣсной воды, имѣющее болѣе версты въ окружности. На возвышенностяхъ, прилежащихъ къ этому озеру или обществу Николаевскому пруду, сохранилось до трехсотъ кургановъ, сгруппированныхъ преимущественно въ двухъ могильникахъ: около двухсотъ кургановъ у самого озера, на земляхъ колоній Карраса и Николаевской, и около ста кургановъ въ разстояніи версты отъ озера, за виноградниками Николаевской колоніи.

Въ раскопкахъ древнихъ могильниковъ на Кавказѣ я придерживался того-же правила, какому слѣдовалъ въ другихъ мѣстахъ и именно: первое, встрѣчаемое мною многомогильное кладбище новаго устройства и содержанія, я раскапывалъ до тѣхъ поръ, пока встрѣчались новые предметы, пока убѣждался, что въ нераскопанныхъ могилахъ остаются только дублиаты уже извѣстныхъ предметовъ на могилахъ раскопанныхъ. Встрѣчая затѣмъ однородный могильникъ по устройству и содержанію, я довольствовался раскопкою немногихъ насыпей, какъ бы не было богато ихъ содержаніе, — оно было неинтересно, какъ матеріальн. повторительный.

Благодаря этому приему, въ индивидуальное время 1881 и 1882 г.г., сравнительно въ короткій срокъ, я касался на северномъ Кавказѣ, кроме двѣнадцати одиночныхъ кургановъ большой величины, заключающихъ въ себѣ могилы съ каменными и бронзовыми орудіями, двадцать два общественныхъ кладбища, принадлежащихъ разнымъ историческимъ эпохамъ.

Изъ общественныхъ кладбищъ эпохи татарскаго язычества подробно изслѣдывалъ мною курганный могильникъ у колоніи Карраса, на возвышенностяхъ, окружающихъ Николаевскій общественный прудъ.

Курганы подъ Пятигорскомъ, у колоніи Карраса.

Курганныя группы заключаетъ въ себѣ до двухсотъ сохранившихся насыпей, помещающихся на вышней, различной величинѣ, отъ 1 до 4 арш. в. и отъ 25 до 50 арш. въ окружности; почти всѣ насыпи по окружности основанія были обложены булыжнымъ и калятымъ камнемъ, выбравшимъ мѣстными колонистами, частью на постройку, частью на устройство шоссевой дороги изъ Пятигорска въ Желтаководскъ, такъ что въ настоящее время насыпи имѣютъ видъ кургановъ, обрѣзанныхъ по окружности основаніемъ. Преданія о значеніи кургановъ у мѣстныхъ жителей не сохранилось, такъ что туземцы, русскіе, немцы и татары удивлялись тому, что подъ курганами были обнаружены могилы. Въ этомъ могильникѣ были раскопаны мною сто пять могилъ.

Курганъ № I; в. 3, о. 43 арш. На глубинѣ двухъ съ половиною аршинъ отъ поверхности насыпи, — остатокъ гроба изъ толстыхъ досокъ съ выдукою крышкою, подъ которою слой глины и мелкаго каменистаго щебня около двухъ вершковъ толщиной, а подъ нимъ, —

человѣческій костякъ, головою на З., лицомъ вверхъ, туловище на спинѣ, руки вытянуты по бокамъ туловища, такъ что кости помѣщаются у тазовыхъ костей; ноги вытянуты колѣнями вверхъ; въ насыпи, надъ гробомъ, у края могилы.—ажурная серебряная бляха (305.—4575); при постыжѣ, на груди.—2 серебряныхъ медальона (4576) и 3 серебряныхъ пуговицы, въ ушкѣ одной изъ которыхъ сохранился клочокъ матеріи (4577); у лѣвой кисти.—золотистый мѣшочекъ съ желѣзнымъ пресаломъ (4578); между бедрами,—остатки деревяннаго колчана, обтянутаго кожей (4579), семь серебряныхъ бляхъ разной формы и величины, украшавшихъ колчанъ (4580—4583), и два желѣзныхъ наконечника стрѣлы (4584); у правой кисти.—желѣзный ножикъ съ деревянною рукояткою (4585); на днѣ кургана, подъ дномъ гроба, на каменистомъ грунтѣ, остатокъ толстаго деревяннаго бруса, на которомъ былъ поставленъ гробъ.

Курганъ № II; в. 1, о. 25 арш. На глубинѣ 1½ арш. отъ вершины насыпи, въ мѣстѣной ямѣ 2 четв. гл. вырубленной въ каменистомъ грунтѣ,—остатки гроба изъ досокъ съ костякомъ, головою на З., лицомъ вверхъ, на спинѣ, руки и ноги вытянуты; при костякѣ, у лѣваго уха,—сердечковидная буца (305.—4586); у лѣвой кисти,—остатки снурка (4587), кусочекъ черной смолы (4588), золотистый кошелекъ съ желѣзнымъ пресаломъ въ срединѣ (4589) и желѣзный ножикъ съ костяною ручкою, украшенною на концѣ бронзовою бляхою, съ остатками ножего (4590); у пястей ногъ.—два желѣзныхъ гвоздика съ остатками на нихъ разложившагося дерева (4591) и желѣзный наконечникъ стрѣлы (4592).

Курганъ № III; в. 2, о. 35 арш. На днѣ насыпи,—остатки деревяннаго гроба съ выпуклою крышкою, а въ немъ присыпанный углемъ, землею и мелкими камешками щоблемъ костякъ, головою на З., на спинѣ, конечности вытянуты; у лѣваго бока,—желѣзный ножикъ (305.—4593) и желѣзное оръіе (4594); у праваго бедра,—желѣзный наконечникъ стрѣлы (4595).

Курганъ № IV; в. 1½, о. 30 арш. На днѣ насыпи,—остатки деревяннаго гроба съ костякомъ, головою на З., на спинѣ, конечности вытянуты; съ боковъ головы,—на серебряной сережкѣ формы листиковъ на длинныхъ черенкахъ, украшенныхъ дугами серебряными бусами (305.—4596); у лѣвой голени,—фрагменты разложившихся желѣзныхъ ножицъ.

Курганъ № V; в. 1½, о. 30 арш. Съ правой стороны головы,—кольцо, безъ снайки концевъ, изъ граненой серебряной проволоки (4597); съ лѣвой стороны головы,—кольцо изъ круглой серебряной проволоки, безъ снайки концевъ (4598).

Курганъ № VI; подобный предыдущимъ по размѣрамъ и погребенію. Съ лѣвой стороны головы,—маленькое плоское серебряное колечко (4599); у праваго бока.—бронзовое колечко (4600).

Курганъ № VII; в. 2, о. 32 арш. На днѣ насыпи очень перекопанной грызунами,—костякъ въ гробѣ, головою на З., на спинѣ, конечности вытянуты; у головы,—обломокъ серебряной бляхи, составляющей головное украшеніе (4601—4603), серебряная подвѣска, формы листика (4604), остатки похоронной ткани (4605); у лѣвой руки,—кошелекъ, расшитый шелкомъ и серебромъ (4606); на груди,—свинцовая пуля (4607), серебряная пуговица (4608) и остатки шелковой ткани (4609).

Курганъ № VIII; подобный предыдущему. У лѣвой кисти.—расшитый шелкомъ кожаный кошелекъ (4610) и желѣзное кресало съ прикипавшимъ къ нему кускомъ шелковой ткани (4611, 4612), у праваго бедра,—желѣзный ножикъ (4613) и маленький гвоздикъ (4614).

Курганъ № IX; в. 1, о. 25 арш. На днѣ насыпи,—слѣды гроба съ дѣтскимъ остовомъ; у праваго бока,—желѣзный ножикъ (4615).

Курганъ № X; в. 1½, о. 28 арш. На днѣ насыпи, въ неглубокой могилѣ, вырубленной въ каменистомъ материкѣ,—остатки деревяннаго гроба и человѣческаго костяка; съ боковъ головы,—два серебряныхъ кольца, безъ снайки концевъ (4616); у лѣвой кисти,—кусочекъ кожи и кожаный кошелекъ, расшитый шелкомъ (4617, 4618).

Курганъ № XI; подобный предыдущему. При дѣтскомъ остовѣ,—два кольца изъ серебряной проволоки. бижъ спайки концовъ (4618, 4620).

Курганъ № XII; в. 3, с. 40 арш. На глубинѣ троихъ съ половиною аршинъ отъ вершины насыпи, въ могильной ямѣ дають четвертой глубины, вырубленной въ материковомъ известномъ щебѣѣ,—деревянный гробъ, состоящій изъ колоды 3 арш. д. и 1 арш. ш. и толстыми, выдолбленной въ видѣ корыта и закрытой сверху толстою выпуклою крышкой; въ колодѣ, подъ слоемъ угля, глины, земли и мелкаго каменнаго щебня,—кости: головой на З., на спинѣ, конечности вытянуты; по лѣвой стороне, съ лѣвой ея стороны,—наогнутая желѣзная сабля десяти вершковъ длины, обращенная крестообразнымъ эфесомъ къ ногамъ (№ 4621), на саблѣ остатокъ разложившагося деревяннаго ноженья, дѣя окисливъ саблицы съ колечками и по концамъ дѣя желѣзные чашечки отъ оправы ноженья (397,—4622); у правой кисти,—желѣзные ножъ (4623), кресало и кремь (4624, 4625); между голеньями,—пучокъ изъ 30 разной формы и величинъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ (4626—4630) и окисливъ желѣзная бляшка, пряжки и колечки отъ колчана (4631—4633); на туловищѣ,—слѣды разложившейся наогнутой деревянной палки (жѣроотно лукъ) съ желѣзными гвоздеобразными стержнями на концахъ (4634).

Курганъ № XIII; в. 4, с. 50 арш. На глубинѣ 4 арш. отъ вершины насыпи,—заклетка изъ толстыхъ досокъ или брусель, подъ которою въ могильной ямѣ шести четвертой глубины, вырубленной въ известномъ грунтѣ,—толстая колода 3 арш. д., расколотая или расплюснутая на дѣя неровныя части, изъ которыхъ нижняя большая, выдолбленная въ родѣ корыта, составляла гробъ, а верхняя крышку гроба, прибитую къ нему на концахъ массивными желѣзными гвоздями (308,—4635—4636); подъ колодою-гробомъ, на дѣя могильной ямы,—толстая деревянная доска, а съ боковъ колоды облязала изъ крупнаго булыжника и колотатаго камня; въ колодѣ, вѣдѣ остова, присыпаннаго углемъ со щебнемъ и землей и замазаннаго глинвою, обращеннаго головою на З., на спинѣ, конечности вытянуты, найдены: у лѣваго локтя,—желѣзный ножъ (4637); у лѣвой кисти,—фигурное кресало и кремь (4638, 4639); на ногахъ,—остатки колчана изъ кожи и береста, украшеннаго мелкими бронзовыми гвоздиками и желѣзными бляшками, пряжками и кольцами (4640—4644), съ тридцатью желѣзными наконечниками стрѣлъ разной формы и величинъ, изъ которыхъ одна съ двойнымъ рогаемымъ остриемъ (4647—4652); у праваго бока — слѣды разложившагося лука съ желѣзными концами (4653); у лѣваго бока,—желѣзная сабля, подобная найденной въ курганѣ № XII (№ 4654).

Курганъ № XIV; в. 1 1/2, с. 35 арш. На материкѣ, въ достаточномъ гробѣ,—кости: замазанной гливою со щебнемъ, въ обыкновенномъ для этого могильника положеніи, у. е., головою на З., на спинѣ, конечности вытянуты; у лѣвой кисти,—глухое бронзовое кольцо (309,—4655), фрагменты ткани (4656, 4657), кресало (4658); между бедрами,—желѣзные наконечники стрѣлъ (4659).

Курганъ № XV; в. 2 1/2, с. 40 арш. На глубинѣ 3 арш. отъ вершины,—гробъ-колода, съ костью въ обыкновенномъ для этого могильника положеніи; подъ гробомъ, на известномъ дѣя могилы,—толстая доска въ размѣрѣ гроба; у правой голени,—11 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ (4660—4662), желѣзный стержень (4663) и слѣды разложившагося колчана, украшеннаго пряжками, бляшками и кольцами (4664—4667); у лѣвой кисти,—кресало (4668) и ножикъ (4669); у лѣваго бока,—желѣзная сабля, подобная найденнымъ въ курганахъ XII и XIII (№ 4670).

Курганъ № XVI; в. 1 1/2, с. 32 арш. Погребеніе, какъ въ предыдущихъ курганахъ; на туловищѣ,—желѣзный ножикъ (4671).

Курганъ № XVII; в. 2 1/2, с. 38 арш. На материкѣ гробъ, а въ немъ остовъ, присыпанной глиной, щебнемъ и углемъ; у лѣваго бока,—ножикъ (4672), отливо съ кромешемъ (4673) и кошелекъ, расшитый шелкомъ (4674).

Курганъ № XVIII; в. 1^{1/2}, о. 33 арш. На глубинѣ 2 арш. отъ вершинъ насыпи, въ материковой могилѣ.—остатки гроба съ костякомъ, покрытымъ тонкимъ слоемъ желтоватой глины; у лѣваго бока,—огниво въ кошельѣ, завязанномъ суркомъ (4676), кремезъ (4676) и желѣзная ножка (4677); между плечами.—3 наконечника стрѣлъ (4678—4680).

Нижеслѣдующіе курганы, по устройству могилъ и положенію костяковъ, сходны съ предыдущими.

Курганъ № XIX; в. 2, о. 36 арш.; у лѣваго бока;—желѣзный сурокъ (310.—4681) и кресало въ кошельѣ, расшитомъ золотомъ (4682); у правой голени.—наконечникъ стрѣлы (4683) и желѣзная ножка (4684).

Курганъ № XX; подобный предыдущему; у лѣваго бедра.—наконечникъ стрѣлы (4685); на туловищѣ.—ножикъ (4686) и остатки кошелья съ кремеземъ (4687, 4688).

Курганъ № XXI; подобный предыдущимъ; у лѣвой кисти костяка,—кресало (4689), остатки расшитаго кошелья (4690) и ножикъ (4691).

Курганъ № XXII; подобный предыдущимъ; у правой голени костяка.—наконечникъ стрѣлы (4692); у лѣваго бока,—кресало (4693) и ножъ (4694).

Курганъ № XXIII; в. 3, о. 42 арш. На материкѣ,—гробъ-колода съ плоскою крышкою, прибитою къ гробу двумя желѣзными скобками (4695, 4696); у праваго бока,—желѣзный ножикъ (4697), кресало и кремезъ (4698, 4699); у пястей ногъ,—три наконечника стрѣлъ (4700) и слѣды разложившагося мочала съ пряжками и бляшками (4701).

Курганъ № XXIV; въ гробѣ, между колѣнами дѣтскаго остова,—наконечникъ стрѣлы (4702).

Курганъ № XXV; на туловищѣ костяка,—желѣзный ножикъ съ остатками кожанаго футляра (4703); у праваго бока,—кресало, остатки кошелья, расшитаго серебромъ, и кремезъ (4704—4706); у пястей ногъ,—обломки разложившагося желѣзнаго предмета (4707).

Курганъ № XXVI; у лѣваго бока,—желѣзный ножикъ съ остатками деревяннаго футляра (4708).

Курганъ № XXVII; между голеними,—три наконечника стрѣлъ и колечко (311.—4709—4710); у лѣваго бедра,—ножъ и огниво (4711, 4712).

Курганъ № XXVIII; у лѣваго бедра,—ножъ, огниво и остатки расшитаго кожанаго кошелья (4713—4715); у лѣвой голени,—наконечникъ стрѣлы (4716).

Курганъ № XXIX; ножикъ и огниво съ кремеземъ у правой руки (4717—4719).

Курганъ № XXX; крышка гроба прилита двумя гвоздями (4720); въ гробѣ у праваго бока,—стрѣла (4721), огниво въ разложившемся кошельѣ (4722) и ножикъ (4723).

Курганъ № XXXI; у праваго бедра,—желѣзные ножницы (4724).

Курганъ № XXXII; на туловищѣ,—разное бронзовое колечко и кусочекъ глины (4725—4727).

Курганъ № XXXIII;—гвоздь отъ крышки гроба (4728), остатки кожаной обуви (4729—4731), ножикъ (4732) и огниво съ остатками расшитаго кожанаго кошелья (4733, 4734).

Курганъ № XXXIV. Костякъ въ колодѣ; у праваго бока,—сабля (№ 4735) съ остатками деревяннаго ножена въ желѣзной оправѣ (312.—4736—4739); у лѣваго бока,—слѣды разложившагося древка отъ лука съ желѣзными концами (4740), ножъ въ деревянномъ чехлѣ (4741) и огниво въ кожаномъ кошельѣ, расшитомъ шелкомъ (4742, 4743); на пястѣхъ,—слѣды разложившагося мочала съ желѣзными пряжками и бляшками (4744—4746) и семь наконечниковъ стрѣлъ разной формы и величины, изъ которыхъ одинъ съ тупымъ и одинъ съ двойнымъ остриемъ (4747—4749).

Курганъ № XXXV. При костякѣ,—ножикъ, наконечникъ стрѣлы и огниво (4750—4753).

Курганъ № XXXVI; при костякѣ,—огниво, ножикъ и два наконечника стрѣлъ (4754—4759).

Курганъ № XXXVII; в. 4, о. 43 арш. Въ могильной ямѣ 1 арш. гл.—гробъ изъ толстыхъ досокъ, обставленный съ боковъ булыжникомъ и вставкамъ камней и прикрытый сверху засланкою изъ досокъ; въ гробѣ на остовахъ,—сабля (№ 4769), обращенная рукояткою къ головѣ, со слѣдами разломившихся деревянныхъ поперекъ въ желѣзной оправѣ (313,—4761, 4762), древко отъ лука съ желѣзными концами (4763); на ногахъ,—сѣды разломившагося подпоясъ съ рѣзными пряжками, бляшками и кольцами (4764—4767) и тринадцать наконечниковъ стрѣлъ (4768—4773); у лѣвой кисти,—спурокъ изъ скрученнаго серебрянаго проволока (4774), огниво (4775), кремль (4776), маленький гвоздикъ (4777), два ножика (4778, 4779) и кусочекъ тонкой ткани (4780); у правой кисти,—желѣзный ножъ въ деревянномъ чехлѣ (4781, 4782).

Курганъ № XXXVIII; удаленный отъ остальныхъ кургановъ группы на разстояніи около четверти версты; в. 4, о. 52 арш. По окружности основанія обложенъ крупнымъ булыжникомъ; подъ центромъ насыпи, въ материкѣ,—засланка изъ толстыхъ досокъ или брусковъ, накрытыхъ сверху слоемъ глины въ 5 арш. д. и 3 арш. ш., а толщиной въ средней части валь гробомъ. 2 четь. и къ краямъ постепенно утончавшіся; подъ засланкою, въ могильной ямѣ 1 арш. гл., вырубленной въ каменистомъ грунтѣ,—гробъ изъ толстыхъ досокъ 3 арш. д.; въ гробѣ подъ слоемъ рыхлой земли съ углемъ и щебнемъ,—костики, голова на З., на спинѣ, конечности вытянуты; при костяхъ у головы,—остатки шапки изъ шелковой матеріи, шитой велотомъ (314,—4783, 4784); на туловищѣ,—застежка изъ низкопробнаго серебра (4785), 13 серебряныхъ бляхъ разной формы и величины (4786—4789), 3 серебряныя пряжки (4790, 4791), бронзовая пуговица съ кусочкомъ ткани (4792, 4793); у правой бока,—желѣзный ножъ въ деревянномъ чехлѣ (4794); у лѣвой кисти,—огниво (4795), желѣзное колечко со спуркомъ (4797) и остатки кожаннаго коншелька, расшитаго золотомъ (4798, 4799).

Курганъ № XXXIX; в. 2¹/₂, о. 38 арш. На материкѣ,—дощатый гробъ съ дѣтскими остовами; съ боковъ газоны.—2 серебряныя колечка, безъ слѣдки концовъ, изъ гранной проволоки (4800); на груди.—два овальныхъ бляшки (4801), трубочка (4802) и 4 пуговицы (4803, 4804); на пальцѣ правой кисти.—серебряный перстень съ круглымъ зеленымъ стекломъ (4805).

Курганъ № XL; в. 3¹/₂, о. 43 арш. Подъ центромъ насыпи, на ея подоплѣ,—остатки гроба изъ толстыхъ досокъ, обложеннаго со всѣхъ сторонъ крупнымъ булыжникомъ и положенымъ камнемъ; въ гробѣ,—костики, присыпанныя землей и мелкимъ каменнымъ щебнемъ, голова на З., туловище на спинѣ, конечности вытянуты; выше головы,—головное украшеніе, состоящее изъ деревянной палочки около трехъ вершковъ длиной съ надѣтою на нее серебряною трубочкою, къ нижнему краю которой прикрѣплена воронкообразная серебряная бляха, расширенная книзу обращенная къ лицу; сверху трубочка кончается конусообразнымъ шипомъ, подъ которымъ прикрѣплена листовидная серебряная бляха, загнутая острыми концами къ лицу (315,—4806); это украшеніе вѣнчало собой головной уборъ, отъ котораго сохранился фрагментъ парчевыхъ и шелковыхъ тканей (4807—4812); хорошо сохранившійся женскій черепъ (№ 4813), судя по швамъ, принадлежалъ жевильнѣ средняго лѣтъ, а сохранившіеся зубы въ верхней челюсти очень стерты, нижняя челюсть совершенно беззубая (4814); въ лобной кости черепа оказалось круглое отверстіе въ 1¹/₂ вершка въ діаметрѣ, а внутри черепа,—гнѣздо грызуна, зерна проса, черепъ грызуна (4815) и два массивныя золотыя подѣски, формы листовидныя на длинныхъ черепкахъ, загнутыя спирально (4816); вокругъ нихъ,—серебряная пѣлочка, прикрѣпленная концами къ серебряному овальному узорчатому нососеру, къ лямкамъ половникъ котораго прикрѣплены 2 серебряныя цѣпочки, кончавшіяся каждая двумя узорчатыми серебряными подѣсками, формы удавленникъ сережекъ (316,—4817—4820); на груди,—серебряныя: 6 круглыхъ застежекъ (4821—4823), 3 пуговицы (4824, 4825), сердце-видная подѣска (4826) и 4 листовидныя бляшки (4827, 4828); на правой кисти,—два серебряныхъ перстня, изъ которыхъ одинъ украшенъ

квадратнымъ стекломъ (4829), а другой овальной серебряной бляхой съ рѣзнымъ узоромъ (4830); на лѣвыхъ ногъ,—остатки башмаковъ, обтянутыхъ узорчатыми серебряными бляхами (4831, 4832; 316, 4833, 4834); у правой голени,—железные ножницы съ отпечатками на нихъ холстинной твари (4835); у лѣвой кисти,—расшитый золотомъ кожаный кошелекъ (4836).

Курганъ № XLII; в. 2, о. 35 арш. На материкѣ,—остатки досчатого гроба съ остономъ, приподнятымъ землей со щебнемъ и замазаннымъ глиною; въ затылкомъ,—фрагменты головного украшения, состоящаго изъ деревянной палочки и серебряныхъ бляхъ, подобное найденному въ предыдущемъ курганѣ (317,—4827); съ боковъ головы,—два кольца изъ граненой серебряной проволоки, безъ снайки концовъ (4838); въ груди.—6 ажурныхъ серебряныхъ застежекъ (4839), съ фрагментами шелкового сурька (4840), и 3 серебряныя пуговицы (4841, 4842); у правой кисти,—кошелекъ, расшитый тонкою серебряною проволокою (4843); у лѣваго бедра,—железные ножницы, подобныя употребленнымъ нынѣ для стрижки овецъ (321,—4844).

Курганъ № XLIII; в. 1½, о. 22 арш. На материкѣ,—остатки досчатого гроба съ двустороннимъ остомъ, а при немъ,—серебряный нососортъ, подобный найденному въ курганѣ № XI, съ остатками шелкового сурька, отбитаго швомъ (317,—4845), 3 серебряныя пуговицы (4846), глиняная пуговица въ серебряной обдѣлкѣ (4847), двадцать бусъ разной формы и величины и разногo состава (4848—4852), круглая сердоликовая подвеска въ серебряной оправѣ (4853), серебряная палочка съ бронзовыми колечками на концахъ (4854) и фрагментъ кружева изъ тонкой серебряной проволоки (4855).

Курганъ № XLIII; в. 2¼, о. 45 арш. Въ затылкомъ, затылокъ головы,—фрагменты головного украшения изъ серебряныхъ бляхъ, подобнаго найденному въ курганѣ № XI (317,—4856); у лѣваго уха,—массивный золотой подвесокъ формы листика съ загнутыми спирально черенкомъ (4857); въ груди,—семь стеклянныхъ бусъ (4858), два серебряныхъ крючка (4859) и 16 серебряныхъ пуговицъ разной величины, изъ которыхъ семь съ остатками сурька, къ которому онѣ были прикреплены (4860—4864); на пальцѣ лѣвой руки,—серебряный перстень съ овальнымъ стекломъ (4865); на пальцѣ правой руки,—серебряный перстень съ квадратнымъ стекломъ (4866); у лѣваго бедра,—расшитый кожаный кошелекъ (4867, 4868); на поясной части туловища,—3 продолговатыхъ серебряныхъ бляшки-подвески (4869); между голени,—железные ножницы (321,—4870).

Курганъ № XLIV; в. 3, о. 48 арш. На глубинѣ 4 арш. отъ верхняго камня, въ неглубокой могильной ямѣ, вырубленной въ известнякомъ грунтѣ,—гробъ изъ золотыхъ досокъ съ остомъ въ обмыванномъ для этого могильника колодезѣ. Въ немъ голова, въ затылкомъ,—фрагменты головного украшения, подобнаго найденному въ курганѣ № XI (318,—4871), и фрагменты шелковыхъ сурьковъ, серебряной и жемчужной парчи (4872—4875); съ боковъ головы,—два воронкообразныя серебряныя бляхи, подобныя нижней бляхѣ серебрянаго головного украшения (4876, 4877), и два золотыхъ подвески формы листиковъ на длинныхъ черенкахъ съ загнутыми спирально концами (4884, 4885); въ груди,—золотой сдурокъ съ серебряною пуговкою (4878), два серебряныя пуговицы (4879, 4880) и два серебряныя застежки (4881); на поясной части туловища и на ногахъ,—серебряная пряжка (4882), 10 серебряныхъ бляхъ и колецъ разной формы и величины (4883—4891); у правой кисти,—перстень съ массивною круглою серебряною бляхою съ вытиснутымъ на ней рельефомъ изображеніемъ восьмиугольной ячѣды (4892) и серебряный перстень съ круглымъ камнемъ (4893); у лѣвой кисти,—перстень съ квадратнымъ камнемъ (4894), остатокъ костяной гребенки (4895) и кошелекъ, расшитый шелкомъ, серебромъ и золотомъ (4896); у праваго бедра,—железные ножницы (321,—4897).

Курганъ № XLV; в. 2¼, о. 38 арш. Въ неглубокой могильной ямѣ, дно и стѣнки которой были выложены булыжникомъ и битымъ камнемъ,—остатки гроба и остова, а при

нямъ, у затылка,—головное украшение изъ серебряныхъ бляхъ (318.—4898—4900); съ боковъ головы.—два золотыхъ подвески формы листовъ на длинныхъ черенкахъ съ надетыми на нихъ мелкими бусами—жемчужинами (4901, 4902); на груди.—четыре серебряныя пуговицы (4903, 4904) и бронзовая застежка (4905); у лѣваго бедра.—кошелекъ, расшитый золотомъ и серебромъ (4906); у правой кисти.—перстень съ круглою узорчатою серебряною бляхою (4907); у правой голени.—железные ножницы (322.—4964).

Курганъ № XLVI; в. 1^{1/2}, в. 32 арш. При костяхъ, въ неглубокой могилѣ, выкопанной камнемъ, найдены: у головы,—головное украшение, состоящее изъ наконечн. и серебряныхъ бляхъ, подобное найденнымъ въ предыдущихъ курганахъ (319.—4908), куски узорчатой ткани (4909) и серебряная подвеска формы листка съ серебряными бусами на черенкѣ (4910); на груди,—12 серебряныхъ пуговицъ съ фрагментами шурпа, на которомъ онѣ были прикреплены (4911—4915), 2 ажурныя серебряныя застежки (4916) и шелковая петелька (4917); у пояса,—серебряныя: 2 бляшки (4918, 4919), петелька (4920), конусообразная подвеска съ колечкомъ на концѣ и деревяннымъ стержнемъ въ срединѣ (4921), пряжка (4922) и железное колечко (4923); у лѣвой кисти,—расшитый шелкомъ кошелекъ (4924); у правой кисти,—2 серебряныя перстни, съ круглою узорчатою бляхою (4925) и съ круглыми наконечн. (4926); у правого бедра,—железные ножницы (322.—4961).

Курганъ № XLVII, едва замѣтный; въ ямѣ ³/₄ ар. ш. и гл., при остовѣ, въ разкопанномъ дачкатымъ гробѣ,—серебряное головное украшение (320.—4927), золотая подвеска съ серебряными бугорчатыми бусами на черенкѣ (4928), серебряныя: пуговицы (4929), 2 перстни съ круглыми стеклами (4930, 4931), кожаный и шелковый кошельки, расшитые узоромъ, (4932, 4933) и железныя ножницы (322.—4962).

Курганъ № XLVIII; въ остаткахъ гроба, при остовѣ,—фрагменты серебряного головного украшения (4934), два серебряныя плоския кольцеобразныя подвески (4935, 4936), три пуговицы (4937) и фрагменты расшитого кожаного кошелька (4938).

Курганъ № XLIX; при остовѣ,—два серебряныя плоския кольцеобразныя подвески (4939), два серебряныя пуговицы (4940, 4941), фрагменты тонкой ткани (у головы) съ бронзовою трубкою въ срединѣ (4942, 4943), продолговатый расшитый кожаный кошелекъ съ костяною прокладкою въ срединѣ (4944), кистевой гребешекъ съ остатками на немъ расшитого кошелька (4945), кожаный расшитый кошелекъ (4946) и железныя ножницы (322.—4963).

Курганъ № L; при дѣтскомъ остовѣ,—фрагменты головного украшения (320.—4947, 4948), два серебряныя плоския кольцеобразныя подвески (4949) и шесть серебряныхъ пуговицъ (4950, 4951).

Курганъ № LI; при остовѣ,—железные ножницы и колечко (321.—4952).

Курганъ № LII; въ могилѣ двухъ четвертей глубины, вырубленной въ каменистомъ грунтѣ, подъ центромъ насыпи, въ остаткахъ деревяннаго гроба, при дѣтскомъ остовѣ, у головы его,—два колечка изъ бронзовой проволоки, безъ слѣдств. концовъ (4953).

Остальныя 53 кургана, раскопанные въ 1881 году у колоніи Карраса, заключали въ себя только остатки деревянныхъ гробовъ съ человѣческими костями въ обыкновенномъ для этого могильника положеніи.

Курганы, совершенно сходныя съ описанными по формѣ, величинѣ и содержанію, сохранились еще въ слѣдующихъ пунктахъ окрестностей Николаевскаго общественнаго пруда:

До ста насыпей востѣ виноградника колоніи Карраса, частью уже распаханныя.

До пятидесяти насыпей между Николаевскою колоніей и возвышеніи горы Манука, въ распаханномъ полѣ, къ урочищу Михайлово Курганье.

Восемнадцать насыпей въ полудверстѣ отъ Николаевской колоніи, въ кустарникахъ, съ правой стороны дороги изъ колоніи въ Пятигорскъ.

Тридцать две насыпи у самой подошвы горы Малюга, съ правой стороны дороги изъ колоній Николаевской въ колонію Константиновку, въ урочищѣ Каменная Ломка.

Въ этихъ грунтахъ кургановъ были раскопаны только десять насыпей, убѣдившись, что эти могилы принадлежатъ, по совершенному сходству ихъ устройства и содержанія, той же эпохѣ и тому-же народу, каковыя принадлежатъ вышеописаннымъ могильникамъ у колоніи Карраса.

Дубликаты бытовыхъ предметовъ, найденныхъ мною въ указанныхъ десяти курганахъ, были переданы въ Гифлиескія Музей, Висковатову и Фалкину, за исключеніемъ желѣзнаго жезла (321,....4954), желѣзнаго наконечника стрѣлы (4955), фрагментовъ двухъ кожаныхъ расшитыхъ копадьковъ (4956, 4957) и тканей (4958—4960), оставленныхъ для образца въ мою коллекцію.

Курганы подъ Пятигорскомъ, у колоніи Константиновки.

Раскопками 1882 года курганы татарской эпохи обнаружены въ слѣдующихъ урочищахъ окрестностей колоніи Константиновки, подъ Пятигорскомъ: 1) въ ур. Глубокая балка на лѣвомъ берегу р. Подкумка; 2) у подошвы Лысой горы, въ четырехъ верстахъ отъ колоніи Константиновки; 3) въ ур. Камынный курганъ, въ разстояніи двухъ съ половиною верстъ отъ колоніи Константиновки по дорогѣ въ колонію Николаевскую; 4) въ ур. Гора или Большой курганъ, на возвышенности лѣваго берега рѣки Подкумка, лежащей надъ колоніей Константиновкой; 5) въ ур. Острый курганъ, на возвышенности праваго берега рѣки Подкумка, противъ Лысой горы, въ разстояніи пяти верстъ отъ колоніи Константиновки.

Курганъ № I; въ урочищѣ Глубокая балка, гдѣ сохранилось 26 насыпей; в. 28, и. 2 арш.: на материкѣ—остатки досчатого гроба съ костякомъ въ положеніи головы на З., туловище на спинѣ, руки и ноги вытянуты; у головы,—два золотыя подвѣски, формы листовъ на длинныхъ черенкахъ, украшенныхъ надѣтами на нихъ бусами-жемчужницами (328,—5029, 5030); на груди,—серебряная пуговка (5031) и слѣды разложившихся бляшекъ; на правой кисти,—серебряный перстень съ круглымъ сордолиномъ (5032); у лѣваго бока,—желѣзная ножница (326,—5033).

Курганъ № II; тамъ-же, подобный предыдущему; на материкѣ, надъ остатками разложившихся досокъ,—два костяка, взрослый и дѣтскій; при взросломъ,—3 бусы (327,—5034), 2 сережки съ серебряными бусами (5035) и перстень съ конусообразнымъ хрусталемъ (5036); при дѣтскомъ,—проволочная сережка съ серебряною бусою (5037), 3 серебряныя пуговицы (5038) и проволочное серебряное колечко (5039).

Курганъ № III; в. 32, и. 1/4 арш.: у лѣвой кисти костякъ,—кресало (5040) и кремезъ (5041); у праваго бока,—желѣзный ножикъ (5042); между головами,—два желѣзные наконечника стрѣлы (5043) и пряжка (5044).

Курганъ № IV; в. 40, и. 2/4 арш.: остатки гроба, обложеннаго съ боковъ крупнымъ булыжникомъ и калотнымъ камнемъ; въ гробѣ, при костякѣ, у лѣваго бока,—желѣзная, хорошо сохранившаяся сабля (№ 5045) и остатки деревянныхъ ноженъ въ желѣзной оправѣ (326,—5046-5049), желѣзный ножикъ (5050); у праваго бока,—кресало и кремезъ (5051); на ногахъ,—слѣды разложившагося древа съ желѣзными концами (5052), шесть наконечниковъ стрѣлы и остатки кожаного колчана съ желѣзными пряжками и кольцами (5053—5056).

Курганъ № V; въ урочищѣ Каменный курганъ, съ изъ распаханной группой сохранились только три едва замѣтныя насыпи; могильная яма въ материковомъ грунтѣ около 3 арш. д., 1 арш. ш. и 2 арш. гл.; на днѣ ямы,—остатки досчатого гроба съ костякомъ въ положеніи головы на З., на спинѣ, конечности вытянуты; при костякѣ, у голо-

вы,—два плоских узерчатых поволооченных колечка (5057, 5058), обрубавшая косточка и слѣды шерстяной ткани (5059); у лѣваго бока,—продырявленныя костяная игла или проколка, украшенная рѣзными узоромъ (5060) и бронзовая наперстокъ (5061); у праваго бока,—желѣзный ножикъ съ сохранившеюся костяною рукою (5062); на ногахъ,—желѣзные дощички со слѣдами отпечатавшейся на нихъ ткани (526,—5063).

Курганъ № VI; могильная яма, подобная предыдущей; у головы костяка,—бронзовая серезка съ костяною подвескою (327,—5004); на груди,—кусочекъ береста и продырявленная косточка (5065, 5066); у лѣвой кисти,—фрагменты намятого кошелька, расширенного золотыми нитками (5067).

Курганъ № VII; на дѣлѣ могильной ямы въ 2 арш. д., три четверти ширины и арш. глубины, при остаткахъ дѣтскаго костяка,—три бусы (5068) и бронзовая прищечка (5069).

Курганъ № VIII; въ урочищѣ Гора, воадѣ Большаго кургана, гдѣ сохранилось 62 кургана разной величины; о. 45, в. 3 аршина; подъ центромъ насыпи,—могильная яма, вырубленная въ наклонномъ грунтѣ, 3 арш. д., 2½ арш. ш. и аршинъ гл.; на дѣлѣ ямы,—остатки человека и мула, обращенные головами на З., въ разстояніи ¼ арш. одинъ отъ другого. Человѣческій костякъ занималъ Ю-ю половину могилы, со слѣдами деревяннаго гроба, туловище на спинѣ, конечности вытянуты; при немъ, у лѣваго бока,—колчанъ, подобный найденному въ одномъ изъ кургановъ у деревни Вороной, Поломосковскаго уѣзда, Екатеринбургской губерніи,—въ костяныхъ пластинахъ разной формы и величины, украшенныхъ концентрическими узорами и изображеніями животныхъ (328,—5070-5083; 329,—5084-5091), 3 костяныхъ гвоздя (5092), наконечники стрѣлы съ широкими концами (5093—5095) и обыкновенной формы (330,—5096), близки (5097), наконечникъ копья (5098), круглая конусообразная бляха, совершенно сходная съ бляхою, найденною въ одномъ изъ кургановъ у деревни Вороной Екатеринбургской губерніи (5099); у праваго бока,—желѣзный ножъ и кресало (329,—5100); у лѣвой ступни, въ ЮВ-омъ углу могильной ямы,—фрагментъ разложившагося прищека (5101) и пара желѣзныхъ стремятъ (5102, 5103). Костякъ мула занималъ С-ю половину могилы, въ положеніи мордой впередъ. шея вытянута, тѣломъ вверхъ, конечности подогнуты подъ туловище; съ боковъ были обложены крупными булыжниками; въ челюстяхъ сохранилось желѣзное удило (5104) (остатокъ мула, хорошо сохранившійся, переданъ д-ру Толмачеву для музея Казанскаго университета).

Курганъ № IX; въ урочищѣ Острый курганъ, гдѣ сохранилось 22 кургана; о. 45, в. 3 арш.; въ глубинѣ четырехъ аршинъ отъ вершины насыпи, въ неглубокой могильной ямѣ,—слѣды разложившагося гроба съ остатками человѣческаго костяка, обращеннаго головою на З., на спинѣ, конечности вытянуты, у лѣвой кисти,—кресало (5105); на ногахъ,—пучокъ наконечниковъ стрѣлы (5106, 5107), со слѣдами разложившагося колчана, украшеннаго множествомъ окислившихъ бляшекъ и коночекъ (5108—5112); у стѣнки могильной ямы, ниже ступней остова,—желѣзная щипочка (5113), пара стремятъ (5114) и удило (5115).

Курганъ № X; урочище Гора или Большаго кургана; о. 45, в. 2½ арш.; на материкѣ,—гробъ изъ толстыхъ досокъ или брусковъ, въ выпуклой крышкѣ котораго сохранились два гвоздя и дѣлѣ скрѣпы (331,—5116-5118); въ гробѣ,—костякъ, присыпанный углемъ, щебенкой и глиною, головою на З., на спинѣ, конечности вытянуты; у лѣваго бока,—хорошо сохранившаяся сабля (№ 5119), съ деревянными ножками въ желѣзной оправѣ (5120, 5121); у праваго бока,—желѣзный ножъ (5122) и кресало; на голенахъ,—костяная пластина (5123), слѣды разложившагося колчана, украшеннаго кольцами, пряжками и бляшками (5124, 5125) и восемь наконечниковъ стрѣлы разной формы и величины (5126—5128).

Курганы №№ XI и XII; при костякахъ, въ остаткахъ деревянныхъ гробовъ,—желѣзные ножки (5129, 5130).

Курганъ № XIII; при дѣтскомъ костякѣ,—дѣлѣ поволооченныхъ серезки съ загнутыми ушкомъ концами (5131) и желѣзный ножикъ (5132).

Курганъ № XIV; при дѣтскомъ костякѣ,—железные ножъ (5133) и два наконечника стрѣлы (5134, 5135), костяная пластинка (5136) и кресало (5137).

Курганъ № XV; развалившийся на материкѣ, при костякѣ,—кресало, кремль (5138, 5139), ножикъ (5139), наконечникъ стрѣлы (5140), прищепка и два колечка отъ колчана (5141, 5142).

Курганъ № XVI; о. 40, в. 2 $\frac{1}{4}$ арш.: подлѣ центромъ насыпи, въ могильной ямѣ аршичь гл., въ остаткахъ гроба,—человѣчскій костякъ, а при немъ,—кресало и кремль (5143), железные: оловянная бляшка (5144), два наконечника стрѣлы (5145, 5146), прищепка (5147) и треугольная бляшка (5148).

Курганъ № XVII; при костякѣ,—железные: предметъ неизвестнаго назначенія (5149) и ножъ съ костяною рукояткою, украшенною рѣзными кружками съ точками въ срединѣ (5150).

Курганъ № XVIII; о. 35, в. 2 арш.: въ гробѣ,—костякъ, засыпанный щебенкой и глиною; у лѣвой кисти,—железные: наконечникъ копья (5151) и наконечникъ стрѣлы (5152); у правой кисти,—ножъ (5153) и огниво съ кремнемъ (5154); у правой голени,—массивная круглая конусообразная бляха (5155).

Курганъ № XIX; о. 40, в. 2 $\frac{1}{4}$ арш.: колода для корытообразнаго гроба въ могильной ямѣ въ аршичь гл.; при костякѣ, у праваго бока,—хорошо сохранившаяся сабля (№ 5156), съ остатками деревянныхъ козень въ железной оправѣ (5157); у лѣваго бока,—рогосообразный костяной предметъ, орнаментированный вырѣзанными кружками съ точками въ срединѣ (5158); на ногахъ,—костяная пластинка (5159), железная пластинка (5160) и шесть наконечниковъ стрѣлы (5161), съ остатками колчана съ пряжками, бляшками и колечками (5162).

Курганъ № XX; о. 30, в. 1 $\frac{1}{4}$ арш.: въ насыпи,—два рога (333, 5163); на материкѣ, при остаткахъ дѣтскаго костяка,—два проволочныхъ кольца, безъ слѣдки концовъ (5164), железные: ножикъ (5165), два наконечника стрѣлы (5166), колечко (5167) и палочка (5168).

Курганъ № XXI; подобный предыдущему; у головы,—два кольца изъ золотой проволоки, безъ слѣдки концовъ (5169); у лѣваго бока,—продырявленная костяная игла или прокола въ четверть длины, орнаментированная рѣзными узорами (5170) и железный ножикъ (5171).

Курганъ № XXII; между головами дѣтскаго остова,—железныя наконечники стрѣлы (5172).

Курганъ № XXIII; на склонѣ возвышенности, съ лѣвой стороны дороги изъ кол. Константиновки въ кол. Николаевскую, въ разстояніи версты отъ Бодякова кургана; о. 40, в. 2 $\frac{1}{4}$ арш.: на материкѣ, въ неглубокой котловинѣ,—костякъ, засыпанный щебенкой съ глиною; у могильной ямы, на материкѣ,—голый заостренный рогъ (334, 5173) и обрубокъ другого рога (5174); на груди костяка,—костяная трубочка (5175); у лѣваго бедра,—кресало съ кремнемъ (5176) и железный ножъ (5177); на ногахъ,—пучекъ изъ 12 наконечниковъ стрѣлы, изъ которыхъ одинъ съ двойнымъ остриемъ (5178—5180) и слѣды колчановъ, обтянутого берестомъ и окованнаго бляшками, пряжками и кольцами (5182—5185).

Изъ сказанныхъ урочищахъ окрестностей колоди Константиновки были раскопаны мною еще 54 кургана малой величины, заключающіе въ себѣ только остатки человѣческихъ костяковъ, безъ бытовыхъ предметовъ, или съ бытовыми предметами, представляющими собой дублиеты предметовъ, найденныхъ въ вышеописанныхъ курганахъ (пероданы разнымъ лицамъ, присутствовавшимъ при раскопкахъ: графу А. С. Уварову, графинѣ П. С. Уваровой, доценту Казанскаго университета Гольмачеву и директору Публичнаго Румянцеваго музея въ Москвѣ Викторову).

Подлѣ Петровскихъ, близка Горячеводской станицы, были раскопаны мѣстными жи-

гезами кургакъ. повидному, отвесившая къ татарскому типу можетъ, въ излодокъ въ которомъ сохранились и поступили въ мое собрание древностей фрагменты золотой парчи,—узорчатой матеріи, сотканной изъ жемчужныхъ и золотыхъ нитокъ (335 и 336,—3186, 3187).

Могилишки у Киселевской станицы, въ урочищѣ „Противъ третьей балки“.

На пятой верстѣ отъ Киселевска по шоссеиной дорогѣ на Зосентуки, съ лѣвой стороны дороги, надъ р. Подкумкомъ, въ урочищѣ „Противъ третьей балки“, изслѣдуемая мною въ 1881 году языческая могилишка, состоявшая изъ шестнадцати каменныхъ гробницъ, вставленныхъ въ землю, и пятидесяти семи кургановъ, совершенно сходныхъ съ курганами вышеописанной Каррасковъ группы. Раскопано одиннадцать каменныхъ гробницъ и шесть кургановъ. Въ гробницахъ и въ курганахъ были открыты остатки деревянныхъ гробовъ и человѣческіе кости, въ положеніи головою на д., туловище на спинѣ, руки вытянуты по бокамъ туловища, ноги вытянуты.

Гробница № I; сложена продолговатымъ ящикомъ изъ восьми каменныхъ плитъ, въ размѣрѣ 3 арш. д., ¼ арш. ш. и 2 арш. вл.; на внешней квадратной плитѣ, составляющей дно гробницы, подъ слоемъ рыхлой пыли и разложившагося дерева отъ гроба,—челювѣчскій скелетъ, головою на в., на спинѣ, конечности вытянуты; у головы,—подѣвска изъ золотой проволоки, съ вальтами на все двама жемчужинами (323,—4965); подъ нѣждою челювѣтъ,—серебряная ниточка (4966) и маленькое серебряное колечко (4967); у лѣвой руки,—два браслета изъ широкихъ серебряныхъ узорчатыхъ бляхъ, съ фрагментами ткани, сохранившейся на одномъ изъ нихъ (4968—4971); на пальцахъ руки,—серебряныя перстни съ круглыми голубыми стеклами (4973, 4974); у правыхъ бедеръ,—желѣзные ножнички (4972).

Гробница № II; сложена изъ шести каменныхъ плитъ, четырехъ продольныхъ, составляющихъ крышку, бока и дно гробницы, въ размѣрѣ 2½ арш. д., 5 четв. ш. и 1 четв. толщ. и двухъ плитъ поперечныхъ, въ размѣрѣ 6 четв. д. и ш. и 1 четв. тол.; подъ остатками гроба, при костяхъ, у головы,—два серебряныя серезка, съ подѣвсами изъ тонкихъ спручевныхъ проволокъ и бусъ (4975, 4976); у правой руки,—бронзовыя наперстокъ (4977) и желѣзные ножнички съ отогнутыми концами (4978).

Гробница № III; подобная предыдущей; у головы скелета,—два серебряныя серезка (4979).

Гробница № IV; дѣтская, въ 1¼ арш. д. и 1 арш. ш. и вл.; при остаткахъ дѣтскаго скелета,—два проволоочныя серезки (4980, 4981), два серебряныя ниточки (4982), два маленькихъ проволоочныхъ колечка (4983) и глухое серебряное кольцо съ фрагментомъ кожи (4984).

Гробница № V; 6 известковыхъ плитъ сложены ящикомъ, въ размѣрѣ 2¼ арш. д., 5 четв. ш. и 1 глубины; при костяхъ,—2 подѣвса изъ бронзовыхъ проволокъ съ жемчужными мелкими бусами и фрагментами ткани (324,—4985, 4986) и желѣзные ножнички (4987).

Гробница № VI; подобная предыдущей, но длиннѣе, около 3 арш.; при костяхъ, въ гробѣ слоемъ разложившагося дерева,—два массивныя серебряныя серезки оригинальной формы (4988), маленькая стекляная буса (4989), круглая графелая яхтарная буса (4990), треугольная сарделювая буса (4991) и желѣзные ножнички (4992).

Гробница № VII; подобная гробницѣ № IV; при дѣтскомъ скелетѣ,—массивная серебряная подѣвса, подобная найденнымъ въ гробницѣ № VI (4993), стекляная буса (4994) и два маленькихъ проволоочныхъ колечка (4995, 4996).

Гробница № VIII; около 3 арш. д., 1¼ арш. ш., изъ 6 плитъ; при костяхъ, въ достатокъ гробѣ,—ножикъ (324,—4997), огнино въ расшитомъ кошелькѣ (4998), кремь (4999) и 3 наконечника стрѣлъ (5000—5002).

Гробница № IX: при костях,—два наконечника стрѣлы (5003), отливо (5004) и ножъ съ остатками деревяннаго чехла (5005).

Гробница № X: при костях, у правого бока,—ножь (5006).

Гробница № XI: сложена изъ шести плитъ: д. 3, ш. 3 четк. га. 2 арш.; у костяка,—обломокъ желѣзнаго продолговатаго предмета (325,—5007), узорчатая серебряная подвеска (5008), обломки серебряныхъ бляшекъ (5009, 5010), 3 широкихъ наконечника стрѣлы (5011—5013), слѣды разломившагося колчана, украшеннаго желѣзными кольцами и ланками (5014—5016), кресало съ кремнемъ (5017, 5018) и желѣзная сабля (5019) съ ножнами въ желѣзной оправѣ (5020,—5022).

Въ шести раскопанныхъ курганахъ, на материкѣ,—остатки деревянныхъ гробовъ съ человеческими костями, въ томъ-же положеніи, какъ и въ гробницахъ,—головы на 3, на спинѣ, конечности вытянуты. При одномъ костякѣ найденъ наконечникъ стрѣлы (326,—5023), нѣжельный овалокъ, продолговатый на одномъ концѣ (5024), и желѣзный ножъ (5025); а при другомъ,—серебряная пряжка (5026), узорчатая серебряная бляшка (5027) и желѣзные ножницы (321,—5028).

Общее обзореніе могилъ половцко-татарской эпохи.

Могилами половцко-татарской эпохи я называю языческія могилы историческаго періода со времени крещенія русскаго народа при князѣ Владимірѣ Святославичѣ до времени прекращенія языческихъ обрядовъ погребенія въ средѣ русскаго ввродцовъ, населявшихъ области южной Россіи.

Въ сказанный періодъ области южной Россіи послѣдовательно занимали язычники Печенѣги, Половцы и Татары; каждый изъ этихъ народовъ оставилъ памятники своей жизни въ могилахъ, знакомство съ которыми необходимо русскому археологу не только съ цѣлью ознакомленія съ культурою и бытомъ инородцевъ, населявшихъ въ древности Русскую землю, но и для того, чтобы не смѣшивать археологическій матеріалъ, добытаемый раскопками въ инородческихъ могилахъ съ археологическимъ матеріаломъ, составляющимъ содержаніе русскихъ могилъ языческой эпохи. Въ средѣ могилянокъ половцко-татарской эпохи, мною исследованныхъ, ясно различаются устройствомъ и содержаніемъ: 1) верхнія могилы Киевскихъ и Полтавскихъ кургановъ, содержащія человеческія и лошадиныя костяки, изъ одной изъ которыхъ была найдена половцка византийскаго монеты XII вѣка; 2) курганная могилянка окрестностей с. Новоуригорьевки, Александровскаго у., Блатринославской г. съ могиляными ямами, закрытыми сверху деревомъ, камышемъ, плеткомъ и ивиномъ, а на днѣ имѣющая подобно съ мозаиками, закрытые каменными плитками и деревянными брусками или досками; 3) курганные могилянки окрестностей с. Бораной, Новооснованаго уѣзда, Блатринославской г. съ могиляными ямами и человеческими костями, погребенными въ гробахъ на днѣ могиляныхъ ямъ; 4) курганные могилянки области Пятигорья съ костями, погребенными въ гробахъ на материкѣ, безъ могиляныхъ ямъ; 5) каменные гробницы подъ Киевовадомомъ, имѣющія форму продолговатыхъ ящичковъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ, и помещающихся подъ ровною поверхностью земли.

Могины окрестностей Новоуригорьевки, повидимому, были богатымъ содержаніемъ, привлекавшимъ особае вниманіе древнихъ грабителей могилъ. Оставшееся въ могилахъ содержаніе показываетъ, что онѣ принадлежатъ къ позднѣйшимъ языческимъ могиламъ въ области Приднѣпровья, не древнѣе X в., но не дастъ жсныхъ указаній на ихъ народность; можетъ быть это могилы Печенѣговъ, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, подстергавшихъ у днѣпровскихъ пороговъ русскіе торговые флоты, направлявшіеся въ Грецію, а по свидѣтельству русскаго дѣтенища, ограбившихъ и убившихъ Киевскаго князя Святослава

Игоревича на возвратномъ пути изъ Болгарія въ Кіевъ и сдѣлавшикъ изъ его черена чашу для пѣтя.

Верхнія могилы Кіевскія и Подлужскія курганомъ съ золотѣческими и лоннадными насилками, датированныя монетами XII в., должно признать могилами Половцевъ, убитыхъ или случайно умершихъ во время частыхъ походовъ половецкихъ дружинъ въ русскую землю XII в. и погребенныхъ на мѣстѣ ихъ смерти. Въ XII в. Половцы господствовали въ степяхъ юго-восточной Россіи; сабли сказанныхъ могилъ съ широкими концами отличаются отъ сабель татарскихъ могилахъ съ остроконечными, штыковобразными концами. Могилы этого рода встрѣчаны только въ псыни кургановъ киммерійской и скифо-сарматской эпохи единичными фактами, а половецкихъ могильниковъ или кладбищъ до настоящаго времени не встрѣчано въ области Приднѣпровья. Могильники окрестностей с. Воровой несомнѣнно относятся ко времени господства монголовъ надъ Русскою землею; въ нихъ найдены металлическія зеркала и золотыя подвески съ татарскими налжками.

Къ тому же времени относятся курганные могильники области Пятигорья съ новониквами, погребенными безъ могильныхъ ямъ и въ неглубокихъ ямахъ съ остатками деревянныхъ гробовъ; могильники этого рода датированы монетами хановъ Убека и Джанбека.

Болѣе древними по бытовому матеріалу представляются каменные гробницы, открытыя въ могильникѣ подѣ Кисловодскомъ; но въ содержаніи гробницъ этого рода не было найдено ясныхъ указаній на ихъ время и народность.

Отдѣлъ V. Древнѣйшія русскія могилы христіанскаго времени, городища и кладби.

Древнѣйшія русскія христіанскія могилы.

Курганы или искусственныя земляныя насыпи надъ могилами служатъ повсемѣстно признакомъ языческихъ могилъ. Русская княгиня Ольга, умирая въ 980 году, захотѣла похоронить ее христіанскимъ обрядомъ; а признакомъ этого обряда служило отсутствіе кургана надъ могилою: въ лѣтописи говорится: „Примава (Ольга) сына своего Святослава и заповѣда ему съ землею разне погостить, а могилы не оупи, ни тризнь творити, ни бдмна дѣити... бѣ бо имуща преевутерь, сев похороня блаженную Ольгу“. Въ „Житіи князя Константина Муремскаго“ сказано, что когда князь Константинъ похоронилъ тѣло усопшаго сына своего Михаила по христіанскому обряду, то „небѣрные люди, видяще сѣя, дивляхуся, ели не по ихъ обычаю творямо бѣ погребеніе, яко погребаму суну елику самодержцаву, князю Михаилу, во ямахъ на востокъ лицемъ, а могилы вверхъ колмомъ не снпаху, но ровню съ землею“ (Котляревскій, — „О погреб. обыч. язич. Славянъ“, с. 118, 126. П. С. Л.; I, 20).

Однако же въ Кіевской области иногда встрѣчаются христіанскія могилы подѣ курганами. Напримѣръ, во время III-го Кіевского археологическаго съѣзда 1874 года я раскопалъ, въ обществѣ съ Иванковскимъ и Саввавтономъ, нѣсколько кургановъ въ огромномъ курганномъ могильникѣ, сохранявшемся въ лѣсу Кіевской пустыни, и подѣ однимъ изъ кургановъ, насыпъ котораго была цѣлкомъ срѣзана, найдена только одна могильная яма съ костякомъ, обращеннымъ головою на западъ, кисти рукъ на груди, ноги вытянуты, съ остатками гроба и серебрянымъ крестомъ на груди съ серебряною цѣпочкою, надѣтою на шею. Несомнѣнно курганъ былъ насыпанъ надъ христіанскою могилою.

Въ Черниговѣ, при рыткѣ погреба въблизи Благовѣрнннской церкви (Черн. губ. Вѣд. за 1878 г., № 35, крѣб., с. 2), въ могильной ямѣ 2-хъ арш. глубины были найдены ча-

документальной костяк из положенных христианских покойников. Из гробов, в при немъ оказались следующие украшения: два серебряныхъ медальона (золоты), украшенныхъ съ обѣихъ сторонъ изображеніями фантастическаго животнаго и 15-ю дугами серебряными пуговками по окружности медальона, соединенными тонкою серебряною проволокою, и два браслета изъ скрученныхъ серебряныхъ проволокъ съ расширенными концами и узорчатыми на вѣхъ серебряными накладками (281.—4170-4174).

Находки въ Киевской и Черниговской областяхъ могли X в. христианскаго погребенія являть возможнымъ, потому что ученіе Шлецера объ отсутствіи въ Россіи до 988 года христианъ, за исключеніемъ одной только княгини Ольги, столько же несотвѣсно съ исторической дѣйствительностью, какъ и все другія основанія положенія его ученія о состояніи Россіи въ языческую эпоху (Шлец. Ист.: ч. II, стр. 94, 95). О крещеніи Россіи времени Аскольда и Дира свидѣльствуютъ Несторъ и византийскіе историки—современники, а между ними и патриархъ Фотій, посланный для крещенія русскаго народа митрополита Михаила. По извѣстнымъ договорамъ съ греками 945 года были включены русскими посольствомъ, состоявшими изъ христианъ и язычниковъ; на равномъ правѣ съ язычниками русскіе христиане клялись въ вѣрности этому договору именемъ Бога Вседержителя и честнымъ крестомъ, а язычники клялись именами своихъ боговъ, причемъ представители двухъ религій клялись взаимно другъ за друга; въ Киевѣ въ присутствіи греческаго посольства князь Игорь и крещенные русскіе люди клялись въ вѣрности договору у подножія Перунова кумира, а русскіе христиане клялись въ Киевской соборной церкви съ Ильи. Княгиня Ольга отправилась въ Константинополь крестившемъ открыто, въ сопровожденіи многочисленной и пышной свиты, въ составѣ которой Константина Багрянороднаго, восприемника Ольги, именьника Ольги, восемь русскіихъ князей, двадцать два посла отъ русскіихъ князей, шестнадцать княжечъ, восемнадцать фрейлинъ, пять дружинниковъ князя Святослава, священника Григорія, двухъ переводчиковъ и 40 русскіихъ купцовъ (De Сетеп. аіае Вулар.: II: 15). Возвратившись въ Русь, княгиня Ольга *исповѣдала христианство открыто*, а умирая завѣщала не гонять вѣдь иже языческой тринны, что и было исполнено княземъ Святославомъ и его народомъ. Княгиня Ольга открыто сложила весь русскій народъ къ принятію христианства и сыноу ея, князю Святославу, при жизни матери, *доказала креститилю каждому, кто пожелаетъ*. Но самъ Святославъ, думая только о бракахъ и завоеваніяхъ, и слышать не хотѣлъ о намерѣніи бога войны, Перуна, покровителя сильныхъ, на бога мира, Христа, покровителя слабыхъ. Самый фактъ мирнаго крещенія княжескаго двора и всей Киевской Руси въ 988 году доказываетъ широкое распространеніе христианской религій въ Россіи послѣднихъ столѣтій язычества: спокойное перемѣненіе языческой религій на христианскую могъ только народъ, издавна подготовленный къ воспріятію христианскихъ понятій о Единомъ Богѣ.

Указанныя свидѣтельства источникамъ достаточны для доказательства, что въ областяхъ средняго течения Днѣпра X ст. возможнымъ находки не только отдѣльныхъ христианскихъ могилъ, но и цѣлыхъ кладбищъ. Въ это время, сохранялся старая языческій обычай класть въ могилы покойниковъ металлическіе бытовые предметы, судя по находкамъ въ христианскихъ могилахъ подпольной части храма, открытаго на высокомъ берегу рѣчки Стрижня въ Черниговѣ.

По сказанію мѣстныхъ жителей, въ 1876 году обвалилась часть горы надъ рѣчкой Стрижнемъ, помѣщающейся въ сѣверо-восточномъ углу бывшей Черниговской крѣпости, и въ впаду подъ горою оказались части толстыхъ каменныхъ фундаментовъ церкви и масса мусора, въ которомъ были видны золотыя и серебряныя браслеты, сережки и другіе предметы, проданные евреемъ (Прибав. къ Черн. губ. Вѣд. за 1878 г. № 35). Въ послѣдующіе два года происходили новые обвалы и были слѣдены новыя находки, а между

прочими 9 серебряных гривен форм киевских и черниговских, переданных находчицей Н. И. Велычковой г. Кибальчичу. „Заинтересованный египетскими находками, г. Кибальчич произвел раскопки в оставшейся части фундаментов церкви и нашел разные бытовые предметы, между прочим, куски древней монеты, половину медного запертого креста, костяной явочечник стрѣлы, до 20 скелетовъ, (будто бы) „близъ гробовъ“, кромѣ одного, на которомъ найдены слѣды дубового гроба и серебряная парча, два большихъ желѣзныхъ ключа, двѣ каменные бусы, желѣзные удила, гвозди и пр. съ сѣверной стороны храма, на 3 арш. ниже поверхности земли, найдены два скелета, верхняя часть которыхъ были украшены фресками“.

Въ томъ же 1878 году я произвелъ раскопки въ фундаментахъ храма, начавъ съ расчистки мѣста, раскопавши и снова застроеннаго г. Кибальчичемъ, причѣмъ въ части церкви непосредственно предъ алтаремъ встрѣтилъ нераскопанную часть подполья храма, и въ этой части удѣланы верхнія покровины человеческихъ скелетовъ, — одинъ взрослый женскій, а другой дѣтскій, при которыхъ сохранились слѣды гробовъ и слѣдующіе предметы: женская коса въ трехъ пластинкахъ и фрагменты женскаго головного украшения, котораго составляли: желѣзный обручъ, обтянутый матеріей и тонкими позументными лентами, шелковые ленты и суржи, двѣ кисти изъ деревянныхъ оснований, состоящихъ изъ переплетенныхъ суржковъ, слитыхъ изъ тонкихъ серебряныхъ проволокъ, серебряное кружево, около трехъ четвертой длины, состоящее изъ коронокъ, свитковъ изъ тонкихъ проволокъ и связанныхъ лентою, также свитокъ изъ тонкихъ серебряныхъ проволокъ, золотая узорчатая шнурка съ голубымъ овалнымъ камнемъ въ среднѣхъ и серебряная бляха формы дѣлца, орнаментированнымъ стекларусомъ различной формы и величины (341—343, — 3521—3565); шелковая лента, покрытая мѣлою окисью; позументы изъ тончайшихъ золотыхъ нитокъ; фрагменты тканей отъ одежды съ шелковыми суржами, бронзовыми кусочками и бронзовыми застежками, состоящими изъ петельки и крючковъ; серебряная бляшка съ двумя гранеными зелеными камнями; узорчатая, бронзовая бляшка; бронзовое козелько; серебряный перстень; желѣзная игла и желѣзный ножикъ, совершенно сломанный съ ножовками, часто находимыми въ явоческихъ могилкахъ (344, — 3386—3389).

Предметы, найденные въ мурѣ, являющимися равными тому же храму: обломки стекляннаго браслета и сосуда изъ разноцвѣтнаго стекла, полукруглая стеклянная пластинка, шиферный оселокъ, желѣзный ключикъ, двѣ желѣзные подковы отъ обуви, маленький бронзовый гвоздикъ, массивный бронзовый обломокъ, обломки стеклянной мозаики различнаго цвѣта и различной величины и формы, обломки мраморной плитки, узорчатого гипсового украшения и известковой штукатурки съ сохранившимися слѣдами фрески (345, — 5384—5410).

Откопавши много частей фундаментовъ церкви оставалась открытою до 1882 года, когда послѣдовалъ новый обвалъ горнъ наль р. Стрижнякъ, подмытой весеннимъ половодьемъ, и въ настоящее время никакихъ слѣдовъ не осталось отъ фундаментовъ храма, о которыхъ въ 1878 году, въ прибавленіи къ № 35, я помѣстилъ свѣдѣніе со слѣдующимъ окончаніемъ:

„Описанныя равнины представляютъ собою основаніе древней трехпрестольной церкви, по способу кладки и формѣ, имѣющаго сходство съ основаніемъ черниговскаго Преображенскаго собора, заложеннаго княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ въ 1031 году, по малѣйшимъ размѣрамъ: центральная часть его между фундаментами заключала пространство 14 арш. ширины, а боковыя прилики въ два раза меньше. Фундаментъ криво состоитъ изъ дикаго камня — булыжника, обятаго толстымъ слоемъ известковаго цемента, а сверху изъ большихъ квадратныхъ кирпичей, связанныхъ такимъ же цементомъ. Съ восточной стороны, въ алтарной части, храмъ обавчивался тремя боковыми сводами, изъ которыхъ два весной вышѣшняго года обрушились къ р. Стрижню и видны въ настоящее время ча-

отъ въ водѣ, частію на берегу, а третій, южная прилѣза, еще сохраняется въ цѣлости. Изъ подпольной части этого храма,—по всей вѣроятности, того, о которомъ въ лѣтописи сказано: въ 1173 году князь Святославъ Всеволодовичъ „заложилъ церковь каменную въ Черниговѣ, на княжѣ дворѣ, св. Михаила“, и гдѣ въ 1196 году была погребена князь Всеволодъ Святославичъ,—были устроены усыпальницы при самомъ основаніи храма. Этотъ храмъ, какъ и княжій черниговскій дворъ, были разорены и разграблены татарами; вѣроятно, что тогда же были открыты каменные сжжены и ограблены похороненныя въ нихъ покойники. И не сомнѣваюсь, что дальнейшія раскопки въ сѣверо-восточномъ углу бывшей черниговской крѣпости, гдѣ помѣщались княжій дворъ и дворцовая княжеская церковь удѣльнаго періода, могли бы доставить много интереснаго въ историко-археологическомъ отношеніи. Но къ сожалѣнію, въ настоящее время закономъ права и естественный интересъ частнаго владѣльца препятствуютъ дальнейшему продолженію раскопокъ въ указанной мѣстности. А между тѣмъ, этой мѣстности въ недалекомъ будущемъ грозитъ полное уничтоженіе,—еще нѣсколько разливовъ Десны и мѣстность помѣщенія древняго черниговскаго княжяго двора обрушится, подобно алтарной части древней черниговской дворцовой церкви, а ее возможные археологическія сокровища будутъ засыпаны пескомъ и захватуы иломъ. Вотъ почему было бы желательно, въ виду научнаго интереса, приобрести указанную мѣстность отъ ея владѣльца специально для археологическихъ изысканій и воспользоваться основательнымъ дальнейшимъ ее изысканіемъ“.

Городища.

Содержаніе городищъ представлено въ моей коллекціи древностей сравнительно очень бѣдно, потому что находилъ первыхъ лѣтъ моей археологической практики, когда я специально занимался изученіемъ выѣстныхъ фермъ и содержанія городищъ, нѣсколько посредствомъ близкихъ къъ, были передаваемы въ музеи общественныхъ учрежденій и въ собранія частныхъ лицъ, такъ какъ, изучая городища со специальными задачами моей диссертации „Древнiе города Россіи“, я не собиралъ своей коллекціи древностей. Когда же вопросы объ историческомъ значеніи городищъ я рѣшилъ для себя изслѣдованіями 1871 и 1872 годовъ и приступилъ къ выдѣленію изъ нихъ городищъ замечательной эпохи, то раскапывать городища поблизи къъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ язычество городищъ опредѣлялось не находками въ нихъ, а присутствіемъ въ окрестностяхъ замечательныхъ могильниковъ.

Въ моей коллекціи древностей имѣется только образцы бытовыхъ надѣлій встрѣчающихся въ городищахъ и доказывающихъ, что эти земляныя насыпи представляютъ собой остатки древнихъ городовъ въ значеніи укрѣпленныхъ общественныхъ жилищъ, а не памятники только языческихъ жертвенниковъ, какъ думали Ходяковскій, Шафарикъ, Погодинъ, Срезневскій и другіе ученые до времени публикати результатовъ моихъ изслѣдованій по вопросамъ о численности и значеніи древнихъ городовъ и намъ современныхъ городищъ.

Юхновское городище. Юхновское городище, не содержащее въ себѣ надѣлій медвѣной культуры; находилъ въ немъ описаны выше, въ отдѣлѣ могильныхъ древностей киммерійской эпохи, составляющихъ первый отдѣлъ моей коллекціи (см. выше, с. 4 и 5).

Волокитинское городище, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Волокитинское городище помѣщается на границѣ Глуховскаго и Путивльскаго уѣздовъ, на правомъ, высокомъ берегу р. Клепени, въ одной верстѣ отъ села Волокитина по дорогѣ къ селу Ворговль, между деревней Геродицкѣ и дутиромъ Дерошевскимъ (см. выше, 210). Городище имѣетъ круглообразную ферму и состоитъ изъ двухъ плащидей, раздѣленныхъ валомъ и рвомъ, а отъ прилежащаго поля отдѣлено двойнымъ валомъ и рвомъ; окружность около 800 аршинъ; поверхность ровная, распаханная подъ посѣвы. На поверхности часто встрѣ-

чаются кости разных животных, уголь и фрагменты глиняной посуды. Часть городища по сторону р. Клевени, раскопана в 1871 году помещиком Микляшевским, на месте которого оно похищается. Из находок, сделанных работниками Микляшевского, сохранились у него две заостренные кости и желтый топор древней формы. Прорыты в 1873 году небольшие пробныя ямы на площади городища, в которых кости разных животных, глиняные черепки, желтую пшору с тремя прожками (210, — 4352), шиферную пряслицу (4353), обломки стеклянаго браслета (4354), заостренную кость (№ 4355) и остатки обуглованных брусель.

Ратмановое городище, Курскаго уѣзда. Въ двадцати пяти верстахъ отъ города Курска, на правомъ берегу рѣки Рати, въ разстоянн около версты отъ селенн Городище, сохранилась древняя земляная насыпь, называемая мѣстными жителями городищемъ и городкомъ (см. выше, с. 212); площадь городища двойная, внутренняя имѣетъ 300 аршинъ въ окружности, подковообразной формы, ровная и распахана подъ нѣбны; со стороны открытаго поля зашищена ровомъ, частью уже засыпаннаго и запавшимъ, и валомъ до шести аршинъ высоты, а съ остальныхъ сторонъ площадь городища защищена глубокимъ оврагомъ и крутымъ, почти отвѣснымъ спускомъ къ берегу р. Рати. Размеры внешней площади, идяща распахиваемой, невозможно опредѣлить въ точности по сохранившимся остаткамъ запавшаго вала. По преданн мѣстныхъ жителей, на мѣстѣ этого городища некогда стояла городъ по имени Ратманъ. Въ 1875 году, раскапывая курганы вблизи городища, я узнала отъ рабочихъ, что послѣ сильныхъ дождей, размывающихъ площадь городища, крестьянскіе дѣти находятъ на его поверхности разные предметы: бусы, кольца, наконечники стрѣлъ и пр. Изъ этихъ находокъ сохранились у мѣстныхъ крестьянъ и приобретенны мною: въсолько глиняныхъ и стекляныхъ бусъ (259, — 4301), узорчатая бронзовая подѣлка формы подумбска (4302), браслетъ изъ скрученной бронзовой проволоки (4303), два глухихъ бронзовыхъ кольца (4304, 4305), обломки серебрянаго кольца (4306), двѣ бронзовыя пуговицы (4310), круглая бронзовая блишка (4311), обломки серебряной фибулы (4315), три обломка узорчатаго металлическаго зеркала (4317), желѣзный наконечникъ стрѣлы съ пяркомъ остриемъ (4331), одна серебряная и двѣ медныя татарскія монеты (4336, 4341, 4342).

При осмотрѣ мною поверхности городища крошкѣ костей разныхъ животныхъ и глиняныхъ черепковъ, были найдены слѣдующіе предметы: въсолько глиняныхъ и стекляныхъ бусъ (4301), серебряное проволочное кольцо, безъ спайки концовъ (4306), два бронзовыя кольца, безъ спайки концовъ (4307, 4308), обломки узорчатой серебряной блишки (4312), узорчатая бронзовая блишка (4313), обломки: металлическаго предмета неизвѣстнаго назначенія (4314), браслета изъ бронзовыхъ проволокъ (4316) и стекляныхъ браслетъ со слѣдами покраски (4318); пять пряслицъ изъ глины и шифера (4319, — 4322), костяная пластина, орнаментированная семью вырѣзанными кружками съ точками въ срединѣ (4323), четыре желѣзныхъ кольца (4324, 4325), желѣзное гондѣ съ круглою головкою (4328), два предмета неизвѣстнаго назначенія (4326, 4327), два кольца (4328), шиферный осколокъ (4330), четыре наконечника стрѣлъ (4332—4335), пшора (4336) и двѣ серебряныя татарскія монеты (4339, 4340).

Вѣлгородское или Мхоропольское городище, Суджанскаго уѣзда, Курскаго губерніи. Одновременно съ раскопкой кургановъ Вѣлгородскаго группы, были прорыты мною двѣ пробныя ямы на двухъ городищахъ, лежащихъ рядомъ, въ разстоянн одной версты отъ группы кургановъ, на высокомъ берегу р. Псла, у Николаевскаго Вѣлгородскаго монастыря (см. выше с. 212). Городища хорошо сохранились; площадь каждая около четырехсотъ аршинъ въ окружности, ровная, распахана подъ нѣбны. Пробныя ямы на городищахъ съ лѣвой стороны монастыря обнаружили слой мусора около трехъ аршинъ глубины, состоящій изъ глиняныхъ черепковъ, костей разныхъ животныхъ, угля, золы и перенная раститель-

ности, а из земли найдены: серебряный перстень съ крупным впаленным стекломъ (210.—4343), желѣзный ножикъ (4344), желѣзный наконечникъ стрѣлы (4345), три глиняныя присмицы (4346), маленький сосудъ изъ красной глины (4347), обрѣзанный рогъ (4348) и заостренные кости (4349—4351).

Иблиновское городище, Каневского уѣзда, Киевской губернии. Въ 1876 году, при раскопкѣ пробныхъ ямъ на городищѣ у села Иблиновки, восточною раскопанномъ, что его первоначальную величину и форму уже невозможно опредѣлить, были найдены уголь, кости разныхъ животныхъ, глинныя черепки и слѣдующіе желѣзные предметы: плоская напилька около пяти вершковъ длины, съ фигурною головкою и гвоздеобразнымъ концомъ (4288.—4296), ножъ пяти вершковъ длины (4297), маленький ножикъ, согнутый посрединѣ (4298), гвоздеобразный предметъ, съ продѣтыми въ него кольцомъ на углощепномъ концѣ (4299) и стремя орягшпльвой формы (4300).

Болгарское городище, Спасскаго уѣзда, Казанской губернии. На мѣстѣ древняго города Булгара нынѣ расположено село Успенское Спасскаго уѣзда, Казанской губернии, жители котораго при возведеніи своихъ построекъ, при расчисткѣ полей и въ разномѣстахъ послѣ дождей, часто находили и находятъ разныя древности. Изъ такихъ находокъ были составлены коллекціи древностей Нефьева, Фукса, Толмачева, Березяна, Вспенскаго и Зиничева, описанныя въ сочиненіи С. М. Шнигелевскаго подъ заглавіемъ: „Древнѣе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“ (Казань 1877 г.).

Въ 1877 году, во время экскурсіи Казанскаго археологическаго съѣзда на Болгарское городище, я собралъ болѣе двухсотъ монетъ и другихъ предметовъ, найденныхъ въ землѣ мѣстными жителями. Разобралъ частію приобретенное на досугъ и отдѣлилъ предметы новаго происхожденія и сомнительной древности, я получилъ до ста несомнѣнно древнихъ бытовыхъ предметовъ, сохранившихся отъ разныхъ историческихъ эпохъ. Часть такихъ предметовъ была передана мною въ музей Казанскаго Археологическаго Общества, а часть поступила въ мое собраніе древностей: къ послѣднимъ принадлежатъ: каменное шпифованное золото (5137.—5138), каменный шпифованный амулетъ (5139), бронзовая пластинка, свернутая въ форму наконечника стрѣлы, подобнаго найденному мною въ одномъ изъ кургановъ Иблиновской группы (5140), желѣзный наконечникъ стрѣлы (5141), кольцо изъ желѣзной проволоки, безъ спайки концовъ (5142), нижняя половина золотого перстня (5143), ажурная бусъ изъ тонкихъ золотыхъ проволочекъ (5144), девятнадцать бусъ разной формы и величины изъ стекла, глинныя, каменныя и стеклянно-глиняной композиціи рванатаго цвѣта (5145.—5149), фрагменты четырехъ металлическихъ зеркалъ, изъ которыхъ два украшены гравюрами узорами и одинъ съ изображеніями рыбъ (5200—5203), половина бронзоваго замка формы колпика, украшеннаго вырѣзанными кружками съ точками въ срединѣ (5204), верхняя половина узорчатого желѣзнаго перстня (5205), обломокъ орнамента съ изображеніемъ рыбообразнаго животного (5206), каменный крестикъ (5207), двадцать шиферныхъ и глиняныхъ присмицъ (5208.—5210), жѣлтый византийская монета Теофила 829—842 г. (5211; описана у Сибатъе, т. II, рис. XLIII. № 12), подражаніе—фальшивая жѣлтая монета, подражаніе древне-русскимъ колѣбкамъ (5212), хорошо сохранившаяся монета богохраннаго Булгара, Узбекъ-Хана 1330 г. (5213), серебряная монета Новаго Сарая, Джанибекъ-Хана 1350 г. (5214), жѣлтая монета Джанибекъ-Хана 753 г. маг. (5215), серебряная монета города Гулистана, Бардибекъ-Хана 759 г. маг., (5216) и жѣлтая монета города Гулистана, Хивры-Хана 1380 года (5217).

Слѣды древней селитбы подъ Еспаторіей.

Съ югозападной стороны Еспаторіи, между городомъ и лечебнымъ Майвекскимъ озеромъ, по морскому побережью тянется рядъ несчашихъ холмовъ, на поверхности одного изъ

которые в 1880 году, после сильного вѣтра, найдены мною слѣды древней солиды. Многое глиняныхъ черепковъ отъ сосудовъ разныхъ историческихъ эпохъ, обломки костей, утолъ и слѣдующія бытовые предметы: кремневые осколки ружной формы (292, — 4398, 4399), треугольный бронзовый наконечникъ стрѣлы (4382), бронзовый гвоздь (4383), изогнутая бронзовая проволока (4384), фигурная бронзовая бляха (4385), обломки бронзовыхъ бляхъ ружной формы (4386, — 4388), спиральное кольцо изъ серебряной проволоки (4389), сержка изъ тонкой серебряной проволоки (4390), серебряное проволочное колечко (4391), стеклянная буса (4392), обломки стеклянныхъ браслетъ (4393, 4394), подвѣска изъ продырявленной морской раковины (4395), глиняная пряслица (4396), шиферная пряслица (4397), пять желѣзныхъ ножицъ (4400), донышко terra-cotta сосуда, покрытаго чернымъ лакомъ, съ вытиснутымъ узоромъ (4401), автономная мѣдная херсонесская монета (4402) и семь каменныхъ мѣдныхъ пифарскихъ монетъ (4403).

Слѣды древнихъ поселеній при д. Кисель, у подножья Чатырь—Дага. Вь Крыму, у подножья Чатырь—Дага, между поселеніями Кисель, Кизиль—Коба, Чавки и Чушаняль—Баваръ, сохранились слѣды древнихъ могильниковъ вь поселеніи. Осматривая эту мѣстность вь 1875 году, я находилъ вь д. Кисель—Коба разнообразныя кремневые осколки, а вь д. Кисель, въ рямонѣ возвышенности „Кизиль—Этажъ“ я нашелъ кости человека, битыя кости разныхъ животныхъ и слѣдующіе предметы: окисное бронзовое кольцо—перстень (292, — 4404), вѣтъ бусаъ разной формы и состава (4405), обломки желѣзныхъ колецъ и ножей (4406). Сохранившіеся на той же возвышенности въ большомъ количествѣ древніе могилы имѣютъ форму мелкихъ кургановъ, покрытыхъ камнемъ, расположенныхъ кругомъ или квадратомъ. Подъ однимъ изъ такихъ курганчиковъ, расположенныхъ мною, оказалась могила въ одинъ аршинъ глубины, вырубленная въ каменистомъ грунтѣ и заваленная камнемъ—булыжникомъ; подъ камнемъ, на днѣ могильной ямы сохранились слѣды разложившагося и раздавленнаго камнемъ человѣческаго костяка, первоначальное положеніе котораго невозможно было опредѣлить; въ одномъ изъ пальцевъ правой руки были замѣтны слѣды разложившагося бронзоваго кольца, а у лѣваго бока окислій желѣзныхъ ножицъ.

Пещера Вилбалъ—Коба или тысячоголовая, на Чатырь—Дагѣ. Тысячоголовая пещера на Чатырь—Дагѣ осматрѣна мною вь 1875 году, въ сопровождающаго гостеприимнаго владѣльца усадьбы Кисель М. Н. Гротона. Входомъ въ пещеру служитъ трещина въ скалѣ, прикрытая сверху утесомъ, настолько узкая вначалѣ, что на протяженіи трехъ—четырехъ саженей посвящающему пещеру приходится ползти на рукахъ по самымъ кончикамъ гряды. Эта лавина на вѣтви саженя приводитъ въ обширный гротъ, подъ котораго состоитъ изъ сталактитовъ, а стѣны и потолокъ изъ сталактитовъ очень разнообразныхъ и причудливыхъ фигуръ. На противоположномъ концѣ отъ входа этотъ естественный гротъ суживается въ тѣсную проходъ, за которымъ слѣдуетъ второе отдѣленіе пещеры, или второй обширный гротъ, за вторымъ третій и т. д. Сколько всѣхъ отдѣленій неясно, потому что, по мѣстному преданію, дабы пятого отдѣленія рѣзались проникнуть только два француза—путешественника, поплатившагося за то жеманъ, такъ какъ назадъ они не возвратились. Я осматрѣлъ три первые грота или отдѣленія пещеры и оставалъ въ ней не болѣе двухъ часовъ. Неполности два пещеры всѣхъ осматрѣнныхъ отдѣленій наполнены гравіемъ и человѣческими костями, разбросанными въ безпорядкѣ; рядомъ съ человѣческими костями встречаются кости четвероногихъ и птицъ; многиа кости покрыты сталактитами. О происхожденіи костей въ пещерѣ мѣстныя преданія говорятъ различно. Г-жа Славичъ, авторъ вѣстнаго „Путеводителя по Крыму“, называющаго подъ псевдонимомъ Сосногуровой, говорила мнѣ, что дѣтъ около тому назадъ, по открытіи тысячеголовой пещеры, посвящавшіе ее находили человѣческіе костяки расположенными кучками, какъ бы сдвиганными концами стѣнъ гротовъ пещеры, одна вьсѣтъ другой, причемя у каждой кучки или на ней находилась и

черепъ: въ послѣдующіе затѣмъ годы кости были разбросаны въ беспорядкѣ, а черепа разбиты посѣтителями. Если это преданіе справедливо, то тысячеголовая пещера служила въ древности усыпальницею. По другому преданію, переданному мѣт жителями деревни Чапки и Евисалы, кости тысячеголовой пещеры принадлежатъ жителямъ одного изъ древнихъ городовъ Крыма, спрятавшимся въ пещеру отъ преслѣдованія непріятелемъ, и задохшимся тамъ отъ дыма олома, зажженной у входа непріятелемъ. Эту исторію связываютъ съ разными варіанціями, называя непріятеля то маанками, то катарами, то турками, то генуэзцами. Но вся вѣроятности, это преданіе—фантазія,—народная догадка, пытающаяся объяснить фактъ присутствія множества человѣческихъ костей въ пещерѣ. Научное исследование этой пещеры, для котораго необходимо расширить входъ, очистить два отъ костей и грязн. переметръ послѣднія при хорошемъ освѣщеніи и взорвать ставлагиты, по всей вѣроятности, рѣшило бы вопросъ о времени и причинѣ похороненія въ пещерѣ множества человѣческихъ костей и доставило бы много бытовыхъ предметовъ разныхъ историческихъ эпохъ. Изъ пещеръ, осмотрѣнныхъ мною въ Чатырь—Дагѣ въ его окрестностяхъ (Каръ—Коба, Сулу—Коба и Кизаль—Коба), только тысячеголовая пещера могла быть постоянно обитаема древнимъ человекомъ, такъ какъ входъ въ нее находится надъ глубокою котловиною, а потому пещера не заливается водою ни павою, ни во время злѣвнхъ дождей, тогда какъ другія пещеры Чатырь—Дага и его окрестностей заливается весеннею водою, а слѣдовательно, не могли быть обитаемы въ теченіи всего года. Во второмъ отдѣленіи тысячеголовой пещеры протекаетъ ручей чистой воды, а въ окрестностяхъ ея находятъ прекрасныя пастбища для скота и удобныя мѣста для охоты. Слѣдовательно, эта пещера представляетъ собою всѣ условія удобнаго жилища для древняго человека, и по словамъ мѣстныхъ жителей, въ ея окрестностяхъ находили каменные и бронзовые орудія. Осмотрѣвъ три отдѣленія пещеры, и во второмъ изъ нихъ, на обратномъ пути, вынулъ изъ грязн. человѣческую лопатку и, разсматривая ее, замѣтилъ слѣды рваной ишейся ткани, кинтой золотомъ, покрывавшей въкогда тѣло, принадлежавшее этой кости (392.—414). Разгребая затѣмъ съ М. Н. Гротеномъ грязь руками и костями, на неизмѣнимъ другія орудія, при недостаточномъ освѣщеніи, мы нашли бронзовую бляху (4407), сорокъ весьма буйной величины и разнаго состава (4408), желѣзныи ножикъ (4409) и остатки двухъ деревянныхъ палицъ.

Нады.

Кладомъ называется искусство, сокрытое въ землѣ и невятое отъуда шадѣльникомъ. Древними народами покая замѣляла сокращенно бляки нашего времени, а потому клады были во всѣ историческія эпохи, начиная съ каменной.

Богатѣйшій кладъ эпохи каменной культуры былъ найденъ въ 1310 году въ Славяносербскомъ уѣздѣ: „Мастеровые Луганскаго завода, въ Славяносербскомъ уѣздѣ, на границѣ земли Войска Донскаго, при копаніи канавъ, наступили на горшокъ порадочной величины. Начавъ обрѣсти въ немъ во крайней мѣрѣ сокровища Креста, мастеровые разбили его; но вмѣсто золота нашли въ немъ *множество старыхъ, новыхъ, лѣтъ и пр.—въ томъ числѣе время, съ чрезвычайнымъ искусствомъ сдѣланное*. Нѣкоторые ножи были данною болѣе четверти аршина, имѣли обостренное лезвие; зубцы же нѣкъ сдѣланы были съ такимъ искусствомъ, какое видны въ лучшихъ англійскихъ ножахъ... По необыкновенной чистотѣ камня, трудной оцѣлкѣ и желанію сохранить сіе сокровище можно думать, что пещи сіи принадлежали къ драгоценностямъ древности, составляли богатство какого-нибудь древнѣйшаго обитателя сей страны“ („Древ. Арх. Вѣстникъ Моск. Арх. Общ.“; т. I, стр. 24, 30; 1867 г.). Въ началѣ 00-хъ годовъ у деревни Гамарни, Каневскаго уѣзда, Киевской губерніи, распавшая поле при впаденіи рѣки Россавы въ рѣку Росъ, крестьянинъ

завязь илужимъ илизанный сосудъ, имѣвшій форму малороссійской манеры, въ которомъ оказалось несколько десятковъ чрезвычайно законченныхъ монетъ и стержень, два каменныхъ тонора, по сержанкамъ, и каменный молотъ (см. выше, с. 10).

Примѣромъ кладовъ эпохи бронзовой культуры можетъ служить находка 1881 г. у с. Сосновой мысы, Хвалынского у., Саратовской г. Изъ этого клада, по словамъ, выданной женой Н. Рос. Ист. Музею, въ его помѣщеніе поступили: „бронзовые 60 серповъ (кости) 3 конжаловъ, 3 калыга золота и обломки разныхъ издѣлій“. Находки въ кладахъ, найдены бронзовой культуры, поступившія въ мое собраніе древностей, указаны выше (с. 41).

Примѣрами кладовъ эпохи скитской и сарматской могутъ служить: богатый кладъ золотыхъ украшеній, принадлежавшій въ Галиціи и поступившій во владѣніе гр. Пржедзецкаго; кладъ Шубкинской, открытый въ окрестностяхъ Кракова, состоявшій изъ 39-ти монетъ Азия, Этныи и Ольви, относящихся къ IV вѣку до Р. Хр.; кладъ, открытый на Таманскомъ городищѣ есауломъ Пуменцовымъ, состоявшій изъ золотыхъ монетъ Пятыкаловъ и Циваи (См. Д. К. Леско: „Ueber die Funde in C. Posen gefundene alte griech. Muenzen“. Berlin 1834. А. Амичи: „Волперское Царство“; ч. II, стр. 17 и слѣд.) и многие клады римскихъ монетъ императорской эпохи, указанные выше (с. 167, 168).

Къ эпохѣ существованія государства Россіи дальнѣйшими порогими относятся клады византийскихъ монетъ со времени основанія Константинополя; примѣръ, кладъ г. Нева, найденный въ 1876 году, по сообщенію Н. Б. Антоновича, состоявшій изъ монетъ императрицы Екатерины Великой; клады днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ были найдены въ скопекъ сотъ золотыхъ византийскихъ монетъ, изъ которыхъ экземпляры, бывшіе въ рукахъ графа А. С. Уварова, относятся къ VI—X столѣтіямъ (Наслѣдов. в Дрвнн. Южн. Рос.; стр. 14). Въ 1891 году въ Харьковской губерніи, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, въ долину р. Мерлы, пригова Вореклы, найдены клады золотыхъ монетъ, въ числѣ 201, *Valentiniana II* и *Theodosius*,—IV и V столѣтія (Дѣло Н. А. Комиссін. См. брнз. Н. С. Владимірскаго о кладахъ Киевской губ.).

Клады русской эпохи, состоящіе изъ монетъ и бытовыхъ издѣлій VII—X столѣтія богато представлены въ „Мухаммедальской Нумизматикѣ“ Н. С. Савельева и „Отчетахъ и Дѣлахъ“ И. Арх. Комиссін.

Особеннымъ обладателемъ кладовъ отличаются мѣстности, принадлежавшія къ городищамъ бывшихъ великокняжескихъ городовъ и служившія резиденціями казеней.

Въ 1876 году, во время раскопки кургановъ въ Каневскомъ у., у с. Нѣзавоки (см. выше, с. 115) и вѣстунъ с. Некари при впадѣніи Росы въ Днѣпръ, съ нѣкимъ развѣскамъ городище города Родня X в., о которомъ въ лѣтописи подъ 986 годомъ говорится: „Ириволикъ отворися въ градѣ Роднѣ, на устьи Роси“ (П. С. Р. I, 33; IX, 40). Мѣстные жители сообщали мнѣ, что вблизи с. Некарей въ разстояніи 1½ версты къ западу отъ с. имѣется высокая гора надъ Днѣпромъ, на которой видны ровъ и валъ; народъ называетъ это мѣсто Княжа гора. Въ весеннія половодья Княжа гора подмывается водою и рушится въ Днѣпръ, а во спадѣ воды, на берегу Днѣпра крестьяне находятъ разныя вещи, серебряныя и золотыя, и продають ихъ серебромъ. Одинъ изъ мѣстныхъ сиротъ показавъ мнѣ нѣкихъ находокъ двѣ поломанныя сережки изъ золотой проволоки, съ надѣлками въ видѣ трехъ ягодочными бусами, совершенно гладкая съ серебряными сережками, найденными мною въ русскихъ курганахъ подъ Черныговомъ и Переяславцемъ. Посѣтивъ Княжу гору, я нашелъ небольшую часть сохранившагося городища, имѣющую до 30 квад. саж., а остальная его часть была полнѣмъ воловъ въ предшлющіе годы и обрушилась въ Днѣпръ. Сохранившася часть площади городища со стороны поля была обведена валомъ и ровомъ, обыкновенно отмывающима древія горшаница; съ двухъ сторонъ ее оточали естественныя глубокіе овраги, а со стороны Днѣпра крутой и высокой обрывъ надъ русломъ рѣки; съ западной стороны ровъ и валъ отдѣляли сохранившуюся часть площади городища отъ

примыкавшей къ нему узкой возвышенности, тянувшейся на протяженіи около 100 саж., по которой едва можно было пройти на нарѣ лопацей. Такимъ образомъ въ древности г. Родня помещался на возвышенности, неприступной при колочномъ оружьи.

Спустившись съ вершины горы на небольшой уступъ или террасу, выходящую на Днѣпръ, и разсматривая выдвигъ землю при помощи ручной лопатки, я нашла ее состоящую изъ мусора, обыкновенно покрывающаго площадь городища, — черепки битой посуды, кости животныхъ, куски обугленного дерева, — и необычные обломки желѣзныхъ, бронзовыхъ и серебряныхъ изделий. Рѣшить по возможности спасти для науки содержаніе сохранявшейся части городища, которому грозило въ недалекомъ будущемъ полное уничтоженіе, я рѣшила послѣдовать его уже не пробными ямами, а раскопать всю сохраняющуюся часть.

Но располагая только двумя рабочими днями, такъ какъ канікулярное время уже истекло, и боясьсь отложить раскопку до слѣдующаго года, въ виду возможности полного уничтоженія сохранявшейся части городища весеннимъ разливомъ воды, я вызвала на двудневную работу почти все мужское и женское населеніе с. Цемарей, обѣщавъ каждому, сверхъ дневной платы за работу, особую плату за каждый найденный предметъ, по стоимости его металла. Для награды за хорошую работу, кромѣ полнцѣбскихъ чиновъ, были назначены десяти человекъ. Рабочие должны были явиться на работу съ заступами и кирками, а работники съ рѣсетами. Работа была начата у самой ямы Днѣпра раскопкою и просѣвкою всей мусорной земли, свалившейся съ городища и лежащей на берегу Днѣпра и небольшого уступа обрыва, на глиняномъ материковѣ: зѣрны, все сохранявшаяся часть площади городища была срыта до глинянаго материкового грунта, часть жидкого слоя около аршина толщиной была обраскидана въ обрывъ, гдѣ ее вторично перебрали и просѣвали; часть была перенесена на переваль, также съ просѣвкою, а сверхъ того, въ сохранявшейся части вала и на узкой возвышенности соединявшей городище съ возвыш., было прорито 12 пробныхъ ямъ до материкового глинянаго грунта.

При просмотрѣ мусора на берегу Днѣпра и на уступѣ горы между берегомъ Днѣпра и площадью городища, вѣтъ ямъ дѣланной, было найдено въ разныхъ мѣстахъ болѣе 50 желѣзныхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ битовыхъ изделий. На сохранявшейся части площади найдены остатки обугленного сверху часточка изъ толстыхъ бревенъ, составляющихъ городскую оградѣ совершенно сходную съ оградой, открытою на Донецкомъ городищѣ при раскопкѣ его въ присутствіи Харьковскаго археологическаго съѣзда. Съ внутренней стороны къ этой оградѣ примыкали остатки трехъ срубныхъ жилищъ, подобныхъ жилищамъ, открытымъ на Донецкомъ городищѣ. У основанаго стола одного изъ такихъ жилищъ, найдены черепки глинянаго сосуда, а въ нихъ два серебряныхъ браслета, на одномъ изъ которыхъ было наизяно 5 золотыхъ и 8 серебряныхъ проволочатыхъ серезекъ, каждая съ тремя игловидными бузанами и серебряная цѣпочка. Второй кландъ состоявшій изъ двухъ золотыхъ серезекъ и трехъ серебряныхъ колецъ, былъ найденъ при рытѣхъ одной изъ пробныхъ ямъ на возвышенности, соединяющей площадь городища съ возвыш. дорогою. Всѣ остальные мои находки на Княжей горѣ помещались въ различныхъ мѣстахъ площади городища и склоновъ, ее окружающихъ.

Въ 1877 году я сдѣлала сообщеніе о моихъ раскопкахъ въ Каповскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ 1876 и 1877 г. г. Комитету по устройству Московскои Антр. Выставки 1879 г., напечатанное въ надписи „Антропологическая Выставка 1879 г.“ (т. III, с. 350), а въ немъ перечислены предметы, найденные на Княжей горѣ; а именно:

Надвинутая крестообразно согнутой проволоки, обломки серезекъ изъ серебряной проволоки и узорчатой серебряной фольги, подобной найденной въ ямѣхъ Путильскаго уѣзда (ср. №№ 4181 и 4187), серебряный перстень съ узорчатою бляхою, украшенною черною и красною, золотая круглая бляшка съ рѣзаными изображеніемъ правеской кѣтки

(281.—4184-4189); семь сережек из золотой проволоки, каждая с тремя золотыми бусами-подвесками филигранной работы, двѣ квадратныя узорчатые золотыя бляшки, треугольная золотая бляшка, двадцать двѣ сережки из серебряной проволоки, каждая съ тремя серебряными бусами-подвесками филигранной работы (283.—4190-4220); серебряная проволока съ сережки съ тремя бусами, кольца из серебряной проволоки, одинъ конецъ которой загнуть ушкою, три кольца из серебряной проволоки, согнутой спиралью, со свободными концами, серебряное ручное колечко из скрученныхъ проволокъ, серебряный перстень съ узорчатою квадратною бляшкою, два массивныхъ браслета из скрученныхъ серебряныхъ проволокъ съ расширенными концами, украшенными узорчатыми серебряными выкладками, продолговатая серебряная буса, узорчатая серебряная подвеска, двѣ серебряныя цѣпочки съ колечками на концахъ, обрывокъ серебряной цѣпочки, продолговатая узорчатая серебряная бляшка, массивная серебряная бляшка съ вытиснутыми изображениями дерева и трети вырѣзанной на верхней каймѣ буквами: А М Н, два шестиугольныхъ серебряныхъ слитка, —рубля-гривны киевскаго типа (284.—4221-4238); бронзовые: наконечники ноженъ княжеска, ножикъ, зеркала съ центральнымъ ушкою, фрагментъ зеркала, рѣзная пряжка, треугольная узорчатая бляшка, фрагменты бляшекъ, одна эллипсная и одна столбчатая бусы, три шиферныя праслицы, три обломка стеклянныхъ браслетовъ, желѣзные: кресло-огниво, ключи, замки, скръпи и гвозди, скрученная винтовая квадратная пластинка (285.—4239-4263); желѣзные: пять наконечниковъ стрѣлъ разной величины, пять удочъ, двѣ проволоки и семь ножей разной величины и формъ, обломок шифернаго продырявленнаго оселка (286.—4264-4279); желѣзные: колечко, удало, пряжка, стрелена, шпора, подкова сапога и огниво (287.—4280-4289); медяные: бердышъ, обломки серпа и косы, массивный металлическій сактосъ, два обломка браслетъ и желѣзныя соединки (288.—4290-4295); свинцовая печать съ изображеніемъ Богоматери и Спасителя (Нерушимая стѣна) на одной сторонѣ и надписью на другой, значащею послѣ креста: *Кирилъ мѣсто, Василию мѣсто Архидіакона и Митрополита Русскіи* (5401); шиферный образокъ Святителя Николая въ облаченіи, съ прищипкою для благословенія правой рукою, вокругъ головы славянскія надписи, читающіяся сверху внизъ: *Никола*, на боковой обложкѣ вокругъ ушка надписи: *Святый Никола* (5402); бронзовый крестъ-складень съ изображеніемъ Спасителя и шестнадцати святыхъ (5403); ромбовидная половинка бронзоваго креста—складня съ изображеніемъ Богоматери, Спасителя и двухъ святыхъ (5404); четыре половинки бронзовыхъ крестовъ—складней съ изображеніями святыхъ, два цѣлыхъ и два обломка крестиковъ (546.—5495-5412).

Возвращаясь съ раскопомъ въ Черкасскомъ у. въ Барташу черезъ Киевъ, и зайдя къ В. В. Антоновичу и показавъ ему всѣ мои находки въ Ноболовскихъ курганахъ и на Княжей горѣ.

На VII Московскомъ археологическомъ съѣздѣ 1890 г. В. В. Антоновичъ сообщилъ мнѣ, что послѣ моего отъѣзда изъ с. Печары мѣстными жителями найдено много кладовъ на Княжей горѣ, состоявшихъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, что изъ такихъ находокъ составлены въ Киевѣ многія коллекціи древностей частныхъ лицъ и что мнѣ слѣдовало бы, какъ первому открывателю Княжей горы, воспользоваться оставшимися въ ней кладами, каковыя тамъ несомнѣнно еще имеются въ значительномъ количествѣ. На это я отвѣчалъ, что клады Княжей горы меня мало интересуютъ, что слѣдовало Княжей горы должно быть лѣтомъ археологовъ, изучающихъ русскую культуру великокняжескаго эпохи, а моя специальность—языческая эпоха.

Въ 1891 г. Княжа гора была приобретена въ собственность Н. В. Тарновскимъ специально съ археологическою цѣлью и раскопки были поручены Н. С. Бѣляжскому, который результаты своихъ раскопокъ наложилъ въ бронюрѣ, подъ заглавіемъ „Раскопки на Княжей горѣ“, съ приложеніемъ двухъ таблицъ рисунковъ найденныхъ предметовъ.

В то время диковинные монеты раскопаны в Каневском и Черкасском уездах не были найдены, и о монетах раскопанных на Княжьей горѣ 1876 г было напечатано только вышеуказанное краткое сообщеніе въ изд. Комитета по устройству антропологической выставки въ Москвѣ 1879 года.

Несомнѣнно многодневный раскопкой нѣмало сведений о повторительную раскопку мусора подь обрывами и на обрывѣ Княжьей горы, гдѣ г. Бѣляшевскій нашолъ сплошной слой мелкаго угля, куда попадае опъ, но его нѣтъ, „вслѣдствіе спазаваніи горн и вѣроятно составляетъ остатки, если не построекъ, то сожженнаго частоклада, которымъ было обнесено городище на Княжьей горѣ“ (с. 5); действительно, это были слой пепла, угля и обугленныхъ брусель, покрывавшіи раскопанную площадку городища и оброневаго въ обрывѣ и овраги, его окружающіа, моею раскопкою.

„Въ попередномъ развѣдѣ, говоритъ г. Бѣляшевскій, поверхность горы представляеть очень небольшую ровную поверхность, отъ которой въ обѣ стороны идутъ отлогіе склоны, каждая приблизительно въ 6 мет. шир., переходящія затѣмъ въ довольно крутой обрывы: въ профиль Княжа гора также не представляеть ровной линіи: она повышается, начиная отъ вала къ срединѣ, и потомъ къ концу, выходящему на Дѣпръ, поднимается“ (с. 2). Въ 1876 г. вся сохранившаяся площадка городища была ровная и горизонтальная, а вѣнчики сдѣлали мною въ томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщались ограда и срубъ. Срубъ возвышенности, соединяющей городище съ полевой дорожкой, и раскопан terrace съ боковъ этой возвышенности, на которыхъ открыты печи и остатки жилищъ, были сдѣланы г. Бѣляшевскимъ, и здѣсь „какъ-бы въ видѣ сюрприза, подь концевъ раскопокъ, открыто четыре клада, которые въ общей сложности представляютъ богатѣйшій подборъ разнаго рода украшеній очень интересныхъ съ художественной точки зрѣнія... Кроме этихъ четырехъ кладовъ съ золотыми и серебряными вещами, найдены еще одиель съ исключительно желѣзными предметами, служившими вѣроятно въ хозяйствѣ одного лица; здѣсь были: наръвникъ, серьга, долово, стамеска съ роговою ручкою, желѣзные тонкіе обручи отъ ведра и еще нѣсколько болѣе малыхъ. Помимо этого всѣ остальные добытыя вещи находились совершенно на восьмъ продолженіи горы, на равной глубинѣ, нѣрѣдко на самой подпочвѣ“ (16, 17).

Казалось раскопками Н. Ф. Бѣляшевскаго, „оставляемыми съ вѣрнѣйшей стороны очень хорошо“ и длившимся два года, богатую Княжу гору можно было признать окончательно дослѣдованною. Но факты, опубликованные въ V вып. „Древностей Придѣпровья“ Б. И. Ханенко показывают, что въ мѣстностяхъ, окружающихъ городище Княжьей горы, оставалось, да вѣроятно и теперь еще остается много кладовъ, болѣе богатыхъ, нежели клады, открытыя раскопками монетъ и Н. Ф. Бѣляшевскаго.

Въ V в. „Древностей Придѣпровья“ Б. И. Ханенко напечатаны слѣдующія свѣдѣнія: „Особенно богатыми по находкамъ представляются Черкасскій и Каневскій уѣзды, и въ частности урочище Княжья гора, въ которомъ еще сохранилась слѣды стариннаго городища... Городище Княжья гора было послѣдовано Н. Ф. Бѣляшевскимъ... предметы, добываемые въ Клевской губ. кладовщиками за послѣднія 10 лѣтъ главнымъ образомъ прибрѣтались В. В. Тарновскимъ, Н. Я. Тарновскимъ, Н. П. Чернецкимъ, В. Б. Тезо, В. И. Хвойко, Н. А. Хайновскимъ, Н. Ф. Бѣляшевскимъ и частью поступали въ наше собраніе, которое, затѣмъ еще обогатилось прибрѣтениемъ въ полномъ составѣ собраніемъ Н. П. Чернеца“. Въ собраніе Б. И. Ханенко поступили ять кладовъ, найденныхъ крестьянами на Княжьей горѣ: въ 1886 г.,—золотая серьга—кольцо, украшенная эмалью, пара золотыхъ серегъ—кольцо, украшеннаго эмалью, нитка серебряныхъ, позолоченныхъ полукруглыхъ монетъ, серебряная гривна монетная киевскаго типа; въ 1887 г.,—пара золотыхъ серегъ—кольцо, украшеннаго эмалью, золотая серьга съ тремя шариками по ободку, золотая ажурная серьга съ тремя шариками, серебряная альфодообразная серьга, украшенная фиагранью, серебряная нитой браслетъ со сплюснутыми концами, украшенными орнаментомъ надъ черною и бронзовымъ яростъ

эжкопювъ XIII в.; въ 1897 г.,—серебряное позолоченное ожерелье изъ полуцилиндриковъ, 8 серебряныхъ аграфъ съ тремя шариками по оболу, украшенными смалью, 7 стеклянныхъ пластинки формы крыльевъ бабочки, серебряная серьга изъ двухъ полныхъ конусовъ, сложившихъ основаниемъ и пролѣтыхъ на кольцо, серебряная витая шейная гривна, 1 серебряныхъ височныхъ колецъ, бронзовый крестъ эжкопювъ и 2 каменныхъ крестика; въ 1898 г.,— ажурная розетка изъ перекрестной серебряной проволоки, цѣль изъ серебряныхъ круглыхъ колецъ, серебряный перстень, 4 серебряныхъ серьги, пять серебряныхъ позолоченныхъ логочковъ отъ ожерелья, бронзовый штывикъ съ рельефнымъ изображеніемъ акафья и двѣ золотыя серьги кіевскаго типа; въ 1900 г.,—звѣздообразная серьга, украшенная смалью, двѣ серебряныя звѣздообразныя серьги, украшенныя верицы, золотой небольшой аграфъ съ тремя бусинами на оси, 6 серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, серебряная серьга—кольцо съ изображеніемъ черныя двухъ птицъ, серебряный браслетъ, два серебряныхъ перстня съ камнями, серебряное височное кольцо и двѣ этимологическія золотыя бляшки съ изображеніемъ акафья (стр. 18—21).

Находки цѣнныхъ кладовъ въ г. Киевѣ, преимущественно въ мѣстностяхъ около Десятинной церкви, Андреевской церкви и Михайловскаго монастыря, заключающихся въ оградѣ древняго города, очень многочисленны; вѣрность ихъ восходитъ иногда до вѣсколькихъ тысячъ, какъ кладъ золотыхъ украшеній, недавно приобретенный Имп. Арх. Комиссіей за 3000 руб. Свѣдѣнія о кіевскихъ кладахъ имѣются въ дѣлахъ Имп. Арх. Комиссіи, въ объясненіяхъ и описаніяхъ, предшествующихъ археологической картѣ Кіева отъ губ. В. Б. Антоновича и въ брошюрѣ Н. Ф. Бѣляшевскаго „О кладахъ Кіевской губерніи“.

Изъ кладовъ, найденныхъ въ предѣлахъ Сѣверянскихъ земель, особая историческая интересъ имѣютъ два клада,—одинъ съ римскими, а другой съ восточными монетами.

Въ 1873 году въ ягуд верстахъ отъ г. Нѣжина, у дороги на село Пашковку были найдены кладъ, состоявшій изъ двухъ золотыхъ напестей, украшенныхъ красными камнями, бронзоваго кольца и 1312 серебряныхъ монетъ, поступившій въ Имп. Арх. Комиссію. По опредѣленію Ю. Б. Изверсова, кладъ составляли римскія монеты императорской эпохи: Юлія Цезаря, Нарона, Домиціана, Нервы, Траяна, Адриана, Антоинна Пія, Луція Вера, Фаустины старшей и младшей, Марка Аврелія, Креспяны, Луцилла, Пертинакса и Септимія Севера. Золотыя поступили въ Императорскій Эрмитажъ, кольцо неизвестно куда, а монеты переданы въ нумизматическое собраніе Ю. Б. Изверсова (Дѣло Имп. Арх. Комиссіи № 71 за 1873 годъ).

Въ 1875 году въ Гоголянскомъ у., у с. Ирпювцы найденъ кладъ, заключающій въ себѣ до двухъ фунтовъ серебряныхъ монетъ, поступившій въ Имп. Арх. Комиссію. По опредѣленію В. Г. Тизенгаузена, въ кладѣ оказалось 285 экземпляровъ восточныхъ монетъ, а именно: 31 сасанидскихъ, 4 табаристанскихъ, 3 сасанидо-арабскихъ, 4 восточно-умейядскихъ, 204 аббасидскихъ, 3 завално-умейядскихъ, 23 ипривлекскихъ и 1 аглебилетая. Древнѣйшая монета въ кладѣ Хасраъ I, 21 года, а позднѣйшая Бадая, 178 года. Изъ этого клада 255 монетъ поступили на храненіе въ нумизматическое отдѣленіе Имп. Эрмитажа, а 30 переданы въ музей Кіевской Дух. Академіи (Дѣло Имп. Арх. Комиссіи № 22 за 1875 г.).

Самый богатый кладъ Черниговскими земле Рюриковичей былъ найденъ въ г. Черниговѣ въ огородѣ Елецкаго монастыря, вблизи Черной могилы; ларецъ оловянный желѣзкомъ былъ наполненъ золотыми украшениями, состоявшими изъ ожерелья, носовъ, браслетъ, серегъ и колецъ; кладъ поступилъ въ Имп. Эрмитажъ до открытія Имп. Арх. Комиссіи, и я не могъ получить объ этомъ кладѣ точныхъ свѣдѣній въ Эрмитажѣ.

Въ дѣлахъ И. А. Комиссіи имѣются свѣдѣнія о двухъ Черниговскихъ кладахъ. Первый изъ нихъ былъ найденъ двумя крестьянскими мальчиками, игравшими въ песѣхъ на Александровской площади; изъ этого клада поступили въ Комиссію и переданы въ

Включая следующие предметы: 2 золотых нолта,—подвесная серьга, украшенная съ лицевой стороны эмальными изображениями великомучениковъ Георгія и Дмитрія, а съ оборотной стороны—древа жизни, въ видѣ пальмы въ рѣзчикахъ, 13 золотыхъ цилиндрическихъ помушадичныхъ отъ ожерелья; створка серебрянаго браслета, украшенная тремя арочками, въ одной изъ которыхъ рѣзано изображение грифона; обломокъ большой серебряной четырехгранной цѣли, святой или кованной проволоки; шесть граненыхъ красныхъ изъ шифера (Дѣло Имп. Арх. Коммиссіи № 11 за 1887 г.). Второй изъ нихъ былъ найденъ въ 1883 г. въ ограждѣ Спасскаго собора, при копаніи могилы для погребенія гѣла протоіерей Пучковскаго. Изъ нихъ поступилъ въ Имп. Арх. Коммиссію и переданъ ею на храненіе въ Имп. архивъ (Дѣло № 11 за 1883 г.). Въ томъ же 1883 г. я былъ въ Черниговѣ, и мнѣ предложено было мѣстными свѣтскими и духовными властями произвести раскопку къ мѣстности могилы протоіерей Пучковскаго. Тогда же о находкѣ сказаннаго изъ нихъ и результатовъ моей раскопки въ № 23 Черниг. Еп. Извѣстій за 1883 г. была помѣщена статья священника Т. Стефановскаго, очевидно находка изъ нихъ и мѣстъ раскопки (воспользовавшись и мѣстъ раскопки дьякономъ), подъ заглавіемъ: „Раскопки на погостѣ Черниговскаго Кафедральнаго Собора въ 1883 г.“ Въ статьѣ говорится:

„Для погребенія кафедральнаго протоіерей Е. М. Пучковскаго, умершаго 23 января 1883 г., предназначено было рыть могилу при ЮВ-омъ углѣ алтарной стѣны темлаго Борисоглебскаго храма Черниговскаго Кафедральнаго собора; но когда приступили къ дѣлу, то рабочіе встрѣтили каменный склепъ, очень крѣпко сложенный изъ кирпичей; необходимость указала отступити на такое пространство, какое занимать этотъ склепъ. Начали рыть могилу около склепа и при этомъ работѣ нашли слѣдующія древнія вещи: два круглые золотыя медальона, по вершку въ діаметрѣ, украшенные жемчугомъ,—уцѣлѣло 19 зеренъ; 11 золотыхъ серегъ съ тремя бусами каждая, съ гнѣздами для жемчуга, на двухъ уцѣлѣли по одной жемчужинѣ; серебряная четырехгранная цѣль, сплетенная изъ толстой серебряной проволоки, съ эмальными концами, соединенными кольцомъ,—1 арш. и 6 верш. дл. и четверть вершка шир.; круглая серебряная цѣль, сплетенная изъ тонкой проволоки, съ эмальными концами, разломанная на куски, каковыхъ общая длина половина аршина, а толщина цѣли четверть вершка; обломокъ серебряной проволоки; три жемчужины; прицѣпа изъ темно-краснаго шифера. Общій вѣсъ золотыхъ предметовъ 30 золот., а серебряныхъ 23 золот. Въ печати заговорили о сей интересной находкѣ, что послало поводъ ученымъ, занимающимся разсказаніемъ историческіхъ памятниковъ, осмотрѣть склепъ. Указъ о семъ, профессоръ Варшавскаго университета Д. Я. Самковасовъ прибылъ въ Черниговъ, и съ вѣдома начальства 12 и 13 Августа 1883 г. произвелъ раскопку не только около склепа, но и около могилы П. Имъ вырыты были три пробныя ямы въ трехъ пунктахъ: а) съ юго-восточной стороны могилы по направленію съ С. на Ю. въ 3¼ арш. дл., 2 арш. ш. и 4 арш. гл.; б) съ западной стороны той же могилы по направленію съ В. на З., 3 арш. дл., 1½ арш. ш. и 4 ар. гл., и в) съ СВ-ой стороны той же могилы и возможности каменнаго склепа по направленію съ В. на З., 3 арш. дл., 2½ арш. ш. и 4 арш. гл. Въ первой ямѣ на различной глубинѣ встрѣчены 3 могилы съ человѣческими костями, въ положеніи христіанскаго погребенія, съ признаками гробовъ (слѣды стянвшаго досокъ и желѣзные гвозди); во второй ямѣ встрѣчены 4 могилы, подобныя предъидущимъ, а въ 3 ямѣ три могилы того же устройства. Во всѣхъ трехъ ямахъ на пятomъ аршинѣ,—материковый слой, состоящій изъ желтоватаго песка; до этого слоя вся прорытая земля представляла собою щель, подобной встрѣчаемому на городищахъ, т. е. состоящій изъ перемѣн расчистанныхъ вещей, черепковъ глиняной посуды, поломанныхъ частей различныхъ предметовъ, а также углей и проч. При раскопкѣ ямы № 3, съ Ю-ой ея стороны обнаружена кирпичная закладка, имѣющая направленіе изъ С. на Ю., параллельное съ В-ной алтарной стѣнѣ храма; длина этой закладки 6 ар., а ш. 3 арш. Съ З-ой стороны оказалось устье въ полъаршинъ ширины,

в ниже этого уступа на 1 1/2 арш. открыто аркообразное отверстие, заваленное битыми кирпичами. За этим отверстием оказалась склепъ, сложенный изъ кирпичей древней формы, связанными очень яркими известковыми цементомъ. Въ самомъ склепѣ, подъ грудой битого кирпича, найдено 8 челоуѣческихъ череповъ и много челоуѣческихъ костей, сложенныхъ въ безпорядкѣ; длина этого склепа по направлению съ В. на З. 3 ар. ш. 1 1/2 арш., а в. 1 ар. Нижняя часть его, на которой лежали челоуѣческія кости, была вырыта въ песчаномъ грунтѣ. Противъ отверстия, съ противоположной стороны оказалась стѣнка, раздѣляющая склепъ на двѣ части, которую составляли кирпичи, сложенные въ два ряда, а за этою стѣною оказалась второй склепъ, подобный первому, заваленный битыми кирпичами, что приводитъ къ заключенію, что и сѣ часть склепа осмотрѣна прежде, но неизвестно кѣмъ и когда. Въ лѣтописяхъ Черниговскаго епископальнаго собора нигдѣ не значится, чтобы на погостѣ когда либо были производимы раскопки съ научною цѣлію, и старожилы не знаютъ, кто и въ какое время осмотрѣвалъ этотъ склепъ, а потому, вопросъ о томъ, кто былъ похороненъ въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ древняго склепа остается не разрѣшеннымъ. Обращаясь къ описанію найденнаго при сѣхъ раскопкахъ, можемъ сообщить слѣдующее: изъ 20 череповъ, открытых во всѣхъ трехъ ямахъ, только 4 вынуты пѣльми; изъ нихъ два длинночелювые (должноцефалы) и два короткоголовые (брахицефалы). Въ шебѣ найдено: кусокъ оленьяго рога, гладко обработанный, длиной около четверти; пращевый камень изъ каряжскаго діорита, почти круглый, шлифованный; продырявленный каменный кружокъ (пращаница), выточенный изъ краснаго шифера, подобный найденному при копаніи могилы для протоіерея П.; кусокъ орнаментированнаго толстаго глинянаго сосуда, имѣющаго форму обыкновеннаго горшка; обломокъ ручки глинянаго сосуда, тоже съ орнаментами; обломокъ стекляннаго сосуда; обломокъ стекляннаго браслета*.

Изъ кладовъ Черниговщины, относящихся къ эпохѣ Рюриковичей, въ моемъ собраніи древностей имѣются бытовья ядальня и монеты, найденныя въ с. Горбовѣ Новгородсверскаго уѣзда и въ имѣніи Ф. Н. Терещенко Путивльскаго уѣзда.

Въ 1877 году Н. А. Томилонскій, бывшій предсѣдатель Новгородсверской Земской Управы, сообщилъ мнѣ, что въ с. Горбовѣ найдены кладъ, состоящій изъ серебряныхъ слитковъ, одинъ изъ которыхъ, съ отломаннымъ концомъ, переданный въ мою коллекцію древностей (281.—4175), ему удалось приобрести отъ мѣстнаго еврея за 5 рублей. По справкамъ оказалось, что кладъ былъ найденъ при расчисткѣ огорода въ с. Горбовѣ, принадлежаннаго мѣстному преставнику Петану Школьному, при владѣніи ручья Облици въ р. Десну. Кладъ состоялъ изъ большого глинянаго сосуда, разбитаго сокомъ, заключавшаго въ себѣ нѣсколько десятковъ равной формы серебряныхъ слитковъ, въсомъ каждая около трехъ четвертей фунта. Большая часть слитковъ была куплена у крестьянина-находчика по 20 и 25 копѣекъ за слитокъ мѣстными евреями, утѣржавшими крестьянина, что это были слитки олова, а не серебра. Мѣстной Поляндѣ удалось захватить и переслать Черниговскому губернатору около 30 слитковъ, изъ которыхъ пять поступили въ мое собраніе древностей (281—282.—4175—4180), а остальные въ Императорскую Археологическую Комиссію. Слитки—древніе рубли отличаются своими формами отъ формъ серебряныхъ рублей, бывшихъ до сихъ поръ известными: кievскихъ, черниговскихъ, новгородскихъ, рязанскихъ и др.

Въ 1878 году Б. И. Канелка сообщилъ мнѣ, что въ имѣніи Ф. Н. Терещенко, въ Путивльскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, при расчисткѣ оврага, были найдены кладъ, состоящій изъ серебряныхъ украшеній.—напоянниконъ, ожерелій, браслетъ, кольцо и пр., и передалъ изъ этого клада въ мое собраніе древностей слѣдующіе предметы: серебряную узорчатую подвѣску (281.—4181), серебряный перстень, съ фигурною вращаею бляхою, украшенною узоромъ подъ черпакъ (4182), и серебряный перстень съ узорчатою ажурною вращаею половинною изъ тонкой серебряной проволоки (4183).

Киевские и черниговские казды показывают ясно, что эпоха опустошения Русской земли Татарами была временем расцвѣта русскаго искусства, за которым слѣдовала эпоха его упадка, въ которую русское искусство ограничивалось почти исключительно воспроизведе- ниемъ старыхъ образцовъ, такъ какъ терпѣтъ стремленіе къ воспроизведенію идеаловъ и ограничивается ремесленными издѣліями жизненной необходимости. Иначе и не могло быть въ эпоху господства Монголовъ надъ Россіей, когда Русская земля обдѣляла съ каж- дымъ годомъ, уплачивая тяжелую дань своему завоевателю.

Въ послѣдней части моей коллекціи древностей, рядомъ съ бытовыми предметами, найденными на Киевской горѣ, помѣщаются нѣсколько предметовъ христіанскаго времени, приобретенныхъ отъ разныхъ лицъ, а именно:

Серебряная цѣлочка съ серебрянымъ наперстнымъ крестомъ, на которомъ выбиты релье- фомъ молитва и восьмиконечный крестъ съ вѣнкомъ, найденные въ гробѣ каменной гроб- ницы, открытой въ 1877 году у паперги главнаго храма Спасскаго монастыря въ Новгородѣ- сѣверскѣ (5413); 22 золотая, серебряная и бронзовая цѣлочка отъ древнихъ святитель- скихъ одеждъ Спасскаго монастыря въ Новгородѣ-сѣверскѣ (5414—5420); предметы изъ кол- лекціи христіанскихъ древностей Н. А. Прохорова: 2 серебряныя цѣпочки, четыре бронзо- выхъ образца, изъ которыхъ одинъ (5423) эмалированный, одинъ бронзовый и три серебря- ныхъ наперстныхъ крестика (347.—5421—5420).

Въ той же части моей коллекціи помѣщаются нѣсколько предметовъ древности, частью найденныхъ мною лично, частью приобретенныхъ отъ разныхъ лицъ, изъ разныхъ мѣсто- стей: искусственно рафинированный чаловѣчскій черепъ изъ катакомбы, открытой на горѣ Митридата въ Карчи (№ 5218); предметы изъ гробовидныхъ гробницъ, сложенныхъ изъ известковыхъ плитъ, помѣщенныхъ подъ рожною поверхностью горы Митридата и другихъ мѣстъ окрестностей Карчи, расположенныхъ тайномъ мѣстнымъ жителями; бусы равной формы и разнаго состава, двѣ металлическія бусы съ сохранившимся слуркомъ, металлическія подвѣски, массивная продолговатая бронзовая пластина съ ушкомъ по- срединѣ, бронзовая пялечка, массивная бронзовая бляха съ отломанными боковыми ушками, фрагментъ металлическаго зеркала съ центральнымъ ушкомъ, двѣ бронзовыя бляхи формы металлическихъ зеркалъ, изъ которыхъ одна окаймлена дырочками по окру- жности (332.—5219—5235); продолговатая четырехгранная косточка съ нарѣзками на гребнѣ, состоящими изъ чередующихся крестиковъ и параллельныхъ линій, бронзовые фбулы, сережки, кольца, браслеты, подвѣски бляхи и пряжки (оттуда-же: 339.—5236—5281).

Костяной и желѣзный ушки-исалии отъ удила изъ кургана окрестностей с. Аксютинны, Ромненскаго уѣзда, Полтавской губерніи (5282, 5283); круглая узорчатая ажурная бронзовая бляха, проволочный бронзовый браслетъ и четырехгранный желѣзный наконечникъ стрѣлы изъ окрестностей Галицы въ Осетин (5284—5286); фрагменты двухъ металлическихъ зеркалъ, двѣ плоскія каменныхъ прядыравленныхъ оселка, два бронзовыхъ и одинъ желѣзный наконечникъ стрѣлы и прядыравленный зубъ хищнаго животнаго изъ кургана окрестно- стей колоніи Константиновка, подъ Пятигорскомъ, расположенныхъ мѣстными жителями (5291); голова гризуна, часто встрѣчающагося въ древнихъ могилкахъ (5292); шесть желѣз- ныхъ наконечниковъ стрѣлъ изъ святаго мѣста въ Осетин (340.—5287—5297, №№ 5298—5300); пятнадцать ромбовидныхъ узорчатыхъ бронзовыхъ бляшекъ отъ поясковъ, найденныхъ г. Довицкимъ въ могильникѣ Колесовой губерніи, въ урочищѣ Яова Гурга (5301— 5306); обломокъ ручки ножа съ бронзовымъ колышкомъ и оклепке желѣзные предметы изъ кургана окрестностей Луцка, Волынской губерніи (5307—5310); узорчатая бронзовая бляшка изъ кургана окрестностей Триполья, Киевской губерніи (5311); желѣзный обломокъ и гвозде- образная бронзовая проколка съ боковыми ушками, найденные на Ритичевскомъ городищѣ, Киевской губерніи (5312, 5313); два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, найденныхъ въ Гали- ции, близъ Коломыж, у деревни Белелы (5314, 5315), по мѣстному преданію, на мѣстѣ

бывшаго татарскаго побойца (слюби г. Святалевица); фрагментъ желѣзнаго ножа, желѣзное огибло и лѣвъ глинныя пряслица, найденныя на песчаной россыпи подъ Булагоріей; глиняныя пряслица и желѣзное долото (5321), найденныя подъ мусорокъ при человѣчeskихъ костяхъ въ одной изъ каменныхъ пещеръ нижняго яруса подъ Ижераманомъ (549, 5501-5521).

Заключеніе.

Сущность историческихъ выводовъ, вытекающихъ изъ вышеизложенныхъ археологическихъ фактовъ и историко-географическихъ свидѣній, относящихся къ народамъ, обитавшимъ въ Россіи въ историческое время, выражаются въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Обитателями земли, лежащей надъ Чернымъ моремъ между Дономъ и Дунаемъ, древнѣе греческіе поэты, историки и географы, начиная со времени Гомера именовали Скитами—Климеріанами. Этотъ народъ оставилъ памятниками своей жизни въ южной Россіи много могильныхъ курганы, бытовья издѣлія изъ которыхъ состоятъ только изъ дерева, кости, глины, камня и жѣла, при полномъ отсутствіи издѣлій изъ золота, серебра, бронзы и желѣза.

Въ VII в. до Р. X. Климеріанская надпоягиская земля перешла въ владѣніе народа, именовавшаго себя Сколотами, а у Грековъ прозваннаго Скитами. Этотъ народъ принесъ въ области Ассирійскаго царства VII в. до Р. X. иранскіе погребальныя обряды, верованія, политическое устройство, частію языкъ и внѣшнюю культуру. Сколоты оставили въ своихъ могилахъ, лежащихъ первыми своими надъ могилами Климерійскими, множество издѣлій ассирійскаго искусства изъ золота, серебра, бронзы и желѣза. Надпоягиское царство, основанное Сколотами между Дономъ и Дунаемъ, дѣлилось на области, занятыя родственными племенами, состоявшими подъ главенствомъ Царскихъ Скитовъ или Парлатовъ, имѣвшихъ кладбище своихъ царей въ области р. Сузы.

Въ 338 году до Р. X. царство Парлатовъ было разрушено Филиппомъ Македонскимъ. По ульзненіи Филиппа, въ области племена Царскихъ Скитовъ—Сколотовъ переданнулось изъ за Дона племя, родственное Сколотамъ по происхожденію и языку, именуемое Греками Сарроматскими, а Римлянами Сарматами, и въ области бывшаго Сколотскаго царства образуются двѣ новыя державы: царство Россаланъ-Аерсонъ-Россовъ на востокъ отъ Днѣпра и царство Гетовъ или Даковъ на западъ отъ Днѣпра; первое было заселено помадичскими скито-сарматскими племенами, подъ главенствомъ племени Россаланъ, а второе составляло союзъ обѣданныхъ скито-сарматскихъ племенъ, подъ главенствомъ племени, именуемаго у древнихъ Грековъ Гетами, а у Римлянъ Даками.

При римскомъ императорѣ Траянѣ, обратившемъ царство Гетовъ въ римскую провинцію Дакия, гето-дакийскія племена выдвинулись за сѣверные и восточные предѣлы римской провинціи Дакия, — въ области Вислы, гдѣ образуютъ Ляхское государство, — прародному племени польскаго языка, и въ области средняго течения Днѣпра, лежаща надъ днѣпровскими порогами, въ бассейнахъ р.р. Росы, Сузы, Нила и Ворсклы, гдѣ соединились съ родственными племенами Россаланъ и образуютъ государство Скитовъ-Сарматовъ-Россовъ, — прародному вароловъ русскаго языка.

Памятниками быта Скито-Сарматовъ времени обособленнаго существованія царствъ Россаланъ и Гетинъ являются могилы южной Россіи, содержащія бытовья издѣлія римскаго состава вполнѣ высшей степени развитія греческаго искусства; а памятниками скито-сарматскихъ племенъ времени господства Римлянъ въ Дакии являются могилы древнѣхъ Ляховъ и Россовъ, содержащія монеты и другія бытовья издѣлія римскаго искусства императорской эпохи.

Въ VIII в. завоевательный натискъ скыто-сарматскаго племени, именуемаго въ источникахъ Козарями, имѣлъ своимъ слѣдствіемъ выселеніе народонаселенія изъ русской прародины на лѣсныя побережья рѣкъ, гдѣ въ IX и X ст. русскій летописецъ указываетъ жилища русскыхъ племенъ скыто-славянскаго происхожденія, разорванныхъ географически и политически, но говорящихъ однимъ русскимъ языкомъ, поклоняющихся однимъ богамъ и имѣющихъ одно русское право, вынесенныя изъ обичай ихъ русской прародины.

Намъ видна въ это время существованія обособленныхъ русскыхъ племенныхъ княженій являющіяся могилами, датированныя монетами и другими бытовыми надѣлами искусства арабскаго, византійскаго и германскаго.

Первыми Киевскими князьями Рюрикова рода русскія племена объединяются въ одинъ Русскій народъ, въ концѣ X в. принимаютъ христіанство и замѣняютъ языческіе способы похоронъ покойниковъ христіанскимъ образомъ погребенія.

Д. Саломасовъ.

15 июля 1908 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.		Стр.
Предисловіе.		Курганы Бессарабіи, Аккерманскаго уѣзда, окрестностей деревни Шабллага	20
Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей профессора Д. Я. Самойлова	1	Могилы Терекской области	22
Коллекція каменныхъ орудій изъ гробницы и кургана въ Даніи	1	Каменные гробницы у горы Верблюда, въ окрестностяхъ кургана Дыденія	22
Предметы изъ неандерта мавонта въ окрестности села Ойцова, Ольшутинскаго уѣзда, Кіевской губерніи	2	Курганы у Кисловодска, въ урочищѣ Три камня	23
Находки на песчаныхъ рожницахъ	2	Курганы, подъ Пятигорскомъ, у колоній Карраса	31
Находки на бережьяхъ р. Волги и ея притоковъ	3	Курганы подъ Пятигорскимъ, у колоній Константиновки	32
Находки на бережьяхъ р. Десны и ея притоковъ	4	Находки въ Осетіи, у аула Чмы, въ урочищѣ Царца	36
Юхновское городище Новгородскаго уѣзда, Черниговской губерніи	4	Случайныя прибрѣтенія.	
Могилы.		Бытовые предметы Кобякенаго могильника	39
Отдѣлъ I. Могилы киммерійской эпохи.		Находки въ гробницѣ кургана у Кисловодской станицы	40
Гробница подъ Наршавою, у деревни Чеховице	6	Находки рязанскихъ мѣсть	41
Каменная гробница подъ Новогеоргиевскомъ, у деревни Кисеева	7	Общая характеристика устройства и содержанія могилъ киммерійской эпохи	41
Каменная гробница Варнавской губерніи, Невадскаго уѣзда, въ мѣстѣ Осевцынъ	7	Устройство большахъ курганахъ и каменныхъ гробницъ области Пятигорья	50
Курганы Кіевской губерніи, Черкаскаго уѣзда, у деревни Гамарки	8	Содержаніе могилъ большахъ курганахъ области Пятигорья	52
Курганы Кіевской губерніи, Каневскаго уѣзда, у села Рессави	10	Древности большахъ курганахъ области Пятигорья	53
Курганы Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, у мѣстечка Рышановки	11	Отдѣлъ II. Могилы скифо-сарматской эпохи.	56
Курганы Натальской губерніи, Переяславскаго уѣзда, у села Войнацы	14	Древности окрестностей Керчи и Тамани	58
Курганы Ематорноосманской губерніи, Александровскаго уѣзда, у села Новогеоргиевки	14	Древности Италія	60
Курганы Черниговскаго уѣзда, мѣстечка Олшутинъ	18	Могилы окрестностей Чингизъ-Кастеллана и Орвиетто	60
Курганъ Курсканаго уѣзда, у села Воробьевки	19	Эпоха появленія яды Чернымъ моремъ скифо-сарматскаго племени	62
Курганъ въ окрестностяхъ Ематоріи, у Майданскаго озера	20	Средства опредѣленія древнѣйшихъ могилъ скифской эпохи	64
		Древнѣйшія могилы скифской эпохи	66
		Курганы Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, на поляхъ мѣстечка Рышановки	71

Стр.		Стр.
90	Древность Рымаровских курганов	Содержаніе греческихъ могилъ въ южной Рос-
94	Ремесленскіе курганы Полтавской губерніи	сіи
95	Курганы у села Александровки, въ урочищѣ Ста-	149
109	Курганы урочища Сладкое, у села Александровки	Устройство и содержаніе могилъ въ окрестно-
110	Курганы урочища Цепова дуба, у села Великаго	стяхъ древней Италіи въ окрестности Афинъ
110	Будя	о раскопкахъ 1838 г.
110	Курганы урочища Провалье, у села Великаго	150
110	Будя	Греческія гробницы окрестностей древней Фа-
111	Курганы у села Герасимовки	валорія
112	Курганы въ городѣ Ромашки	157
112	Курганы деревни Дозовой, имѣнія П. А.	Письмо директора Керченскаго музея С. И.
112	Маркелова	Черепнина 1879 г.
113	Курганы урочища Камыши, близъ села Ярко-	158
113	линны	Значеніе греческихъ могилъ въ опредѣленіи
113	Курганы урочища Кружакъ у села Сурма-	могилъ сарматскихъ
114	чевки	160
114	Курганъ Исмаилъ могила	Могила раскопанная при раскопкахъ периода
114	Курганы Киевской губерніи, Каневского уѣзда,	164
114	у села Иболовки	Россия—Грузія—Дачи первыхъ столѣтій до Р. Х.
121	Курганы Екатеринославской губерніи, Алексан-	166
121	дровскаго уѣзда, у села Новогригорьевки	Могила Россия
122	Курганъ Запорожской губерніи, Мелитополь-	Отдѣлъ III. Могила русской эпохи.
122	скаго уѣзда, у села Большой Звонки	Капачковскія могильники въ Тагаурскомъ
123	Могила въ окрестности Пятигорска, у колоніи	уѣзда, близъ села Чмы, въ Осетіи
123	Каррава, на Чесноковъ горѣ или Чесноковъ	175
123	кургани	Капачковскій могильникъ въ урочищѣ Харль,
127	Могила въ окрестности Пятигорска, у колоніи	близъ Балтской станціи Военно-Грузинской
127	Каррава, въ урочищѣ Длинный курганъ	дороги
128	Могила въ окрестности Пятигорска	185
128	Малетскій могильникъ у Военно-Грузинской	Каменные гробницы въ урочищѣ Харль, близъ
129	дороги	Балтской станціи Военно-Грузинской дороги
130	Курганы Бессарабин, Аккерманскаго уѣзда	186
131	Курганы у деревни Шабалата	Скульптурныя приобщенія
132	Курганы у деревни Катарики	187
132	Могила Екатеринославской губерніи, Алексан-	Чернышковскіе курганы
132	дровскаго уѣзда, у с. Новогригорьевки	188
136	Общая характеристика могилъ эпохи сарматской	Курганы съ восточными
137	эпохи	192
137	Могила сарматскаго периода	Троицкая группа
137	Организація Словянского царства	193
138	Обряды погребенія	Отраженская группа
139	Устройство могилъ	193
141	Содержаніе могилъ	Гушиевская группа
146	Могила сарматскаго периода	193
146	Происхожденіе иллірическихъ сарматскихъ	Большой курганъ Гушиевской группы
146	государствъ	199
148	Средства опредѣленія могилъ сарматскаго пери-	Курганы съ кострами
148	ода	195
149		Гульбище
149		197
149		Черная могила
149		Курганы Чернышковскаго уѣзда, у мѣстечка Ока-
149		нана
149		201
149		Курганы съ восточными
149		201
149		Курганы съ погребальными сосудами
149		204
149		Курганы съ костями
149		205
149		Курганы со срубной гробницей
149		205
149		Курганы Чернышковскаго уѣзда, у дачи Мил-
149		анна
149		206
149		Курганы Чернышковскаго уѣзда, у мѣстечка Го-
149		рода Березки
149		206
149		Курганы Чернышковскаго уѣзда, у села Березки
149		206
149		Курганы Словянскаго уѣзда, у мѣстечка Мачы
149		206
149		Курганы Константиновскаго уѣзда, у станціи Бах-
149		мачь-Романовскій Ландварово-Романовскій же-
149		лѣзной дороги
149		206
149		Курганы Новгородскаго уѣзда, у села Ла-
149		ришова
149		207
149		Курганы Новгородскаго уѣзда, у села Хо-
149		ростовичей
149		207

	Стр.
Курганы Кролевещанно уѣзда, у хутора Холодо- нова	207
Курганы Стародубскаго уѣзда, у с. Моркивки	208
Курганы Стародубскаго уѣзда, у села Ленивки	208
Курганы со срубными гробницами	209
Курганы съ вастраницами	209
Курганы Глуховскаго уѣзда, у села Волоки- тана	210
Курганы Курской губерніи, Путчалъскаго уѣзда, у села Марьяновки	211
Курганы на границѣ Путчалъскаго и Сумскаго уѣздовъ, у хутора Обтока	211
Курганы Курскаго уѣзда, у села Блѣвки, де- ревни Александровки и деревни Городища	212
Курганы Курской губерніи, Суджанскаго уѣзда, у Бѣлогорскаго Нивацкаго монастыря	212
Курганы Курской губерніи, Суджанскаго уѣзда у города Мирополья	216
Курганы Полтавской губерніи, Ромненскаго уѣзда, у города Глинца	217
Курганы Ромненскаго уѣзда, въ городѣ Гаянскѣ	218
Курганы Полтавской губерніи, Ромненскаго уѣзда, у села Медвѣжьего	219
Курганы Полтавской губерніи, Ромненскаго уѣзда, у села Липового	219
Курганы Полтавской губерніи, у города Переж- скаго	220
Курганы въ окрестностяхъ Кіева	221
Курганы Кіевской губерніи, Каплевскаго уѣзда, въ окрестностяхъ села Росславы	222
Курганы Кіевскаго уѣзда, у села Трехполья	220
Могильники Царства Польскаго, Сѣдлецкой гу- берніи, Векероускаго уѣзда, у с. Грембиона	226
Могильники съ погребальными урнами возлѣ города Млавы, Плонской губерніи	227

	Стр.
Могильники съ погребальными урнами въ окрестностяхъ Варшавы	227
Курганы Петербургской губерніи	231
Общая характеристика языческихъ могилъ рус- ской эпохи	231
<i>Болгарскія могилы</i>	<i>232</i>
<i>Русскія могилы</i>	<i>235</i>
Курганы повальскаго народа	236
Отдѣлъ IV. Могилы Половцко-татарской эпохи.	
Верхнія могилы въ курганахъ Каммерійской и свято-сарматской эпохъ въ Каплевскомъ и Черемшанскомъ уѣздахъ	237
Курганъ Курскаго уѣзда, у деревни Камковой	238
Курганы Екатеринославской губерніи, Але- ксандровскаго уѣзда, у села Номсунгорь- скаго	238
Курганы Екатеринославской губерніи, Ново- миловскаго уѣзда, у деревни Вороной	239
Курганы Терской области	242
Курганы подъ Натикгорскомъ, у холма Бар- раса	242
Курганы подъ Натикгорскомъ, у холма Ко- ставчиновки	249
Могильники у Киселовской станицы, въ ур- очьяхъ вблизи Третьей балки	252
Общая обзорная картина половецко-татарской эпохи	253
Отдѣлъ V. Древнѣйшія русскія могилы христиан- скаго времени, городища и клады	254
Древнѣйшія русскія христианскія могилы	254
Городища	257
Пещера Биббашъ Коба	260
Клады	261
Заключеніе	270

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

	Стр.		Стр.
М.№ 1 и 2. Вертикальный разрезъ и дно могилы въ Пискаревъ курганѣ Каневского уѣзда, у с. Россавы	11	М.№ 49 и 50. Вертикальный и горизонтальный разрезъ кургана № III и его гробница Романскаго у., у с. Алексюхины	102
М.№ 3. Гробница кургана № I у Кисловодска	24	М.№ 51. Дно нижней гробницы кургана № III Романскаго у., у с. Алексюхины	103
М.№ 4. Гробница кургана № II у Кисловодска	25	М.№ 52 и 53. Вертикальный и горизонтальный разрезъ кургана Острой могилы съ кострищами Каневского у., у с. Яблоновки	113
М.№ 5. Гробница кургана № III у Кисловодска	26	М.№ 54 и 55. Вертикальный и горизонтальный разрезъ гробницы съ кострищемъ Острой могилы Каневского у., у с. Яблоновки	110
М.№ 6. Вертикальный разрезъ кургана № IV у Кисловодска	26	М.№ 56 и 57. Вертикальный и горизонтальный разрезъ кургана № II и его гробница Каневского у., у с. Яблоновки	118
М.№ 7—12. Вертикальн. и горизонтальн. разрезъ гробницы въ курганѣ № 4 у Кисловодска	27—29	М.№ 58. Дно гробницы кургана № II Каневского уѣзда у села Яблоновки	119
М.№ 13. Верхняя гробница кургана № V у Кисловодска	30	М.№ 57. Планъ г. Чернигова съ его курганами	129
М.№ 14. Нижняя гробница кургана № 5 у Кисловодска	31	М.№ 58 и 59. Вертикальный и горизонтальный разрезъ кургана № I съ востанкомъ у г. Чернигова	121
М.№ 15 и 16. Вертикальный и горизонтальный разрезъ кургана у Пятигорска	32	М.№ 60 и 61. Вертикальный и горизонтальный разрезъ кургана съ человеческими и лошадиными востанами у д. Гулякино, вождь Черниговомъ	134
М.№ 17 и 18. Расположеніе и видъ кургана въ Звенигородскаго у., у м. Рыжановки	31	М.№ 62. Оружіе и вооруженіе, найденныя въ жертвенной части Черниговскаго кургана Гулякино	126
М.№ 19—22. Вертикальный и горизонтальный разрезъ большого кургана у м. Рыжановки по рисункамъ г. Оссовскаго	32—34	М.№ 63. Вертикальный разрезъ Черниговской Черной Могилы	128
М.№ 23—32. Выкопки надѣлы Рыжановской катакомбы по рисункамъ г. Оссовскаго	35—37	М.№ 64. Вооруженіе и туръя роля, найденныя въ жертвенной части кургана Черной Могилы въ Черниговѣ	128
М.№ 33. Предметы, найденныя на землѣ, выбросенной изъ той же катакомбы	31	М.№ 65. Кострище кургана Черной Могилы въ Черниговѣ	129
М.№ 34 и 35. Вертикальный и горизонтальный разрезъ второго большого кургана и его гробницы у м. Рыжановки	32, 33	М.№ 66 и 67. Вертикальный и горизонтальный разрезъ кургана № I съ востанкомъ Суджанскаго уѣзда, у Николаевской Едлостарской пустыни	219
М.№ 36 и 37. Вертикальн. и горизонтальн. разрезъ кургана № III у м. Рыжановки	36 и 37	М.№ 68. Дно могилы съ человеческими и лошадиными востанами кургана № I Каневского у., у с. Россавы	224
М.№ 38. Фрагменты terra-cotta сосуда изъ гробницы кургана № IV у м. Рыжановки	38	М.№ 69. Могилы съ погребальными урнами могильница Италія, у Чанитта-Веккии	229
М.№ 39 и 40. Вертикальный и горизонтальный разрезъ большого кургана съ кострищемъ № VII у м. Рыжановки	39	М.№ 70—76. Погребальная урна и гробница царства Польскаго	229
М.№ 41 и 42. Вертикальный и горизонтальный разрезъ многомогильнаго кургана у м. Рыжановки	31	М.№ 77. Дно верхней гробницы кургана № II съ человеческими и лошадиными востанами Каневского у., у села Яблоновки	237